Ф. Раззаков

Самая полная биография великого актера

Андрей Миронов: баловень судьбы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Андрей Миронов… Кумир миллионов…

Актер милостью Божьей…

Он играл всегда: на сцене своего родного, никогда не предаваемого им Театра сатиры, на съемочных площадках кинофильмов, исполняя свои песни, он не переставал играть и в жизни, которой Господь отпустил ему до обидного мало лет. Миронов и умер на сцене, играя роль, наиболее полно раскрывающую суть его таланта, – Фигаро в бессмертной комедии Бомарше.

Он прожил слишком много человеческих жизней, не особо заботясь о своей собственной… Миронов был из плеяды тех великих русских актеров, для кого талант и профессионализм были слиты воедино. Может быть, поэтому не чувствовалось фальши ни в одной из сыгранных им ролей. И может быть, поэтому так важно нам сейчас проследить шаг за шагом, день за днем все этапы пути этого Артиста в самом высоком значении слова…

- Федор Раззаков
  - Часть первая
    -
    - 1964
    - 1965
    - 1966
  - Часть вторая
    - 1967
    - 1968
    - 1969
    - 1970
    - 1971
    - 1972
    - 1973
    - 1974
  - Часть третья
    - 1975
    - 1976
    - 1977
    - 1978
    - 1979
    - 1980
    - 1981

- 1982
- 1983
- 1984
- 1985
- 1986
- 1987

- Эпилог
- Хроника жизни и творчества Андрея Миронова
  - 1941
  - 1942
  - 1948
  - 1950
  - 1952
  - 1955
  - 1958
  - 1960
  - 1961
  - 1962
  - 1963
  - 1964
  - 1965
  - 1966
  - 1967
  - 1968
  - 1969
  - 1970
  - 1971
  - 1972
  - 1973
  - 1974
  - 1975
  - 1976
  - 1977
  - 1978
  - 1979
  - 1980
  - 1981
  - 1982
  - 1983
  - 1984
  - 1985
  - 1986
  - 1987
  - 1988

- 1990
- 1997

- Дискография Миронова (гибкие грампластинки и диски)
  - 1969
  - 1972
  - 1977
  - 1979
  - 1980
  - 1982
  - 1983
  - 1984
  - 1988
- От автора

Федор Раззаков
Андрей Миронов: баловень судьбы

Часть первая
Андрюша

Андрей Миронов родился **8 марта 1941 года** в Москве в актерской семье (эту дату указывают официальные справочники, но на самом деле Миронов появился на свет на день раньше, 7 марта, однако его мама эту дату исправила, чтобы рождение сына было своеобразным «подарком» к женскому празднику). Его отец – Александр Менакер – начинал свою артистическую карьеру с музыкальных фельетонов, затем стал совмещать исполнительство с режиссурой. Мать – Мария Миронова – окончила Театральный техникум имени Луначарского и выступала сначала в Театре современной миниатюры, затем во 2-м МХАТе и в Московском государственном мюзик-холле (иногда снималась в кино, в основном в ролях второго плана, но была у нее и «визитная карточка» – роль секретарши Бывалова в «Волге-Волге»). Стоит отметить, что до своей встречи оба родителя Андрея успели побывать в браке. Так, Менакер с 1935 года был женат на артистке Ирине Ласкари, и в этом браке в июле того же года у них родился сын Кирилл. А Мария Миронова с 1932 года была замужем за талантливым режиссером-документалистом Михаилом Слуцким, но у них детей не было.

Знакомство Менакера и Мироновой произошло в 1938 году за кулисами Театра эстрады и миниатюр. В перерывах между выступлениями артисты играли в популярную игру «балда», где Миронова была фаворитом – почти никогда не проигрывала. Именно эта черта и поразила в ней Менакера. Он стал к ней присматриваться, надеясь при первой же возможности познакомиться поближе. Однако это ему долгое время не удавалось, поскольку после каждого концерта Миронову встречал у служебного выхода ее супруг. Но Менакер продолжал надеяться. И счастье ему улыбнулось. Однажды стылым осенним днем Слуцкий не смог вырваться к жене, и Менакер немедленно воспользовался ситуацией. Навязавшись в провожатые, он проводил Миронову до парадного подъезда ее дома в Нижнекисельном переулке. Правда, первая прогулка выглядела не слишком романтично – всю дорогу они говорили исключительно о работе. Но впечатление друг о друге у обоих сложилось весьма лестное. Окрыленный этим успехом, Менакер спустя несколько дней назначил Мироновой новое свидание – у памятника А. Островскому, что возле Малого театра. Именно с этой встречи, собственно, и начался их роман. Отныне все

свободное время Менакер и Миронова проводили вместе, гуляя по Москве (любимым местом их прогулок был Александровский сад). А когда гастрольная судьба вынудила их расстаться (Менакер уехал с гастролями в Харьков), оба только и делали, что считали дни и с нетерпением ждали момента, когда судьба снова сведет их вместе. Ждать пришлось недолго: уже зимой того же 1938 года Менакер вернулся в Москву, чтобы участвовать в сборных концертах в зимнем театре сада «Аквариум». Романтические свидания возобновились. Влюбленные чаще всего встречались под сценой театра или в закулисных закоулках.

Несмотря на то, что влюбленные тщательно конспирировались, скрыть от коллег свои отношения им так и не удалось. Узнал об этом и муж Мироновой, однако скандала затевать не стал. Ему казалось, что это всего лишь мимолетное увлечение супруги, которое обязательно пройдет. Но он ошибся. Летом 1939 года, когда Менакер и Миронова гастролировали в Ростове-на-Дону, Миронова приняла окончательное решение расстаться со Слуцким. Внешне все выглядело спонтанно. Влюбленные сидели в тесной актерской компании в гостиничном номере, когда Миронова внезапно поднялась из-за стола и, отойдя в сторону, стала что-то писать. Подождав, когда все разойдутся, Менакер тактично поинтересовался у возлюбленной, что это она так сосредоточенно писала. «Письмо Мише Слуцкому, – последовал ответ. – В нем я сообщаю, что мы должны расстаться».

Письмо должен был вручить Слуцкому режиссер Давид Гутман. Но тот поступил непорядочно. Пока ехал в Москву, не удержался от искушения и заглянул в конверт. И, когда приехал в Москву, рассказал о содержимом письма своему приятелю – сценаристу Иосифу Пруту. А тот, в свою очередь, разнес эту новость всей столичной богеме. Вечером того же дня эта новость дошла до Слуцкого. Говорят, он был в шоке. Он искренне любил Миронову, многое ей прощал и совершенно не ожидал такого поворота событий. Но дело было сделано, и поворачивать назад Миронова была не намерена. Она была женщиной волевой, властной и никогда не меняла ранее принятых решений. Не случайно в актерской среде за ней закрепилось прозвище «ведьма с голубыми глазами».

Что касается жены Менакера Ирины Ласкари, то она о романе супруга не догадывалась и продолжала пребывать в неведении до августа 1939 года. Когда влюбленные вернулись с гастролей в Москву, первое, что сделал Менакер, – объяснился с женой. Она с трехлетним сыном вернулась после летнего отдыха с Волги и поджидала мужа в гостинице «Москва», чтобы через несколько

дней отправиться вместе с ним в родной Ленинград. Но совместного возвращения не получилось. Как вспоминал сам Менакер, объяснение с женой вышло тихим, нескандальным. Ирина все поняла и отпустила мужа на все четыре стороны. И в тот же день уехала с сыном в Питер. Менакер приехал туда днем позже, чтобы сообщить радостную новость Мироновой (она была там на гастролях). Вскоре Менакер и Ирина оформили развод, и на следующий же день они с Мироновой официально скрепили свой союз. На календаре было 26 сентября 1939 года.

Между тем уже спустя несколько дней после бракосочетания молодая семья едва не распалась. Виноват был Менакер. Он в ту пору вел дневник, который и стал причиной скандала. Это случилось 2 октября. В тот день Менакер приехал в Москву и заночевал у Мироновой. Это событие нашло свое отражение в его дневнике, в котором он записал свои краткие впечатления: мол, приехал в Москву, остановился у Мироновой. И неосмотрительно оставил дневник на ночном столике. Утром хозяйка проснулась раньше него, заглянула в дневник… и устроила дикий скандал. В таком гневе Менакер ее до этого никогда еще не видел. Она кричала, что он может убираться к чертовой матери, что она не публичная девка, у которой можно «остановиться». Буря бушевала больше часа. Но даже когда утихла, Миронова в течение нескольких дней продолжала дуться на супруга. И тому стоило больших усилий буквально вымолить у нее прощение. Как напишет позднее он сам: «Потом я не раз переживал эти внезапные мироновские вспышки. Но тогда меня можно было поздравить с премьерой. Ничего не поделаешь, таково свойство ее характера».

На момент замужества Миронова ушла из мюзик-холла и работала в Театре эстрады и миниатюр на улице Горького. А после того, как осенью 39-го в этот же театр пришел работать и ее супруг Александр Менакер, они стали выступать вместе. Впервые их фамилии были объявлены в одном эстрадном номере 10 октября: они исполняли стихотворение И. Уткина «Дело было на вокзале» и песенки-диалоги Л. Давидович «Случай в пути» и «Телеграмма». Вместе они отправились и на 1-й Всесоюзный конкурс артистов эстрады, который проходил в Москве в декабре того же года. Там они выступали дуэтом и по отдельности: Миронова исполняла интермедии, а Менакер делал пародии. Последние его и погубили, поскольку он делал пародии и на артистов, которые входили в состав жюри. Миронова чуть ли не умоляла мужа не исполнять эти пародии, но Менакер ее не послушал. В итоге она удостоилась звания лауреата, правда, заняла третье место, а Менакер заработал утешительный

похвальный отзыв.

Весной 1940 года в репертуаре Мироновой появилась новая интермедия – «Нужна няня» Леонида Ленча. Миронова играла все роли – трех разных нянь, которые приходят устраиваться в разные дома на работу. И надо же было такому случиться, что в разгар репетиций над этой интермедией – в конце мая 1940 года – Миронова забеременела. Тогда никаких узи еще не существовало, и пол ребенка определить было практически невозможно. Но у будущих родителей были уже свои планы на этот счет. Менакер, у которого один сын уже был, хотел девочку, а вот Миронова загадала мальчика. Кому из них повезло, мы уже знаем.

Между тем чуть ли не до последнего дня Миронова продолжала выступать на сцене. Ее друзей это конкретно пугало, а вот дирекция театра была в восторге – спектакли с участием Мироновой собирали неизменные аншлаги, и ее уход в декретный отпуск грозил театру убытками. Поэтому беременной актрисе создавались все условия для работы: ее не загружали на репетициях, пораньше отпускали домой. И даже интермедию соответствующую придумали: она играла упитанную блондинку-маникюршу из парикмахерской гостиницы «Метрополь».

В канун Международного женского дня 8 марта в Театре эстрады и миниатюр, как всегда, шло представление. Миронова тоже в нем была занята, хотя врачи предупреждали ее об опасности такой ситуации – она вот-вот могла родить. Но актрису это не испугало. И в результате: прямо во время исполнения миниатюры «Жестокая фантазия» у Мироновой начались схватки. Коллеги немедленно вызвали «Скорую», которая увезла роженицу в роддом имени Грауэрмана на Арбате. Стоит отметить, что Менакер узнал об этом одним из последних. Он в этом спектакле играл роль дирижера и находился в оркестровой яме, исполняя куплеты. Когда во втором отделении среди артистов Менакер не увидел своей супруги, ему стало дурно. А тут еще Рина Зеленая, игравшая одну из героинь, пыталась знаками показать ему, что Миронову увезли в роддом. Но делала она это так экспрессивно, что Менакеру почудилось что-то ужасное. Поэтому конца представления он дождался с трудом. А едва спектакль закончился, тут же бросился в роддом.

Миронова разродилась горластым мальчишкой, которого назвали Андреем. По заявлению врачей, мальчик был совершенно здоров. Как покажет будущее, этот диагноз был верен лишь наполовину. У будущего великого актера была предрасположенность к аневризме. Судя по всему, она передалась Миронову по наследству от предков отца: от аневризмы умрет его отец, сестра отца, тетка.

С рождением сына перед молодыми родителями, которые часто вынуждены были уезжать на гастроли, встала проблема – поиск подходящей няни. Конечно, эту проблему можно было решить достаточно просто – если бы мать новорожденного на какое-то время бросила свою работу, целиком сосредоточившись на ребенке. Но Миронова наступать на горло собственной песне не хотела – в те годы она была на вершине успеха, дела в театре складывались для нее как никогда замечательно. Поэтому ребенку стали подыскивать подходящую сиделку. Нашли ее достаточно быстро. Это была Анна Сергеевна Старостина, которая до этого служила в семье старейшей артистки МХАТа Софьи Халютиной и зарекомендовала себя там с самой положительной стороны. И хотя Старостиной было уже за семьдесят, да и светским манерам она была не обучена (родилась в Нижегородской губернии и окала, говорила «утойди», «офторник» и т. д.), ее кандидатура устроила Менакера и Миронову. Хотя сомнения, конечно, были. Особенно когда Старостина потребовала себе в виде жалованья не только деньги, но еще… два килограмма «конфетов по выбору» и полтора литра водки. Последнее заявление повергло нанимателей в испуг. Но потом все разъяснилось. Оказалось, что водка понадобилась нянечке исключительно в лечебных целях: она настаивала ее на полыни и перед обедом выпивала маленькую рюмочку.

Уже первые дни пребывания нянечки в доме показали молодым родителям, что они не ошиблись – Анна Сергеевна управлялась с новорожденным великолепно. Она умело пеленала ребенка, гуляла с ним, ловко убаюкивала под свои колыбельные. Без участия матери тоже не обходилось: в антрактах руководство Театра миниатюр присылало в Нижнекисельный переулок машину, которая забирала маленького Андрюшу в театр, чтобы мама могла его покормить грудным молоком. Короче, детство будущего гения было вполне типичным для отпрысков людей искусства. Оно обещало быть совсем безоблачным, если бы не война, которая грянула спустя три с половиной месяца после рождения Андрея.

Война застала родителей Андрея в Москве. Накануне страшного дня 22 июня Менакер и Миронова ужинали в любимом летнем актерском садике «Жургаза» (Журнально-газетного объединения) на Страстном бульваре (слева от задника бывшего кинотеатра «Россия», ныне «Пушкинский»). Погода в тот вечер была восхитительная, настроение у всех собравшихся было сродни погоде. Ни у кого и в мыслях не могло возникнуть, что спустя каких-нибудь несколько часов они проснутся совершенно в другом мире.

Воскресным утром 22 июня Менакер и Миронова еще спали, когда им домой позвонил их театральный врач Бурученков. К телефону подошел Менакер и услышал невероятную новость: якобы немецкие самолеты вот уже несколько часов бомбят Минск. Поверить в это сообщение было невозможно. И Менакер в первые минуты и в самом деле не поверил. Чтобы развеять свои сомнения, он осторожно, чтобы не разбудить близких, оделся и вышел на Петровку. Улица была запружена народом. И у всех прохожих были растерянные, серьезные лица. Никто не улыбался. Менакер подошел к Столешникову переулку, когда из репродуктора раздался голос Юрия Левитана: «Внимание! Внимание! Говорит Москва…» Так москвичам объявили о начале войны.

23 июня Менакер должен был отбыть вместе с Театром эстрады и миниатюр на гастроли в Ереван (Миронова оставалась в Москве с сыном). Однако из-за начавшейся войны поездка была отменена. Было решено остаться в столице и в спешном порядке подготовить к выпуску антифашистский спектакль. Литературную композицию для пролога и музыку заказали Менакеру. Репетиции шли чуть ли не каждый день. А вечером в театре проходили запланированные спектакли. Однако в начале июля Москву начали бомбить немецкие бомбардировщики, и людям стало не до спектаклей. Сами Менакеры спасались от налетов в бомбоубежище, которое располагалось в подвале их дома на Петровке, 22. Так продолжалось до середины июля. Затем председатель Комитета по делам искусств М. Храпченко подписал приказ, в котором предписывалось: всем женщинам-актрисам с детьми в кратчайшие сроки эвакуироваться из города. Поскольку Театр эстрады и миниатюр в ближайшее время должен был отправиться с гастролями в Горький, именно туда и предстояло ехать маленькому Андрею, его родителям и няне. Причем ждать отправления всей труппы Миронова не стала: узнав, что в Горький отправляется директор-распорядитель театра Климентий Мирский, она, прихватив Андрея и Аннушку, отправилась вместе с ним. Менакер должен был выехать чуть позже вместе со всеми. Но судьба распорядилась по-своему. Вот как об этом вспоминал сам А. Менакер:

«Поезд уходит поздно вечером. А до этого – тревога за тревогой, и мы сидим в бомбоубежище. Боимся опоздать на поезд. Бомба падает в дом на Неглинной. От взрывной волны разбиваются уникальные в нашей коллекции чашки Ломоносовского завода – они стояли на подоконнике, приготовленные для упаковки.

Отбой. Едем на грузовике на Курский вокзал. Грузимся.

Опять тревога. Отправление поезда задерживается. Трудно расстаться с женой и сыном. Мирский предлагает мне ехать с ними. Театр все равно скоро приедет в Горький. В самом деле, почему бы и нет? И я решил ехать без билета…»

В Горький приехали следующим утром. Жить Менакеров определили в гостиницу «Москва». Правда, номер был заказан на двух человек, а приехали сразу четыре. Но эту проблему разрешили быстро: занесли в номер дополнительную кровать.

Менакер и Миронова с утра до вечера пропадали в драмтеатре, и за маленьким Андреем присматривала Аннушка. Гулять обычно они выходили в скверик возле театра. Причем из-за отсутствия прогулочной коляски, которую оставили в Москве, ребенка приходилось все время держать на руках. Естественно, пожилая няня уставала. И однажды едва не случилась беда. Как-то вечером Менакер и Миронова возвращались после работы домой и по своему обыкновению шли через сквер, чтобы забрать с собой Андрея и Аннушку. И что же они увидели? Няня сидела на лавке и спала, а Андрей лежал на земле, скатившись с лавки. Супруги бросились к сыну, предполагая самое страшное. Но все обошлось: толстое одеяло смягчило удар, и ребенок остался цел и невредим. Ругать пожилого человека не стали: такое могло случиться с каждым.

Театр эстрады и миниатюр прибыл в Горький в начале августа. Начались регулярные представления в драмтеатре, выступления в госпиталях. А во второй половине августа театр отправили в агитационный поход по Волге на теплоходе «Пропагандист». Пятимесячного Андрея и няню Менакеры взяли с собой. Вчетвером они жили в каюте с двумя иллюминаторами почти на уровне воды. Агитпоездка длилась до конца октября. Затем теплоход отправился в обратный путь, а театр высадился в Ульяновске. На полуразбитом автобусе работников театра (более тридцати человек) привезли в гостиницу. Свободными оказались лишь два номера, куда всех и разместили. Но Менакерам повезло. В коридоре они встретили свою знакомую – сценаристку Ирину Донскую, супругу кинорежиссера Марка Донского, и она забрала их к себе в номер. А вечером того же дня у Андрея резко поднялась температура – до тридцати девяти градусов (видимо, он простыл, когда его выносили из жаркой комнатки на дебаркадере к автобусу). Все, естественно, переполошились, бросились искать лекарства, но к утру температура спала так же резко, как и поднялась.

Отыграв спектакли в Ульяновске, театр продолжил свои гастроли. Теперь его путь лежал в Куйбышев. Менакеру эта поездка была особенна радостна – в этом городе жили его

родители, которые еще ни разу не видели своего второго внука. Первого они уже много раз видели, к тому же в ту осень 41-го Кирилл Ласкари находился у них в Куйбышеве. Там и произошла первая встреча двух сводных братьев: шестилетнего Кирилла и восьмимесячного Андрея. Вот как об этом вспоминает сам К. Ласкари:

«Впервые я увидел Андрея на перроне железнодорожного вокзала. Шла война. „Ташкентский“ прибывал в Куйбышев глубокой ночью. Очень хотелось спать.

– Сейчас мы его увидим, боже мой. Не спи, Кирочка, – говорил дед Сеня. Голова моя лежала у него на плече. Глаза слипались, убаюкивал цокот копыт по булыжной мостовой. На вокзал мы отправились заранее заказанным гужевым транспортом.

Из вагона Андрюшу вынес папа. Тетя Маша отдернула угол теплого одеяла, в которое он был завернут, и я увидел смешное личико спящего маленького мальчика.

– Это твой брат, – сказал, улыбнувшись, папа. Они, наши родители, папа, моя мама и тетя Маша, сделали так, что с малых лет наше отношение друг к другу было братским, родственным в подлинном понимании этого слова. Низкий им за это поклон…»

У своих дедушки и бабушки Андрей вместе с родителями пробыл около недели. После чего 11 ноября труппа выехала в Ташкент. Добирались туда девять дней. А когда наконец приехали, прямо на вокзале Андрей внезапно стал сильно плакать. Поначалу никак не могли определить причину слез, пока нянечка не догадалась открыть младенцу ротик. Оказалось, у мальчика прорезался первый зубик.

Первую ночь труппа провела в фойе Театра оперетты. А утром следующего дня все отправились искать себе жилье. Сделать это было не так легко, если учитывать, что к тому времени Ташкент был буквально переполнен эвакуированными – сюда перебросили крупнейшие заводы, театры, киностудию «Мосфильм». И Менакерам снова повезло. На улице они встретили свою давнюю знакомую Клавдию Пугачеву (Менакер знал ее еще по своему ленинградскому житью-бытью), которая забрала их к себе – в однокомнатную квартиру в центре города, на Пушкинской улице. Менакерам и Аннушке была отдана под жилье кухня. Все спали на полу, причем Андрюше было выделено в качестве матраца каракулевое пальто его матери. Там они прожили несколько дней. Как будет вспоминать много позже К. Пугачева: «Андрюша был прелестный и спокойный ребенок, с большими светлыми глазами. Даже когда у него поднималась температура, он как-то нежно и покорно прижимался к нянину плечу. Я ни разу не

слышала его плача ни днем, ни ночью, даже тогда, когда он был сильно простужен и кашлял беспрерывно. Няня, показывая на меня, говорила Андрюше: „А вот это тетя Капа. Понял? Тетя Капа“, – повторяла она. Так до конца его дней он и называл меня „тетя Капа“…»

Спустя несколько дней дирекции театра удалось выбить для своих сотрудников более комфортное жилье – в гостинице «Узбекистон». Менакерам достался номер, в котором было две кровати. Обе заняли взрослые, а для Андрея Аннушка раздобыла корзину, которую она выклянчила у сердобольной узбечки – дежурной по этажу. Как нянечка умудрилась это сделать, Менакеры так и не поняли – узбечка ни слова не говорила по-русски. Но еще сильнее их ошеломило то, что раньше корзина служила местом, куда складывали грязное белье. Узнав об этом, Миронова категорически заявила: «Андрюшу я туда не положу!» Но нянечка и здесь нашла выход из трудного положения. «Ничего, я ее опарю». И целый день парила карзину, после чего столько же ее сушила. И только после этого родители Андрея разрешили уложить в нее сына.

В начале декабря Театр эстрады и миниатюр дал свое первое представление – в Доме Красной Армии Среднеазиатского военного округа. Прошло оно с огромным успехом, и военное начальство попросило труппу дать гастроли в воинских частях округа (Фергана, Самарканд и др.). Естественно, эта просьба была воспринята как приказ. Но не всеми. Мария Миронова отказалась уезжать из Ташкента, сославшись на то, что она кормящая мать и что ее ребенок плохо себя чувствует. Может быть, в других обстоятельствах на этот отказ руководство театра закрыло бы глаза, но время было другое, военное. И директор театра по фамилии Махнуро… подал на Миронову в суд. Ситуация складывалась нешуточная, если учитывать, что по законам военного времени саботажникам грозило суровое наказание – вплоть до расстрела. Однако суд длился каких-нибудь несколько минут. Вот как об этом вспоминал А. Менакер:

«Для защиты мы обратились к одному из наиболее видных московских адвокатов, Леониду Захаровичу Кацу, тоже находившемуся в Ташкенте, и он согласился участвовать в этом „шумном процессе“. И вот идет суд. Душное помещение набито до отказа. Тут актеры театра и многие наши друзья. Судья прочитала исковое заявление, в котором звучало грозное слово „саботаж“, но не была указана причина отказа Мироновой от поездки. Когда Кац назвал причину, по залу пронесся гул возмущения. Представитель Дома Красной Армии развел руками, сказав, что его ввели в заблуждение, а судья сделала выговор

директору: „Как вам не стыдно бросаться такими словами и отнимать время у суда?!“ Естественно, справедливость восторжествовала, и театр поехал без Мироновой…»

Примерно около месяца Менакер с театром колесил по Узбекистану, после чего вернулся в Ташкент. Сразу после этого его семье удалось подыскать себе более подходящее жилье – частную квартиру на Учительской улице. За стенкой жил старейший драматург Константин Липскеров, а за углом – популярный актер МХАТа Осип Абдулов (через год он снимется в фильме «Свадьба», где произнесет свою крылатую фразу: «В Греции все есть!»).

Примерно через неделю, в январе 1942 года, Менакер снова уехал на гастроли. Миронова осталась в Ташкенте и откровенно изнывала от скуки (за Андреем большую часть времени приглядывала Аннушка). И однажды, будучи у Бернесов, она поделилась с ними своими мыслями на этот счет. И попала в точку. Как оказалось, Марк Бернес тоже давно подыскивал достойное занятие для своей жены – актрисы Паолы и предложил им с Мироновой выступать дуэтом. А тексты для будущих миниатюр надоумил заказать у драматурга Николая Погодина. Женщинам совет пришелся по душе. Так появился эстрадный дуэт Мария Миронова и Паола Бернес, который исполнял миниатюру «На Алайском базаре» (Миронова играла украинку, эвакуированную в Ташкент, а Паола – местную жительницу, торговавшую на базаре продуктами).

И все же на душе у Мироновой было неспокойно. Снова заболел Андрей, причем очень серьезно. Он спал только на руках, и в течение недели они с няней днем и ночью попеременно носили его по комнате, пол которой был… земляным. Это были бессонные ночи, когда Миронова то и дело слушала, дышит сын или нет, и ей иной раз казалось, что уже не дышит. Андрей лежал на полу, на газетах, не мог уже даже плакать. Глазки у него совсем не закрывались. Каждый день Миронова уходила на базар и продавала последние вещи. А на базаре лоснящиеся от жира торгаши, сидящие на мешках с рисом, неизменно повторяли ей: «Жидовкам не продаем» (они упорно принимали ее за еврейку).

Между тем врач, которому она показала сына, сказал, что это похоже на тропическую дизентерию и что спасти мальчика может только одно лекарство – сульфидин. Но где его взять в Ташкенте? После нескольких дней безуспешных поисков Миронова впала в настоящее отчаяние – Андрей буквально таял на глазах. Она знала, что от этой же болезни некоторое время назад умер сын Абдуловых, и эти мысли приводили ее в отчаяние. Неужели эта же страшная участь ожидает и ее сына, ее Андрюшеньку?

Смириться с этим было невозможно. Спасло чудо. На том самом Алайском базаре, про который шла речь в миниатюре Мироновой, она случайно встретила жену прославленного летчика Михаила Громова (в 1937 году вместе с А. Юмашевым и С. Данилиным он совершил беспосадочный перелет Москва – Северный полюс – США, а теперь был командующим ВВС Калининского фронта) Нину Громову. Узнав, какое лекарство необходимо Мироновой, она немедленно вызвалась помочь. В тот день в Москву летел спецсамолет, к отправке которого Нина Громова имела непосредственное отношение. Она наказала летчику связаться с мужем и передать ему настоятельную просьбу – достать сульфидин. Просьба была выполнена. Так будущий гений театра был спасен в очередной раз. Спустя много лет, встретившись с Михаилом Громовым, Миронова от всей души поблагодарит его за спасение сына.

К слову, Громовы были не единственными, кто отнесся к Мироновой и ее сыну с участием. В те же дни в Ташкенте оказалась знаменитая «королева романса» Изабелла Юрьева с мужем Исааком Эпштейном, и они, узнав о болезни Андрея, немедленно пришли в домик на Учительскую и принесли с собой несметные богатства: манную крупу, сахарный песок, шоколад. Объяснили, что только что получили из Москвы посылку и хотят поделиться ее частью с Андреем. Миронова, глядя на гостей, не могла вымолвить ни слова – только стояла и плакала. И опять много лет спустя, уже после войны, во время концерта Юрьевой в Доме литераторов в Москве, Миронова придет к ней в гримерку и начнет благодарить за тот ташкентский эпизод. Юрьева удивится: «Машенька, как? Вы это помните?» «Такое не забывается», – ответит Миронова.

Тем временем в конце марта должны были закончиться гастроли Менакера. Но после короткого пребывания в Ташкенте он снова уехал на очередные выступления: в Барнаул, Новосибирск и Томск. Деньги, которые он привез с гастролей, быстро закончились, и его семье снова пришлось потуже затягивать пояса. Но в мае Менакер прислал переводом аж две тысячи рублей. Эти деньги он раздобыл, продав свое роскошное зимнее пальто с воротником и лацканами из серого же каракуля. И хотя пальто стоило вдвое дороже той суммы, что ему заплатили, но Менакер и этому был рад – он знал, что вырученных денег его семье хватит надолго.

В Ташкент Менакер вернулся в начале июня 42-го. К великой радости отца, сын, который не видел его почти пять месяцев, узнал его и даже вслух выговорил слово «папа». Впервые выговорил! Словом «мама» он к тому времени владел уже в

совершенстве.

Спустя неделю после возвращения в Ташкент Менакер взялся за подготовку новой эстрадной программы для театра. Еще через некоторое время программа была готова и состоялась ее премьера. Успех у нее был грандиозный. Причем настолько, что про нее прознали в Политуправлении Красной Армии и немедленно затребовали в Москву. Благодаря этому пребывание Менакеров в Ташкенте закончилось: в середине октября 1942 года они вернулись в Москву. Вот как вспоминала о тех днях М. Миронова:

«Москва была иной, чем мы ее покинули, – строгой, дисциплинированной, малолюдной и поразительно чистой. Встретивший нас главный администратор театра Сергей Алексеевич Локтев, которому мы, уезжая из Москвы, оставили ключи от нашей квартиры, возвращая их, сказал, что первое время все-таки будет удобнее пожить в гостинице – номера ждут. В то время многие писатели и композиторы жили в гостиницах – там было теплее и можно было прикрепить карточки на обед.

Мы поселились в старой гостинице «Гранд-отель», действительно удобной и уютной. Теперь ее уже нет, на ее месте стоит новый корпус гостиницы «Москва».

Не успели расположиться, как стали приходить друзья – большинство в военной форме: Ленч, Изольдов, братья Тур, работавшие корреспондентами. Они рассказывали много интересного. Постепенно мы входили в ритм московской жизни.

Назавтра, с понятным волнением, мы отправились на Петровку. Удивительно, но дома все было в полном порядке. На кухне висели выстиранные перед отъездом пеленки и менакеровские носки, а в буфете – испеченный мною, тоже перед самым отъездом, песочный пирог с вареньем. Господи, с каким удовольствием мы его съели! Потом прошлись по Столешникову, Дмитровке, по проезду Художественного театра и вышли на улицу Горького, чтобы посмотреть на наш театр…»

В «Гранд-отеле» Менакеры прожили несколько дней, после чего перебрались в свою квартиру на Петровке. А еще спустя несколько дней главе семейства и его жене предстояло ехать с гастролями на Калининский фронт. Но, прежде чем туда отправиться, надо было позаботиться о няне с сыном – на город еще продолжали совершать налеты немецкие бомбардировщики. К счастью, в этом же доме, на первых трех этажах, располагался Коминтерновский райисполком, с председателем которого – Турчихиным – Менакеры были знакомы. Как-то они ехали с ним в лифте и поделились своими опасениями насчет няни и сына. «Не беспокойтесь, – ответил Турчихин, – езжайте себе спокойно, а мы

за ними присмотрим. Во время тревоги я буду отправлять к ним дежурного милиционера, и он будет провожать их в бомбоубежище». У Менакера и Мироновой отлегло от сердца, и спустя пару дней они со спокойной душой выехали в Калинин.

Вспоминает М. Миронова: «И вот наступил день отъезда. Рано утром за нами заехал грузовик, чтобы ехать на вокзал. В кузове его на досках сидели члены фронтовой бригады. Няня с Андрюшей вышли нас проводить. Увидим ли мы еще своего сына? Грузовик тронулся, а мы смотрели на удаляющегося Андрюшу – он казался маленьким и беззащитным – в ярко-красных длинных брючках и валеночках. Это был единственный парадный костюм, которым он страшно гордился. Красные брюки Аннушка перешила из башлыка, подаренного кавалерийским генералом В. Крюковым, мужем Л. Руслановой, потому что сшить штаны было больше не из чего. Правда, башлык был из овечьей шерсти и очень „кусался“. Андрюша все время чесался, а мы убеждали его, что так и нужно, зато тепло. Эти брюки назывались у нас „генеральско-кавалерийскими“, а валенки, которые каким-то чудом раздобыл и подарил Андрею Матвей Блантер, называли „композиторско-музыкальными“…»

Домой Менакер и Миронова вернулись в начале декабря. А уже в середине этого же месяца в Театре эстрады и миниатюр состоялось открытие нового сезона. Был показан спектакль «Москвичи-земляки». Сразу после премьеры труппа взялась за новую постановку – спектакль «Без намеков». Короче, работы у Менакера и Мироновой было невпроворот, и весь световой день, а иной раз и темную часть суток они пропадали на работе. И за Андреем продолжала следить его нянечка Анна Сергеевна Старостина, или просто Аннушка. Отношения между ними были очень теплыми. Аннушка, будучи человеком набожным, рассказывала мальчику о боге и святых угодниках, учила молитвам и водила в церковь по воскресеньям и великим праздникам. Родители Андрея этому не препятствовали. Андрей нянечку очень любил и совершенно не боялся, в отличие от своей мамы, которая была действительным хозяином в доме, – любое ее приказание выполнялось беспрекословно. С Аннушкой Андрей вел себя куда более вольготно. Только ей он мог сказать то, что в его адрес частенько произносила мама: «Нянька, ты как соплюшка… Как коова… Как медведь…» Еще одним любимым словечком трехлетнего Андрюши Миронова было слово «белиберда», которое он произносил на свой манер – «пелиберда». В его устах слово звучало очень уморительно. Тем более если учитывать, что будущий гений был тогда толстым, губастым мальчиком, с белесыми ресницами.

Как и всякий ребенок, Андрей в свои три года был крайне любознательным. Поскольку нянечка была человеком малообразованным и не могла толком ответить на все его многочисленные вопросы, Андрей буквально изводил ими своих родителей, а также многочисленных гостей, которые часто бывали в их доме. Один из таких гостей – поэт Владимир Дыховичный – даже напишет цикл песенок «Про Андрюшу», где будет обыграна эта самая любознательность. Цитирую:

Мальчик есть у нас Андрюша,
Года три всего ему.
Он на всех соседей рушит
Тыщу разных «почему».
Почему собаки лают?
Почему орлы летают?
Почему на маму папа зол?
Почему не бреется козел?
Или жалко бороду ему?
Почему?..

Между тем именно в возрасте трех лет Андрей впервые посетил театр своих родителей. Пришел он туда с Аннушкой, которую об этом попросили Менакер и Миронова. И хотя Анна Сергеевна сроду ни в какие «кеатры» не ходила, здесь она не посмела ослушаться. И привела Андрея на утренний спектакль. Знай зачинщики этой идеи заранее, чем этот поход обернется, наверняка бы поступили иначе.

Гостей посадили на самые почетные места – в директорскую ложу. В тот день давали спектакль «Дама в черном», в котором играли оба родителя Андрея. И он, увидев отца на сцене, внезапно перегнулся через барьер и громко закричал на весь зал: «Папа!» И, удивленный, что отец не реагирует на его крик, закричал еще громче: «Па-па!» Зал взорвался от смеха. Смеялись и партнеры Менакера по сцене. А сам Александр Семенович был так обескуражен происходящим, что какое-то время не знал, что делать. А Андрей, видя, что зал бурно реагирует на его крики, разошелся еще сильнее: «Папа! Папа, это я!» Наконец первым нашелся один из артистов. Он вышел на авансцену и потребовал убрать ребенка из зала. На что Аннушка ему ответила: «Ребенок отца увидал, что вам, жалко, что ли-ча?!» После этих слов хохот в зале стал всеобщим. Играть дальше было невозможным, и руководство театра дало команду опустить занавес. А маленькому Андрею так понравилось быть в центре внимания, что он долго после этого случая приставал к родителям с одним-единственным

вопросом: «Когда я снова пойду в театр?» Родители врали сыну, что скоро, мысленно буквально содрогаясь от подобной перспективы.

В ноябре 1945 года Менакер и Миронова отправились с гастролями в Берлин. Пробыли они там почти два месяца и домой вернулись **1 января 1946 года**. Вернулись не с пустыми руками – они привезли сыну электрическую железную дорогу. Подарок был вручен Андрею прямо во дворе дома на Петровке, где он гулял вместе с нянечкой. Описывать восторг ребенка не имеет смысла – такой игрушки не было ни у одного из друзей Андрея.

Тем временем, вскоре после возвращения из Берлина, Менакеру и Мироновой пришлось покинуть Театр эстрады и миниатюр, поскольку в стране началась очередная антиеврейская компания. Поводом к уходу послужила статья в «Правде», посвященная пьесе Менакера «Бронзовый бюст». Главная газета страны камня на камне не оставила от этой постановки, назвав ее «фальшивой комедией». После этого дни Менакера в театре, в котором он проработал более десяти лет, оказались сочтены. Следом за мужем ушла из театра и Миронова. У них был единственный путь – на эстраду.

Летом 1946 года Андрей во второй раз увидел отца и мать на сцене. И опять ничем хорошим это не закончилось. Случилось это в летнем театре сада ЦДСА во время представления «Товарищ публика». Вот как об этом вспоминала М. Миронова:

«В один из теплых летних вечеров мы взяли в сад ЦДСА шестилетнего Андрюшу. Он стоял за кулисами и внимательно слушал родителей. Вдруг в середине номера раздался дружный смех, которого мы совершенно не ожидали. Менакер даже осмотрел костюм: все ли в порядке по линии туалета? Мне почему-то приходит в голову мысль, что по сцене пробежала кошка, – у зрителей это всегда вызывает неописуемый восторг. Поворачиваю голову и вижу стоящего на середине сцены Андрюшу с открытым ртом: он так увлекся творчеством родителей, что захотел разглядеть их поближе и вышел на сцену. Это был первый выход Андрея Миронова на эстраду…»

К слову, в семье Миронова царил откровенный матриархат: культ Марии Владимировны был беспрекословным. Ослушаться ее не смел никто, в то время как она могла делать все, что ей заблагорассудится. Могла кричать, ругаться, кидать в мужа тарелки и другую посуду. Менакер сносил эти вспышки стоически, зная, что за минутным порывом гнева обязательно последует примирение. Маленький Андрей тоже терпел внезапные вспышки ярости матери, беря пример со своего отца. Однажды он спросил у папы, почему их мама так кричит на них,

на что получил все объясняющий ответ: «Наша мама сильно устает». «Но ты ведь тоже устаешь», – резонно удивился Андрей. «Мама устает больше», – поставил точку в этом споре отец. В этот миг из гостиной донесся зычный голос виновницы этого разговора: «Еврейчики, идите обедать». «Еврейчиками» Мария Владимировна в шутку звала мужа и сына.

1 сентября 1948 года Андрей Менакер отправился в школу. Это была 170-я мужская школа (теперь – 49-я средняя школа), в нескольких минутах ходьбы от его дома на Петровке – она располагалась на Пушкинской улице. В этой же школе в разное время учились Марк Розовский, Людмила Петрушевская, Эдвард Радзинский, Василий Ливанов, Геннадий Гладков, Наталья Защипина (одноклассница Миронова) и другие известные ныне деятели отечественной культуры. Соседом Андрея по парте стал Лева Маковский. Стоит отметить, что Андрей пришел в школу под фамилией Менакера, но уже спустя два года, в разгар антиеврейской кампании, развернувшейся в стране, добрые люди из Моссовета посоветовали родителям сменить фамилию мальчика. Так он стал Андреем Мироновым.

Вспоминает Л. Маковский: «Андрей не был поклонником точных наук и техника его мало интересовала (пожалуй, кроме автомобилей), но зато во всем, что касалось театра и кино, литературы и музыки, ему не было равных. Его артистические способности начали проявляться очень рано. Никогда не зубуду, как на дне моего рождения в феврале 1949 года собрались семь-восемь мальчиков-первоклассников. И когда мои родители предложили поднять бокалы с морсом и кому-нибудь произнести тост, все потупились, кроме Андрюши, который встал и громким голосом произнес: „Я поднимаю этот бокал за прекрасных дам!“

Миронов на самом деле чуть ли не с малых лет был дамским угодником. Несмотря на то что в детстве он был чересчур упитанным, даже толстым мальчиком, девочек он любил красивых и эффектных. И никогда этого не скрывал. Он иной раз даже взрослых дам повергал в смущение своим поведением. Так, когда к ним в дом впервые пришли художник Орест Верейский и его симпатичная супруга, первое, что сделал Андрей, – подошел к гостье, щелкнул каблуками и изрек: «Пикантная мордашка!» Родители мальчика смутились от такой бесцеремонности своего отпрыска и бросились объяснять ему бестактность его поведения. А вот гости, как ни странно, наоборот, были в диком восторге от происшедшего. После этого Орест Верейский стал другом Андрея и спустя некоторое время, на ноябрьские праздники 1949 года, повел его на Красную площадь смотреть военный парад. По словам Верейского, «Андрей был неутомим и несмолкаем. Он

засыпал меня вопросами, на которые я не успевал бы отвечать, даже если бы знал ответ. Как называется эта штука у дирижера? Это какой род войск? Этот петух – военный атташе какого государства? И так без конца. Я легкомысленно пообещал ответить на все вопросы сразу по пути домой в надежде, что он забудет хоть половину, но он не забыл…

И хотя восьмилетний Андрюша был довольно упитан и невелик ростом, по дороге домой, когда, возвращаясь с Красной площади, мы, чтобы сократить путь, пробирались дворами, пролезали через ограды, этот мальчик удивил меня легкостью движений, ловкостью и бесстрашием…»

Здесь нет парадокса: несмотря на свою упитанность, Андрей был спортивным мальчиком. После учебы любимым его времяпрепровождением было играть в футбол со сверстниками на школьном дворе. И хотя в силу комплекции друзья неизменно ставили Андрея в ворота, играл он отменно – летал как ласточка. По словам одноклассника Миронова Александра Ушакова, «Андрей любил все, что любят мальчишки его возраста: и мороженое из ЦУМа или ГУМа, и кино, и джазовую музыку, и коллекционирование значков, и спорт, особенно футбол. По его кличу мы гоняли мяч в школьном дворе. Бегали смотреть кинофильмы в „Метрополь“, „Центральный“. Один раз даже сбежали с уроков в „Эрмитаж“. Ездили на ВДНХ…»

Миронов учился ровно по всем предметам, хотя точные науки не любил – ни химию, ни физику, ни математику. Зато обожал английский язык и говорил на нем с особым изяществом. Примерно до четвертого класса родители не беспокоились за его отметки, поскольку Андрей приносил из школы исключительно пятерки и четверки. Но весной 1952 года последовал резкий спад – Андрей за несколько дней нахватал кучу троек, в том числе по русскому языку. И вот однажды, вернувшись после гастролей домой, родители попросили Андрея показать им дневник. Открыли – и ахнули: от троек буквально рябило в глазах. Мама Андрея, которая была особенно строга, принялась яростно отчитывать сына: дескать, ты позоришь своих родителей, ты – никчемный мальчишка, лодырь и т. д. Когда за сына попытался заступиться отец, досталось и ему: Миронова обвинила его в потворстве неучу, в слюнтяйстве и припомнила его собственную бездарную учебу (Менакер в 6-м классе был оставлен на второй год). Короче, на орехи досталось всем. Андрей был строго наказан: ему было запрещено гулять после школы (для ребенка это было самым жестоким наказанием). И мать долго потом напоминала сыну об этой истории. Когда спустя какое-то время к ним в дом пришли их хорошие друзья Леонид Утесов с женой

Еленой Осиповной и преподнесли Андрею в подарок маленькую скрипку, Миронова встретила этот жест без особого восторга: «Нашли кому дарить, – заметила она. – Во-первых, у него совершенно нет слуха, а во-вторых, вы бы лучше спросили его про отметки. Ну-ка, принеси дяде Леде и тете Лене свой дневник». Андрей понуро поплелся в свою комнату, откуда спустя минуту вышел с дневником в руках. Утесовы стали его листать, сопровождая просмотр сплошными охами и ахами: «Ай-яй-яй! Как же так можно, Андрюша?!» Однако после того, как родители отправили сына спать, Утесов попытался за него заступиться. «Что ты хочешь от ребенка, Маша, – обратился он к Мироновой. – Когда я приносил тройку, то в доме был праздник. Учился я не ахти как, но, как видишь, человеком все-таки стал». Миронова в ответ только обреченно махнула рукой.

Вспоминает М. Миронова: «Помню, раз Андрей принес из школы матерное слово. Он вернулся домой и, снимая калоши, сказал: „Фу, б…ь, не слезает!“ Сказал и очень победоносно на меня посмотрел. Я не кричала, просто спокойно спросила: „Ну и что?“ – „У нас так ребята говорят“. – „Скажи, пожалуйста, а от отца ты это слово слышал? Или от меня? Или от тех, кто у нас бывает?“ – „Нет“. – „Так вот, у нас это не принято“. И для Андрея с тех пор это не было принято никогда…

В детстве он ничем не увлекался – собирал марки, но потом бросил. Пожалуй, больше всего его все-таки привлекало лицедейство. Он обожал играть в войну. Обычно он закрывался в комнате, и оттуда доносились самые разные звуки. Он за всех стрелял, за всех отдавал команды, погружаясь в игру с головой. Мне кажется, что ему нравилось лицедействовать, но что из него получится артист, я не думала. Как-то я ему купила коньки. А рядом с нашим домом был динамовский каток – Петровка, 26. И он каждый вечер, сделав уроки, ходил на каток. И один раз думаю, дай я посмотрю, как он катается. Прихожу и вижу: мой Андрюша стоит, заложив руки за спину, совершенно ничего не касается, просто смотрит, как другие катаются, как падают, ему нравится, он хохочет. Он смотрел на это как на зрелище. Я спрашиваю его: «Где коньки?» – «Не знаю». Не то у него их украли, не то он дал их кому-то подержать. Вот так кончился его каток…»

Почти каждое лето Миронов отдыхал с родителями в Пестове, где находился Дом отдыха Художественного театра, и всех знаменитых мхатовцев (А. Кторова, В. Станицына, А. Грибова, К. Еланскую, О. Андровскую, М. Яншина и др.) видел живьем. Эти встречи, безусловно, не проходили для него бесследно. Стоит отметить, что именно в Пестове едва не

состоялся дебют Миронова в кино. Случилось это **летом 1952 года**. Режиссер Александр Птушко приехал туда снимать фильм **«Садко»** и для съемок в массовке выбрал несколько отдыхавших там детей. В числе этих счастливчиков был и 11-летний Андрюша Миронов. Много лет спустя он сам вспоминал об этих съемках следующим образом:

«Что такое кино и киносъемка в то время! Масса света, техника, все бегают, кричат. Приехали пользовавшийся невероятной популярностью Сергей Столяров, молодая Алла Ларионова, другие киноартисты. Я с завистью смотрел на мальчика, игравшего одну из главных ролей. У него был велосипед, и он ощущал себя кинозвездой. Конечно, наше мальчишеское любопытство было возбуждено до предела. Леша Хмелев, я и другие устремились в самую гущу происходящего. Тут же мне пришлось столкнуться и с первым конфликтом в моей жизни, связанным с закулисным миром. Естественный пиетет, всегда ощущавшийся по отношению к Леше как к сыну Хмелева (Николай Хмелев – великий актер МХАТа, скончавшийся в 1945 году. – *Ф. Р.*), проявился незамедлительно. Ему дали какой-то неслыханный боярский костюм, а меня одели драным парубком в лаптях. А я был очень аккуратный мальчик. И когда мне дали страшную дерюгу, какую-то грязную мосфильмовскую, с крупным синим номером, шапку, я решил всю эту рвань надеть поверх своей тенниски на «молнии». А поскольку я нищий, то дерюга должна была просвечиваться, на что я совсем не обратил внимания. Короче, я полез в кадр, все время держась Лешки. А Лешку – боярчонка в роскошных сапогах с загнутыми носами – всякий раз ставили на первый план. Упорно пробираясь через бояр, я наконец оказался перед самой камерой, и, когда я уже практически влез в объектив и попал в свет, под дерюгой прямо перед Птушко «заиграла» моя «молния». Киносъемочную группу огласил его исступленный крик: «Что это?! Кто выпустил этого парубка с „молнией“ на первый план? Я не вижу Садко, я вижу только „молнию“ на рубашке этого хулигана!» Меня выбросили с площадки, как драного пса. Я так расстроился, что больше уже туда не лез и только со стороны, откуда-то из кустов, с дикой обидой наблюдал за дальнейшим ходом событий. Вот такая была моя первая интрига с кино, которую я проиграл…»

С детских лет Андрей Миронов поддерживал по-настоящему теплые отношения со своим сводным братом Кириллом Ласкари. Правда, в силу того, что они жили в разных городах (один в Ленинграде, другой в Москве), их встречи были редкими и не столь продолжительными, как им того хотелось бы (чаще всего они встречались на каникулах). Однако каждый раз это были

незабываемые встречи. Верховодил в них старший брат – Кирилл, который был большим затейником по части всевозможных игр. Но любимой их игрой все же была одна – джаз-оркестр. Правда, до настоящего джаз-оркестра коллективу двух братьев было так же далеко, как земле до неба. Обычно выглядело это следующим образом. Кирилл занимал место у рояля (он учился в музыкальной школе), а Андрей играл на ударных инструментах, которые заменяли ему… кухонные принадлежности – сковородки, кастрюли, кружки и т. д. Музыка, которую юные «джазмены» играли, могла вывести из себя любого слушателя. Больше всего от нее страдала мама Андрея, которая при первых же звуках этой «джаз-банды» либо затыкала уши, либо разгоняла музыкантов на все четыре стороны. Поэтому играть они старались в ее отсутствие. В отличие от жены, Александр Менакер относился к чудачествам своих отпрысков снисходительно – сам в детстве был точно таким же.

О том, каким Андрей Миронов был в первой половине 50-х, вспоминает его сверстница Елена Петрова: «Мы учились в соседней женской школе на Петровке (от мироновской школы ее отделял забор. – *Ф. Р.*). Через двор Миронова, проходной, мы с девчонками обычно шли на каток «Динамо». Я помню очень хорошо, как Андрей и еще трое ребят всегда ходили шеренгой посреди улицы, очень гордые, очень заносчивые, всегда ужасно воображали. Тогда мы одевались очень однообразно, серо, и все смотрели на Андрюшу Миронова, сына знаменитых артистов, как он одет! Ему покупали шикарные вещи, иностранные. К тому же он пересыпал свою речь английскими словечками, пел под Армстронга. Американец, одним словом. Рыжий, толстый, всегда с больной воспаленной кожей, он тем не менее производил на нас совершенно неотразимое впечатление. О нем все время сплетничали, им интересовались. Ему симпатизировали…»

В 1954 году в доме Менакеров – Мироновых появилась жутко дефицитная вещь – телевизор «КВН-49» с линзой. Если учитывать, что в огромной Москве подобных аппаратов было раз, два и обчелся (всего-то в сотне-другой семей), можно себе представить радость 13-летнего Андрея. Отныне он стал самым заядлым телеманом. По его же словам: «Родители редко бывали в Москве, много гастролировали. И мне было радостно видеть их по ТВ, хотя и не было оно так распространено, как сегодня. Я смотрел много спектаклей Художественного театра, Малого (тогда постоянно снимались спектакли театральные: с этого и начиналось ТВ), в частности „Ревизора“ с Ильинским, „Горе от ума“ с Царевым, Зубовым… Естественно, много фильмов, в том числе известных.

Помню одну из первых дикторов – Нину Кондратову. Как мы, зрители, всегда ждали ее появления! (В дальнейшем у этого диктора судьба сложилась наиболее трагично: во время прямого репортажа с ВДНХ Кондратову боднул бык и выбил ей рогом один глаз. За границей ей вставили искусственный глаз, но карьера ее на этом закончилась – *Ф. Р.*).

Однажды случилась беда: в пылу зрительского нетерпения, в таком, я бы сказал, раже, полез менять предохранитель. И так как стоял телевизор на неустойчивом столе, уронил его и разбил вместе с линзой! Потом в доме телевизора не было…»

В 1955 году в семью Менакеров – Мироновых пришло горе: умерла нянечка Андрея Анна Сергеевна Старостина. Ей было уже под девяносто, и, несмотря на то что в последнее время она часто жаловалась на здоровье, все считали, что до страшной развязки еще не близко. Но Аннушка сгорела в одночасье. Для всех это было страшной потерей, но особенно сильно переживал ее Андрей, для которого Аннушка стала по-настоящему родным человеком. С ее уходом он отчетливо ощутил, как от него ушло детство.

Между тем первая любовь пришла к Андрею Миронову в том же **1955 году**. Она пришла к нему в образе его одноклассницы Гали Дыховичной. Вместе молодых людей свела школьная реформа: именно в том году 170-ю мужскую школу объединили с соседней женской школой, и в Советском Союзе возродились смешанные классы. С Галей Андрей был знаком и раньше: как мы помним, их родители дружили и соседствовали по дачному поселку писателей на Пахре (Галя – сестра ныне известного кинорежиссера Ивана Дыховичного и дочь того самого поэта и драматурга Владимира Дыховичного, который написал серию песен про маленького «почемучку» Андрюшу Менакера). Андрей и Галя вместе росли, однако любовь друг к другу к ним пришла только в школе.

Вспоминает Г. Дыховичная: «Андрей был не развязный. Не избалованный. В общем-то скромный и даже стеснительный. Он долго меня добивался. Наверное, год. В седьмом классе мы как бы приглядывались друг к другу, а дальше… Записки писали, стихи. Нет, не смешные, а про любовь. В конце десятого класса нас уже рассматривали как сложившуюся пару.

Подарки Андрей мне не дарил. Родители нас не баловали деньгами. Совсем другое время было – в кино ходили вскладчину, и подарки на свой день рождения я скорее получала от его родителей, но как будто от Андрея. Его родители, несмотря на то что семья была очень обеспеченной, деньгами не баловали.

Наш первый поцелуй был в школе. Андрей был сильно мной

увлечен, хотя другим девчонкам он тоже нравился, и они к нему приставали. Но тогда я была уверена, что я у него одна. Андрей не был красавцем. Пухленький, точно такой же, как в своем первом фильме «А если это любовь?».

Первый раз мы откровенно друг другу признались в любви в Пестове, куда поехали навестить его папу Александра Семеновича. Мы плыли на пароходе, потом шли через лес, вокруг была такая красота… Ну и раскрылись друг другу. Красиво было, может быть, вы поймете, как это бывает…»

Принято считать, что чуть ли не с самого раннего детства Миронов мечтал стать артистом. Но это не совсем так. Ему всегда нравилось то, чем занимаются его родители, но он в то же время видел, каких огромных трудов им стоит актерская стезя. Поэтому были моменты, когда Миронов задумывался и о других профессиях. Правда, все они были связаны с искусством. Так, в старших классах школы он пробовал свои силы как художник, рисуя различные этюды. Затем увлекся стихами. А в конце обучения буквально заболел музыкой, джазом и даже играл в школьном оркестре на ударных инструментах. Его мечтой в те годы было купить импортную ударную установку, которую он присмотрел в знаменитом музыкальном магазине на Неглинной улице. Но этой мечте так и не суждено было осуществиться: Миронова окончательно и бесповоротно увлек театр. И первый раз он вышел на сцену в седьмом классе, играя в спектакле школьного драмкружка «**Русские люди»** по К. Симонову роль немца фон Краузе. Роль была очень живая: в ней Миронов яростно клеймил фашистскую Германию. Видимо, клеймил очень достоверно, если уже на следующий день, **7 ноября 1955 года**, Миронов проснулся знаменитым. Он вышел погулять во двор, и тут же вокруг него собралась толпа сверстников, которая наперебой принялась хвалить его за вчерашний спектакль. Кто-то даже протянул Миронову леденец, что было проявлением самой высшей дворовой славы.

Увлечение Миронова театром успешно продолжилось и в дальнейшем. В 9-м классе их классный руководитель Надежда Георгиевна Панфилова организовала театральную студию, в которую Андрей немедленно записался. Его первой ролью там был Хлестаков из «Ревизора». Чуть позже он стал посещать студию при Центральном детском театре. А еще – он постоянно ходил на все громкие столичные премьеры. Наиболее яркие детские театральные впечатления остались у него от спектаклей Центрального театра Красной Армии. Он видел чуть ли не все его спектакли, в том числе и знаменитую постановку «Давным-давно» с Любовью Добржанской в роли гусара-девицы Шурочки

Азаровой. Из зарубежных постановок больше всего его потрясла игра актрисы «Берлинского ансамбля» Елены Вайгель в спектакле Б. Брехта «Матушка Кураж». Это была настоящая школа переживания – Вайгель играла все «по Станиславскому»: не показывала свою героиню, а проживала ее жизнь.

О том, каким был Андрей Миронов в школьные годы, вспоминает его одноклассник А. Макаров: «В середине 50-х вдруг необычайно, интригующе интересной сделалась жизнь. Все благие перемены новой исторической ситуации улавливались нами моментально. Жерар Филипп приезжает в Москву на открытие французской кинонедели и попутно „открывает“ еще и футбольный матч между сборными СССР и Франции (матч состоялся **23 октября 1955 года** и завершился вничью 2:2. – *Ф. Р.*). Для нас это событие почти личного свойства, ведь все мы болельщики, столь же безудержные, как и кинозрители, к тому же неутомимые игроки, каждый выезд на природу, в колхоз, на субботник завершается бесконечным футбольным матчем. Андрей всегда «на воротах», это его законное амплуа, избранное, вероятно, не без эстетических соображений: бросается он, «рыпается», говоря по-дворовому, чересчур картинно.

В ЦДРИ, который от нас неподалеку, – вернисаж никому не известного и, говорят, гонимого художника Ильи Глазунова. Сматываемся с уроков, чтобы в который раз потолкаться по выставке, послушать споры, самим что-нибудь вякнуть, ощутить себя свободомыслящими «новыми» людьми (выставка Ильи Глазунова проходила **в январе 1957 года.** – *Ф. Р.*). Выпускники Школы-студии МХАТ под руководством актера Центрального детского театра Олега Ефремова поставили, по слухам, потрясающий спектакль – надо прорваться, тем более что играют его в филиале МХАТ, который опять же в двух шагах от нашей школы (премьера спектакля «Вечно живые» по пьесе Виктора Розова состоялась **8 апреля 1957 года.** – *Ф. Р.*). В Литературном музее на Якиманке – первый в жизни нашего поколения официальный вечер Сергея Есенина! Слово «джаз» перестало быть ругательным, кто-то собственными глазами видел его на афише – фантастика! В Театре-студии киноактера Эрастом Гариным возобновлен «Мандат», Андрей достает билеты, по дороге рассказывает нам об Эрдмане и Мейерхольде – сведения из первых рук, все из того же семейного круга. На один из первых спектаклей невиданного тогда ледового балета венского «Айс ревю» меня тоже повел Андрей Миронов. Помню, как он держался в переполненном «всей Москвой» шумном фойе не школьником, допущенным на взрослое представление, а настоящим театральным завсегдатаем, ценителем, знатоком…

И наконец – Фестиваль молодежи и студентов летом 1957 года, главное общественное событие, украсившее собою нашу юность (6-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в Москве **28 июля – 11 августа 1957 года.** – *Ф. Р.*). В его преддверии по стране прокатывается волна местных смотров, конкурсов и прочих праздников, тоже гордо именуемых фестивалями. Вот и в школе мы, по собственной инициативе, провели свой фестиваль – действо до тех пор да и с тех пор, надо думать, в школьных стенах небывалое. Все утро во дворе бушевали спортивные страсти, эстафеты и матчи сопровождались репортажем по только что оборудованному радиоузлу, а вечером, естественно, состоялся бал, гвоздем которого было пародийное представление, на наш взгляд, не слабее капустников в ВТО.

Вместе с Андреем мы придумали эстрадный номер на тему о том, как школьники разных стран сдают экзамены. Комический эффект достигался абракадаброй, имитирующей английскую, французскую и немецкую речь, а также мимическим изображением национальных характеров в нашем тогдашнем понимании. Сомневаюсь, что было оно очень точным, но, видимо, отвечало каким-то общим представлениям, а главное, тому желанию открытости, всемирности, осведомленности, какое ощущалось тогда в воздухе. Товарищи наши хохотали от души и хлопали нам неистово и долго, как настоящим эстрадным кумирам.

Началась наша самодеятельная известность, послужившая Андрею как бы прологом для его будущей повсеместной известности. Нас приглашали выступать на всяких утренниках, сборах и даже вечерах. Андрей относился к этому с серьезностью врожденного профессионала, ревниво отмечал наши просчеты и нюансы в реакции публики, запросто употреблял пряные, не до конца мне понятные актерские словечки, от которых в груди разливалось самолюбивое тепло. Успех между тем нарастал. Всеобщей точки он достиг во время общемосковского концерта, который состоялся на сцене Центрального детского театра. Любопытно, что к выходу мы готовились в актерской уборной, на двери которой было написано «О. Ефремов». Муза эксцентрики, иронии, парадокса, под знаком которой Андрей родился, несомненно нам покровительствовала. Нас вызывали, мы кланялись, как нам казалось, чрезвычайно элегантным поклоном.

Наутро наш триумф отметила пресса – «Учительская газета» посвятила ему трехстрочную заметку. Это было самое первое упоминание имени Андрея Миронова в печати…»

Летом 1958 года Миронов закончил десятый класс и твердо заявил своим родителям, что собирается связать свою

дальнейшую судьбу с театром. Родители встретили это заявление без особого энтузиазма. Наиболее скептически высказалась мама, которая заявила: «То кривляние, что ты демонстрируешь в школе, театром назвать нельзя». Видимо, она просто боялась, что ее сын провалится на экзаменах и тем самым бросит тень на своих родителей. К счастью для отечественного искусства, Миронов нашел в себе силы ослушаться свою мать. Может быть, впервые в своей жизни.

Рядом с домом Миронова было целых два театральных вуза: Школа-студия МХАТ и театральное училище имени Щукина. Если учитывать, что театральная студия при Центральном детском театре, где два года играл Миронов, тяготела к МХАТу, то Миронову была прямая дорога в Школу-студию. Но он, вопреки всем прогнозам, выбрал Щукинское училище. И выбрал не случайно: с Вахтанговским театром тесно переплелась судьба его матери, которая считала Б. В. Щукина одним из главных своих учителей. А в кабинете самого Евгения Багратионовича Вахтангова Мария Миронова занималась, когда училась в Театральном техникуме (кабинет им отдала под занятия супруга режиссера, которая работала секретарем директора техникума).

Миронов начал готовиться к поступлению в училище за несколько месяцев до окончания школы. Готовился так целеустремленно, что даже не остался гулять на выпускном вечере, потому что на следующий день у него был экзамен в «Щуке». Он ушел, а его любимая девушка Галя Дыховичная осталась одна и страшно обиделась на своего кавалера, не поняв такой правильности. «Вот девушку оставил одну», – думала она.

Вспоминает А. Червинский: «Мы на даче в Пахре. Вокруг нас сплошь березы ростом чуть выше нас и множество соловьев. В наших маленьких березах они почему-то поют не только ночью, но и сейчас, ярчайшим днем.

Вот он – Андрей Миронов. Он грызет кукурузный початок. Ему семнадцать лет. Довольно упитанный, аккуратно причесанный мальчик. Ярко-голубые, круглые глаза, розовая физиономия. Зубы щелкают по несуществующей кукурузе. Это этюд. Он поступает в театральное училище и будет с этим «показываться». Прощелкал весь початок и по инерции вгрызся в собственную руку. Жует рукав.

Теперь он ест воображаемый апельсин, обливаясь несуществующим соком. Доел и ждет, растопырив пальцы, моего мнения.

Мне ясно – он на краю пропасти, но если спасать слишком энергично, то может сорваться и упасть. Спрашиваю деликатно, с фальшивой улыбкой: «А ты всерьез хочешь всю жизнь этим

заниматься?» – «А чем же еще?» – спрашивает он безнадежно. Все уже случилось. Он артист, потому что ничем другим заниматься не может. Это уже навсегда…»

Червинский как в воду смотрел: Миронов действительно стоял на краю пропасти. Дома перед зеркалом он еще хорохорился, а едва переступил порог «Щуки», чтобы пройти прослушивание у великой Цецилии Львовны Мансуровой, как мгновенно у него носом пошла кровь. Миронова уложили на диван, кликнули секретаршу, чтобы она принесла воды. Сделав несколько глотков и приложив платок к носу, Миронов вежливо извинился и покинул аудиторию. Другой на его месте после такого провала навсегда забыл бы дорогу к училищу. Но Миронову и здесь хватило духу перебороть себя. Спустя несколько дней он вновь пришел в «Щуку» и сдал в секретариат свою автобиографию и короткий список с репертуаром для туров. Там значились: ранний рассказ А. Чехова «Альбом», басня С. Михалкова «Седой осел» и стихотворение А. Пушкина «К морю».

Между тем первый тур Миронову не понадобился. Уже на консультации он так блестяще прочитал отрывок, что экзаменаторы засмеялись. Они увидели в нем зачатки будущего комика. И пригласили сразу – минуя первый – на второй тур.

Вспоминает Виктория Лепко (она поступала в «Щуку» в эти же дни): «Вы знаете, как бывает при поступлении. Сначала идут консультации, очень много народу, и все друг друга не видят, потом кто-то отсеивается, а какая-то группка остается. Тогда начинается общение.

Среди других такой толстый мальчик, всегда прыщавый какой-то был, чисто мужской красотой не привлекал внимания абсолютно, и даже казалось, что неуклюжий достаточно, застенчивый, можно сказать, закомплексованный, к девочкам не подходил.

Мальчик такой… я бы на него внимания не обратила. Даже как бы посочувствовала: бедный мальчик, родители обкормили, я думала, потом дети всю жизнь не могут похудеть и мучаются. Толстый мальчишка, думаю, бедняга. Такие дети всегда очень комплексуют, это в нем еще было.

Потом, когда подходил, начинал что-то рассказывать и как-то весело показывать и сразу совершенно преображался. Глаза искрились, а потом, когда мы начали заниматься всякими движениями, оказалось – он замечательно двигался при всей своей комплекции. Короче говоря, оказался очень обаятельным и веселым…»

Именно эти обаяние и юмор и сослужили Миронову хорошую службу – его приняли в «Щуку». Аккурат в те же дни с гастролей

по Дальнему Востоку вернулись родители Миронова, и Мария Владимировна встретила на улице актрису Театра имени Вахтангова Марию Синельникову, которая входила в экзаменационную комиссию «Щуки». И та буквально сразила Миронову неожиданным признанием: «Ты знаешь, Маша, мы приняли парня с твоей фамилией. Очень смешной мальчишка!» «Да это же мой сын!» – воскликнула Миронова, чем привела подругу в еще больший восторг.

Стоит отметить, что из отпрысков знаменитых родителей в группе Миронова оказались еще два человека: Виктория Лепко (дочь актера Театра сатиры Владимира Лепко) и Николай Волков (сын актера Николая Волкова). Однако с ними во время экзаменов Миронов почти не общался, предпочитая им другую компанию. Он подружился с двумя своими будущими сокурсниками, которые были значительно старше его: Юрием Волынцевым (тому было 27 лет) и Михаилом Воронцовым (23 года). У каждого тут же появилось прозвище: Боба, Ворон и Мирон. Практически все экзамены они не разлучались и горячо переживали друг за друга: каждый мечтал, чтобы его друг обязательно поступил.

Вспоминает М. Воронцов: «Летом 1958 года после сдачи очередного вступительного экзамена в Театральное училище имени Щукина в направлении к дому по Рахмановскому переулку, угол Петровки, шли трое – Юрий Волынцев, Андрей Миронов и ваш покорный слуга. Шли смотреть, как Юрка Волынцев по кличке „Боба“, а позднее „пан Спортсмен“ из „Кабачка «13 стульев“ съест на глазах у почтеннейшей публики почти ведро макарон, в которые было положено полкило сливочного масла и насыпано две пачки зеленого сыра.

«Старики, – сказал Боба, поднимаясь по лестнице, – я вот все думаю, неужели мы когда-нибудь будем артистами?»

Мирон усмехнулся и сказал:

– Боб, если у нас с Вороном есть еще выбор, то у тебя его просто нет.

Дело в том, что во время вступительных экзаменов по мастерству актера педагоги довольно громко выражали свое восхищение природными данными Волынцева, называя роли, которые он сможет играть в театре. Жаль, но почти ни одно из этих пророчеств не сбылось.

Но и для самого Андрея выбора не существовало. Он был артист и по генам, и по призванию, и по таланту, тогда еще никому не известному…»

По старой доброй традиции, заведенной в советских вузах, учеба там обычно начиналась… с коллективного выезда на картошку (таким образом студенты помогали труженикам села и

заодно приобщались к труду). На дворе стоял сентябрь 1958 года, место выезда – ближнее Подмосковье. В деревню отправились 28 человек, и всех деревенские поселили… в одной большой брезентовой солдатской палатке. Из мебели там были только нары, а на них – сено. Все запасы, которые студенты привезли с собой – колбаса, сыр, консервы, вино, – в первый же вечер были съедены за общим столом. Это было сделано опрометчиво, поскольку уже на следующий день случилась беда. Оставленные на кухне Вика Лепко, Оля Яковлева и Галя Егорова умудрились переварить макароны, которые превратились в один большой липкий ком. Бедным девушкам пришлось в течение нескольких минут выслушивать обидные реплики своих однокурсников, некоторые из которых в своих выражениях не стеснялись. Все понимали: если такое варево будет продолжаться и дальше, все здесь опухнут от голода. Но пухнуть никому не пришлось, поскольку очень скоро картофельная эпопея закончилась. Дело было так.

Спустя пару-тройку дней большая часть студентов слегла с ОРЗ. Естественно, работать в таком состоянии никто из больных не хотел, а здоровые пахать за двоих тоже не желали. Поэтому, когда кто-то предложил всем курсом сбежать в Москву, эта идея была принята на «ура». Кто-то из ребят нашел сговорчивого шофера грузовика, который за сотку согласился подбросить студентов до города. Побег состоялся следующим утром. Пока деревенские безмятежно спали, студенты поднялись ни свет ни заря, погрузились в грузовик и рванули в столицу. Больше их в том совхозе не видели.

Вскоре после возвращения в Москву, где-то на третьей или четвертой неделе учебы, Андрей Миронов решил устроить у себя дома сабантуй. Аккурат в те дни его родители уехали на очередные гастроли по стране, и вся огромная квартира на Петровке перешла в полное распоряжение сына. И он решил, что называется, «тряхнуть мошной» – произвести впечатление на своих более взрослых однокурсников. По словам все того же М. Воронцова: «В доме была только домработница Катя. Андрюша развлекал нас в тот вечер, как только мог: пел, танцевал, рассказывал смешные истории и к полуночи, устав, заснул прямо за столом. Катя, убиравшая посуду, грустно глядя на спящего, сказала: „Андрюша тянется за взрослыми, а он совсем еще ребенок…“

Между тем в конце октября учеба была прервана: ректор «Щуки» Борис Захава вновь послал мироновскую группу на картошку. Ослушаться этого приказа было нельзя: Захаву все в училище жутко боялись. Он был по-настоящему крут. Например, в

1955 году он выгнал из училища Татьяну Самойлову за то, что она позволила себе сняться в фильме «Мексиканец». Поэтому, когда Захава узнал, что целая группа его студентов самовольно покинула совхоз, он их выгонять не стал, но пообещал в ближайшее же время отправить их на картошку снова, причем в еще более дальнюю тмутаракань. И слово свое сдержал. Вот как вспоминает о той поездке В. Лепко:

«Тут уж мы собрались более тщательно. Брали с собой даже муку, крупы. Но мы и предположить не могли, что там есть совершенно будет нечего. Вы не представляете, в какую деревню нас загнали, какой там был хлеб. Я такого хлеба никогда не видела. Только в войну такой хлеб ели. А это было недалеко от Москвы, и все же пятьдесят восьмой год… Чудовищное ощущение от этого приезда.

Нас тогда разделили на две деревни. В нашей оказались почти все девочки. Андрюшка с ребятами попал в другую деревню, не с нами. Там тоже было несколько девочек.

Встречались мы всем курсом на поле, по утрам. Делились новостями. Я помню, рассказывали, что Мишка Воронцов спал в ночной рубашке, длинной, до полу, чем всех совершенно приводил в изумление, и в двух деревнях о диковинной этой штуке судачили как о главном и чрезвычайном событии, случившемся в сих краях.

Нас же привели в одну избу и впятером воткнули в одну комнату, вместе с хозяйкой, ее невесткой беременной и сыном – деревенским пастухом, тот на печке спал. А мы – за занавеской в той же комнате.

Кровать, раскладушка и трое на полу. Периодически мы менялись местами. Хозяйка будила сына матом-перематом. Мы все в первое утро были в шоке. Побежали к ручью, умылись, побежали к бригадиру, опоздали минут на десять. Он кричит:

– Ну, б…ди, где вы были?

Как мы рыдали!

Но, тем не менее, мы там провели недели две, собирали картошку, и, кроме нас, ее там никто не собирал. Местные жители выходили в поле, когда надо было им поесть.

– Ну что, картошки, что ли, собрать пойти, уже кончилась! – И они сколько-то мешков сдавали в колхоз, один мешок – себе. Такое хозяйство производило сильнейшее впечатление. Но особенно, конечно, хлеб… Его можно было выжимать как тряпку, из него вода текла. Пекли хлеб из каких-то жмыхов, овсюки из него торчали, этот хлеб есть было нельзя. Мы не могли…

Хозяйка кормила нас картошкой на сале и поила молоком. И мы были счастливы. И так две недели, и масса впечатлений. Ну а

на поле встречались, веселились, хохотали. И коченели, и мерзли, и снег уже начал идти. Руки болели – руками голыми эту картошку выковыривали из глинистой, полузамерзшей земли. Возвращались обратно с песнями, и все там немножко сроднились…»

По свидетельству многих, Андрей Миронов в начале своего обучения в «Щуке» был не очень выразителен, особенным талантом не выделялся. Вот Юрий Волынцев или Николай Волков выделялись, а он нет. Многие тогда удивлялись: вроде бы у него такие талантливые родители, а сын – так себе. И художественный руководитель курса Иосиф Матвеевич Рапопорт первое время тоже не видел в Миронове будущего гения сцены. Хотя глаз у него был наметанный. Перед этим он выпустил курс, который сразу выстрелил несколькими звездами: Василием Лановым, Вячеславом Шалевичем, Василием Ливановым. На мироновском курсе тоже были свои потенциальные звезды, только вот Андрей Миронов в их число поначалу не входил. Хотя учился он в высшей мере увлеченно, практически на одни пятерки. Если у него случались четверки, то он жутко переживал и всеми возможными способами старался их исправить. Его однокурсники недоумевали, зачем ему это – как сыну состоятельных родителей стипендия ему не полагалась. Но они не знали, что мечтой Миронова было получение красного диплома.

Вспоминает М. Воронцов: «Милый Андрюша, почему он привязался ко мне, не знаю, но четыре года в училище мы почти не расставались. Я никогда не забуду первый общеобразовательный экзамен. Мы готовились вместе, готовились у него дома. Он честно учил, я честно писал шпаргалки. „Старик, – говорил он мне, – завалишься, вот попомни“. Но я оставался спокойным, так как опыт по этой части у меня накопился уже солидный. На экзамене произошла извечная несправедливость: Андрюша, честно учивший, почему-то получил четверку, а я, все списав со шпаргалки, естественно, получил пятерку. Ах, как он переживал, мой милый Андрюша, ну просто не находил себе места. А я никак не мог понять, почему он так огорчается. Стипендию он ведь все равно не получал, как сын обеспеченных родителей. На следующий день он поехал к педагогу по этому предмету и поздно вечером позвонил мне и почти прокричал: „Старик, я пересдал на „пять“. Я не понимал этого. Моя мама, выслушав мой рассказ, внимательно посмотрела на меня и сказала: „Запомни, Миша, ты никогда не будешь настоящим артистом, а он будет“. „Это еще почему?“ – возмутился я. «Потому, – сказала мама, – что у тебя нет тщеславия“.

Рассказывает Н. Пушнова: «Педагоги собрались удивительные. Совершенно уникальные специалисты по своей культуре и эрудиции. Общественные науки, слава богу, здесь велись чуть ли не интереснее, чем в университете. Шохин преподавал философию, и люди, собираясь в переполненных аудиториях, слушали затаив дыхание. От Кирилла Владимировича узнавали о таких мыслителях России, имена которых еще долго предпочиталось не произносить вслух. Беленький преподавал диамат и истмат, вещи, которые теперь, слава господи, никто и не слушает, и не читает. Но это был человек с необыкновенным обаянием, его все любили, приходили с удовольствием. На первом курсе Коган вела уроки истории партии, студенты собирались в зале, она приходила, садилась за пианино, спиной к аудитории, начинала играть вальсок на пианино. Затем вдруг поворачивалась:

– Ну, когда был первый съезд?

Все хохотали. В этих трудных жанрах советской науки «Щука» достигала невиданных высот: они не утомляли, они развивали, что не просто. Атмосфера царила «потрясающая».

Никто и никогда не позволил бы себе без уважительной причины пропустить лекции Симолина – педагога по изобразительному искусству, истории ИЗО. На его лекциях самые ленивые просыпались, битком была забита аудитория. Сидели верхом друг на друге. Когда Симолин рассказывал, стены буквально растворялись на глазах и появлялось впечатление, что вы пребываете в Италии, или в афинском Парфеноне, или у пирамид в Египте. Он показывал статуи – как они стоят, в какой позе, какой взгляд. Симолин был актер, к тому же прирожденный. Он загорался и лицедействовал с неукротимым темпераментом. И еще одна деталь – он беспрерывно курил на лекциях, а пепельницы никогда не находилось, не положено курить в аудитории, так он везде разбрасывал пепел. И все студенты у него научились маленькому фокусу: он курил и ставил дымящуюся сигарету на фильтр. А еще ребята делали из бумаги кораблики и все время ему подставляли. И он очень нежно говорил:

– Спасибо, спасибо большое, – и туда пепел бросал.

Потрясающий был дядька. Говорили, что его «съел» Захава. Судьба Симолина трагически оборвалась: уже после того, как мироновский курс отучился, он повесился. Он рассказывал о таких вещах, которые нельзя было рассказывать. Выкапывал что-то из архивов. Энциклопедических знаний человек…»

Между тем именно «Щука» поставила крест на первой любви Миронова. Как мы помним, он со школы был влюблен в свою одноклассницу Галю Дыховичную и продолжал с ней встречаться

и после поступления в училище. Однако эти встречи продолжались всего лишь несколько месяцев. Потом Галя резко оборвала их отношения, застав однажды своего возлюбленного с другой девушкой – его однокурсницей по «Щуке». По словам Галины: «Мы поссорились потому, что он… загулял, что ли. Теперь я думаю, что, наверное, в училище девчонки были более раскованные, чем я. Более доступные, что ли. У нас же близости не было, хотя доходило почти что до… но я была девушкой, может быть, излишне строгих правил…

Расставаться с Андреем было очень жалко. Но в 18 лет предательство не прощается. Я оказалась свидетелем его проделок и не смогла пережить. Я сказала: «Все. До свидания, наши дороги разошлись». Он делал попытки помириться. Но у меня такой характер занозистый. Я очень переживала. И родители наши тоже переживали…»

Как ни странно, но после расставания с Галиной постоянной девушки у Миронова так и не появилось. Он пытался ухаживать за некоторыми своими однокурсницами, а также девушками с других курсов, но во что-то серьезное эти связи обычно не выливались.

Вспоминает В. Лепко: «Домой к Андрюше ходили мальчишки, но меня он тоже несколько раз приглашал. Квартира меня поразила обилием фарфора, на стенах, на шкафах – везде тарелки фарфоровые. У нас – а жили мы в том доме, где сейчас находится Театр сатиры, – все стены были голые, только фотографии мамины. Андрюшина квартира хоть и не очень большая, но очень богатая, хорошо обставленная, изобилие диковинных, редких и красивых вещей, даже хотелось бы поменьше, на мой вкус.

Только один раз столкнулась дома с его мамой. Очень странные были отношения. У меня ощущения остались свои, непохожие на те, что наши однокурсники описывают. Может, потому, что я девочка или у нее настроение не заладилось в тот день, когда я к ним пришла, допустим. Может, она готовилась к концерту, не знаю. Она вышла, увидела меня и сказала:

– Да, да, да, здравствуй, деточка.

Она знала моих родителей еще со времен мюзик-холла. Довольно суховатая была женщина, строгая, я ее всегда побаивалась, честно говоря. Вот не знаю почему. От нее всегда каким-то холодом веяло, с первой встречи. Она так и ушла к себе, а Андрюша меня быстренько провел в свою комнату. И тут последовало новое разочарование… Мальчишки рассказывали, что мироновская домработница всегда, когда они приходили, их всех кормила, потому что студенты вечно были голодные. А я помню, мы сидели с Андрюшкой в его комнате, болтали,

готовились к экзамену. Он к тому времени мне немножко понравился. Как мужчина он меня все-таки обаял, и потом его работы не могли оставить равнодушной. Я смотрела на него уже с восхищением, он мне нравился. И домработница сказала:

– Андрюша, иди ужинать!

И он пошел ужинать, а я осталась сидеть одна в комнате.

Я не была голодной, но меня это задело, даже травмировало. Как будто какой-то красивый, очаровательный, много раз слышанный миф – умер. В то время к моей маме весь двор приходил есть какую-нибудь картошку.

При всей моей симпатии к Андрюше я понимала, что он – домашний мальчик, мамин мальчик, это было ясно. Немножко даже подкаблучник. Тогда он казался достаточно избалованным, при маме, при папе. Но держали его в большой строгости. Конечно, мама всегда главенствовала в их семье, задавала тон, а Александр Семенович был более мягким, добрым, обаятельным. Вот от него не веяло холодом. Казалось, что скорее отец сделал сына, чем мать…»

Видимо, родители Андрея понимали, что их сын уже достаточно взрослый человек и нуждается в отдельной жилплощади, куда бы он мог смело водить как своих девушек, так и друзей. Те студенческие гульбища, которые Миронов устраивал в доме в момент отсутствия родителей, последним не могли нравиться: во время них опустошался бар Менакера, билась посуда и происходили другие нехорошие вещи. Поэтому на семейном совете было решено приобрести Андрею отдельную жилплощадь. Это переселение произошло в 1960 году, когда Миронов закончил второй курс. Отныне он стал жить в комнате в коммунальной квартире в Волковом переулке, что поблизости с зоопарком. Это была 18-метровая комнатка, разделенная на две половины – гостиная и спальня – полкой для книг. Кухня была крохотная – всего 5 метров. Однако и этому жилью Андрей был рад: в последнее время он стал тяготиться жизнью с родителями, особенно с матерью, которая пилила его и учила жить.

Первые годы учебы в «Щуке» Миронов был поглощен исключительно учебой. Его отец иной раз сетовал своим друзьям: дескать, сына несколько раз приглашали сниматься в массовках в кино, но он отказался – испугался отчисления из училища. Испуг сына отцу был понятен, его поражало другое – не слишком ли его сын прагматичен. Вон другие студенты все-таки каким-то образом умудряются и в массовках сниматься, и в училище учиться. В других начинаниях Андрей тоже не выделялся: если в детстве обязательно бегал на какие-то выставки, спортивные состязания, то теперь про все это начисто забыл. «Я в его годы чем только не

занимался», – сетовал Менакер-старший.

В 1960 году Миронов переборол-таки свой страх и пришел на фотопробы к фильму «**Прощайте, голуби»**. Однако его лицо режиссеру Якову Сегелю не приглянулось. Чего нельзя было сказать о другом режиссере – Юлии Райзмане. В мае 1960 года он вступил в подготовительный период с фильмом «Как это могло случиться» (в прокате картина получит другое название – «**А если это любовь?»**), повествующем о школьниках-десятиклассниках. Учитывая, что последней работой Райзмана была лента «Коммунист», выбор режиссера многим показался странным. Однако дальнейшие события показали, что Райзман с выбором не ошибся: «Любовь» хоть и не смогла сравниться по силе восприятия с «Коммунистом», однако полемику в обществе вызвала куда более острую. Речь в фильме шла об учениках десятого класса, о первой любви одноклассников Ксении и Бориса. Из-за непонимания со стороны взрослых эта любовь едва не привела молодых людей к трагедии – Ксения совершила попытку отравления, но была спасена.

На роли школьников Райзман искал профессиональных актеров – студентов творческих вузов. Он их нашел во ВГИКе и двух театральных училищах – Щепкинском и Щукинском. Первое учебное заведение представляли: Жанна Прохоренко (Ксения) и Евгений Жариков, второе – Игорь Пушкарев (Борис), третье – Андрей Миронов (Петя), В. Ганишну, Т. Приемская (школьники). Самыми опытными среди них были Прохоренко и Пушкарев, на счету которых уже были съемки в нескольких фильмах: Прохоренко блистательно дебютировала в 1959 году в пронзительной «Балладе о солдате», Пушкарев снялся в лентах «Жестокость», «Самые первые». Для Жарикова и Миронова фильм Райзмана стал дебютом.

В июне 1960 года администрация съемочной группы разослала письма во все вышеперечисленные учебные заведения с просьбой к руководству вузов отпустить своих учеников на съемки картины. Письмо ректору «Щуки» Б. Захаве по поводу Миронова, Ганишну и Приемской было отправлено 22 июня. Никаких проволочек ни с одним из утвержденных актеров не случилось.

Поскольку действие фильма происходило в одном из неназванных промышленных городов Союза, Райзман отказался от съемок в Москве и перенес натурные съемки в Киев. Там в одном из новых микрорайонов и начались съемки. На календаре было 25 июля 1960 года. Как будет вспоминать много позже сам А. Миронов: «Текст роли был невелик, и я стремился компенсировать это в перерывах между съемками: острил,

развлекал как мог съемочную группу – старался изо всех сил. Как-то, после очередной моей шутки, Юлий Яковлевич подошел ко мне и тихо сказал: „Артист в жизни должен говорить гораздо меньше. Нужно что-то оставить для сцены и для экрана. Не трать себя попусту, на ерунду“. Эти слова Ю. Райзмана запомнились навсегда…»

Миронов действительно играл самого веселого персонажа. И хотя его появлений в кадре было не так много, однако у него было два больших монолога. Первый он произносил, когда они с одноклассниками возвращались домой из школы. Это был монолог про любовь. Миронов с ехидцей в голосе спрашивал одноклассницу, что она читает, а когда та заколебалась с ответом, догадался: «Небось опять про любовь? Ну сколько можно?! Семьсот лет талдычат одно и то же: он ее любит, она его не любит. Сколько можно!..» «Почему семьсот?» – поинтересовался кто-то из одноклассников. «Ну, тысячу, какая разница?» – развел руками герой Миронова.

Второй монолог был куда длиннее и гораздо важнее для всего развития сюжета. Собственно, именно с него и завязалась вся интрига в фильме. Школьники проходили практику на заводе, и перед самым выходом на работу герой Миронова вдруг заметил у своей одноклассницы в руках какое-то письмо, выхватил его и стал вслух зачитывать присутствующим, параллельно допытываясь, кто его автор. Автором был Борис, а письмо предназначалось Ксении. Он бросился к Пете, попытался вырвать свое любовное послание, а когда это не получилось, толкнул его в грудь. Сбивая на пол ящики с молочными бутылками, Петя рухнул на пол.

Натурные съемки продолжались до конца августа, после чего группа вернулась в Москву. Здесь в начале сентября съемки возобновились, но теперь уже в павильонах «Мосфильма». Миронов был занят всего лишь в нескольких эпизодах: в основном в школьных сценах, поэтому большую часть времени он проводил в «Щуке», занятия в которой начались в эти же дни. Вспоминает преподаватель Миронова Ю. Катин-Ярцев:

«С Мироновым я столкнулся непосредственно в работе **в январе 1961 года**, когда мне поручили отрывок из «Мертвых душ». Сцена у Плюшкина: Чичиков – Миронов, Плюшкин – Юданов, Мавра – Селянская (потом партнерша Миронова в Театре сатиры в спектакле «Над пропастью во ржи»). Начинается тщательная работа – от урока к уроку. Вот они, каждодневные училищные заботы – как преодолеть в ученике то, что ему мешает, как отыскать то, что нужно ему, и не только для этой роли, но и вообще как артисту…

Миронов показался близким Чичикову актерски. И вот еще запись: «Правильно все пропускать через мысли» – это же не открытие, это норма актерского существования, ее надо искать и искать. «Убрать у Андрея излишнюю нервность в руках». «В речи излишняя пулеметность, особенно в начале – убрать, речь должна быть округлая».

Репетировали мы достаточно увлеченно. Листаю репертуарные записи. 14 января 1961 года. 21.15–24.15, «Мертвые души» в гимнастическом зале (это наша сцена). 15 января. 21.00–24.30, «Мертвые души». А ведь на следующий день опять в 9 часов на занятия. «А еще вот так, а еще вот так». Сдаем работу на зачете. А. А. Орочко, зав. кафедрой, говорит: «Расстраивал меня Миронов до сегодняшнего показа. Сегодня хорошо – органично, задорно, но все время характерные и острохарактерные роли играет, надо бы что-то попроще». Б. Е. Захава: «Что-то вроде Жадова». Реплики справедливые…»

В том же 61-м у Миронова случилось еще несколько прекрасных ролей. Так, на втором семестре тот же Катин-Ярцев взял его в отрывок из спектакля «Тень» Е. Шварца на роль журналиста Цезаря Борджиа (десять лет спустя Миронов сыграет его же в фильме Надежды Кошеверовой). Роль Аннунциаты исполняла Ольга Яковлева, Ученого – Николай Волков, Пьетро – Юрий Волынцев. На одну из репетиций пришла педагог А. Ремизова, которая поначалу его и ставила, но потом вынуждена была передать другому – она сдавала этот же спектакль в Театре Вахтангова. Ремизова решила, что детищу Катина-Ярцева не хватает музыкальности, и работа пошла в этом направлении. Музыка стала звучать по-новому, поменялась пластика, появились куплеты, подтанцовки. В этой новой интерпретации талант Миронова засверкал новыми красками. По словам Ю. Катина-Ярцева: «И надо было видеть, как оживился и расцвел Андрей Миронов. Загорелись глаза, подвижность его рвалась наружу, и то зерно роли, которое мы раньше определяли („мотылек“), стало воплощаться в каждом его движении. И несмотря на его сетования в последующие годы на недостаточную музыкальность, она проявлялась во всем. Вот заседают министры королевства, и вездесущий Цезарь Борджиа порхает с одного конца сцены на другой – пируэты, поклоны, реверансы, музыкальные фразы следуют чередой друг за другом. Роль зажила по-настоящему полнокровно, становясь значительной, очень современной. Так и о костюмах записано: „Миронову можно современный костюм“ – такой и был в спектакле, песочного цвета. Дипломный спектакль получился и успешно принимался зрителями, и Цезарь Борджиа вызывал одобрительные аплодисменты…»

Из других ролей Миронова-третьекурсника следует отметить следующие: Сганарель в «Лекаре поневоле» (режиссер А. Брискиндова), Хиггинс в «Пигмалионе» (режиссер Ц. Мансурова), Лукаш в «Бравом солдате Швейке» (режиссер Ю. Любимов). Последнего Миронов играл так виртуозно, что все, кто видел его в этой роли, восхищались и говорили: вот готовый номер, его можно играть на любых капустниках и концертах! Роль Лукаша наглядно выявила два главных качества будущего актера Миронова – точный рисунок и импровизационное самочувствие. Отчетливо чувствовалось и главное – обостренная авторски-актерская позиция есть отношение актера к образу – «суд над персонажем».

Однако была у Миронова и неудачная роль – учитель музыки в «Мещанине во дворянстве». Этот спектакль ставили студенты четвертого курса, и Миронова они позвали, чтобы заменить заболевшего товарища. Андрей с радостью согласился, о чем вскоре сильно пожалел. На спектакль счастливый сын привел своих родителей, усадив их чуть ли не в первый ряд. Лучше бы он этого не делал. Во время представления Миронов так переволновался, что играл «не в ту степь»: наигрывал, пережимал. Сидевшие в зале родители готовы были провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть сыновьего позора. Сразу после спектакля Андрей услышал от них массу «комплиментов». Особенно усердствовала мама, которая, как мы помним, была против его актерской карьеры еще в школьные годы. «Ну какой из тебя актер? Тебе надо было идти в университет, учить языки, там бы ты был лучшим! – бушевала Мария Владимировна. – А здесь? Ты один из самых худших! Неужели тебе доставляет это удовольствие?»

К счастью, несмотря на пережитое унижение, Миронов училище не бросил, да и поздно было уже бросать – как-никак третий курс. Хотя поводы к такому повороту событий были. Ведь аккурат в эти же дни начались неурядицы с дебютным фильмом Миронова «А если это любовь?». Картина была закончена в начале 1961 года и вызвала бурную реакцию со стороны многочисленных цензоров. В мае фильм смотрели в Министерстве культуры СССР и нашли в нем массу недостатков. Райзману было заявлено: если он не внесет в ленту купюры, фильм до широкого зрителя не доберется. Цензоров не смог переубедить даже благожелательный отзыв о ленте такого киношного мэтра, как Михаил Ромм. На худсовете по фильму 15 мая он заявил следующее:

«Представьте себе, что вы смотрите картины И. Пырьева или Г. Рошаля. Вы с первых кадров войдете в условный мир. А в фильме Райзмана нас окружает реальный мир. В показе этого

мира Райзман сделал огромный шаг вперед, причем в том направлении, в каком он идет всю свою жизнь… В этом фильме есть жизнь с самого начала его. Такое доступно у нас в стране очень немногим режиссерам. К этому рвался С. Герасимов. Но последние его работы глубоко условны. А в фильме Райзмана, в лучших его кусках, содержится поразительный жизненный анализ…

Сорок лет существует советская кинематография, и сорок лет мы, в общем, любовью не занимаемся. Ведь наши актеры не умеют перед объективом целоваться. А если целуют друг друга, то от неумения и робости делают этот опасный шаг очертя голову, словно в омут бросаются. Естественно, что к изображению любви в кинематографе у нас должны быть огромные претензии. И вот – фильм, в котором любовь изображена с глубоким тактом, со вкусом, с режиссерской точностью. Но только не с холодной, расчетливой точностью, а с большим сердцем!..»

Однако страстный монолог Ромма услышан не был. Цензоры, которые увидели в фильме Райзмана исключительно посягательство на коммунистическую мораль, заставили Райзмана взять в руки ножницы и обкорнать картину. В итоге была сокращена интимная сцена между Ксенией и Борисом в лесу; сокращена и заново перемонтирована сцена во дворе между матерью Ксении и только что вернувшимися из леса Ксенией и Борисом; изъята сцена, где мать Ксении набрасывается с кулаками на Бориса за то, что он «обесчестил» ее дочь; изменен разговор отца и матери Бориса в комнате (разговору придали более благожелательный тон); изменен финал – изъяли общий план, навевавший на зрителя мрачные мысли (там Ксения и Борис расходились в разные стороны), и т. д. 11 августа фильм Райзмана в очередной раз был просмотрен в союзном Минкульте и получил-таки «добро» на выпуск.

Но вернемся непосредственно к Андрею Миронову. В самый разгар баталий по фильму «А если это любовь?» – в июне 1961 года – он получил очередное приглашение от кинематографистов. Еще один мэтр советского кино Александр Зархи пригласил его на одну из главных ролей в картину «Орел или решка» (в прокате – «**Мой младший брат»**) по повести Василия Аксенова «Звездный билет». Эта повесть о четырех выпускниках средней школы в те дни еще только готовилась к публикации в «Юности», но кинематографисты разглядели в ней заявку на будущий бестселлер и торопились первыми зафиксировать это. В повести было четыре главных героя: вчерашние школьники Димка, Алик, Юрка и Галка. На роли первых двух были приглашены дебютанты: Александр Збруев (выпускник Театрального училища имени

Щукина), Олег Даль (студент третьего курса Театрального училища имени Щепкина). Роль Юрки предложили Андрею Миронову, а Галку должна была сыграть студентка «Щуки» Иваненко, но худсовет ее кандидатуру решительно забраковал. И Зархи навязали другую исполнительницу – студентку третьего курса ВГИКа Людмилу Марченко. Лично против нее Зархи ничего не имел, тем более что она была уже опытная актриса (на тот момент за ее плечами были уже четыре фильма: «Отчий дом» (1959), «Белые ночи» (1960), «До будущей весны», «Леон Гаррос ищет друга» (оба – 1961), но его угнетало другое: она была пассией Ивана Пырьева, к которому Зархи питал не самые теплые чувства. Поэтому он всячески противился кандидатуре Марченко. Вот как это выглядело в реальности.

13 июля директор 2-го творческого объединения (там готовилась к постановке картина) написал Зархи письмо, где подверг его резкой критике за приверженность одной кандидатуре – Иваненко. Директор уличал режиссера в том, что он специально «гробит» пробы других актрис, снимая их в не самом выгодном ракурсе. Например, он таким образом отвел кандидатуры Людмилы Гурченко и Натальи Кустинской. И Шевкуненко по этому поводу недоумевает: «Вы очень невыгодно попробовали Кустинскую, объяснив ей, что она „переросла“ возраст героини, а рядом Гурченко. Где же логика? Есть Вертинская, наконец О. Крылова (балетная школа Большого театра), Людмила Марченко. Мы хотим наблюдать объективную картину в интересах Вашего фильма и всего объединения в целом».

Спустя четыре дня – 17 июля – состоялся худсовет объединения, где Зархи снова подвергли критике за его приверженность одной кандидатуре. Приведу лишь несколько отрывков из выступлений некоторых ораторов:

Воробьев: «Гурченко не подходит по возрасту. Иваненко моложе, но она слишком неумела, с ней нужна гигантская работа…»

Воинов: «Меня не смущает версия Иваненко. Гораздо хуже, что в ней нет обаяния. Она неприятна внешне…»

Зархи: «Я считаю, что Иваненко идеально подходит для роли Галки…»

Шевкуненко: «Марченко хороша. Но она заключила договор с Одесской киностудией, и будет трудно ее оттуда забрать…»

Зархи: «Я считаю, что Марченко не подходит, надо снимать Иваненко…»

И все же, несмотря на все потуги Зархи отстоять кандидатуру Иваненко, его обязали взять в картину именно Людмилу

Марченко. Что касается Андрея Миронова, то его кандидатура была чуть ли не единственной – Зархи определился с ним с самого начала, и в немалой степени это объяснялось его личными симпатиями: Зархи был знаком с Александром Менакером еще в бытность того ленинградцем. И члены худсовета на удивление легко пропустили кандидатуру Миронова, хотя и она у многих вызывала нарекания. Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, приведу выдержки из стенограммы заседания худсовета от 7 июля 1961 года, где речь шла именно о Миронове, пробовавшемся на роль Юрки:

В. Гетов: «Юрка мне просто не понравился. Он кажется постарше, помассивнее, он физически неприятен. В романе у Аксенова он чище, он склонен к компромиссам, примирениям. Вся манера поведения, которая представлена в пробах, начисто противопоказана – это вытрющивание, обезьянничание, клоунада…»

Л. Арнштам: «О Юре. Он может быть такой. Он просто в компании как-то неинтересен. Юра в компании контрастирует с другими. Он проще. Он физкультурник. Между прочим, Юра выглядит более спортивным…»

М. Захариас: «Я думаю, что парни подобраны хорошо. Я согласен, что здесь лучше Димка и Алик, а Юрка немного хуже. Но мне кажется, что он может быть в конечном итоге хорошим…»

В. Леонов: «Юра, может быть, вызывает какие-то опасения именно по его мужской фактуре…»

А. Мачерет: «Что касается Юрки. Мне казалось, что главная линия его – это решительная прямота физкультурника. Есть такие прямолинейные люди, которые рубят правду, дают по морде за безнравственные вещи. Может ли этот актер, играющий Юрку-баскетболиста, хороший актер, дать этот образ? Может. Но сказать, что это находка, типизирующая эту сущность человека, нельзя. Тем не менее я бы не возражал против него, вздохнув, что нет лучшего…»

А. Зархи: «Что касается Юрки, то я не скрою от вас – я до последнего дня еще нахожусь в ощущении, что с Юркой мы не совсем точно попали, но здесь есть обстоятельство за него, то есть в том смысле, что это самая трудная роль, она наименее выписана – это во-первых. И во-вторых, это парень, который будет рабочим в дальнейшем – это очень важное обстоятельство. С другой стороны, он должен быть обаятельный, смешной, и нужен очень хороший актер, который смог бы это сделать. Вот Миронов из всех поисков и проб наиболее подходящий. Он старше по сравнению с остальными, но он хороший актер и в этой компании он поможет. В нем есть какие-то свойства, которые помогают

всему этому…»

17 июля съемочная группа «Орел или решка» (чуть позже фильм назовут уже по-другому – «Под открытым небом») выехала в Таллин, где должна была сниматься натура. Съемки проходили в приморском городке Пирит. Работа шла трудно. Поскольку Зархи не успел провести репетиции в Москве, пришлось это делать прямо по ходу съемок. Из-за этого тратилась уйма рабочего времени. Однако если взрослые участники съемок заметно нервничали, то четверка главных исполнителей наслаждалась каждым днем пребывания в курортном городке. Люсю Марченко ребята звали «мамкой», поскольку среди них она была самой опытной: и по части кинематографической, и по части амурной (про ее роман с Пырьевым не знал только ленивый, к тому же она недавно вышла замуж за студента МГИМО). Из ребят «женатиком» был Збруев, женатый на Валентине Малявиной. Однако это не помешало ему чуть ли не с первых дней экспедиции начать приударять за Марченко.

За время съемок ребята сильно сдружились и практически все свободное время проводили вместе: гуляли по городу, бродили по берегу моря. Особенно дружны были Збруев и Даль. Миронов же иногда любил уединиться, уходил в город один и долго не появлялся.

Между тем прошло чуть больше десяти дней с начала съемок, как грянул первый гром. Отснятый материал был отправлен в Москву, где его смотрело руководство «Мосфильма», то бишь Иван Пырьев. И увиденное ему сильно не понравилось. Он понял, что Зархи целенаправленно гробит его протеже – Марченко. Прихватив с собой директора объединения Шевкуненко и редактора Мачерета, Пырьев рванул в Пирит. И устроил Зархи форменный разнос. Приведу цитату из заключения, написанного по следам этой поездки:

«Плохо получилась актриса Марченко. Речь идет об искусственной мизансцене (сцена в лесу), о невыразительном актерском исполнении и неудачных портретах. Нужно сделать все возможное для того, чтобы добиться большей внешней привлекательности актрисы, более тонкого и искреннего исполнения ею роли…»

Кстати, и игра Андрея Миронова тоже не осталась без внимания. 19 августа, после просмотра следующей партии отснятого материала, А. Мачерет писал Зархи: «Я не баскетболист, но те, кто знают в этом толк, говорят, что внешние данные актера, выбранного на роль Юры, не очень соответствуют спортивному профилю, о котором идет речь в романе. Ну, да это, думается, не столь важно. Гораздо важнее другое: актер держит

себя просто, естественно и, на наш общий взгляд, согласуется с представлением о персонаже, возникающем при чтении романа…»

Съемки в Эстонии должны были продлиться до 18 октября. Но помешала погода. В октябре должны были сниматься эпизоды на море (на рыболовецкой шхуне, попавшей в шторм), однако из-за тихой погоды съемки пришлось перенести на более поздние сроки. В итоге группа задержалась на неделю и в Москву вернулась только 25 октября. И здесь грянуло ЧП. Аккурат в эти дни в столице проходил 22-й съезд КПСС, где повесть В. Аксенова «Звездный билет», напечатанная в «Юности», была подвергнута разгромной критике. Писателя обвиняли в том, что он возвел поклеп на советскую молодежь, изобразив в своей книге не строителей коммунизма, а рефлексирующих нытиков и развязных девиц. Как результат: съемки фильма «Под открытым небом» были остановлены (приказ от 27 октября). Зархи была дана команда переработать сценарий (Аксенов от этого самоустранился). Переработка длилась больше двух месяцев. Наконец, **1 февраля 1962 года** съемки фильма возобновились в павильонах «Мосфильма».

Тем временем **19 марта** на экраны страны вышел дебютный фильм Миронова «**А если это любовь?»**. И практически с первых же дней демонстрации вызвал бурную реакцию со стороны критики. В те дни редкое печатное издание не прошлось по фильму, обвиняя его в безнравственности: дескать, в ней советские школьники показаны развратными. Как напишет много позже критик В. Трояновский: «Критика не увидела „собственно любви“ в отношениях Бориса и Ксении. Чего нет на самом деле, так это любви-крепости, в которой можно было бы найти спасение, „когда весь мир со мной в раздоре“. Предоставив своей героине такое убежище, авторы сами избежали бы многих упреков от современников. Но они не по-оттепельному беспощадно дали ей выпить чашу испытаний до дна, не поддавшись соблазнам утешения и упрощения… Фильм Райзмана – это печальный и мужественный ответ тем, кто хотел бы построить новый мир из чистого и совершенного материала детства».

Миронов был на премьере фильма со своими друзьями-щукинцами, которые очень хорошо отозвались об его игре. Но главным было другое: фильм был настоящим явлением в советском кинематографе, и присутствие в нем, даже в роли героя второго плана, считалось большой удачей. Так что дебют Миронова в кино можно смело назвать состоявшимся. Бурная полемика в прессе, которая сопутствовала фильму, стала

хорошим промоушном ему. По итогам 1962 года лента собрала 22 миллиона 600 тысяч зрителей (лидер проката фильм «Человек-амфибия» собрал 65 миллионов 500 тысяч).

Близилось окончание Мироновым училища. На выпуске он и две его однокурсницы сделали водевиль «Спичка между двух огней», постановщиком которого был будущий близкий друг Миронова Александр Ширвиндт. К тому времени тот уже успел окончить «Щуку» и теперь преподавал там фехтование. И студенты мироновского курса стали первыми, на ком он пробовал свои режиссерские силы. В спектакле были заняты три исполнителя: Миронов (он играл Божене), Виктория Лепко и Вера Майорова.

Вспоминает В. Лепко: «Андрюша в роли Божене был спичкой. Это было что-то, вот там он играл! Все, что мы потом видели, все, что делал Андрюша, вот уже там все это началось. Они с Шурой сами сочинили куплеты про Париж, про Францию. Я играла Жоржетту, Вера – Козетту (представляете теперь, откуда те знаменитые воспоминания о гризетках в „Соломенной шляпке“?) и как мы обе в него влюблены! Причем Верочка была такая худенькая-худенькая, с белыми волосиками, голубыми глазками, а я к четвертому курсу вышла замуж и родила ребенка, поэтому была такая пухленькая, крепенькая девочка, темненькая, тоже голубоглазая. Я играла такую напористую, темпераментную девицу, говорила и плакала таким мощным обиженным басом, а Верочка – нежненько, мы его разрывали на части, с кем он, кого он больше любит, и все мы бесконечно пели, танцевали. Очень веселый, смешной водевиль…»

А дипломным спектаклем мироновского курса стала шварцевская «Тень», где он, как мы помним, играл журналиста Чезариа Борджиа. На него пришли родители Миронова, хотя мать идти поначалу отказывалась, поскольку все еще находилась под впечатлением провала сына в спектакле «Мещанин во дворянстве». Как расскажет она сама много позже: «Я знаю, что когда артистка – хорошенькая женщина, но не очень хорошая актриса, это ничего не значит. Она все-таки какое-то время продержится, может быть, удачно выйдет замуж, и все будет благополучно. Но когда мужчина плохой актер – это чудовищно. Я не ходила ни на один переход Андрея с курса на курс. Ходил Александр Семенович. Я Андрея люблю больше всего на свете, и я больше всего боялась, что он мне не понравится. А я настолько объективный человек, что это была бы травма для меня на всю жизнь. Я, честно говоря, эгоистически себя спасала. Когда я была на выпускном экзамене, они играли „Тень“ Е. Шварца, он мне понравился меньше всех. Мне понравились Люда Максакова, Зяма

Высоковский в „Мещанине во дворянстве“, в „Тени“ мне понравились Коля Волков, Миша Воронцов, Юра Волынцев. Я очень переживала это. Я не могу сказать, что он мне совсем не понравился. Нет. Я считала, что он способный. Но я не увидела в нем, что его Бог поцеловал когда-то. Я у остальных тоже не увидела поцелуев, но все-таки они были какие-то лихие. Или он был скован оттого, что я первый раз смотрю его. Он знал, что я сижу в зале. И первый спектакль, когда я пришла смотреть в театр, он играл с огромным волнением. Он ведь очень боялся, потому что знал, что я нелицеприятно смотрю…»

Между тем «Щуку» Миронов закончил с отличием – с красным дипломом. И первые, кому он об этом сообщил, стали его родители. После этого даже мама, которая все эти годы сомневалась в правильности выбранного ее сыном пути, поняла, что ошибалась.

Аккурат в дни окончания училища закончились съемки фильма «Под открытым небом» («Мой младший брат»). С 25-го по 29 июня 1962 года там шли пересъемки ранее снятых эпизодов, которые не понравились худсовету «Мосфильма». В частности, были полностью пересняты сцены в ресторане (общий метраж переснятого – 120 полезных метров). Спустя месяц после этого фильм был благополучно сдан. Правда, категорию ему присудили всего лишь 2-ю. Плюс поменяли название: поскольку в эти же дни в «Грузии-фильме» была закончена картина с похожим названием («Под одним небом»), фильм Зархи получил новое название – «Мой младший брат». Читателю наверняка любопытно будет узнать, какой гонорар заработал на этой картине Андрей Миронов. Сообщаю: за 67 съемочных дней ему набежало 1110 рублей 00 копеек (ставка в день – 13 рублей 50 копеек). В «четверке» Миронов получил меньше всех: у Александра Збруева было 1903 рубля (ставка – 13.50, 132 дня), у Людмилы Марченко – 1560 (ее ставка сначала была как у всех – 13.50, затем ее подняли до 20 рублей, 75 дней), Олег Даль – 1229 (ставка – 13.50, 80,5 дня).

Как и большинство выпускников «Щуки», Миронов бредил одним театром – Вахтанговским. И попасть мечтал именно в него. Весной 62-го, незадолго до окончания училища, он отправился туда показываться в компании своих однокурсников Юрия Волынцева и Михаила Воронцова. Миронов играл отрывок из своего лучшего студенческого спектакля – «Похождения бравого солдата Швейка». Как мы помним, Миронов играл там поручика Лукаша и играл виртуозно – это был готовый эстрадный номер. Главреж Вахтанговского Рубен Симонов хохотал на показе во все горло, но когда дело дошло до вердикта, заявил, что Миронов

актер талантливый, но его амплуа на сегодняшний день театром востребовано быть не может. Миронов жутко расстроился. Горечь усиливало и то, что его друзей – Волынцева и Воронцова – в театр приняли. Кажется, пророчества его матери сбывались, и впору было уходить из профессии. Но в Москве мир не замыкался на одном лишь Вахтанговском театре. И тут в дело вмешался случай. Миронов вместе с родителями иногда бывал на вечерах, устраиваемых в доме драматурга Алексея Арбузова. И там познакомился с режиссером Театра сатиры Валентином Плучеком. Узнав о том, что Андрей еще не выбрал для себя театр, Плучек пригласил его к себе. Стоит отметить, что самому Миронову этот театр не нравился. Он видел две его постановки – «Свадьба с приданым» и «Четвертый позвонок» – и оба спектакля произвели на него удручающее впечатление. По словам самого актера: «Я помню свою эмоцию, когда вышел из театра после спектакля „Четвертый позвонок“ и шел на остановку троллейбуса к Никитским воротам, а мимо проходили артисты театра, которых я тогда еще не знал. Я с ужасом думал: неужели и мне, когда я окончу училище, придется работать в этом театре?»

После провала в Вахтанговском Миронов решил пренебречь своими недавними впечатлениями относительно Театра сатиры и отправился туда показываться. С ним были две его однокурсницы: Виктория Лепко и Валентина Шарыкина. Они играли сценки из водевиля «Спичка между двух огней» и «Пигмалиона» (Миронов в роли Хиггинса). Затем вместе с Шарыкиной Миронов показал отрывки из «Швейка» и «Загадочную натуру» А. Чехова. Реакция была такой же – все хохотали. А вот итог получился противоположный предыдущему – Миронова приняли единогласно. Как гласит легенда, немалая заслуга в этом принадлежала родителям Миронова – Менакер и Миронова хорошо знали некоторых обитателей Театра сатиры, в том числе Валентина Плучека, Татьяну Пельтцер и др. Приняли в труппу и Шарыкину, а вот Лепко прокатили. Причем против ее кандидатуры выступил сам главреж театра Валентин Плучек. Все присутствующие были поражены, поскольку в ее-то кандидатуре никто не сомневался – отец Виктории Владимир Лепко был ведущим актером Театра сатиры. Никому (в том числе и отцу) было невдомек, что в этом отказе крылись личные причины. Несколько месяцев назад Плучек приглашал Викторию в свой театр, но во время личной аудиенции в своем кабинете пытался приударить за молоденькой актрисой. Виктория, у которой были муж и маленький ребенок, закатила режиссеру-приставале пощечину и выскочила из кабинета. Это унижение Плучек ей не забыл и отомстил самым жестоким образом.

Первый выход Миронова на сцену в качестве штатного актера Театра сатиры состоялся **24 июня** (тогда театр базировался в концертном зале гостиницы «Советская», что на Ленинградском шоссе, дом 32). Он играл небольшую роль Гарика в спектакле «**24 часа в сутки»**. Естественно, ни один из зрителей на этот выход внимания не обратил. Да и для самих актеров театра он остался практически незамеченным. Скажи им кто, что спустя каких-нибудь пять лет Миронов станет одним из ведущих актеров их театра, они бы сочли этого предсказателя сумасшедшим.

В августе Миронов получил еще одну неприметную роль – в спектакле «**Дамоклов меч»** он играл персонажа… в маске (первый выход – 2 августа). По этому случаю Плучек написал на программке спектакля пожелание молодому актеру: «Поздравляю Вас со скромным участием в „масках“ в этом спектакле, что способствует поручению Вам и ответственных ролей в нашем театре. Уважайте „маленький“ труд в спектакле и всегда будете иметь „большой“.

Между тем в эти же дни Миронову пришло очередное приглашение сниматься в кино. На этот раз предложение исходило от режиссера Генриха Оганисяна, который на киностудии имени Горького готовился к съемкам комедии «**Три плюс два»** по пьесе Сергея Михалкова «Дикари». Стоит отметить, что в пьесе главными героями были люди в возрасте – им было за сорок. Но Оганисян решил значительно их омолодить, для чего ему и понадобились актеры в возрасте от двадцати пяти до тридцати. И хотя Михалков был категорически против такого поворота, режиссер сумел выиграть спор и в середине лета приступил к поискам подходящих актеров. Пробы проходили на Рижской киностудии, которая взялась помогать студии имени Горького в постановке этого фильма (для рижан это была только 4-я по счету полнометражная лента). Однако на молодой киностудии не оказалось цветной кинопленки, что затянуло подготовительный процесс на две недели. В итоге только к началу августа все утряслось: был сформирован творческий коллектив, выбраны актеры.

Мужская половина выглядела следующим образом. На роль Сундукова был утвержден ленинградский актер Геннадий Нилов (отец нынешнего «мента» Алексея Нилова), у которого это была первая главная роль в кино, на дипломата – Евгений Жариков (вторая главная роль после «Иванова детства», 1962), на Рому Любешкина – Андрей Миронов, который знал Жарикова по совместной работе в картине «А если это любовь?».

На роли девушек пробовались многие известные актрисы и даже манекенщицы, но режиссер остановил свой выбор на двух

Натальях: Фатеевой и Кустинской. Обе снимались в кино с конца 50-х и имели за плечами куда больше ролей, чем их коллеги из мужской половины. У Фатеевой были роли в фильмах: «Есть такой парень», «Капитан „Старой черепахи“, „Дело „пестрых“, „Случай на шахте восемь“, „Любить человека“, „Битва в пути“, у Кустинской: „Хмурое утро“, „Сильнее урагана“, „Годы девичьи“, „Первые испытания“, „Увольнение на берег“. Правда, против кандидатуры Фатеевой выступал сам автор пьесы, считавший, что она недостаточно спортивна (по сюжету, Зоя была циркачка) и перед камерой держится, «как пионервожатая“ (то есть заторможенно). Но студийное начальство хорошо относилось к Фатеевой и утвердило ее на роль.

Пробы проходили как на студии, так и на натуре – на Рижском взморье в начале августа 62-го. Из-за проволочек с цветной пленкой, актерских проб и плохой погоды в Риге подготовительный период был продлен на две недели. Наконец, 11 августа съемочная группа выехала в Крым, в Судак. Там, в бухте Парадиз, на территории завода шампанских вин возле Нового Света была размещена съемочная площадка будущего фильма. Место было просто райское: теплое чистое море, восхитительная прибрежная полоса. Правда, асфальтовая дорога была ужасная, да и бытовые удобства были минимальные: воду приходилось греть на электроплитках, мыться в тазиках. Жила группа во дворце князя Галицына, прямо над подвалами завода шампанских вин. Мужчины были в восторге, поскольку литровая кружка шипучего напитка стоила 45 копеек. Чтобы перелить шампанское из бочки, его надо было отсасывать, как бензин. Поэтому актеры соблюдали очередность, чтобы окончательно не спиться.

Съемки начались 16 августа с эпизодов с участием трех дикарей-мужчин. Женщин пока не снимали, поскольку там был недокомплект – Кустинская все еще снималась в Ленинграде. К тому же задержалось прибытие и двух автомобилей – «Волги» и «Запорожца», игравших в фильме не последнюю роль. 18 августа случился первый простой – оказалась не готова декорация «лагерь». 27–28 августа съемки не велись из-за поднявшегося сильного ветра.

Ближе к концу августа в Новый Свет приехала Кустинская, и съемки пошли в полную силу. Начали снимать знакомство мужчин-дикарей с девушками. Помните, дамы заставили мужчин копать землю в поисках бутылки из-под шампанского (кстати, это была бутылка, накануне распитая группой), где содержалось письмо, в котором указывалось, что место на берегу навечно закреплено за подругами-красавицами. Самые смешные реплики

были у героя Миронова. И вообще в мужском трио он был самым забавным (тюрбан на голове и амулет на груди) и обаятельным: Сундуков был мрачен, а дипломат – слишком рафинированный.

У Миронова была роль ветеринара, и играл он ее весьма убедительно. Хотя на самом деле к животным относился вполне равнодушно. А в детстве и вовсе их мучил. Помните эпизод, где Рома Любешкин рассказывает Зое о том, почему он стал ветеринаром. «У меня была собака, я ее любил… а мой друг взял и отрезал ей хвост, – говорит Рома. – А я взял и пришил». На самом деле в детстве Миронов частенько над этими самыми кошками измывался. В их дворе на Петровке их было много, и маленький Андрей, разозленный частыми отъездами родителей на гастроли, вымещал зло на кошках: возил их мордой об асфальт. К счастью, с возрастом эти садистские наклонности у него исчезли. Но вернемся на съемки фильма.

Практически весь август и сентябрь работа шла без простоев (только 27 и 29 августа съемки пришлось отменить из-за облачности). Актеры снимались легко и непринужденно, хотя было трудно: фильм снимался в двух вариантах (для широкого экрана и обычный формат), поэтому одну и ту же сцену приходилось играть дважды. Но все это компенсировалось замечательной обстановкой, сложившейся на съемочной площадке. Кое-кто даже пытался перенести эти отношения в реальную жизнь. Например, Евгений Жариков предпринял попытку ухаживаний за своей киношной половиной – Натальей Кустинской. Но та его «отбрила». Тем более что супруга актера – тренер по фигурному катанию – была поблизости, приехав на пару недель к мужу на побывку. Жена страшно ревновала мужа к Кустинской и в перерывах между съемками устраивала бурные сцены – например, швыряла в «соперницу» бутерброды. Все это отрицательно сказывалось на съемках, и режиссер в конце концов вынужден был объявить жесткие санкции – жену Жарикова на съемочную площадку больше не пускали.

Совсем иначе вела себя жена Геннадия Нилова Галина, которая приехала к мужу, чтобы провести с ним медовый месяц (они только поженились). Она готовила актерам нехитрую еду и была, что называется, тише воды, ниже травы. Впрочем, может потому, что ее муж никаких поводов к ревности не давал.

Кстати, в триумвирате Миронов – Нилов – Жариков только последние двое сумели подружиться. А вот с Мироновым у Нилова отношения не сложились. По его же словам: «Мы с Мироновым никогда друзьями не были. Видимо, абсолютно разные люди. Оганисян разрешал актерам буквально все. Мы импровизировали, как хотели. И Андрей, разумеется, тоже все

время что-то выдумывал. Но придумки эти тянул на себя. То дернет меня ни с того ни с сего за бороду. То ляпнет что-то не по тексту. Любил втихаря слегка подгадить. Андрей всячески стремился показать себя. Телесная рыхловатость молодого Миронова, которую многие замечали, видимо, связана с болезнью. У него уже тогда кожа была не очень здоровой…»

Однако если с Ниловым отношения у Миронова не сложились, то вот с Натальей Фатеевой наоборот – он в нее влюбился. Но Фатеева была женщиной зрелой и опытной: мало того, что на шесть лет старше Миронова, так еще и замужем успела побывать (за режиссером Владимиром Басовым) и имела от него ребенка – сына. И Миронов как мужчина по большому счету был ей мало интересен, поскольку никаких дивидендов, кроме юношеской влюбленности, от него поиметь было нельзя. Поэтому их отношения были сугубо односторонними: Миронов оказывал Фатеевой всяческие знаки внимания, а она их снисходительно принимала. Посторонние это хорошо видели. Так, в эти же дни там отдыхала будущая супруга Миронова Лариса Голубкина, которая много позже будет вспоминать об этом следующим образом:

«Мы отдыхали в Коктебеле, но однажды заехали в Новый Свет, где снимали „Три плюс два“. Я видела снимающихся, но тогда не обратила особого внимания на Андрюшу, помню только, он очень забавный был, я бы сказала, развлекал всех невероятно. Так вот, как развлечение – это безумно Наташе нравилось. А ответной безумной страсти у нее не было…»

А вот как вспоминает о тех же днях Наталья Фатеева: «Я помню невероятное количество бычков в томате, на которые к концу съемок смотреть не могла. Правда, родители Андрюши Миронова присылали нам балыки, копченые колбасы, которые доставали по блату в Ленинграде. Вот это был праздник! Однажды из Москвы на машине приехали мои друзья. Мы решили съездить в Ялту: так хотелось сходить в ресторан и поесть вкусной пищи! Я надела обтягивающие брючки до колена, в которых снималась. А в это время вышел указ: в ресторан женщинам запрещалось заходить в брюках. И меня не пустили! Пришлось есть шницель с макаронами в кафе на набережной…»

Пока шли съемки «Три плюс два», **12 ноября** на широкий экран вышел второй фильм с участием Миронова – «**Мой младший брат»** (в Москве его пустили сразу в 29 кинотеатрах). В отличие от дебютной картины Миронова – «А если это любовь?» – «Брат» будет встречен критикой куда более спокойно. Его не обвинят в развратности, в потакании низменным вкусам и т. д. Но в прокате фильм собрал почти такую же кассу – 22 миллиона 537

тысяч зрителей. Очень хороший показатель, что не осталось без внимания со стороны союзного Кинокомитета. После этого успеха фильму будет присуждена 1-я категория (сначала, как мы помним, ему дали 2-ю).

Тем временем 14 ноября Театр сатиры открыл свой очередной сезон в Москве. В тот день давали «Дамоклов меч», где у Миронова была новая роль – Толстый. Эту же роль он исполнял и шесть дней спустя. Затем – 23 ноября. Кроме этого, Миронов выходит в массовках других спектаклей: «Четвертый позвонок», «Фунт лиха», «Яблоко раздора». Параллельно с игрой в театре Миронов ездит в Новый Свет, где продолжаются съемки фильма «Три плюс два». Натуру там снимали до 19 ноября. Затем в тех местах резко похолодало и пришлось срочно менять дислокацию – переезжать в Алушту. Там в течение двух недель снимали последние натурные кадры фильма. 2 декабря группа вернулась в Москву. В течение двух недель шел монтаж отснятого материала, после чего он был показан руководству двух киностудий: имени Горького и Рижской. Снятое понравилось и тем, и другим.

9, 14 и 15 декабря Миронов играет в «Дамокловом мече».

13 декабря на киностудии имени Горького члены художественного совета смотрели часть отснятого материала по картине «Три плюс два». Приводить всю стенограмму обсуждения нет смысла, поэтому ограничусь только одним отрывком – где речь шла о герое нашей книги Андрее Миронове. Итак, представитель Рижской киностудии Кубланов сказал следующее: «Мне из парней больше всего понравился Миронов, хотя у него несколько однообразный прием. Девицы внешне хороши, разнообразны, известная доля привлекательности у них есть, но комедийно они оказались слабее парней…»

Мало кто знает, что в фильме в первоначальном варианте должны были быть документальные кадры – чтобы осовременить картину – с участием Хрущева, Кеннеди и т. д. Но члены худсовета посчитали эти кадры неуместными в легкой и непритязательной комедии и посоветовали режиссеру их вырезать. И правильно, кстати, посоветовали. В заключение заседания Генрих Оганисян отметил любопытный факт, который полностью подтвердится при выходе картины на широкий экран. Цитирую: «Я отмечал, когда смеялись в зале. 119 раз был смех, а если в просмотровом зале был столько раз смех, то в простом зале должно быть в два раза больше…»

Тем временем Миронов продолжает свое лицедейство на сцене Театра сатиры. 23 декабря он играет Гарика в спектакле «24 часа в сутки». Концовка месяца выдалась для Миронова по-настоящему ударной. 27 декабря он играет в «Дамокловом мече»,

28-го – в «24-х часах», 29-го – в «Дамокловом мече», 30-го и в последний день 62-го – в «24-х часах». Параллельно продолжались съемки «Три плюс два». В те декабрьские дни надо было снимать павильоны, а Рижская киностудия никак не могла построить нужные декорации: «палатку» и «салон автомобиля „Волга“. Чтобы не простаивать, группа с 19 декабря начала снимать в Москве мелкие объекты: Лужники, парикмахерскую, колхоз (это там герой Миронова лечит коров).

28 декабря по ТВ состоялась премьера художественного фильма с участием Андрея Миронова «**А если это любовь?»**. Как мы помним, картина вышла на широкий экран совсем недавно – в марте этого года. И вот спустя девять месяцев ее уже прокрутили по «ящику». Подобная оперативность была характерна для того времени. Поскольку телевидение своих фильмов тогда еще не снимало, у него был заключен партнерский договор с Кинокомитетом о праве показывать по ТВ художественные фильмы, в том числе и новинки. Несмотря на то что фильм Райзмана был поставлен в сетку вещания в позднее время (21.00) и шел в рубрике «Только для взрослых», он собрал многомиллионную аудиторию. Причина ажиотажа была проста: споры вокруг этого фильма еще продолжали полыхать.

Личная жизнь Миронова была не менее бурной, чем его творческая деятельность: он продолжает свои отношения с Натальей Фатеевой. Как утверждают очевидцы, он буквально преследовал актрису: чуть ли не ежедневно приезжал к ней домой, следил за ней, подозревая, что она ему с кем-то изменяет, уговаривал выйти за него замуж. Но в планы Фатеевой брак с Мироновым явно не входил. Хотя много позже она так будет вспоминать об этих отношениях: «С Андреем мы очень подружились. Он был именно хорошим другом, были долгие и теплые отношения, после тяжелого разрыва с Басовым он мою душу очень отогрел. Вот Андрюша, хоть и не имел такого богатства, опыта душевного, – с ним было очень хорошо, он интеллигент настоящий, прекрасный сын своих родителей, я ему за многое благодарна…»

Наступление нового **1963 года** Миронов встретил сначала с родителями, а затем уехал к Фатеевой. А 9 января вновь вернулся на сцену театра – играл в «Дамокловом мече» (также 10-го). 18 и 19 января он играл в «24-х часах». А все свободное время съедали съемки в картине. Причем уже не в Москве, а в Риге. Павильонные съемки там начались 14 января. Отснявшись в своих эпизодах, Миронов вернулся в Москву, чтобы продолжить работу в театре. 24 и 25 января он играл в «Дамокловом мече». Затем отправился в Ленинград, где в конце месяца группа «Три плюс

два» снимала эпизод «сон героев» («дикарям» фильма снилось, как они попали в цирк, где Зоя выступала с тиграми).

Вспоминает Н. Фатеева: «Я снималась с настоящим тигром, которого дрессировал Вальтер Запашный. Мне сказали, что тигру шесть месяцев. Смотрю, а это зрелый, довольно большой зверь. У меня – шок. Самое обидное, что вся моя храбрость – как я облокотилась на тигра, как я его гладила и даже приударяла кулаком – не вошла в фильм. Эти кадры забраковали, так как в них попала рука Запашного, который держал тигра за ошейник…»

Съемки в Ленинграде продолжались до 4 февраля, после чего группа вернулась в Ригу, чтобы доснять павильоны. Но Миронов вернулся в Москву, в Театр сатиры. Там готовился к выпуску новый спектакль «Гурий Львович Синичкин», в котором у Миронова первоначально роли не было, который планировалось выпустить в свет в начале февраля. Но из-за неудовлетворительной игры актеров Плучек премьеру перенес на более поздний срок. А пока заменил «Синичкина» на «Дамоклов меч». Спектакль шел почти весь февраль: 7-го, 14-го, 15-го, 18-го, 22-го, 23-го. Наконец, 27 февраля состоялась премьера «Синичкина».

Тем временем 28 февраля закончились съемки «Три плюс два». Затем два месяца шел монтаж, причем озвучивали фильм на Рижской киностудии. Вспоминает композитор Раймонд Паулс:

«В те годы я был начинающим музыкантом, и меня вместе с другими пригласили на Рижскую киностудию, чтобы мы записали фонограмму к фильму. Компания была веселая, дружная, талантливая, и среди всех, конечно, выделялся Андрей Миронов. Я помню, как во время записей, в перерыве, мы играли популярные в то время джазовые мелодии. Андрей к тому же еще и пел, стараясь подражать своим кумирам, особенно Луи Армстронгу. Он любил и знал американский джаз. И это как-то сразу нас объединило. С той поры все свободное время мы проводили вместе. Я играл, Андрей пел, и не только репертуар Армстронга, но и других звезд. Я сразу заметил, с какой легкостью он имитировал многих известных джазовых исполнителей. И сам при этом прекрасно двигался, танцевал. Потом я много раз видел, как он использовал этот свой музыкально-пластический дар в разных фильмах. И именно такие номера в стиле варьете ему очень удавались…»

За участие в фильме «Три плюс два» Миронов получил гонорар 2252 рубля, что было весьма неплохо, если учитывать, что за предыдущую работу (за фильм «Мой младший брат») он получил в два раза меньше (за участие в картине «А если это любовь?» он и вовсе получил копейки). Остальные участники

получили на руки следующие суммы: Н. Фатеева – 2295 рублей 60 копеек, Е. Жариков – 2450 руб., Н. Кустинская – 2330 руб., Г. Нилов – 1948 руб.

В Театре сатиры у Миронова была одна постоянная роль: Толстый в «Дамокловом мече» («24 часа в сутки» из репертуара вылетел). В марте эту роль Миронов играл пять раз: 5-го, 10-го (утро, вечер), 13-го, 26-го. А в конце апреля **(26-го)** Миронова ввели на роль Телережиссера в «**Гурии Львовиче Синичкине»**. И репертуар мая – июня у актера выглядел следующим образом: 3-го – «Синичкин», 13-го, 14-го – «Дамоклов меч», 22-го, 23-го – «Синичкин», 28-го, 1 июня – «Дамоклов меч», 2-го – «Синичкин», 3-го, 4-го – «Синичкин» (спектакли шли в Зеркальном театре сада «Эрмитаж», 5-го, 6-го – «Дамоклов меч» (на сцене Театра Моссовета), 7-го, 10-го – «Синичкин» («Эрмитаж»), 11-го, 12-го – «Дамоклов меч» («Эрмитаж»), 13-го, 14-го – «Синичкин» (гостиница «Советская»). Параллельно с этим Миронов репетирует новую роль – слугу Сильвестра в «Проделках Скапена». Премьера спектакля состоялась 23 июня. О последней роли Миронова рассказывает В. Васильева:

«Часть труппы в тот год уезжала на гастроли в Париж, а группа молодых актеров, оставаясь в Москве, готовила под руководством Евгения Весника спектакль „Проделки Скапена“ Мольера. Кипучая натура режиссера искала выхода в работе. И актеры, занятые в этом молодежном спектакле, были предельно увлечены и ролями, и пьесой, и режиссером Весником. (Помимо Миронова в спектакле были заняты: Александр Белявский, Валентина Шарыкина, Спартак Мишулин, Наталья Защипина и др. – *Ф. Р.*)

Когда мы вернулись из Парижа, спектакль был уже готов, чему все удивились, так как срок был очень короткий. Андрей Миронов заразительно играл там слугу Сильвестра…»

Сам Миронов об этой роли вспоминал следующее: «Я помню, что работа в спектакле мне доставляла огромную радость. Хотя это было еще на волне приемов, усвоенных мною в Театральном училище имени Щукина. Я изо всех сил изображал какой-то образ, что-то шепелявил, играя такого безумно преданного, но очень наивного, совершенно влюбленного в Скапена идиота. А в общем, имел как-то сразу большой успех…»

Тем временем фильм «Три плюс два» готовился к выпуску в прокат. 13 апреля 1963 года приняли широкоформатный вариант, 13 мая – обычный. На студии фильм был встречен без особого восторга, за что и был удостоен только 2-й группы по оплате. **3 июля «Три плюс два»** вышли на широкий экран. Но для Миронова это событие не стало главным, поскольку в те дни

Фатеева сделала окончательный выбор – дала согласие выйти замуж за Миронова. Тот был на седьмом небе от счастья, чего нельзя было сказать о его матери. Мария Миронова жутко испугалась перспективы, что ее сын возьмет в жены женщину старше себя, да еще с ребенком. И окончательно ее убил эпизод, который случился летом. Миронов привез Фатееву и ее трехлетнего сына Володю на дачу, чтобы представить их родителям. И сына Фатеевой угораздило во все горло спросить: «Мама, это чья дача? Это что, наша будет дача?» Этого Мария Владимировна допустить не могла. И она бросила все свои силы на то, чтобы переубедить сына в его желании жениться на Фатеевой. Трудно сказать, какие именно аргументы она приводила, но Миронов сдался. С 6-го по 26 июля он был вместе с Театром сатиры на гастролях в Горьком (играл в «Проделках Скапена», за что удостоился от Плучека прозвища «наше солнышко») и именно там принял решение порвать с Фатеевой. Как вспоминает его брат Кирилл Ласкари, далось это Миронову тяжело – он буквально рыдал. Речь о свадьбе уже не заходила, хотя дружеские отношения Миронов и Фатеева продолжали поддерживать.

Тем же летом случился весьма знаменательный эпизод. В составе представительной делегации от Госкино Фатеева отправилась в творческую поездку в Сирию. Волею судьбы одной из ее спутниц была молодая, но уже популярная актриса Лариса Голубкина (после выхода на экраны страны осенью 62-го фильма «Гусарская баллада» Голубкина была суперпопулярна). Жить актрис поселили в одном номере. Заводилой в этом дуэте была более старшая и опытная Фатеева. Чуть ли не все ночи напролет она рассказывала коллеге о своих многочисленных романах и увлечениях, а также об интригах, бушевавших в мире советского кинематографа. Голубкина слушала ее, открыв рот. И только повторяла: «А мне и рассказать-то нечего…» «Как, у тебя и парня своего нет?» – удивлялась Фатеева. «Конечно нет», – отвечала Голубкина. Она не врала: родители у нее были люди очень строгие (папа – военный) и весьма строго следили за моральным обликом своей дочери.

Л. Голубкина рассказывает: «Мама, как только меня родила, бросила все и водила меня за ручку до 25 лет. Я была мамина дочка. Когда стала актрисой, то атмосферу вокруг меня создавали окружающие. Что ты ощущала, ничего не значило. Ползли слухи. Могли, к примеру, сказать: она пьющая и гулящая. А я никогда не пила и девицей была довольно долго. И чем больше вокруг меня было таких разговоров, тем больше я пряталась в свой дом, как улитка. Не тянулась к людям… Я приводила себя в состояние

похлеще монашеского. Ведь родителям надо было доказывать, что ты не гулящая, „как все артисты“…

Говорят, что в меня были влюблены многие мужчины. Боже мой, почему я этого не знала? Я же помню: когда стала артисткой, даже немногие мои поклонники сбежали тут же. Конечно, известная актриса, что, на ней жениться, что ли? Один молодой человек пришел ко мне и заявил: «Я показал твои фотографии бабушке, и она сказала: „Только ни в коем случае не женись!“ Я так расстроилась…

Я была очень инфантильной девушкой. И в профессии, кстати, тоже. Я в первый период не могла с партнером на съемках даже поцеловаться. Дико стеснялась!..

Снявшись в кино, я увлеклась свободной жизнью – поездила по миру и благодарила бога, что я все вижу, познаю, учусь. Были у меня в тот период какие-то страсти, но быстро уходили в песок. А когда мне мужчины делали предложение, я отказывалась, думая, что брак меня сразу привяжет к дому…»

Узнав, что у Голубкиной даже нет своего молодого человека, Фатеева внезапно загорелась идеей – познакомить ее с Мироновым. «Это – твой. Прямо для тебя создан!»– горячо уверяла она подругу. Но Голубкина только отмахивалась.

Между тем Миронов продолжает трудиться на сцене Театра сатиры. Гастрольный график театра был весьма обширный: после посещения Горького «Сатира» в августе отправилась с гастролями в Саратов. Однако за несколько дней до отправки случилась беда: серьезно заболел старейшина театра актер Владимир Лепко, который играл Присыпкина в «Клопе» (эту роль он играл с 1955 года, за нее был удостоин первой премии на фестивале Театра уаций в Париже). Недолго думая, Плучек отдал эту роль Евгению Веснику. Отдал временно, поскольку знал, что с осени Весник собирается из театра уйти. И когда во время пребывания «Сатиры» в Кисловодске из Москвы пришло известие, что Лепко при смерти, Плучек понял: надо искать на роль Присыпкина постоянного исполнителя. И остановил свой выбор на «нашем солнышке» – на Миронове, к которому с каждым днем проникался все большей симпатией. Первый выход Миронова на сцену в роли Присыпкина состоялся **10 сентября** именно в Кисловодске (он вошел в роль буквально за неделю). Как пишет Н. Пушнова: «Миронов понимал всю ответственность и чувствовал особый привкус бестактности своего молодого, ретивого интереса к игре. В театре был траур (В. Лепко скончался 20 октября. – *Ф. Р.*). Не официальный, конечно, этого Плучек совсем не признавал. «Представление должно продолжаться!» Но все же тяжелый осадок оставался. А актер делал, по сути, первый серьезный шаг в

Театре сатиры. И всего за несколько дней и нервных ночей, торопясь, схватывая на лету, он освоил роль.

Парик Лепко с накладным завитым чубчиком Миронова не устраивал, он соорудил некое подобие этого парика из своей собственной шевелюры, завивая челку с помадой накрепко. Под стать чубчику лепил из гуммозы нос, с огромными вертикальными глупо торчащими ноздрями. Юное живое лицо приобретало четкий вид законченного идиотизма. Надевал костюм Лепко. Плохая примета.

И все-таки повторять Лепко, как это делал Весник, он не мог: в силу темперамента, юности, живости своей. И он сыграл иного Присыпкина. Не наглого, крепкого гегемона, «монументального холуя и хама», а узколобого, вздорно-упрямого, по сути, большого ребенка. Он бравирующе кивал в зал, ежеминутно напоминая зрителям о своем родстве с ними.

«Миронов стремился в своем Присыпкине сыграть трагикомическую судьбу одураченного простофили, принявшего как дар небесный мещанские удовольствия, но и поплатившегося сполна. Быдло, которое само себя ведет на убой», – отмечал в одной из статей критик Смирнов-Несвицкий.

Главная роль давалась не сразу. Сначала все вспоминали Лепко не в пользу Миронова, само собой. Но постепенно разрядилось – Андрей завораживал партнеров бойким своим темпераментом. Присыпкин в его исполнении оказался легким молодым человеком: вздорный, склонный к моментальной смене эмоций, обидчивый, упрямый, но очень современный. Андрей играл инфантильного парня, туповатого, хамящего, зарвавшегося. В нем сидел Хлестаков, его Присыпкин был той же породы. Он прежде всего хотел быть обаятельным, пусть и хамом, так что же? Андрей всласть лицедействовал…

Между тем смерть Владимира Лепко наглядно высветила нравы, царившие тогда в Театре сатиры. Покойный проработал в этом театре 27 лет, но когда его дочь Виктория обратилась в дирекцию с просьбой помочь в установке памятника на могиле отца, ей ответили отказом. Так и сказали: денег нет. В Доме актера, куда затем обратилась Виктория, аж за голову схватились: ну и люди! В итоге деньги выделило ВТО. Часть требуемой суммы заработали, устроив в Концертном зале имени Чайковского благотворительный концерт. Причем когда в этом концерте предложили участвовать актерам Театра сатиры, ни один (!) из них не согласился. Все боялись гнева Плучека. Спустя четверть века почти такая же история произойдет и с похоронами Папанова и Миронова. Но не будем забегать вперед.

Тем временем на широких экранах страны продолжает

демонстрироваться фильм «Три плюс два». Успех он имел огромный: люди с удовольствием шли его смотреть, некоторые из зрителей видели его не один раз. Это стало настоящим откровением для руководства студии имени Горького, где фильм снимался, которое посчитало картину невинной пустышкой и присудило ей всего лишь 2-ю категорию. Теперь же, на основе результатов сборов в кинотеатрах (а к концу года фильм собрал аудиторию в 35 миллионов зрителей), авторы стали добиваться пересмотра категории. В итоге картине дали 1-ю категорию, а актерам заплатили по 300 рублей премии каждому. Однако Миронову в те дни было не до премиальных. У его отца тогда случился первый инсульт, который едва не стал роковым. Но, благодаря усердию врачей, лечивших артиста, Менакера удалось спасти. Три месяца он пролежал в больнице, а потом еще почти год приходил в себя дома. Естественно, ни о какой работе речи тогда не шло.

23 ноября Театр сатиры открывал свой очередной сезон в Москве. В первый день собирались играть «Клопа», но затем дирекция назначила другой спектакль – «Проделки Скапена». Решили не рисковать – всего месяц назад прошли похороны Владимира Лепко и начинать сезон со спектакля, где вместо покойного играл другой исполнитель, посчитали неэтичным. Хотя эта политкорректность длилась недолго: 24-го опять играли «Скапена», а 27-го «Клоп» с Андреем Мироновым был представлен на суд столичной театральной общественности. 28-го Миронов играл в «Гурии Львовиче Синичкине».

Декабрьский репертуар Миронова выглядел следующим образом. 1-го он играл в «Дамокловом мече» (утро, вечер), 4-го – в «Синичкине», 5-го, 6-го, 9-го – в «Дамокловом мече» (утро, вечер), 10-го, 11-го, 17-го, 18-го – в «Синичкине», 22-го – в «Проделках Скапена» (утро, вечер), 24-го – в «Дамокловом мече», 25-го – в «Синичкине», 29-го – в «Проделках Скапена» (утро, день), «Дамокловом мече» (вечер), 30-го – в «Синичкине».

Год 63-й завершился для Андрея Миронова вполне обнадеживающе. Причем как в творческом плане, так и в личном. 23 декабря он пришел на день рождения к своей бывшей пассии Наталье Фатеевой, где хозяйка познакомила его с Ларисой Голубкиной. И Миронов мгновенно увлекся девушкой. Весь вечер хохмил только для нее, оказывал всевозможные знаки внимания. Потом вызвался проводить ее домой (Голубкина жила в однокомнатной квартире в Собиновском проезде). И Новый год они встретили вместе. Вернее, сначала каждый со своими родителями, а потом – в общей актерской компании.

1964

1964 год начался для Миронова с «Проделок Скапена»: 2 января он вышел на сцену театра в роли слуги Сильвестра. Причем дважды: утром и днем. А вечером играл в «Дамокловом мече». 3-го шли «Проделки Скапена», 4-го, 5-го – «Гурий Львович Синичкин», 6-го, 10-го, 19-го – «Проделки Скапена». 20-го впервые за последние несколько месяцев Миронов вышел на сцену в роли Присыпкина в «Клопе», после чего вернулся к привычному репертуару: 24-го – «Проделки Скапена» (утро, вечер), 25-го – «Синичкин» (утро), «Дамоклов меч» (вечер), 26-го – «Дамоклов меч» (день), «Проделки Скапена» (вечер), 30-го – «Клоп», 31-го – «Синичкин».

В феврале репертуар Миронова выглядел следующим образом: 1-го, 2-го – «Проделки Скапена», 5-го – «Синичкин», 8-го – «Клоп», 9-го – «Проделки Скапена» (утро), «Дамоклов меч» (вечер), 12-го, 16-го – «Синичкин», 18-го – «Дамоклов меч», 19-го – «Синичкин», 22-го, 23-го – «Проделки Скапена» (утро, день), 26-го – «Синичкин», 29-го – «Клоп».

В свободное от работы время Миронов целиком поглощен личными проблемами – он ухаживает за Голубкиной. Причем ухаживает весьма настойчиво. Всего лишь год назад он точно так же осаждал Фатееву, и вот теперь – новый объект. И хотя Лариса благосклонно принимала все знаки внимания, оказываемые ей Мироновым, она продолжала держать определенную дистанцию. И это еще сильнее заводило кавалера. Он-то хотел не только платонических отношений. В итоге весной 64-го он выложил на стол последний свой козырь – сделал Голубкиной официальное предложение руки и сердца. Но она… Впрочем, послушаем ее собственный рассказ:

«Андрей решил на мне жениться, немедленно, и сделал предложение, когда я училась на последнем курсе ГИТИСа. Никогда в жизни не забуду – он приехал в Собиновский проезд на такси, с корзиной цветов, и тут же:

– Лариска, выходи за меня замуж.

Я говорю:

– Не хочу!

А он:

– Как ты не хочешь? Все хотят, а ты не хочешь?

Я говорю:

– Вот пусть все и выходят. Зачем нам жениться? Ты меня не любишь. Я тебя не люблю.

– Потом полюбим.

Как ребенок…

Как ни забавно, я хоть и училась в ГИТИСе, хоть и снималась в кино и стала уже известной актрисой, но оставалась девицей. Я никак не могла рискнуть на близкие отношения. И Андрюша все время говорил:

– Ну что ж такое, я тебе сделал предложение, что ж я кота в мешке покупаю, все спят, а мы не спим.

Я возмущалась:

– Что значит – все, почему нам на всех надо ориентироваться?..»

Трудно сказать, зачем Миронову необходимо было жениться на Голубкиной, если никакой любви ни он к ней, ни она к нему не испытывали. То ли это была дань традиции, то ли обыкновенная блажь. Ведь не мог же Миронов не понимать, что при той любвеобильности, которая была ему присуща, иметь такую жену, как Голубкина (а она была девушкой строгой и морально выдержанной), себе дороже: при первом же адюльтере она бы выгнала молодого мужа взашей. К слову, получив от ворот поворот от Голубкиной, Миронов вскоре закрутил роман с одной из актрис своего же театра. Ни о каком браке там речи не шло, все замыкалось на обычном «пересыпе».

В марте на сцене Театра сатиры Миронов был занят в следующих спектаклях: 2-го – «Гурий Львович Синичкин», 8-го – «Проделки Скапена» (спектакль состоялся утром, а вечером Миронов справлял собственный день рождения), 9-го – «Синичкин», 10-го – Дамоклов меч», 15-го – «Проделки Скапена», 20-го – «Синичкин», 23-го – «Клоп» (на сцене Театра имени Гоголя на улице Казакова), 24-го – «Синичкин», 27-го – «Дамоклов меч», 29-го – «Проделки Скапена», 30-го – «Синичкин», 31-го – «Клоп». Апрельский репертуар Миронова выглядел следующим образом: 6-го – «Синичкин», 7-го – «Проделки Скапена», 8-го, 10-го, 13-го, 15-го – «Синичкин».

Параллельно с этим Миронов репетирует новую роль – Тушканчика в спектакле «**Женский монастырь»** по пьесе В. Дыховичного (он скончался в прошлом году) и М. Слободского. В этой роли Миронов был немыслимо смешон, шаловлив и подвижен. Репетировал он ее с огромным энтузиазмом, поскольку Тушканчик позволял ему впервые повернуться от острой характерности к лирике и мягкой иронии. Премьера спектакля состоялась **16 апреля**. Принято считать, что именно с этой роли и началась слава актера Миронова. И это правильно. «Женский монастырь» оказался спектаклем очень популярным – это было настоящее эстрадное ревю с каскадом веселых мелодий и ярких актерских работ. До этого в Театр сатиры народ ходил неохотно

(залы на многих спектаклях были полупусты), но «Монастырь» стал первой ласточкой, когда в этот театр потянулась молодежь. И любимым актером для нее стал именно Андрей Миронов. Как писала в те дни пресса: «Женский монастырь» – заразительно-веселый спектакль, талантливо, с озорной выдумкой, неуемной фантазией, очень «вкусно» сделанный В. Плучеком. В нем все поют, танцуют, отлично играют молодые актеры – неотразимо обаятельный Андрей Миронов, лукавый и пластичный С. Мишулин, милые В. Шарыкина и Н. Защипина, способный Ю. Авшаров».

А вот еще один отзыв – Б. Поюровского в «Вечерней Москве»: «В спектакле много актерских удач. И все-таки следует особо отметить Миронова – Тушканчика. Какая пластика, какая необыкновенная легкость и естественность, какая музыкальность! Смотришь на А. Миронова и думаешь: очень жаль, что многие артисты оперетты не умеют делать ничего подобного…»

Во второй половине апреля Миронов был занят в следующих спектаклях: 17-го – «Синичкин», 18-го – «Женский монастырь», 19-го – «Синичкин» (утро, вечер). Май начался для него с «Дамоклова меча» (2-го, утро, день). Затем последовали: 6-го – все тот же «Дамоклов меч», 11-го – «Клоп» (на сцене Кремлевского театра), 12-го, 13-го, 14-го – «Женский монастырь, 18-го – „Дамоклов меч“, 23-го, 24-го – „Проделки Скапена“.

Между тем феерический успех Миронова у публики вызывал зависть у многих его коллег по театру. В самой «Сатире» усиленно муссировались слухи, что родители Миронова прикладывают немало сил для того, чтобы их отпрыск раз за разом получал новые роли. И даже прессу «зарядили» на это: восторженный отзыв Б. Поюровского в «Вечерке» истолковывался однозначно как заказная акция близкого друга мироновской семьи. Да и сам Миронов якобы был не без «греха»: с недавних пор он стал чуть ли не завсегдатаем дома Плучека.

Надо отдать должное Миронову: он не обращал никакого внимания на эти слухи. Еще будучи студентом «Щуки», он достаточно наслушался подобных разговоров, поэтому их очередное появление не стало для него открытием. Он видел главное: что его работа нравится зрителю, и не зацикливался на мелочах. И во всех этих досужих сплетнях о себе соглашался только с одним доводом: родители ему действительно здорово помогли – с генами передали сыну настоящий актерский талант.

Очередную порцию масла в разговоры об ангажированности Миронова добавил кинематограф. В июне 1964 года режиссер Георгий Рошаль пригласил Миронова на пробы в свою картину «**Год как жизнь»**. Фильм являлся экранизацией романа Галины

Серебряковой «Похищение огня», повествующего о жизни и деятельности молодого Карла Маркса и его верного сподвижника Фридриха Энгельса. События романа охватывали всего лишь один год их жизни в период революции 1848–1849 годов. Так получилось, но именно Миронову выпала удача перевоплотиться в Энгельса. До этого кто только не пробовался на эту роль, но убедить членов худсовета в верной трактовке образа не сумел. А список претендентов был весьма внушительный и состоял сплошь из людей уже достаточно известных. Среди них были: Владимир Ивашов (проба 14 февраля), Василий Лановой (26 февраля), Никита Подгорный (26 февраля), Николай Волков (28 февраля), Анатолий Ромашин (16 марта), Вячеслав Невинный (18 марта), Александр Белявский (18 марта), Валерий Гатаев (6 апреля), Василий Ливанов (16 мая), Эдуард Изотов (16 мая). В итоге 2 июня худсовет студии утвердил практически всех главных исполнителей (Карл Маркс – Игорь Кваша, Женни Маркс – Руфина Нифонтова, Веерт – Василий Ливанов, Бакунин – Валерий Золотухин, Жанетта – Ариадна Шенгелая, Жюль – Никита Михалков), а вот актера на роль Энгельса режиссеру было предложено поискать еще. Вот тут на «Мосфильме» и объявился Миронов. 15 июня в 8-м павильоне студии состоялась его кинопроба на роль Энгельса (подыгрывала ему Клара Лучко, которая пробовалась на роль Герверг). Проба Миронова оказалась настолько удачной, что уже спустя несколько дней (21 июня) он был утвержден на роль. Однако до съемок фильма еще оставалось время, поэтому все свои творческие силы Миронов пока расходовал в родном театре, который временно сменил дислокацию – перебрался в помещение Театра имени Маяковского. Выходы Миронова в июне были весьма часты: 1-го – «Женский монастырь», 4-го – «Синичкин», 6-го – «Дамоклов меч», 7-го – «Синичкин», 8-го, 9-го, 10-го – «Женский монастырь», 11-го – «Синичкин», 12-го – «Клоп», 13-го – «Синичкин», 15-го – «Проделки Скапена», 18-го – «Дамоклов меч», 19-го, 20-го – «Женский монастырь», 21-го – «Дамоклов меч», 23-го – «Клоп», 25-го – «Синичкин», 26-го, 27-го – «Женский монастырь», 28-го – «Проделки Скапена», 30-го – «Синичкин».

В июле «Сатира» снова поменяла сцену – перебралась в Летний сад Зеркального театра «Эрмитаж». Там Миронов выходил в следующих спектаклях: 1-го, 2-го – «Женский монастырь», 3-го – «Дамоклов меч», 4-го – «Синичкин», 5-го – «Женский монастырь», 6-го – «Синичкин».

7 июля Миронов принял участие в первых репетициях роли Энгельса в картине «Год как жизнь». Его партнерами в тот день были Руфина Нифонтова и Никита Михалков. Следующая

репетиция состоялась 11 июля.

14 июля Миронов играл в «Синичкине», 15-го – в «Женском монастыре».

16 июля он вновь был на «Мосфильме», где прошла его репетиция с Игорем Квашой и Руфиной Нифонтовой. 17-го он играл в «Женском монастыре», 18-го – в «Клопе».

20 июля с утра Миронов был на «Мосфильме», где провел репетицию с актерами Игорем Квашой, Василием Ливановым и Валерием Золотухиным. Вечером того же дня он вышел на сцену Театра сатиры в спектакле «Женский монастырь».

Утром 21 июля Миронов снова приехал на «Мосфильм», чтобы начать сниматься в фильме «Год как жизнь». Но съемки оказались сорваны по вине рабочих, которые не сумели вовремя изготовить декорацию в 3-м павильоне. Та же история повторилась и 23 июля. Миронов пробыл на студии полдня (это время было отдано репетициям), после чего отправился в театр, где вечером играл в «Женском монастыре». Это был последний спектакль Театра сатиры в том сезоне, после чего театр стал паковать вещи.

Между тем 24 июля был дан старт съемкам фильма «Год как жизнь». Правда, начались они без участия Миронова. В тот день в 8-м павильоне, в декорации «полицейское управление», сняли эпизод с участием Игоря Кваши (Маркс), Руфины Нифонтовой (Женни) и Аркадия Цинмана (полицейский).

Миронов должен был начать сниматься 28 июля с эпизода «в польском ресторане». Он приехал на студию с утра, но был разочарован, узнав, что опять подкачали рабочие, не сумевшие к нужному сроку закончить строительство декорации. Рошаль буквально рвал и метал, угрожая рабочим всеми возможными карами. Понять его было можно: фильму был придан статус заказного, причем в роли заказчика выступал Идеологический отдел ЦК. А тут такая безалаберность. Однако изменить что-либо в лучшую сторону Рошаль был не в состоянии: это продолжилось и 29 июля. Чтобы актеры не простаивали, Рошаль провел с ними репетиции (партнершей Миронова была в тот день Ольга Гобзева, которая исполняла в фильме роль Даши). На следующий день Миронов вместе с Театром сатиры покинул Москву – им предстояли гастроли в Куйбышеве. Поэтому возобновившиеся 30 июля съемки фильма шли пока без его участия.

В Москве Миронов объявился 6 августа. Приехал он во второй половине дня со своей коллегой по театру Светланой Харитоновой (она тоже снималась в фильме «Год как жизнь») и тотчас отправился на «Мосфильм» в надежде наконец-то начать сниматься в роли Энгельса. Его надежды сбылись. В шесть часов

вечера на натурной площадке киностудии, где была воздвигнута декорация «вокзал в Брюсселе» (именно в Брюссель Карл Маркс был сослан властями из Парижа), камера запечатлела первые кадры с участием Миронова – Энгельса. Его партнерами в тот день были: Василий Ливанов, Валерий Золотухин, Ольга Гобзева, Светлана Харитонова и др. Съемки шли до четырех часов утра. После чего актеры разъехались по домам отдыхать. Но в шесть вечера этого же дня они снова были на съемочной площадке, чтобы продолжить съемки. 8 августа Миронов и Харитонова улетели в Куйбышев для продолжения гастролей.

14 августа съемочная группа фильма «Год как жизнь» отправилась в зарубежную экспедицию – в Германскую Демократическую Республику. Миронов присоединился к коллегам только шесть дней спустя. 21 августа состоялась его первая съемка: в одном из старинных замков Потсдама были сняты эпизоды, где Маркс и Энгельс встречаются в Баденском замке. Два следующих дня съемки велись в тех же интерьерах.

В понедельник 24 августа в съемочной группе был объявлен выходной за работу в воскресный день. Воспользовавшись случаем, киношники отправились на экскурсию по городу. Однако Миронова с ними не было: утром того же дня он упаковал свой чемодан и взял курс на Берлин, чтобы оттуда ближайшим авиарейсом улететь в Куйбышев, где Театр сатиры продолжал свои гастроли.

Гастроли в Куйбышеве продлились до 30 августа, после чего «Сатира» отправилась со спектаклями в Свердловск. И летать в ГДР Миронову теперь уже приходилось оттуда. Первый свой вылет он совершил 7 сентября: долетел до Москвы и уже оттуда вместе с Руфиной Нифонтовой вылетел в Берлин. Затем они взяли курс на город Наубург, где теперь дислоцировалась съемочная группа. 9 сентября снимали эпизод «на улицах Кельна» с участием Миронова, Кваши, Нифонтовой, Ливанова, Харитоновой. Затем два дня группа отдыхала. После чего выехали в город Галле, где 12 сентября съемки «улиц Кельна» были продолжены.

Вспоминает И. Кваша: «В Германии во время съемок мы жили в особняке Сименца. Выпивали, помню, часов до двух ночи. А в четыре мне уже нужно было ехать на грим, который был очень сложным – длился три часа. „Все, пойду посплю“, – сказал я Миронову и Василию Ливанову. И эти сволочи поставили будильник так, что он прозвонил через 15 минут после того, как я заснул. И, представляете, через 15 минут я, ничего не понимая (за окнами темно, в ужасе, что проспал!), начинаю собираться на грим. Они поджидали под дверью, но не выдержали и от хохота

упали в номер. Я их чуть не убил…»

13 сентября Миронов улетел в Свердловск. Там он пробыл пять дней, после чего 19 сентября снова вернулся в ГДР, в город Бад-Казен. День отдыхал, после чего вышел на съемочную площадку: 21 сентября снимали эпизод «Энгельс в Эльберфельде» с участием Миронова, Чурсиной и Соболевского. Съемки длились с восьми утра до шести вечера.

21 сентября Миронов в компании с художником-гримером фильма Львовым и звукооператором Лагутиным улетел в Москву. 24 сентября туда же отправилась и вся съемочная группа.

Вернувшись в Москву, Миронов принял участие в ряде творческих вечеров, один из которых был ему особенно дорог. Речь идет о вечере под названием «Новые имена на московской сцене», который проходил в Доме актера на улице Горького. Своими впечатлениями делится еще один участник того же вечера актер Театра Советской Армии Федор Чеханков:

«Такие вечера, как и посвящение в студенты, а потом посвящение в артисты, было принято проводить в ВТО. По-моему, нас даже снимало телевидение. Я должен был играть сцену из спектакля „Шоссе на Большую Медведицу“, а Андрей – из „Клопа“. Мы долго маялись за кулисами, почти не разговаривали, волновались страшно. Все-таки сцена святая, обожаемый всеми актерами зал, вечно забитый битком, с алебастровыми медальонами по стенам, на которых – первые и великие русские актеры. Мы все знали, что на эту сцену выходили наши учителя и кумиры – Михаил Яншин и Ольга Андровская, Михаил Жаров и Фаина Раневская, Рубен Симонов, Юрий Завадский, Софья Гиацинтова, Серафима Бирман, Вера Марецкая… Шутка ли?! Тогда к таким вещам относились очень серьезно. Мне показалось, что Андрей смотрит на меня недружелюбно. Во всяком случае, никакой приветливости я не встретил. Уже собирался обидеться, а потом понял: я и другие – мы просто волновались, а он – в сто раз больше, потому что он был Мироновым, а эту фамилию в зале знали слишком хорошо. Нам предстояло выступать перед великими актерами, своими старшими коллегами по профессии, а для него они были „дядя Миша“, „дядя Аркаша“, „тетя Оля“, но это было еще ответственнее: уж они бы его не пожалели…»

В начале октября Миронов продолжил свою работу в картине «Год как жизнь». 5 октября он приехал на «Мосфильм», где на одной из натурных площадок Рошаль провел с ним репетицию предстоящих эпизодов. Репетиция длилась с 10 утра до двух часов дня.

12 октября Миронов, Кваша и Ливанов вылетели из Москвы в Ялту, где должны были продолжиться съемки фильма. На

следующий день они уже работали на съемочной площадке: в тот день снимали эпизод «вокзал Кельна» (на Ялтинской киностудии была выстроена специальная декорация).

Несмотря на то что фильму был придан статус политического заказа, актеры относились к нему не самым серьезным образом. По словам все того же Игоря Кваши: «На съемках фильма мы хохмили так, как, может, не хохмили никогда. Скажем, массовка относится к героям во всех картинах с чудовищным пиететом. А на нас массовка катала в партком „Мосфильма“ докладные за то, что мы срываем съемки важной политической картины. Когда по фильму Андрюша Миронов (Энгельс) приезжал ко мне, Марксу, в гости, а заранее подговоренные мною дети бежали к нему навстречу и кричали: „Дядя Энглист приехал!“, он хохотал, и съемка срывалась…»

14 октября съемки объекта «вокзал в Кельне» были завершены. Они шли с 6.30 утра до 15.30. На следующий день начали снимать другой объект – «холм-бой». В нем участвовали Миронов, Чурсина, Орлов. Этот же объект снимали и два последующих дня. Затем в течение трех дней Миронов в съемках не участвовал.

Он вышел на съемочную площадку 21 октября, чтобы отсняться в новом объекте – «Париж». Съемки шли с 8 утра до 18. 30 вечера. На следующий день съемки объекта были завершены, и в Москву улетели почти все актеры: Миронов, Кваша, Михалков, Ливанов, Нифонтова, Шенгелая.

В Ялту Миронов вернулся 30 октября. И уже на следующий день (в 7.30 утра) был на съемочной площадке, чтобы вместе с актерами Золотухиным и Карапетяном отсняться в эпизоде из самого начала фильма, где Энгельс и Бакунин встречаются в Брюсселе. Затем три дня Миронов отдыхал. А 4 ноября улетел в Москву вместе с Квашой и Нифонтовой.

Тем временем 17 ноября Театр сатиры открыл свой новый сезон в Москве. В тот день на сцене театрально-концертного зала гостиницы «Советская» показывали «Клопа». Миронов, как мы помним, играл там главную роль – Присыпкина. 18-го он уже вышел на сцену в другой роли – Тушканчик в «Женском монастыре». Далее шли: 20-го – Тушканчик, 22-го – телережиссер («Гурий Львович Синичкин»), 26-го – слуга Сильвестр («Проделки Скапена», утро), Тушканчик («Женский монастырь», вечер), 27-го – опять Тушканчик, 28-го – Сильвестр, 29-го – Сильвестр (утро), Толстый («Дамоклов меч», вечер), 30-го – телережиссер («Синичкин»).

Репертуар Миронова в начале декабря складывался следующим образом: 2-го – «Синичкин», 3-го, 4-го – «Женский

монастырь», 5-го, 6-го – «Клоп».

7 декабря Миронов возобновил съемки в фильме «Год как жизнь». В самом большом павильоне главной киностудии страны – 1-м – была воздвигнута декорация «квартира Маркса в Брюсселе» и там в тот день сняли эпизод из начала фильма с участием Миронова, Кваши, Нифонтовой и Карапетяна. Съемки шли с 16.30 до 23.40.

8 декабря Миронов играл в «Женском монастыре».

10 декабря состоялась очередная съемка: уже в 9-м павильоне, в декорации «погреб-пивная» сняли эпизод с участием Миронова, Ливанова и Чурсиной. Съемки шли с четырех вечера до двенадцати ночи.

11 декабря Миронов играл в «Проделках Скапена», 12-го – в «Дамокловом мече».

14 декабря он снова снимался. В той же декорации, что три дня назад, – «погреб-пивная», с 15.30 до 24.00. Затем на две недели Миронов из съемочного процесса выпал.

14 декабря Миронов играл в «Синичкине», 15-го, 16-го – в «Женском монастыре», 18-го – в «Синичкине», 19-го, 21-го – в «Женском монастыре», 22-го – в «Синичкине», 23-го – в «Дамокловом мече», 26-го – в «Проделках Скапена», 27-го, 28-го – в «Синичкине».

29 декабря Миронов вновь надел на себя костюм Фридриха Энгельса. В тот день в три часа дня он вышел на съемочную площадку в павильоне № 10 «Мосфильма», чтобы принять участие в репетиции эпизода, где Маркс, Энгельс и Веерт встречаются в типографии, где печатается их совместное детище – «Новая Рейнская газета». В перерыве репетиции произошел забавный эпизод, инициатором которого был Миронов. В «типографии» лежало много конвертов, запечатанных круглыми сургучными печатями. Во время обеденного перерыва, когда актеры отправились по плохо освещенному коридору в столовую, Миронов незаметно прихватил одну такую печать. А затем стал делать вид, будто что-то усиленно жует. Шедший с ним Василий Ливанов заметил это и спросил: «Андрей, ты что жуешь?» «Шоколадку», – последовал ответ. «Тогда угости друга», – попросил Ливанов. «Да ради бога», – ответил Миронов… и протянул Ливанову сургучную печать. И тот отправил ее в рот. И жевал до тех пор, пока сургуч не растаял во рту и у него не заклинило челюсть. Миронова от смеха чуть инфаркт не хватил. Шутка, конечно, была жестокая, но Ливанов сделал вид, что не обиделся. На самом деле он мысленно поклялся себе, что при первой же удобной возможности обязательно отплатит Миронову той же монетой. Случай представится полтора месяца спустя, о

чем речь еще пойдет впереди.

30 декабря начались съемки эпизода «в типографии». Они шли с 9 утра до трех часов дня. После чего Миронов отправился в Театр сатиры, где вечером вышел в спектакле «Женский монастырь».

Так получилось, но последний день 64-го Миронов провел на съемочной площадке. С 9 утра до трех часов дня 31 декабря снимали все тот же эпизод «в типографии» с участием Миронова, Кваши, Ливанова, Чурсиной и Доронина. Вот как об этом вспоминает Игорь Кваша: «31 декабря режиссер с утра назначил съемку. А у меня одного грима на три с половиной часа, я ведь на Маркса абсолютно не похож. К концу съемки мы с Андрюшей выпили: уже начали готовиться к Новому году. Ну и в шутку попросили фотографа сделать эпохальный снимок. Долго пристраивались, пытаясь изобразить знаменитый барельеф – двойной профиль Маркса и Энгельса. Это ведь довольно трудно – так вот пристроиться, чтоб как на картинке… В итоге сфотографировались. Думали: ну, чистая хохма, потом друзьям подарим смешные фотографии. А фотограф использовал снимок на широкую ногу. Наше фото огромного размера висело в Доме кино, его печатали в газете…»

1965

Поскольку последний день уходящего года Миронов провел на съемках, в театре ему дали отгулы. И **1 января 1965 года** в «Проделках Скапена» (утро) и «Синичкине» (вечер) роли за него играли другие актеры. Но уже со 2 января Миронов снова вышел на сцену «Сатиры» – в «Дамокловом мече».

4 января Миронов возобновил съемки в фильме «Год как жизнь». В тот день в 10-м павильоне с 9 утра до 17.30 вечера снимали очередной эпизод, где Маркс и Энгельс работают в типографии.

5 января Миронов играл в «Проделках Скапена» (утро), «Женском монастыре» (вечер), 6-го – в «Проделках Скапена» (утро).

7 января в три часа дня Миронов снова облачился в костюм Фридриха Энгельса и отснялся в новом эпизоде на объекте «в типографии». После чего отправился к своим родителям на Петровку, чтобы поздравить свою маму с ее очередным днем рождения.

8 января Миронов снова снимался: с 9 утра до 17.30 вечера он изображал Энгельса, встречающегося с Марксом и Веертом в типографии. Вечером того же дня Миронов играл на сцене родного театра в «Гурии Львовиче Синичкине».

9 января Миронов играл в «Проделках Скапена», 10-го – в «Синичкине».

11 января Миронов снимался в роли Энгельса все в той же декорации «типография». Вечером он играл в «Женском монастыре».

12 января Миронов только снимался: с трех дня до двенадцати ночи изображал Энгельса в типографии. То же самое он делал и на следующий день и два дня спустя – 15 января.

16 января Миронов играл в «Клопе», 18-го, 19-го – в «Женском монастыре».

21 января в первой половине дня Миронов снимался в роли Энгельса (все в той же декорации «типография»), а вечером играл в «Синичкине». 22-го он вышел в «Женском монастыре», 24-го – в «Дамокловом мече».

25 января день для Миронова снова начался со съемки: в тот день его Энгельс в последний раз появился в типографии. Съемки шли с 11 утра до 8 вечера. После чего Миронов и Кваша отправились в ресторан ВТО.

27 января Миронов играл в «Синичкине».

29 января в «Годе как жизнь» приступили к съемкам нового

объекта, сооруженного в 9-м павильоне, – «квартира Маркса в Кельне». В съемках приняли участие: Миронов, Кваша, Нифонтова, Харитонова. Съемки шли с 9 утра до 6 вечера. После этого участие Миронова в работе над образом Энгельса на некоторое время приостановилось, и он целиком сосредоточился на театре. 30–31 января он играл в «Женском монастыре».

Февральский репертуар Миронова выглядел так: 3-го, 4-го, 5-го – «Женский монастырь», 8-го – «Синичкин» (на сцене Театра имени Гоголя), 10-го – «Женский монастырь», 9-го – «Синичкин» (на сцене Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко), 10-го – «Женский монастырь», 12-го – «Клоп», 13-го, 14-го – «Дамоклов меч», 16-го – «Синичкин» (Театр имени Гоголя), 18-го – «Женский монастырь».

19 февраля Миронов снова объявился на «Мосфильме». В 1-м тонателье он участвовал в озвучании эпизодов со своим участием. Вместе с ним в тот день также работали Михалков, Ливанов, Шенгелая. Работа длилась с 16.30 до 24.00.

21 февраля Миронов играл в «Проделках Скапена». 23-го он снова озвучивал Энгельса, на этот раз в эпизодах с участием Карла Маркса (Игорь Кваша). На следующий день Миронов, Кваша и Нифонтова участвовали в репетиции будущих сцен. На этом участие Миронова, да и других артистов, в работе над фильмом временно прекратилось, поскольку тяжело заболел режиссер-постановщик Г. Рошаль, которому шел 66-й год.

25 февраля Миронов играл в «Проделках Скапена» и «Синичкине», 26-го – в «Клопе», 28-го – в «Женском монастыре».

В марте Миронов играл в следующих спектаклях: 1-го – «Синичкин», 2-го, 5-го – «Клоп», 6-го – «Проделки Скапена».

7 марта Миронов был жестоко разыгран Василием Ливановым, который больше двух месяцев ждал удобного повода, чтобы отомстить ему за розыгрыш с сургучной печатью. Как мы помним, в работе над фильмом «Год как жизнь» наступил вынужденный перерыв, вызванный болезнью Рошаля. Однако в начале марта он почувствовал себя значительно лучше, и всем актерам, занятым в съемках, было объявлено, что съемки вот-вот возобновятся. Этим и решил воспользоваться Ливанов. В воскресный день 7 марта он позвонил Миронову домой и попросил срочно приехать на «Мосфильм», на съемки. На удивленный возглас Миронова, что, дескать, сегодня же выходной, Ливанов заявил, что Рошалю плевать, какой сегодня день – за три недели простоя он рвется в бой. И Миронов поверил: поймал такси и рванул на студию. И в течение получаса препирался с вахтерами на проходной, которые категорически отказывались пропускать его «на съемки». Тогда Миронов

позвонил Рошалю домой и узнал, что тот действительно выздоровел, но приступать к работе собирается только с завтрашнего дня. Только тут Миронов догадался, что это был чистой воды розыгрыш – месть Ливанова за сургучную «шоколадку».

В понедельник 8 марта съемки фильма «Год как жизнь» возобновились. В павильоне № 9, в декорации «кафе Антуана», был снят эпизод встречи Маркса, Энгельса, Женни, Веерта и Жюля. Съемки шли с 15.00 до 23.30. Сразу после них ее участники отправились на квартиру Миронова в Волковом переулке, чтобы отпраздновать его 24-летие. Правда, погулять на полную катушку не получилось – завтра предстояло снова сниматься. А наплевать на съемки было ни в коем случае нельзя. После того, как руководству студии поступило несколько заявлений о том, что Кваша и Миронов легкомысленно относятся к работе над образами основоположников коммунизма, актеры дали твердое обещание впредь держать себя в рамках приличия. Хохмы и розыгрыши временно прекратились.

Итак, 9 марта, в три часа дня, в той же декорации «кафе Антуана», съемки были продолжены. Эту же декорацию снимали и два последующих дня. Затем у Миронова наступил трехдневный перерыв в съемках. А 15 марта он доснялся в последних эпизодах «кафе Антуана». Закончив съемки около шести вечера, он отправился в родной театр, чтобы в 19.00 выйти на его сцену в спектакле «Клоп».

17 марта в три часа дня Миронов снова был на «Мосфильме», где принял участие в озвучании роли Энгельса. Вместе с ним работали: Кваша, Золотухин, Харитонова. Работа длилась до двенадцати ночи.

19 марта Миронов играл в «Синичкине», 21-го – в «Проделках Скапена» (утро), «Дамокловом мече» (вечер), 23-го – опять в «Синичкине» (на сцене Театра имени Станиславского), 24-го – в «Женском монастыре».

Тем временем позиции Миронова в Театре сатиры крепли день ото дня. В начале 1965 года он приступил к репетициям спектакля «Над пропастью во ржи» Д. Сэленджера. Играл в нем главную роль – Холдена Колфилда, но всего лишь в третьем составе. Уже в ходе репетиций режиссер спектакля Александр Шатрин проникся к игре Миронова такими симпатиями, что немедленно поменял все местами – и Миронов стал ведущим исполнителем. Эту роль отчасти можно было считать ответом Миронова своим завистникам: он играл американского юношу, сына богатых родителей, который сбегал из семьи в поисках лучшей доли. Как вспоминал сам актер: «Я к этому совершенно не

был готов, прямо скажем. Шатрин повернул мой взгляд и всего меня куда-то внутрь себя. К тому же это книга моей юности, моего поколения. Это произведение, с одной стороны, лирическое, с другой – драматическое, совпадало в то время с моим собственным мироощущением. И Холден Колфилд, с его оценкой и взглядом на жизнь, его размышлениями, его пониманием правды, неправды, истины, лжи, был как-то очень близок мне. Шатрин помог мне почувствовать и попытаться прожить именно вот это „что“, а не „как“, ощутить это „что“… а главное, создать это из себя, а не из какого-то представления об этом. Через себя, через свою эмоцию, через свой интеллект, через свое восприятие мира. Естественно, тогда мне еще не хватало жизненного опыта и я немногое пережил, а фактически – ничего. Я только пережил в то время свою первую любовь, которая стала, быть может, необходимым для роли эмоциональным багажом… (Я понимал и с годами понимаю все больше и больше – человеческая драма, горе обогащают в нашей профессии. Это ужасно, но актер вынужден тиражировать пережитое, потому что все время пытается удержать ту эмоцию, то ощущение, то самочувствие.) Главное, чему научил меня Шатрин, – что все надо пропускать только через себя. А для этого ты должен собой что-то представлять. Представлять в плане интеллектуальном, и в плане духовном, и в плане душевном, и сердечном, и в плане восприятия чего-то, с одной стороны, и неприятия – с другой, какой-то своей определенности, своего стержня. То, что я прочитал, например, у Михаила Чехова: „Есть секрет, который, к сожалению, не все актеры знают. Секрет этот заключается в том, что публика всегда, сознательно или бессознательно, за образом, созданным актером, видит того человека, который создает этот образ, оценивает его. И от того, приняла или не приняла она этого человека, зависит возможность возникновения и сам характер связи между актером и публикой…“

Премьера спектакля «**Над пропастью во ржи»** состоялась **26 и 27 марта 1965 года**. Публика, до отказа забившая концертный зал гостиницы «Советская», была в восторге от увиденного. Да и не только публика. Сразу после спектакля постановщик спектакля Александр Шатрин написал Миронову на программке следующие слова: «Милый Андрюша! Я испытал настоящую радость встречи с тобой в работе! Ты – настоящее „Дитя театра“! Хочу верить, что ничто никогда не собьет тебя с большой дороги и что мы еще много раз встретимся в новых работах! Твой Холден заставляет людей задумываться о многом, и невозможно представить себе, что ты – Андрей Миронов – в жизни отличаешься от него! Это и есть настоящее искусство!

Поздравляю тебя и твоих Маму и Папу и желаю вам всем счастья в доме и на сцене!»

Справедливости ради стоит привести и несколько иное мнение – актера Федора Чеханкова, с которым Миронов дружил. Вот его слова: «Однажды утром в „Советской“ я смотрел один из первых спектаклей Андрея – „Над пропастью во ржи“ Сэлинджера. Не буду врать, ни спектакль, ни Андрюша не потрясли моего воображения. Это еще не был тот уникальный артист, что потом поразит всех нас и в „Интервенции“, и в „Горе от ума“, и в „Свадьбе Фигаро“. Но уже тогда Андрей удивил меня крепким профессионализмом. В нем не было ничего от неумелого дебютанта. Видимо, сказалась школа театральной семьи. Однажды знаменитого педагога „Щуки“, Юрия Васильевича Катина-Ярцева, спросили, не считает ли он, что „на детях гениев природа отдыхает“. Он ответил, что, по его наблюдениям, в актерской среде была бы уместна другая поговорка – „Яблоко от яблони недалеко падает“. И пояснил: детям из актерских семей никогда не надо объяснять, что такое актерский труд. Они с детства верно понимают суть профессии, которая заключается прежде всего в „пахоте“, а не в цветах и поклонниках. Это к Андрюше относилось впрямую…»

28 марта Миронов играл в «Проделках Скапена». А на следующий день возобновил съемки в фильме «Год как жизнь». В 9-м павильоне была воздвигнута внушительных размеров декорация «зал заседаний немецкой эмиграции», где и состоялись съемки. В них участвовали Миронов, Кваша, Нифонтова, Лучко и др. Работа длилась до пяти вечера. После чего Миронов взял курс на Театр сатиры, где ему предстояло играть в спектакле «Гурий Львович Синичкин».

30 марта Миронов опять снимался в той же декорации. А вечером снова играл в театре – на этот раз в «Женском монастыре». Такая же история повторилась и 31-го: днем съемки в «зале эмиграции», вечером – спектакль «Женский монастырь».

Апрель начался для Миронова со съемок: в первый день месяца, с трех часов дня, он снимался в декорации «кафе Антуана». На следующий день съемки продолжились.

3 и 4 апреля Миронов играл Холдена Колфилда в «Над пропастью во ржи» (утро, вечер). 5-го снова надел на себя костюм Фридриха Энгельса и расположился за столиком в «кафе Антуана». Съемки длились до 17.30.

6 апреля Миронов участвовал в очередной сессии озвучания роли Энгельса. Она длилась четыре часа – с 8 утра до 12 дня. Затем почти на полтора месяца Миронов о роли Энгельса забыл, думая, что работа над картиной благополучно завершилась. Но

получилось иначе. После просмотра картины худсоветом «Мосфильма» режиссера Рошаля обязали внести в нее некоторые изменения – в частности, переснять ряд эпизодов. Эта работа состоится в мае.

11, 12, 13 апреля Миронов играл в «Синичкине», 14-го, 15-го – в «Женском монастыре», 19-го – в «Дамокловом мече».

3 и 4 мая Миронов снова играл Холдена Колфилда в «Над пропастью во ржи». Затем его репертуар выглядел следующим образом: 9—12 мая – «Синичкин».

17 мая Миронов вновь объявился на съемочной площадке фильма «Год как жизнь». В тот день с утра состоялась пересъемка эпизода «луг». Съемка проходила в Ботаническом саду МГУ. Отснявшись, Миронов отправился в театр, где вечером ему предстояло выйти на сцену в спектакле «Над пропастью во ржи».

18 мая Миронов снова снимался. На этот раз в павильоне «Мосфильма» (6-м) снимали эпизод с участием Миронова, Кваши и Балашова. Съемка шла с 15.30 до 24.00 и оказалась последней в фильме.

19 и 21 мая Миронов играл в «Женском монастыре», 22-го – в «Над пропастью во ржи», 23-го – в «Проделках Скапена», «Женском монастыре».

Между тем едва Миронов закончил работу над фильмом «Год как жизнь», как ему поступило новое предложение от кинематографистов. Его вызвал Эльдар Рязанов, который готовился на том же «Мосфильме» к съемкам своей очередной комедии – «**Берегись автомобиля»**. Миронову было предложено попробоваться на роль жулика Димы Семицветова. А его коллеге по «Сатире» Анатолию Папанову Рязанов предложил роль тестя Семицветова Сокола-Кружкина. 31 мая прошли пробы обоих актеров (а также Татьяны Гавриловой на роль жены Димы), которые убедили Рязанова, что искать других исполнителей на эти роли больше не надо. По словам самого режиссера, «роль Семицветова, честно говоря, была выписана нами с Э. Брагинским весьма однокрасочно, и требовался актер, который не просто сыграет то, что сочинили авторы, но еще и станет „донором“, то есть обогатит роль своей индивидуальностью, выдумкой, мастерством…»

Стоит отметить, что худсовет «Мосфильма» и более высокие инстанции как-то уж весьма легко согласились с кандидатурой Миронова. Только что этот же актер сыграл основоположника коммунизма Фридриха Энгельса, а здесь ему предлагалась роль жулика и прохвоста. По тем временам, когда идеология играла в обществе ведущую роль, такие перевоплощения не поощрялись. Но Миронов почему-то проскочил. Впрочем, та же история

произошла и с Иннокентием Смоктуновским. Он тоже год назад снялся в фильме «На одной планете», где играл… вождя мирового пролетариата Владимира Ульянова-Ленина. А в фильме Рязанова ему пришлось перевоплотиться пусть в благородного, но все же вора. В отличие от Миронова кандидатуру Смоктуновского режиссеру пришлось отстаивать на самом верху, поскольку тогдашний министр кинематографии Алексей Романов был категорически против, чтобы исполнитель роли Ленина играл преступника. Рязанову пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы убедить министра, что Деточкин – персонаж исключительно положительный.

2 июня в четыре часа дня Миронов приехал на «Мосфильм», чтобы озвучить те эпизоды фильма «Год как жизнь», которые были досняты в мае.

Тем временем в июне Театр сатиры снова сменил сцену. Труппа разбилась на два состава и играла на сценах двух столичных театров: имени Маяковского и Зеркального театра «Эрмитаж». Миронов играл в обоих составах, и его репертуар выглядел следующим образом: 1 и 2 июня – «Женский монастырь» («Эрмитаж»), 3-го, 4-го – «Над пропастью во ржи» (имени Маяковского), 5-го – «Клоп» («Эрмитаж»), 6-го, 7-го – «Над пропастью во ржи» (имени Маяковского).

7 июня состоялось утверждение актеров в «Берегись автомобиля». Мать Деточкина должна была играть Любовь Добржанская; его возлюбленную Любу – Ольга Аросева; Максима Подберезовикова – Олег Ефремов; Диму Семицветова – Андрей Миронов; его жену Инну – Татьяна Гаврилова; Сокол-Кружкина – Анатолий Папанов; инспектора ОРУДа – Георгий Жженов; режиссера самодеятельного театра – Евгений Евстигнеев; начальника Деточкина – Георгий Ронинсон; директора пивной – Сергей Кулагин; католического священника – Донатас Банионис и др. Короче, найдены были все, кроме главного героя – Юрия Деточкина. Вернее, актер был найден – Иннокентий Смоктуновский, но тот в самый последний момент сниматься отказался, сославшись на нездоровье и на свою занятость в театре. В итоге Рязанову придется лично мчаться в Ленинград и чуть ли не на коленях уговаривать Смоктуновского дать добро на съемки. И сопротивление актера было сломлено.

И снова вернемся к театральным будням Миронова. 8-го и 9-го он играл в «Женском монастыре» («Эрмитаж»), 10-го – в «Над пропастью во ржи» (имени Маяковского), 11-го – в «Женском монастыре» («Эрмитаж»), 13-го – в «Над пропастью во ржи» (имени Маяковского), 14-го, 15-го – в «Женском монастыре» («Эрмитаж»), 16-го – в «Над пропастью во ржи» (имени

Маяковского), 17-го – в «Клопе» («Эрмитаж»), 18-го – в «Дамокловом мече» (имени Маяковского), 19-го, 20-го – в «Женском монастыре» («Эрмитаж»).

21 июня Миронов поставил последнюю точку в своей работе над ролью Фридриха Энгельса. С 8 утра до 12 дня он озвучил последние эпизоды «Года как жизнь», доснятые в мае. А вечером того же дня он уже играл в «Над пропастью во ржи» на сцене Театра имени Маяковского. Этот же спектакль он играл и на следующий день. Далее шли: 23-го, 24-го – «Женский монастырь» («Эрмитаж»), 25-го – «Над пропастью во ржи» (имени Маяковского), 27-го – «Синичкин» и «Женский монастырь» («Эрмитаж»), 28-го – «Женский монастырь», 29-го – «Над пропастью во ржи» (имени Маяковского), 30-го – «Дамоклов меч» (имени Маяковского).

28 июня на «Мосфильме» худсовет вновь принимал картину «Год как жизнь». На этот раз она была принята без всяких поправок с оценкой «положительно». Приведу небольшой отрывок из заключения, где речь идет о герое нашего повествования. Цитирую: «К удачам фильма следует также отнести образы Женни Маркс и Фридриха Энгельса. Руфина Нифонтова и Андрей Миронов обнаружили в этих ролях художественный вкус, внутренний темперамент, сдержанность, сумели передать все богатство натур Женни Маркс и ближайшего друга и сподвижника Карла Маркса – Фридриха Энгельса».

Кстати, за роль Энгельса Миронов удостоится не только теплых слов, но и материального поощрения. Его гонорар за 41,5 съемочных дня составит 2444 рубля (Кваша получит за 81 день 4000 рублей). Плюс после выхода фильма на широкий экран Миронову выплатят постановочные в сумме 400 рублей (Кваша получит 600).

Что касается фильма «Берегись автомобиля», то там ситуация складывалась следующим образом. Поскольку Смоктуновский дал согласие сниматься только с августа, решено было начать съемки с эпизодов без его участия. 1 июля съемки будущего блокбастера начались. В тот день на Зацепском рынке (рядом с Павелецким вокзалом) прошла экспериментальная съемка кадров с участием Папанова и Миронова (Сокол-Кружкин продавал клубнику, выращенную на своем садовом участке). Эти кадры в окончательный вариант картины не войдут.

По окончании съемки Миронов остался на съемочной площадке, чтобы взять несколько уроков вождения автомобиля «Волга» у одного из сотрудников съемочной группы. Дело в том, что Миронов обожал автомобили, даже собирал игрушечные миниатюрные авто, которые покупал либо сам, либо принимал в

дар от своих друзей. Однако его мечтой было иметь собственного «железного коня», наличие которого поднимало советского человека на еще более высокую ступень в общественной иерархии. Но прежде чем купить автомобиль, требовалось обучиться азам его вождения, чем Миронов и решил воспользоваться на съемках фильма с весьма подходящим для этого названием. Первый блин вышел комом. Как вспоминает Лариса Голубкина, которая в тот день присутствовала на съемочной площадке, Миронов так неумело сдал машину назад, что разметал в разные стороны ряды с овощами и фруктами.

Между тем в течение следующих трех недель в «Берегись автомобиля» велись трюковые съемки, в которых Миронов участия не принимал: он пробовался на главную роль в картине Марлена Хуциева «**Июльский дождь»**. Однако сыграть в этой ленте Миронову было не суждено. По словам Хуциева, «когда мы проводили пробы на главную роль, одной из кандидатур был Андрей Миронов. Он не был утвержден, но одна из сцен была очень смешной. Когда герой как бы исповедуется, он говорит: „И потом, мне нужна женщина, которая бы меня понимала“. А Миронов сыграл так: „Потом мне нужна женщина…“ Это было так смешно, что я уполз в другую комнату и спрятался за камеру. Кончилась сцена, оператор тихо смеется…»

После того, как пробы главных героев не будут утверждены, работу над фильмом законсервируют до следующего года.

6 июля Миронов играл в «Женском монастыре», причем спектакль шел на сцене Театра имени Моссовета. Это была очередная временная база Театра сатиры на лето, поскольку концертный зал гостиницы «Советская» принимал заезжих гастролеров. Однако «сатировцы» не роптали, поскольку знали, что их мытарства скоро закончатся: осенью они собирались въехать в новое здание на площади Маяковского.

7 июля Миронов играл Холдена Колфилда в «Над пропастью во ржи», на другой день – в «Синичкине». Далее спектакли шли в следующем порядке: 10-го и 11-го – «Женский монастырь», 12-го – «Синичкин», 14-го и 15-го – «Женский монастырь», 16-го – «Синичкин». 17 июля Миронов играл в «Клопе» на сцене Театра имени Вахтангова (вторая база «сатировцев» в то лето). 18-го – «Женский монастырь» (имени Моссовета), 19-го и 20-го – «Над пропастью во ржи» (имени Моссовета).

В эти же дни Миронов возобновил съемки в «Берегись автомобиля». 23 июля во дворе дома на Смоленской набережной (прямо под метроэстакадой) должны были снимать эпизод с его и Татьяны Гавриловой участием, но из-за начавшегося дождя съемку отменили. Вечером Миронов играл в «Над ропастью во

ржи» на стене Театра имени Моссовета.

24—26 июля Миронов играл в «Женском монастыре».

27 июля в «Берегись автомобиля» все-таки сняли эпизод во дворе дома на Смоленской набережной (в нем также участвовал Олег Ефремов). Вечером Миронов играл в «Над пропастью во ржи».

28 июля съемочная группа сменила дислокацию и переехала за город, в поселок Нахабино, где в течение трех дней будут сниматься эпизоды «на даче Семицветовых» с участием Папанова, Миронова и Гавриловой. Это там жена Семицветова прибегает к мужу и сообщает, что «у Топтуновых дачу отбирают». Дима в панике, а его тесть злорадствует: «И правильно отбирают! Мы будем-таки нещадно…» и т. д. Отснявшись, Миронов вернулся в Москву, чтобы вечером выйти на сцену Театра имени Моссовета в роли Холдена Колфилда.

30 июля в первой половине дня снимали «дачу», во второй – «погоню за „Волгой“.

31 июля – 1 августа на съемках были выходные дни. Однако Миронов в воскресный день 1-го работал – играл в «Над пропастью во ржи» на сцене Театра имени Вахтангова.

2 августа съемочная группа «Берегись автомобиля» собиралась выехать в поселок Нахабино, чтобы доснять там оставшиеся эпизоды «на даче Семицветова», однако выезд был отменен: Папанов и Миронов не смогли приехать из-за занятости на репетиции нового спектакля в Театре сатиры («Теркин на том свете», где у Миронова была роль Автора). За этот простой влетело по первое число директору фильма Ефиму Голынскому: ему указали, что недопустимо назначать съемки без тщательной проверки занятости актеров.

Вечером того же дня (2 августа) Миронов играл все того же Холдена Колфилда.

3 августа съемки в Нахабино все-таки состоялись. В них участвовали Папанов, Миронов и Гаврилова.

5 августа Миронов играл в «Над пропастью во ржи».

6 августа продолжились съемки «Берегись автомобиля». На этот раз съемочной площадкой стал «пятачок» возле «Комиссионного магазина» у Сретенских ворот. В тот день там сняли несколько кадров: приезд Димы Семицветова к магазину; торговец в табачной палатке (Я. Ленц) продает папиросы. Вечером Миронов играл Холдена Колфилда. 7–8 августа Миронов играл его же.

9 августа в «Охотничьем магазине» на Неглинной улице (кстати, в детстве Миронов частенько туда заходил, так же как и в музыкальный магазин на той же улице) сняли эпизод, где Дима и

его супруга приобретают капкан, чтобы с его помощью защитить своего «железного коня» от возможного угона. В съемках принимали участие актеры: Миронов, Гаврилова, Шаповалов (продавец).

10 августа прошло освоение объекта «Комиссионный магазин» у Сретенских ворот.

11 августа в магазине сняли эпизод, который в окончательный вариант фильма не вошел: Сокол-Кружкин приходит в магазин к своему зятю.

12 августа Миронов с утра присутствовал на репетиции «Теркина на том свете», а вечером играл в «Над пропастью во ржи». 13—15-го Миронов играл в «Женском монастыре». На этом спектакли Театра сатиры в Москве закончились.

19—20 августа продолжились съемки «Берегись автомобиля». У «Комиссионного магазина» на Сретенке сняли бегство Деточкина и задержание пассажира. Однако большая часть снятых в тот день кадров в фильм не войдет, поскольку в роли Подберезовикова тогда снимался актер Анатолий Кузнецов, который подменял Ефремова.

26 августа съемочной площадкой снова стал «пятачок» возле «комиссионки» у Сретенских ворот. Там снимали эпизод, где Подберезовиков (Олег Ефремов) опрашивает свидетелей, видевших, как угонщик хотел угнать «Волгу» Семицветова. Таким свидетелем оказывается продавец из табачной палатки, который начинает свой рассказ издалека – с сигарет «Друг». Эпизод снимали два дня.

30 августа съемки были перенесены непосредственно в «комиссионку»: там сняли сцену, как Дима впаривает покупательнице (актриса Эмилия Мильтон) импортный магнитофон. Этот эпизод затем переснимут с другой исполнительницей (Галиной Волчек). Почему это произойдет, рассказ впереди.

31 августа снимали в той же «комиссионке»: после того как Дима «впарил» магнитофон, к нему подошел Подберезовиков. И Дима подумал, что его махинации разоблачены.

На этом съемки Миронова в «Берегись автомобиля» были на некоторое время прерваны, чем тот немедленно и воспользовался – уехал отдыхать в Прибалтику.

В Москву Миронов вернулся в конце сентября к традиционному сбору труппы. И 4 октября вместе с Театром сатиры выехал на кратковременные гастроли в Ленинград. Но поскольку занят он был только в двух выездных спектаклях, в свободное время Миронов приезжал в Москву, где у него появился очередной объект для увлечения. Это была 20-летняя

актриса Анастасия Вертинская. Она только что закончила «Щуку», однако, несмотря на свой юный возраст, была уже суперпопулярной благодаря трем звездным ролям в кино: Ассоль в «Алых парусах» (1961), Гуттиэре в «Человеке-амфибии» (1962) и Офелии в «Гамлете» (1964). Миронов познакомился с ней в одной из компаний, которые он тогда посещал весьма регулярно в поисках новых ощущений. Вертинская восприняла ухаживания Миронова как нечто само собой разумеющееся. На тот момент ее расположения добивались многие именитые мужи, один перечень имен которых мог привести в трепет кого угодно: Олег Ефремов, Иннокентий Смоктуновский и т. д. Миронов стоял в этом списке если не на последнем месте, то, во всяком случае, не на первом, и даже не на третьем. Но в какой-то из моментов Вертинская внезапно стала отдавать предпочтение именно ему, чему были многочисленные свидетели, которые видели эту парочку вместе на разных, как теперь принято говорить, тусовках. Вполне вероятно, у Миронова в отношении Вертинской были далеко идущие планы – вплоть до женитьбы. Да вот беда: в планы Вертинской это не входило. Поэтому, едва только представился удобный случай, она от Миронова попросту сбежала. Это случилось 16 октября 1965 года на дне рождения Ивана Дыховичного (как мы помним, его сестра Галя была школьной любовью Миронова). О том, каким образом развивались события на той знаменательной вечеринке, рассказывает главный виновник случившегося Никита Михалков:

«У Насти был классный набор ухажеров: она могла снять с полки любого. Именитость ей была не нужна, она сама была дочкой Вертинского. Фамилия Михалков не могла произвести на нее впечатление. Я мучительно был влюблен, мучительно. И мучил ее, наверное, всякими звонками, ревностью. И наступил момент разлада, мы расстались. Я уехал из Москвы на пробы. У нас была близкая подруга, Лена Матвеева, замечательный человек, балерина. Мы с ней, когда я вернулся, пришли на день рождения Вани Дыховичного, а компания там была веселая: Вика Федорова, Полянский, Дыховичный. И туда пришла Настя с Андреем Мироновым. Я сидел наискосок от нее за столом… И дальше я очнулся на лестничной клетке – в поцелуе с ней. Она меня увела оттуда – дело не в том, кто кого увел, но было ясно, если она бы этого не захотела, никогда бы в жизни ничего не было. Во мне не имелось той силы, обаяния и тех возможностей, которые могли ее сломить. Она ко мне приспустилась, снизошла. Я помню как сейчас ощущение того электричества, которое возникло. Должен сказать, не вдаваясь в подробности, что у Насти мужской ум и мужской характер…»

Пройдет меньше года, и Вертинская и Михалков поженятся. А Миронов, потерпев очередное любовное фиаско, отправится к Ларисе Голубкиной. Как мы помним, он уже делал ей предложение руки и сердца, которое она категорически отвергла. Но Миронов надежды не терял и каждый раз, когда у него было худо на сердце, мчался в Собиновский проезд к Голубкиной. Вот и на этот раз он явился к ней и… сделал очередное предложение. Голубкина, которая на тот момент окончательно определилась, что мужа актера у нее не будет никогда, вновь ответила категорическим «нет». И, чтобы у Миронова не оставалось никаких иллюзий на ее счет, огорошила его сообщением:

– К твоему сведению, Андрюша, у меня двое детей.

– Как двое? – брови Миронова поползли вверх.

– Так, двое. У меня, представь себе, близнецы. Я их родила в десятом классе, и мои родители их взяли, чтобы прикрыть мой грех.

В течение минуты Миронов сосредоточенно молчал, переваривая услышанное. После чего вновь спросил:

– Кто он?

– Моряк дальнего плавания, – продолжала врать Голубкина. Причем делала это так артистично, что сама поражалась – как это у нее так получается! Но самое поразительное, что Миронов тоже ей поверил. И предложил Голубкиной совершенно неожиданный вариант:

– Я согласен взять тебя и с детьми: я их усыновлю.

Тут уж настала очередь остолбенеть Голубкиной. И неизвестно, сколь долго длилась бы эта словесная баталия, если бы Голубкина не сослалась на свою мифическую занятость и не выставила непрошеного гостя за дверь. Правда, тот, уходя, пообещал обязательно вернуться и продолжить разговор. И ведь не соврал: спустя какое-то время снова заявился в Собиновский и затеял ту же волынку: «Лариска, выходи за меня, выходи…» «Ну почему ты, Лариска, ломаешься? – удивлялся он. – Ты, в общем, ничего, я – ничего, и у тебя квартира однокомнатная, и у меня однокомнатная, ну объединим. Большая квартира будет!» Короче, он Голубкину просто достал, и одно время она просто не знала, куда от него деваться. Другая бы на ее месте давно уже сломалась (как это было, к примеру, с Фатеевой), но Голубкина проявила завидную упертость. И это при том, что родителям Миронова (редкий случай) она очень нравилась. Они даже на концерты заезжих знаменитостей брали именно ее, в надежде, что она будет снисходительнее к их сыну. Но в ту пору, в 60-е, из их намерений ничего путного так и не получилось.

Тем временем во второй половине октября Миронов

возобновил съемки в «Берегись автомобиля». 17–19 октября снимали трюковые кадры на Внуковском шоссе и эпизод, где гости Димы Семицветова окружают его «Волгу» и просят их покатать. Они скандируют: «Прокати нас, Дима! Прокати нас, Дима!» А в это время в «Волге» находится Деточкин, угодивший в капкан, который с ужасом ждет, что его сейчас разоблачат.

23 и 25 октября снимали «двор Семицветовых»: Деточкин и Дима стоят у «Волги»; Дима просит автомеханика (Вячеслав Невинный) осмотреть его «Волгу».

26 октября досняли эпизод с автомехаником: Дима открывает гараж, а «Волги» там нет. На этом съемки Миронова временно прекратились, и он целиком сосредоточился на работе в театре (он играл в семи спектаклях и репетировал роль Автора в «Теркине на том свете»).

В среду 3 ноября Театр сатиры официально въехал в новое здание на площади Маяковского (Большая Садовая улица, дом 18). Новым зданием этот дом можно было назвать наполовину. Дело в том, что построен он был еще в конце XIX века, а в 1911 году в нем размещался цирк с бассейном под руководством Акима Никитина. После революции арена цирка была приспособлена под выступления первого советского мюзик-холла. Позднее зал предоставлялся под спектакли художественной самодеятельности, детского театра и Театра народного творчества. В 30-е годы там работал Московский театр комедии, чуть позже – Театр оперетты. В 1940 году в соседнем саду «Аквариум» для Театра оперетты стали строить новое здание, но новоселью помешала война. А позже сам театр отказался от строительства: в 1961 году оперетта переехала в здание филиала Большого театра на Пушкинской улице. А театр под куполом на Большой Садовой закрылся на капитальную перестройку по проекту архитектора В. Степанова. К тому времени городские власти уже определились, кто станет новым хозяином здания, – Театр сатиры.

«Сатировцы» получили в свои владения прекрасный комплекс. К старому зданию с куполом был пристроен новый корпус для артистических, оборудован наверху репетиционный зал, полы вестибюля покрыли мраморной брекчией, на северном фасаде установили надпись «Театр сатиры», архитектор Степанов украсил фасад четырьмя раскрашенными масками. По настоянию руководства театра вверху под куполом удалось «подвесить» малый зал с открытой сценической площадкой, который использовался как репетиционный.

Обновленный зал Театра сатиры вмещал 1200 мест, имел вид единого амфитеатра, разделенного на относительно пологий

партер в 14 рядов и крутой амфитеатр, полукругом огибающий зал. Сцена широким порталом была раскрыта на его пространстве и имела современное технологическое оборудование. На то время это был один из самых комфортабельных театральных залов. Правда, были у театра и свои минусы: затесненные площади фойе и буфета. Но это были уже мелочи.

Первый спектакль на новой сцене прошел 3 ноября в пять часов вечера. Специально для строителей «сатировцы» показали спектакль «Женский монастырь». После этого «сатировцы» в течение десяти дней обживали новое здание. В те дни спектакли на его сцене не шли, а велись только репетиции нового спектакля «Теркин на том свете».

Новый сезон в Театре сатиры открылся 14 ноября. Давали «Клопа», где Миронов играл Присыпкина. На следующий день «Клопа» играли снова. Затем в течение четырех вечеров (16—17-го, 19—20-го) демонстрировался спектакль-мюзикл «Женский монастырь». 21–22 ноября снова дважды показали «Клопа», 23-го и 26-го опять шел «Женский монастырь», 27-го – «Проделки Скапена», 28-го и 29-го – «Женский монастырь», 30-го – «Клоп».

С «Клопа» начался для Миронова и декабрь – он играл его 5-го, причем утром и вечером. Затем три дня (6-го, 8-го и 9-го) шел «Женский монастырь», 12-го – «Проделки Скапена», 13-го и 14-го – «Женский монастырь», 15-го – «Клоп», 17-го – «Женский монастырь», 18-го – «Проделки Скапена», 19—20-го – «Женский монастырь», 22-го – «Клоп».

24 декабря Миронов вернулся на съемочную площадку «Берегись автомобиля». В тот день в 3-м павильоне начали снимать «квартиру Семицветова». Сняли ночной эпизод: Дима встает с постели по малой нужде, а заодно смотрит в окно, проверяя, на месте ли его «Волга». Во второй половине дня должны были снимать следующие эпизоды в этой же декорации, но не успели – слишком долго декораторы переклеивали обои.

Отснявшись у Рязанова, Миронов домой не уехал. В половине восьмого вечера он пришел в коллектор 7-го павильона, чтобы пройти кинопробы в новую картину. Речь идет о фильме Ирины Поволоцкой и Михаила Садковича «Мы – марсиане» (в прокате – «**Таинственная стена»**). Сняться в нем Миронову очень хотелось: во-первых, сценарий принадлежал перу его школьного приятеля Александра Червинского, во-вторых, Миронову была предложена необычная роль – сержанта Советской Армии Валентина Карпухина. Кроме этого, привлекал и сам жанр картины – научно-фантастический. Речь в фильме шла о некой туманной наэлектризованной стене, появившейся в тайге и вызывающей у людей видения из прошлого.

В тот день вместе с Мироновым пробы проходили Михаил Козаков и Татьяна Лаврова.

25 декабря Миронов снимался в «Берегись автомобиля». В тот день съемки в декорации «квартира Семицветовых» продолжились. Сняли сцену, где Дима в панике прибегает домой и сообщает, что у него сегодня на работе был следователь. Его тесть злорадно замечает: «Тебя посодють! А ты не воруй!» К слову, появление Анатолия Папанова на съемочной площадке могло и не состояться, поскольку худсовет объединения… его забраковал. После того, как был просмотрен отснятый летом материал, худсовет решил, что Папанов явно выпадает из коллектива, нарушает стилистику и целостность фильма. Рязанов стоял на пороге того, чтобы заменить актера другим исполнителем. Что его удержало от этого шага, неизвестно, однако Папанов в фильме остался. И слава богу! Эту роль лучше него вряд ли бы кто сыграл.

26—27-го декабря в Театре сатиры шел спектакль «Женский монастырь».

27 декабря вновь снимали «квартиру Семицветовых»: Дима ложится на тахту и говорит, что жениться надо на сироте. И получает от жены звонкую пощечину.

28 декабря сняли эпизод, где к Семицветовым приходит Деточкин, чтобы застраховать их имущество. Он узнает, что у молодых есть новенькая «Волга», и у него созревает план, как ее угнать.

30 декабря досняли эпизод прихода Деточкина к Семицветовым.

30—31 декабря в Театре сатиры шел «Женский монастырь».

1966

Наступление нового **1966 года** Миронов справлял сначала дома у родителей, затем с друзьями в ресторане ВТО. А в два часа дня Миронов был уже на «Мосфильме», где продолжались кинопробы к фильму «Таинственная стена». В павильоне № 1 была построена небольшая декорация кабинета, где режиссеры фильма просматривали кандидатов на роли. В тот день помимо Миронова пробовались Лев Круглый и Татьяна Лаврова.

2 января Миронов играл в «Женском монастыре».

3 января на «Мосфильме» генеральная дирекция отсмотрела актерские кинопробы к фильму «Таинственная стена» и утвердила следующих исполнителей на главные роли: Льва Круглого (Егор), Татьяну Лаврову (Лена), И. Учанейшвили (Андрей). Андрея Миронова в этом списке не было, поскольку его игра пока не убедила руководство студии и поиски кандидата на роль Валентина Карпухина продолжились. В частности, равные с Мироновым шансы имел актер Театра на Таганке Валерий Золотухин. Именно с ним Миронов соревновался на пробах, которые прошли 4 января в 11-м павильоне студии. Кроме них там были: Михаил Козаков, Татьяна Лаврова.

На «Мосфильме» Миронов пробыл до шести вечера, после чего отправился в Театр сатиры, где ему предстояло выйти на сцену в роли Холдена Колфилда в спектакле «Над пропастью во ржи». Затем шли: 5-го и 8-го – «Женский монастырь», 15-го – «Клоп», 16-го – «Женский монастырь», 23-го – «Клоп», 24-го – «Женский монастырь», 25-го – «Над пропастью во ржи», 28-го – «Женский монастырь», 31-го – «Над пропастью во ржи».

Параллельно Миронов репетировал роль Автора в спектакле по поэме А. Твардовского «**Теркин на том свете»**. Премьера спектакля состоялась в воскресенье **6 февраля** при полном аншлаге. Это была одна из лучших постановок Плучека, однако для чиновников от культуры это обстоятельство не играло никакой роли. Эта поэма Твардовского изначально считалась крамольной, но была опубликована и разрешена к театральной постановке еще в оттепельные, хрущевские времена. Но в октябре 1964 года Никиту Сергеевича насильно отправили на пенсию, и все его оттепельные начинания начали сворачиваться. Поэтому в феврале 66-го мало кто сомневался, что судьба театрального «Теркина на том свете» сложится неблагополучно. Так и выйдет, о чем речь еще пойдет впереди. Однако вернемся в начало 66-го.

На «Мосфильме» продолжаются кинопробы к картине «Таинственная стена». К тому времени были найдены

практически все актеры на главные и эпизодические роли (в последних снимутся: Валентин Никулин, Георгий Тусузов – коллега Миронова по Театру сатиры, Александр Кайдановский). И только исполнителя на роль сержанта Валентина Карпухина никак не могли найти. Как мы помним, равные шансы имели два кандидата: Андрей Миронов и Валерий Золотухин (еще пробовались Герман Качин и Александр Крыченков). В конце января худсовет наконец выбрал нужного исполнителя. Им стал Андрей Миронов.

9 февраля Миронов возобновил съемки в «Берегись автомобиля». В тот день в павильоне «Мосфильма» пересняли эпизод «в прокуратуре»: Подберезовиков беседует с Димой Семицветовым и его женой. «Так почему же преступник хотел угнать именно вашу машину?» – спрашивает следователь у потерпевшего. «Это вы меня спрашиваете?» – удивляется Дима. Потом у Подберезовикова звонит телефон, он берет трубку и узнает, что Деточкин сегодня на репетицию не придет – болит нога. Дима с женой мгновенно вскакивают со своих мест: только что у них со следователем шел разговор о том, что преступник, попав в их капкан, все-таки сумел освободиться и скрылся. Вот почему Дима спрашивает Подберезовикова: «У кого нога?» На что тот бросает крылатую фразу, которая после выхода фильма в свет уйдет в народ: «Эта нога – у кого надо нога!»

Вечером того же дня Миронов играл Присыпкина в «Клопе». 10-го это был Автор в «Теркине», 12-го – Тушканчик в «Женском монастыре».

15 февраля возобновились съемки «Берегись автомобиля». Во 2-м павильоне начали снимать суд над Деточкиным. Сняли выступления директора пивной и Подберезовикова.

В тот же день начались съемки фильма «Таинственная стена». Правда, пока без участия Миронова. Съемки проходили в деревне Парамоново Дмитровского района Московской области (65 км от столицы). В первый день сняли объект «сожженный лес». Однако работа длилась недолго: был отснят всего один кадр с Татьяной Лавровой и Евгением Шутовым, когда началась сильная пурга.

Между тем 16 февраля с 12 часов дня съемки «суда» в «Берегись автомобиля» продолжились: сняли выступление Димы Семицветова («Товарищи, деньги у нас еще никто не отменял!») и священника (Донатас Банионис). Съемки велись до половины девятого вечера. Но Миронов покинул съемочную площадку около пяти вечера, чтобы успеть в театр на спектакль «Женский монастырь».

20 февраля Миронов впервые вышел на съемочную площадку фильма «Таинственная стена». Все в той же деревне Парамоново

снимали эпизод из начала картины с участием Миронова, Татьяны Лавровой и Евгения Шутова. Съемки велись с 16.00 до 4 утра следующего дня. Отснявшись, Миронов вернулся в Москву.

22 февраля Миронов играл в «Дамокловом мече».

24 февраля Миронов снова снимался в «Таинственной стене». На этот раз это был эпизод из конца фильма – «лес у телезонда». Съемки шли с девяти утра до четырех дня, после чего Миронов вернулся в Москву.

26 февраля Миронов играл в «Теркине», 27-го – в «Над пропастью во ржи».

28 февраля он продолжил съемки в «Таинственной стене» – снимали эпизод «ворота» из начала фильма. Съемки шли с двух дня до четырех часов утра следующего дня.

В следующий раз Миронов вышел на съемочную площадку 2 марта. На этот раз съемки велись не в Парамоново, а в 25 километрах от базы, где разместилась киногруппа, на Дмитровском шоссе. Снимали эпизод «ворота» из начала картины. Съемки шли с 14.00 до 5 утра следующего дня.

6 марта Миронов снимался в эпизоде «лес» из конца фильма. Снимали эпизод в овраге у деревни Парамоново. Затем целую неделю Миронов не снимался.

8 марта 1966 года нашему герою исполнилось 25 лет. Круглую дату отмечали в родительском доме юбиляра на Петровке, 22. Пришло много народу, среди гостей именинника были его новые коллеги по Театру сатиры: режиссер Валентин Плучек, Вера Васильева со своим супругом Владимиром Ушаковым и многие другие. Торжество прошло весело: именинник был в ударе, показывая гостям искрометные сценки, лихо отплясывая шейк и копируя Луи Армстронга. Мама именинника тоже источала радушие, хотя кое-кого из гостей она бы, будь ее воля, и близко не подпустила бы к своей квартире. Весьма показателен случай, который произошел спустя несколько дней после этого дня рождения. Мария Миронова и Валентин Плучек с женой отправились в Лондон по туристической путевке, которую им в подарок купил Александр Менакер. Там они встретились с Чарли Чаплиным и Софи Лорен и сфотографировались по этому случаю. Эту фотографию Миронова затем привезет в Москву и повесит на стену в своей квартире, предварительно произведя купюры: стоявшую рядом с ней Зинаиду Плучек она безжалостно вырежет. Но вернемся к Андрею Миронову.

Съемки «Берегись автомобиля» благополучно завершены. 11 марта фильм был показан худсовету студии. Приняли картину хорошо, за исключением одного эпизода: когда Дима Семицветов

«впаривает» покупательнице магнитофон «Грюндиг». Худсовету не понравилась актриса, сыгравшая роль покупательницы – Эмма Мильтон (чуть позже она блестяще сыграет главную злодейку в телесериале «Следствие ведут знатоки», в серии «Шантаж»). Поэтому эпизод было рекомендовано переснять с другой исполнительницей. Ею станет Галина Волчек из «Современника». Эти съемки пройдут 15 марта, в 1-м павильоне, с 15.30 до 23.30. Но вернемся на некоторое время назад.

13 марта Миронов снова вышел на съемочную площадку «Таинственной стены». В деревне Парамоново снимали эпизод «сожженный лес» с участием Миронова, Лавровой и Учанейшвили. Причем съемки начались поздно – в 22.30, поскольку у Лавровой и Миронова в тот день были спектакли (Миронов играл в «Теркине»). Снимали до 4.15 утра.

Вечером 14 марта Миронов снова играл Автора в «Теркине на том свете».

17 марта он снова снимался в «Таинственной стене»: в эпизоде «поляна» из середины и конца фильма. Вместе с ним на съемочной площадке в тот день работали: Лаврова, Круглый, Учанейшвили. Съемки проходили с 9.00 до 17.30.

19 марта Миронов с утра снова снимался (эпизод «поляна» из конца фильма), а вечером вышел играть на сцену «Сатиры» (в «Теркине»). На следующий день ситуация выглядела иначе: утром он играл в «Над пропастью во ржи», а вечером (с 18.00) начал сниматься в «Таинственной стене» в эпизоде «сожженный лес» из начала картины. Съемки велись до половины седьмого утра следующего дня.

22 марта Миронов снимался в эпизоде «поляна» из середины фильма вместе с Лавровой, Круглым и Учанейшвили. Съемки проходили с девяти утра до половины седьмого вечера. Домой Миронов не поехал, поскольку утром следующего дня (с 8.00) ему предстояло снова сниматься: в эпизоде «сожженный лес» из конца фильма. Утром 24 марта Миронов снова снимался – в «поляне» из середины фильма. На следующий день он снимался в этом же эпизоде, но в кадрах из конца картины. После чего вернулся в Москву.

26 марта Миронов играл в «Над пропастью во ржи», 27-го дважды «Клопа» (утром и вечером). Затем он снова уехал в Парамоново. Там, в ночь на 28 марта, снимали эпизод «сожженный лес» из начала картины. Из-за сильного дождя съемки были прерваны в 3 часа ночи. К работе вернулись в тот же день в шесть вечера. Снимали до четырех утра. 29 марта с 9 утра снимали «поляну» (конец фильма). На этом съемки Миронова в «Таинственной стене» временно прекратились.

Тем временем **29 марта** на широкий экран вышел фильм «**Год как жизнь»**, где Миронов, как мы помним, играл роль Фридриха Энгельса. Премьера фильма была приурочена к знаменательной дате – XXIII съезду КПСС, который открылся в Москве в тот день (в столице фильм начал демонстрироваться в двух кинотеатрах – «Мир» и «Космос», а спустя неделю пошел уже широким экраном в 29 кинотеатрах). Этой премьерой решил воспользоваться для своего розыгрыша Игорь Кваша. Накануне открытия съезда он позвонил Миронову домой и измененным голосом сообщил: «На торжественном концерте, посвященном закрытию съезда, вы вместе с Квашой должны выехать на бричке в гриме Маркса и Энгельса». Потрясенный Миронов спросил: «А Кваша согласен?» – «Да, конечно, как он может отказаться от такого предложения? Теперь дело за вами. Вы согласны?» «Естественно», – последовал немедленный ответ. Как вспоминает сам Кваша: «И я, и моя жена Таня, которая была в курсе этого розыгрыша, названивали Миронову еще неделю. Андрюшка все принял за чистую монету и хотел в условленное время прийти к Боровицким воротам. Я даже собирался привести друзей, чтобы вместе посмеяться. Но в конце концов не выдержал и все ему рассказал…»

31 марта 1966 года генеральная дирекция «Мосфильма» приняла фильм «Берегись автомобиля». В заключении было записано следующее: «Безусловен профессиональный рост Рязанова-режиссера. Умелая и изящная манера работы с актером, точное ощущение смешного, мастерское использование мизансцены и кадра, непринужденный лаконичный монтаж – таковы отличительные черты его дарования».

Однако дирекция тоже нашла в фильме кое-какие недостатки, которые Рязанову было рекомендовано исправить. В частности, была сокращена речь режиссера самодеятельного театра, убрали упоминание того, что тесть Димы Семицветова – полковник в отставке.

4 апреля Миронов играл в «Над пропастью во ржи», 5-го – в «Женском монастыре», 8-го – в «Клопе», 11-го – в «Женском монастыре».

13—16 апреля Миронов вернулся в «Таинственную стену». Правда, это были не съемки (они пока остановились), а озвучание снятого материала. В течение четырех дней актеры озвучивали свои роли в тонателье «Мосфильма» с девяти утра до шести вечера.

17 апреля Миронов играл в «Над пропастью во ржи», 18-го – в «Теркине», 19-го – в «Женском монастыре».

20 апреля Миронов возобновил съемки в «Таинственной

стене». В тот день в 12-м павильоне «Мосфильма» сняли эпизод «в газике» из самого начала фильма. С Мироновым снимались Учанейшвили и Шутов (14.00–18.00).

24 апреля Миронов снова вышел на сцену родного театра – в спектакле «Теркин на том свете». 25-го это был «Женский монастырь», 26-го – «Над пропастью во ржи».

В два часа дня 27 апреля Миронов снова вышел на съемочную площадку «Таинственной стены». В 3-м павильоне опять снимали эпизод «в газике» из начала ленты. На этот раз к троице мужчин-актеров прибавилась женщина – Татьяна Лаврова. Съемки велись до шести вечера, после чего Миронов рванул в театр, где в семь часов начался спектакль с его участием «Клоп». 29-го он играл в «Женском монастыре».

Май начался для Миронова с «Над пропастью во ржи» – он играл в нем 2-го, причем дважды: в 10 утра (шефский) и в 13.30. 4-го это был «Теркин на том свете», 8-го – «Над пропастью во ржи», 10-го – «Теркин».

Утром 11 мая Миронов приехал на «Мосфильм», чтобы продолжить работу над ролью сержанта Советской Армии в научно-фантастическом фильме «Таинственная стена». Съемка была назначена в 9 утра, но к положенному времени прибыли только два исполнителя главных ролей: Миронов и Круглый. А вот Татьяна Лаврова приехать не смогла из-за внезапно свалившейся на нее болезни. И съемку отменили. Вечером того же дня Миронов играл в «Женском монастыре».

12 мая в три часа дня Миронов снова был на «Мосфильме». На этот раз удачно: съемка состоялась, правда, без Лавровой (пока ее нет, было решено снимать другие эпизоды). В тот день в 12-м павильоне сняли эпизод «научная станция» из середины картины. Снимались Миронов и Учанейшвили. Работа закончилась поздно – в двенадцать ночи.

Между тем **12 мая** на широкий экран вышел фильм «**Берегись автомобиля»**. В Москве его начали показывать в двух кинотеатрах – «Художественный» и «Прогресс», а спустя неделю он уже шел в трех десятках залов. Фильм будет тепло принят публикой и соберет в прокате 29 миллионов зрителей. Однако на родных кинофестивалях картину будут упорно не замечать, зато за рубежом он соберет кучу всевозможных призов. Так будет на фестивалях в Эдинбурге и Сиднее (1966), в Мельбурне (1967) и Картахене (1969), где И. Смоктуновскому будет вручена премия за лучшее исполнение мужской роли. Кроме этого по опросу читателей журнала «Советский экран» Смоктуновский будет назван лучшим актером 1966 года. Но вернемся на некоторое время назад.

13 мая Миронов продолжил работу в «Таинственной стене». Состоялись съемки объекта «научная станция» из середины фильма с участием Миронова, Круглого и Учанейшвили.

15 мая Миронов играл в «Клопе».

16 мая с 12 дня он снимался на «Мосфильме»: эпизод «научная станция». В тот день на съемочной площадке наконец объявилась Татьяна Лаврова. На следующий день съемки этого эпизода были продолжены. Однако радость киношников длилась недолго: с 19 мая Лаврова снова заболела и съемки были приостановлены.

19 и 23 мая Миронов играл в «Теркине», 24-го – в «Женском монастыре».

25 мая возобновились съемки «Таинственной стены». В три часа дня в 12-м павильоне «Мосфильма» собрались все нужные исполнители (Миронов, Лаврова, Круглый и Учанейшвили) и была дана команда «Мотор!». Снимали эпизод «дом научной станции» из начала фильма. Съемки длились до двенадцати ночи.

25 мая 1966 года приказом председателя Кинокомитета А. Романова целая группа участников фильма «Берегись автомобиля» была награждена денежными премиями. Поскольку Андрей Миронов играл неглавную роль, его «навар» составил всего 50 рублей (такой же суммы удостоились Ольга Аросева и Георгий Жженов, а исполнительница роли жены Димы Семицветова актриса Татьяна Гаврилова получила и вовсе 40 рублей). Во главе наградного списка стояли следующие исполнители: И. Смоктуновский (100 рублей), О. Ефремов (70 рублей), А. Папанов (60 рублей).

Между тем продолжается работа над фильмом «Таинственная стена». 26 мая с 12 дня до половины девятого вечера Миронов снимался в объекте «дом научной станции». Утром следующего дня (с 7.30) съемки объекта были продолжены. Вечером Миронов играл в «Женском монастыре».

28 мая он снова снимался в «научной станции» (кадры ближе к концу фильма).

29 мая Миронов играл в «Женском монастыре».

30 мая наш герой снова снимался – с трех дня до половины двенадцатого ночи.

31 мая Миронов играл в «Теркине на том свете».

Интересно, что той же весной Миронов имел прекрасную возможность упрочить свою популярность посредством телевидения. Дело в том, что он стал ведущим новой передачи, которая в скором времени станет суперпопулярной, – «Кабачок „13 стульев“. Эта передача появилась благодаря стараниям актера Театра сатиры Александра Белявского. Некоторое время назад он

вернулся из Польши, где снимался в сериале „Четыре танкиста и собака“, и привез на родину идею телевизионной инсценировки миниатюр, попадавшихся ему в польских юмористических журналах (в частности, в „Шпильках“), а также в представлениях „Кабаре Старых Панов“, где он любил посидеть. Эта идея попала к режиссеру телевидения Георгию Зелинскому, который был связан с Театром сатиры кровными узами – актриса Зоя Зелинская была его женой. В первых передачах (премьера состоялась в январе 66-го) актеры играли миниатюры без имен, обращаясь друг к другу – Он или Она. Название у программы тоже было непритязательным – „Добрый вечер!“, а ее первым ведущим был все тот же Александр Белявский.

Между тем стоило передаче раз-другой появиться на голубых экранах, как советский зритель, сидевший на голодном юмористическом пайке, принял ее на «ура» и буквально забросал телевидение письмами с требованиями продолжать доброе начинание. Авторам передачи не оставалось ничего иного, как внять этим требованиям. Было принято решение сделать передачу постоянной (отныне она должна была выходить один раз в месяц, плюс выпуски в праздничные дни) и сменить название. Придумать его предстояло самим зрителям, среди которых даже был устроен конкурс – за лучшее название автору был обещан приз – чешское пиво (в те годы страшный дефицит!). И какие только названия не предлагали присвоить новой передаче зрители: «Козерог» (пришло 3 тысячи писем), «Голубой Дунай» (5 тысяч), «Попугай» (8 тысяч), «Улыбка» (10 тысяч). Однако в этом споре победило отнюдь не большинство. Некий зритель из Воронежа посчитал всех тогдашних участников кабачка (их было 13) и предложил назвать передачу «Кабачок „13 стульев“. Название понравилось, а зритель, который его придумал, был вызван в Москву на съемки одного из „Кабачков“, где ему в торжественной обстановке были вручены 13 ящиков с чешским пивом.

Основной костяк обитателей «Кабачка» составляли актеры Театра сатиры. Так, Спартак Мишулин был паном Директором, Ольга Аросева – пани Моникой, Борис Рунге – паном Профессором, Вадим Байков – паном Вотрубой, Зиновий Высоковский – паном Зюзей, Роман Ткачук – паном Владеком, Зоя Зелинская – пани Терезой, Наталья Селезнева – пани Катариной, Валентина Шарыкина – пани Зосей, Юрий Соковнин – паном Таксистом, Владимир Козел – паном Беспальчиком, Георгий Тусузов – паном Пепюсевичем, Олег Солюс – паном Пузиком и т. д. Что касается нашего героя – Андрея Миронова, то он влился в этот коллектив несколько месяцев спустя благодаря

случайности. Дело в том, что Александр Белявский, пробыв в роли Ведущего десять выпусков, уволился из Театра сатиры (он перешел в штат Театра-студии киноактера) и автоматически покинул «Кабачок». Тогда Зелинский и пригласил на его место Миронова. Тот поначалу с радостью согласился, но длилась эта радость недолго. Миронов отснялся всего лишь в двух выпусках, после чего от этой роли отказался. То ли ему показался неинтересным материал, то ли в дело вмешались интриги. В частности, говорили, что на Миронова повлиял разговор с Плучеком, который считал «Кабачок» верхом пошлости и безвкусицы, и актеров, которые в нем участвовали, шпынял за это при любой удобной возможности. Миронову такая судьба не улыбалась. В итоге место Ведущего занял Михаил Державин, который продержится на этом месте 140 выпусков, уместившихся в 13 лет. Однако вернемся в год 1966-й.

1 июня Миронов играл в «Женском монастыре», 3-го – в «Теркине», 5-го – в «Клопе».

6 июня он вновь вышел на съемочную площадку «Таинственной стены». В тот день с трех дня до 23.30 в 12-м павильоне снимали объект «научная станция». На следующий день были отсняты еще пять кадров на этом же объекте с участием Миронова.

8 июня Миронов в три часа дня снова приехал на «Мосфильм», где предстояло завершить съемки объекта «научная станция». Однако съемки сорвались по вине Татьяны Лавровой – она на них просто не явилась. Поскольку это был не первый подобный проступок с ее стороны, администрация съемочной группы накатала на нее «телегу» руководству студии. И актрисе влепили выговор и составили акт о взыскании.

9 июня сняли эпизод без участия Лавровой – «в кабине локатора». В нем участвовали Миронов и Круглый. На следующий день на съемочную площадку явилась Лаврова, однако наш герой в этих кадрах занят не был – вечером он играл в «Женском монастыре». 11-го это был спектакль «Над пропастью во ржи».

13 мая в 9 утра Миронов возобновил съемки в «Таинственной стене». Снимали объект «дом научной станции» из середины фильма. Работа велась до половины шестого вечера. Затем Миронов отправился в театр, чтобы сыграть в «Женском монастыре».

14 июня он снова снимался: в объекте «научная станция» из финала фильма.

15 июня Миронов играл в «Женском монастыре», 17-го – в «Клопе», 19-го – в «Женском монастыре», 20-го – в «Женском монастыре».

21 июня Миронов снова снимался: в эпизоде «кабина локатора». Его партнерами были Круглый и Учанейшвили. Наш герой снимался до шести вечера, после чего рванул в театр, чтобы успеть к спектаклю «Над пропастью во ржи».

24 июня Миронов приехал на «Мосфильм», но съемка в очередной раз была сорвана по вине Татьяны Лавровой. На этот раз она не смогла приехать из Ленинграда, где гастролировала вместе с театром «Современник». Узнав об этом, съемочная группа решила снимать эпизоды без ее участия. 27-го это были кадры из объекта «научная станция» из финала фильма (Миронов, Круглый, Учанейшвили), 28-го – кадры из того же объекта, но уже из середины картины (те же исполнители). Вечером того же дня Миронов играл в «Теркине». Этим спектаклем Театр сатиры закрыл очередной сезон в Москве. Волею судьбы последнее представление «Теркина на том свете» на самом деле стало последним – спектакль высоким распоряжением Министерства культуры из репертуара «Сатиры» исключили. Это решение переживала вся труппа театра, но больше всех – Анатолий Папанов, для которого роль Теркина была одной из самых успешных в его сценической карьере. Но изменить что-либо было не в его силах.

Тем временем 29 июня на съемочной площадке «Таинственной стены» появилась долгожданная Лаврова. В 12-м павильоне сняли эпизод «контрольный пункт» из начала ленты с участием Миронова, Лавровой, Круглого, Учанейшвили и Орлова. Съемки велись с 8 утра до 9 вечера. На этом съемки фильма были временно прекращены.

1 июля Театр сатиры отправился на гастроли в Ригу. Для Миронова (он поехал в столицу Латвии отдельно от труппы – вместе со своим приятелем сценаристом Александром Червинским, на его автомобиле) эта поездка станет знаменательной: именно тогда в его жизнь войдет женщина, из-за которой он на несколько лет потеряет голову. До нее в его квартире в Волковом переулке перебывает большое количество поклонниц, но ни одна из них не задержится сколь-нибудь продолжительное время. Этой девушке суждена будет иная судьба. Звали ее Татьяна Егорова, ей было 22 года, и она только что окончила Театральное училище имени Щукина. В отличие от Миронова, опыт семейной жизни у нее уже был: в 18 лет она выскочила замуж за своего однокурсника, но прожила с ним, а вернее, промучилась, всего два года. После чего благополучно сбежала. На момент встречи с Мироновым Егорова была свободна, но собиралась связать себя новыми узами Гименея. Но знакомство с Мироновым перевернуло все ее благие намерения.

5 июля Театр сатиры давал очередное представление в рижском Театре оперы. Это была пьеса «Над пропастью во ржи», где Миронов играл главную роль – Холдена Колфилда. Его возлюбленную Салли Хейс играла молодая актриса, которая в тот день внезапно занемогла. Режиссер узнал об этом буквально за пару часов до спектакля и готов был выть от бессилия: отменять представление было уже нельзя. Вот тогда он и вспомнил про Татьяну Егорову. И хотя в театре она числилась всего лишь неделю, но другого выбора не было. За два часа до спектакля была проведена спешная репетиция, где дебютантка выучила свой текст, а вечером вышла на сцену перед публикой. Как утверждают очевидцы, несмотря на срочный ввод, играли они с Мироновым великолепно. Этому способствовала и особенная аура, которая сложилась между ними еще на репетиции: они почувствовали взаимную симпатию друг к другу, смутные позывы к той романтической связи, которая вскоре свяжет их крепко-накрепко.

Сразу после спектакля все его участники собрались в номере Егоровой на четвертом этаже гостиницы «Саулите», чтобы отметить ее успешный дебют (а также дебют еще одной недавней выпускницы «Щуки» Натальи Селезневой, которая сыграла роль Пегги). Стоит отметить, что «Саулите» считалась второразрядной гостиницей, поэтому там поселили молодых актеров «Сатиры». А корифеи, в число которых уже входил и Андрей Миронов, жили в более классной гостинице – «Риге». Поэтому шансов, что кто-то из «рижан» сподобится прийти на фуршет, были минимальными. Так оно поначалу и получилось: в номере собрались только обитатели «Саулите». Однако в самый разгар веселья, когда разошедшаяся от вина Егорова выскочила на середину номера и стала читать любимого Блока, дверь внезапно отворилась, и вошли двое: Андрей Миронов и Александр Червинский. Пришли они не с пустыми руками – принесли в пакетах фрукты, вино, конфеты. И с этого момента вечеринка забурлила с новой силой. И новым центром ее стал Миронов. То, как он изображал косого, читающего книгу, буквально свалило с ног аудиторию: люди лежали вповалку. Потом он рассказал пару анекдотов, что-то спел. А уже под утро, когда у всех стали смыкаться глаза, внезапно шепнул Егоровой: «Пойдем отсюда», и они незаметно выскочили из номера. За ними вдогонку бросился Червинский, но, поскольку опомнился он слишком поздно, догнать беглецов так и не сумел. И они несколько часов гуляли по утренней Риге, дурачась и веселясь как дети. С этого момента между Мироновым и Егоровой начался роман, хотя у Татьяны в Москве оставался жених, за которого она перед отъездом в Ригу обещала выйти замуж. Однако встреча с Мироновым перевернула все ее планы.

Влюбленные использовали каждую свободную минуту, чтобы побыть вместе. Даже на репетициях умудрялись лишний раз перемигнуться и перебросится многозначительными фразами. Им тогда повезло: Плучек ввел Егорову в новый спектакль «Дон Жуан, или Любовь к геометрии», который готовился к выпуску в конце года. Миронов играл в нем главную роль – Дон Жуана, Егорова – небольшую роль доньи Инессы.

В свободное время влюбленные бродили по Риге, обедали в маленьком уютном кафе рядом с гостиницей на углу улицы Баха. По выходным вместе с коллегами ездили на автомобиле Червинского в Тукумс и Талси. Эти поездки без шуток не обходились. Артист Владимир Долинский, только что принятый в Театр сатиры (с Мироновым он был знаком с детских лет – их дачи на Пахре располагались по соседству, а с Егоровой учился на одном курсе в театральном училище), любил на стоянке у железнодорожного переезда высунуться в окно и крикнуть регулировщику-латышу, не понимавшему ни слова по-русски, похабную прибаутку: «Мимо тещиного дома я без шуток не хожу, то вдруг х… в окно просуну, то вдруг жопу покажу!»

В один из дней Миронов повез Егорову в популярный ресторан «Лидо», что на Рижском взморье. За рулем автомобиля был инициатор поездки, хотя сам железный конь принадлежал Червинскому (у того не было прав, и он оформил доверенность на Миронова). Именно в ресторане, во время первого же танца, Егорова и призналась Миронову в любви. Перекрывая голос певицы, которая исполняла модный в те дни шлягер «Лунный камень», Татьяна прошептала на ухо Миронову: «Я тебя люблю!» И потом повторила это дважды. Он ответил ей взаимностью, а именно – репликой своего героя Холдена: «Салли, я влюблен в тебя как ненормальный!» Это признание все и решило. Спустя несколько минут они покинули ресторан и рванули на берег моря. Там разделись и отправились купаться. Затем они долго лежали на берегу, тесно обнявшись. Оба были счастливы. Так они пролежали до самого утра. Проснулись от холода, быстренько оделись и взяли обратный курс – в Ригу.

В один из тех же дней с влюбленными случилась ужасная история. Они в очередной раз отправились купаться на пляж в Лиелупе, прихватив с собой за компанию Наталью Селезневу и Червинского. В те утренние часы пляж был пустынен, и единственным посторонним человеком, кто находился поблизости от актеров, была женщина. Явно «под градусом», она загорала топлесс (без купальника). И вот эта женщина внезапно встала и отправилась купаться. Мироновская компания никак на это не среагировала, продолжая непринужденно веселиться. И

только спустя двадцать минут Егорова внезапно обратила внимание на сиротливо лежавшие на песке вещи женщины и удивилась: «Куда это отдыхающая запропастилась?» Актеры отправились на поиски женщины-топлесс и, к своему ужасу, нашли ее тело: его прибило к берегу волнами. Было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что женщина мертва. Девушки дико закричали, а мужчины бросились к утопленнице. Они попытались сделать ей искусственное дыхание, но все было напрасно – никаких признаков жизни бедняга уже не подавала. Потом Миронов побежал к ближайшему таксофону и вызвал «Скорую». Она примчалась спустя каких-нибудь пять минут и увезла утопленницу в морг. Естественно, ни о каком продолжении купания речи больше не шло.

Тем временем в Москве должны были продолжиться съемки фильма «Таинственная стена». Они были назначены на 15 июля, но не состоялись, поскольку ни Миронова, ни Лаврову их театры в столицу с гастролей не отпустили.

Между тем в середине июля, в самый разгар любовной феерии, в Ригу внезапно прикатил жених Егоровой. Признаться ему сразу в том, что она влюбилась в другого мужчину, актриса не смогла: ведь жених ни в чем не был виноват. И, предупредив Миронова о приезде жениха, Егорова уехала с ним на взморье. Миронов был взбешен. Говорят, в порыве ревности он бросился мстить своей возлюбленной самым привычным методом: на глазах у всей труппы стал «кадрить» рижанок направо и налево. Но Егоровой тоже было несладко. Три дня она стоически терпела рядом с собой присутствие человека, который никаких романтических чувств в ней уже не будил. На четвертый день Егорова сказала ему об этом в открытую, после чего собрала свои нехитрые пожитки и вернулась в Ригу. К Миронову. Как ни странно, он ее принял с распростертыми объятиями. Даже чуть не задушил в этих объятиях.

Утром 22 июля Миронов примчался в Москву, где его давно заждалась съемочная группа «Таинственной стены». Как мы помним, съемки с его участием должны были начаться неделю назад, но театр его не отпустил. Татьяна Лаврова, которая тоже была на гастролях и не смогла вовремя вырваться, возобновила съемки 21 июля. Теперь к этому процессу подключился и Миронов. В тот день, с часу дня, в 12-м павильоне «Мосфильма» начали снимать эпизод «в поселке» из самого начала фильма. В нем участвовали: Миронов, Лаврова и Учанейшвили. Отснявшись, Миронов вернулся в Ригу.

Гастроли Театра сатиры в столице Латвии закончились 31 июля. После этого часть труппы отправилась в Москву, а

другая ее часть – участники спектакля «Над пропастью во ржи», среди которых были Миронов и Егорова – взяли курс на Вильнюс, где в течение двух недель должны были показать этот спектакль жителям литовской столицы. К слову, из-за этого встанет работа в «Таинственной стене»: узнав, что Миронов вырваться в Москву никак не сможет, съемочная группа приступила к частичному монтажу картины.

Вспоминает В. Васильева: «В Вильнюс мы ехали на машинах: Андрей – на своей, мы с мужем, актером нашего же театра Владимиром Ушаковым, – на нашей. С нами еще была молодая актриса Таня Егорова. Пожалуй, в моей жизни не было более веселой, полной озорства, счастливой поездки.

Если бы мне сказали: расскажи об этом через кинематограф, я, наверное, представила бы себе все, как в самом счастливом сне, – раннее утро, прозрачность лесов и полей, две мчащиеся по пустому шоссе машины. Пение птиц, голубое небо, наша молодость, наша влюбленность друг в друга. Мы с мужем, еще молодые, рядом Андрюша, добрый, остроумный, веселый, бесшабашный, и Таня, хорошенькая, дерзкая, уверенная в себе. Остановились по дороге в одной из гостиниц, чтобы переночевать. Мы с Таней устроили костюмированный вечер, переоделись во все не свое, чтобы быть как можно смешнее. Тут были и мужские пиджаки, и высокие сапожки, и шляпы с длинными шарфами; похожи мы были на героинь из «Трехгрошовой оперы» Брехта. Мужчины хохотали, мы чувствовали себя превосходно – это и было счастье…»

В Москву Миронов и Егорова возвращались порознь. Она ехала поездом, а он чуть позже на автомобиле. Расставаясь, никаких обещаний друг другу не давали. Со стороны могло показаться, что все происшедшее между ними – обычный курортный роман, который заканчивается с окончанием курортного сезона.

Едва Егорова приехала домой, в свою комнатку в коммунальной квартире в Трубниковском переулке, 6, как у нее зазвонил телефон. Подняв трубку, она услышала на другом ее конце бодрый голос… своего жениха, которого она так безжалостно «отшила» месяц назад. Но он не помнил зла, был как всегда бодр и, сообщив, что раздобыл по большому блату новую пластинку Шарля Азнавура, приглашал Егорову послушать ее у себя дома. Но Егорова сослалась на усталость и повесила трубку. Как выяснилось вскоре, очень даже вовремя. Следом за женихом позвонил Миронов. Он рассказал, что родители уехали в Париж на гастроли и он собирается отправиться на свою дачу, что на Пахре. «Поедешь со мной?» – спросил он Егорову. «Обязательно!»

– ответила она, не раздумывая ни секунды.

На дачу они отправились на том же самом авто, на котором колесили по Риге, – в автомобиле Александра Червинского. Правда, самого владельца машины с ними не было, на этот раз компанию им составил еще один приятель Миронова, врач по специальности. Но он провел с влюбленными всего лишь полдня. Ближе к вечеру он вернулся обратно в Москву, а Миронов и Егорова остались на даче одни. Спать они улеглись в маленькой комнатке Миронова на его желтом диванчике. Впрочем, по причине переизбытка чувств поспать им в ту ночь удалось всего-то чуть-чуть…

Утром следующего дня, после завтрака, влюбленные отправились гулять по дивному лесу. Погода выдалась великолепная: с севера дул прохладный ветерок, пели птицы. Однако всю эту идиллию нарушил Миронов, который внезапно стал рассказывать гостье… о своем давнем романе с Натальей Фатеевой. Он показал Егоровой березку, где они целовались, но особенно убил гостью признанием, что в порыве чувств чистил Фатеевой белые туфли… молоком. Миронов буквально захлебывался от воспоминаний, а Егорова молча внимала его словам, которые били ее по голове как обухом. Именно тогда она сделала внезапное открытие: ее кавалеру присуще нехорошее свойство причинять боль любимому человеку.

Тем временем с быстротой молнии минула неделя. В двадцатых числах августа Миронов покинул Егорову: он уехал в Новороссийск, куда переехала для натурных съемок группа «Таинственной стены». Татьяна поступила хитро: собирая ему чемодан в дорогу, в каждую из вещей незаметно засунула по клочку бумажки, где вывела ручкой всего два слова: «Не сутулься!» Таким образом она хотела, чтобы любимый не забывал о ней даже на юге. К слову, Миронов и не думал забывать. Практически сразу после приезда он стал названивать ей домой по межгороду. Но сосед Егоровой по коммуналке все испортил, сказав, что «Танька ушла с Витькой». Миронов знал, что Виктором звали жениха Егоровой. Сами понимаете, что он тогда подумал.

Первый рабочий день Миронова в Новороссийске датирован 24 августа. В тот день с 8 утра до 7 вечера он находился на одном из танкеров, где должны были сниматься морские эпизоды фильма. Однако съемки в тот день не состоялись и прошли всего лишь репетиции с актерами (Миронов, Никулин, Яббаров). На следующий день группа снова приехала на танкер, но съемки были сорваны сильным штормом. И только 26 августа наконец удалось отснять первые кадры в Новороссийске. Вернее, всего один кадр, поскольку шторм на море никак не унимался. На

следующий день киношникам повезло больше – было снято целых 12 кадров. Однако на другой день на море опять разыгрался шторм, и снять опять ничего не получилось. Поскольку синоптики в ближайшие дни хорошей погоды не обещали, Миронов решил вернуться в Москву. Причем, разобиженный на Егорову, он даже не соизволил ей позвонить.

3 сентября 1966 года Миронов отправился в аэропорт «Шереметьево», чтобы встретить возвращавшихся с гастролей родителей. Отец и мать выглядели счастливыми, хотя и уставшими. Первое, что спросил у них Андрей, было: «Ну, как Париж?» Ответил ему отец: «Ничего не скажешь – живой городишко!» Сын в ответ громко рассмеялся.

7 сентября Миронов снова был в Новороссийске, чтобы на следующий день утром (в 8.00) выйти на съемочную площадку фильма «Таинственная стена». Как мы помним, этой площадкой временно стал один из танкеров. В тот день был снят один кадр, после чего Миронов вернулся в Москву. А оттуда отправился отдыхать в Прибалтику.

Новый сезон в Театре сатиры открылся в воскресенье 2 октября. Давали «Клопа» В. Маяковского. А накануне состоялся традиционный сбор труппы. Пришли все, в том числе и Егорова, для которой этот сезон должен был стать первым. Как и положено, новенькая оделась во все лучшее, предвкушая не только встречу с коллегами, но главное – со своим возлюбленным. Но Миронов на нее даже не взглянул – прошел мимо, как будто между ними ничего и не было. Егорову, конечно, это покоробило, но до выяснения отношений она не снизошла. Посчитала: мол, будь что будет.

Размолвка Миронова и Егоровой длилась всего лишь несколько дней. Затем состоялось бурное примирение. Дело было так. В тот день Егорова приняла приглашение одного из своих давних воздыхателей и отправилась к нему на свидание – к Театру имени Вахтангова. И надо же было такому случиться, но в это же самое время и в этом же самом месте оказался и Миронов. Вместе со своим приятелем, актером театра «Современник» Игорем Квашой (они подружились во время съемок фильма «Год как жизнь»), он возвращался домой в компании двух девиц, как принято говорить, легкого поведения. О том, что было дальше, рассказывают сами участники этой истории.

Т. Егорова: «Театр Вахтангова втягивал в себя последнюю волну зрителей. Только я поравнялась с первой серой колонной здания, в ухо хлопнуло, как выстрел: „Ты куда идешь?“ Лицом к лицу – Андрей, Андрюша, Андрюшенька. А вслух вызывающе ответила:

– На свидание!

– К кому? – требовательно спросил он.

– К Чапковскому!

– Кто это?

– А тебе какое дело?

Не успела договорить, как была схвачена за шиворот. Рядом стояла машина «Волга». Во время нашего диалога в салон с другой стороны вползли две склеенные девочки. Кто-то мужского рода сидел на первом сиденье, в темноте я не разглядела (в пути я разгляжу, что это артист театра «Современник», с которым Андрей снимался в фильме про Маркса и Энгельса). Он схватил меня за пальто, открыл дверь и вдвинул меня на заднее сиденье. Открыл переднюю дверь, предусмотрительно нажал кнопку, чтобы я не выскочила, сел за руль, дал газ, и через десять минут мы оказались на Красной Пресне в Волковом переулке. Как под конвоем он ввел меня в подъезд, втолкнул в лифт, поднялись на седьмой этаж и все вошли в его однокомнатную квартиру…

Я сразу отделилась от них, пошла в сторону «спальни», села на тахту, взяла книгу (оказался Голсуорси) и стала читать. Они скучились на другой половине – смех, реплики, шампанское, бутерброды, сигареты, дым. Под Фрэнка Синатру они сцепились с этими бабами тело к телу, как клещи, и, шаркая ногами, стали обозначать танец. Я сидела с прямой спиной перед открытой книгой и исподволь, сквозь полку наблюдала их эротическую возню…

Плавно, с улыбкой Андрей подошел ко мне и четко выговорил: «Танечка, теперь тебе надо уйти. Немедленно». – «Хорошо, – сказала я кротко. – Только можно я скажу тебе два слова. На кухне».

Мы вошли в кухню, я закрыла за собой дверь, сорвала со стены алюминиевый дуршлаг и запустила в него что есть мочи. Он увернулся, схватил половник, я – сковородку, полетели чашки, стаканы, кувшины, тарелки… все вдребезги! Он хватал меня за руки, я вырывалась, и когда вдруг кинулась к табуретке, он меня вдвинул в кухонный шкаф…

Потом устали. Я вышла из кухни, собираясь уйти навсегда. Никого. Никого не было. Ни Маркса, ни этих двух рыл. Сбежали…»

А теперь послушаем рассказ одной из тех «рыл» – московской путаны Нины Мариной: «Мне довелось быть в числе женщин, которых Андрей Миронов удостоил вниманием. Периодически он был моим клиентом. Нас познакомили общие приятели, знавшие его слабость по женской части. Андрей как любовник был хорош, изыскан и находчив. Руководствовался он словами актрисы

Жанны Моро: „Секс в длительной связи есть искусство каждое очередное представление подавать как премьеру“. Встречи со мной его устраивали потому, что ни к чему не обязывали, как, впрочем, и меня.

В ту пору я и узнала о существовании Татьяны Егоровой. Андрей пригласил меня с моей подругой Аллой в гости. Он заехал за нами и повез на квартиру, где намерен был с нами развлекаться. Когда ехали по Арбату, какая-то женщина, стоявшая на ступеньках Театра имени Вахтангова, помахала ему рукой. (Как видим, детали у рассказывающих разнятся: по Мариной, в машине, кроме них, также не было никакого Игоря Кваши. – *Ф. Р.*). Андрей повернулся к нам и говорит: «Это моя знакомая – Татьяна. Вы не против, если я возьму ее тоже?» У него, видимо, разыгрался аппетит, распалилось творческое воображение по поводу предстоящей «премьеры». Мы не возражали.

В квартире мы пили вино, болтали… Неожиданно Андрей попросил Татьяну пройти с ним на кухню, и через несколько минут оттуда послышались звон разбиваемой посуды и дикие вопли:

– Пусть они убираются! Тебе меня и одной хватит!

Мы поняли, что дело приняло серьезный оборот, и тихо слиняли. Через несколько дней Андрей сказал, что на кухне он попросил Татьяну уйти, а она принялась кидать в него посуду и набросилась с кулаками…»

И вновь вернемся к тому скандальному вечеру. После ухода путан Миронов предложил Егоровой отправиться на квартиру его родителей на Петровку (те опять были на гастролях). И там между влюбленными произошло окончательное примирение. Причем в ванной. Когда Егорова мылась, туда вошел Миронов, взял мочалку и стал мыть девушку так бережно, будто ребенка. Затем завернул ее в махровое полотенце и отнес в комнату. А сам занял ее место под душем. Потом они ужинали на фарфоровых тарелках из коллекции Марии Мироновой. Поначалу Егорова отказалась есть из них – дескать, им же влетит! – но Миронов отмахнулся. Они, смеясь, пили шампанское и ели черную икру, густо намазывая ее на белый хлеб.

12 октября Миронов играл в спектакле «Над пропастью во ржи» (представление шло на сцене музыкального театра имени Станиславского). 11-го и 14-го это был уже «Женский монастырь», 16-го – снова «Над пропастью…».

17 октября Миронов возобновил работу в фильме «Таинственная стена». В тот день с 16.00 до 24.00 во 2-м павильоне «Мосфильма» снимали комбинированные кадры из конца фильма с участием Миронова и Учанейшвили.

19 октября Миронов играл спектакль «Клоп» (в Театре имени Станиславского), 18-го – «Женский монастырь», 19-го – «Клоп», 21-го – «Женский монастырь», 23-го – «Клоп», 24-го – «Женский монастырь» (в Театре имени Гоголя).

2—5 ноября в Театре сатиры давали «Женский монастырь», 6-го – «Клопа», 8-го – «Над пропастью во ржи».

В те дни родители Миронова снова уехали на гастроли (на этот раз по родной стране), и Миронов на время их отсутствия перебрался из Волкова переулка на Петровку. Егорова переехала вместе с ним. Свои отношения они уже ни от кого не скрывали: ни в театре, ни от родителей Андрея. Кстати, незадолго до отъезда родителей Миронов познакомил Татьяну со своим отцом. Тот специально приехал к Театру сатиры, дождался, когда там закончится репетиция «Дон Жуана», и встретил сына и его очередную пассию на улице. Егорова Менакеру понравилась с первого же взгляда. Хотя до этого он всегда отмечал дурной вкус своего сына по части женского пола. Вообще, в отличие от Марии Владимировны, Менакер был больше посвящен в амурные дела обоих своих сыновей и видел большинство их девиц. И редко кто из них производил на него достойное впечатление. За это оба сына удостоились от отца вполне характерного прозвища «говноулавливатели». Но в случае с Егоровой это прозвище оказалось неуместным. Прощаясь на углу Бульварного кольца, Менакер даже нежно потрепал Егорову за ушко и сказал сыну: «Посмотри, Андрей, какие у нее чудные ушки!»

Между тем на Петровке Егорова в тот раз прожила недолго. Как-то во время одной из репетиций в театр приехала знаменитая балерина Майя Плисецкая и увезла Миронова на своем роскошном «Ситроене» к себе домой. Увезла в гости, чтобы показать ему свои апартаменты и подарить пластинку «Кармен-сюита» с музыкой своего мужа Родиона Щедрина (все знали, что Миронов меломан и держит дома богатую фонотеку). Поскольку этот отъезд происходил на глазах у Егоровой, она не смогла простить этого Миронову. И с этого момента вернулась к себе в Трубниковский. И как Андрей ни пытался ее уговорить вернуться, девушка была неприступна. Понимая, что в такой ситуации Егорова ему неподконтрольна и при желании легко может отомстить (принять ухаживания какого-нибудь кавалера, которых возле нее всегда хватало), Миронов пускался на различные хитрости. Например, вечером он звонил ей домой и сообщал, что сегодня они едут развлекаться. Егоровой надо было срочно навести марафет и ждать его приезда. Девушка так и делала. А Миронов, наглец, не приезжал. Это он делал специально: сам где-то веселился, а ее таким образом удерживал в четырех стенах.

16 ноября Миронов играл в «Над пропастью во ржи».

На следующий день в три часа дня он был на «Мосфильме», чтобы продолжить работу в картине «Таинственная стена». В 4-м павильоне снимали эпизод «на танкере» с участием Миронова, Валентина Никулина, Обухова. На следующий день съемки эпизода (кадры из финала) были продолжены. Работа шла ночью с 24.00 до 7 утра следующего дня. Помимо актеров в съемках были заняты дрессированные собаки.

20 ноября Миронов играл в «Клопе».

Утром 23 ноября он снова был на «Мосфильме», где в 4-м тонателье прошло озвучание. Оно шло с 7.30 до 11.30. В нем участвовали: Миронов, Лаврова, Учанейшвили, Шутов. Вечером Миронов играл в «Над пропастью во ржи».

25 ноября ситуация повторилась: утром Миронов участвовал в озвучании (до 16.00), а вечером играл в «Женском монастыре». Параллельно он интенсивно репетировал роль Дон Жуана.

4 декабря Миронов снова вышел к зрителям в костюме Холдена Колфилда.

7 декабря он отправился в деревню Парамоново, где проходили натурные съемки «Таинственной стены» (со 2 декабря). С 10 утра там начали снимать эпизод «пожар» с участием Миронова, Круглого и Учанейшвили. Съемки закончились в 15.30, после чего Миронов вернулся в Москву и вечером вышел на сцену родного театра в спектакле «Над пропастью во ржи».

Утром 8 декабря Миронов снова был на съемочной площадке (пожар, у стены), где снимался до 16.00. На следующий день он снова играл в «Над пропастью…», 12—13-го это был «Женский монастырь».

С 15 декабря съемки «Таинственной стены» вернулись в Москву. В четыре часа дня на набережной Москвы-реки снимали эпизод из начала ленты «у дома бюрократа» с участием Миронова, Лавровой и Учанейшвили. Съемки велись до двенадцати ночи.

16 декабря в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «**Дон Жуан, или Любовь к геометрии»** по пьесе швейцарского драматурга Макса Фриша. Триумф Миронова был фантастическим: после того как занавес опустился, публика в течение получаса аплодировала актерам и в большей степени – Дон Жуану. И это при том, что спектакль не содержал в себе никакой «фиги в кармане» и был далек от проблем современности. Это было красивое и зрелищное действо с великолепными костюмами и декорациями. Как писал театральный критик Смирнов-Несвицкий: «Постановка

представляла собой тонкое кружево изысканных красок, сложнейших полифонических ритмов, фантастических костюмов, в которых люди походили на павлиньи хвосты, развернутые веерами цветастых радуг. Хотя „Дон Жуан“ и посвящался Плучеком проблемам нравственности, тем не менее все строение спектакля, скорее, устремлено было не к горячим спорам о современности, а к особому пониманию новых вкусов, новой красоты. Постановщик здесь представал избыточно изящным, слегка интересующимся отвлеченными философическими проблемами».

А вот как отзывалась об этом спектакле другой критик – Зоя Владимирова: «Дон Жуан, как понял его Миронов, – не двойник фришевского Homo Фабера, убежденного, что в XX веке всесильна одна только техника; перед ней пасуют, будто бы отходят на второй план все чувства человеческие, вся область лирики в широком смысле слова. Для героя Миронова геометрия – лишь поиск устойчивости в мире, где все так шатко, так уязвимо в нравственном отношении, способ уйти от гнета обыденщины в просторы чистой науки, где не будет ни принципиальной зыбкости, качальности суждений, ни мимикрии, рядящей темные дела в одежды добродетели, ни лукавой уклончивости морали. Геометрия – это надежно, это не обманет, не выдаст за истину того, что не является ею. Вспоминаю, с каким восторгом говорил этот Дон Жуан о том, что две параллельные линии так всегда и останутся параллельными, что окружность или треугольник ни разу не вызвали в нем отвращения или стыда…

В то же время герой Миронова совсем не «технарь», в нем не просматривается «геометрического» мышления и сухости, с таким складом ума обычно связанной. Скорее, это человек импульсивный, идеалист, вообразивший, что можно укрыться от житейских бурь за стабильностью геометрических фигур, за неизменностью уравнений и чисел, которые ни за что другое себя не выдают. Конечно, то была иллюзия, антитеза развращенному образу жизни; на этом пороге мироновский Дон Жуан не кончается, будет еще и синтез…

Существование Дон Жуана в спектакле отчетливо делилось на три стадии, соответственно трем поворотам судьбы героя. Первая – когда он еще наивен, неискушен в обманах жизни и не умеет отличать правду от лжи; любовь к геометрии не ставит его на этом этапе вне общества: он ведь собирается жениться, войти в него как равный (хотя настороженность к нему уже проглядывает, его и женить-то задумали, чтобы приручить, сделать таким, как все). Вторая – пущенная в ход машина порабощения, перемалывания личности, когда не он, Дон Жуан, соблазняет, а

соблазняют его, расставляя капканы повсюду, куда он ни ступит; избавиться от навязанной ему роли не удается целых двенадцать лет. Наконец, третья стадия – превращение в нахлебника и сожителя герцогини Рондской, иначе говоря – отказ от опостылевшей ему «свободы» ради излюбленного своего предмета, которым он может теперь заниматься сколько душе угодно.

Эта предусмотренная Фришем схема, которую Миронов наполнил своим индивидуальным содержанием, объяснив в соответствии с собственным видением, что происходит с его героем в каждом отрезке действия…

Андрей Миронов, которого долго считали актером милостью божией, полагая, что ему все дается шутя, что он играет, как птица поет, уже в те молодые годы показал себя в этом спектакле художником, способным выработать концепцию, имеющим самостоятельный взгляд на пьесу, требующую для своего освоения зрелого ума. Прорваться сквозь дебри экстравагантностей Фриша куда как непросто. И жаль, что степень этой самостоятельности не была тогда же оценена по достоинству. Может быть, в этом случае обрела бы реальность мечта Миронова о Гамлете, на которого Дон Жуан непохож, но кое-какие подступы к нему он подготавливал…»

Действительно, Миронов играл Дон Жуана легко и непринужденно, хотя и несколько иначе, чем он был выписан в пьесе. У Фриша Дон Жуан был несколько отстраненным персонажем, человеком с холодным сердцем, которое было целиком и полностью отдано только одному предмету – геометрии. У Миронова же Дон Жуан был соткан из плоти и крови. По его же собственным словам: «Я не очень люблю эти новые формы: поэтический театр, интеллектуальный театр. Люблю, чтобы были люди – плоть, кровь. Это – традиции русского театра…

В Дон Жуане я не все понимаю до конца, в этом образе для меня еще остаются белые пятна. Но мне вообще интересно играть тогда, когда есть еще что-то неясное, какая-то тайна, которую предстоит разгадать. Выхожу на сцену и не уверен, как на этот раз поведет себя мой герой в той или иной ситуации. То есть, разумеется, общий рисунок есть, но детали, интонации… Он живой, и тогда мне с ним интересно…»

Собственно, именно за эту плоть, за душевные муки, которыми Миронов сполна наделил своего героя, советский зритель и полюбил его Дон Жуана. Но вернемся к другим спектаклям Миронова.

18 декабря он играл в «Клопе». А утром следующего дня

(8.00) снова вышел на съемочную площадку фильма «Таинственная стена». Место, где снимали очередной эпизод (финал фильма), было ему очень хорошо знакомо – улица Петровка, в нескольких десятках метров от дома, где он провел лучшие годы своей жизни. Съемки шли до трех часов дня, и в них участвовали все главные герои: Миронов, Лаврова, Круглый и Учанейшвили. Вечером Миронов играл в «Женском монастыре».

Днем 20 декабря Миронов играл в «Дон Жуане», а вечером снова снимался: в эпизоде «в газике» из конца картины. На следующий день в войсковой части в Куркино снимали финал с участием всех главных героев. А вечером Миронов снова играл в «Дон Жуане».

22 декабря были сняты последние кадры финала. И опять на Петровке. Съемки шли с 8 утра до 5 вечера. На следующий день Миронов участвовал в озвучании фильма (7.30–11.30).

Днем 24 декабря Миронов играл в «Дон Жуане», а вечером участвовал в озвучании «Таинственной стены» (20.00–24.00).

25-го он играл в «Клопе», 26-го – в «Дон Жуане».

27 декабря в ресторане ВТО состоялся банкет в честь премьеры «Дон Жуана». Во главе стола сидел Валентин Плучек, а возле него – все участники спектакля. Миронов сидел рядом с Егоровой, которая играла в этом спектакле донью Инессу. Про их роман уже знал весь театр и вся околотеатральная тусовка, да они его, собственно, и не скрывали. Поэтому, когда оркестр заиграл твист, они первыми выскочили на пятачок, не стесняясь многочисленных взглядов своих коллег. Домой они тоже добирались вместе. Причем поймать им удалось только «Москвич»-«каблук», в багажнике которого стояла гора ящиков… с пирожными. Шофер оказался парнем веселым, разрешил влюбленным угоститься пирожными (не свои же – государственные) и повез их в Волков переулок. Там молодые договорились встретить Новый год вместе. Это предложение исходило от Миронова. Правда, он не преминул уточнить, что сначала отметит торжество в компании своих родителей и только потом приедет к Егоровой. Эта ремарка несколько смутила девушку: она в очередной раз убедилась в том, как ее возлюбленный зависим от своих родителей. Она-то с самого детства была самостоятельным существом, предоставленным самой себе. У Миронова все было совершенно иначе.

29 декабря на «Мосфильме» состоялся просмотр фильма «Таинственная стена» генеральной дирекцией студии. Картина в целом была одобрена, однако режиссерам было рекомендовано доснять несколько эпизодов, относящихся к началу и финалу фильма.

Между тем тот год Миронов в театре закончил двумя спектаклями: 29 декабря он играл в «Клопе», 30-го – в «Над пропастью во ржи».

Часть вторая
Счастливчик с острова невезения

1967

Наступление **1967 года** Миронов встретил в доме своих родителей на Петровке, 22. Гостей было несколько человек, но самыми почетными – Валентин Плучек и его жена Зинаида. На первый взгляд, их приглашение было не случайным: хозяева таким образом устраивали своему сыну карьеру в театре. Но правдой было и другое: сам Плучек был глубоко заинтересован в артисте Миронове, потенциал которого открывал перед режиссером невообразимые горизонты для творческих экспериментов.

В родительском доме Миронов пробыл в ту ночь около двух часов. Затем галантно распрощался с гостями и рванул к своей возлюбленной. Вдвоем они отправились на Воробьевы горы, на смотровую площадку. Там любовались панорамой ночной Москвы и целовались. В конце этой восхитительной встречи Миронов сделал Егоровой неожиданное предложение: пригласил ее 7 января на день рождения своей мамы. Девушка поняла: это будут смотрины. Ее смотрины. И не ошиблась.

В назначенный день Егорова надела на себя все самое лучшее и отправилась на Петровку. В качестве подарка именинице она несла резную шкатулку из дерева, куда насыпала дефицитные в те годы конфеты трюфель, а также букет гвоздик. Все это было вручено Марии Владимировне сразу после того, как гостья перешагнула порог квартиры на Петровке. Судя по выражению лица именинницы, девушка сына ей понравилась. И когда хозяйка представляла Татьяну гостям, она неожиданно изрекла: «А это – восходящая звезда Театра сатиры». Все присутствующие зааплодировали. Потом Мария Владимировна взяла девушку под локоть и повела ее на экскурсию по своим апартаментам. Егорова была счастлива, но особенно радовался Миронов – он-то лучше других знал, как тяжело понравиться его маме. Однако эта идиллия длилась недолго. Затем Егорова сама все испортила. Но о том, что же произошло, лучше всего расскажет она сама:

«Все говорили о премьере „Дона Жуана“ в Театре сатиры, об Андрее, это была сенсация. Я сидела на зеленом диване, счастливая „восходящая звезда“ – румяная, глаза блестели, ресницы после трудной и ювелирной работы над ними стояли, как роща над озером. И вдруг я услышала:

– Вы Плучеку все должны жопу лизать! – это сказала, вернее, изрекла она, мама. Люстру качнула невидимая судорога, которая повисла в комнате, гости застыли в немом страхе. Все боялись Миронову.

В наступившей тишине я услышала свой голос:

– Считаю, что жопу лизать вообще никому не нужно!

И откусила пирожок с луком и яйцом. На лице Андрея мелькнул ужас, у Менакера – растерянность, смешанная с неловкостью, у всех остальных ухмылки. На «оракула» я не смотрела – понимала, что это страшно. Но я услышала все, что она сказала вслух: начинается война, а у меня нет ничего – ни пехоты, ни конницы, ни артиллерии, а у нее есть все! И лучше мне сразу встать на колени и сдаться! Потому что если враг не сдается – его уничтожают, а если сдается – его тоже уничтожают. Через пять минут все вспомнили про гуся и забыли эту историю, все, кроме Марии Владимировны. Она была очень злопамятна и расценила мой выпад так, как будто это было восстание Емельяна Пугачева…»

Первый в новом году спектакль Миронов играл 9 января – это было «Над пропастью во ржи». Затем последовал недельный перерыв, и 16-го Миронов снова вышел на сцену родного театра в костюме Дон Жуана. Далее шли: 17-го – «Женский монастырь», 23-го – «Дон Жуан», 24-го – «Клоп», 25-го – «Дон Жуан», 27-го – «Женский монастырь», 28-го – «Клоп», 30-го – «Над пропастью во ржи».

Февраль начался для Миронова с «Дон Жуана» – он играл его 3-го. 5-го он играл в «Клопе» (утро и вечер), 7-го и 13-го – в «Женском монастыре», 15-го – в «Дон Жуане», 14-го – в «Женском монастыре», 15-го – в «Дон Жуане», 21-го – в «Над пропастью во ржи», 22-го – в «Дон Жуане», 24-го и 26-го – в «Женском монастыре», 27-го – в «Над пропастью во ржи», 28-го – в «Дон Жуане».

Март тоже начался для Миронова с «Дон Жуана» – он играл в нем 1-го и 3-го.

6 марта он участвовал в досъемках фильма «Таинственная стена». Как мы помним, эти досъемки были рекомендованы режиссерам генеральной дирекцией студии. Досъемки проходили на Ленинских горах с 12 дня до восьми вечера. 9 марта Миронов этот эпизод озвучил на «Мосфильме».

В эти же дни из Ленинграда в Москву на несколько дней приехал сводный брат Миронова Кирилл Ласкари. На правах гостеприимного хозяина Миронов повез брата в ресторан Дома актера, прихватив с собой и Егорову. Лучше бы он этого не делал. Ласкари едва увидел девушку брата, как тут же в нее и влюбился. И принялся ухаживать. И все два последующих дня, что они провели вместе, только и делал, что предлагал ей руку и сердце. И хотя делалось это по большей мере в шутку, однако в присутствии Миронова это все равно выглядело странно.

Особенно фразы, которые Ласкари произносил наиболее часто: «Зачем тебе нужен Андрей? Он же бабник, маменькин сынок! Он тебе всю жизнь испортит! А я тебя устрою в Театр комедии, ты будешь играть там главные роли. Да и я неплохо зарабатываю». Миронов, слушая эти признания, смеялся, хотя на душе у него явно скребли кошки. Егорова поняла это в тот самый миг, когда «Красная стрела» умчала Ласкари в его родной город на Неве: всю обратную дорогу до Трубниковского Миронов не проронил ни слова. А потом нашел повод отомстить по полной программе. 8 марта ему исполнилось 26 лет, и по этому случаю в Волковом переулке именинник собрал гостей. Пригласил он туда и Егорову. Но сам по ходу веселья принялся ухаживать за другой – за юной балериной Большого театра Ксенией Рябинкиной. Егорова какое-то время молча терпела эти ухаживания, а когда смотреть на это стало невмоготу, покинула негостеприимный дом.

В течение последующих нескольких дней Миронов и Егорова не общались. Даже в театре они старались не пересекаться.

10 марта Миронов вновь облачился в костюм Дон Жуана. Он играл его также 15-го, после чего шли: 17-го – «Над пропастью во ржи», 20-го – «Дон Жуан», 21-го – «Женский монастырь».

Между тем конфликт Миронова и Егоровой продолжается. Однажды, когда Татьяна была в гостях у одного художника на улице Немировича-Данченко, кто-то из присутствующих там как бы походя сообщил, что буквально несколько минут назад видел, как Миронов поднялся к своему другу Игорю Кваше (он жил в этом же доме), да не один, а в обществе все той же Рябинкиной. Эта новость переполнила чашу терпения Егоровой. Она тут же одолжила у присутствующих денег и отправилась на Ленинградский вокзал. И спустя несколько часов – утром следующего дня – была уже… у Кирилла Ласкари. И там стремительно вышла за него замуж. Свадьбу сыграли дома у жениха на улице Герцена (там же жили мама и первая жена Менакера). А на следующее утро молодая жена отправилась в Москву, пообещав мужу в скором времени уволиться из театра, собрать вещи и переехать жить к нему. Но ни одно из этих обещаний выполнено не будет. И эта поездка, и эта скороспелая свадьба – все было всего лишь наваждением, попыткой убежать от самой себя, а заодно отомстить Миронову. Удалось только второе – Миронов действительно был вне себя от злости и порвал с Егоровой всяческие отношения. Однако терпения Миронова хватило только на пару-тройку недель.

Однажды после вечернего спектакля Егорова вышла на улицу, где ее поджидал ее добрый знакомый, который пригласил ее поужинать в ресторан Дома актера. Но не успела Егорова сесть в

машину, как к ним подлетел Миронов. Как ни в чем не бывало он спросил Татьяну, куда она собралась, и, узнав куда, заявил, что хочет составить ей компанию, но в дуэте… с балериной Рябинкиной. Егоровой было все равно. В итоге они заехали в Большой театр, захватили балерину и вчетвером рванули в ресторан ВТО. Вечер прошел изумительно. С этого дня эти ужины продолжались в течение примерно двух недель. Пока наконец Миронов попросту не выкрал Егорову. Это случилось после одной из репетиций «Доходного места». Егорова решила пройтись до дома пешком, а Миронов тронулся следом на автомобиле все того же Червинского. Метров двести он настойчиво уговаривал девушку разрешить ему подвезти ее, но та с такой же настойчивостью отвергала все его домогания. Помог Миронову дождь, начавшийся совершенно внезапно. Вот тут терпение девушки лопнуло. Она села в автомобиль и… была украдена. Миронов наглухо закрыл все двери и рванул машину к Волкову переулку. Там, на их общей софе, произошло примирение.

Роман Миронова и Егоровой возобновился с новой силой. Они буквально не расставались: весь световой день общались в театре, после чего мчались в Волков переулок, чтобы целиком отдаться во власть Эроса.

29 марта на «Мосфильме» был принят фильм «Таинственная стена».

В театре март закончился для Миронова спектаклем «Над пропастью во ржи» – он сыграл в нем 31-го. Апрель начался с «Дон Жуана», который был показан 4-го. Далее он играл в следующих спектаклях: 5-го – в «Клопе», 11-го – в «Дон Жуане», 12-го – в «Над пропастью во ржи», 14-го – в «Клопе», 17-го – в «Женском монастыре», 18-го – в «Дон Жуане», 20-го – в «Над пропастью во ржи», 23-го – в «Клопе», 24-го – в «Женском монастыре», 25-го – в «Дон Жуане».

5 мая Миронов снова облачился в костюм Дон Жуана. 8-го он играл в «Клопе», 12-го – в «Дон Жуане». Параллельно он репетировал в театре две новые роли: французского солдата Селестена в «Интервенции» Л. Славина и Василия Жадова в «Доходном месте» А. Островского. Роли были неравноценными: если Селестен – всего лишь эпизод, то Жадов – главный и самый выпуклый персонаж. И получил его Миронов благодаря пришлому режиссеру – 33-летнему Марку Захарову, которому Плучек разрешил поставить «Доходное место» на сцене своего театра.

Рассказывает М. Захаров: «Впервые я увидел Миронова в массовке, он только что пришел в Театр сатиры, стоял на сцене среди многих молодых артистов, внешне никак не старался

специально выделяться, но тем не менее выделялся сильно. Такое определение, как „правильное и четкое выполнение задачи“, я с негодованием опускаю; обаяние, сценическая заразительность – этим я тоже пренебрегаю, хотя все это было.

Я скажу сразу о главном: об актерском излучении. Волевой, собранный, имеющий богатое нутро артист создает неслышный, но мощный энергетический посыл. Миронов вобрал в себя всю комедийную генетику, подаренную ему знаменитыми родителями и знаменитыми друзьями знаменитых родителей, но свою волевую, насыщенную энергетикой основу, свой актерский фундамент он сумел построить сам из материала другого сорта, классом повыше.

…Незадолго до «Доходного места» я пытался вести режиссерскую работу над одной весьма посредственной пьесой. Шли довольно вялые репетиции, и я запомнил их только потому, что там репетировал Андрей Миронов. Мы присматривались друг к другу, и никакого особого взаимопонимания между нами не чувствовалось. Помню, он меня страшно донимал на репетициях вопросами: «Зачем я это делаю?», «Зачем я подошел к окну?», «Какое действие у меня при слове „здравствуйте“?».

Миронов меня тогда не раз озадачивал, и я даже терялся на некоторое время. Он находился под сильным влиянием «Современника» лучшей его поры и стремился четко анализировать роль с помощью действенного анализа, определения сквозного действия, задачи и сверхзадачи. Иногда это меня злило, но в конце концов я оценил его дотошность. Я стал готовиться к репетициям тщательнее, имея в виду главным образом определение точных формулировок и постижение точной цели того или иного конкретного текста в каждом конкретном случае, в каждый конкретный миг. Миронов очень подтолкнул меня к этой увлекательной работе…»

Что касается роли в «Интервенции», то Селестен – персонаж эпизодический. В спектакле он появляется всего лишь несколько раз, что, естественно, не очень нравилось Миронову. К тому времени он уже вырос из коротких штанишек актера массовки, почувствовал вкус к большим ролям, к признанию зрителей. И во время репетиций «Интервенции» ему в голову пришла внезапная мысль – расширить свое сценическое присутствие. Действие пьесы происходило в Одессе, герои плели свои интриги в тамошних кабаках и ресторанах под веселые куплеты. А Миронов жуть как любил подобное творчество, благо было у кого учиться: сам Леонид Утесов (дядя Ледя) был лучшим другом их семьи. Вот Миронов и решил прибегнуть к его помощи. Он пригласил Утесова на одну из репетиций, где тот спел несколько

популярных одесских песенок времен Гражданской войны. Миронов эти песни тут же скопировал. Причем так блистательно, что Плучек решил вставить их в спектакль, причем отдельными номерами. В итоге к роли Селестена у Миронова добавились еще две: одесского остряка-куплетиста и парижского шансонье Жюльена. Первый распевал песенку «Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте вам!», второй – «Любовь – не картошка, не бросишь в окошко…»

Премьера «**Интервенции»** состоялась **13 мая**. Говорят, Миронов в тот день не ходил, а буквально порхал по сцене. И так залихватски исполнял свои куплеты, что публика неоднократно прерывала их аплодисментами. Без сомнения, этот спектакль стал очередной вехой в завоевании Мироновым популярности в театральном мире. Стоит отметить, что в спектакле был собран поистине звездный состав «сатировцев». Помимо Миронова в нем играли: Георгий Менглет, Татьяна Пельтцер, Анатолий Папанов, Роман Ткачук, Вера Васильева, Борис Новиков, Нина Архипова, Татьяна Егорова, Наталья Селезнева, Зоя Зелинская, Валентина Шарыкина, Спартак Мишулин, Александр Пороховщиков, Владимир Ушаков, Вера Токарская и др.

16 мая «Интервенцию» показали вновь. В последующие дни Миронов играл в следующих спектаклях: 17-го – «Дон Жуан», 20-го – «Над пропастью во ржи», 21-го – «Интервенция», 23-го – «Дон Жуан», 27-го – «Интервенция», 28-го – «Над пропастью во ржи», 30-го – «Дон Жуан», 31-го – «Клоп».

Июнь начался с «Интервенции» – ее играли в пятницу 2-го. 3-го Миронов вышел на сцену театра в костюме Холдена Колфилда. Далее шли: 5-го и 9-го – «Дон Жуан», 10-го – «Интервенция», 14-го – «Дон Жуан», 18-го – «Интервенция», 19-го – «Дон Жуан», 21-го – «Интервенция», 24-го – «Дон Жуан», 27-го – «Над пропастью во ржи». В этот же день Театр сатиры закрыл свой сезон в Москве. Волею судьбы и руководства театра влюбленным предстояло расстаться почти на два месяца: часть труппы (в нее входил и Миронов) была отпущена в отпуска, другая (там была Егорова) должна была ехать в Азербайджан, чтобы выступать в частях Закавказского военного округа. По случаю закрытия сезона в театре был устроен банкет, после чего Миронов и Егорова в компании еще нескольких коллег отправились встречать рассвет на Воробьевы горы. Все были пьяны и веселы. Но самым отвязным оказался Марк Захаров, который устроил… сжигание советских дензнаков. Достав из кармана несколько купюр достоинством пять и десять рублей, он прилюдно чиркнул спичкой и призвал актеров последовать его примеру. Уговаривать присутствующих дважды не пришлось. Они тоже извлекли на свет дензнаки и без

сожаления их подожгли. Кто-то даже притоптывал и припевал: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло…»

Затем всем гуртом отправились в Волков переулок к Миронову. Егорова ехала туда с огромной охотой: ей казалось, что именно там Миронов осмелится сделать ей официальное предложение руки и сердца. А получилось совсем наоборот. В самый разгар веселья Миронов утащил девушку на балкон, где со злостью выпалил ей в лицо всего лишь одну фразу: «Я тебя не люблю!» Чем была вызвана эта злость, Егорова так и не поняла, поскольку никаких поводов для ревности она не давала. Схватив свою сумочку, она пулей выскочила из мироновской квартиры, в очередной раз дав себе клятву никогда больше туда не возвращаться.

Спустя несколько дней Егорова уехала в Баку на гастроли, а Миронов остался в Москве, чтобы уладить кое-какие дела. В частности, он был приглашен сниматься в картину Алексея Коренева «**Урок литературы»**. Первоначально ее должны были снимать двое молодых режиссеров – А. Ладынин и В. Сосин. Но что-то у молодых не заладилось, и от постановки они отказались. Тогда фильм передали другому дебютанту – Алексею Кореневу. И тот пригласил Миронова, с которым успел подружиться во время съемок «Берегись автомобиля» (Коренев был там вторым режиссером). В «Уроке литературы» у Миронова была небольшая роль – он играл своего современника по имени Феликс. Съемки фильма должны были начаться в начале августа, но Миронову предстояло в них включиться чуть позже – поздней осенью, когда группа должна была снимать в павильонах. Уладив все свои дела в столице, Миронов уехал отдыхать в Пярну.

8 июля по ТВ был показан фильм Эльдара Рязанова «**Берегись автомобиля»**.

В Москву Миронов вернулся в конце июля. А 1 августа в Театре сатиры состоялось открытие 44-го сезона. Утром труппа собралась на традиционный сбор, а вечером был показан спектакль «Интервенция». 2-го Миронов играл в «Дон Жуане», 5-го – в «Женском монастыре», 7-го – в «Дон Жуане», 9-го – в «Над пропастью во ржи», 11-го – в «Интервенции», 13-го – в «Женском монастыре», 14-го – в «Дон Жуане», 16-го – в «Интервенции».

18 августа в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «**Доходное место»**. Спектакль буквально взорвал театральную общественность столицы. В нем поражало все: декорации (нагромождение столов, стульев, дверей, поставленных на два круга), идея (Жадов пытался прожить без унижения, без взяток, без «доходного места», что в советской России было не менее актуальным, чем в России А. Островского) и вдохновенная игра

актеров, лучшим из которых был конечно же Миронов (помимо него в спектакле были заняты: Александр Пороховщиков – Белогубов, Григорий Менглет – дядюшка, Татьяна Пельтцер – Кукушкина, Наталья Защипина – Полинька, Татьяна Егорова – Юленька и др.). Как писал много позднее А. Смелянский: «В „Доходном месте“ герой Миронова был вестником и обещанием победы. Первый же выход его в спектакле очаровывал. Насвистывая и веселясь, молодой человек с неотразимой улыбкой шел против движения круга, распахивая бесконечные двери. Этот жест наперекор движущемуся пространству был значим. Юноша шел наперекор судьбе. Жадов решил отказаться от уготованной жизни, к которой привыкли старшие. Круг уносил героя и его невесту в разные места сцены, в том числе самые нищие и безрадостные углы ее. Проплывали мимо них столы, половые, трактиры, молодые люди держались вместе, пытаясь сопротивляться постылому закону социального выживания…»

А вот еще одно мнение – К. Рудницкого: «Роль Жадова в комедии Островского „Доходное место“ считалась неблагодарной на протяжении долгих десятилетий. Сатирическая стихия пьесы, сильная и напористая, торжествовала во многих ее постановках. Что же касается Жадова, то, хотя Жадова играли подчас и очень большие артисты, герой комедии почти всегда оставался вялым, малоинтересным, текст его речей звучал наивно и неубедительно. Открытием и событием постановки „Доходного места“ в Театре сатиры явилась именно фигура Жадова».

Как уже говорилось, пьеса А. Островского не потеряла своей актуальности даже по прошествии почти ста лет после написания. И просто удивительно, каким образом многоокая советская цензура не заметила этого и позволила Захарову осуществить эту постановку. Ведь суть пьесы буквально лежала на поверхности. По сюжету главный герой – Василий Жадов – совершал отчаянную попытку «жить не по лжи», но в итоге терпел крах. Из окружающих его практически никто не понимал. Жена Полинька желала хорошо одеваться и красиво жить, друзья откровенно смеялись над честностью Жадова. В итоге он вынужден был идти к своему дядюшке и, унижаясь, просить его сделать ему протекцию, чтобы он «мог приобрести что-нибудь». Дядюшка обещал. Как пишет все тот же А. Смелянский: «Зал замирал от страха и сострадания, потому что он успел полюбить этого солнечного молодого человека. Андрей Миронов, казалось, и сам заливался краской стыда, выслушивая нравоучения родственника. Через несколько секунд он выходил из обморочного состояния и оказывался на авансцене, на том самом пятачке, который создатели спектакля именовали для себя „площадкой совести“.

Несколько раз и на разные лады повторял он один и тот же текст: „Я не герой, я обыкновенный слабый человек. У меня мало воли, как почти у всех нас. Но довольно одного урока, чтобы воскресить меня… Я могу поколебаться, но преступления не сделаю; я могу споткнуться, но не упасть“. Возникал музыкальный лейтмотив, сопровождавший героя по всему спектаклю, что-то грустно-веселое, бередящее душу. Андрей Миронов – Жадов неожиданно улыбался. Он успокаивал нас и давал надежду. Ничего, мол, все образуется. Эту прощальную улыбку нельзя забыть. Он уходил в глубину сцены, на которой к этому моменту уже не было ничего: ни дверей, ни столов, ни стен, ни лабиринта. Пугающая пустота и грустно-веселый мотивчик. И только в вышине – рама, а в ней три дамы в костюмах иного века. Как в музее мадам Тюссо…»

Миронов и сам понимал, что Жадов ему удался на все сто. Хотя, в силу своего характера, нет-нет, да и мучился сомнениями. В такие минуты он обычно терзал свою возлюбленную одним-единственным вопросом: «Я не хуже актер, чем Табаков?» Табаков тогда был настоящим кумиром театралов, в том числе и Миронова. Все его премьеры он смотрел одним из первых, благо «Современник» находился рядом – через дорогу от «Сатиры». И все, что ни делал Табаков, Миронову жутко нравилось. И вот теперь в роли Жадова он переплюнул своего кумира, о чем в открытую говорила вся Москва. Это же втолковывала Миронову и Егорова: «Ты посмотри, у нас на „Доходном месте“ дежурит конная милиция, а на спектаклях „Современника“ ее нет. Это тебе о чем-то говорит?» Действительно, это говорило о многом. В те годы конная милиция дежурила разве что у Театра на Таганке, где играл опальный Высоцкий. В благонадежном Театре сатиры подобное происходило впервые.

19 августа Миронов играл в «Над пропастью во ржи», 20-го – в «Доходном месте» и «Женском монастыре», 21-го – в «Интервенции», 23-го – в «Дон Жуане», 25-го – в «Доходном месте», 26-го – в «Интервенции», 27-го – в «Женском монастыре», 28-го – в «Дон Жуане».

Вскоре после открытия сезона Миронов стал предпринимать настойчивые попытки вернуть себе былую благосклонность Егоровой. Но та сохраняла нейтралитет. А тут еще у Миронова появился куда более грозный соперник – сам Плучек. Еще в январе он пытался приударить за актрисой в надежде, что та не посмеет отказать хозяину театра, в котором она работает. Но Егорова проявила строптивость: когда Плучек стал домогаться ее в своем кабинете, она оттолкнула его и убежала прочь. И вот теперь Плучек предпринял вторую попытку взять неприступную крепость приступом. Как-то вечером, после спектакля, он

внезапно встретил Егорову и Миронова в гардеробной и пригласил их составить ему компанию – поужинать в ресторане Дома журналистов. На следующий день повторилось то же самое. Только теперь Плучек вызвался проводить Егорову домой сам. Услышав это, Миронов предпочел ретироваться. У дома Егоровой в Трубниковском произошла смешная сцена: Плучек полез к девушке целоваться и стал звать ее к себе домой (мол, супруга уехала в Ленинград), но Егорова снова проявила строптивость – оттолкнула режиссера и убежала в подъезд. И тут же позвонила Миронову, чтобы успокоить его – мол, старику ничего не обломилось.

Сентябрьский репертуар Миронова в Театре сатиры выглядел следующим образом: 3-го – «Над пропастью во ржи», 4-го – «Дон Жуан», 5-го – «Женский монастырь», 6-го – «Доходное место», 9-го – «Интервенция», 10-го – «Доходное место», 11-го – «Дон Жуан», 13-го – «Клоп».

14 сентября по ТВ состоялась премьера фильма «**Год как жизнь»**, где Андрей Миронов играл роль Фридриха Энгельса. В тот день в 21.05 была показана первая серия картины, а вторую вставили в эфирную сетку 17 сентября (20.20).

И вновь вернемся к спектаклям Миронова. 15 сентября он играл в «Женском монастыре», 16-го – в «Над пропастью во ржи», 17-го – в «Доходном месте», 18-го – в «Женском монастыре», 20-го – в «Интервенции», 22-го – в «Доходном месте», 23-го – в «Дон Жуане», 24-го – в «Клопе» (утро и вечер), 27-го – в «Интервенции». Параллельно с работой в театре Миронов продолжал сниматься в фильмах «Таинственная стена» и «Урок литературы». Благо обе картины снимались на одной киностудии – «Мосфильме».

В октябре Миронов выходил на сцену родного театра в следующих спектаклях: 4-го – «Над пропастью во ржи», 11-го – «Интервенция», 10-го – «Доходное место», 13-го – «Дон Жуан», 16-го – «Доходное место», 17-го – «Над пропастью во ржи», 18-го – «Дон Жуан», 20-го – «Интервенция», 22-го – «Доходное место» (утро), «Клоп» (вечер, 700-й спектакль), 23-го – «Дон Жуан», 24-го – «Интервенция», 25-го – «Доходное место».

В те же дни Миронов снимался в фильме «Урок литературы». Впрочем, полноценными съемками тот процесс назвать можно было с большой натяжкой – роль у Миронова была из разряда крохотных. Он играл внука известной писательницы (Любовь Добржанская) Феликса. Эдакого молодого человека с трубкой в зубах, с головой погруженного в творческий процесс (какой именно, сказать трудно, поскольку в фильме это не объясняется). Персонаж Миронова появлялся на экране всего три раза, и в общей сложности его задумчивый лик радовал зрителей около

минуты экранного времени. Роль была абсолютно проходная, включавшая в себя всего три реплики, практически не влиявшие на основной ход действия. Что заставило Миронова сниматься в такой роли, непонятно, поскольку никаких творческих дивидендов он с этого не поимел. Разве что материально удовлетворился: получил за крохотную роль 319 рублей.

27 октября состоялась премьера спектакля «**Баня»**. Это была вторая постановка произведения В. Маяковского на сцене Театра сатиры: Плучек его уже ставил в 53-м и теперь решил реанимировать в новой редакции, приурочив к 50-летию Октябрьской революции. Наученный горьким опытом – закрытием «Теркина на том свете» и «Доходного места» – Плучек смягчил акценты, расставленные когда-то Маяковским: в новой постановке «Бани» был не один, а два равно важных в художественном и идейном отношении центра. Первый – Главначпупс Победоносиков и К, второй – Велосипедкин, который в прежней редакции был героем эпизодическим, а теперь вырастал до главного и должен был продемонстрировать энтузиазм молодости, верной идеалам революции. Победоносикова играл Георгий Менглет, Велосипедкина – актер из недавно принятых. Однако вскоре после премьеры Плучек переиграет состав – отдаст роль Велосипедкина Андрею Миронову, но об этом рассказ чуть позже. А пока продолжим знакомство с текущим репертуаром Миронова.

28 и 31 октября – «Интервенция».

1 и 4 ноября – снова «Интервенция», 5-го – «Клоп», 6-го – «Интервенция», 7-го – «Баня» с вводом на роль Велосипедкина Андрея Миронова. В этом вводе была своя закономерность – Плучек уже понял, в какую яркую звезду превращается актер Андрей Миронов, и решил не препятствовать естественному ходу событий, а придать ему ускорение. Описывая эту работу Миронова, критик А. Шерель писал:

«Пританцовывая, как вихрь врывается в спектакль изящный паренек в узеньких брючках, бордовом свитере с галстуком-бабочкой, в крошечной кепочке, и все, что происходило на сцене до его появления, продолжается, но уже в головокружительном ритме. Он с фантастической быстротой устанавливает контакт со зрителями, лихо из зала вскакивает на подмостки, успевая перемигнуться с какой-то девушкой, бросить знакомому в пятом ряду: „Здорово, Паша“, дать сигнал амфитеатру – „смотрите сюда внимательнее…“ И зрительный зал охотно принимает эту игру, аплодисментами выдав актеру полномочия своего полпреда в борьбе за изобретение Машины Времени.

Надев белые перчатки укротителя, под лихую музыку, как и

положено в цирковом антре, Миронов бойко командует униформой, иронично представляет действующих лиц. Вот тут и соединяется, – писал проницательный критик, – ощущение праздничности театрального зрелища и праздника победы над теми, кого Маяковский заклеймил в своих пьесах-сатирах.

Движения Велосипедкина быстры и элегантны, энергия в нем кипит, пенится. Весело командует он своим отрядом «легких кавалеристов», скандируя как заклинание призыв поэта: «Время, вперед! Время, вперед!», и в шутливом танце угадывается мощь и настойчивость человека, который действительно способен «жрать чиновников и выплевывать пуговицы»…»

Сразу после премьеры Миронов и Егорова в компании своих коллег по театру отправились отмечать праздник Великого Октября. Веселье проходило в кооперативе артистов Большого театра на Арбате. Как вспоминает Татьяна Егорова, поездка туда вылилась в настоящий аттракцион сродни польскому мото-ревю. Устроил это зрелище Марк Захаров, который в те годы был мастак на подобного рода штучки. Где-то на полпути к месту сборища, когда автомобили с «сатировцами» мчались по Садовому кольцу и пересекали площадь Восстания, Захаров внезапно вылез из открытого окна заднего сиденья и перелез в такое же открытое окно, но уже другого автомобиля. Залихватский трюк был встречен громогласными криками «ура!» и выстрелом пробки от шампанского.

На вечеринке Миронов оказался верен себе: несмотря на присутствие своей возлюбленной, стал ухаживать за молоденькой балериной. Егорова, естественно, переживала, однако виду поначалу не подавала, заглушая обиду порциями коньяка. Но ее терпения хватило на каких-нибудь полчаса. Затем актриса поднялась с дивана, подошла к балерине, которая кружилась в очередном танце с Мироновым, и сорвала у нее с головы модный шиньон. Балерина расплакалась и убежала в другую комнату. Все были в шоке, а особенно Миронов, который буквально заметался по квартире: он то бегал успокаивать балерину, то стыдил Егорову. Но последняя все его реплики пропускала мимо ушей, поскольку считала себя правой: в конце концов это не она отбивала у балерины ее кавалера, а наоборот. Тем более в тот момент Егорова уже знала, что беременна.

Миронов узнал про это спустя несколько дней. Егорова сообщила ему об этом в Волковом переулке, сообщила как бы между прочим. Миронов в первые минуты сделал вид, что не расслышал новости. На самом деле он просто взял тайм-аут – хотел тщательно все осмыслить. И только спустя примерно полчаса вернулся к этой теме. И то, что он сказал, больно

резануло его возлюбленную. «Танечка, ну куда нам еще ребенок? Мы вдвоем-то разобраться не можем, а что будем делать втроем? Это же ужас! Нам надо подождать… Я все устрою, у меня есть хороший врач…» И так убедительно он это говорил, что Егорова даже не смогла на него обидеться. Видимо, она и сама понимала, что появление ребенка в их тандеме и в самом деле пока нежелательно. Ведь они по-прежнему не женаты, а рожать ребенка без штампа в паспорте Егорова не хотела. Она сама росла без отца (ее воспитывал отчим) и прекрасно знала, что это такое – безотцовщина. Желать подобной участи своему ребенку – боже упаси! И она согласилась лечь в больницу.

Пока его возлюбленная лежала в роддоме, Миронов был утвержден на новую роль в театре – он должен был играть ловкого плута в спектакле «Безумный день, или Женитьба Фигаро» Пьера Огюста Бомарше. Кроме этого в ноябре состоялся первый творческий вечер Миронова. Он проходил в Доме актера при абсолютном аншлаге, что лишний раз доказало, в какую звезду внезапно превратился недавний актер массовки.

Ноябрьский репертуар Миронова в Театре сатиры выглядел следующим образом: 9-го – «Клоп» (день), «Доходное место» (вечер), 11-го – «Доходное место», 12-го – «Баня», 13-го – «Интервенция», 18-го – «Баня», 19-го – «Клоп», 20-го – «Дон Жуан», 21-го – «Доходное место», 22-го – «Интервенция», 25-го – «Дон Жуан», 26-го – «Баня», 28-го – «Доходное место».

В декабре это были следующие спектакли: 1-го – «Интервенция», 2-го – «Баня», 3-го – «Доходное место», 4-го – «Дон Жуан», 8-го – «Баня», 9-го – «Доходное место», 10-го – «Клоп», 12-го – «Интервенция», 15-го – «Дон Жуан», 16-го – «Баня», 18-го – «Доходное место», 20-го – «Интервенция», 23-го – «Дон Жуан», 24-го – «Баня», 25-го – «Доходное место», 26-го – «Интервенция», 27-го – «Клоп».

1968

Наступление нового **1968 года** Миронов и Егорова встречали вместе с ресторане ВТО, что на улице Горького. По этому случаю Егорова сшила себе в ателье крепдешиновое платье в модную шахматную клеточку, а также купила подарки: Миронову – коллекционный игрушечный автомобиль (он их собирал), а его родителям – маленький домик со зверюшками и градусником. Миронов тоже приготовил своей возлюбленной приятный сюрприз на кругленькую сумму – золотое колечко с рубином. Все эти подарки были вручены перед началом застолья, когда многочисленные гости только рассаживались за столы. Мария Владимировна приняла подарок благосклонно, хотя на самом деле ее переполняли куда более сложные чувства. Несмотря на полуторагодовое знакомство с Егоровой, Миронова так и не смогла смириться с выбором сына и жутко ревновала Андрея к ней. А тут еще она заметила на пальце Татьяны золотое колечко с рубином, тотчас все поняла и невзлюбила возможную невестку еще сильнее. Не прибавил радости Марии Владимировне и эстрадный номер, который показали ее сын и Егорова. Они лихо станцевали под песню Фрэнка Синатры «Макс зе найф», за что были удостоены специального приза от зрителей. Глядя на счастливых призеров, Мария Владимировна внезапно отчетливо осознала, что она стремительно теряет своего сына. А в роли разлучницы выступает Егорова. И все же несмотря на переполнявшую ее ревность и злость, Миронова старалась вида не подавать и тоже хлопала в ладоши вместе со всеми.

Работа в родном театре началась для Миронова в новом году 2 января: вечером того дня он играл Холдена Колфилда в спектакле «Над пропастью во ржи». На следующий день он уже был Жадовым в «Доходном месте». Затем в течение нескольких дней в текущем репертуаре занят не был.

7 января свой очередной день рождения справляла мама нашего героя. Происходило это на даче в Пахре. Туда была приглашена и Егорова. И там, узнав, что Татьяна родилась на день позже ее, именинница искренне удивилась и преподнесла ей подарок – коробку шоколадных конфет. Эти конфеты были съедены тут же, в узком кругу, когда настенные часы пробили наступление нового дня – 8 января.

Утром Миронова и Менакер уехали в Москву, а Андрей и Татьяна остались на даче. Впереди их ожидала лыжная прогулка, душ и приятное времяпрепровождение у горящего камина (а вечером обоим предстояло играть в «Доходном месте»). Во время

сидения у камина Миронов преподнес имениннице очередной подарок – флакон французских духов «Фамм». После чего сообщил, что решился официально жениться на Егоровой. Однако одного его решения было мало – надо было спросить разрешения у родителей, вернее, у матери. Миронов заранее предугадывал ее реакцию, боялся этого и всячески оттягивал последний разговор. Но тянуть до бесконечности было нельзя. В конце концов он решился. Но все вышло так, как он и предполагал. Если отец отнесся к его сообщению о женитьбе спокойно, то мать буквально взорвалась: «Нет, нет и нет! Я тебя не для того растила, чтобы отдавать в руки безродной девки, у которой даже приличного приданого нет». И как Миронов не втолковывал матери, что социальное и имущественное положение его будущей жены для него ничего не значит, все было напрасно – мать стояла на своем и грозилась в случае неповиновения обрушить на голову сына все возможные громы и молнии. И Миронов решил обождать с женитьбой до лучших времен. Впрочем, сам он в наступление этих времен верил с трудом.

Между тем, в те январские дни одна мечта Миронова все-таки осуществилась – он сделал весомый шаг к тому, чтобы стать автовладельцем. Как мы помним, с идеей приобрести личный автомобиль Миронов носился давно – еще со съемок «Берегись автомобиля». Но было одно существенное препятствие – отсутствие денег. Родители Миронова, которые никогда сына не баловали, заявили ему, что в этом деле он должен целиком полагаться на себя. В итоге Миронов копил на «железного коня» в одиночку. И все равно денег катастрофически не хватало, поскольку в ту пору ставки у Миронова были невелики: чуть больше ста рублей в театре, а в кино хоть и больше, но не намного, поскольку в ту пору он снимался редко. Поэтому такими темпами копить можно было до скончания века. В конце концов Миронов решил занять деньги у посторонних. Помочь вызвался реставратор Александров. Уже много позже Миронов узнал страшную тайну, которую от него хранили родители. Оказывается, деньги, взятые им взаймы у реставратора, были даны тому… Александром Менакером. Отец испугался дать сыну деньги напрямую (то ли в воспитательных целях, то ли из-за боязни перед грозной супругой) и изловчился передать их с помощью обходного маневра.

Тем временем в январском репертуаре Театра сатиры Миронов был занят в следующих спектаклях: 10-го – «Над пропастью во ржи», 12-го – «Баня», 14-го – «Клоп», 15-го – «Интервенция», 16-го – «Дон Жуан», 20-го – «Клоп», 21-го – «Баня», 22-го – «Дон Жуан», 23-го – «Интервенция», 24-го – «Баня»,

26-го – «Доходное место», 27-го – «Интервенция», 28-го – «Дон Жуан», 29-го – «Доходное место», 30-го – «Баня».

Февраль в Театре сатиры для Миронова начался с «Дона Жуана», которого он играл 2-го. Затем шли: 3-го – «Баня», 5-го – «Доходное место», 7-го – «Интервенция», 10-го, 11-го – «Баня», 12-го – «Доходное место», 13-го – «Интервенция», 16-го – «Дон Жуан», 17-го – «Баня», 20-го – «Интервенция», 21-го – «Дон Жуан», 23-го – «Интервенция», 24-го, 26-го – «Доходное место», «Клоп», 27-го – «Баня».

В конце месяца поклонников творчества Миронова ждал сюрприз: их кумир подготовил свою первую в творческой карьере эстрадную монопрограмму. Помощником в этом деле актер выбрал композитора Анатолия Кремера и его оркестр. В часовую программу вошли больше десятка песен в исполнении Миронова, среди которых были как старые вещи, уже хорошо известные по спектаклям («Любовь не картошка», «Здравствуйте вам!»), так и совершенно новые («Если повезет чуть-чуть», «Как хорошо, что я ее нашел!»). Премьера детища Миронова состоялась в конце февраля в Театре сатиры. В зале был аншлаг: туда пришла не только вся труппа театра, но и многочисленные поклонники бенефицианта. Успех был фантастический: Миронову бурно аплодировали после каждого номера, а в конце представления овации не смолкали в течение нескольких минут.

В том же феврале Миронов получил очередное предложение от кинематографистов. Причем предложение исходило не от кого-нибудь, а от самого Леонида Гайдая. За последние пять лет тот сумел превратиться в самого кассового режиссера советского кино, сняв один за другим два суперхита: «Операцию „Ы“ (69,6 млн. зрителей, 1-е место) и „Кавказскую пленницу“ (76,54 млн., 1-е место). На этот раз Гайдай собирался снять эксцентрическую комедию о простом советском служащем, волею судьбы схлестнувшимся с шайкой контрабандистов, под названием «**Бриллиантовая рука»**. Миронову было предложено попробоваться на одного из последних – Геннадия Козадоева (он же Геша) по кличке Граф. По своему характеру и повадкам этот герой был сродни другому герою – Фигаро – и это поражало: видно, звезды на небе так сошлись, чтобы практически в один год Миронов удостоился двух прекрасных ролей, которые в скором времени обессмертят его имя. Но это будет чуть позже. А пока в споре за роль Графа у Миронова был внушительный соперник – сам Георгий Вицин, который считался одним из любимых актеров Гайдая (тот снимал его во всех своих картинах). Поэтому, зная об этом, Миронов в душе мало верил в успех своей кинопробы, но приглашение все-таки принял. Эти пробы должны были

состояться в середине марта.

В те же дни Миронов сыграл еще одну кинороль, но уже из разряда эпизодических. Речь идет о фильме Михаила Калика «**Любить»**. С этим человеком Миронов познакомился несколько месяцев назад благодаря Микаэлу Таривердиеву – тот с Каликом был знаком почти десять лет, писал музыку ко всем его фильмам. Миронов подружился с Таривердиевым, а тот в свою очередь свел его с Каликом, который, затевая новый кинопроект – фильм из четырех новелл про любовь, – пригласил туда Миронова и его близкого друга Игоря Квашу. Они сыграли двух молодых людей в первой новелле. Правда, роли у друзей были неравноценные. Если Кваша получил сразу несколько реплик и даже целовал свою партнершу (ею была Екатерина Васильева, с которой тот же Кваша будет «крутить любовь» и в водевиле 74-го года «Соломенная шляпка»), то на долю героя Андрея Миронова выпала всего одна-единственная реплика: «Круглая» (имелась в виду Земля), которую он произнес, общаясь с девушкой, которую играла Анастасия Вознесенская. Эта роль была сродни той, что Миронов играл в фильме «Урок литературы».

Вспоминает М. Таривердиев: «Чуть позже в нашей компании появился Андрей Миронов. Я помню, как мы поехали в гости к Андрею на дачу. Он, Белла Ахмадулина, я. Вез нас Коля Никогосян, известный скульптор. Я помню, он ехал как-то очень смешно. Торопливо и вместе с тем трусливо. Мы все над ним смеялись. А он сказал: „Так смеетесь, как будто сами в этой машине не едете“. Где-то у дачи врезались в дерево. Но все было нипочем…»

Но вернемся в март 68-го.

1 марта Миронов играл в «Клопе», 2-го – в «Доходном месте», 4-го – в «Интервенции», 5-го – в «Дон Жуане», 7-го – в «Бане». Сразу после спектакля Миронов отправился отмечать свой 27-й день рождения к родителям в Ленинград (те были там на гастролях). И как Егорова ни умоляла его остаться с ней, Миронов уехал – в противном случае его отношения с матерью испортились бы окончательно.

Миронов вернулся в Москву 9 марта. Прямо с вокзала он отправился в театр, чтобы участвовать в очередной репетиции. А после нее они с Егоровой отправились в Волков переулок. Но по дороге туда случилось неожиданное: Татьяна внезапно объявила Миронову, что им надо расстаться. Аргумент у нее был один: «Я устала, у тебя на первом плане всегда будет мама». Миронов был в шоке, у него даже руки затряслись. Он бросился уговаривать любимую не делать этого, обещал исправиться. Но та была неумолима. Миронов чуть не плакал. Каково же было его

удивление, когда выяснилось, что возлюбленная… его просто разыграла. Едва они переступили порог квартиры, как Миронов увидел на столе желтые тюльпаны и шоколадный торт, который Егорова испекла накануне вечером. Рядом с тортом красовалась записка: «Андрюша, с днем рождения!» Этот торт они съели этим же вечером, когда вернулись после спектакля «Баня» домой. Причем съели не одни, а в компании с Валентином Плучеком и его супругой.

10 марта Миронов играл в «Доходном месте», 11-го – в «Дон Жуане», 12-го – в «Интервенции». Затем три дня актер отдыхал от текущих спектаклей. Именно в эти дни у Миронова снова испортились отношения с его возлюбленной. 3 марта на сцене Театра сатиры состоялась премьера нового спектакля – «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», где Егорова играла роль Бетан. На худсовете игра всех актеров была признана удовлетворительной, и только Егорова получила втык: ее игру признали самой ужасной. Кто-то даже предложил не повышать ей зарплату. Но для самой артистки эта проработка ничего бы не значила (за два года работы она и не такого наслушалась), если бы в хор этих голосов не вплел свой голос Миронов. Он внезапно… поддержал худсовет. И этот поступок буквально убил Егорову. Дома, в Волковом переулке, она устроила Миронову «разбор полетов». Она назвала его предателем и трусом и в очередной раз объявила, что им надо расстаться. И он опять бросился отговаривать ее. Егорова довольно быстро сдалась. А спустя несколько дней уже жалела об этом, узнав, что Миронов провел ночь с одной из артисток их театра. «Все! Кончено!» – заявила Егорова Миронову, когда он вновь пришел просить у нее прощения. И неделю они не общались.

В субботу 16 марта Миронов днем играл в «Доходном месте». Следующий его выход на сцену состоялся 19 марта – это была «Баня», затем 20-го он играл в «Интервенции».

Тем временем пробы Миронова в «Бриллиантовую руку» были благополучно отсняты, и оставалось ждать решения худсовета. Это заседание состоялось 22 марта 1968 года. Приведу отрывки из некоторых выступлений, где речь идет о герое нашей книги.

В. Авдюшко: «Миронов выглядит интереснее Вицина…»

Л. Гуревич: «Вицин или Миронов? Все зависит от замысла. Если в старой традиции – то Вицин, если по-новому – Миронов. Вицин – не новая роль, а повторение характера, ранее сыгранного…»

Б. Кремнев: «Пробы мне очень понравились. Хорош Никулин, Папанов. Надо брать на роль Графа Миронова – он очень убедителен…»

Биц: «Миронов блестяще подходит к этой роли…»

Степанов: «По сравнению с Вициным – Миронов на коне. Но и Миронов мне не кажется стопроцентным попаданием. Он все еще кривляется. Окончательно сказать „да“ за Миронова не могу…»

Я. Костюковский: «Граф-Миронов мне понравился. Здесь, мне кажется, снайперское попадание. С Никулиным он удивительно кооптируется. Абсолютно точно!..»

М. Слободской: «Миронову в кино не везет. Убежден, что Гайдай сделает из него комедийного актера…»

В итоге худсовет утвердил следующих исполнителей: Юрия Никулина (Горбунков), Андрея Миронова (Граф, он же Геннадий Козадоев), Анатолия Папанова (Механик, он же Лелик), Нину Гребешкову (жена Горбункова Надя), Нонну Мордюкову (Варвара Сергеевна Плющ), Станислава Чекана (старший лейтенант милиции Михал Иваныч), Григория Шпигеля (аптекарь), Леонида Каневского (контрабандист).

И вновь вернемся к театральной деятельности Миронова. До конца месяца он сыграл еще в двух спектаклях: 20 марта это была «Интервенция», 23-го, 24-го, 29-го – «Доходное место». 29-го играть было особенно тяжело: в тот день Москва прощалась с первым космонавтом Земли Юрием Гагариным, который погиб во время испытательного полета вместе с летчиком Серегиным. 30 марта состоялись похороны космонавтов: урны с их прахом были замурованы в Кремлевской стене.

Апрельский репертуар Миронова начался с «Дон Жуана», которого он играл 5-го. 8-го это была «Интервенция», 9-го – «Баня», 13-го – «Доходное место», 15-го – «Интервенция», 17-го – «Баня», 19-го – «Клоп», 22-го – «Интервенция», 23-го – «Доходное место».

Тем временем до начала съемок «Бриллиантовой руки» остаются считаные дни. В двадцатых числах апреля в павильоне № 11 «Мосфильма» была возведена декорация «Квартира Шефа», и 24-го началось ее освоение. Миронов пробыл на съемочной площадке до пяти часов вечера, после чего поспешил в родной театр, чтобы два часа спустя выйти на его сцену в спектакле «Интервенция».

25 апреля в 9 утра начались съемки «Бриллиантовой руки». После торжественного ритуала – разбития тарелки – работа закипела. В тот день снимали эпизоды: Граф и Лелик приходят к Шефу; Шеф высыпает монеты из трости в жестяную коробку; Граф и Лелик приходят к Шефу (после возвращения Графа из заграничного круиза); в дверном глазке видны Граф и Лелик; Граф кричит в истерике Шефу: «Все пропало!», а Лелик затыкает ему рот кепкой.

26 апреля (павильон № 11) – Шеф высыпает монеты в коробку, одна из них катится по столу, и Граф прикрывает ее рукой, надеясь прикарманить, но Шеф этот трюк замечает; Лелик с восхищением произносит: «Шикарный план!», а Граф прикрывает рукой распухшее ухо.

На этом съемки Миронова в фильме прервались, и он целиком сосредоточился на работе в театре. 28-го он играл в «Бане», 29-го – в «Доходном месте», 30-го – в «Интервенции».

В последний день апреля на экраны страны вышел в повторный прокат фильм Г. Рошаля «Год как жизнь», в котором, как мы помним, Андрей Миронов сыграл роль Фридриха Энгельса. Выход картины был приурочен к знаменательной дате – 150-летию Карла Маркса. Однако Миронова это событие обрадовало мало, поскольку именно в эти дни его угораздило угодить… на мушку КГБ. Случилось это до обыденного просто. Вместе со своим другом детства и коллегой по «Сатире» актером Владимиром Долинским он гулял по Арбату. Когда они проходили мимо американского посольства на Спасо-Хауз, они столкнулись с двумя симпатичными девушками. Услышав в их устах английскую речь, друзья решили за ними приударить. Миронов стал говорить по-английски, Долинский обошелся родным русским наречием. Девушкам молодые люди понравились, и они пригласили их прогуляться в посольском саду. Знай актеры, что перед ними дочери американского посла, они бы наверняка поостереглись принимать их приглашение. Но они ни о чем не догадывались и посему смело вошли на территорию посольства. И пробыли там больше часа. Последствия не заставили себя долго ждать.

Уже на следующий день Миронову позвонил незнакомый мужчина, который представился офицером КГБ. Чекист предложил Миронову встретиться и назвал адрес: дом в центре Москвы, где у КГБ была конспиративная квартира. Отказаться актер не посмел. Через несколько минут он был уже на месте и только там наконец осознал, какую глупость он совершил накануне. Чекист объявил ему, что, оказавшись на враждебной территории, он совершил преступление (нарушил государственную границу) и теперь должен искупить свою вину – дать согласие на сотрудничество с КГБ. В противном случае чекист пригрозил Миронову жестокими карами. «Вы, кажется, только что начали сниматься в очередном фильме? Так вот, если не согласитесь, из фильма вы вылетите. Да и в театре вам мало что будет светить: ни главных ролей, ни зарубежных гастролей вы не увидите». Миронов был напуган: стать стукачом было для него равносильно смерти, но и без актерской профессии он себя тоже

не мыслил. Что делать? Здесь я позволю себе небольшое отступление.

С момента образования в СССР органов госбезопасности они самое пристальное внимание стали уделять творческой интеллигенции. Не будет преувеличением сказать, что уже в 20-е годы вся творческая элита Советского Союза была буквально нашпигована агентами КГБ. Причем в большей мере нештатными – то есть добровольными или платными стукачами из числа режиссеров, актеров, писателей, музыкантов. КГБ умел ценить своих агентов, щедро вознаграждая их за работу: со стукачами расплачивались деньгами, но чаще всего званиями (от заслуженного до народного), поездками за границу, новыми ролями. Случаев отказа от сотрудничества с КГБ при Сталине не было – боялись. Но после 1953 года ситуация резко изменилась. Партия осудила культ личности Сталина, подвергла осуждению методы работы КГБ. Страх перед Лубянкой на какое-то время у советских людей если не пропал, то затушевался. И с этого момента в негласные агенты люди шли неохотно, а то и вовсе отказывались. Среди известных людей такая история случилась с Людмилой Гурченко. В 1957 году КГБ предложил ей стать его негласным агентом на период проведения в Москве Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Гурченко нашла в себе силы чекистам отказать. За что немедленно и поплатилась. Сразу в двух популярных изданиях вышли разгромные публикации о ней. Так, в газете «Комсомольская правда» был опубликован фельетон под броским названием «Чечетка налево», где Гурченко обвинили в рвачестве, в том, что она не гнушается зарабатывать деньги на «левых» концертах (а где ей было их зарабатывать, если стипендию во ВГИКе она не получала, концертной ставки не имела, а денег от родителей получала ровно столько, чтобы заплатить за квартиру?). А в журнале «Советский экран» была помещена обидная карикатура на молодую актрису. Все было сделано настолько профессионально, что даже сама Гурченко не сразу догадалась, откуда «дует ветер». И о длинной руке КГБ в этой истории она узнала только спустя несколько лет.

В отличие от Гурченко, другой популярный артист – Михаил Козаков – негласным агентом КГБ все-таки стал. Случилось это в 1956 году. Вот как об этом вспоминает сам артист: «Я был завербован службой КГБ для помощи в борьбе с внешним врагом – американским империализмом. Конкретное задание получил лишь в 1958 году. Я должен был войти в половые сношения с американской журналисткой (не помню, какой американской газеты) по имени Колетт Шварценбах, сам не знаю, для чего. Выполнить задание мне не удалось, о чем я написал письменный

отчет, подписанный моей кличкой.

С тех пор никаких конкретных заданий мне не давали. Однако время от времени напоминали о себе: звонили по телефону, назначали свидания в разных местах (в гостиницах, на частных явочных квартирах, просто на улицах). Это случалось, как правило, после приемов в американском посольстве или перед приемом в каком-нибудь другом капиталистическом посольстве. Их интересовало мое отношение к послу, его жене или какому-нибудь другому лицу посольства. КГБ никогда не спрашивал у меня про поведение советских людей, бывших на этих приемах…»

В 1967 году, когда к руководству КГБ пришел Юрий Андропов, на Лубянке было создано специальное управление – 5-е, – которое занималось идеологией. Был там и отдел по работе с творческой интеллигенцией. С созданием этого управления вербовка негласной агентуры в творческой среде заметно активизировалась. И история с Андреем Мироновым случилась аккурат в тот самый период.

Но вернемся к творческой биографии нашего героя. В светлый праздник солидарности всех трудящихся (1 мая) Миронов играл на сцене Театра сатиры в «Бане». 3-го это была уже «Интервенция». А утром 5 мая артист отправился на «Мосфильм», чтобы возобновить свои съемки в «Бриллиантовой руке». В тот день в 6-м павильоне прославленной киностудии, в декорации «Квартира Графа», снимались следующие эпизоды: Граф в холодном поту просыпается после страшного сна, где ему снилась летающая рука в гипсе; Граф просыпается в разбитом виде после гулянки в ресторане, Лелик зовет его поехать к Шефу, но Граф отказывается, мотивируя это тем, что он «должен принять ва-а-нну, выпить чашечку ко-о-фе». Лелик в порыве ярости сбрасывает его с кровати, приговаривая: «Будет тебе и ва-а-нна, будет и какао с чаем. Поехали!»

Сразу после завершения съемок Миронов отправился в театр, чтобы в семь вечера выйти на его сцену в спектакле «Дон Жуан, или Любовь к геометрии».

6 мая съемки «Бриллиантовой руки» продолжились. Снимали следующие эпизоды: Графу снится кошмарный сон, он слышит голос Лелика, насылающий на него страшные проклятия: «Чтоб ты сдох! Чтоб я видел тебя в гробу у белых тапках! Чтоб ты жил на одну зарплату!»; в квартиру Графа приходит роскошная блондинка Анна Сергеевна (Светлана Светличная), которой предстоит соблазнить Горбункова. Лелик передает ей ксиву (паспорт), фотографии жертвы (профиль и анфас), аванс за работу (золотые часики), снотворное в таблетках. После этого

почти на три недели Миронов из съемочного процесса вышел.

7 мая он играл в «Доходном месте», 8-го – в «Клопе», 10-го – в «Дон Жуане», 11-го – в «Бане», 13-го – в «Интервенции».

16 мая с 17.00 до 5 утра следующего дня в тонателье «Мосфильма» проходила запись музыки к «Бриллиантовой руке». В частности, в тот день Андрей Миронов записал песню «Остров невезения», Юрий Никулин – «Песню про зайцев». Последней записывалась популярная певица Аида Ведищева, которой досталось танго «Вулкан страстей» («Помоги мне»). Певица вспоминает:

«Возвращаюсь я как-то поздним вечером с гастролей по Дальнему Востоку, захожу домой, и сразу телефонный звонок. Звонит композитор Александр Зацепин: „Аида, куда ты исчезла? Надо срочно записать песню для новой комедии Гайдая“. Я говорю: „Только вошла, время – первый час ночи, не мешало бы отдохнуть…“ – „Никаких „отдохнуть“, сейчас же приезжай на „Мосфильм“!“

Делать нечего, приезжаю на «Мосфильм», открываю дверь в студию, и передо мной открывается такая картина: прямо на полу сидят Леонид Гайдай, Андрей Миронов и Юрий Никулин. Сидят и распивают на троих бутылочку. Увидев меня, они сразу же предложили: «Давай, Аида, присоединяйся!» Я говорю: «Знаете, надо делать что-то одно – либо пить, либо петь…» Короче, я их не поддержала.

К тому времени Юрий Никулин уже закончил записывать песенку «А нам все равно», Андрей – свой «Остров невезения», а мне предстояло еще работать. Я тихонечко села в уголочке, взяла ноты «Помоги мне» и стала изучать…

В пять утра была готова первая проба, которая понравилась всем настолько, что дублей делать уже не стали. Именно она до сих пор звучит в фильме. Леонид Гайдай только развел руками и сказал: «Аида, я сдаюсь». А компания к этому моменту допила свою бутылочку…»

17 мая Миронов в очередной раз играл Жадова в «Доходном месте». Как оказалось, играл в последний раз, поскольку высочайшим повелением спектакль был снят с репертуара. Практически с первых же показов «Доходного места» власть испугалась того резонанса, который стал сопутствовать спектаклю. И была сделана первая попытка постановку прикрыть. Буквально через несколько дней после премьеры. Эту попытку осуществила министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Но у спектакля внезапно объявился влиятельный защитник – секретарь МГК КПСС А. Шапошникова, которая с недавних пор была в контрах с министром. Их неприязнь друг к другу возникла год

назад при аналогичных обстоятельствах. Только там все было наоборот: Фурцева встала на защиту спектакля театра «Современник» «Большевики», а Шапошникова пыталась его закрыть. Тогда победила Фурцева. И вот теперь Шапошникова решила взять реванш. Благодаря ее заступничеству «Доходное место» продержалось в репертуаре несколько месяцев (прошло 40 спектаклей). И все же в итоге спектакль был снят из репертуара, как некогда и другая постановка «Сатиры» – «Теркин на том свете». Так Андрей Миронов потерял одну из лучших своих театральных ролей. Парадокс, но и сто лет назад – в декабре 1857 года – тогдашняя цензура тоже запретила спектакль по идеологическим причинам.

Но вернемся в май 68-го.

19 мая Миронов играл в «Клопе», 20-го – в «Интервенции», 23-го – в «Дон Жуане», 24-го – в «Бане». После чего стал паковать вещи, чтобы присоединиться к съемочной группе «Бриллиантовой руки», которая еще 17 мая выехала в Адлер для натурных съемок фильма. Но, прежде чем выехать на юг, Миронов «обработал» Егорову. Он сообщил ей, что у него чесотка, которая наверняка передалась и ей. А посему им обоим надо лечиться – втирать в себя специальную микстуру. И он выдал ей два флакона чрезвычайно вонючей жидкости. «Надо втирать ее два раза в день – утром и вечером. Я буду мазать на юге, а ты – здесь». Доверчивая Егорова поверила. На самом деле Мироновым двигала элементарная ревность. Он раздобыл эту жидкость у знакомого врача и преследовал одну-единственную цель – чтобы его возлюбленная пропахла этой гадостью настолько сильно, чтобы ни один мужчина не смог к ней даже приблизиться.

Съемки фильма возобновились 25 мая. В тот день группа курсировала между двумя городами – Сочи и Адлером, снимая следующие эпизоды: Граф кидает трость в машину (эпизод из пролога фильма); Граф подходит к пихте, где прячется Лелик, и докладывает: «Клиент дозревает», после чего направляется к туалету типа «сортир»; Горбунков, Надя и двое их детей идут по улице (снимали в Адлере на Приморском бульваре). В ролях детей снимались: сын поэта и журналистки Митя Николаев (его Никулин выбрал по картотеке, мальчик попал туда, когда проходил пробы к фильму Ларисы Шепитько «Крылья»), и девочка из рабочей семьи Саша Лисютина (ее нашли в одной из московских школ).

В «Бриллиантовой руке» Миронов снимался с огромным вдохновением, поскольку роль Графа идеально ложилась в русло его актерского темперамента, позволяла широко импровизировать. Мало кто знает, но знаменитый жест Графа –

откидывание головы назад с видом гордой независимости – придумал сам Миронов. Как писал позднее К. Рудницкий: «Миронов вносит в кинокомедию особый, театральный привкус актерской импровизации. Даже если вы опытный зритель и понимаете, что каждый эпизод снимался несколько раз, что были „дубли“, более или менее удачные, пока режиссер не остановился вот на этом варианте и не включил его в фильм, все равно вас не покидает ощущение только что, сию минуту найденной актером позы, внезапного „сбоя“ уверенной походки, вдруг озадаченного моргания глаз, вдруг плаксивого выражения лица, вдруг угаданной смены интонаций. Приходилось читать статьи, в которых Миронова хвалили за эту импровизационность, за то, что в его актерских созданиях ощутим, говоря словами Маршака, „веселый жанр черновика“. Однако связывали „кажущуюся неряшливость манеры“ с тем, что у Миронова якобы нет „идеальной чистоты линий“.

Это – заблуждение. Весь «фокус» Миронова состоит именно в том, что идеальная чистота линий и безукоризненное благородство внешней формы – мимической, пластической, интонационной – сохраняют у него свежесть сиюминутной находки, внезапность актерской шалости, непринужденность озарения, простоту и легкость случайной догадки…»

Но вернемся на съемочную площадку. 30 мая в Адлере снимали эпизоды: Граф вручает детям цветы, а жене Горбункова мороженое. Но затем вспоминает наставления Лелика и исправляет свою ошибку; жена Горбункова сообщает Графу, что муж ее обманывал: у него под гипсом не закрытый, а открытый перелом; Граф уговаривает Горбункова съездить на рыбалку с ночевкой. Горбунков от ночевки отказывается: мол, боюсь руку застудить. Договорились ехать с утра; сын Горбункова Максим стреляет из игрушечного пистолета мороженым в лицо Графа.

Вспоминает Ю. Никулин: «Сидим в машине, а Леонид Иович смотрит сценарий, отмечает снятые кадры и говорит мне:

– Завтра с утра снимаем семью Семена Семеновича и Графа в кафе. После ужина приходи ко мне в номер порепетировать. Подумай, какие смешные ситуации могут возникнуть за столом.

Утром мы приезжаем на съемку эпизода «Сцена в кафе». Гайдай сидит в уголке и делает пометки на полях сценария. Рядом его неизменный портфель, в котором всегда бутылка минеральной воды и пожелтевшая пластмассовая чашка, сопровождающая Гайдая на всех фильмах.

Идет подготовка к съемке. Устанавливают камеру, свет, застилают скатертью столик. Потом долго ищут детей, участвующих в съемке, которые без спросу убежали к морю.

Только поправили грим актерам, оператор потребовал поднять на пять сантиметров стол, за которым мы сидим с Мироновым. Плотник набил под каждую ножку по деревянной плашке.

Снова провели репетицию. И тут ассистент режиссера заметил, что надо сменить цветы, которые Миронов подает Гребешковой. Цветы сменили. Пока меняли цветы, растаяло мороженое. Послали за ним человека. На это ушло еще двадцать минут. И вот наконец все готово: стол на нужной высоте, свежие цветы качаются в вазе, мороженое принесено. Включили свет, приготовились к съемке. Но за несколько часов подготовки мы настолько устали и разомлели на жаре, что потеряли нужное актерское состояние. И тогда в кадр врывается Гайдай. Он тормошит нас, громко говорит за каждого текст, подбадривает, поправляет у Миронова повязку на глазу, а у меня кепочку, и наконец мы слышим энергичную команду:

– Мотор, начали!

К этому времени мы снова в форме и делаем все, как требуется…»

Кстати, «мороженое», которым мальчик попадает Графу в лицо, вовсе не мороженое, а смесь творога с молоком. Кидал его в актера ассистент режиссера, причем было сделано восемь дублей, которые Миронов стоически вытерпел.

31 мая (Адлер) – семья Горбунковых сидит за столиком в летнем кафе; Граф в машине сообщает: «Клиент прибыл». Съемочный день строился так: с 7.00 до 8.30 снимали, после чего остановились – набежали тучи. Съемку возобновили в 17.30 и снимали до 20.30.

1—2 июня – выходные дни.

3 июня – съемочная группа перебазировалась на 29-й километр Красной Поляны. Недалеко от этих мест Гайдай два года назад снимал «Кавказскую пленницу» (эпизоды в реке), теперь здесь предстояло отснять «развилку». Из-за пасмурной погоды сняли всего четыре кадра (15 полезных метров): Володя зевает в такси; Граф и Горбунков подъезжают на мотоцикле к развилке и др.

4 июня (Сочи) – съемку хотели начать в 6.30, но пасмурная погода не позволила этого сделать. Работать начали в 10 утра. Сняли эпизоды: Горбунков выходит из подъезда; Михал Иваныч и Горбунков читают записку от Анны Сергеевны, милиционер, понюхав ее, определяет парфюмерные пристрастия ее хозяйки: «Шанель номер 5».

5 июня (Сочи) – Граф спотыкается на ступеньках подъезда Горбункова; Лелик подъезжает на такси к подъезду, где его ждет Горбунков.

7 июня (Сочи) – из ворот отделения милиции выезжает «воронок»; Горбунков ловит Графа и Лелика в водяную ловушку на мойке. Кстати, мойку специально соорудили в Центральном районе Сочи. Вот как описывает происходящее побывавший на съемках корреспондент журнала «Советский экран» Л. Ягункова:

«…Что делать человеку, если завтра вставать в шесть утра? Очень просто: надо включить радио. Как бы крепко ни спал, радио разбудит.

Актер Юрий Никулин просыпается без пяти шесть. У него свой способ. Очень простой. Просто-напросто в назначенное время он говорит себе «подъем» и открывает глаза. Старая привычка. Еще со времен армии…

В общем, самый обычный день: подъем по радио, манная каша на завтрак, выезд.

Где-то внизу – море, где-то наверху – горы, а впереди – объект – самая что ни на есть обыкновенная автомобильная мойка.

Всякий съемочный день в группе Леонида Гайдая, работающей над комедией «Бриллиантовая рука», начинается с небольшой «эмоциональной разминки» – этакой иронической импровизации, шуточных вариаций на тему будущего эпизода. Собственно говоря, без такой разминки не работают ни в одной съемочной группе, но для актеров Гайдая эта разминка прямо-таки необходима: она всякий раз приносит какие-то находки. А там, где находки, там и радость, та самая радость, которая нужна мастерам комедийного жанра, как витамины. Недаром на первой странице режиссерского сценария рукой Гайдая записана строжайшая заповедь большого мастера кино Б. Барнета: «Пока не ощутишь радость – кадра не снимай».

А между тем на съемочной площадке часто бывает не до смеха. Вот, например, сегодня: шут его знает, что за агрегат эта самая автомобильная мойка и каких от нее можно ждать каверз? Сопровождаемый целой оравой мальчишек, появляется невозмутимый человек, который один только может запустить эту махину. Но взамен он требует, чтобы ему рассказали ну если не сюжет фильма (сюжет держится в строжайшей тайне), то по крайней мере содержание эпизода. И тут выясняется, что популярнее всего могут объяснить механику его «сверхзадачу» актеры.

– Так вот, – говорит А. Папанов, взяв под руку Андрея Миронова, – мы с ним гонимся вот за этим типом, – кивок в сторону Ю. Никулина.

– За Балбесом, – радостно подхватывает механик.

– Должен вам сказать, что на сей раз это не Балбес, а весьма примерный, добропорядочный человек. Положительный герой,

словом.

– А почему у него рука в гипсе? – вылезает вперед кто-то из мальчишек.

– Много будешь знать – скоро состаришься… Так вот, мы загоняем его в мойку. Бежать некуда. И тут наш герой в панике нажимает какие-то рычаги, а дальше, как у Чуковского: «И сейчас же щетки, щетки затрещали, как трещотки…» В общем, он нам устраивает изрядную баню… Давайте-ка порепетируем…

И начинается импровизация – легкая, стремительная, элегантная. Скорее всего она не войдет в фильм: слишком уж эксцентрична, но главная, да-да, не побоюсь преувеличения, актерская задача выполнена – съемочная группа «настроилась» на нужную волну.

Вы скажете – какая чепуха: не могут же в самом деле актеры отвечать за настроение всей группы! Но снимается-то комедия!.. Здесь без праздника нельзя. Актеры хорошо понимают это…»

Именно в те дни с Мироновым произошел забавный эпизод, который потом стал легендой. Перед утренней съемкой, когда Никулин, Миронов и Папанов готовились войти в кадр, сквозь милицейское оцепление к актерам прорвался мужчина, который, несмотря на раннее время, был уже подшофе. Мужик, увидев своего кумира Юрия Никулина, отодвинул локтями Миронова и Папанова и, повиснув на шее у актера, потряс съемочную площадку громким возгласом: «Здорово, распиз…й!» Как признается потом сам Миронов, он тогда жутко позавидовал Никулину – эта реплика и само братание наглядно демонстрировали окружающим, каких высот достигла слава Юрия Никулина среди рядового зрителя. Миронов почему-то полагал, что ему такой славы никогда не достичь. Как мы теперь знаем, он ошибался. И спустя пять лет после этого случая с самим Мироновым произойдет точно такая же история на съемках фильма «Невероятные приключения итальянцев в России». Но об этом рассказ впереди.

Во время съемок за пределами съемочной площадки Миронов чаще всего проводил время с Никулиным или Папановым. А вот Нонну Мордюкову он терпеть не мог, считая ее женщиной малокультурной и склочной. По имени он ее не называл, предпочитая обращаться к ней «девушка». Брезгливая гримаса каждый раз сопровождала его лицо, когда Мордюкова неправильно произносила слова. В таких случаях он обязательно ее поправлял, но делал это как-то не по-доброму, язвительно. В свою очередь и Мордюкова в долгу не оставалась, называя его «маменькиным сынком» и частенько подкалывая: мол, дитятко, ты что-то давно не звонил своей мамочке. Но вернемся на

съемочную площадку.

9 июня съемки попеременно велись то в Адлере, то в Сочи. Были сняты эпизоды: Граф и Лелик наблюдают за Горбунковым в подзорную трубу, при этом Лелик наставляет компаньона: «Детям – мороженое, его бабе – цветы. Смотри не перепутай, Кутузов»; Лелик видит эффектную блондинку Анну Сергеевну; Горбунков, поднимаясь по ступеням гостиницы «Атлантика», теряет записку Анны Сергеевны; Лелик и Граф из машины следят за окнами номера блондинки, Лелик приказывает: «Следить за сигналом!»; Лелик звонит Шефу из будки; Лелик возвращается в машину, где его ждет Горбунков, и радостно сообщает тому, что к жене он приедет как огурчик: без гипсу, без пыли, без шуму – гипс разрешили снять сегодня. «Поймали?» – спрашивает Горбунков. «Поймали», – отвечает Лелик. «А кто он?» – «Лопух».

Далее Лелик объясняет: «Зачем возвращаться? Не будем терять времени: у нас есть точка на трассе, там и сымем гипс. Как говорит наш дорогой Шеф Михал Иваныч: „Куй железо, не отходя от кассы“. Быстренько сымем гипс, выпотрошим его – и полный порядок». Горбунков в ответ просит: «Товарищ старший лейтенант, только прошу вас все ценности принять по описи». – «Ну, какой разговор – по всей форме: опись, протокол, сдал, принял, отпечатки пальцев».

Вспоминает С. Светличная: «В „Бриллиантовой руке“ у меня было всего пять съемочных дней в Сочи и в Адлере (в Адлере снимали смотровую площадку. – *Ф. Р.*). Когда они закончились, мы это отметили с шампанским. Хорошо так отметили, не пожалели. А потом вдвоем с Андрюшей (Мироновым. – *Ф. Р.*) пошли купаться на море. Я заплыла черт-те куда и стала тонуть – по-настоящему, до сих пор страшно вспомнить. И Андрюша меня спас – понимаете, я ему жизнью обязана. Потом мы долго целовались на берегу – только целовались! – а утром я улетела в Москву. Вот такой короткий флирт… У актеров и актрис, которые снимаются вместе, очень часто возникает взаимное влечение. Работе это не мешает, даже наоборот, но вредит семейной жизни. Особенно когда в семье оба актеры…»

10 июня (Сочи, Адлер) – сон Графа: Лелик и Граф подъезжают к дому Горбункова; Граф лезет по веревке на балкон; Володя знакомится с Горбунковым: «Вам привет от Михал Иваныча»; Володя подвозит Горбункова к подъезду его дома и переспрашивает: «Значит, точно будете на Черных камнях?»; Лелик спешит к Белой скале и зевает в машине; продрогший до костей Лелик выходит из-за пихты, чтобы взглянуть на часы – клиент опаздывает.

Затем в течение недели Миронов не снимался. 11 июня он

играл на сцене Театра сатиры в «Дон Жуане», 14-го – в «Интервенции», 16-го – в «Бане», 17-го – в «Интервенции». 19 июня он снова вышел на съемочную площадку. В тот день в Сочи, на борту теплохода «Россия», на время съемок переименованного в «Михаила Светлова» (любимый поэт Леонида Гайдая), предстояло снять эпизоды с участием Никулина и Миронова. Однако из-за пасмурной погоды (солнце выглянуло всего лишь на час – с 11.30 до 12.30) в тот день удалось снять всего лишь один кадр: на палубе теплохода Граф расспрашивает Горбункова про гипс на руке: «Неужели ты ничего не помнишь?» – «Почему, помню», – отвечает Горбунков. «Что помнишь?» – настораживается Граф. – «Поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – гипс». – «Все?» – «Все». Граф удовлетворен таким ответом и, прижимая загипсованную руку Семен Семеныча к своей груди, произносит: «Лучше бы я упал вместо тебя».

21 июня (Сочи) – моторная лодка в море; Лелик наставляет Графа перед отправкой в круиз: «Фиш-стрит – Рыбная улица. Аптека „Чиканука“. Граф его успокаивает: „Лелик, я все прекрасно помню“. Но Лелик не унимается: „Все должно быть достоверно. Упал, вырвалось…“ – „Черт возьми…“ – продолжает Граф и тут же спохватывается: „О, прости: „Черт побери“. Лелик: „Смотри не перепутай! Травма… все достоверно. Как говорит наш дорогой шеф: в нашем деле главное – этот самый реализьм“; Граф и Горбунков на палубе, Граф, услышав, что его компаньон по круизу любит „Песню про зайцев“, заявляет: „Сеня, про зайцев – это не актуально“; Граф поет песню «Остров невезения“:

Весь покрытый зеленью, абсолютно весь,
Остров невезения в океане есть…
Там живут несчастные люди-дикари,
На лицо ужасные, добрые внутри…

23 июня (Сочи) – Граф стоит за стеклом и наблюдает, как Горбунков проходит таможню; Граф и Лелик в машине, Граф указывает на появившегося Горбункова: «Вот он. Все в порядке – товар как в сейфе». Лелик спрашивает: «А ключ?» «Что?» – не понимает Граф. Лелик объясняет: «Как говорит наш любимый Шеф, если человек идиот – это надолго»; Граф и Лелик наступают на Горбункова на мойке. Из-за внезапно начавшегося дождя удалось снять всего лишь четыре кадра (6 полезных метров).

27 июня (Сочи) – пассажиры проходят через таможню (из пролога фильма); контрабандист в очках (И. Василенко) садится в шезлонг и ставит рядом трость; Граф меняет трости.

28 июня – выходной день.

29 июня (Адлер) – Граф и Горбунков подъезжают к Белой скале; Горбунков ловит рыбу; передает леску Графу.

Отснявшись в своих эпизодах, Миронов вылетел в Москву, где вечером того же дня, 29 июня, сыграл в «Клопе». 30-го это была уже «Баня».

Тем временем съемочная группа «Бриллиантовой руки» ведет подготовку к дальнейшим съемкам: строители начали возводить декорацию «Песчаный остров» у поселка Агой возле Туапсе (рядом с пансионатом «Орленок»).

10 июля (Туапсе, 10 км от города) – Граф достает из портфеля костыль, подходит сзади к Горбункову; Горбунков ловит рыбу; Граф замахивается костылем, но Горбунков замечает это.

11 июля (Туапсе) – Граф роняет в воду костыль; Граф подходит к Горбункову с камнем в руке; Горбунков бьет Графа гипсом в живот; леска бьет Графа по голове; Горбунков тянет леску; Граф падает в воду.

12 июля (Туапсе) – солнце в тот день выглянуло из-за туч всего лишь на полчаса, из-за чего удалось снять всего лишь один кадр (6 полезных метров): Горбунков мечется по берегу.

13 июля (Туапсе, у «Орленка») – Граф, попав на необитаемый остров, кричит: «Помогите! Спасите! SOS!»; к Графу подходит мальчик с сачком (сын Юрия Никулина Максим): «Дядя, вы чего кричите?», на что Граф отмахивается: «Иди, мальчик, не мешай»; мальчик идет по воде; Граф дает пинка мальчику.

Вспоминает Ю. Никулин: «Воспользовавшись тем, что наш десятилетний сын Максим проводил летние каникулы с нами, Гайдай занял и его в эпизоде. Максим снялся в роли мальчика с ведерком и удочкой, которого Граф встречает на острове. Максим с энтузиазмом согласился сниматься, но, когда его по двадцать раз заставляли репетировать одно и то же, а потом начались дубли, в которых Андрей Миронов бил его ногой и сбрасывал в воду, он стал роптать. Время от времени он подходил ко мне и тихо спрашивал:

– Папа, скоро они кончат?

«Они» – это оператор и режиссер. У оператора Максим все время «вываливался» из кадра, а Гайдай предъявлял к нему претензии как к актеру. Например, когда Миронов только замахивался ногой для удара, Максим уже начинал падать в воду. Получалось неестественно. Чувствовалось, что Максим ждет удара. После того как испортили семь дублей, Гайдай громко сказал:

– Все! В следующем дубле Миронов не будет бить Максима, а просто пройдет мимо.

А Миронову шепнул: «Бей, как раньше. И посильней».

Успокоенный Максим, не ожидая удара, нагнулся с удочкой и внезапно для себя получил приличный пинок. Он упал в воду и, почти плача, закричал:

– Что же вы, дядя Андрей?

Эпизод был снят…»

И еще один отрывок – из заметки корреспондента краснодарской газеты «Советская Кубань» С. Милюкова, который в те июльские дни находился в Туапсе и наблюдал за ходом съемок:

«Уютный, спрятавшийся за скалой уголок Черноморского побережья близ Туапсе. Ослепительное июльское солнце. Лазурное море. Нежный, освежающий ветерок. И тишина. Вдруг совсем рядом душераздирающий крик: „SOS! SOS! Спасите! Помоги-и-и-те! Мамочка ро-о-о-одная! SOS!“ На крошечном островке мечется мокрый, взлохмаченный человек. Энергично размахивает палкой с тряпкой на конце, истошно вопит.

Курортники, загорающие на пляже километрах в двух отсюда, тревожно поглядывают в море. Спасательный катер стрелой понесся к месту происшествия. Но едва приблизился к острову, над морем загремел усиленный мегафоном сердитый голос: «Назад, товарищи! Вы же въехали в кадр! Здесь киносъемка!» Выругавшись («Только людей пугают!») и облегченно вздохнув («Слава богу, не утопленник, а киношники…»), спасатели поворачивают обратно. А актер по команде режиссера вопит еще громче, еще естественнее, так, что холодеет душа, и, наконец, неуклюже плюхается в море, поднимая фонтан сверкающих брызг. Затем все повторяется снова…»

14 июля (Туапсе) – Граф на острове падает на колени и молится; Граф идет по воде, подняв в руках корягу с плавками Лелика; Граф пинает мальчика.

15 июля (Туапсе) – из-за пасмурной погоды снимали всего два часа – с 13.00 до 15.00: Горбунков ловит рыбу у Белой скалы; Лелик вылезает из воды, слышит истошные вопли Графа и ругается: «Идиот!» Кстати, на самом деле Папанов ругал совсем не Графа, а… Впрочем, послушаем рассказ Я. Костюковского:

«Когда снимали сцену, в которой Папанов под водой нанизывает рыбу на крючок удочки Никулина, вода была довольно холодной. По вине кого-то из технических работников съемочной группы что-то там не ладилось, и приходилось снова и снова переснимать. После очередного дубля разгневанный Анатолий Дмитриевич Папанов, высунувшись из воды, рявкнул в сердцах на этого ассистента: „Идиот!..“ И это так замечательно прозвучало, что Гайдай вставил эпизод в картину, только адресовалось это уже Графу – Миронову…»

21—22 июля – группа возвращается в Москву.

16 и 19 июля в Театре сатиры давали «Интервенцию», 20-го – «Баню», 21-го – «Интервенцию», 27-го – «Клопа». 1 августа показали «Дон Жуана».

2 августа возобновились съемки «Бриллиантовой руки». В тот день в павильоне № 5 снимали следующие эпизоды: сон Графа: Граф заходит в квартиру Горбунковых, достает ножницы; Граф склоняется над спящим Горбунковым, хочет снять гипс, но рука с гипсом внезапно отделяется от тела и начинает летать по квартире; рука бьет Графа в глаз; Михал Иваныч, стоя у плиты, здоровается с Горбунковым; Михал Иваныч ест яичницу и открывает глаза Горбункову на его приятеля Гешу.

3 августа Миронов играл в «Бане», 4-го – в «Интервенции» и «Дон Жуане», 5-го – в «Интервенции».

9 августа состоялся худсовет по отснятому материалу (8 роликов). Приведу отрывки из некоторых выступлений, где речь идет об Андрее Миронове:

А. Столпер: «Путешествие мальчика по воде и танец Миронова – это великолепные вещи…»

М. Туровская: «Во многом мне понравился Миронов. Меньше, чем обычно, мне здесь нравится Никулин, там, где он в бытовых сценах…»

Э. Рязанов: «Материал у меня вызывает тревогу… Никулин в основном играет реальный план и вдруг делает трюки. Пока это органически не сочетается… Танец Миронова – полная неожиданность, я не был к нему готов. Это чистая условность…»

Л. Арнштам: «Миронову не хватает заземления, тогда сразу станет виден образ…»

10 августа Миронов вышел на сцену театра в «Клопе». 12-го это была уже «Интервенция».

15 августа съемочная группа выехала для съемок натурных эпизодов в Павловскую слободу. Снимались следующие сцены: Граф с муляжем грудного младенца стоит на дороге; машина с Леликом и Горбунковым проезжает мимо Графа; Граф садится на мотоцикл и бросается в погоню; Горбунков бежит по лесу и натыкается на Шефа; Лелик и Граф привязывают Горбункова и Шефа к дереву; с Горбункова снимают гипс; Горбунков разоблачает Шефа, тот в ответ произносит крылатую фразу: «Как говорил один мой знакомый – покойный: „Я слишком много знал“.

В течение следующих пяти дней Миронов в съемках не участвовал. 16-го он играл в «Дон Жуане», 19-го – в «Интервенции». Свободное время он проводил на даче своих родителей на Пахре, причем не с Егоровой, а в компании другой

девицы. Славно отдохнув, он 20 августа снова явился на «Мосфильм». В тот день на территории киностудии должны были снимать натурные эпизоды. Однако из-за пасмурной погоды работы велись всего лишь час (с 13.00 до 14.00). Были сняты эпизоды: Горбунков выбегает из ворот автостанции и напарывается на Графа; Лелик и Граф выбежали из ворот.

Утром 22 августа Миронов и Егорова проснулись в доме на Петровке, 22. Миронов включил радио, причем не советское, а «Свободную Европу», и услышал неожиданную новость – советские войска вошли в Прагу, чтобы подавить «бархатную революцию». Егорова была в ванной, когда туда ворвался потрясенный Миронов и буквально завопил: «Танька, наши танки в Праге! Это не страна, а держиморда какая-то! Тут всех пересажали, теперь за чехов взялись!» Однако долго обсуждать эту новость у обоих не было времени: Миронову надо было на съемку, Егоровой – на репетицию. Но вечером они договорились встретиться и все хорошенько обсудить.

В тот день в «Бриллиантовой руке» были сняты очередные «ресторанные» эпизоды: Граф и Горбунков за столом в ресторане, Граф заказывает водку, коньяк и пару бутылок пива, после чего произносит фразу-пароль: «Феденька, и хорошо бы дичь».

Вечером Миронов и Егорова отправились на квартиру к Игорю Кваше на улице Немировича-Данченко, где собралось не менее двух десятков человек, чтобы обсудить последние события в Праге. Собравшиеся бурно возмущались происшедшим, однако дальше слов дело не пошло: послать возмущенную телеграмму советскому правительству, как это сделал Евгений Евтушенко, никто не решился.

Кстати, пражские события самым прямым образом коснулись киношной карьеры Миронова. Весной этого года был закончен фильм «**Урок литературы»**, где он играл одну из ролей – внука известной писательницы Феликса. Фильм был широко проанонсирован в печати, в Доме кино состоялся его предварительный показ для избранной публики. Однако после пражских событий Госкино приняло решение запретить фильм к прокату. В нем не было никакой политики, однако цензура все равно придралась к сюжету – в нем главный герой (его играл Евгений Стеблов) совершал попытку хотя бы один день прожить без вранья. Это, собственно, в новых условиях и было сочтено как крамола. «Урок литературы» лег на полку, повторив судьбу еще нескольких фильмов, которые за год до пражских событий тоже были признаны идеологически неправильными: «Скверный анекдот» Александра Алова и Владимира Наумова, «История Аси Клячиной» Андрея Михалкова-Кончаловского, «Комиссар»

Александра Аскольдова, «Похождения зубного врача» Элема Климова, «Короткие встречи» Киры Муратовой, «Ангел» Андрея Смирнова, «Родина электричества» Ларисы Шепитько, «Интервенция» Геннадия Полоки. Премьеры всех этих фильмов состоятся спустя 20 лет – в конце 80-х.

В этот же список угодил еще один фильм с участием Миронова – **«Любить»** Михаила Калика. В нем цензура разглядела крамолу в документальных кадрах, где простые советские люди размышляют о любви. Картина за спиной Калика была изуродована цензурными ножницами до такой степени, что режиссер потребовал убрать его фамилию из титров. В поисках справедливости Калик обращался в суд, в ЦК КПСС, но все было напрасно – фильм был запрещен. Более того: чтобы наказать Калика за строптивость, была дана команда картину смыть. К счастью, ассистент режиссера Инесса Туманян сумела сохранить у себя дома одну из копий. Благодаря этому спустя двадцать пять лет Калик сумеет восстановить первоначальную версию фильма. Правда, Андрей Миронов до этого дня уже не доживет. Но вернемся в год 68-й.

23 августа Миронов играл в «Клопе», 25-го – в «Бане».

27 августа Миронов снова снимался в «Бриллиантовой руке». В 6-м павильоне были сняты эпизоды: Граф подходит к Борису Савельевичу (А. Хвыля) и произносит фразу-пароль: «Я заказал Феде дичь»; к столику Горбункова подходит незнакомец-амбал (Роман Филиппов); Горбунков мечется в поисках телефона; Горбунков в телефонной будке; Горбунков отказывается пить водку, но Граф незаметно делает ему «ерша».

Вечером того же дня Миронов вышел на сцену Театра сатиры в образе Дон Жуана.

Утром 28 августа Миронов снова был на съемках. В павильоне № 6 «Мосфильма» снимали следующие эпизоды: Граф в телефонной будке; незнакомец подсаживается к Горбункову: «Я тебя тоже не сразу узнал. Ты зачем усы сбрил?» «Что? – удивляется Горбунков. „Я говорю, зачем усы сбрил, дурик?“. – „У кого?“ – продолжает недоумевать Семен Семеныч. Тут к столику возвращается Граф. Незнакомец представляется: „Ладыжинский Евгений Николаевич – школьный друг этого дурика. Вы не знаете, зачем Володька усы сбрил?“ Граф обращается к Горбункову: „Сеня, быстренько объясни товарищу, почему Володька сбрил усы – у нас очень мало времени“. Ладыжинский смеется: „Вы уж простите – обознался. Вот усы вам – вылитый Володька Трынкин, вы-ли-тый“. Граф его торопит: „Товарищ, у вас когда самолет?“ „Да, пора, – соглашается Ладыжинский. – Ну, будете у нас на Колыме, милости просим“. От этих слов Граф поперхнулся водой:

„Нет уж, лучше вы к нам“; планы посетителей ресторана.

28 августа в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «Последний парад» А. Штейна. Миронов в спектакле занят не был, но он приехал посмотреть на Егорову, которая играла одну из ролей. На премьеру приехал также и Владимир Высоцкий, песни которого звучали в спектакле. До этого он полтора месяца снимался в Сибири, в фильме «Хозяин тайги», и только вчера специально прилетел в Москву, чтобы присутствовать на «Параде». Остался он и на банкет, который состоялся сразу после представления в фойе Театра сатиры. Там произошел неприятный инцидент. Егорова, которая догадывалась, с кем и как Миронов провел последние выходные на Пахре, решила ему отомстить – стала флиртовать с Высоцким. А тот, взяв гитару, стал петь одну песню за другой, всем своим видом показывая, что песни эти предназначаются ей, Егоровой. Миронов, естественно, это заметил. И когда после очередной песни Высоцкий взял тайм-аут, Миронов попросил Егорову выйти с ним в коридор. Девушка пошла, поскольку даже в мыслях не могла предположить, что ее там ожидает. А ожидало ее ужасное. Едва они оказались в коридоре, как Миронов развернулся и со всей силой заехал ей кулаком в лицо. Из носа Егоровой хлынула кровь, заливая ее белоснежную кофточку. Увидев это, Миронов мгновенно опомнился. Он схватил Татьяну за руку и поволок ее в мужской туалет. Там смочил платок в холодной воде и приложил к больному месту. Кровь остановилась. Поскольку возвращаться в зал было уже нельзя, они незаметно покинули театр. Их путь лежал на Петровку, 22, в дом родителей Андрея, которые были на очередных гастролях. И уже там случился еще один эпизод, на этот раз из разряда забавных. В пять утра Миронову позвонила одна из актрис Театра сатиры, которая сообщила, что готова ему немедленно отдаться. Актер воспринял это заявление всего лишь как шутку чрезмерно перебравшей на банкете женщины. Каково же было их с Егоровой удивление, когда эта дама действительно возникла на пороге их квартиры. Правда, ее присутствие длилось считаные секунды: увидев Егорову, нежданная гостья с диким воплем бросилась прочь.

29 августа съемки «Бриллиантовой руки» продолжились. Снимали эпизоды: Горбунков взбирается на сцену; Горбунков поет «Песню про зайцев»; Граф приседает у фонтана; Горбунков поет. Вечером того же дня Театр сатиры закрыл сезон в Москве, показав «Интервенцию» (после этого сцена театра на время была отдана под гастроли Ленинградского театра комедии). «Сатировцы» разъехались кто куда, но не Миронов: он остался в столице, поскольку продолжал сниматься у Гайдая.

Съемки Миронова возобновились 2 сентября. Все в том же 6-м павильоне «Мосфильма» были сняты эпизоды: крупный план Горбункова, сидящего за столом в ресторане; Шеф рассказывает друзьям, куда он собирается потратить деньги, полученные за сданный государству клад; Граф кусает Горбункова за гипс; Федя приносит дичь; Федя смотрит на сцену; Горбунков поет; Граф встает и направляется к сцене.

3 сентября (павильон № 6) – пачка «Беломора» на полу; лицо Анны Сергеевны; Граф подходит к сцене; Горбунков танцует и бьет ногами Графа; Горбунков разбивает стулом стекло (последнее на репетиции не билось, поэтому боялись, что во время съемки оно тоже подкачает, а если разобьется, то может поранить актеров, однако все получилось с первого же дубля); Шеф, Лелик и Граф в салоне «Москвича».

9 сентября (павильон № 6) – ведущая открывает показ мод: «Авторский коллектив: художник – Маргарита Семенова, архитектор – Рогалия Левицкая, главный конструктор – Альберт Мудрик». На подиум выходит Граф в белом костюме. Ведущая продолжает: «Летний комбинированный костюм „Универсал-69“. Поощрительная премия на областном форуме современной одежды в Житомире. Оригинальное конструктивное решение позволяет вам легко превратить пиджак в куртку. Но это еще не все. Легким движением руки брюки превращаются…» На одной из штанин внезапно заела «молния», и Граф никак не может с нею справиться. Ведущая тянет время: «Брюки превращаются… Превращаются брюки… – Наконец не выдерживает и заканчивает: —…в элегантные шорты. Простите, маленькая техническая неувязка»; следом за Графом на подиум выходят девушки в пляжных бикини; среди зрителей сидит Лелик, который что-то пишет в блокноте.

12—13 сентября группа переезжает в Баку для съемок эпизодов «за границей» (по сценарию это одна из арабских стран).

Съемки начались 17 сентября. Снимали эпизоды: улицы заграничного города; Горбунков щелкает фотоаппаратом; уличная проститутка (в этой роли снялась не профессиональная актриса, а филолог по образованию, работавшая в библиотеке, В. Островская, которую сосватала режиссеру невеста Леонида Каневского, игравшего одного из аптекарей-контрабандистов) затаскивает Горбункова в дом, но он выбегает через другую дверь; Граф идет по улице после посещения аптеки; уличная проститутка приглашает Графа зайти в дом, тот пропускает даму вперед, а сам убегает. Съемки шли с 7 утра до пяти вечера.

18 сентября – гид (в этой роли снялась жена Юрия Никулина Татьяна) просит Горбункова не отставать от экскурсии; экскурсия

идет по городу; проститутка хватает за руку Горбункова и пытается затащить его в дом. При этом она лопочет на непонятном языке: «О, айбьеха набаден, томас карональ, вьенораде колоссален муджарит погорелло, лунда хабаден, цигель, цигель, ай-лю-лю». Тут на помощь приятелю прибегает Граф, который вырывает Горбункова из рук девицы, приговаривая: «Ай-лю-лю потом. Нон, нихт, ни в коем случае». Горбунков все еще не понимает, что происходит, поэтому спрашивает: «Почему, может, ей что-то надо?» – «Что ей надо, я тебе потом скажу», – заявляет Граф, после чего вновь обращается к девице: «Леди, синьора, фрау, мисс, к сожалению, ничего не выйдет: руссо туристо, облико морале. Ферштейн?» И уводит Горбункова от девицы.

19 сентября – Граф мечется в лабиринте (сняли четыре кадра его плутаний, в том числе и последний – где он поднимает голову вверх). Сниматься Миронову было трудно: на улице жарко, а он облачен в дорогой докроновый (японская ткань) костюм, купленный в валютном магазине, и белую водолазку. Вот что рассказывает свидетель съемок Ф. Аликперов:

«На съемках Миронов очень нервничал. Некоторые его состояние принимали за заносчивость. Но на самом деле его уже тогда мучила экзема. Он все время гримера вызывал и требовал, чтобы тот постоянно был рядом. А оператору говорил: „Делай скользящий свет“. Диету соблюдал: „Фикрет, я выпью, может быть, до утра посплю“: кожа у него зудела. А грим ему вредил. Только вода морская помогала. А как без грима сниматься? Вот и мучился…»

20 сентября – Горбунков фотографирует город со смотровой площадки; Граф мечется в лабиринте (сняли начальный кадр, середину и конец – Граф в окружении детей выбирается из лабиринта).

21 сентября – экскурсия заканчивается, Граф хочет убежать от Горбункова, но тот его догоняет; у аптеки ждут двое (Леонид Каневский и Григорий Шпигель). Между ними происходит следующий диалог, который переводится закадровым голосом диктора: «Ну где же он?» – «Спокойно, должен прийти». – «Пароль старый: „Черт побери!“? А он точно с теплохода „Михаил Светлов“?» – «Нам сообщили так». – «Но теплоход через час уйдет». – «Заткнись». И вот тут герой Леонида Каневского выдает иноземное ругательство, которое состоит из 73 букв. Вот оно: «Поркомадоннадиумбестопербакокастеладимембранасхимарин чесарвест-итхамдураля». Переводчик переводит его коротко: «Простите, погорячился».

Как мы помним, герой Каневского в фильме был с

обнаженным торсом. О том, почему он снимался именно так, сам Л. Каневский вспоминает так:

«Знаменитый портной „Мосфильма“ Затирко сшил мне роскошный серый костюм с искрой. Я надел его с белой рубашкой, вышел. Гайдаю понравилось: „Красота!“ Но тела-то не видно – а вообще-то я достаточно смуглый для юга… Гайдай загорелся: „Давай посмотрим!“ И я снял этот роскошный костюм, надел белые брюки и вышел практически голым. Гайдай был в восторге: „Это лучший костюм Затирко!“

В Баку все мы жили в одной гостинице. После съемок ходили гулять по городу, вместе ужинали… А местные буквально носили на руках, угощали нас шашлыками и вином.

Сытые и довольные, глубокой ночью мы расходились по номерам. Но спать не всегда удавалось. Вот в три часа ночи – стук в дверь. Никулин: «Ты спишь? Я вспомнил потрясающий анекдот! Ты послушай!» Приходилось вставать и слушать… Уже тогда Юрий Владимирович обожал анекдоты и в любую секунду был готов выдать по поводу… Жизнь казалась сплошным праздником…»

А теперь вновь вернемся на съемочную площадку.

22 сентября – Горбунков выходит на улочку, ведущую к аптеке (это старая бакинская улица Малая Крепостная); аптекарь замечает Горбункова; Горбунков падает, поскользнувшись на арбузной корке (актер падал на матрас). В этот же день сняли кадры, когда возле аптеки падает Граф. В отличие от Никулина, Миронову матрас не понадобился – он упал на обе руки и мягкое место.

23—24 сентября – выходные дни за работу 21–22 сентября.

25 сентября – Граф убегает от Горбункова в лабиринт; улицы заграничного города (в съемках последних эпизодов были задействованы: пять велосипедистов, один верблюд, пять ослов, один мотоцикл, пять иномарок).

27 сентября – снимали эпизоды из пролога фильма: улицы заграничного города; Миронов бежит по лабиринту.

28—29 сентября – выходные дни.

30 сентября – съемочная группа уезжает в Москву.

2 октября – речевое озвучание фильма.

Между тем параллельно со съемками в «Бриллиантовой руке» Миронов в эти же дни включился в еще один съемочный процесс. На киностудии имени Горького режиссер Яков Сегель снимал киноальманах из двух новелл под названием «**Две улыбки»**. В одной из новелл – «Бабушка и цирк» – и начал сниматься Миронов, получивший роль дедушки в молодости. Съемки фильма начались еще в конце августа, однако работы велись в

экспедициях: в Брянске, Казани и Киеве (чуть позже в Риге). И только в конце сентября съемки сосредоточились в павильоне, куда и был вызван Миронов, чтобы отсняться в своей, в общем-то, не самой большой роли (всего шесть съемочных дней). Соответственно размеру роли была и его зарплата: при ставке в 25 рублей в день он удостоится гонорара в 369 рублей (для сравнения: актриса Лилиана Алешникова, игравшая бабушку в молодости, получит 579 рублей).

Тем временем 2 октября Театр сатиры открыл свой очередной сезон в Москве. В тот день была показана «Баня». Затем шли: 3-го – «Интервенция», 5-го – «Клоп».

Выходные дни (5–6 октября) Миронов провел с Егоровой. Днем они гуляли на Воробьевых горах, а вечера коротали в Волковом переулке. Именно там Егорова и узнала об отношениях ее возлюбленного с КГБ. Вышло это случайно. В коридоре зазвонил телефон, Миронов поднял трубку и мгновенно изменился. Минуту назад он был веселым и общительным, а тут его лицо буквально окаменело, фразы стали какими-то механическими. Заметив это, Егорова сразу после звонка стала допытываться, в чем дело. И Миронов не удержался – рассказал ей о том, что с весны его преследует КГБ, уговаривая согласиться сотрудничать с ним. «Что мне делать, Таня? – спрашивал Миронов. – Они обещают, если я не соглашусь, порушить мою карьеру». «Нечего было приставать к бабам!» – огрызнулась поначалу Егорова. Но потом сменила тон: «Чего ты боишься? Они же вместо тебя не придут на сцену играть Фигаро? И в „Бриллиантовой руке“ тоже не снимутся. Они просто пугают». Но Миронов ей не верил. Да и сама она, честно говоря, тоже мало верила себе, поскольку понимала – при желании КГБ может сделать с человеком все что угодно.

7 октября съемки «Бриллиантовой руки» возобновились. В 9-м павильоне снимали эпизод, где Граф и Горбунков знакомятся в каюте. Граф: «Это каюта 16, или, пардон, я ошибся?» – «Шестнадцатая», – подтверждает Горбунков. – Вы тоже здесь едете?» – «Да. Будем знакомы: Козадоев Геннадий Петрович». – «Очень приятно. Горбунков Семен Семеныч… А вы какие-нибудь сувениры с собой берете?» – «Нет, нет, нет». – «А я взял» – «Водку?»

8 октября Миронов играл в «Дон Жуане». На следующий день принял участие в озвучании «Бриллиантовой руки».

В эти же дни Миронова стала активно зазывать к себе в гости его партнерша по «Бриллиантовой руке» Нонна Мордюкова. Незамужняя актриса положила глаз на фартового Миронова еще во время съемок в Сочи и однажды даже попыталась обольстить

его прямо на пляже. Но Миронов в ее случае оказался крепким орешком. Ему, как мы помним, нравилась совсем другая партнерша по фильму – Светлана Светличная. Но романа с ней у него тоже не получилось. Что касается Мордюковой, то она от своих попыток в отношении Миронова не отреклась. И, уже будучи в Москве, стала названивать ему и приглашать к себе в гости. Когда Миронову это надоело, он решил покончить с этим раз и навсегда. В один из дней, когда Мордюкова в очередной раз ему позвонила, он принял ее приглашение. Но, вместо того чтобы прийти одному, взял с собой… Егорову. Когда Мордюкова увидела их на пороге своей квартиры, она поначалу опешила, а потом… пригласила обоих за стол. И они весело провели время за вкусным и сытным обедом. После этого звонки Миронову прекратились.

Между тем 10 октября съемки «Бриллиантовой руки» продолжились. В 9-м павильоне сняли эпизод: Граф и Лелик в костюмерной. Граф волнуется: «Что случилось, почему Шеф здесь?» – «Все меняется, операцию будем проводить у Белой скалы», – сообщает Лелик. «Почему не на Черных камнях?» – удивляется Граф. «Там днем слишком людно». – «Но у Белой скалы нет клева». – «Клев будет – это я беру на себя. Клевать будет так, что клиент позабудет обо всем на свете». «Дальше все идет по плану?» – спрашивает Граф. «Все так, как условились. Ты слегка оглушаешь его…» – и Лелик передает компаньону металлический костыль. «Лелик, но это же неэстетично», – замечает Граф. «Зато дешево, надежно и практично. Быстренько сымаем гипс и смываемся». – «А мое алиби?» – интересуется Граф. «Ты остаешься со следами насилия на лице, так же, как и жертва нападения неизвестных». – «Лелик, только я тебя прошу, чтобы…» – «Не беспокойся, Козладоев». Граф поправляет напарника: «Козадоев». Но Лелик стоит на своем: «Козладоев. Буду бить аккуратно, но сильно. Ха-а-а…»

11 октября (павильон № 2) – снимали инфракадры: Шеф, Лелик и Граф летят по воздуху в «Москвиче», при этом у Графа истерика, а Лелик горланит песню и философски изрекает: «Спокойно, Козладоев, сядем все…»

12—13 октября – выходные дни. Миронов и Егорова провели их на даче на Пахре. Причем он уехал туда утром, а она приехала только к вечеру, отыграв спектакль. Миронов встретил ее на веранде: он сидел в кресле, а на руках у него были… маленькие щенки. Он нюхал их и восторгался: «Ты посмотри, какая прелесть! Они так замечательно пахнут!» Потом они до двух часов ночи репетировали «Фигаро». На следующее утро отправились гулять на Пахру. Погода была пасмурная, но это их не остановило: они

облачились в плащи, вооружились зонтиками и отправились дышать свежим воздухом. Гуляли почти два часа.

В понедельник 14 октября в павильоне № 2 «Мосфильма» снимали инфракадр (2,5 метра) для «Бриллиантовой руки»: Горбунков вываливается из багажника «Москвича», парящего в небе. Миронова на съемках не было, поскольку вечером он играл в «Дон Жуане», а утром следующего дня впервые в жизни выехал в короткую заграничную командировку в одну из капиталистических стран – в Японию, сроком до 23 октября (он отправился туда вместе с режиссером Соколовским). А в «Бриллиантовой руке» в период с 15 по 21 октября шел монтаж фильма.

21 октября состоялся худсовет объединения по отснятому материалу. Как обычно, приведу отрывки из некоторых выступлений, где речь идет о герое нашей книги:

Соколовская: «Очень пластичен Миронов, обаятелен Никулин, интересен Папанов…»

Скиданенко: «Беготню по тупику Миронова необходимо сократить…»

Э. Рязанов: «Картина получается, стало много смешного, но у меня ощущение, что затянуто все, почти каждый эпизод. Не очень мне нравится сцена на пароходе, где поют Миронов и Никулин (Горбунков пел под гитару кусочек „Песни про зайцев“, этот эпизод из фильма вырезали. – *Ф. Р.*). Зритель еще к этому не готов. Сюжет должен развиваться стремительно, идти быстро к арбузной корке. Надо сократить гида и метания Миронова по лабиринту…»

23 октября Миронов вернулся из Японии. По этому случаю Егорова в тандеме с Александром Червинским приготовили ему роскошное блюдо, вычитанное в старинной поваренной книге – курицу с гречневой кашей. Из напитков раздобыли дефицитный джин с тоником. И когда Миронов ввалился в свою квартиру в Волковом переулке, роскошный стол был уже накрыт и ждал путешественника. Тот был уже подшофе (тяпнул с Соколовским в аэропорту) и с толстой сигарой во рту. Соответственно внешнему виду было и поведение хозяина квартиры: «Где мои гейши? – спросил он, не вынимая изо рта сигары. – Снимите мне ботинки!» А чуть позже: «Что это за дрянь? Кому пришло в голову набивать курицу гречкой? Я ее терпеть не могу!» Гулянка продолжалась до поздней ночи, поскольку Миронов никак не мог остановиться и буквально захлебывался впечатлениями от своей поездки.

Утром следующего дня прекрасное настроение Миронова было испорчено телефонным звонком. Звонил тот самый чекист, который пытался завербовать его весной. Разговор был коротким:

чекист назначил артисту свидание завтра у зоомагазина на Кузнецком мосту. «Суки!» – произнес в бешенстве Миронов, едва на том конце провода раздались короткие гудки. Но делать было нечего – надо было идти. Знай Миронов, что произойдет во время этой встречи, наверняка перенес бы ее на другое время. А произошло вот что. Егорова решила отвадить КГБ от своего возлюбленного и выбрала для этого самый простой пособ. Подкараулив чекиста, когда он подошел к Миронову, она выскочила из магазина и стала бить бойца невидимого фронта… серебряным подсвечником. При этом она оглашала улицу истошными криками: «Держи вора! Ах ты, педерас безглазый! Я тебе руки вырву, если ты еще раз к нему подойдешь!» На чекиста это нападение произвело такое впечатление, что он бросился бежать восвояси. Однако и самого Миронова происшедшее потрясло не менее сильно. Как итог: в тот же день он сделал Егоровой предложение руки и сердца. Она его с радостью приняла. И утром следующего дня они отправились в ЗАГС Краснопресненского района, что на Хорошевском шоссе. Регистрацию брака им назначили на 15 декабря.

25 октября Миронов снова предстал перед зрителями, пришедшими в Театр сатиры: в тот вечер давали «Клопа». На следующий день он играл в «Бане».

Тем временем близились к завершению съемки «Бриллиантовой руки». 28 октября на территории «Мосфильма» сняли эпизоды: Горбунков выбегает из гаража и встречает Графа; Горбунков в яме; Лелик и Граф выбегают из гаража. Вечером того же дня Миронов играл в «Интервенции».

29 октября был последний съемочный день у Гайдая. В павильоне № 7 сняли следующие эпизоды: крупный план бриллиантов; Лелик и Граф корпят над планом операции под названием «Дичь». Лелик: «Шеф дает нам возможность реабилитироваться. Местом операции под кодовым названием „Дичь“…» – «Как?» – удивляется Граф. «Дичь», – повторяет Лелик, – он определил ресторан «Плакучая ива». Строго на север порядка пятидесяти метров расположен туалет типа «сортир», обозначенный на схеме буквами «мэ» и «жо». Асфальтовая дорожка, ведущая к туалету, проходит мимо пыхты, где буду находиться я. Такова наша дислокация. Твоя задача: ты приводишь клиента в ресторан, доводишь его до нужной кондиции и быстренько выводишь освежиться. Убедившись, что клиент следует в заданном направлении, со словами: «Сеня, я жду тебя за столиком», быстренько возвращаешься на исходную позицию. Твое алиби обеспечено. Клиент, проходя мимо пыхты, попадает в мои руки, а дальше вопрос техники. Ясно?» «Да, да, я

вот только боюсь, как его довести до кондиции: он мало пьет», – волнуется Граф. На что Лелик отвечает: «Как говорит наш дорогой Шеф: „На чужой счет пьют даже трезвенники и язвенники“. Ха-а-а!»

30 октября Миронов играл в «Бане».

Ноябрь начался с «Интервенции» (1-го). Затем 7-го Миронов играл в «Бане». Все остальное время Миронов посвящал озвучанию своей роли в фильме «Бриллиантовая рука» (1–12 ноября).

16 ноября Миронов играл в «Дон Жуане», 17-го – в «Бане», 19-го – в «Интервенции», 22-го – в «Дон Жуане».

26 ноября худсовет объединения «Луч» смотрел готовый фильм «Бриллиантовая рука». Приведу отрывки из некоторых выступлений:

А. Столпер: «У меня радостное настроение. Материал меня настораживал, картина же получилась очень интересной. Чувствуется, что ее делали талантливые люди: это чувствуется в каждом кадре. То, что делает Миронов, – удивительно. В стриптизе Светличной, к сожалению, этого не хватает…»

Агранович: «Мне очень понравилась картина. Безумно смешная. Наш кинематограф давно такого не видел. Это огромный шаг вперед по сравнению с предыдущей картиной Гайдая…»

Э. Рязанов: «Картина отличная, большого мастера. Помимо того, что фильм прекрасен по своей сути, он еще великолепно оформлен и подан, продуманы до мелочей подробности… Мне не очень нравится номер Миронова на пароходе – это чисто вставной номер. Пробеги Миронова в лабиринте – длинноваты…»

27 ноября Миронов играл в «Клопе».

29 ноября «Бриллиантовая рука» была принята генеральной дирекцией «Мосфильма».

Согласно бухгалтерским документам, смета фильма составила 435 тысяч рублей. Однако съемочная группа израсходовала 426,5 тысячи рублей, тем самым сэкономив почти 9 тысяч. Зарплата создателей фильма распределилась следующим образом:

Л. Гайдай – 4949 рублей плюс 2000 за сценарий, Ю. Никулин – 5188 руб., Н. Гребешкова – 792 руб., А. Миронов – 1920 руб., А. Папанов – 2288 руб., С. Светличная – 346 руб., С. Чекан – 1395 руб., Н. Мордюкова – 1531 руб., Н. Романов – 658 руб., Л. Каневский – 122 руб., Г. Шпигель – 482 руб., В. Островская – 26 руб., А. Лисютина – 257 руб., Д. Николаев – 257 руб., А. Файт – 290 руб., Т. Никулина – 131 руб.

После приема картины дирекцией ее смотрела вся съемочная

группа. Среди приглашенных была и Татьяна Егорова. Вот как она сама вспоминает о том дне: «В маленький зал втиснулось много зрителей, среди которых были и Папанов, и Никулин, и Мордюкова. Гайдай сидел отдельно ото всех, в последнем ряду. И сейчас, через тридцать лет после премьеры этого фильма, от экрана, когда показывают этот шедевр по телевидению, невозможно оторваться! А тогда! В танцах, в пьянстве, в авантюрной заморочке всеми гранями блистал не укладывающийся ни в какие рамки, талантливый и причудливый дар русского человека. Андрей в сцене на палубе – „весь покрытй зеленью, абсолютно весь…“ – заряжал всех такой энергетикой, что, казалось, выпадал с экрана.

После просмотра мы шли по территории «Мосфильма», и я говорила:

– Тебя бог любит! Ты выиграл популярность, жизнь и свою неприкосновенность! Этот фильм – твоя охранная грамота. Что бы они ни делали, эти кагэбэшники, они уже опоздали. Они могут многое, но запретить любить тебя не могут. А после этого фильма ты уже любим всей страной…»

Праздновать премьеру вюбленные отправились в дом своих хороших знакомых – актрисы Театра сатиры Лилии Шараповой и ее мужа Павла Пашкова. Туда набилось много народу. Застолье продолжалось где-то до трех ночи, после чего началась хохма – гости стали на спор – кто быстрее вылезет – лазить в форточку на кухне. Победил Миронов, который умудрился пролезть в оконное отверстие, будучи в свитере.

2 декабря Миронов играл в «Интервенции», 4-го – в «Дон Жуане», 7-го и 13-го – в «Бане», 16-го и 20-го – в «Интервенции», 21-го – в «Клопе», 24-го – в «Дон Жуане», 28-го – в «Интервенции».

В эти же декабрьские дни в семье Миронова случилась беда – у Александра Менакера был инфаркт. Его госпитализировали в больницу, а Миронов срочно переехал на Петровку, чтобы поддержать мать. Егорова поняла – свадьбы, скорее всего, не будет. Так оно и вышло. Однако, несмотря на это, наступление нового **1969 года** Миронов и Егорова встречали вместе – в Доме актера. Публика там собралась изысканная, но самым экзотическим гостем была конечно же дочь генсека Галина Брежнева.

1969

1 января 1969 года свет увидел первый в новом году выпуск «Литературной газеты». В нем было опубликовано интервью Андрея Миронова, взятое у него за несколько дней до этого журналисткой Асей Гуткиной. Миронов с теплотой вспоминал некоторые события года ушедшего, делился своими планами на будущее. В частности, он сообщил, что пока не закончит свою новую роль в театре – Фигаро, – сниматься в кино не будет. Несмотря на то, что в прошлом году он снялся в двух фильмах, в интервью он вспомнил только про один – про «Бриллиантовую руку». Цитирую: «Играю я внешне блестящего молодого человека, который избирает неправильный путь в жизни и попадает все время в какие-то нелепые ситуации. Фильм выйдет в начале 1969 года, и все мы очень волнуемся: как примет зритель эту картину?»

Тем временем Плучек, поставив целью сыграть премьеру «Фигаро» весной, буквально не давал актерам продыху – репетиции шли утром, днем и вечером. Больше всех доставалось Миронову, роль которого требовала присутствия чуть ли не во всех сценах (за редким исключением). Учитывая это, в начале января Миронов был освобожден от участия в репертуарных спектаклях. И перед зрителями он вышел только 18 января в «Бане». Затем шли: «Интервенция» (21-го), «Клоп» (22-го), «Интервенция» (24-го), «Баня» (25-го), «Дон Жуан» (26-го).

Между тем близилась дата другой премьеры – фильма «Бриллиантовая рука». Однако еще за несколько месяцев до выхода картины в прокат над ней нависла угроза запрета. Поводом к нему едва не стало письмо, которое пришло 27 января 1969 года на имя секретаря ЦК КПСС, ведавшего культурой, Петра Демичева (спустя шесть лет он займет пост министра культуры СССР). Письмо было подписано некой группой ленинградских зрителей, которые успели посмотреть фильм во время предварительного показа у себя в городе. Приведу отрывок из этого послания:

«Недавно нам удалось посмотреть новый фильм „Бриллиантовая рука“, авторами которого являются: Я. Костюковский, М. Слободской и Л. Гайдай.

Конечно, нам нужны кинокомедии, мы их всегда очень ждем. Но очень огорчительно, что под шумок борьбы с имеющими (так в тексте. – *Ф. Р.*) недостатками протаскивается не только ложь, но и совершается, можно сказать, идеологическая диверсия.

В самом деле, откуда авторы взяли такую чушь, что будто у

нас могут отключить газ только за то, что кто-то не купит лотерейные билеты. Причем «носительница этих пороков» совершает подобные самоуправства после чтения газет.

Наша партия делает очень много в деле идейного воспитания советских людей. Но создатели фильма не стесняются «хитроумной шуткой» свести все это на нет. В самом деле, ведь это великое бедствие капиталистических стран, что там царит социальный контраст. А вот авторы фильма издеваются над этим положением. А ведь этот фильм, где играют популярные артисты, будут смотреть рабочая молодежь, студенты, воины Группы войск в Чехословакии…

В советском искусстве должны быть настоящие русские советские люди!..»

Из ЦК КПСС это письмо-кляузу (кстати, очень популярный эпистолярный жанр в те годы) направили в Главное управление художественной кинематографии. Оттуда 13 февраля его переправили на «Мосфильм» директору В. Сурину. Тот, в свою очередь, четыре дня спустя ознакомил с ним Леонида Гайдая. К счастью для советского искусства, это письмо не станет препятствием для выхода фильма на широкий экран.

И вновь вернемся к театральному репертуару Миронова. В конце января он сыграл в следующих спектаклях: 28-го – «Интервенция», 31-го – «Дон Жуан». Репертуар начала февраля сложился для него следующим образом: 1-го – «Баня», 7-го – «Дон Жуан».

8 февраля в Москве состоялась предварительная премьера «Бриллиантовой руки». Фильм демонстрировали на самой большой арене – во Дворце спорта в Лужниках. Сеансы шли вечером и продлились до 22 февраля.

И снова вернемся в Театр сатиры. 12 февраля Миронов играл в «Клопе», 14-го – в «Бане», 15-го, 18-го – в «Интервенции», 21-го – в «Дон Жуане», 24-го – в «Интервенции», 26-го – в «Клопе». Параллельно с этим продолжаются интенсивные репетиции «Женитьбы Фигаро». Из-за них Миронов был освобожден от текущих спектаклей в первой половине марта.

Тем временем 8 марта Андрею Миронову стукнуло 28 лет. Так вышло, но впервые за многие годы родителей именинника подле него не оказалось – они в те дни находились с гастролями в Ленинграде. Однако Миронов решил не нарушать традицию. Прихватив с собой Егорову, он рано утром вскочил на «Красную стрелу» и отправился в Питер. И когда спустя несколько часов они ввалились в родительский номер в гостинице «Астория», те были, конечно, в недоумении. Но затем родителями именинника овладели совсем иные чувства. Менакер был счастлив, а вот

Миронова не очень, поскольку рядом с сыном по-прежнему была ненавистная ей женщина. Чтобы не накалять обстановку, гости сразу после чаепития отправились гулять по городу. В гостиницу они вернулись спустя несколько часов исключительно для короткой церемонии: Миронов вручил маме роскошный букет, распрощался с родителями и отправился обратно в Москву, чтобы успеть на утреннюю репетицию.

9 марта Миронов вышел на сцену родного театра в спектакле «Дон Жуан, или Любовь к геометрии». 11-го это был «Клоп», 22-го – снова «Дон Жуан», 27-го – «Баня».

В конце марта сбылась наконец мечта Миронова – он стал автовладельцем, приобретя в личное пользование самый престижный в то время в Советском Союзе автомобиль «Волга». Как мы помним, помог ему в этом реставратор Александров (за его спиной стоял Менакер), а также «Мосфильм», выплативший ему гонорар за «Бриллиантовую руку» (почти 2 тысячи рублей). Конец марта и начало следующего месяца прошли в приятных хлопотах: автомобиль Миронова проходил техосмотр.

1 апреля Миронов играл в «Дон Жуане». А **4 апреля** состоялась премьера спектакля «**Безумный день, или Женитьба Фигаро»**. Аншлаг был такой же фантастический, как несколькими месяцами ранее на «Доходном месте». А ведь два этих спектакля практически ничего не связывало: «Место» прятало в себе фигу в кармане, а «Фигаро» было всего лишь красивой и невинной шуткой. Многие актеры, занятые в спектакле, даже роптали: дескать, другие театры ставят что-то актуальное, а мы сваяли развлекуху из французской жизни XVIII века. Однако развлекуха развлекухе рознь. То, как поставили в «Сатире» знаменитую пьесу Бомарше, стало настоящей сенсацией. Главным возмутителем спокойствия был конечно же Андрей Миронов, однако и остальные участники спектакля тоже не подкачали – играли столь же вдохновенно. В роли Графа блистал Валентин Гафт, в роли Сюзанны – Нина Корниенко (недавняя выпускница Школы-студии МХАТ), в роли графини Розины – Вера Васильева и т. д. Как пишет А. Вислова: «Вызывающе-изысканный тон задавался с самого начала спектакля. Как в старинном менуэте, галантно раскланиваясь по указке церемониймейстера, появлялись перед графскими покоями слуги, а в это время из глубины сцены под чарующие звуки „Маленькой ночной серенады“ Моцарта „выплывал“ в состоянии элегической задумчивости главный герой. Плучек буквально подавал его как подарок, сразу захватывая зрителя в план сценической условности. Ирония и вызов сквозили уже в этом наивно-откровенном сочетании прозаизма лестницы-стремянки с элегантной небрежностью позы

Фигаро. Да, этот человек занимает место, его не стоящее, но сколько в нем чувства собственного достоинства! Внешняя зависимость не лишила его внутренней свободы, сохранить которую, пожалуй, труднее всего. И не случайно далее следовал жест одновременно очень театральный и очень конкретный. Церемониймейстер протягивал Фигаро розу. В этом можно было заметить и приветствие актеру, который будет сегодня царить на сцене весь вечер, но и признание личности самого Фигаро…»

Послушаем еще одно мнение – К. Рудницкого: «Фигаро удавался многим. Это – заманчивая, полная блеска и живости роль. Однако, принимая ее, артист принимает на себя обязательство почти невыполнимое: сыграть Фигаро так, как до него не играли. Это все равно что найти белый гриб на асфальте посреди улицы Горького. Тем не менее…

Фигаро, каким его играет Андрей Миронов, – прежде всего влюбленный. Именно любовь дает ему право стать героем этого спектакля. Впрочем, не одна только любовь. Артист, свободно и счастливо распоряжаясь богатствами, которые предоставил ему гениальный автор, на протяжении всей пьесы не устает демонстрировать нам изощренный, тонкий, гибкий, смелый и проницательный ум Фигаро. Ум этот светится в глазах Миронова всегда, ум этот ему самому доставляет наслаждение и передается нам то сильной вспышкой афористически емкой фразы, то витиеватым, но интересным в каждой интонации движением длинного монолога, то азартом и риском увлекательных и опасных диалогов Фигаро с графом. У Миронова в этой роли заметно уже зрелое, виртуозное пластическое и интонационное мастерство, подкрепленное природным лукавым обаянием, подкупающей искренностью улыбки, теплотой взгляда. Его Фигаро – красивый человек, в нем свежесть чувства обручилась с ясностью ума, его движения уверенно небрежны, с легкой, едва уловимой аристократичностью и развинченностью. Такому Фигаро к лицу и роскошество костюмов, и вся нарядная внешность спектакля…»

12 апреля Миронов играл в «Дон Жуане». 14 апреля в «Вечерней Москве» появилась одна из первых рецензий на спектакль «Женитьба Фигаро», принадлежащая перу В. Фролова. Рецензия была положительная. Отзываясь об исполнителе роли Фигаро, рецензент писал: «Фигаро А. Миронова весел, неисчерпаем на выдумку, но он не шут, не забавник из водевиля…»

16 апреля Театр сатиры отправился на месячные гастроли в Ленинград, чтобы показать несколько спектаклей (в том числе и «Женитьбу Фигаро») местной публике (а в его здании на площади

Маяковского открыл свои гастроли в столице Ленинградский ТЮЗ). Миронов отправился туда отдельно от труппы – на своей новенькой «Волге», которую он только что приобрел и хотел хорошенько «обкатать». В попутчики себе он взял Егорову и двух актеров своего же театра – супружескую пару Веру Васильеву и Владимира Ушакова. В отличие от последних, Егорова чувствовала себя лишней – перед самым отъездом Миронов предупредил ее, что в Питере они будут жить в разных гостиницах. Татьяна сразу определила, откуда ветер дует – от мамы Андрея. Поэтому и вела себя соответствующим образом – была холодна. Не растопил ее сердце даже визит в Михайловское, к А. С. Пушкину.

В Ленинграде Миронов поселился в «Астории», а Егорова в более простенькой гостинице – «Октябрьской». На следующий день «Сатира» играла «Фигаро» на сцене Выборгского Дворца культуры. Как ни странно, но зритель реагировал на представление достаточно сдержанно. Для артистов это было неприятным открытием, поскольку в Москве все было иначе – восторг и овации. Однако в последующие дни питерская публика постепенно раскочегарилась, и артистам явно полегчало. Всем, кроме Миронова. Дело в том, что уже на третьи сутки пребывания в Питере он внезапно стал скучать по Егоровой и, плюнув на наставления матери, потребовал, чтобы она немедленно переехала к нему в «Асторию». Но Татьяна была крепким орешком и переезжать отказалась: дескать, мне и в «Октябрьской» неплохо. Миронов был в бешенстве, но поделать ничего не мог. Тогда он стал подсылать к Егоровой парламентеров, которые, по его мнению, смогли бы уговорить девушку одуматься. Сначала это была Татьяна Пельтцер, затем Вера Васильева и Ушаков. Но девушка держалась стоически. Тогда нервы Миронова не выдержали. Однажды он пригласил Егорову на прогулку по городу и, когда они стояли на набережной Невы, внезапно перекинул ее через парапет. К счастью, в самый последний момент он успел схватить ее за руки и держал так в течение минуты, требуя, чтобы она вернулась к нему. Но Татьяна и здесь проявила решимость, и Миронову не оставалось ничего другого, как вытянуть Егорову обратно. Тем более что эта сцена обратила на себя внимание прохожих. Правда, узнав в «утопителе» популярного артиста Миронова, они подумали, что тот репетирует очередную роль.

И все же переехать к Миронову Егоровой пришлось. Произошло это вечером того же дня, когда та часть труппы, которая поселилась в «Октябрьской», отмечала день рождения одной из артисток. В разгар веселья в номер вошел Миронов,

молча взял Егорову за шкирку и поволок в ее номер, за вещами. Егорова сопротивлялась вяло, поскольку к тому моменту сама уже изрядно настрадалась без своего возлюбленного. На следующий день Миронов познакомил невесту со своим дедушкой Семеном Менакером. Как и отцу Миронова, дедушке невеста внука тоже понравилась. Жаль, что это мнение тоже ничего не значило – всем в доме Мироновых заправляла Мария Владимировна.

Пока Миронов находился на берегах Невы, **28 апреля** в Москве состоялась широкая премьера «**Бриллиантовой руки»**. Фильм начал демонстрироваться сразу в 43 кинотеатрах (в том числе и крупнейшем – в «России»). Поэтому, когда в середине мая Театр сатиры вернулся в Москву, первое, что увидели артисты, – аршинные плакаты фильма по всему городу.

По возвращении в столицу Егорова узнала приятную новость: ее мама с отчимом переехали на Кутузовский проспект, оставив Татьяне свою большую комнату в коммунальной квартире на Арбате. И девушка незамедлительно перебралась туда. Самое интересное, эти апартаменты жутко понравились Миронову, и он стал регулярно наведываться туда, а иной раз и жил там по нескольку дней кряду. Егорова была счастлива, но еще более счастливыми выглядели ее соседи (а это еще четыре семьи), которым судьба подбросила счастливую возможность живьем лицезреть артиста Андрея Миронова.

Майский репертуар Миронова в Театре сатиры выглядел следующим образом: 23-го – «Интервенция», 24-го – «Баня», 25-го – «Дон Жуан», 27-го и 31-го – «Женитьба Фигаро».

Июнь начался для Миронова с «Интервенции» (3-го). Затем шли: 4-го – «Женитьба Фигаро», 6-го – «Баня», 7-го – «Женитьба Фигаро», 8-го – «Интервенция», 10-го – «Женитьба Фигаро», 11-го – «Интервенция», 13-го – «Клоп», 14-го – «Женитьба Фигаро», 15-го – «Интервенция», 16-го, 23-го – «Дон Жуан», 24-го – «Интервенция», 28-го и 30-го – «Женитьба Фигаро».

Тем временем по стране продолжается триумфальное шествие «Бриллиантовой руки». Успех фильма был безоговорочным: его с восторгом приняла как высоколобая критика, так и рядовой зритель. Как итог: фильм посмотрит рекордное количество зрителей за всю предыдущую историю советского кинематографа – 76 миллионов 700 тысяч (на 16 тысяч больше, чем два года назад «Кавказскую пленницу»). Несмотря на то что в фильме был собран поистине звездный актерский состав, все же львиной долей успеха картина была обязана Андрею Миронову. Графа он сыграл не просто блестяще, а архиблестяще. Он был именно тем мотором фильма, тем

центром притяжения, вокруг которого, собственно, и крутилось все действие. И даже несмотря на то, что все выкрутасы Графа заканчивались провалом, получалось это у него настолько изящно, что зритель безоговорочно отдавал ему свое предпочтение. Эта была роль наоборот – герой отрицательный, а отношение к нему диаметрально противоположное.

Именно в «Бриллиантовой руке» состоялся полноценный дебют Миронова как певца. Говорю полноценный, поскольку однажды он уже пел на экране: в фильме «Три плюс два» (1963) бренчал на гитаре песенку «Любовь – это яд». Но там был спет всего лишь один куплет. А в «Бриллиантовой руке» Миронов развернулся во всю ширь своего таланта – полновесная песня с танцем, да еще реплика «О, йес би чел» в духе любимого Луи Армстронга в концовке произведения. А ведь еще с детства родители Миронова считали сына безголосым и не имеющим никакого слуха. Поэтому учили всему, кроме музыки. И вдруг – такой блестящий результат. Мало кто знает, но этот дебют едва не сорвался по вине режиссера фильма Гайдая. Песню «Остров невезения» он в свой фильм включать не собирался, так как места для нее в нем не было. Однако Юрий Никулин посоветовал использовать для этой песни эпизод на теплоходе. И песня состоялась. Стоит отметить, что самому Миронову она нравилась чуть меньше, чем песня «А нам все равно» в исполнении Никулина. Еще в процессе съемок Миронов сетовал: «Вот твою песню, Юра, народ петь будет, а мою – нет». Однако он ошибся: едва фильм вышел на широкий экран, обе песни приобрели в народе огромную популярность. Как итог: спустя месяц после выхода фильма на широкий экран фирма грамзаписи «Мелодия» оперативно выпустила гибкую пластинку с музыкой и песнями из этой картины. И практически из каждого окна теперь разносилось: «А нам все равно…» и «Весь покрытый зеленью, абсолютно весь…». Это была первая грампластинка Миронова-певца.

Между тем советская пресса встретила фильм восторженно, о нем положительно отзывались как центральные издания, так и периферийные. Например, З. Боровая в газете «Полярная правда» (номер от 3 июля) писала: «С отличным настроением сделан фильм. Жизнерадостно, ярко, весело, широко. Сочные краски, музыка, милые забавные песни – все это создает определенный настрой! Картина оставляет очень хорошее впечатление…»

Однако были в огромном потоке восторженных рецензий и критические, которые сейчас (когда время справедливо расставило все по своим местам) читать особенно интересно. Приведу некоторые из этих рецензий. Например, некто Л.

Крайчик в воронежской газете «Молодой коммунар» (3 июля) таким образом припечатал фильм к позорному столбу:

«Бриллиантовая рука» снята как фильм-пародия. Пародия на детектив. К сожалению, пародийно выглядят в фильме лишь некоторые формальные приемы (заставки, титры, редкие мизансцены). Что же касается содержания, то слишком уж оно безраздумно.

О ком фильм? О контрабандистах? Но они выглядят в комедии столь убогими и примитивными, что их и в расчет-то можно не принимать. Об отечественных прожигателях жизни? Но они словно сошли с карикатур пятнадцатилетней давности. О ретивых доброхотах из домового комитета? Но эти персонажи слишком эскизны и не занимают в фильме большого места…

Сатирик всегда идет чуточку впереди общества, помогая ему – обществу – увидеть себя со стороны, заставляя общество, хохоча, засучивать рукава и браться за дело… «Бриллиантовая рука» не только не открыла ничего нового, она и прежние-то наши недостатки так добродушно изобразила, что волей-неволей начинаешь думать: а не заключена ли вся мудрость суетного нашего века в железобетонной формуле «Дворник – друг человека»?

Л. Гайдай собрал в «Бриллиантовой руке» под свои знамена талантливых актеров. Но ни А. Папанову, ни А. Миронову, ни Ю. Никулину, ни С. Чекану, ни Н. Мордюковой, ни С. Светличной играть в фильме, по существу, нечего. А играть-то что-то надо. И тогда на помощь приходят нелепые жесты, ужимки, пошловато звучащие фразы. И тогда уже не удивляешься тому, что один жулик говорит второму: «Имеется строение с буквами „эм“ и „жо“; что полураздетая „гурия“ кричит истерично: „Не виноватая я! Не виноватая я!“; что песенка о зайцах оказывается заглушенной столь любимой комедиографами пьяной дракой.

Комедия «Бриллиантовая рука», конечно, во многом уступает предыдущим фильмам Леонида Гайдая».

А это уже отрывок из заметки М. Розовского, которая появилась на страницах «Советской культуры» 6 мая («Что сказал бы Аристотель»): «Никулин смешон всегда, когда сам этого желает. Это общеизвестно. Но в „Бриллиантовой руке“ смешными хотят быть все. Анатолий Папанов иногда даже слишком. Но всеобщая безудержная веселость требует от актеров полной свободы самовыражения, и мы, помня о том, что им, бедным, не так уж часто дозволяют показывать свои фейерверки на нашем экране, поймем их законные стремления. Особенно ярок Андрей Миронов, который легко, свободно и артистично демонстрируя свое мастерство, способствует подтверждению неумолимо

правильной аристотелевской мысли: мы верим, что его Граф – настоящий подлец…

Неудачна ресторанная драка, в которой пародийный элемент не ощущается, а песенка, которую поет Семен Семеныч с ресторанной эстрады, не очень заслуживает, чтобы ее пели с эстрады, даже ресторанной… Гайдай давно закончил комическую школу с хорошими оценками… И зритель будет ждать от него теперь комедии высокой, то есть такой, в которой… была бы большая гражданская мысль и сокровенная духовность».

И еще несколько отрывков, на этот раз из республиканской прессы. «Вечерний Минск» (26 мая). Е. Крупеня: «Иногда постановщикам изменяет чувство меры. Взять хотя бы сцену в ресторане с традиционной для детектива дракой. Здесь авторы отходят от пародии, а песенка про зайцев, которую исполняет Юрий Никулин, просто плоха и не к месту…»

«Тамбовская правда» (6 июля), Н. Некрасова: «В „Бриллиантовой руке“ все чуть-чуть облегчено. И вот это „чуть-чуть“ и дает тот незаметный, на первый взгляд, сдвиг в сторону безобидности, который есть в фильме… Направленность новой комедии, ее сатирический запал несколько приглушены, смазаны как-то…»

И еще одна цитата, на этот раз из книги исследователя творчества Л. Гайдая Ивана Фролова. Он пишет: «Все эти вместе взятые недостатки и предопределили довольно прохладное отношение к „Бриллиантовой руке“ со стороны общественности. Даже начались разговоры о кризисе в творчестве режиссера».

Позволю себе не согласиться с этим выводом. Во-первых, разговоры о кризисе в творчестве Гайдая возникали постоянно, даже в годы, когда он снимал свои «золотые» хиты. Во-вторых, «Бриллиантовую руку» прохладно встретила не общественность (она-то как раз была в восторге от нее), а все те же критики, причем в своем неприятии они исходили из разных посылов: одни просто завидовали таланту Гайдая, другие оказались без элементарного чувства юмора. Сами посудите: как могла общественность встретить «Бриллиантовую руку» прохладно, если она, эта общественность, сидела на голодном пайке – в те годы дела на отечественном комедийном фронте были не самыми успешными. В 1968 году на экраны страны вышло около десяти новых советских кинокомедий, из которых только две (!) имели устойчивый успех: «Трембита» Олега Николаевского и «Золотой теленок» Михаила Швейцера (оба фильма вышли в конце года, поэтому их прокатные показатели учитываются по следующему году). В 1969 году вышло еще меньше фильмов веселого жанра, созданных руками наших мастеров, – восемь. Но и здесь по части

зрительского успеха ни один фильм не может сравниться с творением Леонида Гайдая.

Но вернемся непосредственно к герою нашего повествования – Андрею Миронову.

1 июля он играл в «Интервенции», 2-го – в «Женитьбе Фигаро», 6-го – в «Дон Жуане», 7-го – в «Женитьбе Фигаро», 9-го – в «Интервенции», 11-го – в «Клопе», 14-го – в «Женитьбе Фигаро», 16-го – в «Интервенции», 18-го – в «Женитьбе Фигаро», 19-го, 20-го – в «Интервенции», 22-го – в «Клопе», 23-го – в «Женитьбе Фигаро», 26-го – в «Дон Жуане», 28-го – в «Женитьбе Фигаро», 29-го – в «Клопе».

В августе это были следующие спектакли: 1-го – «Интервенция», 3-го – «Женитьба Фигаро». Этим спектаклем Театр сатиры закрыл свой очередной сезон в Москве. Артисты разъезжались по отпускам, в том числе и Миронов с Егоровой. Правда, уезжали они в разные места: Миронов собирался отдыхать с отцом в санатории «Эстония» в Пярну, а Егорова – в Гаграх. Но они договорились не забывать друг о друге и связь поддерживать посредством почты. Первой уехала Егорова – сразу после закрытия сезона в театре. Закрытие отмечали на квартире Миронова в Волковом. Народу туда набилось много, впрочем, так было всегда, когда Миронов собирал у себя сослуживцев. Гости вели себя раскованно: ели, пили, танцевали, хохмили. Одну из хохм придумал вечный массовик-затейник Марк Захаров. Он предложил… бросать с балкона (а это был седьмой этаж!) складные стулья. И первым выбросил один из таких стульев. За первым полетели и все остальные. Потом всей гурьбой артисты бросились вниз. Собрали стулья, поднялись наверх и опять кидали их с балкона. Когда это развлечение надоело, решили отправиться на Воробьевы горы. Там Захаров вспомнил свою старую хохму – сжигать денежные купюры с изображением Ленина. Спустя много лет страсть к пиротомании выльется в куда более серьезную акцию – Захаров публично сожжет свой партбилет. Но это случится в 91-м, а пока на дворе конец 60-х.

После отъезда Егоровой Миронов оставался в Москве еще две недели – он снимался в очередном фильме. Это хоть и была комедия, но уже не эксцентрическая. И роль в нем была далека от той, что он сыграл у Гайдая. Более того, это была роль из разряда классических – экранизация рассказов А. Чехова в киноальманахе «**Семейное счастье»**. Миронов играл в новелле «Мститель» молодого режиссера Андрея Ладынина главную роль: мужа-рогоносца Федора Федоровича Сигаева. Сюжет новеллы был незамысловат. Сигаев, застав свою жену (актриса Алла Будницкая) с любовником, отправлялся в оружейный магазин,

чтобы купить револьвер и застрелить обоих, а потом и себя. Однако в итоге струсил и купил вместо пистолета… сетку для птиц ценой в 8 рублей. За эту небольшую роль Миронов будет удостоин гонорара в 788 рублей.

Съемки фильма проходили в павильонах «Мосфильма» и на натуре в Подмосковье. Учитывая короткий метраж каждой из новелл (их было несколько), съемочных дней у Миронова было немного – всего 21. Съемки продлились всю вторую половину июля и начало августа. И 12-го числа Миронов прибыл на отдых в Пярну. Погода в те дни выдалась жаркая, поэтому целыми днями он купался и загорал на пляже. Кроме отца и супругов Плучеков, практически ни с кем не общался – не хотелось. И почти ежедневно вспоминал про Егорову, которой в одном из своих писем так и написал: «Мечтаю скорее сожрать тебя… дорогушечка сисясьтенькая!» Однако эта мечта сбудется не скоро – только через месяц.

Во время отдыха Плучек поделился с Мироновым идеей нового спектакля, приуроченного к надвигающейся дате – 100-летию В. И. Ленина. Это была «Первая Конная» Всеволода Вишневского. «Но это будет совсем не то, что сделали в Вахтанговском, – объяснял режиссер свою задумку. – У нас это будет эдакий солдатско-матросский мюзикл. И ты, Андрей, будешь играть в нем главную роль». «А что, идея неплохая, – поддержал задумку режиссера Миронов. – А кто сделает новую редакцию?» «Александр Штейн, – последовал ответ. – Он уже дал свое согласие».

Плучек не врал: Штейн действительно начал работу над такой пьесой, но длился этот процесс всего лишь несколько дней. Затем драматургу пришла в голову новая идея: а что если поставить не пьесу Вишневского, а пьесу о нем самом? Штейн немедленно встретился с Плучеком и изложил эту идею ему. «Это будет условная пьеса, свободная от конкретных реальностей, пьеса-фантазия, пьеса-размышление, пьеса-воспоминание. Если хотите – пьеса-стихотворение, – объяснял свою идею драматург. – В ней будет все: факты и вымыслы, легенда и документ. А главную роль должен играть Андрей Миронов». «Миронов? – удивился Плучек. – Но ведь он внешне абсолютно не похож на Вишневского». «И слава богу! Я же говорю, что это будет пьеса-фантазия». Плучек какое-то время был погружен в размышления, после чего сказал: «Отличная идея. Начинайте работу и приносите пьесу к нам».

Миронов вернулся в Москву 7 сентября. Когда он предстал перед своей возлюбленной, та поначалу его не узнала – Миронов отпустил пшеничного цвета усы. Однако усы ему шли, как и

золотистый загар, заработанный им на прибалтийском побережье. Два первых дня после долгой разлуки молодые провели на мироновской даче на Пахре. Миронова и Менакер находились на очередных гастролях, поэтому помешать влюбленным никто не мог.

Сезон в Театре сатиры открылся 9 сентября спектаклем «Интервенция». 13-го Миронов играл в «Бане», 14-го – в «Клопе», 16-го – в «Интервенции», 20-го – в «Клопе», 21-го – в «Интервенции», 22-го – в «Женитьбе Фигаро», 24-го – в «Дон Жуане», 26-го и 29-го – в «Женитьбе Фигаро».

В этом же месяце Миронов закончил работу над ролью Сигаева в киноальманахе «Семейное счастье» (новелла «Мститель»), озвучив ее в тонателье «Мосфильма». Над этой ролью Миронов работал с большим энтузиазмом, поскольку до этого с чеховской прозой ни разу не сталкивался. К тому же ему очень хотелось, чтобы у публики не сложилось впечатление, будто его потолок в кино – исключительно герои-прохвосты уровня Димы Семицветова и Геши Козадоева. А то ведь в киношной среде именно такое мнение о нем и складывалось, свидетельством чему была целая череда однотипных сценариев «а-ля Козадоев», которые режиссеры различных киностудий направляли по его адресу.

И все же справедливости ради стоит заметить, что в киношной среде нашлись и другие люди. Так, известные сценаристы Авенир Зак и Исай Кузнецов («Утренние поезда», «Пропало лето»), посмотрев «Бриллиантовую руку», разглядели в Миронове идеального исполнителя для ролей романтического плана. И решили написать под него свой очередной сценарий, действие которого должно было происходить в годы Гражданской войны. Так на свет родился сценарий «Достояние республики», где Миронову предназначалась роль бывшего воспитателя в имении князя Тихвинского по фамилии Шиловский и по прозвищу Маркиз. Именно в те осенние дни 69-го сценарий был уже почти закончен и готовился к передаче на киностудию имени Горького, где его должен был принять к постановке режиссер Владимир Бычков (именно он экранизировал и предыдущий сценарий Зака и Кузнецова «Мой папа – капитан»).

Вообще это большая удача для любого крупного актера, чтобы его многогранный талант не был использован однобоко – например, исключительно только в комедиях. Ведь сколько примеров в отечественном искусстве, когда актеры, способные играть роли разного плана, нещадно эксплуатировались только в одном направлении. Были, правда, и исключения, но их было не так много. В качестве примера можно привести Юрия Никулина

(записного комика режиссер Лев Кулиджанов пригласил в свою мелодраму «Когда деревья были большими»), Евгения Леонова (Владимир Фетин разглядел в нем Шибалка из шолоховской «Донской повести»), Анатолия Папанова (Александр Столпер доверил ему роль генерала Серпилина в «Живых и мертвых»). Андрея Миронова тоже можно смело включить в этот список.

В 69-м году смелые люди, решившиеся использовать актерский дар Миронова в ином, не комедийном направлении, нашлись и на телевидении. Они разрешили известному театральному режиссеру Леониду Хейфицу экранизировать для ТВ роман И. Тургенева «**Рудин»** и на главную роль пригласить Андрея Миронова. К слову, дебют Миронова на радио тоже выпал на 1969 год: он сыграл Себастиана Лутатини в «Соленой купели» по А. Новикову-Прибою.

Из перечисленных ролей самой заметной стал Рудин. Режиссер Леонид Хейфиц в этой работе опирался на актеров Театра Советской Армии, в котором работал. Отсюда самым естественным образом и вытекало то, что на главную роль он должен был взять кого-то из этой же труппы. А Хейфиц обратился к Миронову. Многих это просто шокировало. Ведь после успеха «Бриллиантовой руки» за Мироновым окончательно укрепилось мнение как о ярком, но все-таки комедийном актере, не способном играть другие роли. Даже весь его репертуар в Театре сатиры указывал на это. И вдруг Рудин – русский интеллигент с трагической судьбой. Но Хейфиц пошел на этот риск и оказался полностью прав. Знаменитая актриса ЦАТС Любовь Добржанская, мнением которой все очень дорожили и которая имела одну редкую черту характера – всегда говорила людям правду, какой бы нелицеприятной она ни была, увидев Миронова в роли Рудина, подошла как-то к Хейфицу и сказала: «Поблагодарите Андрея за последний эпизод. Я никогда не предполагала, что он может вообще так играть». Об этом последнем эпизоде телеспектакля вспоминает и сам режиссер. Вот его слова:

«В спектакле был последний эпизод, сыгранный Мироновым совсем на ином уровне, чем все остальное. Эпизод остался в памяти как пример редкостно глубокого, строгого и сосредоточенного существования актера. Его Рудин прошел значительный этап своей жизни. Я увидел, как из молодого, пылкого, романтичного, страстного и, может быть, по-своему поверхностного юноши он превратился в человека, трудно прожившего жизнь. В этом эпизоде Андрей играл судьбу человека, много скитавшегося по России, много повидавшего и о многом передумавшего. Человека, душа которого исстрадалась за судьбу народа и который был не только страдающим, но и

обреченным.

Актер точно отобрал выразительные детали. Причем ни одно из тех привычных и так многими любимых средств использовано не было. Он был почти статичен. Только скупые, даже осторожные движения и взгляд, как бы устремленный в себя и выражающий все перенесенные страдания. Аскетизм его существования поразил меня тогда: оказывается, он мог быть и таким!

Небольшой русский провинциальный городок, захолустный край. В убогой гостинице встречаются после долгой разлуки бывшие друзья – Дмитрий Рудин и Михаил Лежнев, которого интересно играл Герман Юшко. Они сидят в бедном номере, между ними стол, покрытый несвежей, застиранной скатертью. Что делают здесь два этих интеллигента? Они сидят и тихо разговаривают. И мы чувствуем в Рудине – Миронове тревогу, боль, видим лихорадочный блеск глаз… Он играл предчувствие трагедии. И когда мы потом узнаем, что он погиб на баррикадах Французской революции, то и не удивляемся – так должно было случиться с героем Миронова. Актер сыграл трагическую судьбу русского интеллигента, погибшего на французских баррикадах, которая в свое время заинтересовала Тургенева, и сыграл ее так пронзительно, что тот эпизод до сих пор живет в моей памяти и моей душе…»

Но вернемся к событиям осени 69-го.

В октябре театральный репертуар Миронова сложился следующим образом: 3-го – «Интервенция», 6-го – «Женитьба Фигаро», 8-го – «Интервенция», 10-го – «Дон Жуан», 12-го – «Баня», 13-го – «Женитьба Фигаро», 14-го – «Интервенция», 15-го – «Женитьба Фигаро», 19-го – «Баня», 22-го – «Дон Жуан», 27-го – «Интервенция», 29-го – «Женитьба Фигаро», 31-го – «Клоп».

Между тем полным ходом двигалась к своему воплощению идея Плучека о постановке революционного мюзикла. Как мы помним, основой для этого должна была стать «Первая Конная» Всеволода Вишневского, новую редакцию которой писал драматург Александр Штейн, однако в процессе работы к Штейну внезапно пришла другая идея: написать пьесу о самом Вишневском, а главную роль доверить Андрею Миронову. Когда тот узнал об этом, то поначалу испугался: ведь внешне он совсем не был похож на Вишневского. Но после того, как Плучек объяснил ему, что это будет за спектакль, все сомнения улетучились. И Миронов отправился к Штейну, чтобы обговорить все нюансы предстоящей роли.

Вспоминает А. Штейн: «Андрей пришел ко мне домой. С прекрасной и подкупающей жадностью вынимал из меня все, что я знал о времени и его героях.

Завороженно вглядывался в старые фотографии, засыпал меня неожиданными вопросами, всматривался в заснятого войсковым фотографом бывшего мальчика из петербургской дворянской семьи, которого водили гулять в Летний сад, сбежавшего в 1914 году из дома на Западный фронт, ставшего лихим разведчиком, за храбрость награжденного двумя Георгиевскими медалями и Георгиевским крестом – высшими солдатскими наградами… И вот он уже матрос с «Вани-коммуниста», разбомбленного корабля Волжской флотилии, которой командовал мичман Федор Раскольников, а вот – пулеметчик Первой Конной, а вот писатель, друг и единомышленник Всеволода Мейерхольда.

Показываю Андрею записи, сделанные Вишневским в его дневниках, его, уже послевоенные, размышления. Пишет с горечью о том, как он, Вишневский, «переносил по инерции в литспоры прежние военные восприятия». Не забуду, с каким напряженным вниманием слушал Андрей приведенное мною его, Вишневского, чистосердечное признание: «Некоторых из моих оппонентов я ненавидел, как врагов на фронте, и нужно было несколько лет, чтобы привести себя в норму, чтобы остыть, чтобы отличить врагов настоящих от друзей». Признание, которому не откажешь в честности и в способности соизмерить свои заблуждения с истиной… Андрею казалось – и справедливо – очень, очень, очень важно передать двойственность и противоречивость характера Всеволода, дружившего с Сергеем Эйзенштейном, с Александром Таировым, ополчавшегося на так называемые «потолочные» пьесы Афиногенова, хотя, с другой стороны, активно поддерживавшего талант и произведения Юрия Олеши… Не понимал и не принимал Михаила Булгакова, что было одной из его серьезнейших и печальнейших ошибок…

Помнится, говорили мы с Андреем о пленительности образа Ларисы, навеянного знаменитой Ларисой Райснер, и я рассказывал ему о трагической судьбе ее мужа, Федора Раскольникова. Андрей прочитал книгу ее удивительной, прозрачной и мужественной прозы и удивился, узнав, что она умерла своей смертью уже в мирное время, после Гражданской войны… Ему были важны реальные подробности времени, тут он был дотошен до педантизма… В процессе работы над ролью он снова наведывался ко мне и к моим книжным полкам…»

Репетиции спектакля «У времени в плену» начались поздней осенью. Помимо Миронова в нем должны были участвовать: Анатолий Папанов (Сысоев), Нина Корниенко (Лариса Райснер), Татьяна Ицыкович (Ольга Берггольц) и др. Что касается возлюбленной Миронова Татьяны Егоровой, то ее Плучек своим

вниманием обошел, доверив безголосую роль в массовке. Егорова, естественно, переживала, но виду не подавала. Отказав, причем не единожды, Плучеку, она тем самым сожгла за собой все мосты.

Миронов репетировал роль Вишневского самозабвенно. Несмотря на то что в душе он давно не питал никаких иллюзий относительно событий октября 17-го, диссидентом он не был и существующий режим если не уважал, то во всяком случае почитал. Этому режиму он был обязан многим: хотя бы той же славой, которая свалилась на него буквально в одночасье. И на роль Вишневского Миронов возлагал большие надежды: такие же, какие он лелеял пять лет назад, когда соглашался играть роль Фридриха Энгельса в фильме «Год как жизнь». Ведь ему-то хорошо было известно, что будь ты хоть с головы до ног обласкан рядовым зрителем, однако на ролях типа Графа, Фигаро или Жадова высоких званий не заработаешь.

Ноябрь в театре начался для Миронова с «Женитьбы Фигаро» – он играл в нем 1-го. 2-го это была «Интервенция», 4-го – опять «Женитьба Фигаро». Затем на целых три недели «Фигаро» из репертуара театра вылетел, поскольку спектакль покинул один из главных исполнителей – Валентин Гафт, игравший графа Альмавиву. Инициатором ЧП стал Валентин Плучек. Сразу после спектакля он собрал артистов в комнате отдыха и принялся разбирать их игру, что называется, по косточкам. Больше всего досталось почему-то Гафту. Плучек высказал ему кучу претензий, а в конце своей речи и вовсе скатился до банального оскорбления, заявив, что актер ведет себя на сцене, как обыкновенный урка. Может быть, в ином случае Гафт пропустил бы эту фразу мимо ушей, но только не теперь. Дело в том, что в последние несколько месяцев его отношения с главрежем вконец испортились и Гафт давно подумывал об уходе из этого театра. Благо идти было куда: тот же «Современник» давно предлагал ему работу. В итоге не успела оскорбительная фраза Плучека растаять под сводами кабинета, как Гафт поднялся со своего места и молча вышел. Спустя несколько минут на стол Плучеку легло заявление Гафта об уходе. И хотя Плучек понимал, что потеря такого актера чревата большими проблемами для труппы, он вынужден был это заявление подписать – поступить иначе не позволяла природная гордыня. После чего режиссер вызвал к себе Миронова и поставил его перед фактом: Гафт уволен – ищите нового графа Альмавиву. Поиски длились недолго. Новым графом суждено было стать актеру Александру Ширвиндту, которого Миронов хорошо знал до этого – они неоднократно пересекались в разных компаниях. До 1967 года Ширвиндт работал в Ленкоме, но когда оттуда выгнали режиссера Анатолия

Эфроса, ушел вместе с ним в Театр на Малой Бронной. Однако там пути режиссера и актера разошлись. Эфрос поставил «Трех сестер» и собирался отдать роль Вершинина Ширвиндту. Но затем в планах режиссера что-то изменилось, и эта роль досталась другому исполнителю – Николаю Волкову. Ширвиндт за это обиделся на Эфроса и одной ногой был уже за порогом театра. Именно в этот момент на его горизонте и возник Миронов со своим Альмавивой.

Поскольку Ширвиндту предстояло в кратчайшие сроки разучить свою роль, он репетировал ее, что называется, не покладая рук. Миронов помогал ему всем чем мог и даже более того. Что вполне объяснимо: после запрета «Доходного места» именно «Фигаро» стал его визитной карточкой. И лишаться ее у него не было никакого резона. Но пока новая редакция «Фигаро» только готовилась, Миронов играл в других спектаклях. Так, в праздничный день 7 ноября это была «Баня» В. Маяковского. Далее шли: 9-го – «Интервенция», 14-го – «Дон Жуан» 17-го – «Интервенция», 18-го – «Дон Жуан», 23-го – «Баня», 25-го – «Интервенция». Вечером 26 ноября Миронов снова надел на себя костюм обаятельного плута Фигаро. А роль Алмавивы играл Ширвиндт, который к тому времени стал для Миронова не только коллегой по работе, но и близким товарищем. Как только это произошло, центр тусовочной жизни актеров «Сатиры» переместился в роскошные апартаменты Ширвиндта на Котельнической набережной (в сталинскую высотку семья Александра Анатольевича переселилась в 65-м). Теперь чуть ли не каждый выходной (в театре он выпадал на четверг) часть труппы собиралась у него и гуляла до утра, выпуская пар по полной программе. Иной раз пределов весьма вместительной квартиры актерам было мало, и тогда они совершали стремительные вояжи в другие районы города, а иногда и в другие города. Пальма первенства в этих междугородних вояжах, безусловно, принадлежала колыбели революции – городу Ленинграду, где у Миронова была масса родственников и друзей. Обычно эти поездки выглядели следующим образом. Сразу после вечернего спектакля тусовщики мчались на Ленинградский вокзал и садились в «Красную стрелу». Спустя несколько часов они были уже в Питере. Там они гуляли по городу и его пригородам (Царскому Селу, например), затем заваливались в гости к Кириллу Ласкари, который теперь жил не один, а с актрисой Ниной Ургант и ее сыном от первого брака Андреем. Там тусовщики закатывали пир горой и, вволю повеселившись, «вечерней лошадью» (все той же «Стрелой») возвращались обратно в столицу.

Между тем именно в ноябре Егорова внезапно обнаружила, что снова беременна от Миронова. Поначалу она испугалась, помятуя о своей прошлой беременности два года назад. Но затем взяла себя в руки и честно призналась во всем отцу будущего ребенка. Говоря ему об этом, она была готова на любую отрицательную реакцию, однако то, что она услышала и увидела, сразило ее наповал: Миронов внезапно запрыгал по комнате и стал кричать: «Ура, у меня будет ребенок!» Егорова поняла: ее возлюбленный наконец-то созрел для того, чтобы быть отцом. Но радость их длилась недолго. Как только эта новость разнеслась по театру, тут же нашлись доброхоты, которые донесли ее до ушей матери Миронова. Другая бы на ее месте только обрадовалась: ее сын станет отцом, а они с Менакером – бабушкой и дедушкой. Но Мария Владимировна не хотела такой судьбы ни себе, ни сыну. Егорова продолжала категорически ей не нравиться, поскольку не имела за душой ничего: ни состоятельных родителей, ни громкого имени и положения в обществе. Разве такую невестку она хотела видеть рядом со своим знаменитым сыном? Нет, нет и еще раз нет! Миронова немедленно вызвала Егорову к себе на Петровку, 22. Разговор был короткий: хозяйка потребовала, чтобы Егорова сделала аборт. А когда та заартачилась, Мария Владимировна мгновенно перешла на крик. Гостья попятилась из квартиры. Когда она спускалась по лестнице, до нее все еще доносились крики из мироновской квартиры: «Я вам устрою… Вы не получите ни копейки!..»

Насчет «устроить» Миронова не обманула. Кто-то рассказал ей, что, будучи этим летом в Гаграх, Егорова проводила время в компании с писателем Юлианом Семеновым, и Миронова мгновенно воспользовалась этой информацией. Вызвав к себе сына, она сообщила ему, что Егорова беременна… от Семенова. «Нет, это неправда!» – замахал руками Миронов. «Неправда? Да вся Москва уже об этом знает, кроме тебя идиота!» – засмеялась в ответ мать. И Миронов поверил. Тем более что какие-то слухи о гагринских событиях успели долететь и до него сразу, как только он вернулся в Москву из Пярну. Но он тогда не придал им значения. Но теперь ситуация выглядела совершенно иначе. Миронов помчался к Егоровой на Арбат. И тоже стал требовать, чтобы она сделала аборт. Татьяна послала его по тому же адресу, что и мать. А для себя решила окончательно – буду рожать, чего бы мне это ни стоило.

Оставшиеся дни до Нового года Миронов и Егорова если и общались, то нечасто. Миронов был целиком поглощен репетициями и спектаклями, а также новым увлечением, которое ему подыскала мама, – некой женщиной из Управления

дипломатическим корпусом. По мнению Марии Владимировны, эта особа хоть и была внешне некрасива, зато по своему происхождению (ее родители были дипломатами) подходила Андрею. Однако сам он по-прежнему любил только одну женщину – Егорову. И, когда ему было худо на душе, прибегал именно к ней поплакаться в жилетку.

Декабрьский репертуар Миронова выглядел следующим образом: 1-го – «Дон Жуан», 3-го – «Баня», 5-го – «Интервенция», 9-го и 15-го – «Женитьба Фигаро», 16-го – «Интервенция», 20-го – «Клоп», 23-го – «Дон Жуан», 24-го – «Женитьба Фигаро», 26-го – «Интервенция».

1970

Новый год Миронов и Егорова встретили отдельно друг от друга. Он встречал его на Пахре, на даче у Ореста Верейского. Были Гердты, Эльдар Рязанов с женой Зоей, Миронова с Менакером, Ширвиндты, Майя Рошаль с Некричем и еще несколько человек, в том числе и новая пассия Миронова из Управления дипкорпуса. Егорова встретила Новый год у себя дома на Арбате в полном одиночестве. Естественно, и настроение у обоих было соответствующим: Миронов всю ночь и утро веселился и хохмил, а Егорова даже не дождалась боя курантов, поскольку… заснула, читая стихи горячо любимой ею Марины Цветаевой.

Миронов объявился у Егоровой только 2 января. По ее же словам, она его не узнала – таким изменившимся показалось ей его лицо. Да и поведение его тоже было нелучшим: Миронов метался по квартире, что-то сумбурно говорил. Он умолял хозяйку простить его, опять обещал начать все сначала. А чтобы она поверила ему, пообещал устроить пир горой в день ее рождения. Слово свое Миронов сдержал: 8 января в его квартире в Волковом переулке действительно было весело. Из гостей там были: Марк Захаров, Александр Ширвиндт, Павел Пашков со своей супругой Лилей Шараповой и др. А на следующий день Миронов повел свою возлюбленную в Большой театр на балет «Собор Парижской Богоматери». Казалось, впереди молодых ждет безоблачное будущее. Увы…

Беда пришла два дня спустя. Егорова гуляла по Арбату, поскользнулась и больно ударилась спиной о ледяной асфальт. Больше в те дни она гулять не выходила, лежа пластом у себя дома. А Миронов пропадал в театре, репетируя «У времени в плену», а также играя репертуарные спектакли. Так, 16 января он вышел на сцену в костюме Фигаро. В этот же день Егоровой стало плохо, и она попросила соседку по коммуналке вызвать ей «Скорую». Врачи определили у нее предродовые осложнения и отвезли в роддом в Тушине. А врачи вынесли Егоровой страшный вердикт: ребенка спасти нельзя! «Почему?» – вырвалось у Егоровой. «Не надо было травиться!» – последовал убийственный ответ. Почему врачи решили, что Егорова травилась, так и осталось загадкой. Но в главном врачи не ошиблись: на следующий день Егорова действительно родила мертвого мальчика. Когда об этом сообщили Миронову (сразу после спектакля «Клоп»), он тоже впал в ступор. Ситуацию усугубило еще и то, что в эти же дни в больницу с тяжелейшим инсультом

угодил и его отец Александр Менакер. Как Миронов выдержал все эти испытания, одному богу известно. А ведь ему еще приходилось выходить на сцену и веселить публику: 18 января это была «Баня», 19-го – «Дон Жуан», 23-го – «Интервенция», 24-го – «Дон Жуан», 26-го – «Фигаро», 28-го – «Клоп», 30-го – «Интервенция», 31-го – «Женитьба Фигаро».

Между тем в день выписки Егоровой случилась накладка. Врачи, подумав, что она уже уехала, сказали об этом Миронову, который приехал за ней чуть позже назначенного времени. И тот подумал, что потерял свою возлюбленную: зная ее импульсивный характер, он решил, что она специально уехала без него, чтобы… утопиться. К счастью, ситуация прояснилась спустя полчаса. Миронову хватило ума перезвонить в больницу, где ему сообщили, что Егорова никуда не уезжала и по-прежнему ждет его в приемной. Миронов тотчас примчался в больницу и забрал возлюбленную к себе в Волков переулок. Там Егорова пробыла чуть больше недели. А потом, воспользовавшись моментом, когда Миронов был в театре, позвонила своей соседке по арбатской коммуналке и попросила прислать ей такси. На нем она и вернулась к себе домой. Когда вскоре туда примчался Миронов, она заявила ему, что хочет побыть одна и разобраться в своих чувствах к нему. Как ни больно было это слышать Миронову, но он тоже стоял перед той же проблемой. Вот уже почти четыре года они были с Егоровой знакомы, но иначе чем мукой эти отношения назвать было сложно. Оба понимали, что дальше так продолжаться не может, но сделать решительный шаг в какую-либо сторону ни у него, ни у нее смелости не хватало. Именно тогда Миронов признался своей возлюбленной: «Ты знаешь, в чем мое несчастье. Когда я был ребенком, совсем маленьким, родители все время репетировали дома. Я подглядывал в щелочку из своей комнаты. Они постоянно репетировали, играли, и мне вся жизнь представилась игрой. У меня отсутствует граница между жизнью и театром. И вот я доигрался…»

В том же январе Миронова вызвали на «Мосфильм» к Леониду Гайдаю. Тот в те дни находился в стадии подготовки к съемкам фильма «**12 стульев»** и буквально сходил с ума от проблемы поиска актера на роль Остапа Бендера. Ему был необходим актер, который оказался бы полной антитезой Сергею Юрскому, сыгравшему великого комбинатора в фильме «Золотой теленок». В этих поисках Гайдай пересмотрел чуть ли не всех советских звезд мужского пола, кто по своему возрасту, внешним данным и таланту подходил на эту роль. Были просмотрены 22 кандидата, в том числе и Андрей Миронов (среди других актеров назову следующих: Алексей Баталов, Михаил Козаков, Анатолий

Кузнецов, Олег Борисов, Спартак Мишулин, Александр Ширвиндт, Никита Михалков, Владимир Басов, Валентин Гафт, Евгений Евстигнеев, Фрунзе Мкртчян, Александр Лазарев и др.). Однако ни наш герой, ни остальные из вышеперечисленных актеров Гайдая не устроили. И все же судьба воздаст Миронову впоследствии: спустя шесть лет он сыграет-таки великого комбинатора в телефильме Марка Захарова. Но об этом речь пойдет впереди, а пока вернемся в начало 70-го.

Тем временем в Театре сатиры продолжаются репетиции спектакля «У времени в плену». Миронов играет неистово, пытаясь хотя бы таким образом отвлечься от целого вороха проблем, которые свалились на его плечи в последнее время: возлюбленная и отец больны, мать постоянно пилит, а тут еще «дипломатша» замучила звонками с просьбами о встрече. Поэтому единственным способом отвлечься для Миронова была работа. А ее у него было, что называется, по горло. Его февральский репертуар выглядел следующим образом: 3-го – «Клоп», 4-го – «Женитьба Фигаро», 15-го – «Интервенция», 17-го – «Клоп», 18-го – «Дон Жуан», 21-го – «Женитьба Фигаро», 22-го – «Баня», 23-го и 25-го – «Интервенция», 27-го – «Женитьба Фигаро», 28-го – «Баня».

19 февраля на киностудии имени Горького был утвержден литературный сценарий «Достояние республики» Авенира Зака и Исая Кузнецова. Как мы помним, одна из главных ролей в этом сценарии писалась специально под Миронова – роль воспитателя в имении князя Тихвинского по фамилии Шиловский и по прозвищу Маркиз. Первое появление этого героя на страницах сценария описывалось следующим образом:

«В одном из петроградских дворов, похожих на темные глубокие колодцы с выложенным булыжником дном, невдалеке от Кузнечного рынка, высокий молодой человек в черной широкополой шляпе, в ярко-оранжевой блузе и высоких охотничьих сапогах с отворотами голосом ярмарочного зазывалы обращался к выглядывавшим из окон обитателям дома:

– Граждане Советской России! Революция освободила вас от царя, помещиков и капиталистов! Я освобожу вас от рабства вещей. Зачем свободному человеку предметы роскоши?

Могучий голос человека в широкополой шляпе разбудил мальчишку, бывшего юного послушника Острогорского монастыря Иннокентия, а теперь обыкновенного петроградского беспризорника по имени Кешка, а по прозвищу Монах. Не было на Кешке ни скуфейки, ни рясы, и он ничем не отличался от двух своих приятелей, укрывавшихся здесь, на чердаке, от холода и патрулей под рваным, в клочках ваты, грязным одеялом.

Услышав голос старьевщика, Кешка выбрался из-под одеяла, перелез через сломанное кресло с торчащими пружинами и, забравшись на ломберный столик, выглянул из чердачного окна…»

Что было дальше, надеюсь, читатель хорошо помнит по фильму: Кешку внезапно схватит дворник Ахмет, заподозрив его в краже чердачного белья, а Маркиз мальчишку спасет, виртуозно сбив с головы дворника фуражку выстрелом из дуэльного пистолета. Так происходило знакомство Маркиза и Кешки.

Когда Миронов прочитал этот сценарий, он по достоинству оценил материал, который предоставлял ему прекрасную возможность создать на экране по-настоящему обаятельного и романтичного героя. Из тех, что так нравятся зрителям и коих ему в своей творческой карьере играть еще не доводилось. Единственное, чего этому герою не хватало, по мнению Миронова, так это песен. Но эта проблема не казалась Миронову непреодолимой – достаточно было поговорить с режиссером фильма и композитором (последним был Евгений Крылатов).

По иронии судьбы в эти же дни специально на Миронова писалась еще одна роль – диаметрально противоположная роли Маркиза и идентичная гайдаевской. Речь идет о фильме Александра Серого под названием «Рецидивисты» (позднее он трансформируется в суперхит «**Джентльмены удачи»**). Правда, в начале 70-го, когда к Миронову поступило предложение принять участие в картине, фильм был далек от своего окончательного варианта. Судите сами. В качестве главного героя в нем выступал майор милиции Леонов, в голову которого приходила весьма оригинальная идея: используя свое сходство с вором по прозвищу Доцент, он намеревался под видом его сесть в тюрьму и попробовать перевоспитать самых трудных уголовников. По сценарию, «трудных» было четверо: фальшивомонетчик Миллиметр (на эту роль предполагалось пригласить Ролана Быкова), профессиональный альфонс и многоженец (Юрий Никулин), автомобильный жулик Пижон (Андрей Миронов) и вор Косой (Савелий Крамаров). Вместе с ними Леонов – Доцент совершал побег из тюрьмы (в цистерне с раствором) и начинал процесс «перековки». К примеру, Пижона он собирался перековать с помощью любви к слабому полу: тот был влюблен в девушку-экскурсовода. В это же время настоящий Доцент, прознав про эксперимент своего близнеца, притворялся приличным человеком и даже сутки жил в квартире майора Леонова, выдавая себя за него перед его женой и дочерью. Короче, в сценарии было множество веселых сцен. Однако затем от линии «майор милиции – воспитатель» пришлось отказаться. Дело в том, что когда

авторы сценария Георгий Данелия и Виктория Токарева пришли за консультацией в Главное управление исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ) к будущему консультанту фильма подполковнику И. Голобородько, тот сказал: «Если можно всяких жуликов воспитать добротой, то зачем, спрашивается, карательные органы? Нет-нет, даже и не думайте!» В итоге вместо майора милиции на свет появится воспитатель детского сада Трошкин. Сами собой отпадут Миллиметр, Пижон и Альфонс, а с ними и актеры, которых предполагалось пригласить. Кто в итоге появился вместо них, читатель, надеюсь, хорошо знает.

И снова вернемся к театральным будням нашего героя.

В родном театре первый месяц весны начался для Миронова со спектакля «Женитьба Фигаро», который был показан 2 марта. Далее шли: 3-го – «Интервенция», 6-го – «Женитьба Фигаро», 7-го – «Баня», 8-го – Миронов справил свое 29-летие, 10-го – «Дон Жуан», 14-го – «Баня», 16-го – «Женитьба Фигаро», 20-го – «Дон Жуан», 21-го – «Клоп», 23-го – «Интервенция».

В марте в театр вернулась Егорова и сразу была включена в творческий процесс. Ей отдали ее роль-крохотульку в спектакле «У времени в плену», а также ввели в новую постановку – спектакль по пьесе венгерского драматурга Дьярфоша «Лазейка» («Проснись и пой»). Правда, роль Мари тоже была эпизодическая. Миронов в этой постановке не участвовал, чему Егорова была даже рада. В последнее время она была благодарна судьбе за любую возможность не встречаться с Мироновым. Ее чувства к нему, кажется, окончательно охладели. В театре ее продолжали унижать и третировать все кому не лень, а Миронов даже пальцем не пошевельнул, чтобы пресечь это. Все-таки по натуре своей он был не боец. Ведь Егорова вот уже почти четыре года ходила в его гражданских женах, столько страданий вынесла на этом поприще, а он даже защитить ее толком не мог. И это при том, что к тому времени он уже стал настоящей звездой Театра сатиры и с его мнением многие считались, в том числе и Плучек. Однако, добившись этой привилегии для себя, про Егорову Миронов даже не заикался. Ее это, естественно, сильно задевало. Она еще могла простить ему, что он пасовал перед родной матерью, но, когда он трусил перед коллегами и главрежем, этого она просто не понимала. Отсюда и отчуждение. Дело дошло до того, что Егорова теперь даже в театральном буфете садилась отдельно от Миронова и не смотрела в его сторону. Миронова это жутко бесило. Но в театре он старался не показывать вида и только за его пределами давал волю своим чувствам. Так, в один из тех стылых мартовских дней он устроил настоящую погоню за Егоровой по улицам Москвы. Гонка стартовала от арбатской

квартиры Егоровой и продолжилась по Садовому кольцу. Беглянка и преследователь чуть ли не сметали со своего пути прохожих и даже умудрились включить в гонку троллейбусы. Дважды Егорова заскакивала в заднюю дверь рогатой машины и выскакивала в переднюю, а Миронов был менее расторопен и ему приходилось барабанить в закрытые двери кулаками, чтобы водитель впустил и выпустил его. И все же победил в этой гонке Миронов. На правах победителя он немедленно поволок Егорову в хорошо знакомый им ЗАГС на Хорошевском шоссе. Регистраторша, увидев их, с нескрываемым сарказмом в голосе протянула: «Здра-а-сьте! Опять вы и в том же составе! Прям театр какой-то!» «Почему какой-то? – съязвила Егорова. – Театр сатиры». Регистрацию им назначили на 15 апреля.

1 апреля Миронов играл «Интервенцию». Затем он выходил на сцену театра в следующих спектаклях: 6-го – «Дон Жуан», 7-го – «Женитьба Фигаро». **8 апреля** состоялась премьера спектакля «**У времени в плену» («Художник и революция»)**. Миронов был великолепен, за что был удостоен почти пятнадцатиминутных оваций. В те же дни вдова Вишневского И. Вишневская на страницах «Вечерней Москвы» так отозвалась об игре Миронова в этом спектакле: «В актере раскрылись какие-то особые грани таланта, еще не участвовавшие до сих пор в его творческой биографии. Мужественный гражданский темперамент, если можно так сказать, социальная эмоциональность, обаяние мысли, обаяние веры…»

А вот как отозвалась об этой же роли Миронова А. Вислова. Цитирую: «Миронов начинал репетировать роль Вишневского с большими сомнениями, полный неуверенности в благополучном исходе. Действительно, роль неистового борца революции, крепко сколоченного, фанатически убежденного „агитатора, горлана“, каким помнили Вишневского, мало подходила к изящному, лукавому, легкому актеру, каким был Миронов. В беседе с Б. Поюровским актер признавался: „Я стесняюсь открытого пафоса, мне ближе юмор, ирония, сатира…“ И все же роль состоялась.

Этот спектакль, по мнению критика К. Щербакова, помимо прочего, «о лучших часах, лучших годах человеческой жизни, которые должны быть у каждого, независимо от того, когда довелось родиться». Миронов это играл, может быть, в первую очередь. На лучших представлениях этого спектакля у артиста возникал редкий душевный контакт со зрителем за счет колоссального личного воздействия. В данном случае внутренняя интеллигентность, порядочность и честность самого актера невольно накладывались на образ и убеждали. Важно отметить, что особенности его жизни на сцене заключались не в той

интенсивной, чисто физической самоотдаче актера при отсутствии внутреннего наполнения, целостного самоощущения себя в роли, столь характерной для нашего сегодняшнего театра, а в прямом участии собственной души, нервов, сердца. Потому так была заметна и хорошо просматривалась в спектакле личность самого Миронова…»

Между тем 10 апреля Миронов играл в «Женитьбе Фигаро», 11-го – в «Бане», 14-го – в «Интервенции». 15 апреля Миронов и Егорова должны были пойти в ЗАГС и расписаться, но из этой затеи опять ничего не получилось. Не захотела сама невеста. Егорова только стала приходить в себя после потери ребенка, а поход в ЗАГС грозил новыми неприятностями, особенно в общении с матерью жениха. И Егорова упросила Миронова отложить эту регистрацию на потом: дескать, бог любит троицу, вот и мы попробуем с третьей попытки. Поскольку Миронов и сам к тому времени осознал, что с мартовским походом в ЗАГС он погорячился, то он легко согласился с доводами Татьяны. Вечером 15 апреля он во второй раз играл для широкого зрителя «У времени в плену». А потом в один из дней пригласил Егорову в Архангельское есть в местном ресторане карпов в сметане, которых Татьяна обожала (сам Миронов никакую рыбу не любил). За компанию они пригласили с собой еще двух человек: однокурсника Миронова по «Щуке» Михаила Воронцова и его тогдашнюю возлюбленную… Ларису Голубкину. Да-да, ту самую Голубкину, в которую, как мы помним, в начале 60-х был влюблен Миронов и которой он неоднократно делал предложения руки и сердца. Но та каждый раз отвечала ему отказом. В итоге их отношения переродились в дружеские. А после того, как Голубкину угораздило влюбиться в бывшего однокурсника Миронова, их дружба стала еще крепче. Предположи кто-нибудь из них, что спустя каких-нибудь четыре года эта дружба переродится в официальный брак, уверен, никто бы в это не поверил. Но ведь так будет! Впрочем, не будем забегать вперед.

Во второй половине апреля репертуарный график Миронова выглядел следующим образом. 17-го он играл «Клопа», 18-го – «Женитьбу Фигаро», 19-го – «Баню», 20-го – «У времени в плену», 21-го – «Интервенцию», 22-го – «У времени в плену», 24-го – «Женитьбу Фигаро», 27-го – «Интервенцию», 28-го – «У времени в плену».

В праздничный день 1 мая Миронов был занят в спектакле «Баня». После чего в течение пяти дней его к спектаклям не привлекали. 6-го он вышел в «Интервенции», 8-го – в «У времени в плену», 9-го – опять в «Интервенции». Сразу после спектакля Миронов и Егорова в компании извечных друзей-тусовщиков

отправились на дачу художника Михаила Курилко в Малаховке, чтобы отметить День Победы. Гулянка продолжалась всю ночь. А на следующий день Егорова (она ездила в театр на репетицию) привезла из Москвы еще одного тусовщика – Марка Захарова. В Малаховку они приехали на такси и где-то на подступах к даче были остановлены тремя кавказцами в черных бурках и с шашками в руках. Больше всех перепугался таксист, который при виде абреков хотел уже было выскочить из машины и броситься прочь. Каково же было его удивление, когда в одном из кавказцев он опознал… актера Андрея Миронова. Двумя другими «абреками» были Ширвиндт и Курилко. Это они так развлекались после принятия энного количества спиртного.

В Москву Миронов и Егорова вернулись 11 мая. И на следующий день Миронов играл уже в «Дон Жуане». Затем шли: 13-го – «Женитьба Фигаро», 15-го – «Клоп», 16-го – «У времени в плену», 17-го – «Дон Жуан», 18-го – «Женитьба Фигаро». Затем снова наступил короткий тайм-аут – четыре дня. Миронов использовал их с пользой – слетал в Харьков. Причем эта поездка родилась спонтанно, с подачи супруги Марка Захарова Нины. Дело было так.

В те годы друг Миронова Александр Ширвиндт частенько подрабатывал на стороне, снимаясь в эпизодических ролях на разных киностудиях страны. В 1970 году таким местом стала для него киностудия имени Довженко, где он получил крохотную роль некоего Есиповича в фильме Александра Муратова «Умеете ли вы жить?». За эту рольку ему было обещано 60 рублей, деньги в общем-то небольшие, но и одновременно немалые, если учитывать, что платили их всего за три съемочных дня. Натурные съемки фильма велись в Харькове, куда в те майские дни и отбыл Ширвиндт. А провожали туда артиста его испытанные друзья-тусовщики: Андрей Миронов и Марк Захаров с супругой. Провожающие вели себя весело, можно даже сказать, разнузданно, пытаясь развеселить хмурого Ширвиндта. Но тот сохранял стоическое хладнокровие. В один из таких моментов Миронов даже не выдержал и изрек: «Эту Железную Маску ничем не проймешь!» «Железной маской» Миронов с недавних пор стал величать Ширвиндта, который, в свою очередь, придумал ему куда более ходовую кличку – Дрюсик.

Когда поезд тронулся, жену Захарова внезапно осенило: «Вот интересно, удивилась бы Железная Маска, если бы приехала утром в Харьков, а вы уже там?» Скажи это кто другой, может быть, реакция Миронова и Захарова была бы более сдержанной. Но это сказала женщина! Поэтому Миронов с Захаровым тут же рванули занимать деньги на авиабилет. В качестве кредитора

выступил администратор Театра сатиры Громадский, открывший им дверь, в связи с поздним временем, в трусах. После этого Миронов и Захаров помчались в аэропорт.

Будь они простыми смертными, им ни за что бы не удалось улететь ночным рейсом. Но Миронова к тому времени знала каждая собака, а не только аэропортовские кассирши. С Захаровым было сложнее: его физиономию тогда еще никто не знал. Но тут подсуетился Миронов, представивший Марка Анатольевича как своего пиротехника. «Я без него не снимаюсь. Просто боюсь, если его вдруг со мной не будет», – заявил артист. Естественно, не поверить ему никто не посмел.

Утром следующего дня Миронов и Захаров заявились на съемочную площадку аккурат за полчаса до того, как туда явился Ширвиндт. Когда тот объявился, друзья осторожно подкрались к нему со спины и одновременно запели ту самую мелодию, которую вчера пели Ширвиндту на вокзале, – популярный мотив Нино Рота. Надо отдать должное Ширвиндту, ему и здесь не изменило хладнокровие. Обернувшись и увидев своих друзей, он изрек всего лишь одну фразу: «Хорошо». Но эта фраза дорогого стоила. Только много позже Ширвиндт признается друзьям: «Когда услышал ваши голоса, все-таки подумал про себя страшное: пить надо меньше».

Кстати, деньги на обратный билет Миронов и Захаров заработали там же, на съемочной площадке. Режиссер фильма Муратов предложил им оставить автограф в его картине – сняться в крохотных ролях в массовке (они изображали толпу провожающих в аэропорту). Это был второй микроэпизод в киношной карьере Миронова (первый случился в 1968 году в фильме Михаила Калика «Любить»).

Вернувшись в Москву, Миронов с ходу включился в репертуар театра. 22 и 24 мая он играл в спектакле «У времени в плену», 27-го – в «Женитьбе Фигаро», 29-го – в «Интервенции», 30-го – в «Бане», 31-го – в «У времени в плену».

В июне его репертуарный график выглядел так: 2-го – «Интервенция», 3-го – «Женитьба Фигаро», 5-го – «У времени в плену», 6-го – «Дон Жуан», 7-го, 10-го – «Женитьба Фигаро». Затем неделю Миронов отдыхал от спектаклей, посвятив это время кино. В те дни он снимался в совместном советского-венгерском фильме (по жанру это была героическая комедия) «**Держись за облака»** (режиссеры Б. Григорьев и П. Сас). Миронову в нем досталась роль генерала. Часть натурных съемок велась в Ленинграде, куда Миронов тогда и приехал. Поселился он, как всегда, в «Астории», в своем любимом номерке-каморке под самой крышей. Из мебели там были всего лишь маленькая

кровать и столик. Но, несмотря на столь спартанскую обстановку, Миронов был счастлив хотя бы на неделю вырваться в горячо любимый им град Петра. И вдруг ему как снег на голову свалились его друзья-тусовщики.

Вспоминает А. Ширвиндт: «У нас было отличное настроение, и мы решили махнуть в Ленинград, к Андрюшке. Мы хотели его „пугануть“ (была у нас такая игра). Значит, прилетим, пуганем, а деньги? А надо взять Старуху (так мы называли Татьяну Ивановну Пельтцер). Марк Захаров говорит: „Она не полетит“. Поехали к ней. „Таня, вот такая идея“. – „Поехали“. И мы полетели туда, конечно, за ее счет, причем огромную банду набрали: я, Марк, наши жены и еще четыре человека. Деньги пообещали потом отдать… И Татьяна Ивановна с неподъемной сумкой наперевес, как полубандура, полубрехтовская маркитантка, полувзводная всей этой братии… в Питер…

Андрюшку мы здорово пуганули, когда всем взводом ввалились в его крохотный номерок. Мы там все спали, восемь человек: Старуха, значит, спала на Андрюшкиной постели одна, а мы все вповалку. Так и жили несколько дней…»

Кроме этого, Миронов был в очередной раз приглашен для съемок на телевидение: режиссер М. Микаэлян экранизировал повесть А. Куприна «**Впотьмах»**, и Миронову в нем досталась роль Аларина.

В том же июне на экраны страны вышел очередной фильм с участием Андрея Миронова. Речь идет о киноальманахе «**Семейное счастье»** по рассказам А. Чехова, где в новелле «Мститель» Миронов сыграл Федора Федоровича Сигаева.

На сцену родного театра Миронов в очередной раз вышел 17 июня – он играл Дон Жуана. Затем до конца месяца им были сыграны следующие спектакли: 19-го – «У времени в плену», 20-го – «Интервенция», 22-го – «У времени в плену», 23-го – «Интервенция», 26-го – «У времени в плену», 27-го – «Интервенция». 28 июня в Театре сатиры состоялось закрытие сезона. Миронову тот месяц запомнился прежде всего тем, что на фестивале «Московская театральная весна-70» он был удостоин диплома и премии второй степени за исполнение роли Вишневского в спектакле «У времени в плену». С этим спектаклем (а также «Женитьбой Фигаро» и «Баней») в составе Театра сатиры он 1 июля отправился с гастролями в Челябинск. Гастроли перемежал со съемками в «Достоянии республики». Съемки фильма начались еще 22 июня, но без участия Миронова: снимали летнюю натуру в Шереметевском дворце в Кусково. Потом 6 июля переместились в Боровск. Именно туда и приехал на один день Миронов, чтобы сняться в эпизоде, когда Маркиз

снова встречает Кешку после его бегства из детского дома (там же сняли поджог склада, пребывание Макара в больнице и посещение его бывшим царским сыщиком).

В Челябинске «сатировцы» пробыли до 26 июля. А с 1 августа у них начались гастроли в Магнитогорске, которые длились до 16 августа. Затем актеры были распущены в отпуска. Егорова отправилась отдыхать на Адриатическое море (путевку ей достал Миронов, который старался всеми возможными способами загладить свою вину за потерю ребенка), а сам он продолжил съемки в «Достоянии республики». С начала августа съемки переместились в небольшой городок Кириллов (7 тысяч жителей). Там предстояло снимать эпизоды из финала ленты – логово бандитов-лагутинцев. Для съемок этих эпизодов были выбраны два монастыря: Кирилло-Белозерский и Ферапонтов. Окрестности деревни Щелково должны были стать местом съемок эпизодов «погоня за фургоном».

Однако не успели съемки начаться, как случилось ЧП: 10 августа едва не погибли двое каскадеров – Фирс Земцев и Юрий Федосеев. Первый (1919 года рождения) был каскадером с большим стажем работы, причем не только в кино (работал на фильмах: «Адъютант его превосходительства», «Неуловимые мстители» и др.), но и в цирке (он занимал должность режиссера в Государственном училище циркового и эстрадного искусства), второй – каскадер начинающий. Вдвоем они должны были поставить трюк – полет на тросе над монастырем (по сюжету один из циркачей таким образом спасает чекиста Овчинникова от бандитов-лагутинцев). Эпизод был снят с первого же дубля, и ЧП произошло уже после того, как была дана команда оператору «Стоп!». Причем вины каскадеров в случившемся не было – подвел водитель грузовика, к которому был привязан трос. Он забыл вытащить из-под заднего колеса кирпич, и, когда нажал на газ, произошел рывок, из-за чего трос оборвался. Земцев получил переломы обеих ног, а его напарник повредил подбородок.

Миронов приехал на съемки фильма спустя неделю после этого ЧП. Однако страсти вокруг этого происшествия все еще не улеглись, и съемочную группу продолжало лихорадить. Тут еще и режиссер фильма Бычков, говоря спортивным языком, частенько нарушал режим – приходил на съемочную площадку подшофе. То ли снимал стресс после случившегося, то ли еще что. Короче, съемки фильма шли ни шатко ни валко. Миронов (как и все остальные) сильно переживал по этому поводу, поскольку дорожил ролью Маркиза, и ему было горько от одной мысли, что съемки фильма могут вообще прекратиться. И поводы к этому были весьма серьезные.

Высокая комиссия из трех человек, которая была прислана из Москвы (ее возглавлял инженер по технике безопасности Е. Толстов), разобралась с ЧП, выявила степень вины каждого из участников инцидента и предупредила коллектив о недопустимости повторения подобных случаев впредь. Коллектив железно пообещал сделать из этого надлежащие выводы. Однако не прошло и недели после того как комиссия отбыла в Москву, как последовало новое происшествие на съемочной площадке. Причем на этот раз его последствия были куда более трагичнее.

Инцидент произошел в пятницу, 11 сентября, во время съемок в Вологде, куда съемочная группа переместилась из Кириллова (съемки там начались 9 сентября). В тот злополучный день на Софийской площади города снимался эпизод въезда цирковых фургонов в ворота кремля (по сюжету, это были ворота монастыря, где обитали лагутинцы). В съемках были задействованы восемь фургонов, которыми управляли десять каскадеров. Предпоследним фургоном управляли двое: опытный инструктор Юрий Котов (он, помимо каскадерства, еще и руководил местным народным цирком) и начинающий каскадер Валентин Мыльников, 23 лет от роду, работавший в том же народном цирке силовым жонглером. Стоит отметить, что до того, как режиссером была дана команда «Мотор!», фургоны трижды репетировали въезд. И ни разу не произошло накладки.

Как и в августовском случае, где решающую роль сыграла побочная причина – кирпич, в этот раз к трагедии привел… цирковой верблюд. Это он в тот момент, когда началась съемка, внезапно выскочил из-за кустов, чем сильно напугал лошадей седьмого фургона. Те резко рванули в сторону, в результате чего фургон стал заваливаться влево по движению. Мыльников попытался спрыгнуть с облучка, но далеко отскочить не успел, и фургон буквально впечатал его в землю. Котову повезло больше – его только ударило оглоблей по ногам. На милицейской машине Мыльникова доставили в больницу, где врачи поставили ему неутешительный диагноз – перелом позвоночника. В связи с тем, что это ЧП оказалось вторым по счету за месяц съемок, на студии имени Горького вскоре появится приказ, где будут ужесточены меры по технике безопасности на съемочных площадках. Что касается наказания для тех, кто непосредственно отвечал за случившееся, то и оно последовало незамедлительно: директора фильма сняли с работы, а режиссер-постановщик удостоился строгого выговора.

После того как съемки в Вологде были завершены, группа вернулась в Москву, чтобы в двадцатых числа сентября отправиться на натурные съемки в Ленинград. Миронов прибыл

туда вместе со всеми и довольно быстро отснялся в своих эпизодах: Маркиз спасает Кешку от дворника (с этого эпизода начиналось знакомство зрителя с Маркизом); Маркиз поет песню «Этот город мной любим…». Как мы помним, первоначально никаких песен в фильме не предполагалось, но Миронов уже настолько вошел во вкус этого дела, что упросил композитора фильма Евгения Крылатова написать для его героя какую-нибудь песню. И тот взял за основу замечательные стихи Беллы Ахмадулиной про Ленинград. В результате получился пусть вставной, но прекрасный музыкальный эпизод.

Что будет, то и будет,
Пускай судьба рассудит.
Пред этой красотой все суета и дым.
Бродяга и задира, я обошел полмира,
Но встану на колени пред городом моим…

В том же сентябре Миронов был утвержден в еще один кинопроект. Речь идет о фильме режиссера из Ленинграда Надежды Кошеверовой «**Тень»** по пьесе Е. Шварца. Миронову в нем предстояло сыграть героя, которого он уже однажды, во время учебы в «Щуке», играл, – журналиста-подлеца Чезаре Борджиа. Как мы помним, в «Щуке» Миронов играл его настолько вдохновенно, что слухи об этом ходили далеко за пределами Москвы. Слышала об этом и Кошеверова, что, собственно, и стало поводом для ее обращения к Миронову. Но до съемок фильма еще несколько месяцев, поэтому вернемся к осени 70-го.

Театр сатиры открыл свой новый сезон в Москве в субботу 26 сентября. В тот день показывали «Интервенцию». Затем часть труппы переместилась на Котельническую набережную, в квартиру к Александру Ширвиндту, чтобы в теплой дружеской компании отметить открытие сезона. Гулянка продолжалась до утра. После чего в понедельник начались трудовые будни: игрались спектакли, репетировались новые постановки. Той осенью в портфеле театра были четыре новинки: «Обыкновенное чудо» Е. Шварца, «Затюканный апостол» А. Макаенка, «Ревизор» Н. Гоголя и «Милый друг» Ги де Мопассана. В двух последних Миронов должен был играть главные роли: в «Ревизоре» это был Хлестаков, в «Милом друге» – Жорж Дюруа. Но до выхода этих спектаклей еще далеко, а пока Миронов играет в текущих постановках. 28 сентября это – «Женитьба Фигаро», 30-го – «У времени в плену».

Октябрьский репертуар Миронова сложился следующим образом: 4-го – «Интервенция», 6-го – «Женитьба Фигаро», 7-го –

«Баня», 8-го, 12-го – «У времени в плену», 13-го – «Дон Жуан», 14-го – «Женитьба Фигаро», 16-го – «Интервенция», 18-го – «Дон Жуан», 19-го – «У времени в плену», 21-го – «Женитьба Фигаро», 23-го – «Интервенция», 26-го – «Женитьба Фигаро», 28-го – «У времени в плену», 30-го – «Дон Жуан», 31-го – «Баня».

1 ноября Миронов играл в «Бане», далее шли: 3-го – «Женитьба Фигаро», 4-го и 6-го – «У времени в плену». Сразу после спектакля Миронов, Егорова и ряд других «сатировцев» отправились «гудеть» по привычному адресу – на квартиру Александра Ширвиндта в высотке на Котельнической набережной. Все были в прекрасном расположении духа, пили-ели, а в перерывах хохмили и устраивали розыгрыши. Правда, иные из этих розыгрышей приводили к легким потасовкам. Например, Егорова начала заигрывать с хозяином, а увидевший это Миронов, будучи подшофе, воспылал внезапной ревностью. Недолго думая, он влепил оплеуху возлюбленной, однако та не осталась в долгу: схватила со стола стакан с водкой и вылила его содержимое в карман пиджака Миронова. После этого выскочила из квартиры, попыталась убежать от любимого на лифте, но он догнал ее в кабине, и они… стали целоваться.

В разгар веселья кто-то вспомнил о завтрашнем празднике. Всплыла тема Ленина, революции и т. д. Тут же было решено перенести гулянку на Красную площадь. Поскольку все уже были в изрядном подпитии, никто даже не подумал о том, что эта прогулка может плохо закончиться для всех присутствующих. Как говорится, пьяным и море по колено. И вот уже через несколько минут вся гоп-компания топтала брусчатку главной площади страны. Подойдя к памятнику Минину и Пожарскому, Миронов, который всего лишь несколько часов назад играл пламенного большевика-ленинца Всеволода Вишневского, вытянул руку в сторону Мавзолея и разразился стишками ярко выраженного антисоветского толка:

Смотри-ка, князь,
Какая мразь
У стен кремлевских улеглась!

За такие стишки в те годы можно было легко схлопотать лет эдак пять за антисоветскую пропаганду, но, на счастье Миронова, поблизости не оказалось милиционера. Это обстоятельство развязало языки и остальным участникам гулянки. Выстроившись в колонну, они, четко чеканя шаг, потопали к Мавзолею, размахивая метлой с наконечником из красного пластмассового петушка. Тут уже Марк Захаров перехватил инициативу у

Миронова и запел: «В городском саду играет духовой оркестр. В Мавзолее, где лежит он, нет свободных мест…» Часовые, охранявшие покой вождя мирового пролетариата, стояли не моргнув глазом. Согласно служебной инструкции, они не имели права реагировать на окружающих. Они и не реагировали. А компания продолжала забавляться: метла с петушком переходила из рук в руки, кто-то начинал ею мести заснеженные булыжники площади, другой, подняв петушка над головой, орал благим матом: «Ку-ка-ре-ку!» В конце концов, видя, что никто на их эскапады не реагирует, артисты решили продолжить гулянку в другом месте – на квартире у Миронова в Волковом переулке. Там догуляли ночь, еще раз хорошенько приняли и утром 7 ноября всем гуртом вывалились на улицу, где уже вовсю отмечался праздник. Выпивший Захаров буквально ввалился в толпу демонстрантов, шедших на Красную площадь для участия в праздничном параде, и, выхватив у какого-то демонстранта красный флаг, заорал во всю глотку шлягер Александры Пахмутовой «Пока я ходить умею, пока я дышать умею…» Затем, напевшись, швырнул флаг обратно демонстранту и выскочил из толпы. Завершили они свою гулянку в столовой Белорусского вокзала, где вместе с транзитными пассажирами заедали водку слипшимися макаронами. А вечером того же дня Миронов снова вышел на сцену родного театра – пел свои юморные куплеты в «Интервенции».

В последующие дни Миронов играл в следующих спектаклях: 8 ноября – «Баня», 9-го – «Женитьба Фигаро», 10-го – «У времени в плену», 11-го и 15-го – «Дон Жуан», 16-го – «Женитьба Фигаро», 18-го – «Интервенция», 22-го – «Женитьба Фигаро», 23-го – «Баня», 24-го и 27-го – «У времени в плену», 28-го – «Интервенция», 30-го – «Женитьба Фигаро».

Последний месяц 70-го начался для Миронова в театре с «Интервенции» – он играл в ней 2 декабря. Затем шли: 6-го – «Дон Жуан», 8-го – «Интервенция», 11-го – «У времени в плену», 13-го – «Дон Жуан», 14-го – «Женитьба Фигаро», 18-го – «У времени в плену», 19-го – «Баня», 20-го – «Женитьба Фигаро», 22-го и 25-го – «У времени в плену», 26-го – «Баня», 27-го – «Интервенция».

Тем временем продолжаются съемки фильма «Достояние республики». После экспедиции в Ленинград работа переместилась в павильоны киностудии имени Горького, правда, двигался процесс медленно из-за разразившихся интриг. На студии нашлась целая группа товарищей, которая категорически требовала убрать из фильма режиссера-постановщика Владимира Бычкова: он, мол, и пьющий, и режиссер никудышный. Однако на защиту Бычкова встал сам зампред Госкино Борис Павленок,

который был дружен с режиссером еще в бытность их совместной работы в Белоруссии. Короче, Бычкова удалось отстоять.

Между тем после того как Миронов спел прекрасную песню «Этот город мной любим…», его стало обуревать жгучее желание спеть в картине что-нибудь еще. Ему казалось, что одной песни для Маркиза явно недостаточно. Причем вторая песня должна быть диаметрально противоположна первой – более экспрессивной, заводной. Он поделился этой идеей с Бычковым, который принял ее с большим воодушевлением. О том, что было дальше, послушаем рассказ поэта Юрия Энтина:

«29 декабря 1970 года мне звонит режиссер, представляется: „Владимир Бычков, киностудия имени Горького“, а я этой фамилии даже не слышал. И просит меня наисрочнейшим образом сочинить вместе с композитором Крылатовым песню о шпаге, и это надо сделать… к Новому году. Я говорю: „Как к Новому? Сегодня – 29-е!“ – „Очень надо!“ Привез сценарий, мне он необыкновенно понравился. 31 декабря, примерно в то время, когда люди уже садятся за стол и пропускают первую рюмку, я привез текст песни. Стихи Крылатову понравились, но выяснилось, что решающее слово принадлежит не ему и даже не Бычкову, а… Андрею Миронову. Андрей срочно приехал, прочитал и довольно строго спросил: „Вы внимательно прочли концовку сценария?“ „Конечно, – отвечаю, – ваш герой погибает“. – „Но в ваших стихах не хватает трагизма. Вам меня не жалко?“ Я заперся в комнате и за 15 минут написал куплет:

На опасных поворотах
Трудно нам, как на войне.
И, быть может, скоро кто-то
Пропоет и обо мне:
«Вжик-вжик-вжик!
Уноси готовенького…»

Миронов обнял меня, расцеловал: «Вот теперь – то что надо!» Потом он послушал музыку, тоже сказал, что чего-то не хватает, и предложил, чтобы в конце песня перешла в вальс. Крылатов выполнил его пожелание, и в результате получилась замечательная песня. После этого мы с Мироновым подружились, и я еще много написал песен для него…»

После посещения квартиры Энтина Миронов отправился встречать Новый год в ресторан ВТО (столик в дальнем конце зала забронировали его родители). Вместе с ним была Егорова, что не вызвало радости у мамы Миронова. Но Миронов постарался не обращать на это внимания и вел себя в ту ночь так

же естественно, как если бы матери в ресторане не было. В разгар веселья, когда алкоголь уже вовсю забродил в его жилах, он выскочил на сцену и в течение получаса лихо пел куплеты из «Интервенции», собственноручно аккомпанируя себе на рояле. Публика была в восторге.

1971

Волею репертуарного графика Театра сатиры Миронову пришлось выйти на сцену театра уже **1 января 1971 года** – вечером он играл в «Женитьбе Фигаро». Затем в течение четырех последующих дней он снимался в «Достоянии республики»: в 6-м павильоне киностудии имени Горького снимали эпизод, где Маркиз выступает в цирке с номером «однорукий Вильгельм Телль» – стоя спиной к Кешке и глядя в зеркальце, выстрелами из револьвера сбивает с него яблоки. Затем свою виртуозную меткость демонстрирует Макар Овчинников – он сбивает яблоки с дерева с завязанными глазами.

5 января Миронов играл в «Женитьбе Фигаро», после чего десять дней снимался все в том же «Достоянии республики».

Но тучи над режиссером фильма Владимиром Бычковым не рассеиваются. Недоброжелатели режиссера (среди них был один из мэтров советского кинематографа Станислав Ростоцкий), потерпев неудачу с попыткой выгнать его из постановки, решили добиться хотя бы его наказания. Это им удалось. 11 января на студии было собрано расширенное партийное бюро, которое обсудило ситуацию, сложившуюся в съемочном коллективе «Достояния республики». Режиссеру припомнили все: и два серьезных ЧП с каскадерами, и пьянки (Бычков даже в монтажную умудрялся приходить подшофе), и многое другое. В частности, сообщалось, что съемочная группа не уложилась в выделенные ей средства, более того – допустила перерасход денежных средств на астрономическую сумму 88 308 рублей. Плюс к этому серьезно отставала по метражу. На основании вышесказанного было решено наказать режиссера и 9 других человек из группы: им снизили постановочное вознаграждение, объявили строгие выговоры.

Следом за партбюро состоялось заседание худсовета, который наметил пути, по которым съемочной группе следовало двигаться, чтобы как можно быстрее и качественнее завершить съемки. Режиссеру было разрешено доснять новые сцены (расстрел в монастыре, песня Маркиза на барже, в фургоне, на кладбище, в спальне детдома, на крыльце церкви). Кроме этого, худсовет обязал Бычкова заменить актера Медведева, сыгравшего роль матроса Петровых, по причине его несоответствия образу. На эту роль был быстро найден другой исполнитель – Сергей Плотников.

Но вернемся к театральным будням Миронова. В следующий раз он вышел на сцену Театра сатиры вечером 16 января – в

спектакле «Баня». 17-го это была «Интервенция», 18-го – «Женитьба Фигаро», 19-го – «Интервенция», 22-го – «У времени в плену», 23-го – «Дон Жуан», 24-го – «Баня», 26-го – «Дон Жуан», 27-го – «У времени в плену», 29-го – «Интервенция», 31-го – «Женитьба Фигаро».

График спектаклей с участием Миронова в начале февраля выглядел следующим образом: 2-го – «Женитьба Фигаро», 5-го – «У времени в плену», 6-го – «Интервенция». Затем актер взял небольшой тайм-аут, чтобы продолжить съемки в фильме «Достояние республики». С 7 по 11 февраля он снимался в павильонных эпизодах. В частности, в том же павильоне № 6 был отснят музыкальный эпизод: в каюте баржи Маркиз учит Кешку фехтованию и поет ему «Песенку о шпаге». Ту самую: «Вжик-вжик-вжик! Уноси готовенького!»

Затем Миронов снова вернулся к сценической деятельности. 12 февраля он играл в «Бане», 13-го – в «У времени в плену», 15-го – в «Женитьбе Фигаро», 16-го – в «Интервенции», 17-го – в «Дон Жуане», 22-го – в «Женитьбе Фигаро», 23-го – в «Интервенции», 24-го – в «У времени в плену», 26-го – в «Бане».

Март начался для Миронова с «Женитьбы Фигаро» – он сыграл его 1-го. После чего он уехал в Ленинград, где в павильонах «Ленфильма» (в картине не будет ни одного натурного эпизода) уже чуть больше месяца Надежда Кошеверова снимала «Тень». Актерский состав в фильме подобрался великолепный: Олег Даль играл Ученого и его Тень, Марина Неелова – Аннунциату, Владимир Этуш – Пьетро, Зиновий Гердт – министра финансов, Людмила Гурченко – Джулию, Георгий Вицин – доктора, Анастасия Вертинская – Принцессу, Сергей Филиппов – Первого министра. Поскольку Миронов играл роль второго плана, съемочных дней у него было не так много и он мог позволить себе посещать съемки короткими наездами. Вот и в тот раз он пробыл в городе на Неве всего четыре дня (сняли эпизод, где Борджиа знакомится с Ученым) и вернулся в Москву. 6 марта он уже играл в «Бане», а 8-го справил юбилей – собственное 30-летие. Торжество отмечалось в ресторане Дома литераторов на улице Воровского. Поздравить именинника пришла пестрая толпа из представителей творческой интеллигенции «всех родов войск» – от режиссеров и артистов до писателей и музыкантов. Егорова малость припозднилась – участвовала в вечерней репетиции спектакля по пьесе Н. Погодина «Темп-1929» – и приехала на торжество с Марком Захаровым. Именинник демонстративно усадил припоздневшуюся гостью рядом с собой и стал оказывать ей самые активные знаки внимания. И этот жест не остался незамеченным. Спустя десять минут после того, как объявилась

Егорова, гости потеряли двух своих гостей – мать и отца именинника. Как читатель наверняка догадался, инициатором ухода была Мария Владимировна, которая продолжала люто ненавидеть пассию собственного сына.

Торжество длилось вплоть до закрытия ресторана, после чего кто-то предложил продолжить его в доме отпрыска знаменитого врача Збарского (того самого, что бальзамировал тело Ленина), благо тот жил неподалеку. Но когда толпа вывалила на улицу, произошло небольшое ЧП – Егорова ехать отказалась и побежала в сторону Арбата, где проживала. Именинник бросился за ней. Следом побежали и все остальные: Игорь Кваша с супругой, Татьяна Пельтцер, Борис Мессерер и другие. Поскольку на улице был гололед, а на беглянке была отнюдь не спортивная обувь, ее преследование длилось недолго. Уговоры тоже не заняли много времени: и вот уже спустя пять минут вся компания погрузилась в машины и рванула к Збарским. Гулянка продолжалась до утра.

Вечером 9 марта Миронов снова предстал перед зрителями: в Театре сатиры давали «Интервенцию». Между тем, за несколько часов до этого, утром на киностудии «Мосфильм» состоялось утверждение художественным советом кинопроб к фильму Эльдара Рязанова «**Старики-разбойники»**. Как мы помним, Миронов однажды уже снимался у этого режиссера – играл Диму Семицветова в «Берегись автомобиля». После этого между режиссером и актером установились теплые дружеские отношения, однако подходящей роли для Миронова в следующих проектах у Рязанова не находилось. Так длилось до «Стариков-разбойников», где Миронову было предложено сыграть небольшую роль главного негодяя – беспринципного карьериста Проскудина, который претендовал на служебное место следователя Мячикова, которого играл Юрий Никулин. Помимо двух этих актеров на том худсовете были утверждены и остальные: Евгений Евстигнеев, Ольга Аросева и Георгий Бурков. Но пока до съемок фильма еще остается несколько месяцев, поэтому Миронов продолжает выходить на сцену родного театра. 10 марта он играет в «У времени в плену», 12-го – в «Женитьбе Фигаро». 13–15 марта Миронов опять был в Ленинграде – снимался в «Тени». 16-го он снова вышел на сцену театра – играл плута Фигаро, после чего взял в театре длительный перерыв – на 12 дней. Это время он посвятил кинематографу: снимался в «Тени» и в «Достоянии республики». 29 марта он снова играл в «Женитьбе Фигаро», 31-го – в «Интервенции».

Не менее насыщенной была и личная жизнь Миронова. Его роман с Егоровой плавно шел к своему завершению, и это чувствовали оба его участника. Только если Татьяна

сопротивлялась этому вяло, то Миронов буквально рвал и метал и вел себя как обезумевший Отелло. Как пишет сама Егорова: «Он стал ночами врываться в мою квартиру, а я, без сил, запиралась изнутри, и соседи говорили, что меня нет дома. Тогда он объезжал все московские дома, разыскивая меня, потом возвращался на Арбат, вырывал дверь с корнем, хватал меня, спящую, с кровати – я летела, как перо, в угол, а он начинал под кроватью, в шкафах искать соперника. Потом срывал все картины со стен, бил об колено, и они с треском разлетались пополам. Потом это безумие превращалось в нежнейшую нежность…»

И снова взглянем на репертуарный график Миронова в театре. 2 апреля он играл Вишневского в «У времени в плену», 3-го – Фигаро, 4-го – Велосипедкина в «Бане», 6-го – Вишневского в «У времени в плену», 7-го – Жюльена, Папу и певца из ресторана в «Интервенции», 9-го – Фигаро, 10-го – Велосипедкина, 12-го – Вишневского. 13–17 апреля Миронов снова снимался в «Тени». Жил в своей любимой «Астории», иногда захаживая в гости к своему сводному брату Кириллу Ласкари, который жил с Ниной Ургант. Ох и натерпелась последняя от этих визитов, поскольку без розыгрышей дело не обходилось. Иные из них казались ей просто дикими. Например, однажды они разбили ее новенький автомобиль, а в другой раз… Впрочем, послушаем ее собственный рассказ:

«Однажды в пять утра раздается звонок в дверь. Мы с Кирой всполошились, запаниковали. Открываю: на пороге, совершенно голые, стоят Миронов, Ширвиндт, Гердт и, убей меня бог, не помню, кто четвертый, прикрывают причинное место руками. Лица такие печальные: „Нина, нас ограбили! Забрали абсолютно все! Пусти нас, бедных“. Я заохала, заахала, они же после этого полчаса смеялись не переставая. Оказалось: разделись внизу, чтоб меня так лихо разыграть!..»

18 апреля Миронов играл в театре Дон Жуана, 19-го и 21-го – в «Интервенции». Затем он снова умчался на берега Невы к Надежде Кошеверовой. Уезжая, он в который раз надавал Егоровой кучу обещаний: мол, скоро будет достроен кооператив на улице Герцена, они поженятся и переедут жить туда. Но Татьяна ни единому его слову не верила: за их почти пятилетний роман каких только обещаний из уст Миронова не прозвучало, а воз и ныне был там. Поэтому, едва он уехал, Егорова стала встречаться с одним известным сценаристом. Поскольку все это происходило на глазах у многочисленных свидетелей, утаить эту интрижку от Миронова было невозможно. 30 апреля тот вернулся в Москву, поскольку вечером того же дня ему предстояло играть в «У времени в плену». Но прежде Миронов решил объясниться с

возлюбленной. Он нашел ее в театральном буфете и потребовал объяснений. Егорова эти объяснения дала, выложив перед ним на столик ключи от двух его квартир, и сказала, как отрубила: «Все кончено!» В течение нескольких секунд Миронов молчал, видимо, приходя в себя, после чего внезапно схватил девушку за волосы и на глазах у изумленных коллег поволок ее в свою гримерку. Но на полдороге Егоровой удалось вырваться, и она снова забежала в буфет. Миронов бросился следом. Между ними завязалась потасовка, разнимать которую бросились сразу несколько человек. В конце концов, осознав, что победа ускользнула из его рук, Миронов отпустил девушку и, прокричав ей в лицо обидные ругательства, выбежал из буфета. Именно в тот момент в их многолетнем романе была поставлена окончательная точка.

Майские праздники Миронов и Егорова впервые за последние несколько лет провели отдельно друг от друга: он гулял в компании друзей-тусовщиков, она – со сценаристом. И в театре они сторонились друг друга: не общались и даже не здоровались.

Участие Миронова в спектаклях началось 3 мая – он играл Вишневского в «У времени в плену». Затем шли: 5-го – «Интервенция», 6-го – «Дон Жуан». После этого он взял очередной тайм-аут (7—21 мая) для съемок в кино. Ему предстояло отсняться в последних эпизодах «Достояния республики». В те дни снимали кульминацию фильма: гибель Маркиза. Помните, атаман Лагутин (по иронии судьбы в этой роли снимался друг Миронова Игорь Кваша) собирается расстрелять Макара и Маркиза, но перед этим предлагает последнему сделку – жизнь в обмен на расстрел произведений искусства. «Милостивый государь, – обращается Лагутин к Маркизу, – мои люди сказали мне, что они видели вас в цирке, как будто вы там демонстрировали фантастическую меткость в костюме Вильгельма Телля… Я предлагаю вам небольшую забаву. В этом барабане семь пуль. Если вы этими семью пулями разобьете головы семи терпсихорам, я оставлю вас в списке живущих на этом свете и даже отпущу вас на все четыре стороны». На что Маркиз остроумно отвечает: «Я в женщин не стреляю». После чего пытается достучаться до совести Лагутина: «Вы образованный человек. Уничтожать произведения искусства, по-моему, это варварство». Но у атамана нет совести. Он и отвечает сообразно этому: «Вы ошибаетесь, милостивый государь. Нет высшего наслаждения для интеллигентного человека, чем уничтожить мировой шедевр. А потом, я знаю простых людей». Лагутин обращается к своей банде: «Братья, вам нужны эти каменные бабы или вам нужны здоровые, работящие девки?.. Выбирайте, милостивый государь: или вы будете стрелять, или я. Я, конечно,

стреляю хуже, чем вы, но убежден, что даже одной из этих семи пуль с этого расстояния мне хватит, чтобы размозжить вам голову. Считаю до трех».

Лагутин успевает сосчитать до двух, когда Маркиз соглашается. Но это всего лишь хитрость с его стороны. Он получает от Лагутина револьвер и становится спиной к атаману и лицом к статуэткам. В решающий момент объявляет, усыпляя бдительность бандитов: «Смертельный номер! Зрителей со слабыми нервами просьба покинуть цирк!» И, когда бандиты ржут, выбросом руки с револьвером через плечо всаживает Лагутину пулю в живот. Тот валится с коня. Но Маркиз переживет его ненадолго. Через несколько секунд он падает на землю, изрешеченный пулями разъяренных лагутинцев. Это, безусловно, один из самых лучших эпизодов в картине по всем критериям: и по изобразительному ряду, и по актерской игре. Именно он поднимает этот, в общем-то, рядовой вестерн по-советски до уровня произведения искусства.

Основные съемки «Достояния республики» закончились 23 мая (еще ряд эпизодов доснимут 9—18 июня в Ленинграде). В тот день Миронов играл вечером в «Бане». Затем до конца месяца им были сыграны следующие спектакли: 26-го – «Интервенция», 28-го – «У времени в плену», 29-го – «Баня», 30-го – «Дон Жуан», 31-го – «Женитьба Фигаро».

В том же мае в жизни Миронова появилась девушка, которой в скором времени суждено будет стать его первой официальной супругой. Речь идет об актрисе Театра имени Маяковского 25-летней Екатерине Градовой. Она пришла в «Маяк» в 1969 году и за два года весьма удачно вписалась в коллектив. Достаточно сказать, что она чуть ли не с ходу получила роль в звездном спектакле «Таланты и поклонники», который поставила сама Мария Кнебель. Везло ей и в личной жизни: ее покровителем в театре стал Максим Штраух – самый знаменитый киношный Ленин. Однако, несмотря на все эти обстоятельства, в 1971 году Градова надумала сменить место работы. Переход был осуществлен сразу после возвращения Градовой из ГДР, где она снималась в самой своей звездной кинороли – радистки Кэт в сериале «Семнадцать мгновений весны». Вот как об этом вспоминает сама актриса:

«Сама не знаю почему, но в тот день я надела черную юбку и черный свитер – все черное, строгое. И вот, только я вошла в театр, как столкнулась с Андреем (Мироновым. – *Ф. Р.*). И он сказал:

– Ну наконец-то, долго мы вас ждали. Вы по поводу перехода?

Говорю:

– Да.

– Ну давайте, я вам помогу.

Я так удивилась, но думаю: если меня возьмут – то да, если нет – то нет.

Но, тем не менее, он зашел передо мной к Валентину Николаевичу, поговорил с ним, вышел и сказал:

– Идите, но потом не убегайте, найдите меня.

Я вошла к Плучеку, он меня братски благословил – поцеловал в лоб и сказал, что берет меня, все прощает (это о Театре имени Маяковского, куда я пошла после училища) и надеется на то, что я буду художником, на которого можно положиться и опереться, а не пойду путем любовных интриг и легкомысленности. А то, мол, у нас есть такие роскошные молодые люди, как Александр Ширвиндт, Михаил Державин, Андрей Миронов.

– Поэтому, девочка моя, – сказал он, – будь осторожна, держись от них подальше.

Я вышла из кабинета, Андрея нигде не увидела и подумала: «Зачем мне его искать, это некрасиво, да еще и после таких напутствий!» – и ушла домой.

Плучек зачислил меня в театр и разрешил продолжать съемки…»

Тем временем июнь начался для Миронова опять же с Фигаро – он играл его 1-го. 2–4 июня Миронов был в Ленинграде на съемках «Тени». 6-го он опять вышел на сцену родного театра – играл Вишневского в «У времени в плену». 7–8 июня снова снимался в Ленинграде. 9-го опять играл Вишневского, 12-го – Фигаро. 13–15 июня снова снимался. 16-го играл Вишневского.

17 июня в «Вечерней Москве» появилось интервью Андрея Миронова, взятое у него некоторое время назад журналистом И. Адовым. Приведу лишь небольшой отрывок из него: «Отвечая на мой вопрос о том, какими путями шел он к постижению характера своего героя (Вишневского. – *Ф. Р.*), Андрей Миронов преобразился, словно бы освещенный изнутри. Он по памяти стал цитировать строки из дневников писателя. Было видно, что он влюблен в эту поразительную личность, озарен ее нравственной чистотой, целеустремленностью, неподдельной верой в правоту великой цели, к которой партия ведет народ. Артист произносил слова покойного писателя как свои, выношенные в долгие дни работы над ролью, выстраданные в поисках истины. Он говорил о коммунистах, чей духовный мир сформировался в далекие годы Гражданской войны… Как нестерпимо жаждал он вновь пережить в своем сознании величие той грозовой эпохи – пусть мерзнуть, гореть и тонуть, но жить борьбой и шагать вперед, вперед, вперед…»

18 и 21 июня Миронов играл в «Женитьбе Фигаро».

Между тем Татьяна Егорова, поставив жирный крест на своем любовном романе с Андреем Мироновым, пыталась забыться в общении с другим мужчиной – тем самым известным сценаристом, с которым судьба свела ее некоторое время назад. Будучи большим знатоком антиквариата, он водил ее по комиссионным магазинам Москвы, где они подолгу выуживали из груды старинных чашек, тарелок, блюдец ценные экземпляры, чтобы затем купить их и с особым пристрастием разглядывать уже дома. При этом сценарист рассказывал такие интересные вещи про редкую посуду, что Егоровой никогда не было с ним скучно. Однако она ловила себя на мысли, что, даже несмотря на идиллические отношения с новым партнером, ее прошлый возлюбленный Андрей Миронов никак не идет у нее из головы.

А что же сам Миронов? Не желая отставать от своей бывшей возлюбленной, он тоже нашел себе новый объект страсти – Екатерину Градову. Как мы помним, впервые они увиделись в мае, когда та пришла устраиваться на работу в Театр сатиры. Их свидание было мимолетным и ни к чему не обязывающим. Так, во всяком случае, считала сама Градова. Миронов был иного мнения. Спустя месяц он позвонил Екатерине домой и попросил ее о свидании, как он сказал, «по очень важному делу». Эти слова чрезвычайно заинтриговали Градову, и она согласилась. Свидание выпало на вторник 22 июня. Однако никакого «дела» на самом деле не было. Миронов просто отругал девушку за то, что она не смогла найти его в тот день, когда была у Плучека. «Мы же договорились!» – в сердцах молвил Миронов, хотя никакого уговора между ними на эту тему лично Градова не помнила. Но разубеждать своего кавалера не стала. В тот день они мило провели время, чередуя пешие прогулки по Москве с катанием на мироновском автомобиле. Расставаясь, договорились встретиться через неделю.

26 июня Миронов играл в «Интервенции», 27-го – в «Дон Жуане».

29 июня состоялось новое свидание Миронова и Градовой, на котором наш герой внезапно сделал девушке официальное предложение руки и сердца. И Градова его приняла, несмотря на то что влюбленные виделись до этого друг с другом всего лишь пару-тройку раз! Чем объяснить подобную скороспелость, непонятно. Ладно Миронов: он, видимо, хотел досадить Егоровой, зная о том, что она проводит все свободное время на даче у сценариста, но вот Градова – что двигало ею? Но факт есть факт: на той встрече молодые определили, что поженятся 30 ноября. Сначала выбрали другое число, 22 октября, однако родители

Миронова заставили их поменять дату, поскольку в эти дни они уезжали на гастроли в другой город. Как вспоминает Е. Градова: «Всю ту неделю, пока Андрей за мной ухаживал, он с родителями отдыхал на Красной Пахре, на даче, и по утрам приезжал в Москву, предварительно обламывая всю сирень и набивая банки клубникой. И все это он привозил на съемки в павильон (имеются в виду съемки фильма „Семнадцать мгновений весны“. – *Ф. Р.*) и во время перерывов кормил меня клубникой и засыпал сиренью…

А для родителей его поведение в эту неделю было загадкой. Он чуть свет вставал, пел, брился, раскидывал рубашки, галстуки, без конца переодевался.

И вот когда Мария Владимировна приехала в Москву – они жили тогда еще на Петровке, в Рахмановском переулке, – Андрей привел меня к ней домой. В тот день мы подали заявление, 29 июня, и пришли к его ничего не подозревающей маме.

Мария Владимировна сидела в своей комнате, держала ноги в тазу, и возле нее хлопотала их семейная очень милая педикюрша. Мария Владимировна не могла в тот момент встать, выйти и встретить меня. Андрей – краснея, а я – бледнея, зашли. Я держала гигантский букет роз. Мария Владимировна сказала:

– Здравствуйте, барышня, проходите. – Спросила: – По какому поводу такое количество роз среди бела дня?

Андрей быстро схватил меня с этими розами, запихнул в соседнюю комнату со словами:

– Я тебя умоляю, ты только не нервничай, не обращай ни на что внимания, все очень хорошо.

И остался наедине с мамой. Перед тем как мы подали заявление, он не поставил ее в известность. Я только услышала какой-то тихий ее вопрос, какой-то шепот. Потом вдруг она сказала:

– ЧТО?!! – и гробовая тишина. У меня все тряслось от страха. Он еще что-то объяснял. И она пригласила меня войти. Говорит:

– Андрей, посади свою невесту, пусть она засунет ноги в таз.

Я села, ни слова не говоря, мне принесли чистую воду. Я ничего не соображала, и педикюрша Зиночка сделала мне педикюр. Если бы мне в тот момент отрезали не ногти, а целый кусок ноги, мне кажется, я бы не почувствовала. Я была теперь прикована к этому злополучному тазу, все плыло перед глазами, а Мария Владимировна мимо меня ходила и сверлила взглядом. А я и не знала, какое мне делать лицо. Я чувствовала себя завоевателем, каким-то похитителем, вором, и мне давали понять, что так и есть на самом деле.

Потом мы быстро убежали… Мы праздновали нашу помолвку в гостях у Вали Шараповой…»

В начале июля Миронов начал свои съемки в комедии «Старики-разбойники» (съемки начались еще 18 июня, но без Миронова). 3–8 июля были отсняты павильонные эпизоды с участием его героя: Проскудин сидит в кабинете своего покровителя, когда тот звонит в прокуратуру; Проскудин приходит заменить следователя Мячикова; Мячиков выпроваживает Проскудина, угрожая ему пистолетом; Проскудин выступает в суде (сон Мячикова) и др.

В эти же дни Миронов участвовал в озвучании фильма «Достояние республики». На этом работа Миронова над образом Маркиза была закончена. Согласно финансовой ведомости, эта роль принесла ему гонорар в размере 3440 рублей (другие актеры удостоились следующих сумм: Олег Табаков – 4128 рублей, Витя Галкин – 1531 рубль 20 копеек, Спартак Мишулин – 1250 рублей, Евгений Евстигнеев – 650 рублей, Игорь Кваша – 485 рублей, Вася Бычков – 129 рублей 55 копеек.

И снова вернемся к спектаклям Миронова в Театре сатиры. 13 июля он вновь играл в «Женитьбе Фигаро», 16-го, 18-го, 24-го – в «Интервенции», 26-го и 28-го – в «Женитьбе Фигаро», 31-го – в «У времени в плену». И все эти дни Миронов крутил любовь с Градовой. Причем старался, чтобы об этом романе не проведали в театре. В качестве хранителя своих секретов он выбрал мужа Веры Васильевой Владимира Ушакова. Тот после спектакля приходил в гримерку к Градовой и сообщал ей место, где ее будет ждать Миронов. Она скоренько смывала грим, облачалась в цивильную одежду и выскальзывала из театра. Миронов ждал ее неподалеку – на другой стороне Садового кольца, возле гостиницы «Пекин». Там он сажал Градову в свой автомобиль, и они мчались в какой-нибудь ресторан. Конечно, в таком коллективе, как театр, долго хранить в тайне роман двух актеров невозможно. Поэтому о нем вскоре стало известно всем, в том числе и Плучеку. Говорят, известие о том, что премьер его театра собрался жениться на молодой актрисе, повергло Плучека в шок. До этого он считал, что Миронов со всеми своими потрохами принадлежит только ему и родителям, а теперь в этот союз вмешивалась совершенно посторонняя женщина. И на какое-то время Плучек Градову буквально возненавидел. Но потом, когда понял, что ничего изменить уже не удастся, выбрал самый правильный вариант – сменил гнев на милость.

Между тем 1 августа 1971 года Театр сатиры закрыл сезон в Москве спектаклем «Женский монастырь», в котором Миронов вот уже несколько лет не играл.

В середине августа ТВ расщедрилось сразу на два фильма с участием Андрея Миронова, причем самых лучших: 11-го

показали «**Бриллиантовую руку»** (18.55), 13-го – «**Берегись автомобиля»** (21.00).

В августе Миронов съездил в Ленинград, где в течение нескольких дней озвучил своего Чезариа Борджиа в фильме «Тень». За эту роль он удостоился гонорара в 2020 рублей (другие исполнители получили следующие суммы: Олег Даль – 4980 рублей, Владимир Этуш – 1980, Анастасия Вертинская – 1920 рублей, Георгий Вицин – 1857 рублей, Людмила Гурченко – 1575 рублей, Зиновий Гердт – 1500 рублей, Марина Неелова – 1106 рублей, Сергей Филиппов – 686 рублей.

Вторую половину августа Миронов отдыхал в любимой Прибалтике, в Пярну. В Москву вернулся в конце месяца, поскольку в самом начале сентября – 4-го – ему предстояло открыть сезон спектаклем «Женитьба Фигаро». Затем на целую неделю Миронов из репертуарного графика выпал, посвятив это время кино и телевидению. Сначала он улетел во Львов, где Эльдар Рязанов снимал натуру «Стариков-разбойников». У Миронова там было всего лишь несколько эпизодов: Проскудин убегает на автомобиле от Мячикова, но тот догоняет его на вертолете и спускается на крышу автомобиля, чтобы сорвать с Проскудина маску (сон Мячикова); Мячиков выводит Проскудина из прокуратуры и тычет ему в лицо пистолетом и др. Вернувшись в Москву, Миронов снялся в телеспектакле своего родного Театра сатиры «**Малыш и Карлсон»**. Стоит отметить, что в театральной версии Миронов не участвовал, но в телевизионную Плучек его взял, отдав Миронову роль чердачного вора Рулле. Сыграл его Миронов блистательно, в духе Геши Козадоева. Даже веселую песенку «Работа чистая, работа славная» спел, элегантно танцуя на крыше.

12 сентября Миронов снова играл репертуарный спектакль – «Дон Жуан, или Любовь к геометрии». Он играл, а по ТВ тем временем в очередной раз шли «Три плюс два» (20.15).

15 и 18 сентября Миронов был занят в «Интервенции», 21-го – в «У времени в плену», 24-го – в «Дон Жуане», 25-го и 27-го – в «Женитьбе в Фигаро». Параллельно с этим Миронов репетировал в театре новую роль – Хлестакова в «Ревизоре» Н. Гоголя. Роль из разряда желанных, поэтому он отдается ей всецело, иной раз даже жертвуя личной жизнью, на что его новая пассия – Екатерина Градова – реагирует с пониманием. Ей вполне хватает общения с Мироновым и в театре. Кроме того, она сама связана по рукам и ногам работой: помимо театра она продолжает съемки в сериале «Семнадцать мгновений весны». В те сентябрьские дни снимались эпизоды пребывания Кэт в берлинском госпитале.

Октябрьский репертуар Миронова складывался следующим

образом: 1-го он играл в «Женитьбе Фигаро», 3-го – в «Бане», 5-го – в «Дон Жуане». Затем неделю Миронов в спектаклях занят не был, репетируя Хлестакова. 12-го он играл в «Интервенции», 13-го – в «Женитьбе Фигаро».

15 октября на экраны страны вышел очередной художественный фильм с участием Андрея Миронова. Речь идет о совместной советско-венгерской героической комедии «**Держись за облака»**, где Миронов сыграл гротесковую роль Генерала. Роль была не главная, но кинопрокатчики поступили хитро: на афишах именно фамилию Миронова набрали крупным шрифтом. Увы, уловка не удалась: уже первые зрители раскусили хитрость, и последующая публика шла на картину неохотно. Даже несмотря на то, что в фильме, помимо Миронова, участвовали и другие звезды отечественного кино: Светлана Светличная, Василий Шукшин и др.

И снова вернемся к театральным работам Миронова. 15 и 19 октября он играл в спектакле «У времени в плену», 20-го – в «Женитьбе Фигаро», 25-го – в «Интервенции», 29-го – в «Женитьбе Фигаро», 30-го – в «Дон Жуане».

Ноябрь начался для Миронова с «Интервенции» – он играл в ней 3-го. Затем шли: 6-го – «У времени в плену», 7-го – «Баня», 9-го – «Женитьба Фигаро». На следующий день Миронов улетел во Львов, где Рязанов снимал последние натурные эпизоды «Стариков-разбойников». Одна из участниц тех съемок – Ольга Аросева – вспоминает:

«Помню, голодные и усталые, мы пришли в нашу львовскую гостиницу, в ресторан, и хотели поужинать. Но не тут-то было! Ресторан был занят: праздновался День милиции. Рязанов, Андрей Миронов и я решили „выдвинуть“ самого популярного из нас – Юрия Никулина – для переговоров со стражем порядка, охранявшим покой милиции. Бойко подойдя к нему, Никулин доверительно сказал: „Эти ребята со мной!“ – „А ты кто такой? Мы твою пьяную рожу приметили, каждый день сюда ходишь!“

С трудом, после долгих переговоров, узнав актера, нас наконец впустили. А милиция обласкала, напоила, накормила… И вдруг один даже попросил съездить на машине к его маленькому сыну домой, иначе тот не поверит, что отец сидел за столом с самим Юрием Никулиным. Была уже поздняя ночь, когда мы приехали. Разбудили спавшего малыша, показали ему Никулина, отправили обратно. А чтобы мальчишка не подумал, что ему сон приснился, на следующий день во время телевизионного интервью Никулин сделал специальное отступление от темы: назвал мальчика по имени и с экрана подтвердил, что приезжал к нему в гости минувшей ночью…

В те дни во Львове часто шли дожди, а Рязанову позарез нужен был снежок, серенький зимний рассвет, в который уходят и там растворяются наши старики.

У нас имелся и ветродуй, и специальная пушка по имени Большая Берта, как у кайзера Вильгельма в Первую мировую войну. Но вот чего не было, так это снега. Рязанов и оператор пробовали разнообразные заменители. Заряжали пушку манной крупой и выстреливали в воздух. Потом заряжали мелкими макаронами-звездочками и стреляли. Иллюзии не получалось.

В ожидании снега мы улетели на короткий срок в Москву…»

На сцену Театра сатиры Миронов вышел 13 ноября – играл в «Бане». Затем шли: 15-го – «Женитьба Фигаро», 16-го – «Дон Жуан», 17-го – «Баня», 19-го – «Интервенция», 24-го – «Дон Жуан», 27-го – «У времени в плену» (день, вечер), 29-го – «У времени в плену» (вечер).

30 ноября в жизни Миронова произошло знаменательное событие – он впервые женился. Его женой стала его коллега по Театру сатиры Екатерина Градова. Как мы помним, их роман развивался стремительно: в мае они познакомились, в июне начали встречаться и тогда же определили точную дату свадьбы. Столь скоропалительные отношения удивляли многих, но только не тех, кто близко был знаком с Мироновым. По их мнению, он таким образом хотел забыть свою прежнюю любовь – Татьяну Егорову, которая отринула его в угоду известному сценаристу. По ее словам:

«Наступил день свадьбы. С утра в моей коммунальной квартире с амурами раздался телефонный звонок. Это был Андрей:

– Таня! – кричал он. – Танечка! Я не хочу! Я не пойду! Та-а-а-а-ня! Я не хочу! Я сейчас приеду! Та-а-а-а-а-ня!

– Иди, иди, проштампелюйся! Помучайся, это ненадолго! – жестко ответила я. – И никаких приездов!

Бросила трубку, посмотрела на амуров и выругалась: «Подколесин хренов!»

Как утверждают очевидцы, совместная жизнь Миронова и Градовой не заладилась с первых же дней. Мол, первый скандал возник, как только они расписались, уже в поезде, в свадебном путешествии по дороге в Ленинград. Говорят, виновниками скандала были друзья Миронова Александр Ширвиндт и Марк Захаров. Завзятые прикольщики, они не удержались от розыгрыша и на этот раз. Во время привокзальной суеты с распитием шампанского они незаметно для молодоженов положили в их чемоданы несколько кирпичей и портрет Ленина. И когда Миронов взялся за чемоданы и охнул от их тяжести,

друзья были просто на седьмом небе от счастья. Еще сильнее их развеселило то, что молодожены так ни о чем и не догадались и внесли тяжеленные чемоданы в купе. «Вот будет забава!» – потирали руки шутники, предвкушая, как вытянутся лица у молодых, когда они узнают правду. Лица у молодоженов действительно вытянулись, причем сильнее всего у невесты. Она шутки не оценила и начала проклинать друзей жениха, а вместе с ними и самого Миронова на чем свет стоит. Жених в ответ вспылил, и, как говорится, понеслось. В итоге свадебное путешествие было испорчено. Говорят, Миронов тогда был чуть ли не на грани развода, однако его отец – мудрый Александр Менакер – посоветовал сыну не торопиться, объяснил возникший скандал тем, что талантливые женщины всегда строптивы. Короче, ситуацию тогда удалось стабилизировать.

В Москву молодожены вернулись 1 декабря, поскольку вечером Миронову предстояло играть в спектакле «У времени в плену». 3-го он играл в «Интервенции», 6-го – в «У времени в плену», 8-го – в «Интервенции», 11-го – в «Женитьбе Фигаро», 13-го и 19-го – в «Дон Жуане», 22-го и 28-го – в «Женитьбе Фигаро». В перерывах между игрой в театре Миронов репетировал Хлестакова и занимался озвучкой «Стариков-разбойников». За роль подлеца Проскудина в последнем фильме актер удостоился в общем-то скромного гонорара в 710 рублей (остальным актерам начислили следующие суммы: Ю. Никулин – 5675 руб., Е. Евстигнеев – 4100 руб., О. Аросева – 1625 руб., Ю. Белов – 1130 руб. 60 коп., Г. Бурков – 598 руб., Т. Никулина – 437 руб., Л. Дуров – 373 руб.).

В том же декабре Андрей Миронов поссорился со своим другом, актером «Современника» Игорем Квашой. По словам Н. Пушновой, это выглядело следующим образом:

«Произошла очень неприятная история. Андрей пригласил Квашу в гости, на улицу Волкова, в маленькую квартирку, куда привез Катю (Градову. – *Ф. Р.*). Игорь немножко нахулиганил. Андрей очень обиделся. Искренний, чистый человек, он относился к людям по-детски открыто и совершенно не понимал цинизма в отношениях. А поступок друга был циничен. Андрей обиделся настолько, что много лет (по словам самого Кваши, только год. – *Ф. Р.*) не общался с Квашой. Потом помирился. Так или иначе, пренебрежительная выходка друга была связана с Катей. Совместная жизнь начиналась беспокойно…»

1972

Наступление этого года Миронов встретил с законной супругой в новой квартире своих родителей на улице Танеевых (Миронова и Менакер переехали туда за несколько месяцев до этого). Затем молодые отправились догуливать праздник на квартиру кого-то из друзей. Все было вполне традиционно: выстрелы пробок от шампанского, юморные тосты, розыгрыши. В тот же день в 15.15 по московскому времени по ТВ состоялась премьера телеспектакля «**Малыш и Карлсон»**. Как мы помним, Миронов играл в нем чердачного вора Рулле. Прекрасно помню свои личные впечатления от этого спектакля – полный восторг. В течение трех лет, пока этот спектакль шел на сцене Театра сатиры, посмотреть его могла лишь незначительная часть детворы. Телевидение ликвидировало этот недостаток – донесла «Малыша и Карлсона» до всех детей Советского Союза. И это не преувеличение: его видела вся советская детвора без исключения. Мне лично в спектакле нравились три исполнителя: Спартак Мишулин (Карлсон), Андрей Миронов (Рулле) и Константин Райкин (жених сестры Малыша). Песню Миронова-Рулле «Работа чистая, работа славная» я выучил наизусть.

Всю первую половину января Миронов был освобожден от репертуарных спектаклей и занимался только одним – репетировал Хлестакова. И перед зрителями он предстал только 15 января в образе Дон Жуана. Затем спектакли пошли чередой: 16-го – «Баня», 19-го – «Женитьба Фигаро», 21-го – «Интервенция», 22-го – «У времени в плену», 24-го – «Женитьба Фигаро». Спектакль закончился в десять вечера, а за полчаса до этого (в 21.30) по ТВ началась демонстрация дебютного фильма Андрея Миронова «А если это любовь?». Естественно, на показ он не успел.

29 января Миронов играл в «Дон Жуане», 31-го – в «У времени в плену».

Февраль начался с «Интервенции» – 2-го. Затем шли: 4-го – «У времени в плену», 5-го – «Дон Жуан», 11-го – «Интервенция», 14-го – «Женитьба Фигаро», 15-го – «Баня», 21-го – «Женитьба Фигаро», 23-го – «У времени в плену», 28-го – «Женитьба Фигаро».

Тем временем союз Миронова и Градовой продолжал удивлять многих. Все-таки разность их характеров нельзя было скрыть ничем. Если с Егоровой Миронов чувствовал себя свободным и раскованным и с удовольствием брал ее в свои мужские компании, то с Градовой этот номер уже не проходил. Но иначе и быть не могло. Миронов сам явился инициатором

того, чтобы его жена стала хранительницей семейного очага и ничем, кроме домашнего хозяйства, заниматься не имела права. В театре она играла от случая к случаю, в кино не снималась (ей было разрешено только сниматься в «Семнадцати мгновениях весны»). Однако, пойдя на эти жертвы, Градова имела полное право и от мужа требовать соблюдения определенных норм и правил. Во-первых, сократить до минимума посещение различных тусовок, во-вторых, остепениться в своих отношениях с противоположным полом. Но Миронов был из тех мужчин, которые привыкли играть исключительно в одни ворота. Поэтому полного взаимопонимания с супругой у него не было и быть не могло. Во всяком случае с Градовой.

Март тоже начался с «Интервенции» – 3-го. Далее шли: 4-го – «Баня», 6-го – «Женитьба Фигаро». 8 марта Миронову исполнился 31 год. Гуляли в ресторане Дома литераторов в присутствии многочисленных друзей и коллег. После этого три дня именинник отдыхал. Перед зрителями он снова предстал 11-го – играл Вишневского в «У времени в плену». 13-го это была уже «Интервенция», 14-го – «Женитьба Фигаро», 20-го – «У времени в плену».

26 марта вместо ранее объявленного спектакля «Дон Жуан, или Любовь к геометрии» была показана премьера «**Ревизора»**. В спектакле был задействован звездный состав: Андрей Миронов (Хлестаков), Анатолий Папанов (Городничий), Вера Васильева (Анна Андреевна), Татьяна Ицыкович (Марья Антоновна), а также Георгий Менглет, Александр Ширвиндт, Борис Новиков и др. Отзываясь об этой роли Миронова, А. Вислова пишет:

«Да, Хлестаков получился самым неуловимым характером у актера, но таким он написан Гоголем. Ему присуща множественность черт, раскрывающихся в бурлящей фантасмагорической смене настроений и поступков. Хлестаков Миронова как ртуть мгновенно переливался из одного состояния в другое. Его в прямом смысле несло неведомо куда, как бы во все стороны сразу.

В год премьеры спектакля критика много писала об «инфантильности» Хлестакова – Миронова, его «неестественной хрупкости», «эфемерности», «ломкости» и «зыбкости». На самом деле за ним скрывалась необычайная внутренняя подвижность Хлестакова. Миронов старался не упустить ни одного из свойств своего персонажа. Появляясь перед зрителями в чуть серебрящемся фраке (даже в одежде Хлестакова было нечто переливчатое), с тростью в руке, он скользил по сцене, причудливо меняя жесты и позы, внезапно переходя от шепота к резким вскрикам. Трость – игрушка молодого щеголя – то вдруг

превращалась в орудие угрозы (от резких ударов которой по столу первым съеживался ее обладатель), то временами вид ее действительно навевал чаплиновские мотивы. Каскадом непредсказуемых движений и интонаций Миронов передавал и трусость Хлестакова, и беззастенчивую браваду, сочетавшуюся с бесстыдством завзятого враля, и нелепость фейерверочных фантазий маленького бедного чиновника. Только что он в страхе пятился от Городничего, а через несколько мгновений уже парил во вдохновенном экстазе. Только что полз по полу на четвереньках, а в следующую секунду бездумно и грациозно выделывал па бального танца…

Без юмора и иронии Миронов не мог ни играть, ни просто существовать. В них заключалось его спасение от жизненных неурядиц. Они наложили особый, неповторимый отпечаток на все создания артиста. Хлестаков не был исключением. Скорее, напротив, именно на этом спектакле Миронов чаще обычного доводил зрителей до приступов почти гомерического хохота. Вызывал их внезапно, резко и так же моментально гасил…

Миронов, когда был «в ударе», играл захлебываясь. Его партнеры по сцене всегда это чувствовали и в определенные моменты почтительно, с осторожностью расступались, давая простор его артистическому буйству. А сами на минуты превращались в наблюдательных зрителей. Когда в сцене вранья в доме Городничего Хлестаков – Миронов после фейерверка стремительных мини-показов своей «шумной петербургской жизни», сопровождавшихся обычно непрекращающейся импровизацией в общении со всеми, кто стоял в тот момент на сцене, обессиленно падал со стола в руки своих коллег, чуть не до головокружения заверченных скоростью монолога и параллельным остроумным обыгрыванием их сиюминутного, застигнутого врасплох состояния, то и актеры и зрители наконец на секунду получали возможность для передышки. Привыкнуть к мироновским эскападам было, по-моему, невозможно. Они всегда были непредсказуемы…»

Критика отнеслась к новой роли Миронова по-разному. Одни считали ее его несомненной удачей, очередным шагом вперед в его актерском совершенствовании, другие, наоборот, сочли ее чуть ли не провальной. Истина, как всегда, была где-то посередине. По словам все той же А. Висловой: «Вероятно, несоответствием режиссерского замысла задачам, которые он ставил перед актерами, частично объясняется и то обстоятельство, что роль Хлестакова не получилась у Миронова столь законченной и совершенной, как иные лучшие создания артиста. Но, на мой взгляд, есть и другие причины. Их следует

искать в психологии, мироощущении и человеческой натуре Миронова. Что-то в нем сопротивлялось перевоплощению в Башмачкина. Фантастическая заземленность человеческого характера, изображенного Гоголем, не сочеталась с романтической настроенностью души актера. Внутренняя дисциплина ощущалась всегда. Отсюда возникала некоторая, не свойственная Миронову неестественность интонаций, вроде бы и отвечавших замыслу, но не собственному голосу актера. Они были не фальшивыми, а именно чужими. Миронов это, кстати, чувствовал и, наверное, поэтому не мог назвать при всем соблазне роль Хлестакова своей любимой.

В противоречивом отношении к спектаклю он был не одинок. Мне как-то случайно довелось услышать за кулисами реплику А. Папанова накануне очередного «Ревизора»: «Тяжелый спектакль». В самом деле, нелегко было каждый раз собирать его оформление и нелегко в нем было играть артистам. Хотя в процессе спектакля они разыгрывались, но большого энтузиазма играть перед его началом я не замечала ни у кого. Тем более не было видно того вдохновенного порыва, с которым приходил Миронов в театр в те вечера, когда будет играться другой спектакль – «Горе от ума»…

Роль Хлестакова оказалась переломной для актера. Если его Фигаро в год премьеры был весь пронизан духом «шестидесятников» с их культом жизнеутверждения, молодого задора, искренности, романтики и веселой энергии, то Хлестаков изначально был увиден глазами человека иного мироощущения. Видимо, поэтому он тогда и удивил многих. Далеко не все осознали и прочувствовали происходящие на глазах перемены, далеко не все оказались подготовлены к резкой смене настроя души. Думаю, и сам Миронов пришел к новому настроению не сознательно, а, скорее, интуитивно. Может быть, отчасти этим объясняется неясность созданного им образа. Он уловил нарастающие новые звуки в нашей жизни, но глубинную суть их сам для себя тогда еще объяснить не мог. Его Хлестаков был то жалок, то смешон, то грозен, то циничен. Единственное, чего в нем не было, – это душевной легкости, которая до того жила во всех героях Миронова. Зато неутихающей душевной тревоги в нем появилось в избытке. Именно это состояние стало потихоньку доминировать и в жизни, и в творчестве актера. Юношеская безмятежность навсегда уходила в прошлое…»

4 апреля Миронов снова играл в «Ревизоре», 7-го – в «Бане». Два последующих дня он был свободен от спектаклей, будучи занятым только на репетициях.

Субботним вечером 8-го (в 18.15) по телевидению показали бессмертную комедию Леонида Гайдая «**Бриллиантовая рука**».

Это был третий показ этого фильма по ЦТ, причем самый печальный. Дело в том, что цензоры с телевидения, вооружившись ножницами, обкарнали ленту, выкинув из нее ряд эпизодов. В частности, была сокращена сцена соблазнения Горбункова белокурой красоткой в гостинице. Чем руководствовались цензоры понять было сложно: ведь с момента выхода фильма на экраны страны – а это случилось в 1969 году – его уже успели посмотреть практически все.

Между тем в тот субботний вечер зрителем фильма был и исполнитель главной роли – Юрий Никулин. Увиденное его крайне огорчило. И спустя месяц в интервью «Литературной газете» он заявит: «Недавно шла по телевизору „Бриллиантовая рука“ в каком-то непонятном сокращенном варианте. Ощущение такое, словно держишь в руках любимую книгу, а кто-то взял и повырывал из нее страницы. Понимаю, что все это недоразумение, оплошности. Но нам, актерам, такие „оплошности“ кровь портят…»

Очередной спектакль Миронов играл 10 апреля – это была «Женитьба Фигаро». Далее шли: 12-го – «Ревизор», 14-го – «У времени в плену», 15-го – «Интервенция» (день) и «Дон Жуан» (вечер), 16-го – «Женитьба Фигаро», 18-го – «Ревизор», 19-го – «У времени в плену», 24-го – «Женитьба Фигаро», 25-го – «Ревизор», 28-го – «Интервенция».

28 апреля на всесоюзный экран вышел фильм «**Достояние республики»**. И мгновенно стал чуть ли не фаворитом проката, поскольку еще задолго до премьеры СМИ успели сделать ленте хорошую рекламу: писали о прекрасной работе Андрея Миронова, по радио прозвучала «Песенка о шпаге», которая мгновенно стала всенародным шлягером. Короче, простой зритель принял картину восторженно. Причем не только юный зритель. В августовском номере журнала «Советский экран» (№ 18) было помещено письмо свердловчанки Л. Гарян, которая писала: «Пишу это письмо с единственной целью: сказать создателям фильма „Достояние республики“ сердечное спасибо. Сегодня посмотрела фильм со своей дочерью. Мы обе ушли из кинотеатра под большим впечатлением. Не могу удержаться, чтобы не выразить благодарность режиссерам, актерам и всем создателям фильма.

Невольно напрашивается сопоставление этого фильма с другим почти на ту же тему – «Приключения неуловимых» (3-я серия). «Достояние республики» несравненно сильнее, богаче, содержательнее. Этот фильм с удовольствием смотрят и взрослые и дети. Он оказывает большое эмоциональное и воспитательное воздействие. Замечательные образы создали актеры Миронов, Табаков и маленький мальчик, играющий Иннокентия. Не хочется

расставаться с ними и в то же время боишься, чтобы не получилось того же, что с героями третьей серии «Неуловимых».

А вот как отозвался о роли Миронова в этом фильме критик К. Рудницкий: «Замысел авторов сценария и режиссера В. Бычкова предусматривал восприятие актерских данных Миронова не в комедийном, а в героическом регистре. Ибо Маркиз, которого сыграл Миронов, – по всем статьям романтический герой. Его Маркиз являлся в фильме в самых разных обличьях: то одноруким нищим, то удивительно дерзким авантюристом, то цирковым стрелком, не глядя поражающим мишени, то холодным циником, то человеком, не чуждым своеобразного благородства, то, наконец, самоотверженным героем, погибающим за высокие идеалы. Эффектную, красивую роль Миронов и сыграл очень эффектно и красиво, вполне оправдывая в финале те симпатии, которые Маркиз так легко и картинно завоевывал с момента первого же появления на экране…

Авантюрную роль Миронов истолковал как вереницу приключений, ведущих к осознанию собственной судьбы, к готовности завершить извилистый путь совершенно недвусмысленным и благородным подвигом. В атмосферу стремительного вестерна Маркиз вошел как герой наиболее динамичный, наиболее картинный и победительный, но одновременно и как герой лирический.

Затаенный лиризм игры Миронова изменил всю структуру произведения, превратил его одномерность в многозначность, дал его быстрому движению более содержательный характер… Мы вправе отметить успех Миронова в роли, для него несомненно новой, но сыгранной ничуть не менее уверенно и свободно, нежели роли комедийные…»

Миронов на самом деле явился главным «тягачом» в этой незамысловатой картине, главным героем, который перетягивал все симпатии зрителей к себе. Его Маркиз, эдакий Фанфан-Тюльпан советского розлива, нравился всем: и подросткам, и мужчинам, и женщинам и пенсионерам. Нравился прежде всего в силу того, что не был приверженцем никаких идеологических догм (как герой Олега Табакова) и плыл по жизни легко и свободно. Да еще к тому же пел прекрасные зонги. А уж когда Маркиз погибал, тут и вовсе таяли сердца у самых последних скептиков. И плюс его гибели в глазах зрителей был не в том, что он отдавал свою жизнь за идеалы революции (как это было в десятках фильмов про революцию и Гражданскую войну), а погибал во славу искусства – отказался расстреливать произведения искусства. Не ошибусь, если скажу, что именно о таком друге мечтали все подростки Советского Союза.

По словам самого А. Миронова: «Люблю своего Маркиза. Он, как мне кажется, нашел отклик у зрителя. В этой роли хотелось передать честное, бескомпромиссное отношение к жизни человека, за внутренними противоречиями которого – романтическое восприятие действительности, влюбленность и вера в людей. Мне очень близок такой настрой души, такой взгляд на мир…»

Справедливости ради стоит отметить, что в череде положительных откликов на фильм встречались и другие – отрицательные. Вот как, к примеру, отозвался о фильме некто Л. Маковкин в газете «Уральский рабочий» (номер от 26 апреля 1972 года):

«Несмотря на обилие имен, по-настоящему ярких актерских работ в фильме в общем-то нет. Нет потому, что чем дальше раскручиваются хитросплетения поисков похищенных ценностей, тем больше и больше отходят на второй план характеры героев, достоверность и правда времени, где шла, например, борьба двух миров. И хотя с экрана нет-нет да и прозвучат слова о революции, народе, „достояниях республики“ – их все труднее и труднее оказывается расслышать в скрипе дверей тайников, шуме погонь, грохоте перестрелок. В споре жизни и трюка победителем чаще всего оказывается трюк. Причем не всегда самого лучшего свойства, вроде „киноцитат“ из „вестернов“, перерубаемых канатов да прыжков на веревках с колокольни на колокольню.

Да, занимательность – это необходимо… Но занимательность во имя и ради чего? Ради того, чтобы пощекотать нервы ржавым скрипом заржавелых петель на подвальных дверях? Или ослепить сполохом грандиозно снятого пожара? Или поразить лихой скачкой, во время которой всадник на полном скаку прыгает по проверенным рецептам «ковбойских лент» с лошади на крышу бешено летящего фургона?..»

Стоит отдать должное критику, он верно угадал главную идею молодого режиссера – снять не очередной фильм «про Гражданскую войну», а лихой подростковый вестерн. Не случайно поэтому фильмами, которые члены съемочной группы баловали себя в процессе съемок, были шедевры западного кино, в том числе и вестерн Серджио Леоне «Плохой, хороший, злой» (кроме этого они смотрели «Полуночного ковбоя», «Человека со шрамом», «Нашего человека в Стамбуле», «Меч и весы», «Человека, которого не было», «Процесс»). Кстати, и худсовет студии, когда большая часть съемочного процесса была уже позади, ставил в вину Бычкову именно это: слишком много «вестерновости» и мало революционного пафоса. И чтобы ублажить ревнителей идеологии, режиссеру пришлось снимать

эпизод с ноябрьской демонстрацией 21-го года, да и ряд других сцен подобного рода. Хотя изначально идея была иной: снять романтическое кино, на котором подросткам было бы не скучно. И расчет оказался верным: фильм, повторюсь, был принят на «ура». Причем «ура» громогласное, о чем наглядно свидетельствовали феноменальные цифры проката – 47,14 млн зрителей. Это позволит «Достоянию республики» занять 5-е место в прокате 1972 года среди отечественных лент, пропустив вперед себя следующие фильмы: «Джентльмены удачи» (66 млн), «А зори здесь тихие…» (66 млн), «Корона Российской империи, или Снова неуловимые» (60,8 млн), «Русское поле» (56,2 млн). Без сомнения, что львиной долей успеха фильм был обязан в первую очередь блистательной игре Андрея Миронова.

Май начался для Миронова в театре с «Женитьбы Фигаро» – он играл ее 3-го. Затем спектакли с его участием шли в следующей последовательности: 6-го – «Ревизор», 9-го – «У времени в плену», 10-го – Ревизор», 12-го – «У времени в плену», 13-го – «Ревизор». На этом Миронов остановился, взяв недельный тайм-аут. 19 мая Театр сатиры отправился с гастролями в Болгарию (София, Варна), взяв туда три спектакля, один из которых был с участием Миронова – «Женитьба Фигаро» (два других: «Темп-1929» и «Затюканный апостол»). Супруга Миронова Екатерина Градова в этих постановках занята не была, поэтому осталась в Москве. Зато бывшая пассия Миронова Татьяна Егорова, будучи занятой в «Темпе-1929», в Болгарию отправилась. К тому времени вражда бывших любовников давно сошла на «нет», и они поддерживали вполне дружеские отношения. Правда, в театре, при Градовой, они не имели возможности общаться более плотно, ограничиваясь только встречами на короткой ноге. Но теперь, вдали от родины, их будто прорвало. Миронов и Егорова все дни гастролей проводили вместе. Пусть не одни, а в компании других коллег по театру (Александра Ширвиндта, Марка Захарова и Татьяны Пельтцер), однако все равно они были счастливы. Однажды на вечеринке, устроенной болгарами, Миронов закружил Егорову в стремительном танце и на весь зал прокричал: «Это моя жена!» Что он хотел этим сказать, ни Егорова, ни их коллеги по театру так и не поняли. Может быть, Миронов таким образом признавался, что женился не на той женщине, о которой мечтал. В таком случае, что ему мешало в свое время жениться на Егоровой?

На родину Театр сатиры вернулся 1 июня. На следующий день Миронов уже играл в «Интервенции». Далее шли: 3-го – «У времени в плену», 4-го – «Ревизор».

5 июня в околотеатральных кругах стало известно, что

популярной актрисе театра и кино Татьяне Пельтцер накануне ее 68-го дня рождения присуждено звание народной артистки СССР. Сама Пельтцер, когда ей сообщили эту новость на репетиции спектакля «Мамаша Кураж», в нее не сильно поверила. Ведь до этого ни одного актера Театра сатиры за все 48 лет его существования не награждали столь высоким званием. Пельтцер должна была стать первой. О событиях тех дней вспоминает тогдашний завлит театра М. Линецкая:

«На четвертом этаже двери лифта с грохотом распахнулись, и оттуда высыпались возбужденные Марк Захаров, Клеон Протасов и Татьяна Пельтцер, в холщевой юбке, тапочках – прямо с репетиции „Мамаши Кураж“.

– Правда? Или это вы здесь придумали? – спросила Татьяна Ивановна, как всегда насмешливо. В голосе – надежда и сомнение.

– Конечно, правда!

Все понеслись в кабинет директора. А на другой день (6 июня. – *Ф. Р.*) Татьяна Ивановна пригласила всех в «Будапешт» на Петровских линиях. Вот это оперативность! Оказалось, что у нее день рождения – 68 лет. И она, по традиции, устраивает его в этом ресторане, только на этот раз семейный круг несколько расширился. Тосты, цветы, всеобщая любовь…

Потом поехали к ней пить кофе. Набилось много народа в ее квартире на «Аэропорту». Татьяна Ивановна с темпераментом готовила стол, развлекала гостей, отчитывала нерасторопную жену брата. В маленькой прихожей тесно. У зеркала – гора телеграмм. На стенке – множество значков. Кухня настоящей хозяйки с миллионом хитрых приспособлений, машинок, кофеварок, чайничков, самовар, наборы ножей и разной кухонной утвари.

В 11 вечера Татьяна Ивановна укатила в Ленинград на пробы в каком-то новом фильме…»

Вечером 6 июня Миронов играл в «Бане», 7-го – в «Ревизоре», 9-го – в «У времени в плену», 11-го – в «Ревизоре», 12-го – в «Интервенции». После этого Театр сатиры разделился: часть труппы осталась в Москве и продолжала играть спектакли, а другая часть с Мироновым во главе отправилась с гастролями в Ленинград. Миронов повез туда два своих спектакля: «Женитьбу Фигаро» и «Ревизора».

2 июля по Центральному телевидению был показан один из лучших фильмов с участием Андрея Миронова – «**Три плюс два»**. К слову, этим летом исполнялось ровно 10 лет с момента начала съемок этого легендарного кинофильма. Правда, никто из его участников эту круглую дату не отмечал – тогда такое не

практиковалось.

В Москву «сатировцы» вернулись 5 июля. До 20-го эта часть труппы находилась в отпусках, после чего воссоединилась с другой частью, и вся труппа отправилась на еще одни гастроли, теперь более продолжительные – в Киев.

В эти самые дни – **10 августа** – на экраны страны вышел очередной фильм с участием Андрея Миронова. Речь идет о комедии Эльдара Рязанова «**Старики-разбойники»**. Как мы помним, он сыграл в нем роль карьериста Проскудина. По объему роль была небольшая, но важная – именно из-за его героя Мячиков соглашался ограбить музей. Миронов играл своего героя вроде бы скупо, но в то же время очень точно – карьеризм и лизоблюдство буквально читались во всем его облике: во взгляде, жестах, даже в походке. Это было тем более удивительно, что те же самые зрители, кто видел Миронова в этой роли, буквально на днях видели его в другой – в роли обаятельного Маркиза.

Волею судьбы именно в те дни, когда «Старики-разбойники» вышли в прокат, Эльдар Рязанов в компании со своим постоянным соавтором драматургом Эмилем Брагинским вот уже почти месяц работал над новым сценарием, в котором главная роль предназначалась Андрею Миронову. Речь идет о советско-итальянской комедии «**Невероятные приключения итальянцев в России»**, где Миронову предстояло стать ни много ни мало капитаном милиции Андреем Васильевым.

Вообще идея этого фильма появилась на свет благодаря чистой случайности. А именно – из-за денежного долга. После постановки Сергеем Бондарчуком фильма «Ватерлоо» (1970) за фирмой «Дино Де Лаурентис» остался большой денежный долг, который итальянцы не торопились отдавать. Они говорили, что банк уже закрыл счета «Ватерлоо» и для того, чтобы вернуть долг, им нужно затеять новую совместную постановку с «Мосфильмом». Советская сторона была не против такого поворота событий и поинтересовалась только об одном – фильм какого жанра устроит итальянцев. Те ответили: что-нибудь попроще, например комедия. «Мосфильм» эту идею поддержал. Постановку совместной комедии было решено доверить Эльдару Рязанову и его постоянному автору сценаристу Эмилю Брагинскому, поскольку ими еще в конце 60-х была написана веселая пьеса про итальянцев «Спагетти по-русски». Но Рязанов согласился на это не сразу, поскольку никогда до этого в жанре эксцентрической комедии не работал. Однако сопротивлялся он недолго. Затем его охватил обыкновенный азарт: он решил доказать, что может снимать кино и в этом жанре. Где-то с конца июля началась работа над сценарием. Поскольку до этого ни Рязанову, ни

Брагинскому не приходилось иметь дело с эксцентрической комедией, работа шла трудно. Весь август сценарий писался в Москве, а в начале сентября авторы отправились работать в Дом творчества в Дубултах. Но вернемся к Миронову.

После гастролей в Киеве Миронов и Егорова отправились отдыхать в Прибалтику. В Москву вернулись в середине сентября. И здесь Градова сообщила супругу, что беременна. Миронов воспринял эту новость со смешанным чувством: с одной стороны, он уже вроде бы созрел для того, чтобы стать отцом, но, с другой стороны, его все сильнее одолевали сомнения о перспективах их брака с Градовой. Однако поступить с женой так же, как он некогда поступил с Егоровой, отправив ее под нож хирурга, Миронов не решился. Он решил: будь что будет.

22 сентября Театр сатиры открыл в столице свой очередной сезон. В тот день показывали «У времени в плену» с Андреем Мироновым в роли пламенного большевика-ленинца Всеволода Вишневского. В эти же дни в театре приступили к репетициям сразу трех новых спектаклей, отличительной особенностью которых было то, что в каждом из них был занят наш герой. В комедии про колхозную жизнь «Таблетка под язык» А. Макаенка Миронов играл колхозника Шведа, в комедии про городскую жизнь «Маленькие комедии большого дома» у него была роль Мужа (к тому же это была его первая режиссерская работа в соавторстве с Александром Ширвиндтом), а в новой редакции «Клопа» В. Маяковского Миронову предстояло исполнить роль Олега Баяна (как мы помним, в первой версии он играл Присыпкина).

23 сентября по ТВ состоялся повторный показ телеспектакля «**Малыш и Карлсон»**. Это была суббота, поэтому спектакль демонстрировался в два часа дня. Миронов его не видел, поскольку в это же время был на репетиции.

26 сентября Миронов играл в «Ревизоре», 27-го – в «Женитьбе Фигаро».

В этом же месяце в продажу поступила пластинка с записью песни в исполнении Андрея Миронова. Речь идет о твердом миньоне «Музыка кино», где были представлены четыре песни: «Лесной олень» (Е. Крылатов – Ю. Энтин, к/ф «Ох уж эта Настя!») – Аида Ведищева; «**Что будет, то и будет» (Е. Крылатов** – Б. Ахмадулина, к/ф «Достояние республики») – Андрей **Миронов**; «Гляжу в озера синие» (Л. Афанасьев – И. Шаферан, т/ф «Тени исчезают в полдень») – И. Карелина; «Гусарская баллада» (В. Соловьев-Седой – М. Ножкин, к/ф «Щельменко-денщик») – Эдуард Хиль. В моей фонотеке эта пластинка появилась той же осенью, но только две песни на нем были, что называется,

«запилены» – «Песенка о шпаге» и «Лесной олень».

Октябрь начался для Миронова с Хлестакова – он играл его 1-го. Затем шли: 3-го – «Женитьба Фигаро», 6-го – «Ревизор», 8-го – «У времени в плену», 10-го – «Интервенция».

В эти же дни «сатировцев» вывезли в один из подмосковных колхозов, чтобы они воочию взглянули на колхозную жизнь, которую им предстояло отобразить в своем новом спектакле «Таблетка под язык». Во время этой поездки Миронов предпринял новую попытку ухаживаний за Егоровой. На банкете, состоявшемся после экскурсии, он сидел напротив своей бывшей возлюбленной и не сводил с нее глаз. Татьяна отвечала ему тем же. Ночью, когда они возвращались на том же автобусе в Москву, Миронов внезапно вскочил со своего места, схватил Егорову за руку, и они под собственный джаз-голос стали лихо танцевать в узком проходе.

Когда автобус подвез артистов к театру, Миронов вызвался довезти Егорову до ее дома на собственной машине. Та согласилась. Но возле подъезда, где жила актриса, произошел неприятный инцидент. Из темноты внезапно нарисовался еще один возлюбленный Егоровой – сценарист. Увидев его, Миронов едва не взорвался: он замахнулся кулаком, но затем передумал драться, вскочил в машину и с пронзительным визгом шин на бешеной скорости умчался. Сценарист спустя несколько секунд сделал то же самое.

14 октября Миронов играл «Ревизора», 16-го – «Женитьбу Фигаро», 18-го – опять «Ревизора», 20-го – «У времени в плену», 24-го – «Ревизора», 27-го – «Интервенцию», 28-го – «Женитьбу Фигаро», 29-го – «Баню».

Ноябрь начался для Миронова с Фигаро – он играл его 3-го. 4-го это был «Ревизор», 5-го – «У времени в плену», 6-го – «Интервенция», 7-го – «Баня», 11-го – «Ревизор», 13-го – «Женитьба Фигаро», 15-го – «Ревизор».

Тем временем по театру с быстротой молнии распространилась новость о том, что Градова ждет ребенка. И только-только наладившиеся отношения Миронова и Егоровой снова разлетелись в пух и прах: Татьяна снова припомнила своему бывшему возлюбленному ту историю с потерей их ребенка. Что касается будущей роженицы, то она в те дни заканчивала свою звездную роль – доснималась в последних эпизодах «Семнадцати мгновений весны». На Рижском вокзале снимали сцену, когда Штирлиц провожает Кэтрин на родину.

18 ноября Миронов играл в «Бане», 20-го – в «Интервенции», 22-го – в «Женитьбе Фигаро», 25-го – в «Ревизоре».

Вечером 27 ноября на квартиру Андрея Миронова в Волковом

переулке заглянул его приятель Алексей Маневич. Хозяина на тот момент дома не было – он играл в очередном спектакле в Театре сатиры. Маневич решил его подождать. Миронов явился около десяти вечера, причем в подавленном состоянии. Было видно, что в театре у него произошла какая-то неприятная история, но какая именно, он не сказал, а гость тактично промолчал. Однако, видя, что хандра у друга никак не проходит, Маневич внезапно предложил ему съездить к его сыну на день рождения. Дескать, и сам развеешься, и незабываемый подарок преподнесешь имениннику и его гостям. Уговаривать Миронова было не нужно. Они сели в машину и отправились в район Речного вокзала, на Фестивальную улицу. И пробыли за праздничным столом почти до утра.

2 декабря Миронов снова облачился в костюм плута Хлестакова. Вечером следующего дня на нем уже был костюм другого плута – Фигаро. Последнего он сыграл и 8-го. 11 декаря Миронов вышел на сцену Театра сатиры в роли большевика Вишневского. Затем шли: 12-го – «Баня», 13-го – «Ревизор», 18-го – «Интервенция», 19-го – «У времени в плену», 21-го – «Баня», 23-го – «Интервенция», 25-го – «Ревизор», 27-го и 29-го – «У времени в плену». Последний спектакль игрался уже полтора года, считался в Театре сатиры одним из самых правильных, идеологически выверенных. Но это не мешало актерам хохмить на нем так же, как и на всех остальных. Одним из главных шутников был Михаил Державин, который играл в спектакле роль белогвардейского офицера. Каждый раз, появляясь перед Мироновым – Вишневским, он изменял внешность: то бородавку на нос приклеит, то усы покрасит в какой-то немыслимый цвет. Миронов, зная об этом, каждый раз был начеку, не смеялся. То есть не кололся. И все же однажды Державин его расколол. Он вышел в очередной раз на сцену, Миронов пригляделся к нему, но ничего предосудительного не обнаружил. Они стали играть сцену, как вдруг Державин снимает фуражку, а под ней… накладная лысина. Миронов мгновенно прыснул в кулак, успев, правда, повернуться к зрителям спиной. А уж когда ушел за кулисы, дал волю безудержному смеху.

1973

Почти всю первую половину января **1973 года** Миронов не был занят в спектаклях родного театра и отдыхал в кругу семьи. На сцену он снова вышел 12 января в спектакле «Женитьба Фигаро». А два дня спустя последовала премьера – был показан спектакль про колхозную жизнь «**Таблетку под язык»** А. Макаенка. Как мы помним, Миронов играл в нем колхозника Шведа. Это была его первая и единственная в творческой карьере роль подобного плана. Однако не сыграть ее актер, видимо, не мог. Пьеса была из разряда обязательных, из тех, что раньше называли «производственными». Однако, учитывая, что к тому времени Театр сатиры превратился в один из самых популярных театров в стране, попасть на этот спектакль было крайне сложно. В нем был задействован звездный состав: Георгий Менглет (председатель колхоза Каравай), Анатолий Папанов (мудрый дед Цыбулька), а также: Александр Ширвиндт, Вера Васильева, Екатерина Градова, Спартак Мишулин, Наталья Селезнева, Юрий Соковнин и др.

Одним из первых изданий, кто откликнулся на эту премьеру, была газета «Вечерняя Москва». В номере от 31 января была опубликована рецензия И. Вишневской, в которой она так отзывалась об игре Миронова: «И еще один человек все время крутится около председателя: колхозник Швед (артист А. Миронов). Каждый уже давно поведал о своих делах и просьбах, а Швед, хоть и раньше пришел в правление, все никак не скажет – зачем, все никак не повернется у него язык. Но вот наконец сказал: уехать бы ему из колхоза в город, там он найдет себя, а здесь что? Каждой бочке затычка.

В этой роли мы увидели нового А. Миронова, чья изящная комедийная легкость соединилась с пристальным вниманием к внутреннему миру человека, отчего комизм характера не пропал, но приобрел более серьезное звучание.

Швед Миронова весь напряжен, скован, тяжелы движения, словно пуды висят на руках, на ногах. Парню этому не нужно уезжать, но нельзя и оставаться: ведь действительно надо же становиться кем-либо из специалиста «по всем профессиям», каким числит его председатель, посылающий то туда, то сюда, не замечающий стремлений Ивана к одному-единственному призванию…»

15 января Миронов играл в «Ревизоре», 20-го – в «Бане», 22-го – в «У времени в плену», 24-го – в спектакле «Таблетку под язык», 26-го – в «Ревизоре», 27-го – в «У времени в плену», 28-го – в

спектакле «Таблетку под язык», 31-го – в «Ревизоре».

Тем временем в начале года Миронов и Градова сменили место жительства: из квартирки в Волковом переулке (ее Миронов решил пока не обменивать) они перебрались в двухкомнатную кооперативную квартиру на улице Герцена, дом № 49. Сделано это было неспроста: Градова вскоре должна была родить. Однако ни новоселье, ни скорое появление на свет первенца радости в молодую семью не приносили. Особенно страдал Миронов, который все больше и больше убеждался, что полтора года назад совершил непростительную ошибку – женился не по любви. Хотел досадить бывшей возлюбленной, а получилось, что наказал самого себя. Мир в молодой семье так и не воцарился. Миронов при первом удобном случае убегал «налево», и Градова ничего не могла с этим поделать. Даже ее мать, секретарь партийной организации Театра имени Гоголя, была бессильна приструнить зятя-ходока. А пугала она его по-настоящему: грозилась заявить куда следует о его систематических антисоветских высказываниях в тесном семейном кругу. Но эффект от этих угроз получался обратный: Миронова это не пугало, а только еще сильнее отдаляло от жены и тещи.

Февральский репертуар Миронова в театре выглядел следующим образом: 3-го – «У времени в плену», 6-го – «Таблетку под язык», 7-го – «Ревизор», 9-го – «Интервенция», 12-го – «Дон Жуан, или Любовь к геометрии», 14-го и 17-го – «Таблетку под язык», 19-го – «Баня», 20-го – «Ревизор», 21-го – «Таблетку под язык», 23-го – «У времени в плену», 24-го – «Таблетку под язык», 25-го – «Ревизор», 27-го – «Баня».

Март начался для Миронова с роли Шведа: 2-го он играл в спектакле «Таблетку под язык». Затем шли: 3-го – «Ревизор», 7-го – «У времени в плену».

8 марта Миронов отметил свой 32-й день рождения. Вечером он играл Шведа, а сразу после спектакля в компании друзей и коллег отправился к себе домой на улицу Герцена, чтобы отметить торжество. Каждый из гостей принес с собой какой-то особенный подарок, пытаясь совместить в нем две вещи: и чтобы имениннику угодить, и чтобы в хозяйстве пригодился (ведь недавно здесь прошло новоселье). Центральное телевидение тоже не осталось в стороне и преподнесло Миронову свой подарок: в 11.15 утра крутануло комедию «**Три плюс два»**.

Вечером 9 марта Миронов снова вышел на сцену родного театра – в образе Ивана Александровича Хлестакова. Вот уже ровно год он играл эту роль при полных аншлагах, но критика эту мироновскую трактовку бессмертного образа так и не приняла.

Она ждала от актера серьезного портрета, а он откровенно комиковал и рисовал своего героя при минимуме красок. Но критики оставались в меньшинстве, поскольку, повторюсь, большинство зрителей такого Хлестакова принимали. В те дни один из тех спектаклей посетил Михаил Козаков, который оставил о нем следующие воспоминания:

«На премьере я не был. Я увидел очередной спектакль год спустя. Кипение театральных, а главное, околотеатральных страстей часто смещает систему координат и путает оценки. Одни спектакли поражают живым премьерным нервом, который уходит вместе с первыми представлениями, а иные, наоборот, вызревают медленно, но верно. В первую очередь это зависит от актера. Истинно одаренный артист внутри даже не слишком удачного спектакля способен со временем совершить чудо, если материал роли дает для этого основания. Очевидно, такое чудо произошло с Хлестаковым – Мироновым.

Первый выход Ивана Александровича сразу поразил меня. На сцене появился некто гладко прилизанный, этакая белая вошь с косящими от голода глазами. Он даже не шел, его вело, поводило от голода. Пустота в желудке, даже треск какой-то, прямо-таки желудочные спазмы. Хоть крошечку хлебца, хоть перышко из того самого супа в фаянсовой тарелке.

Только выход – а я от смеха чуть не сполз со стула. Дальше – пуще! Роль Хлестакова, творимая Мироновым, росла и расцветала. Белая вошь обращалась в очаровательного мотылька, в роскошную бабочку, ту самую, о которой он споет в другой пьесе: «А бабочка крылышками бяк-бяк-бяк». И запорхал, и запорхал…»

И вновь вернемся к репертуару Миронова в театре. 12 марта он играл в «У времени в плену», 13-го – в «Интервенции», 14-го – в «Бане», 17-го и 27-го – в спектакле «Таблетку под язык».

Апрель начался для Миронова с роли Шведа – он играл его 2-го.

8 апреля исполнилось 60 лет отцу Миронова Александру Менакеру. Юбилей застал именинника в Ленинграде, где он давал гастроли вместе со своей супругой. Вечером после очередного спектакля в гостиничном номере юбиляра был собран скромный сабантуй, на который пришли друзья именинника. Среди пришедших был и отец юбиляра Семен Менакер, который посвятил сыну тост в стихах собственного сочинения. Как оказалось, это было последнее присутствие отца на дне рождения сына: через несколько месяцев Семен Менакер скончается.

9 апреля Миронов играл в «Бане», 11-го – в «Интервенции».

13 апреля стартовал подготовительный период по фильму

Эльдара Рязанова «Невероятные приключения итальянцев в России». Как мы помним, главная роль – капитана милиции Васильева – изначально предназначалась Миронову. Однако и на остальные роли актеров, благо их было немного, режиссер определил заранее, причем тех, кого он неоднократно снимал раньше. Так, на роль матери Васильева была приглашена Ольга Аросева, а на роль инвалида в гипсе – Евгений Евстигнеев.

14 апреля Миронов играл в «Бане», 17-го – в «Дон Жуане».

17 апреля был подписан договор с главой бакинской семьи Берберовых, которые вот уже несколько лет воспитывали в домашних условиях льва Кинга и теперь должны были предоставить своего питомца для съемок в рязановской комедии (гонорар – 4300 рублей). Поскольку для Кинга это была не первая роль в кино, обеим сторонам тогда казалось, что никаких проблем с животным ни у кого не возникнет. А вышло… Впрочем, не будем забегать вперед.

21 апреля Театр сатиры покинул Москву и отправился на гастроли в Среднюю Азию – в Ташкент (в Театре сатиры временно «пропишется» другой коллектив – Костромской областной драматический театр имени А. Островского). Устроители гастролей не стали делить «сатировцев» на касты и жить их определили в одну, но очень приличную гостиницу. Актеры не возражали, поскольку это здорово облегчало их свободное времяпрепровождение – романы можно было крутить, что называется, не отходя от кассы. Глядя на то, как по ночам актеры и актрисы внаглую шныряют друг к другу в номера, консьержка не смогла сдержать недоуменного вопроса: «Боже мой! А семьи-то у вас у кого-нибудь есть?»

Не удержался от того, чтобы пофлиртовать, и Миронов. Несмотря на то что в Москве у него осталась беременная жена (Градова была на девятом месяце), он вновь стал «клеиться» к Егоровой. Чем вызвал бурю страстей у другой актрисы, которая тоже относилась к нему неравнодушно, – у Нины Корниенко. Видя, как Миронов буквально преследует Егорову по пятам, Корниенко пыталась его образумить, но все было тщетно – Миронов закусил удила. Егорову эти знаки внимания, конечно, радовали, но на более близкие отношения она не шла – ей вполне хватало ощущения, что Миронов опять к ней неравнодушен. Этот флирт длился все гастроли.

Аккурат в те самые дни, когда Миронов был в Ташкенте, по ТВ снова прокрутили «**Бриллиантовую руку**». Это случилось 2 мая в шесть часов вечера по московскому времени.

В четверг, 10 мая, «сатировцы» вернулись в Москву. Четыре дня спустя Рязанов приступил к съемкам «Невероятных

приключений». Поскольку картина была совместной, в Москву для съемок прибыл киношный десант из Италии в следующем составе: оператор Габриэле Погани (в паре с ним будет работать молодой советский оператор Михаил Биц), каскадеры Миони, Вартьери, Риччи и актеры Алигьеро Носкезе, Нинетто Даволи, Тако Чимароза, Луиджи Баллиста, Антония Сантилли (единственная женщина). Советская сторона выглядела более внушительно главным образом за счет технического персонала, поскольку наш актерский «десант» был малочислен, всего три человека: Андрей Миронов, Евгений Евстигнеев, Ольга Аросева. Плюс бакинский лев Кинг, который проходил отдельной строкой.

В первые дни съемок любого фильма участники съемочного процесса более всего ищут, что называется, общий язык. Для съемочного коллектива «Итальянцев» это обрело и прямой смысл, поскольку часть группы состояла из иностранцев. И хотя на площадке все время присутствовал переводчик Валера, однако все равно какое-то время всем пришлось нелегко. Чтобы дать колективу освоиться и привыкнуть друг к другу, Рязанов начал работу со спокойных сцен. В первые съемочные дни в павильоне «Мосфильма» снимали эпизод «в гостинице»: трое итальянцев (Сантилли, Носкезе, Даволи) и советский гид, он же капитан милиции Андрей Васильев (Миронов) играют в карты. Во время игры итальянка флиртует с гидом и в итоге уводит его к себе в номер. Вот как описывает происходившее в тот день на съемочной площадке Ю. Богомолов:

«Напарник Антонио Джузеппе (его играет Даволи) много и откровенно комикует. Режиссер просит его быть чуть сдержаннее. У Андрея Миронова свои трудности. Когда Ольга увлекает его за собой, ему надо сыграть смущение. Уход репетируется несколько раз. Герой не уходит, а ретируется, пряча глаза и вообще тушуясь. Актер предлагает: что если пойти вслед за Ольгой четким строевым шагом. Его герой ведь „на работе“. Он показывает. Рязанов посмеялся: хорошо бы. У оператора все готово: можно снимать. „А подумать я имею право?“ – спрашивает самого себя режиссер. Наконец снимают: Миронов удаляется осторожным, почти вкрадчивым строевым шагом.

Кадр снят. И важен, может быть, он не сам по себе. Важнее, что состоялось первое общение на съемочной площадке…»

Тем временем 23 мая возобновились спектакли Театра сатиры в Москве. В тот день был показан спектакль «Таблетку под язык», где Миронов играл колхозника Шведа. 25-го это был «Ревизор», 26-го – «Интервенция», 27-го – «У времени в плену».

Параллельно с игрой в спектаклях Миронов продолжает сниматься в «Итальянцах». Помимо эпизода «у матери» в те дни

были также сняты и другие: «в номере гостиницы», «склад сувениров», «клетка», «московское метро» (последний эпизод в окончательный вариант фильма не войдет). В конце мая работа была завершена, и съемочная группа стала паковать вещи, чтобы отправиться на натурные съемки в Ленинград. Аккурат в эти самые дни Миронов стал отцом. Это случилось в понедельник 28 мая, в том самом родильном доме, где некогда родился и он сам, – имени Грауэрмана на проспекте Калинина. У Миронова и Градовой родилась девочка, которую счастливые родители назвали в честь мамы Миронова Машей.

29 мая Миронов играл «Таблетку под язык».

31 мая съемочная группа «Итальянцев» прибыла в Ленинград. Съемки начались на следующий день, но пока без Миронова, который остался в Москве, чтобы играть в театре, а также чтобы достойно встретить жену с дочкой из роддома.

2 июня Миронов играл «Таблетку под язык», 3-го – в «Ревизоре».

4 июня Миронов забрал жену и новорожденную дочку из роддома. Счастливый папаша приехал туда не один, а в компании своих друзей и коллег: Александра Ширвиндта, Павла Пашкова, Лилии Шапошниковой и др. Волею судьбы бывшую возлюбленную новоявленного папаши Татьяну Егорову угораздило в тот же день и час тоже оказаться возле роддома. Вместе с актрисой Людмилой Максаковой они ехали на машине по Калининскому проспекту, но угодили в пробку аккурат напротив роддома. И в эту самую минуту из его дверей вышла с ребенком на руках Екатерина Градова. Была она в комбинированном платье в белую точечку, рукава фонариком. На тротуаре ее поджидал счастливый муж с друзьями. Поскольку наблюдать за этой церемонией Егоровой было невмоготу, она стала торопить сидевшую за рулем подругу: дескать, едем скорее! «Куда едем? – удивилась та. – Видишь – пробка!»

Мироновская компания тем временем уселась в автомобили и двинулась точно за машиной, в которой сидела Егорова. Она видела в панорамное зеркальце растерянное лицо Миронова, который уже успел заметить, в чей хвост их угораздило пристроиться.

6 июня Миронов играл в спектакле «Таблетку под язык». После чего выехал на несколько дней в Ленинград, где его давно заждалась съемочная группа «Итальянцев». Там он пробыл три дня, после чего вернулся в Москву, чтобы 10 июня выйти на сцену родного театра в образе Фигаро. А на следующий день снова отправился в город на Неве для продолжения съемок. Именно в те дни он снялся в водном эпизоде – нырянии под воду за ларцом с

драгоценностями. Если учитывать, что июнь в том году выдался в Питере не самым жарким и вода в Неве была холодная (всего восемь градусов), то можно себе представить состояние Миронова. Но он, надо отдать ему должное, даже словом об этом не обмолвился. Да что говорить, если он сам, без дублера, спускался с шестого этажа гостиницы «Астория», повиснув на ковровой дорожке! Он так же висел и на разводном мосту. Впрочем о последнем трюке речь еще пойдет впереди.

Рассказывает Э. Рязанов: «Работать с Андреем всегда было замечательно по многим причинам. Для начала скажу, что он невероятно серьезно относился к работе, был дисциплинирован, точен, никогда не опаздывал. Ему было присуще чувство ответственности. С упоением работал, был трудолюбив чрезвычайно. В нем абсолютно отсутствовал актерский гонор, амбиции звезды, сознание собственной значительности. Был легок, восприимчив, способен к экспромту, импровизации. Безупречно владел телом, ритмом, речью. Короче, актерской техникой Андрей обладал в совершенстве. Но в эксцентрической ленте о приключениях итальянцев в России требовалось еще одно качество – личная смелость. В фильме было множество трюков, которые заставляли актера почти в каждом кадре сдавать экзамен на физическую силу, тренированность, спортивность и на… храбрость, бесстрашие, мужество. И здесь Андрей поразил меня тем, чего я в нем никак не мог предположить. Все-таки он рос в обеспеченной, интеллигентной актерской семье. Вряд ли он был в детстве представителем дворовой шпаны, заводилой уличных драк, не похоже, чтобы в юные годы он был отчаянным хулиганом, драчуном, забиякой. Однако все трюки, требовавшие незаурядного бесстрашия, в картине Миронов выполнял сам. Дело у нас было поставлено так: сначала опасный для жизни трюк осуществлял циркач, каскадер, мастер спорта. После того как трюк был зафиксирован на пленку с дублером, я говорил: „Если кто-то из актеров хочет попробовать сделать это сам, мы снимем еще раз“. Конечно, мне хотелось, чтобы трюки были выполнены самими исполнителями. Ведь тогда можно снять каскад крупнее, зрителям будет видно, что головоломный и опасный эпизод снят взаправду: это вызовет больше доверия к происходящему и больше любви и уважения к артистам. Андрей всегда вызывался первым…»

Стоит отметить, что на протяжении десяти лет, что Миронов снимался в кино, ни в одном из своих фильмов никаких сложных трюков он не исполнял. Так складывалась его киношная судьба: роли у него были не трюковые. Разве что в «Бриллиантовой руке» было какое-то трюкачество: он сам падал на задницу, его тянули

на тросе по морю на катере и т. д. Так продолжалось до 1970 года, пока на его актерском пути не возник Маркиз из «Достояния республики». Вот здесь от Миронова уже потребовалось чуть больше спортивных навыков, поскольку, во-первых, фильм принадлежал к жанру вестерна, во-вторых, его герой слыл по жизни отчаянным бродягой и задирой. И Миронов не подкачал. В процессе подготовки к этой роли он научился лихо скакать на лошади, фехтовать и драться. Судя по всему, этот процесс ему настолько понравился, что когда Рязанов пригласил его в своих «Итальянцев», Миронов нисколько не сомневался – многие трюки в картине он будет исполнять сам.

15 июня Миронов вернулся в Москву и уже спустя несколько часов вышел на сцену Театра сатиры в спектакле «Таблетку под язык». Два дня спустя он играл уже в «Ревизоре», 18-го – в «Женитьбе Фигаро», 19-го – спектакль «Таблетку под язык». После чего взял десятидневный тайм-аут в театре и уехал на съемки в Ленинград.

Стоит отметить, что съемки «Итальянцев» шли бы гораздо быстрее, если бы не капризы четвероногого артиста – льва Кинга. Для киношников эти капризы стали полной неожиданностью, поскольку владельцы Кинга заверяли, что их подопечный не подведет. Льву специально выделили месяц на акклиматизацию (его привезли из Баку в Москву в конце апреля, а в последних числах мая вместе со съемочной группой он отправился в Ленинград, чтобы в течение месяца успеть отсняться в эпизодах с белыми ночами). Однако из-за постоянных капризов Кинга съемки грозили затянуться до бесконечности. Вот как вспоминает об этом сам Э. Рязанов:

«Все эпизоды со львом происходили в белые ночи. Белую ночь мы снимали в режиме, то есть в течение 20–30 минут на закате солнца и в такой же промежуток времени на рассвете. Поскольку время съемки ограничено, лев был обязан работать очень точно.

В первую съемочную ночь со львом выяснилось, что актеры панически его боятся. Сразу же возникла проблема, как совместить актеров со львом и при этом создать безопасность. У Антонии Сантилли – актрисы, исполняющей роль героини фильма, – при виде льва начиналась истерика, даже если Кинг был привязан и находился далеко от нее. Но это бы еще полбеды! Главное, что лев чихать хотел на всех нас! Это был ленивый домашний лев, воспитанный в интеллигентной семье архитектора, и он не желал работать. Кинг даже не подозревал, что такое дрессировка. Этот лев в своей жизни не делал ничего, чего бы он не желал. Ему было наплевать, что у группы сжатые сроки (ленинградские эпизоды требовалось отснять с 31 мая по 2

июля. – *Ф. Р.*), что надо соблюдать контракт с итальянцами, что это совместное производство, что между странами заключено соглашение о культурном обмене. Кинг оказался очень несознательным.

Когда нам понадобилось, чтобы лев пробежал по прямой 15 метров, этого достигнуть не удалось. Хозяева кричали наперебой: «Кинг, сюда! Кингуля, Кингуля!» – он даже головы не поворачивал в их сторону: ему этого не хотелось.

Я был в отчаянии! История со львом являлась одним из краеугольных камней сценария. На этот аттракцион мы очень рассчитывали. К сожалению, способности льва были сильно преувеличены. Лев был недрессированный, невежественный и, по-моему, тупой. Мы намытарились с этим сонным, добродушным и симпатичным животным так, что невозможно описать…

Бесстрашнее всех вел себя со львом Миронов. Хотя поначалу льва никто не боялся, думая, что он дрессированный и послушный. Но потом это мнение изменилось. Где-то вскоре после начала съемок мы решили пустить льва без привязи. Снимался кадр, где на инвалидной коляске ехал дублер Евстигнеева (один из дрессировщиков). За коляской должен был бежать лев, а уж за ним четверо актеров – Андрей Миронов, Нинетто Даволи, Алигьеро Носкезе и Антония Сантилли. Во время первого же дубля лев остановился и пошел почему-то на Нинетто Даволи. Он, очевидно, не хотел ничего плохого, может быть, просто хотел поиграть. Он встал на задние лапы, передние задрал вверх, крепко «обнял» итальянца, оцарапал ему спину. Кстати, весил Кинг двести сорок килограммов. Дрессировщик, дублирующий Евстигнеева, среагировал мгновенно: схватил костыль Хромого (персонаж Евстигнеева) и огрел льва. Тот отскочил в сторону. Актеры разбежались и попрятались. «Скорая помощь» и пожарная машина всегда дежурили на съемках. Врачи забинтовали Даволи, травмы оказались незначительными. Но все стали панически бояться льва. Психологическая травма оказалась пострашнее физической.

А на следующий день Андрею Миронову предстояло встретиться с неуправляемым хищником один на один. Я не сомневался, что Андрей откажется от свидания с Кингом. Я бы на его месте на рожон не полез…

В эпизоде, о котором идет речь, наш доблестный сыщик, которого играл Миронов, слезает со сфинкса, куда лев загнал всю компанию кладоискателей, и проводит со зверем душеспасительную беседу в духе коммунистической пропаганды, пытаясь пробудить в хищнике сознательность. Стоят три камеры. Кинг на свободе, не в клетке, он не привязан. Между артистами –

львом и человеком – нет спасительного стекла. (Такое огромное и прочное стекло изготовить невозможно). У исполнителей прямой личный контакт, как по системе Станиславского. Всех участников съемочной группы бьет крупная дрожь.

Андрей поразил меня своей храбростью и отчаянностью. Он имел все права отказаться, ведь накануне уже произошел несчастный случай. Но эпизод был необходим. Андрей это знал, и чувство актерского долга возобладало над личным страхом. По моей команде (господи, какой у меня в это время был мандраж!) Миронов полез со сфинкса вниз. Лев, который сначала лежал, встал. В фильме на лице Андрея отражается вся внутренняя борьба, которая происходила в нем в тот момент. Он одновременно и страшился льва, и преодолевал ужас. Кстати, эти эмоции и требовались по роли. Андрей сделал три дубля. Он трижды спускался со сфинкса и точил лясы со львом. Сцена снята без всяких поддавков, в ней нет никакого обмана. Очевидно, актер потряс своим бесстрашием не только меня, но и Кинга…»

Еще одной причиной, из-за которой съемочная группа фильма испытывала трудности в работе, являлась необязательность итальянских партнеров, которые, судя по всему, считали эту картину для себя «отрезанным ломтем». Еще 8 июня генеральный директор «Мосфильма» Николай Сизов отправил в Рим телекс следующего содержания:

«За последние 48 часов мы не получили от Вас никакой информации. Это ставит под угрозу судьбу фильма, ибо все сроки последнего Протокола снова сорваны. Мы вынуждены в ближайшие дни распускать съемочную группу и ломать декорации. Прошу незамедлительно внести наконец ясность в судьбу картины».

Дино Де Лаурентис ответил через несколько дней следующим телексом: «Бартолини звонил мне из Ленинграда и сообщил, что вторая съемочная группа бездействует не столько из-за недостатка операторов, сколько из-за отсутствия хотя бы одного осветителя, которые могли бы дать свет. Он сообщил, что из-за плохой погоды работа все больше задерживается и не удалось провести ни одной съемки в помещении».

Между тем съемки фильма худо-бедно, но продолжались. В середине июня были сняты эпизоды на площади Льва Толстого: погоня за Джузеппе, «взрыв» старого дома и др. А 27 июня из-за брака пленки пришлось переснимать эпизод «падение колонны»: герой Евгения Евстигнеева, настигнутый мафиози, ломает свою вторую ногу, ударив ею по колонне. Как и положено в эксцентрической комедии, колонна падает от удара.

Воскресенье, 1 июля, съемочной группе было объявлено

рабочим днем. Предстояла сложная съемка с разведением мостов над Невой. Читатель, наверное, хорошо помнит этот эпизод: один из итальянцев – Джузеппе – с кладом убегает от подельников и успевает перепрыгнуть с одной половины моста на другую, а герой Андрея Миронова виснет на краю моста. Затем преследователи умудряются спрыгнуть с моста на крышу капитанской рубки проходящего внизу пассажирского теплохода. Стоит отметить, что сцена на экране длится каких-нибудь несколько минут, в то время как сам трюк киношники готовили целый месяц. Было проведено множество расчетов и сделана масса чертежей. Требовалось определить и высоту подъема крыльев моста, и ширину щели между мостовыми пролетами и, главное, высоту, которую придется преодолевать людям в прыжке. Ситуацию осложняло то, что прыгать на пароход надо было во время его движения, а крыша рубки была мала, и каскадер вполне мог промахнуться. В таком случае его ждало либо тяжелое увечье, либо верная смерть. Чтобы сократить расстояние до моста – а до него было 8 метров, было решено достроить верх рубки на два, два с половиной метра.

Поскольку пароход «Тарас Шевченко» был действующим судном, киношникам пришлось заплатить его владельцам стоимость билетов за три дня (в такой срок они рассчитывали управиться со съемками). Кроме этого, пришлось разъединить на целый день Васильевский остров и Петроградскую сторону, прервать между этими районами движение. В любой другой день городские власти ни за что бы не разрешили этого сделать, но в воскресенье это оказалось возможным. Съемки шли с 7 утра до 7 вечера. Далее послушаем рассказ самого Э. Рязанова:

«Мы расставили пять съемочных аппаратов. Ведь в лучшем случае удастся снять проход корабля и прыжок наших героев дважды. Кстати, единственный трюк в фильме, сделанный не актерами, а дублерами. Молодые ребята (среди них одна девушка!), студенты циркового училища, впервые в своей жизни и, пожалуй, впервые в мире выполняли подобное задание.

Наконец «Тарас Шевченко» двинулся! Течение сильное. Капитан вел пароход так, чтобы его не снесло ни влево, ни вправо ни на один метр. Дублеры прыгали без лонж, без страховки и, конечно, без репетиции. Какие уж тут репетиции!

Условие успеха – слаженность действий всех участников съемки, от капитана корабля до техников моста, поднимавших его крылья. Операторы на своих постах готовы в нужный момент включить камеры и запечатлеть этот уникальный трюк.

Снимаем! Пароход проходит под мостом, и я вижу, как одна фигурка отделяется от края, пролетает более пяти метров вниз и

точно приземляется на капитанскую рубку! Второй прыгает девушка, за ней – третий парнишка. Ребята перебегают по кораблю и зацепляются за другую половину моста. А пароход в это время проходит мимо.

Один каскадер поднимается на кромку моста, его подталкивают другие; вот они помогают вскарабкаться девушке, а третий дублер, как и задумано, повисает над бездной. Пароход уходит. Друзья помогают дублеру Андрея Миронова, висящему над бездной, протягивают ему руки, и он взбирается на мост.

Чтобы создать у зрителя впечатление, что трюк выполнен артистами, нужны были их крупные планы. Мы уговорили Миронова, и он повис над рекой на вздыбленном крыле моста, высота которого равнялась примерно 15-этажному дому. Внизу плескалась Нева, под Мироновым шел теплоход. Висеть было страшно. Андрей изо всех сил пытался взобраться на мост по-настоящему. Мне кажется, что крупный план Миронова получился довольно убедительным.

Сложнейший эпизод удалось снять в один день…»

Отснявшись в эпизоде «мост», Миронов рванул на вокзал, чтобы успеть на «Красную стрелу». Минуло всего несколько часов – и вот уже он вышел на сцену Театра сатиры в спектакле «Таблетку под язык». Затем спектакли с участием Миронова пошли сплошной чередой: 4 июля это был «Ревизор», 6-го – «Женитьба Фигаро», 7-го – «Таблетку под язык», 8-го – «Женитьба Фигаро», 9-го – «Таблетку под язык». Затем в течение четырех дней Миронов снимался в «Итальянцах». В частности, в те дни снимался ряд трюковых эпизодов с участием каскадеров из Италии во главе с автомобильным асом Серджио Миони. И вновь Миронов поразил всех своим бесстрашием. В эпизоде, где его герой по выдвижной 11-метровой пожарной лестнице перебирается с пожарной машины в «Жигули», Миронов снова снимался самостоятельно. По сюжету за рулем пожарной машины никого не было (на самом деле водитель лежал на сиденье и управлял вслепую), она шла на ручном газу, и обе машины двигались со скоростью примерно 50–60 километров в час. Миронову надо было вылезти из кабины «пожарки» и проползти по трясущейся, колышущейся лестнице до крыши «жигуленка» и влезть в его салон. И он это сделал!

13 июля Миронов снова вышел на сцену Театра сатиры – он играл «Ревизора». 14-го это была «Баня», 15-го – «Ревизор», 16-го – «Таблетку под язык», 18-го – «Баня». Затем в течение десяти дней Миронов снова снимался в «Итальянцах», в трюковых эпизодах. Те съемки проходили в достаточно непростой обстановке. Участие зарубежных специалистов не упростило процесс съемок (как

предполагали многие), а, наоборот, усложнило их. Например, итальянцам были созданы если не идеальные, то, во всяком случае, хорошие условия для работы: им выделили шесть легковых автомобилей на ходу, два кузова, инженеров-конструкторов, техников, слесарей, бригаду рабочих-постановщиков. Сам Миони, когда узнал об этом, заявил, что ему никогда еще не создавали подобных условий для работы. Но почти за три недели работы (13–30 июля) многие трюки были забракованы как неудачные, из-за чего ряд кадров так и не удалось снять. А все шесть «легковушек», выделенных итальянцам, были разбиты чуть ли не вдребезги. Как напишут Дино Де Лаурентису Рязанов и Сурин, «нам придется восстанавливать машины, доснимать трюки, вводить комбинированные съемки и тратить таким образом дополнительные средства».

Однако было бы несправедливым выслушать только одну сторону. Поэтому приведу слова самого Миони, зафиксированные в его объяснительной по результатам съемок:

«В день съемок в самый последний момент мне сообщили, что нет необходимого разрешения и нет возможности завезти и разбросать гравий на месте приземления машины для того, чтобы предотвратить ее зарывание в грунт, чем заставили меня рисковать жизнью выше необходимого предела – я увеличил вдвое длину и, следовательно, опасность прыжков.

В сцене столкновения с бочками на автомобиль было поставлено стекло старого типа, без моего ведома, непригодное для трюка. Оно брызнуло мне в лицо, и я рисковал потерей зрения.

В сцене столкновения с будкой был построен бронированный сейф, который упал только после четырех столкновений. Три недели, отпущенные на съемки, были сведены к 8 дням, как из-за плохой погоды, так и из-за ожидания, пока г-н Досталь закончит работу с первой съемочной группой. Мне предъявлено обвинение, что я разбил пять машин за время съемок: хочу заметить, что мне было дано распоряжение режиссером начинать мою работу с прыжков и столкновений, которые являются заключительными кадрами различных сцен фильма…»

Между тем в разгар съемок – во вторник 24 июля – оборвалась жизнь льва Кинга. Это была трагическая случайность. Лев жил в здании средней школы № 74 на Мосфильмовской улице (в спортзале), где по недосмотру было оставлено открытым окно (решеток на окнах не было). Лев выпрыгнул на улицу и напал на студента, который выгуливал свою собачку. Хозяева льва потом будут утверждать, что Кинг хотел всего лишь поиграть

со студентом, для чего и повалил его на землю. Но сам студент так не считал, из-за чего и поднял дикий крик. Свидетели этого происшествия вызвали милицию, благо ее опорный пункт находился неподалеку. К месту происшествия прибежал младший лейтенант милиции Александр Гуров (теперь он дорос до звания генерала и депутата Госдумы России), который расстрелял из табельного «макарова» Кинга. Бедное животное похоронят в Подмосковье, на даче детского писателя Юрия Яковлева, который много сделал для популяризации Кинга еще при его жизни.

На сцену театра Миронов вернулся 29 июля: вечером того дня он играл «Таблетку под язык». В этом же спектакле он играл и на следующий день, а 31 июля это был уже «Ревизор». С него же начался у Миронова и август: он играл Хлестакова 3-го.

Тем временем съемки «Итальянцев» продолжаются. В начале августа съемочная группа отправилась в очередную экспедицию – на этот раз в Ульяновск, чтобы снять там эпизод приземления самолета на шоссе. Киношники уехали туда без Миронова, который в этом эпизоде занят не был. Он остался в Москве, чтобы побыть рядом с женой и новорожденной дочерью, а также для завершения сезона в родном театре. 4 августа он играл «Таблетку под язык», 6-го – «Женитьбу Фигаро», 8-го – «Таблетку под язык», 12-го – «Женитьбу Фигаро». На этом Театр сатиры закрыл свой очередной сезон в Москве и предоставил свою сцену для гастролеров – Молдавскому музыкально-драматическому театру имени А. Пушкина.

Аккурат в эти самые дни – с 11 августа – Центральное телевидение начало демонстрацию 12-серийного телефильма «Семнадцать мгновений весны». Как мы знаем, роль советской радистки Кэтрин исполняла жена Миронова Екатерина Градова. Актриса вспоминает:

«После одной из первых серий я вышла за хлебом в гастроном „Новоарбатский“, едва причесана, с собакой Марфушей на поводке. И вдруг на меня поперла толпа. Люди подставляли спины, чтобы я на них расписалась, спрашивали, что будет в следующей серии… Два часа я стояла прижатой к прилавку, продавцы вызвали милицию. Когда я вернулась домой, Андрей был в ужасе: называется, вышла на пять минут за хлебом…»

Тем временем 13 августа вернулась в Москву съемочная группа «Итальянцев». А спустя 10 дней отправилась в новую командировку – на этот раз в столицу Италии город Рим. И теперь Миронов отправился вместе с киношниками. Таким образом, волею судьбы последние две серии «Семнадцати мгновений весны» он посмотреть не успел – их показывали 23–24 августа.

Настроение у вылетавших было приподнятое, что вполне объяснимо: в кои-то веки удалось вырваться в страну «загнивающего» капитализма (например, Андрей Миронов и Евгений Евстигнеев до этого ездили только в страны социалистического лагеря). Однако уже в первый же день пребывания на итальянской земле это радужное настроение начало постепенно улетучиваться. Итальянцы встретили гостей на аэродроме Фьюмичино в Риме неприветливо, хмуро и недружелюбно. Потом, рассадив их в машины, привезли в третьеразрядную гостиницу, расположенную километрах в двадцати от центра, на окраине, что-то вроде римского Медведкова. И это после того, как самих итальянцев, когда они были в Москве и Ленинграде, селили в лучших гостиницах.

Следующий удар гостям нанесли в помещении фирмы, отвечающей за съемки фильма. Там им сказали, что работа в Риме пойдет совсем иначе, чем это было в Москве. Дескать, из-за того, что любая съемка на улицах города стоит больших денег, киношникам придется снимать на ходу, практически не вылезая из операторской машины. В итоге это переполнило чашу терпения Эльдара Рязанова, и он, вернувшись в свой номер-келью, решил протестовать. Форму протеста он выбрал самую простую: утром следующего дня он объявил хозяевам, что он на работу не выйдет, пока его группе не обеспечат всех необходимых условий для работы. Напуганные итальянцы вызвали в гостиницу Луиджи Де Лаурентиса. Ему Рязанов заявил то же самое: во-первых, съемочной группе должны предоставить более комфортабельную гостиницу, во-вторых, обеспечить съемку всех сценарных кадров, утвержденных обеими сторонами, и, в-третьих, разрешить приехать в Рим художнику по костюмам и ассистенту режиссера, которых итальянцы отказались первоначально принять. Как это ни странно, но все эти требования итальянцы удовлетворили.

В субботу, 25 августа, в студийном павильоне снимали эпизод, где итальянцы знакомятся с мамой своего русского гида (Ольга Аросева). Актриса вспоминает:

«У меня изумительная отдельная гримерная. Мебель, обитая красной кожей. Овальные зеркала в белых рамах. Две милые итальянки, гримерша и костюмерша, ходят за мной по пятам, то пудрят, то гладят платье, не снимая его, прямо на мне, крошечным утюжком. А парикмахерша вынула из своих волос шпилечки итальянские, легкие и прочные, и заколола мою вечно рассыпающуюся прическу.

Единственную трудность представляли два моих партнера – чрезвычайно экспансивные итальянские актеры. Они как начали в

кадре говорить, так и не остановились. Рязанов сначала все это терпел, тем более что в Москве их все равно нужно было озвучивать, а потом отозвал меня в сторону и зашептал: «Делай что хочешь, но прорывайся… Ведь они тебе рта открыть не дадут!»

И вот когда один из актеров снова принялся безудержно лопотать, я взяла полотенце и заткнула ему рот. Произнесла свой текст, а потом у него изо рта полотенце вытащила. Ему мой трюк до чрезвычайности понравился.

Оказалось, что он не только известный пародийный артист и выступает с карикатурами на крупных политических деятелей, но еще и хозяин небольшой фармацевтической фабрики. Я настолько завоевала его симпатии, что он мне предложил составить список лекарств, которые трудно купить в России. Я ему список дала, и он привез мне целый пакет пузырьков и таблеток на все случаи жизни…»

На следующий день, в воскресенье, съемок не было, поэтому гости отправились на экскурсию в Венецию. Пробыли там до вечера, после чего снова вернулись в Рим, чтобы в понедельник продолжить съемки.

27—28 августа снимали эпизод в клинике с участием Евгения Евстигнеева. Актеру нужно было срочно вылетать в Москву – во МХАТе открывался сезон «Сталеварами», где у него не было замены, поэтому снимать решили с его сцен. Не обошлось без сложностей. Рязанов просил выделить для массовки 200 человек, но итальянцы уперлись на цифре 50. Рязанов стал грозить новой забастовкой и сумел-таки сторговаться на цифре 120. Но проблемы на этом не закончились.

Больницу снимали в четырехэтажном здании бывшей лечебницы, которая вот уже несколько месяцев пустовала. Вывески на здании никакой не было и Рязанов попросил итальянцев это дело уладить – повесить на фасад табличку «Ospedale» («Госпиталь»). Но те его просьбу проигнорировали, хотя заняло бы это минут 15. Рязанов вновь проявил принципиальность, заявил: «Снимать не буду! Моя просьба – не каприз. Вывеска необходима для элементарного обозначения места действия. В нашей стране, если бы не выполнили указание режиссера, я снимать бы не стал». На что организатор производства адвокат Тоддини ответил оскорблением: «А я чихал на твою страну». Рязанов в ответ собрался было заехать ему по фейсу, но вовремя сдержался. Зато словесно припечатал дай бог.

На съемочную площадку опять вызвали Луиджи Де Лаурентиса. Он отдал распоряжение повесить вывеску и попросил Тоддини извиниться перед гостями. Первое его распоряжение

было выполнено сразу, второе – лишь спустя несколько дней.

После того как съемочную группу покинул Евстигнеев (он был там со своей женой Лилей Журкиной), из актеров там остались двое – Миронов и Аросева. Для обоих пребывание в Италии – подарок судьбы. И обоим жутко повезло – они пробыли в Риме все три недели экспедиции при минимуме съемочных дней – у каждого их было по два. В первом они снимались вместе: когда герой Миронова приводил к себе в дом итальянку, повредившую себе ногу, и ее друзей. Второй мироновский эпизод – ныряние в воду за ларцом с сокровищами. Начальные кадры ныряния снимали, как мы помним, в начале июня в холодной Неве, подводные снимали в Неаполе, в бассейне. Все эти эпизоды можно было легко снять в Москве, но в таком случае ни Миронов, ни Аросева не смогли бы увидеть Италию. А им этого очень хотелось. Поэтому место съемок эпизодов перенесли в Италию, а местные участники фильма возражать не стали – деньги на оплату приезда двух советских актеров у них имелись.

Поскольку свободного времени у Миронова и Аросевой было предостаточно, они использовали его с пользой – гуляли по городу, изучали музеи, ходили в гости к партнерам. Миронов вел себя более чем раскованно. Например, когда он подходил к особо роскошной витрине с продуктами, то начинал петь: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна…» А когда видел что-то очень вкусное, одновременно сладкое и мучное (чего ему есть было нельзя из-за строгой диеты), он говорил: «Это можно не есть, это можно прикладывать». И он показывал, куда прикладывать, а именно к животу.

За те дни членами съемочной группы были совершены экскурсии в прекраснейшие итальянские города – Флоренцию, Венецию, Сиену, Пизу, Орвьето, Сперлонгу, Ассизи и даже карликовую республику Сан-Марино. Когда жена Миронова Екатерина Градова, которая была уверена, что муж вернется вместе с Евстигнеевым, позвонила в Рим и с удивлением спросила: «Что ты там делаешь? У тебя же всего два съемочных дня!», тот ответил: «Балда! Я здесь живу!»

Между тем съемки в Риме продолжаются. На площади Пьяцца ди Навона снимали начальный эпизод фильма – сумасшедший проезд «Скорой помощи» по тротуару между столиками кафе. С трудом добившись разрешения снимать на этой площади (на ней всегда полно туристов), киношники собственными силами создали затор из машин членов съемочной группы. Они взяли у хозяина летнего кафе столы и стулья, посадили несколько человек массовки, а одного из них поместили возле стены. И этот человек едва не погиб.

Во многом все произошло из-за того, что возможности репетировать не было – полиция разрешила проделать это один раз и быстро убираться. В результате каскадер, сидевший за рулем «Скорой», лихо смел с тротуара столы и стулья, но проехал слишком близко от человека из массовки. С истошным воплем тот рухнул на асфальт. У всех в тот миг сложилось впечатление, что машина вдавила его в стену. Но, к счастью, все обошлось всего лишь шоком – до трагедии не хватило буквально нескольких миллиметров. Но это стало поводом к грандиозному скандалу. Участники массовки и толпа, которая возникла мгновенно, стали требовать от директора картины денег в уплату пострадавшему и заодно – свидетелям тоже. В противном случае они грозились немедленно отправиться в редакцию газеты, которая расположена тут же на площади, и рассказать о творимых на съемках безобразиях. Угроза была серьезной: пришлось дать им денег.

Съемочная группа пробыла в Италии до 14 сентября и благополучно вернулась в Москву. Все были переполнены впечатлениями, в том числе и Миронов. Поэтому в течение нескольких дней он только и делал, что делился этими впечатлениями с женой и друзьями, которые специально приходили навестить его на Герцена, 49.

21 сентября Театр сатиры открыл свой 50-й сезон в Москве. Вечером того дня был показан спектакль «Таблетку под язык».

22 сентября в одном из родильных домов столицы благополучно разродилась популярная актриса театра и кино Лариса Голубкина. На свет появилась девочка, которую назвали Машей. Ее папой был Николай Арсеньев-Щербицкий, с которым Голубкина познакомилась в 1968 году в одной из компаний. Роман был бурным и завершился официальной регистрацией в ЗАГСе. Однако на момент появления дочери отношения между супругами оказались вконец испорчены, и Голубкина родит девочку в звании матери-одиночки. Впрочем, пробудет она в этом статусе недолго и выйдет замуж за… Андрея Миронова. Впрочем, до этих событий еще далеко, и Миронов пока женат на Екатерине Градовой. После рождения дочери их отношения стали более ровными. И много позже сама Градова будет вспоминать о своем браке с Мироновым только с теплотой:

«Андрей был очень консервативен в браке. Воспитанный в лучших традициях „семейного дела“, он не разрешал мне делать макияж, не любил в моих руках бокал вина или сигарету, говорил, что я должна быть „прекрасна, как утро“, а мои пальцы максимум чем должны пахнуть – это ягодами и духами. Он меня учил стирать, готовить и убирать так, как это делала его мама. Он

был нежным мужем и симпатичным, смешным отцом. Андрей боялся оставаться с маленькой Манечкой наедине. На мой вопрос, почему, отвечал: „Я теряюсь, когда женщина плачет“. Очень боялся кормить Машу кашей. Спрашивал, как засунуть ложку в рот: „Что, так и совать?“ А потом просил: „Давай лучше ты, а я буду стоять рядом и любоваться ею…“

Андрей умел уважать людей, даже когда он сталкивался на улице с отдыхающим на земле пьяным господином, у него находилось для него несколько добрых, с дружеским юмором слов. Никакого высокомерия и презрения, мне кажется, что он не смог бы и на сцене одолеть этих красок. Я уже не говорю о том, каким жрецом своего дела он был. Жил только этим и ничем другим. И еще одно при его «звездности» уникальное качество – он всегда сомневался в себе. Не было ни одной роли (в нашей с ним совместной жизни), репетируя которую, он бы не говорил: «Меня снимут». И говорил это абсолютно искренне. А когда я его спрашивала: «Тебя? А кем тебя можно заменить?», в ответ он начинал перечислять фамилии своих товарищей по театру, искренне считая, что это может быть другая трактовка, а он уже приелся, заигрался. Это качество меня поражало.

Андрей никогда не сказал ни про одного человека плохого слова. И это я могу оценить только сейчас. Тогда мне казалось, что это нормально: говорить о других, когда они этого не слышат, но не желать им зла, делать добро, если им это понадобится. А у Андрея это было в крови: его буквально коробило, когда начинались сплетни. «Да не принимай ты в этом участие, не обсуждай, не суди!..» У нас с ним был такой случай. В театре давали звания – заслуженных артистов, народных. Андрей, который играл основной репертуар, не получил никакого звания! Я пылала гневом и разразилась монологом, что вот, мол, многие получили, и твоя партнерша во многих спектаклях Наташа Защипина – тоже, а ты – нет! Он поднял на меня свои ласковые глаза и сказал: «Катенька! Наташа Защипина – прекрасная актриса, я ее очень люблю и ценю и не позволю тебе ее обижать и вбивать между нами клин!» С ним нельзя было вступить в сговор против кого-либо, даже собственной жене – не терпел пошлости и цинизма…»

Сумев приспособиться друг к другу, молодые так и не смогли наладить нормальных отношений с родителями друг друга. Во многом здесь была вина самих тещи и свекрови. Обе они отличались сильными характерами и считали правыми только себя. Мнение противоположной стороны они в расчет не брали. По словам Градовой, «не было хотя бы дня, чтобы он не позвонил домой три-четыре раза. С утра: „Ну как ты, мам? Ладно, я в

театре“. В два часа после репетиции – опять звонит. Вечером дома пообедал – и звонит маме. После спектакля каждый вечер цветы ей. Мне это казалось несправедливым. Раздражало, когда на ее выговоры, нравоучения он отвечал полным смирением. Стоит перед ней и кается: „Прости! Свинья я, свинья!“ Я не выдерживала: „Вы не представляете, как он вас любит! Он меня учит стирать, убирать, готовить, как вы!“

Но вернемся к театральным будням Миронова. 23 сентября он играл «Таблетку под язык», 25-го – в «Ревизоре», 26-го – в «Женитьбе Фигаро».

28 сентября по ТВ в очередной раз показали один из лучших фильмов в творческой карьере Андрея Миронова «**Берегись автомобиля»**. К слову, в эти же дни Миронов заканчивал работу в новой картине все того же Эльдара Рязанова – «Невероятные приключения итальянцев в России»: им были проведены несколько смен озвучания на «Мосфильме». Согласно финансовым документам, за роль капитана милиции Васильева Миронов удостоился гонорара в размере 4650 рублей (остальные участники съемок с советской стороны заработали следующие суммы: Э. Рязанов – 3610 рублей 82 копейки, Е. Евстигнеев – 1800 рублей).

Октябрь в театре начался для Миронова со спектакля «Таблетку под язык» – он играл ее 3-го. Затем шли: 5-го – «Ревизор», 6-го – «Баня», 8-го – «Таблетку под язык», 9-го – «У времени в плену», 12-го – «Женитьба Фигаро», 14-го – «Таблетку под язык», 16-го и 20-го – «Ревизор», 21-го – «Женитьба Фигаро», 22-го – «Таблетку под язык», 24-го – «У времени в плену», 29-го – «Интервенция», 30-го – «Таблетку под язык», 31-го – «Баня».

В первый день ноября Миронов играл Всеволода Вишневского в «У времени в плену». А два дня спустя он уже вышел на сцену родного театра в образе колхозника Шведа («Таблетку под язык»). 6-го это опять был Вишневский, а в праздник Великого Октября Миронов играл в «Интервенции». Параллельно Миронов репетировал в «Сатире» новый спектакль «Маленькие комедии большого дома» по пьесе Григория Горина и Аркадия Арканова, где он выступал в двух ипостасях: был режиссером (это был его дебют режиссерский, а в качестве сорежиссера выступал Александр Ширвиндт) и играл главную роль в новелле «Ограбление» – Муж.

В ноябрьские праздники ЦТ расщедрилось и показало премьеру фильма «**Достояние республики»** (7–8 ноября). В сущности, эту картину за полтора года со дня премьеры на широком экране успели посмотреть миллионы взрослых зрителей и почти все подростки Советского Союза (так, в нашем дворе на

Казаковке не было ни одного мальчишки или девчонки, кто бы не видел этот фильм меньше трех раз). Но с показом картины по ТВ последние из тех, кто по каким-то причинам не смог увидеть его в кинотеатрах, ликвидировали этот пробел. Без преувеличения можно сказать, что в те два ноябрьских дня у голубых экранов собралась многомиллионная аудитория.

8 ноября Миронов играл в спектакле «Таблетку под язык», 9-го – в «Бане», 10-го и 16-го – в «Женитьбе Фигаро», 18-го – в «Ревизоре», 21-го – в «Женитьбе Фигаро», 24-го – в «Ревизоре», 25-го – в спектакле «Таблетку под язык».

В субботу, 1 декабря, в 19.50 по московскому времени по 1-й программе ЦТ начался повторный показ телевизионного блокбастера «Семнадцать мгновений весны». Как мы помним, премьера фильма состоялась в середине августа, и за эти три с половиной месяца в адрес создателей ленты пришло такое количество восторженных писем, что их число перекрыло все прежние рекорды. Львиная доля этих писем предназначалась актеру Вячеславу Тихонову, исполнителю роли Штирлица. Писали в основном женщины и девушки, для которых советский разведчик Максим Исаев стал эталоном мужской красоты, доблести и мужества. Мало кто знает, но после премьеры фильма по стране прокатилась волна разводов, поскольку многие жены разочаровались в своих мужьях, так непохожих на Штирлица. Повторный показ сериала вызвал у зрителей не меньший ажиотаж – улицы советских городов вновь вымерли, преступность резко сократилась.

Как мы помним, Андрей Миронов во время первой демонстрации фильма две последние серии не видел – уехал на съемки в Италию. Теперь этот пробел он восполнил – досмотрел фильм от начала и до конца. Мнение о нем у него было неоднозначное. Ему не понравились «политические» эпизоды (слишком скучные), а вот игровые почти все заинтересовали. Больше всего его поразила игра Евстигнеева, Плятта и Броневого, даже Куравлев ему понравился. Что касается игры собственной жены, Екатерины Градовой, то здесь Миронов счел за благо промолчать. Что правильно: объективным его мнение назвать было трудно.

Миронов вернулся в репертуарный график театра 7 декабря: в тот день он играл в «Женитьбе Фигаро». Далее шли: 8-го – «Ревизор», 10-го – «У времени в плену», 11-го – «Таблетку под язык», 12-го – «Женитьба Фигаро».

15—18 декабря на сцене Театра сатиры выступал с гастролями знаменитый французский мим Марсель Марсо. А сами «сатировцы» в те дни переместились в один из павильонов

«Останкино», где на студии «Экран» Валентин Плучек взялся снимать телевизионную версию своего спектакля «Безумный день, или Женитьба Фигаро».

Спектакли в Театре сатиры возобновились 21 декабря: в тот день показали «У времени в плену». 22-го это была «Баня», 23-го – «Таблетку под язык», 24-го – «Ревизор».

Тем временем 27 декабря на «Ленфильме» режиссер Леонид Квинихидзе вступил в подготовительный период к фильму «**Соломенная шляпка»**. Это была экранизация знаменитого водевила Эжена Лабиша, которую Квинихидзе согласился снимать по заказу Гостелерадио. До этого он ничего подобного не снимал, отдавая дань идеологическому кинематографу. Так, его первой картиной стала в 1966 году лента «Первый посетитель», посвященная деятельности Ульянова-Ленина. Затем он снял «Моабитскую тетрадь» (1968) – о герое-поэте Мусе Джалиле, следом – «Миссию в Кабуле» (1971) – про становление советской дипломатии, потом – «Крах инженера Гарина» (1973). Затем Квинихидзе к идеологическому кинематографу резко охладел и целиком переключился на кинематограф развлекательный. И первой ласточкой в этом направлении стала «Соломенная шляпка» (затем последуют «Небесные ласточки», «Орех Кракатук», «31 июня», «Шляпа» и др.).

Еще на стадии заявки Квинихидзе твердо определился с исполнителем главной роли – Фадинара должен был играть не кто иной, как Андрей Миронов. Идея возникла неспроста: во-первых, Миронова Квинихидзе очень любил как актера, во-вторых, был дружен с детства с его сводным братом Кириллом Ласкари (именно поэтому последнему было предложено выступить в фильме в качестве балетмейстера). Когда Миронов узнал об этой затее, он немедленно согласился, тем более что в остальных ролях должны были сниматься люди, с которыми он давно и плотно дружил: Игорь Кваша и Зиновий Гердт. До начала съемок оставались считаные месяцы.

28 декабря в Театре сатиры состоялась очередная премьера: был показан спектакль «**Маленькие комедии большого дома»**. Как мы помним, Миронов в нем выступал в двух ипостасях: как режиссер (вместе с Александром Ширвиндтом) и исполнитель главной роли в новелле «Ограбление» (роль Мужа). Кто видел эту постановку, не даст соврать: новелла с участием Миронова стала «гвоздем» всего спектакля, она была самой смешной и эксцентричной. Это, в сущности, был бенефис Миронова, в котором он предстал во всей красе своего комедийного таланта. То, как он виртуозно хохмит и кривляется, описать на бумаге невозможно, это надо видеть.

29 декабря ЦТ устроило еще одну премьеру фильма с участием Андрея Миронова: был показан фильм Эльдара Рязанова «**Старики-разбойники»**. И хотя роль Миронова в нем была не ахти какая большая, но без нее эту комедию тоже представить себе невозможно: именно с подлеца Проскудина вся интрига и завязывается.

Вечером 31 декабря Миронов играл в спектакле «Таблетку под язык». Спектакль закончился в девять вечера, после чего Миронов, прихватив Екатерину Градову, отправился встречать Новый год в ресторан ВТО. Затем они отправились догуливать праздник к сатирику Григорию Горину, с которым Миронов сдружился во время работы над «Маленькими комедиями…»

1974

Год начался для Миронова в театре с роли Мужа в «Маленьких комедиях» – он играл его 3 января. В тот же день по ТВ показали «**Малыша и Карлсона»**, приурочив показ к зимним каникулам (15.15). Как мы помним, в нем Миронов играл роль чердачного вора Рулле.

4 января Миронов играл «Таблетку под язык», 6-го – «Маленькие комедии…», 7-го – «Таблетку под язык», 10-го – в ней же, 11-го – «Маленькие комедии…» После этого настала пора других спектаклей: 13-го это была «Баня», 18-го – «Маленькие комедии…», 19-го – «Женитьба Фигаро», 20-го – «Ревизор», 21-го – «У времени в плену», 23-го – «Баня», 25-го – «Маленькие комедии…», 28-го – «Ревизор», 29-го – «У времени в плену», 30-го – «Женитьба Фигаро».

Февральский репертуар Миронова начался с «Маленьких комедий…» (1-го и 2-го). Далее шли: 3-го – «Таблетку под язык», 4-го – «Дон Жуан», 9-го – «Ревизор», 10-го – «Маленькие комедии…», 11-го – «У времени в плену», 13-го – «Женитьба Фигаро», 16-го – «Ревизор», 17-го – «Таблетку под зык», 18-го – «Ревизор», 20-го – «Женитьба Фигаро», 22-го – «Дон Жуан», 23-го – «У времени в плену» (днем и вечером), 24-го – «Маленькие комедии…», 25-го – «Таблетку под язык», 27-го – «Женитьба Фигаро».

2 марта Миронов играл «Ревизора», 3-го – «Дон Жуана».

Тем временем 7 марта на «Ленфильме» Леонид Квинихидзе приступил к съемкам водевиля «Соломенная шляпка». Снимать начали с эпизодов без участия Андрея Миронова, который находился в Москве и на следующий день готовился справить свое 33-летие.

9 марта он играл в «Женитьбе Фигаро», 10-го – «Таблетку под язык». После этого Миронов взял пятидневный тайм-аут для съемок в «Шляпке». Отснявшись в своих эпизодах, Миронов уехал в Москву, где его ждала работа в театре. 15 марта он играл в «У времени в плену», 16-го – в «Женитьбе Фигаро», 18-го – в «Ревизоре».

18 марта на широкий экран вышли «**Невероятные приключения итальянцев в России»**. Поскольку фильм относился к жанру комедии, да еще эксцентрической, плюс к тому же был снят самим Эльдаром Рязановым с участием таких народных любимцев, как Андрей Миронов, Евгений Евстигнеев и Ольга Аросева, то народ в кинотеатры зашагал рядами и колоннами. Так было и в тот день 18 марта, когда в столичном

кинотеатре «Россия» состоялась не только премьера фильма, но и встреча с его творческой группой. Был там и Миронов, с удовольствием поведавший собравшимся о том, как он снимался в трюковых эпизодах.

На «Итальянцах» зритель получил то, что, собственно, и рассчитывал увидеть: минимум драматургии и максимум умопомрачительных трюков, большинство из которых в советском кинематографе демонстрировались впервые. В итоге в прокате лента соберет в общем-то неплохую «кассу»: его посмотрят 49 миллионов 200 тысяч зрителей (3-е место). Однако на Западе фильм широким экраном так и не пойдет, хотя надежды на это у его создателей были. Почему произошло именно так, объясняет Э. Рязанов: «Когда Дино Де Лаурентис увидел смонтированную картину, которая ему понравилась, он огорчился, что не рискнул нанять крупных, знаменитых и, значит, дорогих актеров. Продюсер сам об этом говорил. Ведь для прибыльного проката фильма на Западе необходимо, чтобы на афише блистали имена популярных кинозвезд…

Американцы так и не купили картину. Больше того, на Западе фильм практически не демонстрировался. Дино Де Лаурентис в это время перебрался в Соединенные Штаты Америки (мой фильм был его последним итальянским детищем) и начал играть в крупную кинематографическую игру. Нашу ленту сбыли с рук какой-то захудалой голландской фирме, которая возвратила Лаурентисам их затраты, но организовать прокат, заказать рекламу картины ей было не по плечу…»

И вновь вернемся на съемочную площадку «Соломенной шляпки». 18–20 марта киношники не дождались Миронова – столичные дела его не отпустили: сразу после встречи в «России» он играл в «Ревизоре», на следующий день – в «Маленьких комедиях…». Группе это влетело в копеечку. В те дни ночью был специально арендован ленинградский Дом писателей, лестницу которого собирались приспособить под лестницу дворца баронессы Шампеньи (Фадинар прибегал к ней в поисках соломенной шляпки), но неприезд Миронова эти съемки сорвал. Неустойка составила 1,5 тысячи рублей за три дня. А когда Миронов не смог приехать и в пятницу 22 марта (должны были снимать его приход к Бонартье, которого играл Ефим Копелян), то сумма убытков возросла еще на 637 рублей. Впору было хвататься за голову. Но с этого момента Миронов группу больше не подводил. Отыграв 24 марта в спектакле «Таблетку под язык», он сел в «Красную стрелу» и примчался в Ленинград. И за два дня наверстал упущенное – отснялся в эпизоде «дворец баронессы». По сюжету, там ждали к ужину знаменитого тенора из Болоньи

(Михаил Боярский), а вместо него пришел Фадинар в поисках соломенной шляпки. Спутав Фадинара с тенором, к нему начинает «клеиться» большой любитель мальчиков кузен баронессы виконт Ахилл де Розельба (Михаил Козаков). Это ему принадлежит знаменитая фраза, которая после выхода фильма на широкий экран прогремит на всю страну: «Такой мо-о-оденький, мо-о-оденький».

Как будет вспоминать сам Козаков, съемки этого эпизода были сплошной импровизацией. Причем душой импровизации был Миронов, который начинал хохмить еще задолго до начала съемок – за завтраком в ресторане гостиницы «Астория». Это была так называемая разминка. Козаков эту игру подхватывал и вел себя таким образом на протяжении двух дней. Но на третий, видимо, устал. Как он сам говорит, идиотничать надоело. Миронов же моментально это почувствовал и понял, что нужны сильные средства, чтобы вернуть партнеру комедийное расположение духа. Далее послушаем рассказ самого М. Козакова:

«После команды „Мотор!“ я начинаю произносить какую-то тираду, стоя лицом к Миронову и кинокамере. Он в этом кадре к камере спиной. Вдруг Фадинар мне улыбается во весь рот мироновской улыбкой, и я столбенею: все зубы у него золотые, все как один! Я прыснул, потом затрясся от смеха. Этот тип во время сцены, по ходу дубля, каким-то образом вставил себе в рот золотую фольгу от шоколада! Я захохотал в голос. Дубль был испорчен. И слава богу, так как выходка Миронова вернула мне озорство, кураж, и уже на следующий дубль я играл, опять весело хулиганя…»

27 марта съемки снова остановились – рабочие не смогли вовремя сдать декорацию «квартира Фадинара». Группе был записан очередной простой. Уже не по вине Миронова, но легче от этого никому не стало. Вечером того дня Миронов был уже в Москве, где играл в «Маленьких комедиях…», 31-го это был спектакль «Таблетку под язык».

Апрель начался для Миронова с «Маленьких комедий…» – он играл в нем 1-го. Затем он вновь съездил в Ленинград, где отснялся в следующих эпизодах «Шляпки». В частности, тогда сняли эпизод, где офицер (Игорь Кваша) и его любовница (Екатерина Васильева) требуют от Фадинара, чтобы он немедленно достал соломенную шляпку, которую незадолго до этого так неосмотрительно съела его лошадь. При этом офицер страшно нервничает и все время пытается сломать что-то из мебели хозяина квартиры. «Не трогайте мою мебель!» – взывает к совести офицера Фадинар. Короче, это были одни из самых

смешных эпизодов ленты. Затем группа снова попала в простой – не была готова декорация «квартира Бонартье». Миронов уехал в Москву, обещая приехать сразу же, как только все будет готово к съемке.

3 апреля Миронов играл в «Ревизоре», 5-го – в «Женитьбе Фигаро», 6-го – «Таблетку под язык», 7-го и 9-го – в «Маленьких комедиях», 10-го – в «Ревизоре».

В среду 10 апреля возобновились съемки «Шляпки»… чтобы в пятницу снова встать – «квартира Бонартье» все еще была не готова. Миронов снова вернулся в Москву. 12-го он играл в «У времени в плену», 14-го – в «Маленьких комедиях…», 15-го – в «Таблетке под язык». После чего снова рванул в город на Неве, чтобы облачиться в элегантный костюм Фадинара. Съемки там возобновились во вторник 16 апреля. Однако над картиной висел какой-то рок: работа длилась всего лишь два дня. 18 апреля группа должна была начать снимать новый объект – «салон шляп», но рабочие снова подвели, не сдав декорацию к нужному сроку. Это переполнило чашу терпения Квинихидзе, и он вышел к руководству студии с предложением временно заморозить съемки, чтобы рабочие наконец-то смогли завершить весь объем работ. Консервация продлится ровно месяц. За это время Миронов успеет сняться еще в одном телефильме – «Лев Гурыч Синичкин» режиссера Александра Белинского. Не путать со спектаклем «Гурий Львович Синичкин». Миронов играл роль провинциального дирижера Налимова. Роль небольшая, поэтому заняла у Миронова всего несколько съемочных дней.

На сцену Театра сатиры Миронов вышел 19 апреля – он играл в «Женитьбе Фигаро». Далее шли: 20-го – «Маленькие комедии…», 21-го – «Таблетку под язык», 22-го – «У времени в плену», 24-го – «Маленькие комедии…». Это был последний спектакль с участием Миронова: 28 апреля Театр сатиры закрыл свой очередной сезон в Москве и отправился с гастролями в Ленинград.

Между тем в понедельник 29 апреля по ТВ была показана премьера одного из самых популярных спектаклей Театра сатиры «**Безумный день, или Женитьба Фигаро»**. Несмотря на целое созвездие имен, собранных в этой постановке, без всякого преувеличения можно было утверждать, что это был настоящий бенефис одного актера – Андрея Миронова, исполнявшего в нем роль плута Фигаро.

В Ленинграде Театр сатиры пробыл чуть больше двух недель, после чего актеры были распущены в отпуска. Но Миронов практически не отдыхал. В те дни он закончил съемки в «Льве Гурыче Синичкине» и снова включился в работу над «Соломенной шляпкой». Съемки в последней возобновились в понедельник 27

мая. Снимались эпизоды «в салоне шляп». Это туда Фадинар прибегал в надежде найти злополучную соломенную шляпку, но вместо этого встречал там свою бывшую возлюбленную Клару Бокардон (эту роль играла Людмила Гурченко). Тогда же в тонателье «Ленфильма» Миронов записал две песни к фильму: «**Соломенную шляпку»** и «**Женюсь»**. Последней суждено будет стать всенародным шлягером.

Женюсь, женюсь, какие могут быть игрушки,
И буду счастлив я вполне.
Но вы, но вы, мои вчерашние подружки,
Напрасно плачете по мне.
Не плачьте, сердце раня, смахните слезы с глаз,
Я говорю вам «до свиданья»,
Я говорю вам «до свиданья»,
Расставанье не для нас…

Съемки в павильонах шли в течение недели. После чего в понедельник 10 июня съемочная группа выехала на натурные съемки в эстонский город Тарту. Миронов отправился туда отдельно от всех на своем сером пикапе «Жигули» вместе со сводным братом Кириллом Ласкари. У обоих болела голова, поскольку накануне они провожали из Ленинграда своего приятеля Михаила Барышникова, который вместе со своим театром отправлялся на гастроли в Канаду. В разгар проводов Миронов пошутил: «Гляди, Миша, не стань невозвращенцем». На что Барышников пошутил: «Куда я денусь от нашего борща». Пройдет всего лишь две недели, и мрачный прогноз Миронова сбудется. Но не будем забегать вперед.

Итак, Миронов и Ласкари приехали в Тарту на пикапе. Жить их поселили в военном гарнизоне, в двухкомнатной квартирке со всеми удобствами: проходная комната досталась Ласкари, а Миронову, как признанной звезде, выделили поистине генеральские апартаменты – огромную комнату с ковром, люстрой, модным сервантом и… портретом Брежнева над кроватью. Увидев последний, Миронов аж присвистнул. «Трогательно, конечно, но чертовски неудобно – как же я буду снимать штаны при генеральном секретаре? Давай, Кирюша, перевесим портрет к тебе в комнату». Так и сделали.

Съемки фильма начались 11 июня с уличных фонов. Затем сняли знаменитый проезд свадебного кортежа Фадинара и его песню «Женюсь» (под это дело киношники привезли восемь декоративных карет). А после съемок все артисты, занятые на съемках, собирались в ресторане и кутили чуть ли не до утра.

Компания подобралась знатная: Андрей Миронов, Игорь Кваша, Екатерина Васильева, Владислав Стржельчик, Зиновий Гердт. Миронов, который без дамского общества всегда чувствовал себя обделенным, сразу выбрал объект для ухаживаний. Это была молодая актриса Ирина Магуто, которая играла эпизодическую роль служанки Бонартье. Практически в первый же день съемок Миронов пригласил девушку в ресторан, но та, хоть и приняла приглашение, весь вечер держалась очень даже невозмутимо. И хотя Миронов очень ей нравился как актер, но вот как мужчина для романа совершенно ее не заинтересовал. Другое дело его брат Кирилл – вот он Ирине понравился. Когда Миронов это понял, он поступил по-джентльменски, сказав девушке: «Не будь дурой, выходи замуж за моего брата, раз уж мне отказала». Самое удивительное, что именно так впоследствии и произойдет: Ласкари на тот момент разводился с Ниной Ургант, и роман с Магуто пришелся очень даже кстати. Вспоминает сам К. Ласкари:

«Мы сидели в парке на скамейке во время обеденного перерыва. Андрюша в костюме Фадинара прилег, положив голову на колени моей будущей жене. У меня на голове красовалась та самая соломенная шляпка, из-за которой и снимался этот фильм. Голуби занимались любовью в метре от нашей скамейки. Ирочка, как мне показалось, была несколько шокирована их беспринципностью. Андрюша, напротив, комментировал и давал советы. Я играл застенчивость.

– Ханжа! – подытожил Андрей и, легко вскочив со скамейки, быстро пошел на съемочную площадку, откуда в мегафон сообщили, что обед закончен…»

27—29 июня в съемочной группе были объявлены выходные ввиду непогоды. Миронов с Ласкари, прихватив с собой актера Гию Пирадзе (он играл в «Шляпке» эпизодическую роль), отправились в Ригу к дяде Гии, который заведовал грузинским вином. И там с нашими героями случилось ЧП. Сначала мелкое, а потом и более серьезное. Начнем с первого.

В те дни в Риге справляли день Ивана Купалы: молодежь вязала венки и прыгала через костры. Наши герои тоже прыгали. Миронов более удачно, а вот его брат не очень. Во время очередного прыжка Ласкари умудрился приземлиться одной ногой на осколок стекла от пивной бутылки. Рана оказалась глубокой, и на некоторое время Ласкари превратился в хромоножку. Однако на общем настроении братьев этот инцидент нисколько не сказался. Ведь принимали их по-царски в доме самого Отара Данелия – дяди кинорежиссера Георгия Данелия. Чего на тамошнем столе только не было: чанахи, сациви, лобио, шашлыки, зелень, маринады, лаваш, сулугуни и, конечно, вино.

Причем у хозяина особую гордость вызывало не «Гурджуани», не «Саперави», не «Хванчкара», а клубничное вино собственного производства.

На следующее утро Ласкари проснулся от того, что кто-то усиленно тряс его за плечо. Разомкнув веки, Кирилл увидел над собой перекошенное лицо Миронова. «Вставай! – чуть ли не кричал Миронов. – У нас все спиз…ли!» Далее послушаем рассказ самого К. Ласкари:

«Машину Андрей оставил, уткнув ее носом в ворота и поленившись въехать во двор. Расплата за легкомыслие вылилась в исчезновение всех моих документов, которые лежали в кармане лайковой куртки, привезенной из солнечной Бразилии, денег, новой пары обуви, золотых запонок, зачем-то взятых у папы, и томика Монтеня. В благодарность воры положили на лобовое стекло большой венок из ромашек. Что тут началось! Сначала приехала милиция, и с нас всех сняли отпечатки пальцев. Потом повезли в прокуратуру, где Андрюшка налево и направо раздавал автографы. Я хромал, еле поспевая за ним. Основной аргумент в пользу поимки воров Андрюша строил на томике Монтеня, чем окончательно запутал сыскарей. „В Риге, – объяснял он, – его еще нет. Это подарок издательства, где я выступал. Контрольный экземпляр“. Думаю, для рижских милиционеров так и осталось загадкой, кто такой Монтень и чего от них хочет Козадоев из „Бриллиантовой руки“…»

В Тарту братья и Пирадзе возвращались в подавленном настроении. И первым, кого они увидели, приехав к месту съемок, был Зиновий Гердт. Тот, увидев, что Ласкари хромает, подумал, что он его специально передразнивает (Гердт хромал с войны), и заявил:

– Перестань дразниться!

– Да я не дразнюсь: действительно ногу поранил, – начал оправдываться Ласкари. Далее он поведал Гердту о ЧП, которое случилось с ними в Риге, и попросил ни в коем случае не расспрашивать об этом Миронова. Гердт пообещал. Слово он свое сдержал, но от другой подлянки все-таки не удержался – незаметно стащил у Миронова его чудную кепочку с помпоном. Когда Миронов обнаружил пропажу, настроение его испортилось вконец. Еще сильнее оно упало после того, как уже в доме Гердт признался в краже, но когда сунул руку в карман своей куртки, кепки там не обнаружил. Видимо, она выпала где-то по дороге.

Вечером того же дня Миронову позвонил отец. И сообщил ему сногсшибательную вещь: согласно сообщению «Голоса Америки», 29 июня балерон Кировского театра Михаил Барышников сбежал на Запад и попросил там политического

убежища. А ведь каких-нибудь две с половиной недели назад они с ним водку пили в Питере.

Как выяснится позже, Барышников сбежал в Торонто. Поводом к побегу послужила творческая неудовлетворенность балерона – в последнее время его все чаще оставляли на «скамейке запасных». О том, как выглядел побег, вспоминает сам М. Барышников:

«Все было немножко мелодраматично. Как в плохом романе. В тот день после спектакля я раздавал автографы, а мои канадские друзья ждали несколькими кварталами дальше в машине. Желающих было довольно много, я подписался раз десять и сказал: „Извините, я должен на минутку уйти, но я вернусь“. И пошел. Но они пошли за мной. Я прибавил шагу, наконец, побежал, и они бежали за мной. Это было так комично! Я начал смеяться, остановился и еще несколько раз подписался. А если серьезно – меня очень, очень волновала судьба моей труппы. Я очень уважал свою тогдашнюю партнершу Ирину Колпакову, но я не имел возможности и не посмел сказать ей. Впрочем, интуитивно я понимал, что на допросе ей будет легче, если она на самом деле останется в неведении…

Сразу после побега, чтобы снять стресс, я напился. Мы поехали на одну ферму, и я нажрался вдребезги. Мешал разные напитки, не шел спать до пяти-шести утра… А на следующее утро уже начал действовать рассудок. Но чувства вины я не испытывал…»

Но вернемся к Андрею Миронову. В Тарту он пробыл до начала июля, после чего вернулся в Москву, где Театр сатиры открывал свой очередной сезон в Москве. Столь раннее открытие объяснялось объективными причинами: театр хотел успеть завершить подготовку к приближающемуся юбилею – 50-летию со дня рождения театра (начало октября). В день открытия, 6 июля, показывали спектакль «Маленькие комедии большого дома», где Миронов играл роль Мужа-подкаблучника. Этот же спектакль игрался и вечером следующего дня. Затем Миронов снова уехал в Тарту, чтобы отсняться в очередных эпизодах «Соломенной шляпки».

10 июля Миронов снова был в Москве и вечером играл в «Дон Жуане». 12-го это была «Женитьба Фигаро». Затем Миронов уехал в Тарту, где снимали финал «Шляпки»: после прощальной песни Фадинар должен был бросить шляпку в камеру. Однако как Миронов ни старался, точно попасть в цель у него никак не получалось. В итоге, когда после очередного промаха его нервы не выдержали, он предложил режиссеру изменить сцену. «Давайте я просто повешу ее на ворота и удалюсь». На том и

порешили.

15 июля Миронов снова был в Москве и играл «Женитьбу Фигаро». Далее шли: 16-го – «Таблетку под язык», 17-го – «Ревизор», 19-го – «Таблетку под язык», 21-го – «Маленькие комедии…», 22-го – «Ревизор», 24-го – «Маленькие комедии…», 26-го – «Таблетку под язык», 27-го – «Женитьба Фигаро», 28-го – «У времени в плену», 29-го – «Маленькие комедии…», 30-го – «Дон Жуан», 31-го – «Ревизор».

Август начался для Миронова с «Ревизора» – он играл его 2-го. 4-го это был «Дон Жуан», 5-го – «Маленькие комедии…», 7-го – «Таблетку под язык», 9-го и 10-го – «Женитьба Фигаро», 12-го – «Таблетку под язык», 13-го – «Ревизор», 14-го – «Дон Жуан».

В августе Миронов съездил в Ленинград, где принял участие в озвучании роли Фадинара в «Соломенной шляпке». Это заняло у него несколько дней. На этом его работа в фильме была закончена. Полный гонорар Миронова за эту роль составил 2560 рублей (другие исполнители получили следующие суммы: В. Стржельчик – 2150 руб., Е. Копелян – 825 руб., З. Гердт – 720 руб., Л. Гурченко – 600 руб., И. Кваша – 375 руб., Е. Васильева – 375 руб., А. Фрейндлих – 300 руб.).

17—18 августа Миронов играл в «Маленьких комедиях…», 21-го – в «Женитьбе Фигаро», 23-го – в «Ревизоре», 25-го – в спектакле «Таблетку под язык», 26-го и 31-го – в «Маленьких комедиях…»

С «Комедий» начался для Миронова и сентябрь – он играл в них 1-го днем. 2-го это был спектакль «У времени в плену», 3-го – «Ревизор», 6-го и 9-го – «Маленькие комедии…», 10-го – «Ревизор», 11-го – «Таблетку под язык», 13-го – «Дон Жуан», 15-го – «Таблетку под язык», 16-го – «Женитьба Фигаро», 18-го – «Дон Жуан», 21-го – «Женитьба Фигаро».

27 сентября в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «**Клоп**». Вернее, спектакль был старый, но показывали его в новой сценической редакции. Поэтому в журналах режиссерского управления он значился под номером 1/753. То есть это было 753-е представление «Клопа» на сцене Театра сатиры, но в новой редакции. Как мы помним, в первой версии «Клопа» Миронов играл роль Присыпкина, но теперь на эту роль ввели актера Николая Пенькова, а Миронову досталась роль Олега Баяна. В лице Миронова Баян несколько помолодел, что было воспринято некоторыми апологетами канонического текста В. Маяковского в штыки. Например, Сергей Юткевич заявлял, что если Баян и Присыпкин ровесники – то нарушается система отношений между главными героями, задуманная драматургом. Дескать, Баян потому и страшен, что он оборотень, вылезший из щелей

прошлого. Слово «прошлое» Юткевич трактовал в буквальном смысле, соотнося с дореволюционным временем.

Но были и такие, кому версия, предложенная Мироновым, пришлась по душе. Так, А. Шерель писал: «Миронов играл Баяна изобретательно, зло, с той вдохновенной импровизационной свободой, которая позволяла каждый жест, каждое слово роли поднять до символического обобщения. Нет, это не был демон-искуситель из третьеразрядного нэпманского кабаре. Это был лидер, вполне современный и легко узнаваемый вожак и законодатель для молодых и уже не очень молодых совмещан, прожигателей „красивой жизни“, искренне убежденных в том, что мир существует лишь для удовлетворения их желаний.

Мне кажется, что ни в одной другой работе, кроме Жадова, Миронов не поднимался до тех высот социальной остроты и значимости, которые он покорил в роли Баяна.

В этом персонаже были узнаваемы нувориши брежневской эпохи, ибо он выступал своеобразным идеалом, физически и духовно соответствующим запросам «новой буржуазии», которую формировала торговая мафия вместе с партбюрократией…

Андрей Миронов в образе Баяна дал фигуру, современную не времени написания пьесы, а 70-м и 80-м годам, обозначив едва ли не самую главную проблему развития всего нашего общества, – проблему сословного расслоения и сословной вседозволенности…»

А вот что писал по горячим следам этой роли другой критик – Н. Шалуташвили: «Образ Баяна Маяковский считал, наряду с Присыпкиным, центральной фигурой комедии. Так рассматривает этот образ и театр. Баян в исполнении А. Миронова – настоящий „самородок из домовладельцев“. Он дирижирует всем обывательским оркестром, занимает наступательную позицию, всюду выискивая поклонников „красивой жизни“. А. Миронов использует доведенную до совершенства пластику: вялая и извивающаяся походка, замысловатая жестикуляция – это на грани гротеска, хотя актер нигде ни на секунду не теряет чувства меры. Все точно, продуманно, каждая деталь служит глубокому разоблачению этого „художника фокстрота“, души „фешенебельного“ общества. Чего стоит совершенно виртуозно сыгранная А. Мироновым сцена в общежитии: он целует руку растерявшейся девушке, косынкой вытирает стул, а затем „изящно“ становится на него ногой… Каждая деталь, каждая сцена заслуженно сопровождается аплодисментами…»

Действительно, публика, приходившая на этот спектакль, была в восторге от игры Миронова. Все его эскапады, написанные много лет назад Маяковским, попадали точно в цель – разили

пороки, которые были присущи тогдашнему советскому обществу. Мещанство, стяжательство, жажда красивой жизни исподволь проникала во все поры советского общества, и именно представителя такого племени и играл Миронов. Он учил работягу Присыпкина «изячной» красивой жизни и на этом поприще добивался больших успехов. Миронов играл свою роль легко, элегантно и доводил публику до гомерического хохота. Поэтому не случайно несколько эпизодов из этой роли Миронов будет использовать в своих концертах.

На следующий день после премьеры «Клопа» – 28 сентября – по ТВ состоялась еще одна премьера с участием Андрея Миронова – был показан спектакль Театра сатиры «**Маленькие комедии большого дома»**, где Миронов выступил в двух ипостасях: режиссера (вместе с Александром Ширвиндтом) и исполнителя роли Мужа в новелле «Ограбление». По воле судьбы этот же спектакль шел в тот день и на сцене Театра сатиры. Только спектакль шел днем, а премьера по ТВ состоялась в 19.45–23.00.

29 сентября Миронов играл «Таблетку под язык».

В октябре Театр сатиры отмечал круглую дату – 50 лет со дня рождения. Хотя на самом деле Театр сатиры был в России еще до революции. Он возник в Большом Гнездниковском переулке за несколько лет до революции. А перед октябрем 1917 года артист МХТ Н. Балиев организовал здесь театр «Летучая мышь», просуществовавший до 1922 года. На его базе другой театрал – Алексеев – открыл театр с экстравагантным названием «Кривой Джимми». Именно последний коллектив и послужил основой нового коллектива, который 1 октября 1924 года, открываясь спектаклем «Москва, с точки зрения…», назвал себя Театром сатиры.

Власть, которая к тому времени сумела приручить практически все столичные театры, с большой помпой отметила юбилей Театра сатиры. 1 октября в театре состоялось торжественное собрание, которое почтили своим присутствием сразу несколько секретарей МГК КПСС (один из них – В. Ягодкин – даже выступил с докладом).

2 октября Миронов играл в спектакле «У времени в плену», 4-го – в «Женитьбе Фигаро», 6-го – в спектакле «Таблетку под язык», 8-го – в «Ревизоре», 9-го – в «Маленьких комедиях…», 11-го – в «Ревизоре», 13-го – в спектакле «Таблетку под язык», 14-го – в «Клопе».

16 октября в прессе появились указы о присуждении высоких званий сразу нескольким работникам Театра сатиры. Так, главный режиссер Валентин Плучек был удостоен звания народного артиста СССР (первой, как мы помним, из «сатировцев»

этого звания была удостоена Татьяна Пельтцер), а звания заслуженных артистов РСФСР получили: Андрей Миронов, Александр Ширвиндт, Ольга Аросева, Михаил Державин, Владимир Байков, Зоя Зелинская, Юрий Соковнин.

17 октября в печати появился еще один указ – о награждении Театра сатиры орденом Трудового Красного Знамени. Эту награду власти вручили руководителям театра два дня спустя во время торжественного празднования юбилея.

В эти же дни Эльдар Рязанов усиленно готовится к съемкам своей очередной комедии – «Ирония судьбы, или С легким паром!» Еще 30 сентября в работе над фильмом начался подготовительный период, во время которого интенсивно шли поиски актеров на главные роли. Никакой Барбары Брыльской и Андрея Мягкова еще не было и в помине и на эти роли пробовались совсем другие актеры. В частности, Андрей Миронов и Людмила Гурченко. Причем первому поначалу предлагалась роль Ипполита, но он от нее отказался: дескать, не хочу играть отрицательную роль. «Но Ипполит вовсе не отрицательный персонаж, – попытался было возразить Рязанов. – Скорее, он несчастный». «Нет, хочу сыграть Лукашина», – был неумолим Миронов. Далее послушаем рассказ самого Э. Рязанова:

«Я был уверен, что он не подходит на эту роль, но отказать ему не мог. Я сказал:

– Андрюша, я дам тебе на пробу одну каверзную сцену. И если ты убедишь меня в этом эпизоде, если я поверю тебе, клянусь, ты будешь играть Лукашина.

Началась кинопроба. Миронов, пряча глаза, застенчиво произносил такие реплики: «А я у женщин никогда не пользовался успехом… еще со школьной скамьи… Была у нас девочка – Ира… Что-то в ней было… Я в нее еще в восьмом классе… как тогда говорили… втюрился… А она не обращала на меня ну никакого внимания… Потом, уже после школы, она вышла за Павла…»

Но почему-то ощущения правды жизни, веры в актерскую убедительность не возникало. Поверить в то, что какая-то неведомая Ира могла пренебречь таким парнем, как Миронов, было невозможно. Несмотря на все его актерское мастерство, психофизическая сущность артиста расходилась с образом, со словами. Стеснительность искусно изображалась, но поверить в любовные неудачи персонажа было трудно. И я отказал ему. Я повторил еще раз, что на роль Ипполита беру его без кинопробы. Но тут он отказал мне. Однако этот инцидент никак не повлиял на наши отношения, мы продолжали относиться друг к другу нежно и по-дружески…»

19 октября Миронов играл в «Маленьких комедиях…», 20-го – в спектакле «Таблетку под язык», 21-го – в «Женитьбе Фигаро», 23-го – в «Маленьких комедиях…», 25-го – в «Ревизоре», 28-го – в «Дон Жуане».

Между тем публика, приходившая в Театр сатиры и видевшая Миронова легким и изящным, даже не догадывалась, какие страсти бушуют в его личной жизни. По злой иронии судьбы именно в дни, когда Миронову было присуждено звание заслуженного артиста РСФСР, распался его брак с Екатериной Градовой. Причем распался некрасиво, со скандалом. Это было тем более обидно, что в ноябре этому браку должно было исполниться три года. Увы, не сложилось…

Виновником случившегося оказался Миронов. Он возобновил свой роман с актрисой своего же театра Ниной Корниенко, о чем некий «доброжелатель» немедленно сообщил Градовой. Причем последней было сообщено не только имя разлучницы, но и адрес, где влюбленные встречаются. И Градова, переполняемая жаждой разоблачения, дождалась очередной такой встречи и вломилась в обитель «голубков». Свидетели потом утверждали, что шум стоял вселенский: женщины мутузили друг друга изо всех сил, а сам виновник случившегося счел за благо ретироваться. Что вполне объяснимо: новоиспеченный заслуженный артист республики не мог себе позволить стать посмешищем в глазах обывателей.

Поскольку этот случай был не первым у Миронова, ни о каком возвращении в лоно семьи речи уже не шло – Градова потребовала от мужа, чтобы он убирался на все четыре стороны. Что он и сделал, прихватив с собой только одежду и коллекцию джазовых грампластинок, которой он дорожил больше всего на свете. И когда он явился в таком виде в родительский дом, у тех его приход вызвал разные чувства. Если отец только облегченно вздохнул (он давно говорил, что Миронов и Градова – не пара), то мать схватилась за сердце: «Боже, ты же потерял квартиру!» Это была сущая правда: двухкомнатный кооператив на улице Герцена остался за Градовой и дочерью. Однако Миронов об этом нисколько не жалел, поскольку важнее всех благ на свете для него была свобода. А ее-то он как раз и получил. Много лет спустя Е. Градова так будет оценивать свое расставание с Мироновым:

«В силу молодости, недооценки некоторых ценностей, влияний снаружи мы не смогли сохранить семью. Виню я только себя, потому что женщина должна быть сильнее. Гордость, свойственная обездуховленности, помешала мне мудро увидеть ситуацию, объясняя некоторые сложности семейной жизни особым дарованием своего мужа, его молодостью. Развод не был

основан на неприязненных чувствах друг к другу. Скорее всего, он проходил на градусе какого-то сильного собственнического импульса: была затронута самая важная для обоих струна. Мы ждали друг от друга чего-то очень важного… Тут бы остановиться мгновению, оставив любящих наедине: с Богом и с собою. Но жизнь бурлила, предлагая свои варианты, выходы и модели…»

31 октября Театр сатиры отправился на гастроли в Италию. Это была первая поездка этого театра на Запад, что ясно указывало на отношение властей к труппе – раз уж разрешили съездить в Италию (а раньше дальше Болгарии никуда не выпускали), значит, доверяют. Однако Плучек взял туда не всех – только тех, кто был с ним в хороших отношениях. Миронов к этому числу относился, да и как без него – все-таки премьер театра! К тому же Плучек был счастлив, узнав, что Миронов ушел-таки от Градовой, и хотел, чтобы его любимый артист хоть на время забыл о своих личных проблемах вдали от родины.

Эта поездка оказалась восхитительной, сродни той, что Миронов испытал год назад во время съемок «Итальянцев в России». «Сатира» показала «Клопа» на Венецианском фестивале «Биеннале», после чего отправилась в гастроли по стране. Театр побывал в восьми городах: Риме, Венеции, Сиене, Реджо-Эмилии, Парме, Капри, Генуе и Павии, где дал 13 спектаклей. И везде публика принимала их превосходно. Но счастье на этом не закончилось. 17 ноября гастроли в Италии завершились, чтобы продолжиться… в Чехословакии. Это хотя и была страна соцлагеря, однако считалась одной из передовых, не чета Болгарии (как шутили в те времена: «Курица не птица, Болгария – не заграница»). «Сатира» побывала в трех городах: Праге, Братиславе и Брно. Были показаны три спектакля: «Ревизор», «Маленькие комедии большого дома» и «Женитьба Фигаро». К слову, в те дни, когда театр гастролировал в ЧССР, на его сцене давали концерты артисты… чехословацкой эстрады во главе с Карелом Готтом.

Тем временем 22 ноября в главной газете страны «Правде» была опубликована статья, принадлежавшая перу Андрея Миронова. Она называлась «Дыхание зрительного зала». Приведу лишь небольшой отрывок из нее:

«Театр для меня – каждодневный труд. Здесь мои учителя, друзья, мое рабочее место. Без театра не мыслю свою жизнь. Судьба ко мне благосклонна – я сыграл немало ролей на сцене и на экране. И все же не скрою: мечтаю в полную меру сил поработать в жанре трагикомедии, который, думается, так много может сказать о характере современной человеческой жизни, ее сложностях и парадоксах…»

Был в той статье и пафосный пассаж, который демонстрировал лояльность автора к властям. Цитирую: «Всегда с каким-то праздничным чувством выхожу на сцену в спектакле нашего театра по пьесе А. Штейна „У времени в плену“, пронизанном романтической окрыленностью и героикой. Для меня встреча с образом Всеволода Вишневского по-особому ответственна. Когда знакомишься с его произведениями, дневниками, то не может не поразить открытость и раскованность чувств этого замечательного человека и писателя. В его жизни не было места унынию и бездействию, она вся была борьбой с бездуховностью, цинизмом, равнодушием. Это был человек несокрушимой веры в будущее, человек-боец, активный участник социалистического строительства, деливший с народом его радости и горести.

Такое восприятие мира – назовем его возвышенным или романтическим – отнюдь не достояние только эпохи революции или первых пятилеток. Оно органично для нашего общества, исповедующего философию исторического оптимизма, уверенно смотрящего в свое будущее…»

Всем, кто близко знал Миронова, этот пассаж буквально резал глаза и уши. Но они также понимали, что в главной газете страны без такого высокого стиля обойтись было нельзя – это была своего рода индульгенция, без которой выход статьи вообще мог оказаться под вопросом. А так все приличия были соблюдены: власти наградили актера званием «заслуженного» (кстати, не без помощи все того же Всеволода Вишневского из спектакля «У времени в плену», поскольку остальные роли Миронова власти считали несерьезными), а тот разразился на страницах их главной газеты пассажем про «общество, исповедующее исторический оптимизм». По большому счету это была правда, но в интеллигентских кругах публичное признание этого считалось моветоном. Плоды этого компромисса Миронов ощутил почти сразу после своего возвращения на родину: один из его друзей некоторое время упорно называл его не иначе, как «оптимист ты наш».

Но вернемся в Прагу, где проходят гастроли «сатировцев». Практически в первый же день пребывания там Миронов стал «клеить» Егорову. А почему бы и нет: как мы помним, вот уже месяц Миронов считался свободным человеком. Это произошло на торжественном приеме, устроенном в гостинице по случаю приезда знаменитой труппы. Миронов первым подошел к Татьяне и, как будто их роман даже не прерывался, предложил с вечера сбежать. Егорова согласилась не медля ни секунды. Они закрылись в мироновском номере и провели там восхитительную

ночь, сродни тем, что они проводили в лучшие годы их некогда бурного романа. Миронов даже потом заявит, что Прага – их любимый город после Риги (в последнем, как мы помним, он познакомился с Егоровой в 66-м).

Увы, но дальше Праги этот роман не распространился. «Сатира» вернулась на родину в начале декабря, и практически сразу Миронов стал обхаживать свою давнюю любовь – Ларису Голубкину. Как мы помним, еще в начале 60-х он неоднократно звал ее замуж за себя, но она каждый раз ему отказывала. Зато крутила любовь с его коллегами – например, с однокурсником Миронова по «Щуке» Михаилом Воронцовым. Когда эта любовь закончилась, Голубкина вышла замуж за поэта Николая Арсеньева-Щербицкого и год назад родила от него дочь Машу. Но на момент рождения девочки любовь между супругами закончилась, и каждый из них пустился в свободное плавание. Вот тут на горизонте Голубкиной снова возник Миронов.

Их первая встреча, предвестник будущей женитьбы, произошла в октябре 74-го, в дни, когда «Сатира» отмечала свое 50-летие. Голубкина пришла на банкет в ресторане ВТО со своим партнером по ЦАТСу Федором Чеханковым, который так вспоминает о том вечере:

«Андрей играл отрывок из „Клопа“ – сразу за двоих, за Присыпкина и за Баяна, по-эстрадному, как он умел. Потом мы зашли за кулисы. Ясно было, что они давно не виделись. Но я вдруг понял, что он иначе на нее посмотрел. После этого вечера я почувствовал, что у Ларисы началась новая жизнь…»

Миронов снова увлекся Голубкиной, причем увлекся сильно. Определенный импульс его чувству придавал тот факт, что сама Голубкина теперь уже была не против их романа, плюс мама Андрея была двумя руками «за», чтобы они стали жить вместе (Мария Владимировна давно дружила с Голубкиной, они неоднократно коротали вечера за разговорами и походами в столичные театры).

Перед зрителями Театра сатиры Миронов появился после гастролей 6 декабря в роли Всеволода Вишневского в спектакле «У времени в плену». Далее шли: 8-го – «Таблетку под язык», 10-го – юбилейное представление «Нам – 50!» (19.00 и 22.00), 11-го – «Дон Жуан».

11 декабря по ТВ показали «**Бриллиантовую руку»** (19.20). За пять лет со дня выхода фильма его показывали по телевидению уже многократно, но каждый раз народ обязательно стремился к телевизорам. Эта картина уже с рождения стала народной, и блестящий дуэт Юрий Никулин – Андрей Миронов в который раз доводил аудиторию до колик, при том, что все гэги и

репризы фильма люди успели выучить наизусть.

В эти же дни Миронову выпала удача сниматься у одного из лучших театральных режиссеров – Анатолия Эфроса. Тот ставил на телевидении «Героя нашего времени» М. Лермонтова – спектакль «**Страницы журнала Печорина»** – и пригласил Миронова на роль Грушницкого (Печорина играл давний коллега Миронова по фильму «Мой младший брат» Олег Даль). Вспоминает А. Эфрос:

«Я тоскую по актерской сосредоточенности. И в Миронове я ее нашел. Нашел мгновенное понимание и сосредоточенность. Он сразу понял (а актер понимает не только головой, не только логикой), почему ему, с его кинозвездной популярностью, в нашем фильме предложена не главная роль Печорина, эффектная как бы во всех отношениях, а роль закомплексованного Грушницкого, который только стремится изо всех сил быть эффектным. То, что я сейчас говорю о Грушницком, – не совсем из нашего фильма, скорее, из хрестоматийного представления о лермонтовском произведении.

Я как раз хотел уйти от хрестоматии, и Миронов это сразу понял. Он понял значение и серьезный смысл «второй» роли. Ему не надо было долго объяснять, что Грушницкий – славный малый, которому удобно жить в той самой жизни, в которой Печорину – неудобно. Жизнь одна и та же, окружение одно и то же, но один человек в этом окружении – просто славный малый, а другой – Печорин. Один – добродушный, влюбленный, расположенный к людям. А другой – Печорин.

Не закомплексованную человеческую посредственность надо было воспроизвести в Грушницком, а нечто покладистое, приспособленное к жизни, как бывают приспособлены милые, чуть нелепые щенки. Они по дурости могут сделать что-нибудь нелепое, могут даже укусить кого-то – но не по сознательному умыслу или злобе.

Миронову понравилось все, что я говорил, хотя, как умный человек, он понимал, что таким образом я подготавливаю для фильма не столько даже его, Миронова, сколько свою трактовку главного героя – Печорина. Но, если уж быть точным, для фильма одинаково важны были оба – и Олег Даль, и Андрей Миронов. Важна была определенная расстановка сил, то есть человеческих типов.

Есть такое понятие в кино – типаж. В данном случае оно не имело никакого значения, потому что Андрей Миронов – никак не типажный актер. В нем есть мягкость, есть как бы фактура пластилина, которая, на мой взгляд, очень заманчива и в кино, и в театре, особенно когда изнутри актерская природа освещена

умом. Миронов может лепить из себя многое. Вполне вероятно, в другом фильме он бы вылепил Печорина. Но у меня, повторяю, был Олег Даль. И ни малейшей царапины по этому поводу я от Миронова не почувствовал.

Не знаю, чем это объяснялось, – скромностью, воспитанием или, может, ему было просто интересно встретиться со мной в работе? Или роль ему и вправду понравилась? Повторяю, сыграл он ее так, как мне хотелось…»

А вот как сам Миронов вспоминал о съемках в этом телеспектакле: «Неожиданное приглашение на роль Грушницкого я воспринял с восторгом и трепетом. Я плохо помню весь процесс съемок, но отлично запомнились отдельные, очень точные замечания Анатолия Васильевича и удивительные его показы. Я, например, до сих пор не могу забыть не только отдельные фразы и реплики, но и интонации. Почему так важен был его показ? Я ведь не очень люблю, когда мне показывают, мне лучше что-то объяснить. Но это был не актерский, а именно режиссерский показ. То есть он показывал самую суть – в отдельной реплике, в интонации этой реплики он показывал суть поведения, настроения, душевного состояния героя. И это было удивительно в стиле всего спектакля в целом, в духе той общей атмосферы, которую он стремился создать. И стиль понимался не головой, а всем существом…

…Меня очень увлекла его затея преодолеть выработанный нашей средней школой стереотип восприятия Грушницкого как самовлюбленного, не очень умного фанфаронистого сноба. Эфрос пошел по пути максимального очеловечивания, я бы даже сказал, облагораживания этого персонажа. Он хотел, чтобы наш Грушницкий был носителем чего-то подлинного, доброго, душевного. Не знаю, в какой мере мне это удалось, но я пытался «вытащить» из своего героя его детскую непосредственность, беззащитность и, не побоюсь этого слова, нежность.

Меня поразила атмосфера на этих съемках. Кто сталкивался с работой на телевидении, знает, какой сумбур и какая неорганизованность там вечно царят. Ничего подобного не было на съемках у Эфроса. Напротив, возникало ощущение, что люди работают вместе всю жизнь – такая была во всем четкость и слаженность. Какая там была удивительная тишина!

Этот спектакль стал для меня огромной школой и в какой-то степени повлиял на мою дальнейшую судьбу. И хотя я уже был подготовлен к этому своими работами в театре, именно после Грушницкого мне стали охотнее предлагать роли драматического плана в кино…»

И вновь вернемся к спектаклям Миронова. 13 декабря это

было юбилейное представление «Нам – 50!», 16-го – «Маленькие комедии…», 17-го – «Женитьба Фигаро», 18-го – «Клоп».

18 декабря в жизни Миронова случилось знаменательное событие: приказом председателя Госкино СССР Ф. Ермаша ему была повышена киношная ставка – она достигла весьма внушительной суммы – 50 рублей. Если учитывать, что начинал Миронов свою карьеру в кино со ставки ниже 10 рублей, то прогресс был налицо – за 14 лет она выросла более чем на 40 рублей. Весьма показательный факт.

20 декабря Миронов играл в спектакле «Нам – 50!» (19.00 и 22.00), 21-го – в «Ревизоре», 22-го – в «Таблетку под язык», 23-го – в «Клопе», 24-го – в «Нам – 50!», 25-го – в «Маленьких комедиях…», 27-го – в «Клопе», 28-го – в «Женитьбе Фигаро», 29-го – в спектакле «Таблетку под язык». Параллельно он продолжал сниматься в «Страницах журнала Печорина». Съемки телеспектакля закончились 31 декабря.

В этот же день по ТВ состоялась премьера телефильма «**Лев Гурыч Синичкин»**, где Андрей Миронов играл небольшую роль провинциального дирижера Налимова. Миронов премьеру увидел (ее показали в 18.40–20.00), после чего в компании с Ларисой Голубкиной отправился встречать Новый год в ресторан гостиницы «Националь». До этого Голубкина предпочитала отмечать эту дату в кругу своих коллег – артистов Театра Советской Армии – на квартире Владимира Зельдина и его жены Иветты. Но в этот раз «армейцы» Голубкину не дождались и долго ломали голову, куда она запропастилась. Как вдруг в самый разгар веселья в доме Зельдина раздался телефонный звонок. К радости всех присутствующих, это звонила Голубкина. Она сообщила, где она, и сказала, что сейчас их хочет поздравить один хорошо известный им человек. И передала трубку… Андрею Миронову. Этот звонок внес окончательную ясность в ситуацию. До этого в ЦАТСе уже вовсю ходили слухи о том, что Голубкина романит с Мироновым, но находились скептики, кто в это не верил, поскольку выглядело это на самом деле нереально – ведь многие прекрасно были осведомлены о том, что Миронов неоднократно делал предложения Голубкиной, а та их регулярно отвергала, и эти слухи стали в театральной тусовке вроде анекдота. Поэтому у скептиков были все основания не верить в роман Миронова и Голубкиной. Каково же было их удивление, когда этот слух подтвердился.

Часть третья
«Белеет мой парус…»

1975

Бурно отпраздновав встречу Нового года, Миронов уже вечером 1 января вынужден был выйти на работу: он играл в «Клопе». А два дня спустя зрители смогли лицезреть его в «Маленьких комедиях большого дома».

4 января по ТВ состоялась еще одна премьера с участием Андрея Миронова – показали водевиль «**Соломенная шляпка»**. Фильм демонстрировали в самое смотрибельное время – 18.55. Поэтому аудитория собралась многомиллионная, да иначе и быть не могло – в те времена любая телевизионная премьера не могла остаться без внимания. Да еще если там играет сам Андрей Миронов в компании с другими звездами. Очень хорошо помню собственные впечатления от этой премьеры. Я от души хохотал над проделками Фадинара, а прелестная музыка Исаака Шварца долго потом крутилась в моей голове, и я дни напролет напевал «Соломенная шляпка золотая…». Думаю, так было не только со мной.

Критик А. Демидов так писал о роли Фадинара в исполнении Миронова: «Миронов создал одну из лучших своих ролей. И, наверное, впервые сыграл Фадинара грустным. Телефильм этот в свое время был недальновидно обруган критикой за недостаток веселости, длинноты и забвение законов, диктуемых жанром. Не будем ворошить прошлое. Миронов играл судьбу своего героя и видел роль в контексте всего творчества Лабиша, которое конечно же не заслуживает легкомысленного к себе отношения. В шлягерной песенке героя, прощавшегося с вольной холостяцкой жизнью, песенке, где просто перечислялись женские имена – Нинетта, Жоржетта и какие-то там еще в том же духе – знаки былых увлечений, пылких и искренних, словно возникал на мгновение герой другого знаменитого водевиля Лабиша – милейший Селимар, уничтожающий в утро своей свадьбы письма ушедших возлюбленных. „Мой зять, я разрываю все“, – орет будущий тесть Фадинара господин Нонанкур, не вполне понимающий, что происходит в этот свадебный день. Но иной герой Лабиша, милейший Селимар, сам рвал свои письма, разрывал все связи с прошлым, призраки которого потом неожиданно вторгались в его жизнь, подобно тому, как вторгаются они в жизнь Фадинара, врываются в его дом, приняв обличие пары случайных любовников. Миронов и играл эту ситуацию, впервые (повторюсь) показав водевиль Лабиша с его обратной, драматической стороны…»

И еще о телеработах Миронова. К моменту премьеры

«Шляпки» Миронов уже закончил работу над ролью Грушницкого в телеспектакле «Страницы журнала Печорина» и приступил к работе над новой ролью – Бориса Андреевича Вязовнина в телеспектакле П. Резникова «Возвращение» по И. Тургеневу. Роль у него была камерная, но трагическая. Вязовнин женился на красивой девушке Верочке, но затем стал сомневаться в своих чувствах к ней, уехал на три месяца за границу и там погиб на дуэли, пронзенный саблей (к слову, и Грушницкий тоже погибал, но только от дуэльной пули). Помимо Миронова в спектакле был занят звездный актерский состав: Андрей Попов, Наталья Гундарева, Александр Потапов, а также две коллеги Миронова по «Сатире» – Нина Корниенко и Татьяна Ицыкович (в будущем Васильева).

Январский репертуар Миронова в театре выглядел следующим образом: 6-го – «Дон Жуан», 7-го и 9-го – «Таблетку под язык», 11-го – «Клоп», 12-го – «Таблетку под язык», 17-го – «Ревизор», 19-го – «Клоп», 20-го – «Маленькие комедии…», 22-го – «Женитьба Фигаро», 24-го – «Клоп», 25-го – «Дон Жуан», 27-го – «Клоп», 29-го – «Ревизор», 31-го – «Женитьба Фигаро».

Февраль начался для Миронова с «Дон Жуана» (3-го). Далее шли: 4-го – «Женитьба Фигаро», 7-го – «Клоп», 8-го – «Женитьба Фигаро», 9-го – «Таблетку под язык», 10-го – «Маленькие комедии…», 1-го – «Ревизор», 14-го и 15-го – «Клоп».

Между тем внутреннее состояние Миронова в те дни было далеко от идеального. После бегства с улицы Герцена он жил в родительском доме всего-то два месяца, а отношения с матерью были уже напряжены до предела. Она продолжала пилить его за потерю кооперативной квартиры, причем пилила ежедневно. Миронов в такие минуты предпочитал с матерью не контактировать и закрывался в своей комнате, врубая на полную мощность свою стереосистему. Но песни любимого им Фрэнка Синатры доводили Марию Владимировну до еще большего каления. «Выключи этих горлопанов!» – кричала она сыну. Короче, нормального житья в родительском доме Миронову не было. Надо было срочно что-то предпринимать, иначе ситуация грозила вылиться во что-то непредсказуемое. И выход был найден – Миронов решил переехать к Голубкиной на Селезневскую улицу, дом № 30 (напротив ЦТСА, в этом же доме жил тогда и Олег Табаков). Для Голубкиной этот переезд был как снег на голову. По ее же словам: «Было невероятно смешно. Андрей примчался на грузовике и привез мне унитаз импортный – дефицит! – зеленое кожаное кресло и старинную лампу. Я так хохотала!

А следом за ним пришел его отец Александр Семенович и

говорит:

– Лариса, что же это такое?

Я говорю:

– Александр Семенович, я его не звала, это он сам ко мне пришел, вот видите, даже со своим сортиром.

Все Менакеры – люди с прекрасным юмором. Александр Семенович сел со мной, сказал:

– Знаешь, Лариса, Андрей очень тяжелый человек. Ты с ним не справишься.

Я возразила:

– Александр Семенович, почему вы все его ругаете? Папа говорит – тяжелый, мама – тяжелый. Оставьте нас в покое. Мы разберемся!..»

По иронии судьбы именно в дни, когда Миронов переехал к Голубкиной, по ТВ в третий раз показали «Семнадцать мгновений весны», где бывшая жена Миронова играла главную роль. Но для Миронова та часть жизни была уже отрезаным ломтем, хотя контактов с той семьей он не прерывал – как-никак там жила его родная дочь Маша. Хотя у Голубкиной дочку тоже звали Машей, и она стала для Миронова не менее близкой, чем родная дочь.

16 февраля Миронов играл в спектакле «Таблетку под язык», 18-го – в «Клопе», 21-го – в «Ревизоре», 24-го – в «Маленьких комедиях…», 26-го – в «Дон Жуане».

Вот уже почти два года, как Миронов не участвовал в съемках полнометражного кино (последним художественным фильмом с его участием были «Невероятные приключения итальянцев в России», потом пошли одни телефильмы и телеспектакли). Наконец поздней зимой 1975 года Миронов вернулся в большой кинематограф, приняв приглашения сразу двух режиссеров: Георгия Натансона (фильм «**Повторная свадьба»**) и Наума Бирмана (**«Шаг навстречу»**). Правда, роли были неравнозначные: если в первом фильме Миронов играл главного героя, то во втором это была всего лишь небольшая ролька, на которую Миронов согласился исключительно из-за доброго отношения к Бирману (с этим ленинградским режиссером он был давно знаком). 28 февраля Миронов был утвержден в «Повторную свадьбу», а к Бирману его взяли и вовсе без проб.

В «Повторной свадьбе» Миронов согласился играть практически не раздумывая, поскольку ничего подобного до этого он в кино еще не играл (разве что в «Тени», где его герой Чезариа Борджиа был откровенным циником и негодяем). Вот и в этом фильме его персонаж – молодой ученый Илья – являл собой нечто похожее: будучи беспринципным и циничным человеком, он обманывал жену, юную любовницу, тещу, друзей. Когда его жена

сбежала от него, он бросился вдогонку, убедил ее в том, что исправился, и восстановил мир в семье. Но в финале его жена узнавала, что у мужа была юная любовница, которая забеременела от него, а когда он отрекся от нее, покончила с собой, выбросившись из окна. Роль Миронову понравилась, что называется, с ходу, поскольку давала возможность выйти за рамки привычных актерских штампов, от которых он устал, играя положительных героев. В реальной жизни на Илью он был похож разве что одним – тоже был юбочником и порой изменял своим женам. И хотя на момент утверждения на роль Ильи Миронов только-только сошелся с Ларисой Голубкиной и был ей верен, но все же синдром «ходока» в нем сидел крепко и всего лишь ждал сигнала. В этом отношении Илья был Миронову понятен и близок. Во всем остальном они были совершенно разные люди.

Помимо Миронова в фильме снимались: Зинаида Дехтярева (теща Ильи Наталия Петровна Ермолова), Ирина Калиновская (жена Ильи Настя), Наталья Егорова (любовница Ильи Лида), Марина Дюжева (Ася), Игорь Костолевский (жених Аси Вася Ковалев), Михаил Кузнецов (отец Аси Павел Тарасов), Всеволод Сафонов (секретарь горкома), Леонид Куравлев (начальник санэпидемслужбы), Станислав Чекан (директор цементного завода) и др.

Март опять начался для Миронова с «Дон Жуана» (1-го). Далее спектакли шли в следующем порядке: 2-го – «Маленькие комедии…», 3-го – «Таблетку под язык», 4-го и 5-го – «Клоп», 9-го – «Женитьба Фигаро», 10-го – «Маленькие комедии…», 11-го – «Клоп», 14-го – «Маленькие комедии…», 15-го – «Ревизор», 16-го – «Дон Жуан», 19-го – «Ревизор», 22-го – «Женитьба Фигаро», 25-го – «Таблетку под язык», 27-го – «Клоп», 31-го – «Таблетку под язык».

1 апреля в Одессе начались съемки фильма «Повторная свадьба». Начались без Миронова, поскольку тот пока был занят в театре. В первый день апреля он играл в «Дон Жуане», после чего вылетел в Одессу, чтобы за четыре дня отсняться в натурных объектах. Снимать Миронова начали с натурного эпизода, где участвуют практически все главные героя фильма: Илья, Настя, Наталия Петровна, Ася, ее мама, отец и Вася. Местом действия эпизода был портовый ресторан. Вот как об этом вспоминает режиссер-постановщик Георгий Натансон:

«Мы снимали сцену, где герой Миронова справляет повторную свадьбу со своей супругой (они были ранее женаты, потом развелись, а теперь опять женятся). Героиня Наташи Егоровой приезжает в Одессу и едет к портовому ресторану, где они отмечают эту свадьбу. Заходит, просит вызвать его. Он выходит и, увидев ее, столбенеет: „Зачем ты здесь?“ Она отвечает:

„Я не могу без тебя жить, я люблю тебя…“

Я начинаю репетировать, но только с Наташей, так как Андрея еще нет – должен вот-вот прилететь. Приезжает Андрей, я их знакомлю. Говорю: «Тебе надо с Наташей порепетировать?» «Не надо», – говорит Андрей. «Мне тоже!» – говорит Наташа. «Хорошо, давайте снимать». Как только я скомандовал: «Внимание!», появилась огромная толпа. Это были туристы из пришвартовавшегося парохода. Они приехали посмотреть красавицу Одессу, но когда узнали, что здесь Миронов (!) снимается… все ринулись смотреть на него. А у меня один милиционер. Я понял, что нам с такой толпой не справиться – нас затопчут. Кричу в микрофон: «Уважаемые товарищи! Здесь идет очень важная съемка. Драматическая сцена. Прошу вас, как только я скажу: „Мотор“, соблюдать полную тишину». Все закивали: «Да, да, да». Я говорю: «Внимание! Приготовились! Мотор!» Выходит Андрюша, говорит свой текст, Наташа произносит свой – и вдруг начинает смеяться. «Стоп! Ты что?» – «Ой, Георгий Григорьевич, извините. Я увидела Миронова, вспомнила „Бриллиантовую руку“, и мне стало смешно». Я говорю: «Наташа, ну ты же актриса. Как можно? Давайте еще раз». Повторяем. Опять Наташа гогочет. Оператор говорит: «Георгий Григорьевич, вы с этой дурой не справитесь. Подойдите к ней, ударьте по морде раза два-три, и она сыграет хорошо». Я, конечно, такими методами воздействовать не собирался. Говорю: «Наташа, мы только начали работать. Я тебя сниму с роли, если ты еще раз не сыграешь эпизод». «Георгий Григорьевич, давайте так, – предлагает Егорова. – Я отвернусь, и, пока рукой не махну, команду не давайте». Минут двенадцать она стояла спиной ко всем. Потом махнула, я скомандовал: «Мотор!» Она обернулась – из ее глаз текли слезы. Андрей подошел к ней, и они чудно сыграли эпизод…»

Следом за сценой в портовом ресторане сняли и другие. В частности, эпизод, где герой Миронова сидит во дворе дома своей жены, поскольку та не пустила его за порог квартиры, уличив в измене. Но юная соседка и подружка жены Ася (в исполнении Марины Дюжевой) жалеет Илью и приводит его к Насте. На другой день снимали сцену, где мама Аси пытается примирить супругов. Съемки проводились на балконе одного из старинных одесских зданий еще дореволюционной постройки. Чуть позже на этом же балконе снимут еще один эпизод: Илья и Настя, уже помирившись, продолжают выяснять отношения. Уставший от претензий жены Илья восклицает: «Ну хватит этих сцен!» Съемки фильма шли на удивление быстро, что оказалось весьма кстати: было решено павильонные объекты, намеченные к съемкам в

Москве, снять в Одессе. В итоге там будут сняты: аэропорт, морвокзал, парк культуры и отдыха, двор гостиницы, ресторан, кафе, балкон квартиры Ермоловых, музей.

5 апреля Миронов снова вышел на сцену родного театра – он играл в «Клопе». Затем шли: 6-го – «Таблетку под язык», 7-го – «Ревизор», 9-го – «Женитьба Фигаро». После чего Миронов снова улетел на съемки в Одессу. В те дни сняли эпизод разговора Ильи с тещей. Съемки велись в Парке культуры и отдыха и на берегу моря. В те дни в Одессе было холодно, поэтому Миронову пришлось облачиться в белый плащ, а Дехтяревой в демисезонное пальто. Чуть позже весь кусок, снятый в ПКиО, придется вырезать, и останется только сцена на берегу, где Наталия Петровна Ермолова рассказывает Илье о своей неудачной семейной жизни и просит зятя не обижать ее дочь. В последующие несколько дней Миронов снялся еще в нескольких эпизодах: Илья ведет Лиду, которая примчалась следом за ним в этот же город из Москвы, по улицам; Илья и Лида разговаривают у ипподрома и др.

В Одессе Миронов пробыл до 15-го и вечером того же дня играл в «Женитьбе Фигаро». Затем снова улетел на съемки. Вспоминает Г. Натансон:

«Андрей прилетел в Одессу рано утром. И мы пошли с ним на знаменитый одесский Привоз, где можно было купить все. Сразу направились в молочный ряд за сметаной и творогом. Увидев очень аккуратненькую старушку, подошли. Стали пробовать творог – вкусный! Берем. „Бабушка, нам полкило“, – просит Андрей. Бабуся стоит – не реагирует. Андрей говорит: „Глухая“. И кричит: „Полкило творогу, бабушка!“ Никакой реакции. Что делать? Творог очень вкусный. Не хочется идти другой искать. И вдруг бабушка: „Ты случайно не бриллиантовая рука?“ – „Не случайно“, – смеется Андрюша. „Какой же ты хороший! Какую ты мне честь делаешь, что у меня берешь творог! Я всем в деревне расскажу, что у меня покупала бриллиантовая рука!“ – запричитала она. Деньги взять отказалась. И, конечно, творогу положила больше, чем полкило…»

Далее график Миронова выглядел следующим образом: 19-го – играл в «Клопе», 20—22-го – снимался, 23-го – играл в «Маленьких комедиях…», 25-го – в «У времени в плену», 27-го – в спектакле «Таблетку под язык», 28-го – в «Клопе», 29-го – в «У времени в плену».

На майские праздники Миронов снова улетел в Одессу сниматься. 2 мая он уже был в Москве и играл в «Таблетку под язык». 3-го это был спектакль «У времени в плену». Затем он снова улетел в Одессу, где завершались съемки натуры в «Повторной свадьбе». 5 мая Миронов снова играл в театре – в

«Клопе». Далее шли: 9-го – «У времени в плену» (днем и вечером), 10-го – «Таблетку под язык», 12-го – «Клоп», 14-го – «Женитьба Фигаро».

Тем временем съемочная группа «Повторной свадьбы» вернулась в Москву (7 мая) и три дня спустя возобновила съемки. За полтора месяца здесь надо было отснять: фойе Дома культуры, зал кинотеатра, палату реанимации, квартиру Лиды, квартиру Ермоловых, аудиторию института, кабинет предисполкома, кабинет Ермоловой, кабинет горздравотделом, номер в гостинице. Миронов был занят в большинстве этих эпизодов, правда, многие из них по цензурным соображениям в картину так и не войдут. Из тех, что войдут, эпизоды были следующие: встреча Ильи и Лиды в автомобиле (этими кадрами будет начинаться фильм); первое появление Ильи в доме Ермоловых; Илья и Настя разговаривают на кухне и т. д. Миронов успевал одновременно и сниматься, и выходить на сцену Театра сатиры. Плюс к этому в том же мае он приступил к съемкам в фильме «Шаг навстречу». В отличие от предыдущей картины это была комедия, состоявшая из пяти новелл. Миронов играл в последней новелле под названием «Всего за 30 копеек» забавного зубного врача со смешным именем Маркел. Как я уже упоминал, роль у Миронова была из разряда крохотных – всего несколько эпизодов, уместившихся в шесть съемочных дней. Помимо него в этой новелле также снимались: Екатерина Васильева (с ней он играл в «Любить» и «Соломенной шляпке») и Павел Панков. Снимался фильм в горячо любимом Мироновым городе Ленинграде.

Не осталось в стороне от Миронова и малое кино – телевидение. В том же мае режиссер Леонид Квинихидзе (тот самый, что снимал Миронова в «Соломенной шляпке») приступил к режиссерской разработке сценария очередного фильма. И опять это был водевиль – «**Небесные ласточки»** по сюжету А. Мельяка, А. Мийо и композитора Ф. Эрве «Мадемуазель Нитуш». Миронову в нем предназначалась одна из главных ролей – композитор Селестен.

И вновь вернемся к спектаклям Миронова. 17 мая он играл в «Дон Жуане», 18-го – в спектакле «Таблетку под язык», 20-го – в «Клопе», 21-го – в «У времени в плену», 26-го – в «Ревизоре», 28-го – в «Женитьбе Фигаро», 30-го – в «Маленьких комедиях…».

30 мая по ТВ в очередной раз крутанули забавную комедию «**Три плюс два»** про трех «дикарей», которых взялись перевоспитывать две очаровательные девушки-«дикарки». Как мы помним, Миронов играл в фильме роль ветеринара Ромы Любешкина, а «дикарку» Зою играла его бывшая любовь Наталья Фатеева.

Июнь начался для Миронова с «Клопа» (2-го). Затем его репертуар складывался следующим образом: 4-го – «У времени в плену», 5-го – «Дон Жуан», 6-го – «Клоп», 7-го – «Маленькие комедии…», 8-го – «Таблетку под язык», 9-го – «Клоп», 10-го – «Маленькие комедии…», 11-го – «Ревизор», 13-го – «Женитьба Фигаро», 20-го – «Дон Жуан», 22-го – «Ревизор», 24-го – «Женитьба Фигаро», 25-го – «Дон Жуан», 27-го – «Таблетку под язык», 29-го – «Клоп», 30-го – «Маленькие комедии…».

Параллельно Миронов продолжал сниматься на «Мосфильме» в павильонных эпизодах фильма «Повторная свадьба». Съемки длились до самого конца июня.

1 июля в «Сатире» состоялась премьера спектакля «**Ремонт»**, где Миронов играл роль Паши-интеллигента. В остальных ролях были заняты: Георгий Менглет, Анатолий Папанов, Роман Ткачук, Михаил Державин, Спартак Мишулин, Нина Архипова, Георгий Тусузов и др. Как пишет А. Вислова: «Роль Паши-интеллигента занимает особое место среди ролей Миронова середины 70-х. Хотя пьеса и была определена драматургом как комедия, но она заметно тяготела к лирике. Тема „ремонта“ человеческой души, „ремонта“ как преобразования, переоценки и очищения сама по себе достаточно серьезна, несмотря на всю забавность внешней коллизии, связанной с капитальным ремонтом старого московского дома. У Миронова роль Паши-интеллигента оказалась, по существу, единственной драматической (хотя он мастерски снижал ее до иронии) ролью своего современника, сыгранной им в родном театре. К сожалению, он ее очень недолго (всего два сезона) и редко играл. Для многих она прошла незамеченной. А ведь как раз в это время в актере происходила существенная душевная ломка. Он становился другим. Внутренняя растерянность Паши-интеллигента перед жизнью передавалась Мироновым весьма убедительно, так же как и его душевная маета. Думаю, эта роль способствовала определенному изменению его актерского имиджа…»

2 июля Миронов играл в «Клопе». На следующий день он приехал на киностудию «Мосфильм», чтобы принять участие в досъемках крупных планов в фильме «Повторная свадьба». Съемки картины были завершены два дня назад, однако по решению худсовета студии требовалось доснять ряд сцен, чтобы как можно четче очертить характеры героев, и в частности – характер Ильи, которого играл Миронов. Стоит отметить, что еще на стадии знакомства со сценарием Миронов решил играть его несколько иначе, чем это было прописано сценаристом. У того Илья получался откровенным злодеем из разряда «пробу негде ставить», а Миронову играть такого однотонного героя было

неинтересно. Поэтому на съемочной площадке он импровизировал, наделяя своего героя и некоторыми положительными качествами. Однако худсовету студии такая трактовка по душе не пришлась. Как итог: начались сначала досъемки, а потом дело дойдет и до сокращений, о чем речь еще пойдет впереди.

4 июля Миронов снова играл Олега Баяна в «Клопе», 6-го – Хлестакова в «Ревизоре». Далее шли: 8-го – Муж в «Маленьких комедиях…», 10-го – Дон Жуан в «Дон Жуане, или Любви к геометрии». Этим спектаклем Театр сатиры закрыл свой очередной сезон в Москве и предоставил свою сцену для гастролеров – Ташкентского театра драмы имени М. Горького.

Вот уже почти полгода Миронов жил на Селезневской, и его проживание там можно было назвать вполне комфортным. Поскольку до переезда туда его недавняя бытовая жизнь представляла из себя настоящую пороховую бочку (так было в последние несколько месяцев на Герцена с Градовой и у родителей на улице Танеевых), то теперь Миронов откровенно наслаждался жизнью. Голубкина оказалась той самой женщиной, которая без всяческих возражений приняла те условия, которые выдвинул перед ней Миронов: минимум выяснения отношений, максимум развлечений. Правда, если первое условие Голубкина приняла с удовольствием, то вот второе далось ей с огромным скрипом. По ее же словам: «Я всю жизнь рано привыкла ложиться спать, я такая была мамина дочка, не очень любила компании. В принципе очень общительная, заводная, а так вот если специально – каждый день гудеть – нет. А Андрей не мог жить без компаний. И это мне нужно было в себе преодолеть. Знаете, желание прийти после спектакля или концерта и отдыхать. Эта сладкая для меня привычка ушла в небытие навсегда. Какое-то время мне понадобилось, чтобы совершенно перестроиться. Так он хотел… У нас дверь не закрывалась. Просто не закрывалась.

Либо мы запирали дверь на ключ и сами отправлялись в гости. Первое время мы начали шастать по всем его друзьям. Я не пила до этого времени вообще и пить не умела. Если я выпивала хоть немножко, у меня немедленно начиналось отравление: температура до сорока градусов. Мама все время говорила: Андрюш, что ж такое, вы с Ларисой куда-то сходили, и у нее опять сорок. Я лежала, страдала, плакала, а он говорил:

– Ты, Лариска, просто сумасшедшая. Пить надо уметь.

Не то чтобы он меня учил выпивать, нет, а просто какие-то забавные были походы, и я постепенно привыкала, проще стала относиться к красивой жизни. А потом застолья перенеслись к нам. У нас тут собиралось по двадцать-тридцать человек. Причем

гости могли приходить круглые сутки. Ширвиндт, Горин, Захаров, Кваша, когда Андрюша с ним помирился. Это была постоянная компания, приезжали с женами. Потом Хайт Аркаша часто бывал в доме, Темирканов Юра из Ленинграда – если у нас какие-то праздники, дни рождения – приезжал. Родион Щедрин, но не постоянно, без Майи, конечно.

Собирались очень часто. Я накрывала на стол, метала со страшной силой. Захаров все время говорил:

– Давай поедем к Голубкиной, может, там чего-то соорудит…

Сначала, пока мы жили в моей двухкомнатной квартире на Селезневке, дочка Маша спала в маленькой комнате. Маше – полтора-два года, она еще маленькая. Вдруг в три ночи приходят друзья и приносят четыре колонки, а он же, Андрей, хайфист был, и вот мы слушаем до утра музыку. Какое счастье, что она не просыпалась. Потому что я маленькая сама очень плохо спала и боялась, что у нее будет плохо с нервами от всего этого шума. Но я-то росла в военное время. Так вот она, Маша, спала сладким сном под грохот колонок. Я всегда волновалась за нее – и зря. В девять часов вечера она ложилась спать. Там гости поют, хохочут, все равно. Гриша Горин приходил рассказать ей сказку или я, она хватала меня за руку, ей обидно было, что она одна…»

Однако если Миронов приобщил Голубкину к тусовкам, то та тоже не осталась в накладе – и вовлекла мужа в концертную деятельность. Стоит отметить, что Миронов и до Голубкиной выступал с концертами по стране, но делал это нерегулярно. Теперь все изменилось. Голубкина по этой части была куда большей докой (ее концертная деятельность насчитывала почти десятилетие), поэтому Миронов целиком положился в этом вопросе на нее. И они стали выступать дуэтом. А вот от приглашений различных развлекательных телепрограмм Миронов категорически отказывался – считал, что это не его епархия. И только однажды дал согласие – стал полгода назад ведущим телепередачи «Театральная гостиная». Что касается остальных приглашений «засветиться» в «ящике», то здесь Миронов был непреклонен. Давая интервью газете «Советская культура» (номер от 8 августа 1975 года), он заявил следующее: «Когда я был помоложе, мне предлагали участвовать в развлекательных передачах. И я позволял себе выходить на телеаудиторию с недостаточно серьезным материалом, юмором без знака качества, что ли. Понимать это и чувствовать ответственность начал позже.

Например, в передаче «Артлото» не участвую, потому что считаю: песня может прекрасно звучать в сюжете, помогая более емкому раскрытию образа, но намурлыканная под музыку, без контекста, актером, не имеющим специальной вокальной

подготовки, она ничего не дает ни ему, ни зрителям…»

В начале августа Миронов участвовал в озвучании роли Ильи в фильме «Повторная свадьба». Это заняло у него не так много времени – всего шесть дней. В итоге окончательный гонорар Миронова составил 2387 рублей 50 копеек (другие исполнители главных ролей получили следующие суммы: З. Дехтярева – 2022 руб., Н. Егорова – 600 руб., И. Калиновская – 583 руб.).

В субботу 16 августа Театр сатиры отправился с гастролями в Казахстан, чтобы показать 8 спектаклей (всего 61 показ) в трех городах: Алма-Ате, Караганде и Целинограде. Так получилось, но именно в этот день ТВ устроило премьеру телеспектакля с участием Миронова – «**Страницы журнала Печорина»** (19.30).

Между тем в Алма-Ате роман Миронова и Егоровой вспыхнул с новой силой. В труппе этому уже никто не удивлялся: даже несмотря на то, что все знали о недавнем переезде Миронова к Голубкиной, все так же хорошо знали и Миронова – жить с одной женщиной он никак не хотел. Что касается самого Миронова, то он, несмотря на то что был хорошо осведомлен о том, что у Голубкиной есть в труппе добровольные осведомители, даже не подумал скрывать свой роман (его Илья из «Повторной свадьбы» хотя бы маскировался). И практически в первый же день оставил Егорову у себя в номере. А потом везде появлялся вместе с ней: в ресторане, в бассейне, на стадионе «Медео». Помешать этому попытался Александр Ширвиндт, которого связывали с Голубкиной приятельские отношения еще до его встречи с Мироновым. Но эта попытка не увенчалась успехом. Более того, своими действиями Ширвиндт навлек на себя гнев Егоровой. Как-то в середине дня она с подругой явилась к нему в гостиничный номер и под видом примирения плеснула ему в лицо коньяком. Завязалась потасовка, о которой в тот же день узнала вся труппа. Однако на отношениях Миронова и Егоровой этот скандал никак не отразился. Самое удивительное, но когда 17 сентября Театр сатиры вернулся в Москву и Голубкиной рассказали о романе Миронова с Егоровой, она восприняла эту новость… спокойно. И закатывать скандала не стала. Это была ее принципиальная позиция: она могла закрыть глаза на отдельные грехи своего возлюбленного, уверенная в одном – что главной женщиной для него все равно остается она (помимо его собственной мамы, естественно). Именно эта позиция и позволит Голубкиной дольше всех женщин прожить рядом с Мироновым.

За три дня до возвращения Театра сатиры в Москву – **14 сентября** – по ТВ состоялась еще одна премьера с участием Миронова: был показан телеспектакль П. Резникова «**Возвращение»** по И. Тургеневу, где Миронов играл роль Бориса

Андреевича Вязовнина. Таким образом, в течение одного месяца многомиллионная армия телезрителей увидела своего любимца в двух классических ролях. И многие были откровенно этим разочарованы. Ведь все привыкли к легкому и искрометному Миронову, а в этих ролях он был серьезен, а иной раз и просто скучен (например, в роли Вязовнина). Между тем эта смена амплуа для самого Миронова не была случайной, поскольку сам актер давно тяготился тем, что большинство зрителей воспринимает его исключительно сквозь призму его комедийных ролей. То же самое писали и критики. Приведу слова В. Рыжовой: «С некоторых пор кое-что в его творческой судьбе стало тревожить. Глубокий и тонкий актер, Миронов часто поет и танцует на сцене и на экране. Значительно реже думает. Разнообразие обернулось узостью, универсализм стал чем-то вроде амплуа. Претензий к актеру не было – он все делает хорошо. Появилось, однако, сожаление по поводу расточительности, позволяющей так однобоко эксплуатировать талант актера…»

Роли Грушницкого и Вязовнина призваны были вернуть Миронову авторитет артиста психологического. И они это сделали. Однако миллионы поклонников артиста с грустью подумали о том, что такие герои артиста, как Геша из «Бриллиантовой руки», Маркиз из «Достояния республики» или Фадинар из недавней «Соломенной шляпки», навсегда ушли в прошлое. Кстати, и сам актер заранее знал о такой реакции и в интервью накануне обеих премьер сказал: «Многие привыкли к моим беззаботным, легкомысленным, нередко поющим и танцующим на экране героям, и, может быть, кое-кто удивится или даже разочаруется, увидев меня другим».

Видимо, разделяя разочарование той зрительской аудитории, которая привыкла к комедийным ролям Миронова, руководство ЦТ пошло им навстречу. И 22 сентября устроило на «голубых экранах» еще один показ фильма с участием Миронова: телеверсии спектакля Театра сатиры «**Безумный день, или Женитьба Фигаро»**, где Миронов предстал во всем блеске своего комедийного таланта. Фильм-спектакль демонстрировался в самый прайм-тайм – 19.25. А 26 сентября по ТВ показали премьеру – «Бенефис Ларисы Голубкиной». Миронов в этом веселом действе участия не принимал, но его друг Александр Ширвиндт играл главную мужскую роль.

В эти же сентябрьские дни Миронов стал сниматься в фильме «Небесные ласточки». Съемки фильма начались еще 26 августа в Ялте, но без участия Миронова – он тогда находился с гастролями в Казахстане. Наконец во второй половине сентября Миронов

оказался свободен от других проектов и отправился в Ялту. Помимо него в картине снимались: Александр Ширвиндт (майор), Людмила Гурченко (Карина), Ия Нинидзе (Дениза), а роль главного героя – Фернана – исполнил популярный эстрадный певец Сергей Захаров.

В один из тех своих приездов в Ялту Миронов выкроил пару дней и отправился навестить своих родителей, которые отдыхали в доме отдыха «Актер». Волею судьбы именно в эти самые дни туда приехали гонцы из пионерского лагеря «Артек», чтобы договориться с кем-нибудь из артистов о посещении лагеря. Узнав, что в «Актере» находится сам Андрей Миронов, они, естественно, не могли упустить возможности пригласить к себе в гости именно его. Будь это посланцы какой-нибудь другой организации, Миронов, возможно, сослался бы на свою занятость и в просьбе отказал. Но это были дети! Далее послушаем рассказ очевидца тех событий – актрисы Ирины Чижовой:

«Вечером Андрей сказал мне: „Завтра мы с вами, кажется, едем в гости к пионерам? Это все антреприза вашего мужа – узнаю почерк „мастера“. Ну-ну! Поглядим, как живут наши будущие руководители!“

Всю дорогу из Ялты в Гурзуф Андрей шутил. «Артек» нам показали главным образом из окна машины. Затем привезли на стадион, куда со всех сторон отрядами направлялись артековцы, и указали, где мы должны сидеть. Никто пока никого не представляет, начинается торжественная линейка. И вдруг, словно по какому-то беспроволочному пионерскому телеграфу, разнеслось известие: на трибуне – Андрей Миронов!

Разрушив замысел сценариста и режиссера праздника, стадион запел песенку Маркиза из фильма «Достояние республики». Да так складно, будто бы этим грандиозным хором управлял опытнейший дирижер. Андрей держался спокойно, ничего не подозревая, как вдруг из-под скамеек, на которых мы сидели, стали выползать лазутчики – охотники за автографами. И хотя бдительные пионервожатые пытались им помешать, дети оказались более изобретательными и настойчивыми, чем они.

Но самое интересное произошло после того, как праздник объявили законченным и ребят стали строить по отрядам. Подчиняясь дисциплине, они явно нехотя покидали спортивные трибуны. Но когда мы направились к машине, стоявшей здесь же, у ворот стадиона, ребята ринулись к Андрею, окружили так плотно, что мы с большим трудом смогли вырвать его из цепких объятий и втащить в машину. Теперь, правда, не только он, но из-за него и мы все, и даже автомобиль оказались плотно заблокированы многотысячной толпой. Ребята хохочут,

упираются руками в стекла, а нам, естественно, не до смеха. И тут водитель включил на полную мощность мотор, зажег фары, грозно завыла сирена, и ребята дрогнули. Воспользовавшись минутным замешательством, машина постепенно стала набирать скорость. Мы двигались через узкий живой коридор затаив дыхание. И только вырвавшись за ворота «Артека», стали нервно смеяться. Один водитель еще долго хранил молчание. А когда мы вернулись в «Актер» и стали с ним прощаться, Андрей первым протянул ему руку и сказал: «Вы уж извините, что так вышло!..» И тут только водитель расслабился, широко улыбнулся и ответил: «Да что вы?! Это вы нас извините. Ребята, знаете, есть ребята. У нас часто бывают разные гости. Но чтоб такое ЧП – честное слово, в первый раз!..»

В конце сентября Миронов участвовал в досъемках в фильме «Повторная свадьба». 17–18 и 23 сентября он снимался в объекте «квартира Ермоловых». Досъемки были вызваны претензиями, которые худсовет высказал авторам фильма: мол, кино у вас получается какое-то мрачное, не оптимистическое. А советское искусство, и кино в частности, должно вселять в людей уверенность. Поэтому все пессимистические эпизоды было приказано изъять. Так, надо было убрать подробности самоубийства Лиды, ее последние часы в больнице, в операционной. По мнению худсовета, эти кадры смотрелись слишком тяжело. А по мнению режиссера, именно они должны были поднять эту в общем-то бытовую драму до высот трагедии. Не получилось. Когда Миронов узнал об этом, он огорчился. Но еще больше он расстроился от того, что большую часть эпизодов с его участием приказали вырезать, а к другим произвести досъемки, дабы его герой на экране выглядел откровенным подлецом без всякого намека на исправление. В частности, был доснят эпизод разговора на кухне Ильи и Наталии Петровны, где она произносит убийственную фразу: «Я много в жизни людей повидала, но вы самый страшный из них». Знай Миронов в период знакомства со сценарием о том, во что в итоге выльется его работа в этом фильме, наверняка бы отказался сниматься. Но теперь обратной дороги у него уже не было.

29 сентября Театр сатиры открыл свой 51-й сезон в Москве. В тот день показали спектакль «Маленькие комедии большого дома» с участием чуть ли не всей труппы театра.

1 и 3 октября Миронов участвовал в досъемках фильма «Повторная свадьба»: в эпизодах «улицы города» и «воспоминания Лиды» (Илья и Лида бродят по осеннему лесу).

3 октября Миронов играл в «Ревизоре», 7-го – в «Клопе», 10-го – в «У времени в плену», 11-го – в «Ревизоре», 15-го – в «Клопе»,

17-го – в «У времени в плену», 19-го – в спектакле «Таблетку под язык», 20-го – в «Клопе», 24-го и 27-го – в «Женитьбе Фигаро», 28-го – в «Дон Жуане».

В октябре Миронов продолжил съемки в «Небесных ласточках», слетав несколько раз в Ялту. В том же месяце им была закончена работа над ролью стоматолога Маркела в фильме «Шаг навстречу»: в те дни прошло озвучание. За эту небольшую роль актер удостоился и соответствующего гонорара – всего 750 рублей (к примеру, Людмила Гурченко получили 1900 рублей, Николай Волков – 1320 руб., Евгений Леонов – 1088 руб. и т. д.). Этот фильм был принят практически без единой поправки, чего нельзя было сказать о другой картине с участием Миронова – «Повторной свадьбе». 16 октября его посмотрели в Госкино СССР и вновь нашли массу огрехов. И опять были высказаны претензии к игре Миронова. Несмотря на уже произведенные купюры, по мнению госкиношников, его герой продолжал оставаться фигурой противоречивой, а должен быть однотонным – подлец и циник. В итоге режиссеру Г. Натансону было рекомендовано произвести в фильме новые сокращения. Тот опять вооружился ножницами. И в корзину полетели очередные эпизоды. Так, была сокращена половина московской натуры (было 90 метров, осталось – 49), Парк культуры и отдыха (было 133 м, осталось – 82 м), портовый ресторан (было 238 м, осталось – 167 м) и т. д. Были полностью изъяты эпизоды: «зал кинотеатра» (18 полезных метров пленки), «лестница» (4 м), «операционная» (22 м). Был переделан и финал фильма. В первоначальном варианте Настя уходила к Илье и их дальнейшая жизнь оставалась под вопросом. В новом варианте все было однозначно: Настя сообщала в письме матери о том, что прозрела после прихода к ним мамы погибшей девушки (письмо читалось за кадром) и возвращалась к матери (сцену встречи досняли).

Конец октября Миронов провел в Ялте, где проводились пересъемки ранее снятых эпизодов фильма «Небесные ласточки». Так, 29 октября пересняли эпизоды «садовая дорожка», «стена» и «у дома Селестена», 30-го – «беседка». 1 ноября съемки в Ялте были завершены, и съемочная группа возвратилась в Ленинград, чтобы уже на «Ленфильме» отснять павильоны. Миронов приезжал туда по мере необходимости.

6 ноября в Госкино СССР был направлен исправленный вариант фильма «Повторная свадьба». Поскольку за прошедший месяц в картине были произведены все рекомендованные Госкино сокращения, на этот раз с приемкой проблем не возникло (приказ от 11 ноября). В эти же дни фильм посмотрел сам Андрей Миронов… и оказался разочарован увиденным. Вот его

собственные слова по этому поводу:

«Зрители привыкли, что мне достаются главным образом комедийные роли. Но вот в фильме „Повторная свадьба“ я выступил в роли драматической. Мой герой уходит из семьи, потом, в финале, он возвращается обратно. А женщина, с которой он надеялся обрести счастье, кончает жизнь самоубийством.

Героев такого рода чаще всего принято изображать кристально отрицательными. Циничными, равнодушными – короче говоря, подлецами. Так вышло и в этом фильме. Хотя я, честно говоря, стремился к другому. Ведь нельзя видеть в человеке только черное или белое, нельзя так категорично подходить к оценке его поступков… Я стремился показать, что есть и хорошее в моем герое. Но когда съемки закончились и фильм был смонтирован, я увидел на экране другого человека, даже не поверил: все мои усилия оказались тщетными – в результате расстановки сил в фильме мой герой, увы, выглядел неисправимым человеком».

Очередной спектакль Миронов играл 8 ноября – «Таблетку под язык». 10-го он играл в «Ревизоре», 12-го – в «Женитьбе Фигаро», 14-го и 15-го – в «Ремонте», 16-го – в спектакле «Таблетку под язык», 17-го в «Ревизоре», 19-го – в «Ремонте», 21-го – в «Клопе», 22-го – в «Женитьбе Фигаро», 23-го – в спектакле «Таблетку под язык», 24-го – в «Ремонте».

В самом конце ноября Миронов в компании со своей женой Ларисой Голубкиной отправился с концертами в Тбилиси и задержался там дольше, чем надо. Из-за чего по его вине были сорваны съемки фильма «Небесные ласточки». 28–29 ноября там собирались снимать эпизоды в декорации «театральная сцена» с участием Миронова – Селестена, но в итоге группе был записан простой.

Декабрь начался для Миронова со спектакля «Женитьба Фигаро», который он играл 2-го. Далее шли: 3-го – «У времени в плену», 6-го – «Клоп», 8-го – «Ремонт», 9-го – «Таблетку под язык», 10-го – «Клоп», 12-го – «Таблетку под язык» (в этот же день по ТВ в очередной раз крутанули комедию Эльдара Рязанова «**Берегись автомобиля**»), 17-го – «Дон Жуан», 19-го – «Таблетку под язык» (в этот же день по ТВ показали «**Соломенную шляпку**»), 20-го – «Ремонт», 22-го – «Женитьба Фигаро», 24-го – «Маленькие комедии…», 27-го – «Ревизор». 29 декабря в Театре сатиры должен был состояться спектакль «Маленькие комедии большого дома», но из-за болезни одного из исполнителей его заменили: была показана премьера спектакля «Пена». Андрей Миронов в нем занят не был.

30 декабря на «Мосфильме» собрался худсовет, который

присуждал категорию фильму «Повторная свадьба». Как мы знаем, от сценария до монтажа картина претерпела серьезные изменения и благодаря цензорам потеряла если не половину, то добрую треть эпизодов. В итоге фильм получился совсем не таким, каким его задумывали авторы. Самое интересное, члены худсовета прекрасно были осведомлены обо всех этих перипетиях, но присудили фильму самую последнюю 3-ю категорию. То есть отнесли его к разряду чуть ли не худших фильмов студии. Правда, спустя полтора года (в июле 77-го), когда картина уже пройдет по экранам страны и принесет не самую плохую кассу, 3-ю категорию заменят на 2-ю, однако отношение того же Миронова к фильму это никак не изменит.

1976

В театре новый год начался для Миронова с «Клопа», которого он играл 4 января. Затем он сыграл еще два спектакля: 5-го – «Таблетку под язык», 7-го – «Ремонт». После чего съездил в Ленинград, где принял участие в озвучании фильма «Небесные ласточки».

На сцену Театра сатиры Миронов вышел 16 января – он играл в «Ревизоре». Затем шли: 17-го – «Ремонт», 18-го – «Таблетку под язык», 20-го – «Клоп», 21-го – «У времени в плену», 25-го – «Ревизор», 27-го – «Клоп». Вечером того же дня по ТВ в очередной раз показали **«Бриллиантовую руку»** (19.15).

30 января Миронов играл в спектакле «Маленькие комедии большого дома», 31-го – «Маленькие комедии…» (день) и «Женитьба Фигаро» (вечер).

В январе Миронов закончил озвучание роли Селестена в телефильме «Небесные ласточки». За эту роль он удостоился гонорара в сумме 2625 рублей, обойдя по этой части всех остальных участников съемок. Так, И. Нинидзе начислили 1290 руб., С. Захарову – 1175 руб., Л. Гурченко – 1050 руб., А. Ширвиндту – 900 руб.

В январе свет увидел № 2 журнала «Советский экран», где была опубликована большая статья про Андрея Миронова. Самое интересное, что несмотря на то, что сниматься Миронов начал в самом начале 60-х, этот популярный у населения киножурнал до этого только однажды написал о нем: в августе 69-го, в период триумфа «Бриллиантовой руки», на его страницах о Миронове рассказали его родители и коллеги по Театру сатиры А. Папанов, Т. Пельтцер, В. Плучек и др. И вот – новое обращение к творчеству Миронова. На этот раз это была полноценная статья профессионального кинокритика Леонида Эфроса под названием «Дерзновенность». Приведу лишь несколько отрывков из этой публикации:

«Он любит дорогу. В дороге ему хорошо думается. Вбирая жизненный поток и промывая впечатления суетного дня, он оставляет на своем „старательском“ лотке драгоценные блестки характеров, ситуаций, движений. Внимание и память отбирают все необычное, броское. Правда жизни концентрируется: ей предстоит стать фрагментом искусства.

Он часто и много ездит и летает в города и страны. Новые съемочные площадки и театральные залы, новые встречи. Дорога дает ему ощущение слитности с жизнью, временем, людьми, и именно в дороге, на скорости он четче и глубже видит людей, их

особенности…

В буднях, в быту Андрей Миронов слегка рассеянный, импульсивный, порой не слишком внимательный к людям, но стоит ему выйти на сцену или съемочную площадку или просто взять сценарий в руки, как вдруг в нем просыпается казалось бы неожиданная цепкость, точность и ясность движений, пластика интонаций, четкий ритм диалога с партнером…

Миронов еще не жил в трагедии… Хотя, как сказать: он уже сыграл Грушницкого в телевизионном спектакле «Страницы журнала Печорина». Этот образ рожден на изломе мечты и реальности. Миронов – Грушницкий ранимый, искренний человек, он убежден в правильности своей нравственной позиции.

Буффонадность героя призрачна, человеческая суть его, особенно в момент дуэли, реальна. Предсмертная мука и мужество Грушницкого переданы Андреем Мироновым тонко и точно.

Он сделал только первый, правда, большой шаг от капустника к д'Артаньяну. А, наверное, хорош бы он был в этой роли – дерзкий, задорный, громогласный, с правой рукой на эфесе верной шпаги. Всегда готовый в бой за честь и благородство, правду и красоту!»

К слову, когда через два года режиссер Г. Юнгвальд-Хилькевич приступит к выбору актеров для своего телефильма «Д'Артаньян и три мушкетера», кандидатура Андрея Миронова даже близко не возникнет в его уме. То ли возраст актера был уже не тот, то ли типаж не подходил. И роль неистового гасконца сыграет Михаил Боярский. Но это так, между прочим.

Первую неделю февраля Миронов был освобожден от работы в театре. И зрители, пришедшие в Театр сатиры, увидели его только 6 февраля в спектакле «Клоп». Затем спектакли с участием Миронова пошли один за другим: 7-го – «Женитьба Фигаро», 9-го – «Маленькие комедии большого дома», 11-го – «Дон Жуан, или Любовь к геометрии». Затем неделю Миронов не играл, уехав с женой на очередные концертные гастроли. 18 февраля он снова играл в родном театре – колхозника Шведа в «Таблетку под язык». Далее шли: 22-го – «Маленькие комедии большого дома», 24-го – «У времени в плену» (спектакль был приурочен к открывшемуся в тот же день 25-му съезду КПСС), 25-го – «Ревизор», 27-го – «Таблетку под язык», 28-го – «Клоп».

Март начался для Миронова с «Ревизора» – он играл его 1-го. В другие дни он был занят в следующих спектаклях: 2-го – «Клоп», 3-го – «Таблетку под язык», 5-го – «Ревизор», 6-го – «Женитьба Фигаро», 7-го – «Маленькие комедии большого дома». 8 марта Миронов от спектаклей был освобожден по причине

своего дня рождения – ему стукнуло 35 лет. Торжество отмечалось в доме на Селезневской улице. Все было, как и прежде: толпа друзей и коллег, роскошный стол, феерические шутки именинника (например, он танцевал танго в паре с Юрием Темиркановым, надев на себя… платье своей жены Ларисы Голубкиной).

Вечером 9 марта Миронов снова вышел на сцену родного театра – он играл в «Клопе». 10-го это была уже «Женитьба Фигаро», 12-го – снова «Клоп», 13-го – опять «Женитьба Фигаро», 15-го – «Ревизор», 16-го – «Клоп», 20-го – давно не игравшийся «Ремонт», 23-го и 27-го – «Таблетку под язык», 28-го – снова «Ремонт».

В пятницу 2 апреля Миронов предстал перед зрителями в костюме плута Хлестакова. Четыре дня спустя он уже облачился в другие одежды – в брюки и рубашку Паши-интеллигента из «Ремонта». 7-го это был уже Олег Баян в «Клопе», 9-го и 10-го – Фигаро.

10 апреля в Колонном зале Дома Союзов состоялся юбилейный вечер Клавдии Шульженко, приуроченный к 70-летию легендарной певицы. По причине занятости в театре Миронов не смог туда прийти, поэтому Лариса Голубкина отправилась на концерт вместе со своим коллегой по Театру Советской Армии Федором Чеханковым. После его окончания они вернулись в дом Голубкиной на Селезневской улице, куда сразу после «Женитьбы Фигаро» должны были явиться и Миронов с компанией. Но поскольку оба представления закончились почти одновременно, Голубкина не успела сервировать стол к приходу мужа. Как рассказывают очевидцы, Миронов был вне себя от гнева. По его разумению, жена была обязана хоть в лепешку разбиться, но гостей встретить достойно. К счастью, друзья Миронова были люди с юмором и сумели быстро свести взрывоопасную ситуацию к шутке.

Отыграв 10 апреля «Женитьбу Фигаро», Миронов почти на неделю был освобожден от спектаклей. Это время он посвятил кино, причем кино телевизионному. В те дни его давний друг и коллега режиссер Марк Захаров готовился к экранизации бессмертных «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. С тех пор, как летом 1973 года Захаров был назначен режиссером столичного Театра имени Ленинского комсомола, их творческие пути-дороги с Мироновым временно разошлись (при этом их дружба успешно продолжалась, и Захаров был в числе гостей, приглашенных Мироновым на его последний день рождения). Естественно, после стольких лет творческого содружества такая ситуация не устраивала обоих. И Захаров продолжал лелеять надежду, что

когда-нибудь они с Мироновым еще тряхнут стариной. Это время пришло весной 76-го, когда Захаров решил осуществить для телевидения постановку «12 стульев». И главные роли отдал актерам, с которыми долгое время общался в Театре сатиры. Так, на роль Остапа Бендера был приглашен Андрей Миронов, а на роль Кисы Воробьянинова – Анатолий Папанов. Кроме этого, несколько ролей были отданы другим «сатировцам»: Александру Ширвиндту, Татьяне Пельтцер.

Стоит отметить, что в большом советском кинематографе были уже две широкомасштабные попытки оживить Остапа Бендера. Первым в 1968–1969 годах это сделал Михаил Швейцер, сняв «Золотого теленка». В нем Бендер, сыгранный Сергеем Юрским, был философом. Затем в 1970–1971 годах появился еще один киношный великий комбинатор – в фильме Леонида Гайдая «12 стульев» его сыграл Арчил Гомиашвили. Его Бендер был уже совсем иным – с минимумом философии, но максимумом азарта и темперамента. Миронов (который, кстати, проходил пробы к фильму Гайдая, но был забракован), приступая к этой роли, несомненно, держал в уме двух этих исполнителей, но подражать никому из них не собирался. У него было свое видение этого бессмертного образа. Давая накануне начала съемок интервью журналу «Искусство кино», он так охарактеризовал своего героя: «Остап Бендер очень разный: он всегда среди людей и все-таки одинок; он мечтатель и рационалист одновременно; он эгоистичен и при этом, несомненно, талантлив. Вся его беда в том, что он не находит достойного применения своему таланту, его энергия и фантазия тратятся щедро, но в конечном итоге бесцельно. И оттого Остап – фигура драматическая.

Мне кажется, что история Остапа Бендера не может оставить равнодушным современного зрителя. Оглянитесь вокруг, и вы наверняка увидите человека, который не умеет распорядиться своим талантом, направить его в нужное русло и жить, полностью отдавая все свои способности благородным целям. Как обидно порою бывает за людей, которые свои организаторские способности, умение проявить инициативу, творческое воображение могут использовать лишь для мелких собственнических интересов…»

Между тем до съемок «12 стульев» оставалось еще время, и в те дни шел подготовительный период: строились декорации, подыскивались недостающие актеры, записывалась музыка. Последнюю писали композитор Геннадий Гладков (к слову, он учился в той же 170-й школе, что и Миронов, но несколькими годами раньше) и поэт Юлий Ким. Их усилиями на свет родились прекрасные песни, без которых этот телефильм вряд ли бы

состоялся. При этом все зонги писались исключительно под одного актера – Андрея Миронова (стоит отметить, что до него Бендер пел в кино только у Гайдая, но не устами Гомиашвили, а другого актера – Валерия Золотухина). К апрелю 76-го Гладковым – Кимом были написаны все необходимые песни: «Белеет мой парус…» («Песня Бендера»), «Рио-де-Жанейро», «Танго Остапа» («Странствуя по свету, словно птица…»), «Билет на пароход» и др. Несмотря на то что на экране Миронов поет их виртуозно, записывал он их крайне мучительно. Вот как об этом вспоминает Г. Гладков:

«Неожиданно для себя на записи я столкнулся с „музыкальным комплексом“ Миронова. С одной стороны, он страстно любил музыку и жаждал проявлять себя в музыке и пении. С другой – понимал свои ограниченные возможности. Противоречивые чувства – желание и боязнь – все время боролись в нем. Обычно он долго и мучительно готовился к записи, говорил, что голос у него не звучит, что сегодня ничего не получится, потом просил меня наиграть ему мелодию, напеть песню и все это записать на магнитофон. Забрав пленку, он уходил домой и дома с моего голоса старательно выучивал.

В студии на записи он обычно прежде всего интересовался, есть ли мелодия в аккомпанементе. Он страшно боялся остаться один на один с той фонограммой, которая звучала в наушниках, как казалось ему, не очень надежно. Андрей привыкал к моей пленке, к моему голосу, они были ему опорой. А теперь он лишался этой опоры. И выяснив, что мелодии не будет, он заявлял: «Нет, так я не могу». Начиналась долгая тяжба, после которой следовал вопрос: «А какая у тебя самая высокая нота?» Я называл. «Нет, я ее не возьму никогда». – «Кто тебе сказал?» – «Один музыкант мне сказал, что нота „ми“ – мой предел, выше я не могу».

Я чувствовал, что он прекрасно может справиться со всеми трудностями, но его нужно было раскрепостить, снять его комплекс. Приходилось прибегать к обману. Однажды я пообещал ему переделать все высокие ноты. При следующей нашей встрече я сказал Андрею, что все в порядке и самая высокая нота у него будет «ре». Он обрадовался: «Теперь я спою». Но я, зная, что Андрей не обладал абсолютным слухом, ничего не изменил, ни одной ноты не переписал и запустил ему прежнюю фонограмму. Он же, считая, что она стала ниже и ему будет петь удобнее, раскрепостился и спел все точно, не замечая высоких нот. Только после того, как запись успешно завершилась, я открыл ему обман. «Ты меня обманул? А ведь я чувствовал, что тут что-то не так», – расстерянно сказал он мне. «А мне наплевать, что ты чувствовал.

Мне был нужен твой талантливый дубль, и я его получил», – радостно заявил я.

Когда Андрей просил меня сделать ему мелодию пониже, я всегда сопротивлялся: «Ну зачем тебе пониже? Ты будешь на низких нотах однообразно бубнить, а нам нужно сохранить тембр твоего голоса. А то ведь никто не поймет, что поет Андрей Миронов».

На этой почве у нас шла бесконечная борьба. Конечно, если он спокойно стоял у рояля, то ему нужно было сделать пониже, чтобы было удобно петь и не напрягаться. Но когда он выходил на запись, он обычно возбуждался, его темперамент и актерское чутье брали свое и тянули его голос наверх. Тогда он мог взять ноту, недоступную ему в обычном, спокойном состоянии. Это необходимо было знать, иначе можно было попасть впросак. Так однажды и случилось.

В фильме Бендер пел песню на корабле, аккомпанируя себе на гитаре. Здесь артист мог позволить себе петь в любой тональности, как ему было удобнее. Но мы решили потом записать песню в сопровождении ансамбля «Мелодия». Сделали аранжировку. Андрей тайно от меня попросил аранжировщика понизить его партию. Началась запись. Услышав аранжировку, он стал петь по-другому, и тональность оказалась для него низкой, неудобной. Ему пришлось в некоторых местах просто проговаривать текст, чтобы выйти из затруднительного положения. Так правда актерская помогла наиболее полному выражению правды музыкальной.

Конечно, если взять звуковую дорожку Андрея, то можно увидеть, что он часто поет вокруг мелодии, нередко проговаривает текст. Получается некая музыкальная декламация. Но меня в пении Миронова привлекали не правильно спетые ноты, а его актерская зажигательность. Певец поет ноты, а Андрей создает образ, который всегда оказывается точным…

Миронов привлекал не столько своими вокальными возможностями, сколько своеобразием артистической индивидуальности. В каждой песне ярко раскрывалась его актерская суть, и каждая песня становилась маленьким спектаклем. Поэтому он в основном пел песни характерные, в которых есть четкая или жанровая, или образная, или сюжетная основа, то есть песни, в которых можно выявить себя актерски. Он не раз говорил мне: «Я не певец, я актер, и эту песню я не могу просто спеть, я ее сыграю». Все песни в жанре ретро, которые он исполнял на телевидении, были жанровыми. Актер нашел к ним свой подход: пел их несколько иронично и в то же время по-доброму, с некоторой грустью…»

Нет, я не плачу и не рыдаю,
На все вопросы я открыто отвечаю,
Что наша жизнь игра и кто ж тому виной,
Что я увлекся этою игрой…
Пусть бесится ветер жестокий
В тумане житейских морей,
Белеет мой парус такой одинокий
На фоне стальных кораблей…

Во второй половине апреля Миронов возобновил свою работу в Театре сатиры. 16-го и 17-го он вышел на его сцену в роли Мужа в спектакле «Маленькие комедии большого дома». 18-го это был колхозник Швед в спектакле «Таблетку под язык», 19-го – Олег Баян в «Клопе», 20-го – Паша-интеллигент в «Ремонте», 23-го – Хлестаков в «Ревизоре». В субботу 24 апреля Миронов спектакль не играл, отметившись только на репетиции. Вечером этого же дня (в 21.30) по ТВ показали один из самых успешных фильмов Миронова – «**Достояние республики»**.

26 апреля еще один фильм с участием Миронова вышел уже на широкий экран. Речь идет о комедии Наума Бирмана «**Шаг навстречу»**, где наш герой сыграл роль зубного врача с редким именем Маркел.

Вечером того же дня Миронов вышел на сцену родного театра в образе Олега Баяна в «Клопе». 28-го это был уже Всеволод Вишневский в «У времени в плену», 30-го – Хлестаков.

В праздничный день 1 мая Миронов играл колхозника Шведа в спектакле «Таблетку под язык». Далее шли: 3-го – «Клоп», 4-го – «Маленькие комедии большого дома», 5-го – «Ревизор», 8-го – «Таблетку под язык», 9-го – «У времени в плену», 12-го – «Женитьба Фигаро». После этого в течение двух недель Миронов был освобожден от спектаклей, целиком сосредоточившись на съемках в кино. В те дни началась работа над «12 стульями», и Миронов, будучи занятым в театре, включился в этот процесс чуть позже остальных (фильм начали снимать с эпизода, где мадам Грицацуева (Лидия Федосеева-Шукшина) приходит к мадам Боур (Вера Орлова), чтобы та погадала ей на суженого). В течение почти двух недель, что на съемочной площадке присутствовал Миронов, в бешеном ритме были отсняты следующие эпизоды: встреча Бендера и Воробьянинова в дворницкой, Бендер у «голубого воришки» (Олег Табаков), знакомство Бендера с Грицацуевой, свадьба великого комбинатора и знойной женщины – мечты поэта, шахматная одиссея Бендера, танец Бендера с женщиной-вамп. Последнюю играла молодая и тогда еще мало

известная актриса мюзик-холла Любовь Полищук. Сама актриса до сих пор вспоминает о тех съемках с содроганием, потому что заработала там несколько синяков и шишек. Сначала забыли положить матрац, и Полищук, которую Миронов сначала поднял на руки, а потом бросил, грохнулась на цементный пол. Затем матрац решили заменить обыкновенными подушками, но Миронов в пылу танца сбил их, и актриса вновь приземлилась на твердую поверхность. Чтобы выбить стекло в витрине, актерам тоже пришлось изрядно потрудиться. Сначала его закрепили слишком слабо, и Миронов с Полищук, проскочив его на скорости, едва не упали. Затем стекло закрепили слишком сильно, и актеры не смогли выбить его с первого раза. Труднее всего пришлось Полищук, которая должна была выбить стекло головой. Короче, на эпизод, который на экране длился около трех минут, было потрачено 14 дублей. Однако старания актеров не пропадут даром: эта сцена станет одной из лучших в фильме, и имя актрисы-дебютантки запомнится зрителям. Но это будет чуть позже, а пока вернемся в май 76-го.

На сцену Театра сатиры Миронов вернулся 25 мая – он играл в «Ремонте». Затем до конца месяца им были сыграны еще три спектакля: 28-го – «У времени в плену», 29-го – «Ремонт», 31-го – «Клоп». Параллельно с этим, с 9 утра до 5 вечера, Миронов успевал сниматься в «12 стульях».

В первый день лета Миронов играл в театре «Ревизора». В последующие дни это были следующие спектакли: 2-го – «Ремонт», 4-го – «Женитьба Фигаро», 5-го – «Маленькие комедии большого дома», 6-го – «Таблетку под язык».

7 июня на широких экранах состоялась еще одна премьера фильма с участием Андрея Миронова – «**Повторная свадьба»** Георгия Натансона. Как мы помним, Миронов сыграл в нем роль молодого ученого Ильи – карьериста и подлеца. Однако из-за многочисленных купюр, которые заставили сделать режиссера цензоры, фильм многое потерял. Поэтому его премьера большинству людей, причастных к его созданию (в том числе и Миронову), большой радости не доставила.

8 июня Театр сатиры выехал на гастроли в Польшу. Это была не рядовая поездка: нашему театру выпала честь открыть впервые проводящийся в Варшаве Международный театральный фестиваль. Открытие состоялось 10 июня – в тот день Театр сатиры показал «Клопа». Затем были показаны еще два спектакля с участием Миронова: «У времени в плену» и «Женитьба Фигаро». Самым феерическим успехом пользовался последний, что вполне понятно: бессмертная комедия Бомарше была более близка полякам, чем биография большевика Вишневского. После

выступлений в Варшаве «сатировцы» отправились показывать свои спектакли в два других города: Кракове и Катовице. На родину театр вернулся утром 23 июня. А вечером того же дня его актеры давали спектакль на родной сцене. Это была комедия «Проснись и пой!», в которой Андрей Миронов занят не был.

Первый после перерыва спектакль с участием Миронова состоялся вечером 25 июня: это были «Маленькие комедии большого дома». Затем за оставшиеся дни он сыграл еще дважды: 28-го в «Ремонте» и 30-го – в «Ревизоре».

С роли Хлестакова начался для Миронова и следующий месяц – он сыграл в «Ревизоре» 2 июля. Далее шли: 4-го – «Женитьба Фигаро», 6-го – «Ревизор». Затем в течение почти недели Миронов снимался в «12 стульях» и репетировал новую роль в театре – Чацкого в «Горе от ума». К регулярным спектаклям он вернулся 12 июля – играл в спектакле «Таблетку под язык». 14-го это был «Клоп», 17-го – он же, 18-го – «Ремонт», 24-го – «Таблетку под зык», 25-го – «У времени в плену», 27-го – «Клоп», 30-го – «Женитьба Фигаро», 31-го – «Маленькие комедии большого дома».

Вечером 1 августа Миронов сыграл в «Ремонте», и на этом его сезон в театре закончился. На следующий день театр дал еще один спектакль («Проснись и пой!») и на этом был распущен на каникулы. Однако для Миронова и Папанова в ближайшие недели никакого отдыха не предвиделось: они репетировали «Горе от ума» и практически ежедневно снимались в «12 стульях». А в начале сентября Миронов снова включился в гастрольную деятельность: 8—22 сентября он с Театром сатиры был в Баку, а 23 сентября – 10 октября гастролировал с труппой в Тбилиси. Параллельно он летал в Москву и доснимался в последних эпизодах «12 стульев». Так, в сентябре в Северном порту сняли эпизод, когда Бендер и Киса садятся на теплоход, а также сцену, где отец Федор (Ролан Быков) крадет у концессионеров колбасу и забирается с ней на гору. Последний эпизод снимали в карьере возле Мячково, что в Люберецком районе. На дворе было холодно, поэтому Быков постоянно мерз и просил для внутреннего сугреву спирту.

В те дни, когда Миронов был на гастролях, по ТВ показали очередной фильм с его участием: это были **«Старики-разбойники»** (26 сентября, 19.30).

Очередной сезон в Москве Театр сатиры открыл 19 октября. В тот день показали «Ревизора». В последующие дни Миронов играл в следующих спектаклях: 20-го – «Маленькие комедии большого дома», 23-го – они же, 24-го – «Таблетку под зык», 27-го и 29-го – «Клоп». Параллельно Миронов закончил озвучание роли Остапа Бендера в «12 стульях» и репетировал в «Горе от ума». В

последнем произошла неожиданная замена. В первоначальном варианте роль Софьи была отдана бывшей супруге Миронова Екатерине Градовой (к слову, именно в том году Миронов с ней официально развелся), которую в самый последний момент Плучек внезапно заменил на другую исполнительницу – Татьяну Ицыкович-Васильеву. О том, почему это произошло, вспоминают очевидцы.

Е. Градова: «Почему Плучек меня заменил в „Горе от ума“? У него начался роман с Таней Ицыкович. Все просто. Мне Андрей это объяснил:

– Да влюбился он, какая тут интрига! Слава богу, наша девушка еще и талантлива.

Все произошло мгновенно. У Плучека даже не было времени объяснять свое решение. Репетируем «Горе от ума». Потом обсуждаем. Я молчу. Плучек говорит:

– Наша Софья – прелестная, талантливая. Вы такие боровы все, а посмотрите, как работает Катя, если бы не она, я бы вообще прекратил репетировать.

И на той же неделе меня заменил. Ничем не мотивировав. Таня репетировала роль Лизы, служанки. Плучек предложил: хорошо бы поменять, наоборот попробовать. Есть такой прием. Но здесь моя Софья почти состоялась. А Лиза – характерная роль, я бы с ней не справилась. Я со своей реалистической школой не могла играть гротескный образ Лизы, какой ее задумала Таня.

Таня начала играть Софью, но замысел остался наш с Андреем. Мы придумали, что Софья будет очень умная, умнее, чем Чацкий. Таня могла бы играть по-другому…»

Совсем иная точка зрения на эту замену сложилась у актера Алексея Левинского, который играл в этом же спектакле роль Репетилова: «У Кати не заладились с Плучеком отношения. Тут и субъективные и объективные причины. Я-то думаю, что личные симпатии Плучека – это не основное. Другое дело – его привязанности чисто сценические, творческие, а не просто вкусовые или сексуальные. У Кати Градовой, с которой я вместе учился в Школе-студии МХАТ, не получилось с Плучеком, мне кажется, потому, что она актриса интеллектуальная и ее актерские качества связаны с умением мыслить, нести какую-то мысль. Эти ее сильные качества Плучеку чуждые в актрисе, в женщине. Он понимает женщину чисто эмоционально, причем ему нужны эмоции, выходящие наружу; интеллект, глубокие внутренние чувства ему неинтересны. Ему нужен человек, который живо выплескивает определенную эмоцию, у него так все спектакли построены, и мне кажется, что те женщины, которым это присуще, для которых это естественно, – вот у него они

прежде всего поэтому становятся героинями. Все остальное – второе. Таня Ицыкович – актриса с острым эмоциональным настроем, эстрадной открытой подачей роли, не важно – драматической или комедийной. Это подкупало Плучека прежде всего в женщинах. Выплеск наружу. На мужчин это меньше распространялось. В мужчинах он допускал более сложные сочетания…»

Ноябрьский репертуар Миронова в театре выглядел следующим образом: 2-го – «Клоп», 3-го – «Таблетку под язык», 5-го – «Женитьба Фигаро», 6-го – «Таблетку под язык», 9-го – «У времени в плену», 10-го – в «Маленькие комедии большого дома», 12-го – «Клоп», 13-го – «Ремонт», 17-го – «Маленькие комедии…», 22-го – «Ремонт», 24-го – «Ревизор», 26-го – «Клоп», 28-го – «Таблетку под язык».

Тем временем в театре идут репетиции «Горе от ума», и этот процесс продолжают сотрясать скандалы. Как мы помним, первый произошел с исполнительницей роли Софьи – вместо Екатерины Градовой на эту роль была введена Татьяна Ицыкович. Затем наступила очередь Татьяны Пельтцер. Вот как об этом вспоминает Ольга Аросева:

«Шла последняя перед премьерой репетиция. Не занятая в нем, я слушала в своей гримуборной сцены бала у Фамусова. Вдруг в плавное и слитное течение грибоедовского текста ворвался раздраженный вопрос Пельтцер: „Куда мне идти?“ Плучек недовольным голосом, потому что прервалась репетиция, ответил, что идти она может куда захочет.

Она еще более раздраженно, вызывающе даже, спрашивает: «А куда мне сесть?»

Он, взорвавшись, отвечает: «Ну конечно, вы должны быть в центре, а остальные – вокруг… Между прочим, здесь еще и Чацкий, и Софья есть! Вы, конечно, не заметили?»

Что тут началось! Следовал текст не по Грибоедову, который я повторить не решаюсь. Кричит она. Кричит он. Оба словно обезумели. Понимаю, что сейчас Татьяна репетицию бросит и со сцены уйдет. Бегу вниз, в вестибюль, чтобы ее встретить. Схватила с вешалки свое и ее пальто. Жду. Она спускается. Тоже бегом. Я пытаюсь ее одеть, увести из театра. А она, еще докрикивая, вдруг поворачивает обратно, рвется из моих рук – договорить Плучеку то, что она не успела. Я ее умоляю ехать домой. А по трансляции голос: «Аросеву немедленно на сцену!» Это чтобы Пельтцер заменить в спектакле.

Выбежал Миша Державин в костюме Скалозуба: «Ольга Александровна, уходите немедленно, Плучек вас репетировать зовет». Мы с Пельтцер выскочили из театра. Тут актер Козловский

сбегает по ступенькам служебного входа, догоняет нас: «Ольга Александровна, вас зовет Валентин Николаевич». Я понимаю, что если пойду на сцену репетировать Хлестову, Пельтцер больше не переступит порога нашего театра. Кричу на Козловского: «А если бы я в метро спустилась, ты меня и с эскалатора бы снял?! Нету меня, понимаешь, нету!»

Сели в такси, я умоляю Татьяну успокоиться. А она только и повторяет, как в затмении разума: «Я к Марку Захарову пойду! К Марку пойду, к Марку…» Кое-как довезла ее до дому, а утром звонок: «Ольга, дай мне твою машину. Я поеду жаловаться в министерство». У меня тогда «жигуленок» был с водителем. Вместе с шофером я поехала к ней. И опять мы по Москве два часа катались. И снова я ее уговаривала, но не отговорила. Она к Марку Захарову в Ленком ушла…»

Между тем декабрь начался для Миронова с «Клопа» – он играл его 1-го. Затем шли: 3-го – «Ремонт», 4-го – «Маленькие комедии…», 6-го – «Таблетку под язык», 8-го – «Ревизор».

10 декабря, вместо ранее объявленного спектакля «Женитьба Фигаро», была показана премьера спектакля «**Горе от ума»**, где Миронов играл Чацкого. В остальных ролях были заняты: Анатолий Папанов (Фамусов), Татьяна Васильева (Софья), З. Матросова (Лиза), Александр Ширвиндт (Молчалин), Михаил Державин (Скалозуб), Ольга Аросева (Хлестова), Роман Ткачук (Загорецкий), Александр Левинский (Репетилов).

Первая рецензия на премьеру появилась в «Вечерней Москве». Критик Ю. Дмитриев так писал об игре Миронова: «В этом спектакле не звучат пламенные монологи. В герое Миронова нет ничего от романтизма. Это молодой человек, понявший, что проповедь рабства, служение не делу, а лицам отвратительна… При этом актеру совсем не обязательно становиться на котурны. Миронов этого и не делает, но он достаточно убедителен в своей ненависти к фамусовской Москве и в любви к Софье…»

За 50 лет существования Советской власти театр неоднократно обращался к бессмертной пьесе Грибоедова. Последним обращением, всколыхнувшим театральную общественность, была постановка «Горе от ума» в Ленинградском БДТ. На волне хрущевской оттепели Георгий Товстоногов поставил спектакль, где отчетливо звучал мотив расставания с романтическими иллюзиями (этот же мотив витал тогда и в обществе). Чацкого в том спектакле играл Сергей Юрский, который именно после этой роли проснулся знаменитым.

Плучек ставил «Горе от ума» уже иначе. Миронов играл Чацкого куда более спокойно (не становился на котурны), но идея была та же – умный человек в России по-прежнему не в чести. Это

особенно было заметно в дни премьеры спектакля – вся советская пресса взахлеб писала о предстоящем 19 декабря 70-летии «дорогого Леонида Ильича». Думается, и сам Плучек не случайно выпустил спектакль аккурат за неделю до юбилея.

Много позже критик Л. Фрейдкина так оценивала идею этой постановки: «Играя Чацкого, Андрей Миронов не надевал очки, не подбирал особый грим, чтобы походить на Грибоедова. Он не отождествлял Чацкого с Грибоедовым, как делают иногда в школьных сочинениях. В исполнении роли раскрывалась вся якобы хрестоматийная, но до конца не разгаданная пьеса и сам автор с его надеждами, превратностями изменчивой судьбы, трагическими прозрениями…

Пьеса, втиснутая в фамусовский особняк, в события лишь одного дня, вмещала проблемы века – еще не остывший страх перед якобинской диктатурой, расколы и безверие в Петербурге, разжалование в солдаты, тайные собрания и даже Бейрона (Байрона), погибшего в Греции в год окончания «Горе от ума».

Актер интеллектуального склада, Андрей Миронов, изучив роль, ознакомившись с 1820-ми годами, выходил на сцену, осененный прочитанным, узнанным, продуманным. Так мне, по крайней мере, казалось.

Чацкий неотрывно наблюдал за всеми окружающими, ужасаясь пустоте, суетности их существования. Сам он чужд суете. Популярные, хлесткие реплики актер произносил без чрезмерных подчеркиваний. «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Реплику завершает точка, а не восклицательный знак…

Не забыть, как Чацкий слушал разглагольствования Фамусова и Скалозуба – домашних, казарменных готтентотов. Их духовная нищета удручала. Взрываясь обличительным монологом, актер не ударял в набат, не бил тревогу, а тревожно размышлял…

На сцене Чацкий делил заботы, сомнения, надежды лучших людей из дворян. Мог ли при этом Андрей Миронов уйти от наших трудных, сложных 70-х годов? От наших Фамусовых и Молчалиных с их страстью к карьере, выгоде, стяжательству? Скверное, к сожалению, уцелело. Банкеты, награды, «обеды, ужины и танцы» кое-кому зажимали рты. Бессловесные были в большем почете, нежели правдолюбцы.

«Я ставил спектакль, опьяняясь гениальностью Грибоедова», – рассказывал В. Н. Плучек. Стародавнее театр воскрешал с точно угаданным чувством стиля, без скучной архаики и без нарочитого заострения «актуальности». Вековечный этический смысл «Горя от ума» постигался без назойливых намеков и сопоставлений…»

Роль Чацкого стала для Миронова в каком-то роде переломной. Долгое время артист воспринимался публикой

исключительно как комедийный актер, как баловень судьбы. Однако сам Миронов этим типажом сильно тяготился и делал все возможное, чтобы его разрушить. В театре это началось в конце 60-х – с Жадова в «Доходном месте» и Вишневского в «У времени в плену». Этот процесс обрел свои еще более четкие очертания в 75-м, когда Миронов сыграл на телевидении две роли из разряда классических – Грушницкого в «Страницах журнала Печорина» и Вязовнина в «Возвращении». Через год к этому списку добавился и Чацкий. Как пишет А. Вислова:

«Ко дню премьеры „Горе от ума“ в Миронове произошел необратимый перелом. Прежде веселого, неунывающего и дерзкого Миронова мы уже не увидим никогда, лишь его отблески будут иногда вспыхивать то в однй, то в другой роли. Отчасти этот перелом объяснялся естественным переходом от молодости к зрелости, но в гораздо большей степени сменой общественных настроений, системы ценностей, а с ней и системы эстетических координат. Искусство входило в берега жесткого языка и вместе с тем подчеркнутой неустроенности, неопределенности, в известной мере неприкаянности. Что-то необратимо изменилось к тому времени во всей нашей жизни. Бескорыстные высокие идеалы „шестидесятников“ исчезли навсегда в тумане меркантильности „семидесятников“ и еще более корыстных „восьмидесятников“. То, что историк Михаил Гефтер определил как „третий момент застоя“, при котором мы с невероятной быстротой стали превращаться в общество потребителей. В данном общественном климате позиция борца мало что меняла. Да и, повторяю, Миронов не был борцом по своей природе…»

13 декабря Миронов играл в «Маленьких комедиях…», 15-го – в «Клопе».

В те самые часы, когда в «Сатире» шел последний спектакль, по ТВ, в 19.55, началась премьера водевиля Леонида Квинихидзе «**Небесные ласточки»**, где Андрей Миронов сыграл роль композитора Селестена.

До конца года Миронов сыграл еще в четырех спектаклях. 20 декабря это были «Маленькие комедии…», 26-го – «Таблетку под язык», 27-го – «Женитьба Фигаро», 29-го – «У времени в плену».

1977

1977 год начался с «**12 стульев**»: 2 января ТВ устроило премьеру первых двух серий телефильма Марка Захарова. Время показа было выбрано самое удачное: 18.35–21.00. Самое удивительное, что Миронов мог бы эту премьеру не увидеть, поскольку у них с Голубкиной… не было телевизора. Но помог случай: в те дни они чуть ли не ежедневно бывали в гостях у своих многочисленных друзей, где такой предмет, как телевизор, был непременным атрибутом домашнего интерьера. Две заключительные серии фильма Миронов тоже смотрел «на выезде» – их показали в выходные 8–9 января (в 19.40). Скажем прямо, многочисленную аудиторию фильм разочаровал. Во-первых, он был полностью решен в театральной манере (снимался исключительно в павильонах), во-вторых, в нем не было той эксцентрики, которая так пленили публику в экранизации бессмертного романа, предпринятой шестью годами ранее Леонидом Гайдаем. И, наконец, в-третьих – Миронов играл Бендера-философа, а зрителям хотелось увидеть Бендера-проныру. Единственно, что покоряло в этой телеверсии, – замечательная музыка и песни Геннадия Гладкова и Юлия Кима в исполнении Миронова.

Много позже критик Валерий Кичин так отозвался о мироновском Бендере: «Бендер – из тех ролей, которые Миронов не мог не сыграть. Тут, кажется, все совпадает: природная элегантность, эстрадный лоск, брызжущая талантливость и даже несомненный авантюризм, занятно перекликающийся со столь же несомненной рисковостью художнической натуры актера. Не случайно Миронов принадлежит к тем немногим мастерам, которые в кино предпочитают все делать сами, всегда в отличной физической форме и гонят саму мысль уступить опасную сцену каскадеру…

Возвращаясь к «12 стульям», надо отметить, что картина в целом обидно не получилась – как-то не хватило заряда на несколько серий, финал оказался торопливым и скомканным, уже без особой фантазии излагал общеизвестные события романа. Хотя запев был широк и обнадеживающ, ибо был несомненно талантлив. Получился же в фильме, и это бесспорно, – Бендер. Миронов играет здесь – при всем наборе легких и комедийных красок – драму очень талантливого человека. Еще в Геше из «Бриллиантовой руки» Миронов показал нам комизм мещанского идеала, если это идеал дурака. У Бендера этот идеал возведен в ранг философии, выношенной жизненной программы. Именно

поэтому – драма. «Молчите, молчите, прошу, не надо слов, поверьте бродяге и поэту: на свете есть город моих счастливых снов, не говорите, что его нету…» – гипнотически уговаривает себя герой Миронова под звуки рокового танго. И «поэт» здесь вовсе не для красивого словца: Бендер действительно поэт «красивой жизни», певец индивидуализма и эффектных, головокружительных авантюр. Жизнь – игра, жизнь – представление, жизнь – спектакль, в котором Бендер – премьер, романтик и виртуоз: «О, наслажденье – скользить по краю, замрите, ангелы, смотрите – я играю! Моих грехов разбор оставьте до поры, вы оцените красоту игры!» Красоту игры мы тут вполне оцениваем, и Миронов нам в этом отменно помогает. Но ощущаем сполна и драму человека, не нашедшего себя в конкретной социальной действительности…»

К зрителям, пришедшим в Театр сатиры, Миронов впервые в новом году вышел 4 января – в спектакле «Таблетку под язык». Его дальнейший репертуар в том месяце складывался следующим образом: 8-го – «Клоп», 10-го – «Таблетку под язык», 15-го – «Маленькие комедии…» (днем и вечером), 16-го – «Таблетку под язык».

В том январе судьба совершенно случайно свела вместе двух бывших одноклассников столичной школы № 170 – Андрея Миронова и А. Макарова. Пересеклись их пути в кафе Дома литераторов, где Миронов был в компании своего друга Игоря Кваши, а Макаров пришел туда один. Встречу, естественно, отметили по-русски – возлиянием, для чего из кафе перебрались за ресторанный столик. За роскошным столом друзья протрепались несколько часов: вспоминали школьных друзей, учителей. А когда пришла пора расставаться, Миронов внезапно предложил продолжить встречу у него дома. Далее послушаем рассказ самого А. Макарова:

«Андрей сообщил, что Лариса будет рада. Она и впрямь оказалась рада, его жена Лариса Голубкина. Во всяком случае, даже после совсем недурного застолья в ЦДЛ мы не отказались от замечательного ужина. Андрей ставил на магнитофон роковые танго Остапа (имеются в виду песни из телефильма „12 стульев“. – *Ф. Р.*), потом заводил джазовые пластинки, привезенные из Канады, и, как в школьные благословенные времена, пел вместе с Армстронгом и Синатрой. Я понимал, что присутствую на уникальнейшем вечере, когда любимцы публики дают концерт для самих себя, от полноты души и жизненных сил.

Часа в три стали наконец прощаться. Отпустить старого друга без подарка Андрей не мог. Он распахнул шкаф и достал галстук, только что привезенный из той же Канады. У меня екнуло сердце:

именно о таком галстуке – шерстяном, трикотажном, по моде тех лет широком – я как раз и мечтал. Именно в таких галстуках в те времена совершал на экране свои подвиги очень популярный у нас французский актер Лино Вентура.

Потрясенный щедростью друга, я открещивался от подарка, но Андрей собственноручно повязал мне его модным тогда большим узлом…»

18 и 21 января Миронов играл в «Горе от ума», 24-го – в «У времени в плену», 26-го – в «Ремонте», 28-го – в «Горе от ума», 29-го – в «Маленьких комедиях большого дома», 31-го – в «Ревизор».

30 января телевидение порадовало зрителей еще одной картиной с участием Миронова – «**Небесными ласточками»** (19.55).

Февраль начался для Миронова с «Горе от ума» (2-го). После чего спектакли с его участием пошли плотной чередой: 4-го это был «Ревизор», 5-го – «Ремонт», 6-го – «Таблетку под язык», 7-го – «Женитьба Фигаро», 9-го – «Клоп», 11-го – «Ремонт», 12-го – «Женитьба Фигаро», 14-го – «Маленькие комедии…»

В середине февраля Миронов выкроил время для кратковременных гастролей. Он съездил в Подольск, где в одном из местных Домов культуры дал концерт. Он состоял из двух отделений: в первом выступала Лариса Голубкина, во втором – Миронов. Это была их традиционная программа, обкатанная за пару лет на многочисленных сценических площадках страны. В ней они играли отрывки из спектаклей, читали стихи и пели песни – последние как порознь, так и вместе. Как пишет Н. Пушнова: «На концертах Миронов исполнял песни из фильмов, но у него имелся и свой любимый репертуар: забавные одесские и джазовые песенки.

Он всегда волновался перед своими концертами так, словно выходил на сцену в первый раз. И зрители, любившие его и за талант, и за успех, всегда благодарные, в первые годы его головокружительной карьеры – за светлую, яркую, удачливую и незлую его молодость, а позже – за память об этой молодости, – зрители толпами набивались в переполненные залы.

Когда он был молод, клубы и дома культуры, где пел Миронов или выступал с творческими вечерами, брали штурмом. Актер не терпел массовой психологии и вообще какой-либо обыденности суждения и даже бывал брезглив к некоторым особенностям публики, избирателен в отношениях с людьми, не любил подпускать к себе посторонних. Он был человек элитарной косточки, не массовый. Этого зрители знать не могли, но даже тот, кто был далек в принципе от подобных рассуждений, не мог не чувствовать его, Андреевой, душевной тонкости.

Тем не менее для всех этих людей, толпившихся в ожидании лишнего билета, стоявших и висевших в проходах залов, Миронов был свой человек. Особый, редкой силы магнетизм – качество, совершенно необъяснимое, – завораживал публику. Обладал он и уникальным мастерством шоумена: умел заводить и держать зал. Но не только это, отнюдь. Был и простой путь к сердцу каждого зрителя: великолепный репертуар. У Миронова существовала настоящая концертная программа, и он готовился к каждому выступлению как к самому ответственному. И ни в чем, что касалось бы такого дела, как выход к публике, он не позволял себе ни малейшего попустительства…»

16 февраля Миронов играл в «Горе от ума», 18-го – в «Клопе», 19-го – в «Ревизоре», 21-го – в «Горе от ума», 22-го – в «Маленьких комедиях…», 23-го традиционно – в «У времени в плену», 25-го – в «Горе от ума».

В феврале в продажу поступила гибкая грампластинка «**Поет Андрей Миронов»**, на которой были записаны четыре песни из двух телефильмов: «Соломенная шляпка» («Женюсь, женюсь», «Соломенная шляпка») и «12 стульев» («Белеет мой парус…», «Танго „Рио“).

В первый день весны Миронов играл в «Клопе». Далее шли: 2-го – «Женитьба Фигаро», 4-го – «Ревизор», 7-го – «Маленькие комедии…» (днем) и «Горе от ума» (вечером), 9-го – «Ремонт», 11-го – «Горе от ума», 12-го – «Ремонт», 14-го – «Маленькие комедии…», 16-го и 19-го – «Клоп», 21-го – «У времени в плену», 22-го – «Горе от ума», 23-го и 25-го – «Таблетку под язык», 27-го – «Клоп», 30-го – «Горе от ума».

В марте на студии «Диафильм» вышел диафильм «Андрей Миронов», автором сценария которого был друг семьи Мироновых Борис Поюровский.

1 апреля Миронов вышел на сцену родного театра в костюме Чацкого («Горе от ума»). Три дня спустя он уже был ловким плутом Фигаро («Женитьба Фигаро»), 5-го играл Мужа-подкаблучника («Маленькие комедии большого дома»), 6-го – Пашу-интеллигента («Ремонт»), 9-го – Олега Баяна («Клоп»), 10-го – колхозника Шведа («Таблетку под язык»), 11-го – Чацкого, 13-го – Хлестакова («Ревизор»), 15-го – Олега Баяна, 18-го – Фигаро, 19-го – Мужа-подкаблучника, 22-го – большевика Всеволода Вишневского (спектакль был приурочен к 107-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина), 23-го – Пашу-интеллигента, 25-го – Чацкого, 27-го – Хлестакова, 30-го – Олега Баяна.

Не сбавлял Миронов своих оборотов и в последующие месяцы: в месяц у него выходило порядка полутора десятков спектаклей. Так, 4 мая он играл в «Маленьких комедиях…», 7-го –

в «Клопе», 8-го – в спектакле «Таблетку под язык», 11-го – в «Маленьких комедиях…», 13-го – в «Горе от ума», 16-го – в «Ревизоре», 18-го – в «Ремонте», 20-го – в «Ревизоре», 21-го – в «Маленьких комедиях…», 23-го – в «Горе от ума», 25-го – в «Клопе», 27-го – в «Женитьбе Фигаро», 28-го – в «Ремонте, 31-го – в „Женитьбе Фигаро“.

1 июня по ТВ в очередной раз показали одну из первых работ Миронова в кино – милую комедию «**Три плюс два»** (21.30). Много воды утекло за эти пятнадцать лет: бывшие любовники Миронов и Фатеева успели за это время несколько раз развестись, завести детей (у Фатеевой их было двое – сын и дочка, у Миронова один ребенок – дочка). Была, правда, еще дочка Ларисы Голубкиной Маша, но Миронов, хотя и относился к ней как к родной, официально ее не удочерял, считая это лишним. Зато он официально женился на Ларисе Голубкиной, прожив с ней почти три года в гражданском браке. Сразу после регистрации молодые отправились на мироновскую дачу на Пахре, надеясь отдохнуть от городского шума и суеты. Но друзья Миронова решили над ними подшутить. Александр Ширвиндт и Марк Захаров со своими женами дождались ночи и приехали к даче на такси. Далее послушаем рассказ самого М. Захарова:

«Сначала мы осторожно изображали ночные привидения, ходящие с воем вокруг дома с погашенными окнами. Поскольку окна не зажглись, звуковую гамму решили разнообразить. „Привидения“ стали не только выть, но противно пищать и ухать. Когда пришло физическое утомление без всяких видимых изменений на даче, Ширвиндт проявил огромную, незабываемую на всю оставшуюся мою жизнь изобретательность. Он неслышно влез через окно в спальню и укусил Ларису Ивановну за пятку. Ларисе Ивановне это почему-то страшно не понравилось. Почему – для меня загадка…»

Вскоре после регистрации Миронов поменяет свою квартиру в Волковом переулке на квартиру, которая примыкала к «двушке» Голубкиной. Прорубит стенку – и получится довольно приличная четырехкомнатная квартира.

Самое интересное, что регистрация отношений с Голубкиной не отвадила Миронова от походов на сторону. Хотя чаще всего его романы носили исключительно платонический характер. Так, к примеру, было с Еленой Кореневой, с которой Миронова свела судьба летом 77-го во время съемок телеспектакля Валерия Фокина «**Между небом и землей»**. Возлюбленную Миронова там играла Марина Неелова, но за пределами съемочной площадки романа у них не случилось. А вот на Кореневу Миронов, что называется, запал по-настоящему. По словам самой актрисы: «Я

была маленькой вредной козявкой, пребывающей в постоянной печали, в которую почему-то влюбился этот красивый, полный жизненной энергии „сердцеед“ – Андрей Миронов. Казалось, должно было быть все наоборот, ан нет! Он развлекал меня, веселил, рассказывал драгоценные актерские зарисовки, угощал по-царски, дарил цветы, целовал ручку при встрече и, случалось, исповедовался в своих грехах и романах. Его поведение и энергия декларировали безоговорочное приятие самой что ни на есть реальной, земной человеческой жизни, в которой он плавал как рыба в воде и был ее любимцем. Так называемая „достоевщина“, самокопание, надлом, как и любой отказ от земных благ, воспринимались им как поражение. Его доминирующей жизненной эмоцией было восхищение. Он рассказывал о том, как плакал от восторга, наблюдая парад королевских гвардейцев в Лондоне, и с такой же страстью говорил о своей мечте поселиться на речке с трогательным названием Шоша…»

Судя по поступкам, которые Миронов совершал в этом романе, влюбился он сильно. Однажды, когда они с Кореневой были в Ленинграде, он примчался на свидание к гостинице «Астория» на пожарной машине. Он стоял на ее подножке и, поражая всех пешеходов, потрясал в воздухе рукой как циркач-эквилибрист. В другой раз, уже в Москве, он привез своего друга-итальянца к Кореневой в четыре часа утра! И все для того, чтобы показать другу девушку, в которую был влюблен. Иностранец с интересом пообщался с Кореневой, после чего сразил Миронова признанием: «Это не женщина!» Миронов был в шоке: «А кто же это?» – «Это ребенок!» – последовал неожиданный ответ.

Роман Миронова и Кореневой длился недолго – всего лишь во время работы над телеспектаклем. Затем Миронов его собственноручно похоронил. Во время последнего свидания он сказал девушке: «Я понял – вы чистый человек с удивительной женской природой, но вас сломали, втиснули в форму, и вы уже ничего не можете с этим поделать».

Была ли в курсе этого романа Лариса Голубкина, неизвестно. Но даже если бы и знала, вряд ли отнеслась к этому серьезно. Она слишком хорошо знала своего мужа, чтобы бояться за благополучие своей семьи. За три года их брака Миронов не единожды кем-то увлекался, но вопрос об уходе из семьи ни разу не стоял. И жили они вполне благополучно.

Вспоминает Л. Голубкина: «В первое время он часто заводился по какому-либо поводу, и пару раз я ему сказала:

– Андрюша, я же тебя сюда не звала, я не собираюсь мелочиться, больше всего на свете я боюсь выяснения отношений. Мне это неинтересно, это пусто, это никому не нужно, кто лучше,

кто хуже, кто главней и кто не главней, все распределится и разложится по своим полкам все равно…

Не было скандалов, мы совершенно не скандалили. Иногда, конечно, конфликтовали.

– Знаешь, Андрюша, – говорила я ему, – по-моему, ты меня совсем не любишь.

А он говорит:

– А я думаю как раз про тебя. Что ты не любишь…

Все равно получилось, что он оказался самым главным в нашем доме, ему не надо было даже размахивать кулаками, топать ногами. Он бывал грозным, но как-то по пустякам. Если Андрюша за что-нибудь брался в доме, то все вокруг тут же понимали: это главное, что он вообще сделает в жизни, – столько эмоций вкладывал! Злился, если его самолюбие хозяина страдало, самолюбие человека, который все умеет делать в доме лучше всех. Когда он ругался, мы с Машей смеялись. Хотя бы для примера. Помню, мы стол выносили, обхохочешься (маленький красивый старинный столик в кабинете, в Машиной детской). Он тут заорал, потому что это самолюбие заело: он не мог сообразить, как просунуть стол в дверь. Он разозлился и заорал. А Маша, крошка, подошла и говорит:

– Мам, чего это с ним?

Он вдруг очень удивился и спросил:

– Что, вы меня не боитесь?

Она говорит:

– Нет, пап, не боимся!

И тут же с него все как-то свалилось.

– Чего же я ору тогда? Для кого?..

В доме он ненавидел беспорядок, не переносил абсолютно, это было нечто! Устала, нет времени, все равно, дом должен быть идеальным, в любой момент. С первого взгляда трудно. На самом деле это очень хорошо. Скажем, я уезжала на гастроли, и как я уезжала из идеально аккуратного дома, в такой же дом я и приезжала…»

И вновь вернемся к театральному репертуару Миронова. В июне 77-го он выглядел следующим образом: 5-го – «Женитьба Фигаро», 7-го – «Горе от ума», 11-го – «Ремонт», 13-го – «Горе от ума», 15-го – «Клоп», 17-го – «Ревизор», 18-го – «Маленькие комедии…», 19-го – «Клоп» (днем), «Таблетку под язык» (вечером), 20-го – «Женитьба Фигаро», 22-го – «Клоп», 24-го – «Ревизор», 25-го – «Таблетку под язык», 26-го – «Ремонт», 27-го – «Маленькие комедии…», 28-го – «Горе от ума».

Июль начался с «Клопа» (2-го). 3-го Миронов играл в «Маленьких комедиях…». На следующий день по ТВ показали

телеверсию спектакля «**Безумный день, или Женитьба Фигаро»** (19.25). 6 июля Миронов играл в «Ревизоре», 9-го – в «Горе от ума», 10-го – в «Маленьких комедиях…», 11-го – в «Горе от ума», 13-го – в «Ревизоре», 15-го – в спектакле «Таблетку под язык», 16-го – в нем же (днем) и в «Клопе» (вечером), 17-го – в «Горе от ума».

В том же июле Миронов вернулся в большой кинематограф. Как мы помним, последними его ролями на этом поприще были врач-стоматолог Маркел в «Шаге навстречу» и негодяй Илья в «Повторной свадьбе». На этот раз Миронов согласился пройти пробы на роль из разряда необычных – таких героев он до этого ни разу не играл. Речь идет о реальном персонаже времен начала XX века – подполковнике царской охранки (Варшавское отделение) Глазове в историко-революционном фильме Анатолия Бобровского «**Особых примет нет»** (о том периоде деятельности будущего председателя ВЧК Феликса Дзержинского, когда он, бежав из Вилюйской тюрьмы, жил в Польше (1902–1905 годы). Проба Миронова состоялась 18 июля с 9.00 до 18.00 в 3-м павильоне «Мосфильма». Его партнером был литовский актер Юозас Будрайтис. Стоит отметить, что на роль Глазова также пробовались Владимир Заманский и Олег Басилашвили.

19 июля Миронов играл в «Ремонте», 22-го – в «Женитьбе Фигаро», 24-го – в «Клопе».

25 июля он снова приехал на «Мосфильм», чтобы пройти пробы на роль Глазова. На этот раз его партнерами на съемочной площадке были две польские актрисы: Антковяк и Кованьска. Пробы проходили с 15.00 до 24.00. Это были последние пробы Миронова, после чего он был утвержден на роль Глазова. В остальных ролях в картине были заняты следующие актеры: Петр Гарлицки (Дзержинский), Данута Ковальска (Гуровская), Павел Панков (Шевяков), Эва Киви (Альдона), Донатас Банионис (Гартинг), Олег Басилашвили (Николаев), Олег Видов (Сладкопевцев), Юрий Назаров (Прохоров), Виктор Шульгин (Житомирский), Юрий Медведев (Джон) и др.

27 июля Миронов играл в «Ремонте», 29-го – в «Женитьбе Фигаро», 31-го – в «Маленьких комедиях…».

1 августа Миронов сыграл в «Ремонте», после чего его сезон в театре закончился (официальное закрытие состоялось 7-го). В Москве тогда установилась настоящая жара – плюс 30–31 градус, – и единственным спасением для москвичей были выезды на природу. Так, Миронов спасался от жары на родительской даче на Пахре.

12 августа по ТВ вновь показали один из самых смешных спектаклей Театра сатиры «**Маленькие комедии большого**

дома» (20.30). Несмотря на то что за последние шесть лет его крутили по «ящику» неоднократно, аудитория у голубых экранов собралась многомиллионная. И снова «гвоздем» показа была новелла «Ограбление», где блистал дуэт Андрей Миронов – Спартак Мишулин. То, что вытворяли на сцене два этих артиста, доводило зрителей буквально до коликов. Особенно бурная реакция была на ту часть интермедии, где Муж (Миронов) показывал грабителю (Мишулин), как они с женой принимают гостей Птичкина, Сичкина и Чумичкина.

В конце августа Миронов отправился в очередной зарубежный вояж. На этот раз в составе делегации Госкино СССР он посетил с дружественным визитом Мадагаскар и Мозамбик, где до этого еще ни разу не был. Поездка произвела на него неизгладимое впечатление. Домой он вернулся в начале сентября, причем не с пустыми руками – привез родным и друзьям экзотические сувениры.

Спустя несколько дней Миронов отправился в новое путешествие. На этот раз его путь лежал в сердце «загнивающего» Запада – Соединенные Штаты Америки. И эта поездка тоже проходила под киношным флагом – ее организовал Союз кинематографистов СССР, членом которого Миронов был вот уже более десяти лет.

Очередной сезон в Москве Театр сатиры открыл 14 сентября. В тот день показали спектакль «Многоуважаемый шкаф», в котором Миронов занят не был. Он объявился перед зрителями только 17-го в спектакле «Ремонт», а 21-го – в «Женитьбе Фигаро». После чего пребывание театра в Москве временно закончилось: 22 сентября он отправился с гастролями в Югославию, где принял участие в Белградском международном театральном фестивале БИТЕФ. Выступив на нем, «Сатира» отправилась в гастрольный тур по стране, объехав с двумя спектаклями – «Клоп» и «Горе от ума» – четыре города: Загреб, Баня-Луке, Сараево, Тузла.

На родину «сатировцы» вернулись 6 октября. А два дня спустя Миронов уже играл в «Женитьбе Фигаро». Далее шли: 9-го – «Таблетку под язык», 18-го – «Клоп», 22-го – «Маленькие комедии…».

26 октября по ТВ показали очередной фильм с участием Миронова – **«А если это любовь?»** (21.30).

28 октября Миронов играл в «Горе от ума», 29-го – в «Клопе», 30-го – в спектакле «Таблетку под язык».

Ноябрь начался с «Ревизора» (1-го). Затем Миронов играл в «У времени в плену» (2-го и 7-го). В праздничный день 60-летия Великого Октября в семье одного из близких друзей Миронова – Александра Ширвиндта – случилась беда: сын Ширвиндта

Михаил едва не угодил за решетку. Дело было так.

Михаил учился на третьем курсе Щукинского училища и в славный день 7 ноября 1977 года вместе с двумя своими приятелями шутки ради сорвал с ворот Архитектурного института государственный флаг. Молодые люди не придумали ничего лучше, как начать дурачиться: бегали с флагом по улице, подкидывали его в воздух, при этом громко улюлюкали. За этим занятием их и застукал милиционер, которого вызвал к месту происшествия институтский сторож. Далее послушаем самого Михаила Ширвиндта:

«Милиционер сказал: „Та-ак…“ Друзья тут же бросили флаг и выбежали в подворотню. За ними со словами „стой, стрелять буду“ побежал милиционер. А я остался один… Тогда одним касанием я перепрыгнул через какой-то жуткий забор и оказался в еще более маленьком дворике. И надо было сидеть себе спокойно, потому что там меня никто в жизни бы не нашел! Но у страха глаза велики… Я перелез обратно, забежал в ближайший подъезд. Врываюсь в какую-то квартиру, вижу – старуха стоит у плиты. Я как заору: „Где у вас сортир?“ Она мне – туда. Забегаю в сортир, сижу там и думаю – а что я здесь делаю-то? Ведь даже если меня никто не преследовал, то старуха уже точно сейчас позвонила в милицию!

Тогда я спускаюсь вниз, приоткрываю дверь подъезда, смотрю в одну сторону – никого. Выхожу, смотрю в другую сторону, а там – «воронки», толпа народу, все мигает… В общем, уйти мне не удалось. А дальше все было очень неприятно. Меня привели к следователю, стали допрашивать. И главное, что в эту же ночь документы с нашим делом были уже на столе у Гришина, тогдашнего секретаря МК партии, который написал санкцию «разобраться и наказать». Потом на помощь уже было брошено все – и здоровье, и силы родителей… К счастью, попался какой-то уникально порядочный следователь, который прекрасно понимал, что какие-то идиотские балбесы просто дурью маялись, а все шло к тому, что их надо посадить на семь лет…»

Кроме следователя, который вел это дело, ребятам здорово помогли и другие люди. В частности, Андрей Миронов. В свое время с ним в одном классе учился Михаил Мишин, который в те годы занимал должность первого секретаря горкома ВЛКСМ. Миронов обратился к нему за помощью, и тот сделал все, чтобы Михаил Ширвиндт получил минимальное наказание. Парня не стали сажать, но из комсомола и театрального училища все-таки исключили. Он потом устроится работать монтировщиком сцены в театр «Современник», а в наши дни дорос до ведущуго популярной телепередачи «Дог-шоу». Но вернемся в ноябрь 77-го.

11-го Миронов вышел к зрителям в костюме Фигаро. 15-го это был уже костюм современного героя – Мужа из «Маленьких комедий большого дома», 16-го – костюм Хлестакова («Ревизор»), 18-го – Чацкого («Горе от ума»), 21-го – Олега Баяна («Клоп»), 27-го – колхозника Шведа («Таблетку под язык»), 28-го – Паши-интеллигента («Ремонт»), и 29-го – снова Фигаро.

В ноябре свет увидел первый долгоиграющий диск «**Андрей Миронов»**, на котором были записаны 16 песен: «Танго „Рио“, „Песня Остапа“, „Песня на пароходе“ (все – Г. Гладков – Ю. Михайлов; из т/ф „12 стульев“), „Остров невезения“ (А. Зацепин – Л. Дербенев; из к/ф „Бриллиантовая рука“), „Песня черного кота“ (Г. Гладков – Ю. Энтин; из м/ф „Голубой щенок“), „Дуэт Флоридора и Урсулы“ (В. Лебедев – В. Уфлянд; из т/ф „Небесные ласточки“; в дуэте с Н. Балафиной), „Песенка о шпаге“, (Е. Крылатов – Ю. Энтин; из к/ф „Достояние республики“), „Что будет, то и будет“ (Е. Крылатов – Б. Ахмадулина; из к/ф „Достояние республики“), „Песенка о шляпке“, „Женюсь, женюсь“ (обе – И. Шварц – Б. Окуджава; из т/ф „Соломенная шляпка“), „Улыбайтесь“ (М. Блантер – В. Масс, М. Червинский; в дуэте с Л. Голубкиной), „Давай поговорим“ (Э. Ханок – И. Резник), „Воспоминание о прошлом“ (текст – М. Львовский), „Джон Грей“ (М. Блантер – В. Масс), „Коломбо“ (П. Герман), „Таити-трот“ (В. Юманс – К. Подревский).

В начале декабря Миронов играл в следующих спектаклях: 3-го – «Ремонт», 5-го – «Таблетку под язык».

9 декабря на «Мосфильме» начались съемки фильма Анатолия Бобровского «Особых примет нет», где Миронов играл роль из разряда отрицательных: он изображал хитрого и проницательного подполковника царской охранки Глазова, который выслеживает видного революционера Феликса Дзержинского. Первый съемочный день Миронова датирован 12 декабря. В 10 часов утра в 8-м павильоне «Мосфильма» начали снимать эпизод из середины фильма «в кабинете Шевякова» (начальник Глазова) с участием Миронова, Панкова, Карташева, Моталовского. Съемки длились до одиннадцати вечера.

13 декабря Миронов играл в «Маленьких комедиях…».

Утром 14-го он снова приехал на «Мосфильм», где в 11.30 состоялись очередные съемки фильма «Особых примет нет». Были сняты кадры из самого конца ленты – Глазов у министра внутренних дел России Дурново. Отснявшись, Миронов отправился в Театр сатиры, где тем же вечером состоялся спектакль «Горе от ума».

15 декабря съемки фильма продолжились: был снят эпизод «в кабинете Глазова» из начала фильма. Съемки длились до 18.30.

На следующий день Миронов был на «Мосфильме» в 9 утра: снимали «кабинет Глазова» из начала и середины картины с участием Миронова, Панкова, Пяткова и Ковальской. Съемки продлились до 19.30, но Миронов уехал раньше – вечером ему предстояло играть в «Ревизоре». На этом его участие в съемках фильма «Особых примет нет» временно прекратились, и он целиком сосредоточился на спектаклях.

17 декабря Миронов с утра был на репетиции, а вечером играл в «Маленьких комедиях большого дома». 20-го это было «Горе от ума», 21-го – «Ремонт», 23-го – «У времени в плену», 24-го – «Клоп», 26-го – «Женитьба Фигаро», 28-го – «Клоп».

В предверии Нового года телевидение побаловало зрителей водевилем «**Соломенная шляпка»** (21.30).

1978

Уже **1 января 1978 года** Миронов вышел на работу: вечером он играл в «Горе от ума». В эти же самые часы многомиллионная аудитория уселась перед своими телевизорами, чтобы насладиться игрой Миронова и его коллег по Театру сатиры в телеверсии спектакля «**Маленькие комедии большого дома»** (20.30).

В следующий раз Миронов вышел на сцену 3 января – он играл в «Женитьбе Фигаро». И опять в это время по ТВ шла премьера с его участием – показывали телеспектакль В. Фокина «**Между небом и землей»**, где Миронов играл джазового музыканта Климова. По поводу этой работы актера критик В. Кичин писал:

«В телеспектакле Валерия Фокина „Между небом и землей“ по повести Виктории Токаревой „Ехал грека…“ Миронов попробовал себя на поприще литературного театра – по сути, прочитал эту повесть о человеке, который всегда был в центре всеобщего внимания и в одночасье стал никому не нужным: пришла ложная весть о его гибели в авиакатастрофе, и, вчера незаменимый, он легко оказался забытым, его места дома, в семье и на работе, в джазе, где он играл – уникальный и единственный, естественно и бесшумно заполнили другие.

Миронов прочел повесть с экрана, партнеры лишь подыгрывали, обозначали других героев, главная нагрузка падала на чтеца и исполнителя ведущей роли. Эстрадная природа литературного театра вообще делает контакт актера с публикой интимнее и доверительнее – Миронов и обращался с экрана словно бы от себя, это было его размышление о суете, заглатывающей нас всех без остатка, и о том, какой трагически ложной бывает мнимая значительность этой суеты, как легко прожечь свою жизнь впустую…»

5 января Миронов играл в «Клопе». После чего снимался в «Особых примет нет».

10 января по ТВ показали очередной фильм с участием Миронова – «**Льва Гурыча Синичкина»**.

13 января Миронов снова играл в «Клопе». 14-го это был «Ревизор», 15-го – «Женитьба Фигаро», 21-го – «Горе от ума», 22-го – «Ремонт».

23 января Миронов возобновил работу в фильме «Особых примет нет» (как мы помним, в последний раз он снимался 16 декабря). В тот день в 7-м павильоне «Мосфильма», в декорации «конспиративная квартира Глазова», снимали эпизод

из конца фильма, где герой Миронова встречается со своим агентом (польский актер Маталовский). Съемки шли с 9.30 до 18.30.

На следующий день съемки продолжились: Миронов снялся в эпизоде из финала фильма, где его герой, подполковник охранки Глазов, навещает в тюрьме Дзержинского. 25 января съемки этого эпизода были продолжены. Отснявшись, Миронов в шесть вечера покинул киностудию, чтобы уже через час выйти на сцену родного театра в спектакле «Ремонт».

27-го и 28-го он играл в «Маленьких комедиях…», 29-го – в «Клопе», 31-го – в «Ревизоре».

Февраль начался с «Клопа» – Миронов играл в нем 1-го. Далее шли: 6-го – «Горе от ума», 8-го – «Ремонт», 10-го – «Ревизор», 13-го – «Фигаро», 17-го – «Горе от ума», 20-го – «Ремонт», 21-го и 23-го – «У времени в плену», 27-го – «Клоп», 28-го – «Женитьба Фигаро».

2 марта Миронов участвует в пробах к фильму Марка Захарова «**Обыкновенное чудо»** (фильм снимался на «Мосфильме» по заказу Гостелерадио). Они проходили в 12-м павильоне студии с 15.30 до 00.15. Однако эти пробы можно назвать чисто формальными, поскольку роль Администратора Захаров безоговорочно отдал Миронову еще на стадии написания сценария (идею этой экранизации Захарову подбросил руководитель мосфильмовского объединения телевизионных фильмов Сергей Колосов). Стоит отметить, что в Театре сатиры вот уже несколько лет шел спектакль по этой же пьесе Е. Шварца, но Миронов в нем не участвовал. А в фильме Захарова он сниматься согласился без всяких раздумий: во-первых, по причине их давней дружбы, во-вторых, роль у него была музыкальная (музыку к фильму написал все тот же Геннадий Гладков).

Очередной спектакль на сцене родного театра Миронов играл 6 марта – это было «Горе от ума». На следующий день он играл «Ревизора», 10-го – «Клопа», 13-го – опять «Ревизора».

14 и 17 марта состоялось утверждение худсоветом «Мосфильма» исполнителей ролей в картину «Обыкновенное чудо». Состав получился поистине звездным: Евгений Леонов играл Короля, Олег Янковский – Волшебника, Ирина Купченко – жену Волшебника, Александр Абдулов – Медведя, Евгения Симонова – Принцессу, Екатерина Васильева – Первую фрейлину, Юрий Соломин – Хозяина гостиницы, Всеволод Ларионов – Охотника и т. д.

15 марта Миронов играл очередной спектакль – «Горе от ума». 17-го и 19-го это был «Ремонт», 20-го – «Женитьба Фигаро».

После чего Миронов улетел в ГДР, где проводились натурные съемки фильма «Особых примет нет» (там снимали эпизоды, происходящие по сценарию в Швеции).

Вечером 1 апреля Миронов снова блистал на сцене родного театра – в роли Чацкого в «Горе от ума». Далее шли: 5-го – «Женитьба Фигаро», 7-го – «Ревизор», 8-го – «Ремонт».

9 апреля по ТВ (21.35) показали киноальманах «**Семейное счастье»** по рассказам А. Чехова, где в одной из новелл – «Мститель» – Миронов играл роль обманутого мужа Федора Федоровича Сигаева.

11 апреля Миронов играл в «Клопе», а на следующий день отправился в Варшаву, где в те дни проходили натурные съемки фильма «Особых примет нет». На съемочную площадку Миронов вышел 14 апреля в эпизоде из конца фильма «двор варшавской охранки». Его партнершей на съемочной площадке была белокурая эстонская актриса Эви Киви.

Тем временем 15 апреля по советскому ТВ опять показали одну из картин с участием Миронова, причем свежую – «**Повторная свадьба»**. Это была премьера фильма по ЦТ, правда, шла она в неудобное время (16.15) и предназначалась главным образом для глухонемых зрителей (фильм снабжался субтитрами).

15 апреля на «Мосфильме» начались съемки фильма «Обыкновенное чудо», но пока без участия Миронова – его эпизоды будут снимать чуть позже.

16 апреля Миронов в компании все той же Эви Киви вернулся на самолете «Аэрофлота» в Москву. На следующий день он играл в «У времени в плену», 18-го – в «Клопе», 19-го – в спектакле «Таблетку под язык». После чего снова вылетел в Варшаву. 21-го он снялся в очередном эпизоде («улицы Варшавы») с участием Назарова и Гарлицкого. Как окажется, это был предпоследний съемочный день Миронова в фильме «Особых примет нет». Утром следующего дня наш герой вернулся в Москву и вечером играл большевика Всеволода Вишневского в спектакле «У времени в плену». Вот такой парадокс: в течение суток Миронов сначала ходил в образе подполковника царской охранки, а потом перевоплотился в большевика-ленинца.

23 апреля по ТВ состоялась еще одна премьера фильма с участием Миронова – «**Шаг навстречу»**. Картину показали в самый прайм-тайм – в 19.45. Миронов этой премьеры не застал, поскольку аккурат в эти самые часы играл на сцене родного театра в «Горе от ума». 25-го это был спектакль «Таблетку под язык», 26-го – «Маленькие комедии…». На этом Театр сатиры закрыл сезон в Москве и отправился с гастролями в Ленинград.

«Сатировцы» повезли с собой 10 спектаклей и выступали на трех площадках: в ТЮЗе, в ДК имени Горького и Ленина. Пока театр отсутствовал, в его здании шел капитальный ремонт. Что касается Миронова, то он в те дни курсировал между городом на Неве и Варшавой, где находилась съемочная группа фильма «Особых примет нет». Кроме этого, в мае он вырвался на несколько дней в Болгарию, где проходили Дни Москвы в Софии.

1 мая по ТВ показали телеверсию спектакля Театра сатиры «**Малыш и Карлсон»** (16.00), где Миронов играл роль воришки Рулле.

В эти же дни Миронов и Голубкина побывали в гостях у Владимира Высоцкого и Марины Влади на Малой Грузинской улице, 28. Инициатором этого дружеского визита был брат Миронова Кирилл Ласкари, который с недавних пор стал дружен с Высоцким. Сам Миронов до этого с Высоцким практически не пересекался, если не считать каких-то случайных встреч на «Мосфильме» и в театре. Как мы помним, их первая встреча случилась почти десять лет назад – в августе 68-го – и оставила у Миронова не самые приятные впечатления. Он тогда приревновал свою возлюбленную Татьяну Егорову к Высоцкому и оставил ей отметину на всю жизнь – горбинку на носу. Но это было давно и по молодости, поэтому нынешняя встреча обошлась без шекспировских страстей. Теплая компания просидела до утра, беседуя о жизни и искусстве. Высоцкий рассказал о своей новой роли в кино (в те дни он начал сниматься в роли Жеглова в сериале «Место встречи изменить нельзя»), а Миронов говорил о театре и о своем давнем увлечении – джазе. Пили мало, поскольку Высоцкий был в «завязке», а Миронов особо пьющим человеком никогда не слыл. Хотя при случае мог «принять на грудь» немало. Вот как об этом вспоминает его сводный брат К. Ласкари:

«Я никогда не видел, чтобы Андрюшка был пьян. Я-то как раз быстро это делал. А он… Вот мы были в Сочи на гастролх и вдвоем жили в санатории „Актер“. У нас был номер „люкс“. Я писал повесть „Двадцать третий пируэт“, Андрюшку жутко это раздражало, он ходил на цыпочках и играл, будто я большой писатель.

И вот в один из дней Андрюша сказал: «Все, сегодня ты ничего не делаешь, у нас свободный день, придут две барышни, и мы пойдем кутить». Взял со стола мою рукопись и подбросил вверх так, что листы разлетелись по всей комнате.

И мы пошли в ресторанчик на воздухе. Пришли две актрисы.

– Девочки, вам нравится мой брат? – спросил он.

Девочки сделали вид, что нравится.

– Сейчас я вам покажу его настоящее лицо.

Подозвал официанта:

– Значит так, будьте любезны – литр водочки, водички и бутылочку вина.

– Андрюха, это провокация. А еда?

– Еда будет попозже. Надо, чтобы девочки увидели твое подлинное лицо. Засеките время. Я даю ему 15 минут.

Он мне налил фужер водки и себе тоже. Меня почему-то тут же развезло, и через 15 минут я уже лыка не вязал. А потом он долго не мог запихнуть меня в номер и возмущался: «Что такое? Ты как водопроводчик. Я больше тебя с собой никуда не возьму»…»

1 июня Театр сатиры открыл свой очередной сезон в Москве. Однако играть «сатировцам» пришлось не в стенах родного здания, где шел ремонт, а у своих коллег по цеху – в новом здании МХАТа. В тот день был показан спектакль «Бег», где Миронов не участвовал.

Тем временем на «Мосфильме» продолжаются съемки фильма «Обыкновенное чудо». И опять без Миронова. Однако утром 2 июня он объявился в тонателье студии, чтобы записать две песни своего героя – Администратора («Песню про бабочку» и «Пальнул я в девушку») и финальную песню («Давайте вполголоса…»). В записи принимал участие эстрадный ансамбль «Мелодия» под управлением Георгия Гараняна и хор из 12 человек. «Песне про бабочку» суждено будет стать шлягером. Помните: «А бабочка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк, а за ней воробышек прыг-прыг-прыг-прыг…»

Вечером того же дня Миронов вышел на сцену Театра сатиры, чтобы сыграть в «Ремонте». 3 июня он играл в «Горе от ума».

5 июня начались съемки Миронова в «Обыкновенном чуде». Снимать его стали не с первых эпизодов, а с середины – где Администратор и вся королевская свита находятся в трактире. Продолжение «трактирных» эпизодов снимали и на следующий день.

Утром 7 июня Миронов снова был на «Мосфильме», где продолжались съемки «Обыкновенного чуда», объект «трактир». В тот же день прошло наложение песни Администратора, сведение фонограмм.

9 июня съемки объекта «трактир» с участием Миронова продолжились.

11 июня Миронов играл в спектакле «Женитьба Фигаро», 13-го – в «Горе от ума».

14 июня Миронов возобновил съемки в «Обыкновенном чуде». Снимали эпизод, где Администратор общается с Королем и

его свитой.

15 июня Миронов продолжил съемки в «Обыкновенном чуде», а вечером играл в спектакле «Ремонт».

16 июня в «Чуде» снимали эпизод, где приближенные Короля дают Его Высочеству советы, как вывести Принцессу из хандры.

17 июня Миронов не снимался, а вечером играл в «Женитьбе Фигаро».

19 июня он вновь был на «Мосфильме» и снялся в объекте «двор дома Волшебника».

20 июня Миронов снова играл в «Женитьбе Фигаро». На этом его участие в спектаклях родного театра было временно прервано, и актер целиком сосредоточился на съемках у Захарова.

21 июня в «Обыкновенном чуде» снимали начальные кадры с участием героя Миронова: Администратор появляется в оконном проеме, а затем спускается во двор, где делает внушение королевской свите: мол, не приставайте, иначе останетесь без обеда. Далее следовал любовный эпизод. Администратор останавливал жену Волшебника (Ирина Купченко) и без всяких предисловий назначал ей любовное свидание, мотивируя свою поспешность тем, что нет времени на ухаживания. Дескать, вы – привлекательны, я – чертовски привлекателен, чего зря время терять. «Приходите ночью на сеновал – не пожалеете», – произносит герой Миронова фразу, которой потом суждено будет уйти в народ. После чего поет веселую песенку про бабочку («Бабочка крылышками бяк-бяк…»). Однако виртуозное исполнение шлягера не производит на хозяйку должного впечатления. Она возмущается: «Да я на вас мужу пожалуюсь!» «А кто у нас муж?» – интересуется ловелас. «Волшебник. Он из вас крысу сделает». «Предупреждать надо, – тут же идет на попятную Администратор. – Прошу прощения… Был не прав».

22 июня сняли еще два кадра с участием Миронова из эпизода «разговор с женой Волшебника» (15.30—0.15).

28 июня Миронов снимался в объекте «двор Волшебника». Это там Король зовет на помощь своего Администратора, чтобы тот спас его от нападок подданных, которые критикуют Короля за его нерешительность в деле выведения Принцессы из душевного кризиса. Администратор въезжает в сад на автомобиле с открытым верхом. С ходу начинает фамильярничать: «Кто тут обижает этого рубаху-парня, этого, как я его называю, королька?» Тогда же сняли эпизод, где Администратор поет песню «Давайте вполголоса…». На этом его съемки в картине были завершены.

В июле Миронов взял двухнедельный отпуск и уехал на море.

16 июля у Миронова началось еще одно речевое озвучание – в фильме Марка Захарова «Обыкновенное чудо». Поскольку роль

была небольшая, это заняло у него не так много времени – всего три дня.

Этим же летом Миронову поступило весьма лестное предложение с телевидения: ему предложили стать ведущим новой передачи «Вокруг смеха». Стоит отметить, что претендентов на эту роль было несколько десятков, и все же предпочтение в итоге было отдано Миронову. Он поначалу согласился, но потом взял и передумал: сослался на свою чрезмерную занятость в театре и кино (что было сущей правдой). В итоге ведущим этого телевизионного хита станет пародист Александр Иванов. В 1-м выпуске передачи участвовали: Ирина Понаровская (она спела песню об улыбке), Любовь Полищук (монолог «Что такое счастье»), Людмила Гурченко (лукавые куплеты), клоун Андрей Николаев (плясовая «Светит месяц»), Рина Зеленая (монолог зрительницы из зала), Григорий Горин (рассказ), Александр Жеромский (зарисовки мима), а также: Леонид Утесов, Владимир Андреев, Татьяна и Сергей Никитины, Людмила Касаткина, Владимир Зельдин, Владимир Веселовский, Екатерина и Вячеслав Трояны.

21 июля в Прибалтике, в городе Советске Калининградской области, режиссер Наум Бирман начал съемки фильма «**Трое в лодке, не считая собаки»** по одноименной книге английского писателя Джерома Клапки Джерома. С этим режиссером судьба уже сводила однажды Миронова: он снимался у него в небольшой роли врача-стоматолога в комедии «Шаг навстречу». На этот раз у Миронова роль была куда шире, и он играл главного героя – самого автора Джерома Клапку Джерома, – а в напарники себе взял своих коллег по «Сатире» Александра Ширвиндта (Харрис) и Михаила Державина (Джордж). Более того: в картине снималась и жена Миронова Лариса Голубкина (Энн). Короче, те съемки в Советске (снимали также под Черняховском – объект «шлюз») можно было смело назвать веселым междусобойчиком. В роли собаки снимались два фокстерьера Герцех и Грех. У Миронова и Державина отношения с ними наладились сразу, а вот о Ширвиндте этого сказать было нельзя. Однажды в гостинице Герцех так на него осерчал, что сильно тяпнул за палец, прокусив его до крови. В итоге Ширвиндту пришлось сниматься, прикрывая забинтованный палец, – его руку прикрывал красный плед.

В паузах между съемками Миронов успел слетать в Москву, где заканчивалась работа над фильмом «Особых примет нет». Так, 4 августа в течение одного дня (с 12.00 до 0.10) Миронов озвучил почти всю роль Глазова и на следующий день вернулся на съемки «Трое в лодке…». Однако неделю спустя – 11 августа – Миронов опять был в Москве, где принял участие в последней сессии

озвучания (7.30–12.00) фильма «Особых примет нет», после чего до восьми вечера снимался в новом эпизоде, наскоро дописанном сценаристом по решению худсовета студии. В эпизоде, который снимался в декорации «кабинет Глазова», были заняты: Миронов, Басилашвили, Назаров и Гарлицкий. Стоит отметить, что за эту роль Глазова Миронов удостоился гонорара в сумме 1144 рубля (для примера приведу гонорары других исполнителей: Юрий Назаров – 1125 руб., Олег Видов – 888 руб., Павел Панков – 675 руб., Олег Басилашвили – 675 руб. и т. д.).

Между тем в августе на Немане были отсняты практически все натурные объекты в фильме «Трое в лодке, не считая собаки»: шлюз, река, берег с кустарником, берег у кладбища, завтрак на берегу и др. В сентябре неожиданно похолодало, но съемки прерывать не стали и снимали в том же режиме. В простои тогда были записаны только четыре дня: 5, 8–9 и 14 сентября.

Вспоминает А. Ширвиндт: «Стояла осень, и, скажу вам, было не очень уж и тепло. А мы в таких элегантных „плавательных“ костюмах. Замерзали жутко.

Ребятам-водолазам нас было очень жалко. Они потихонечку привозили нам что-нибудь алкогольно-согревающее. Чаще всего – литовскую водку. Мы переливали напиток в медный чайничек и выпивали в перерывах. Режиссер кричит с берега: «Что это вы там пьете?» А мы: «Кипяченой водичкой согреваемся!» Но, честное слово, пьяными мы не были…»

Тем временем 6 сентября в газетах появилось сообщение о том, что родители Андрея Миронова удостоились высоких званий: Мария Миронова стала народной артисткой РСФСР, а Александр Менакер – заслуженным артистом РСФСР. Будучи плотно занятым на съемках, Миронов поздравил родителей по телефону.

13 сентября на «Мосфильме» состоялся просмотр законченного фильма «Особых примет нет». Приведу лишь небольшой отрывок из заключения по фильму, где речь идет о герое нашего рассказа: «В фильме много удачных актерских работ, режиссеру удалось создать цельный и слаженный актерский ансамбль, но даже в нем следовало бы выделить превосходную работу А. Миронова (подполковник Глазов), П. Панкова (полковник Шевяков)…»

15 сентября фильм был показан в Госкино и получил самые лестные отзывы. Кстати, в этот же день руководство «Мосфильма» смотрело еще одну картину с участием Миронова – «Обыкновенное чудо». И вновь: восторги, одобрение, хвала. Правда, с этим фильмом до этого не все было гладко. Еще месяц назад, во время чернового просмотра кое-кто из руководства

студии требовал от Захарова внести в него купюры: в частности, ему предлагалось выкинуть из фильма «Песню про бабочку», поскольку она имеет в себе… сексуальные мотивы. «Это что ваш воробей вытворяет с бабочкой? – вопрошали цензоры у режиссера. – Что это за „шмяк, шмяк“ и „шмыг, шмыг“?» Захарову стоило большого труда убедить ретивых перестраховщиков, что песня эта шуточная и никакого намека на секс в себе не таит. «Съел воробей бабочку – вот и вся история!» – заявил Захаров. И песня осталась в фильме.

16 сентября Театр сатиры открыл свой 54-й сезон в Москве. Поскольку в родном здании на Большой Садовой все еще шел ремонт, спектакли пришлось показывать на других площадках. В частности, на сцене ДК МАИ. В тот день был показан «Замшевый пиджак», в котором Миронов не играл. В те дни он все еще находился в Советске и доснимался в последних натурных эпизодах фильма «Трое в лодке…». Спустя несколько дней он приехал в Москву, но только для одного – чтобы собрать вещи и отправиться с частью труппы родного театра на двухнедельные гастроли в Ташкент. Но лучше бы он туда не ехал. Миронов пробыл в столице Узбекистана всего лишь несколько дней, как вдруг ему стало плохо. У него сильно разболелась голова, причем боли были настолько сильными, что он потерял сознание. По счастью, поблизости оказались его коллеги по театру, которые немедленно вызвали «Скорую». Осмотрев артиста, врачи настояли на госпитализации. Миронова поместили в одну из лучших ташкентских клиник. Как выяснится много позже, у Миронова лопнул сосудик в мозгу. Кровь вытекла и запеклась, создав тем самым искусственную пробку. По счастью, это был всего лишь микроразрыв, однако местные врачи поставили неверный диагноз: серозный менингит. Судя по всему, кризис случился у Миронова не случайно: уж больно интенсивно он в том году работал, совмещая работу в театре, съемки в кино, да еще успевал разъезжать с концертными гастролями по стране. Если бы врачи не ошиблись с диагнозом и провели тогда Миронову операцию, то он бы прожил еще много лет. Правда, при одном условии: ему надо было срочно менять профессию на более спокойную. Но согласился бы он с этим? Вряд ли. Кроме актерской, ни в какой другой профессии он себя не мыслил. Хотя нет, еще мечтал быть переводчиком с английского. Но актерство все равно перевешивало. Об этом слова его друга Григория Горина:

«Вечерний звонок. На часах 11 часов вечера, позади спектакль, в гости Андрей ни к кому не пошел и к себе не позвал (редкий случай), теперь можно отдохнуть перед сном, позвонить друзьям, обменяться новостями…

– Здравствуй, Григорий!

– Здравствуй, Андрей!

– Чего делаешь?

– Пишу про тебя.

– Тема интересная… И как получается?

– Пока не знаю. Прочтешь, скажешь… Впрочем, поскольку пишу не столько для тебя, сколько для читателя, давай проведем короткое интервью по принципу: «что было бы, если бы?..» Например, если бы ты не жил в Москве, в каком городе еще хотел бы жить?

– Не думал… Наверное, в Ленинграде.

– Если б ты не стал артистом, какой профессией хотел бы заниматься?

– Переводами. Быть переводчиком с английского…

– Хотел бы быть знаменитым переводчиком, хорошо обеспеченным?

– Ну, а почему бы нет?

– Хорошо. Итак, ты знаменитый переводчик, богатый человек, у тебя огромная квартира в Ленинграде, машина, «видео» и прочее… И вдруг тебе говорят: товарищ Менакер, готовы ли вы оставить все это и пойти работать в театр артистом… Для начала – в массовках… Оклад – 90 рублей… Пошел бы?

Пауза.

– Идиотская постановка вопроса…

– Нет, ответь: пошел бы?

– Ну, конечно, пошел бы… Хотя «видео» жалко…»

И вновь вернемся в сентябрь 78-го.

Спустя сутки после мироновского кризиса, прервав гастроли в Одессе, в Ташкент прилетела Лариса Голубкина. Она вспоминает:

«Месяц я провела у его постели, он лежал белого цвета в больнице. Придумали эту жуткую историю с менингитом. Если бы тогда сделали обследование и поняли, что это было первое кровоизлияние, то все-таки он мог бы лечиться. В то время в Америке уже делали такие операции. Цареву в таком почтенном возрасте сделали операцию, и он семь месяцев прожил. Значит, если в молодом возрасте это сделать, как знать… Андрею было тогда тридцать семь лет.

Кризис случился сразу после съемки фильма «Трое в лодке…». Я не врач, но я так себе представляю: работали в Тильзите (Советске), там уже была осень, прохладно, они, раздетые, сидели в реке все время, в холодной воде. Все время в воде торчали. Он не простой был человек. Вот, скажем, если Шура Ширвиндт и Миша Державин могли бы и посидеть в сторонке, то

Андрюша все время встревал в режиссерские дела, он все время что-то советовал, суетился постоянно. Ну и в результате – болезнь…»

А вот как про эти же дни вспоминает актриса Театра сатиры Т. Егорова: «Осень 1978 года. Малые гастроли в Ташкенте. Я в Москве, и, как под дых, известие:

– Миронов в Ташкенте умирает. У него что-то с головой!

Что? Говорят, клещ укусил! Какой клещ? Менингит! У меня подкосились ноги. Вся трясусь. Бегу к Наташе (Н. Селезнева. – *Ф. Р.*), – она только оттуда вернулась, – слушаю и плачу, а в груди громко бьется сердце, и я кричу внутри себя: «Какая же я сволочь бесхарактерная, ну почему я не могу его разлюбить? Ну почему? Я ведь так стараюсь…» – и вместе мешаются в платке и слезы, и сопли, и вопли…»

Между тем по Москве тотчас пошли слухи, что Миронов… умер. Но он был жив, лежал уже в столичной больнице и уверенно шел на поправку.

В те дни, когда Миронов лежал на больничной койке, по ТВ состоялась премьера спектакля «**Таблетку под язык»** (2 октября).

В воскресенье, 5 ноября, в Театре сатиры открылся очередной сезон в заново отремонтированном здании на Большой Садовой. Строители заново отделали зрительный зал и фойе, оснастили театр современной электро– и радиоаппаратурой, установили новые удобные кресла в зале. В тот день играли «Клопа» В. Маяковского. В зале был привычный аншлаг, хотя исполнителя роли Олега Баяна – Андрея Миронова на сцене не было – он все еще отходил от «менингита». По этой причине были законсервированы и съемки фильма «Трое в лодке, не считая собаки» (двухмесячный простой обойдется студии в 27 тысяч 900 рублей). На время отсутствия Миронова в театре его роли отошли к молодому актеру Анатолию Гузенко (впервые тот заменил Миронова в спектакле «Маленькие комедии большого дома» еще в 1975 году).

Тем временем 18 ноября, в 21.35 по московскому времени, по ЦТ был показан творческий вечер Андрея Миронова, состоявшийся в концертной студии «Останкино» несколько месяцев назад. По Москве тогда ходили слухи, что Миронов чуть ли не при смерти, поэтому эта трансляция должна была как бы развеять эти домыслы. На самом деле на тот момент все плохое было уже позади: артист выписался из больницы и эту передачу смотрел по телевизору у себя дома. Хорошо помню эту трансляцию и я: Миронов в ней был просто бесподобен, буквально ошарашив зрителей целым каскадом номеров в своем исполнении: здесь были и отрывки из его спектаклей, а также

новые интермедии. Больше всего мне лично запомнилась одна: «Снимается кино», слушая которую я просто умирал от смеха. Честно признаюсь, такого искрометного Миронова я уже давно не видел.

Одна из первых рецензий на эту передачу появилась в «Вечерней Москве» уже 20 ноября. Критик Д. Николаева отмечала искрометный талант бенефицианта, его разноплановость, хотя в конце заметки все же не преминула заметить: «Нисколько не умаляя бесспорных достоинств актера и самой передачи, хотелось бы только посоветовать следующие подобные встречи строить более компактно, тщательно отбирая номера. Ведь знакомство с творчеством артиста дает к тому богатейшие возможности. И вовсе не обязательно было, например, в этой встрече сводить воедино театральные роли Миронова, тем самым несколько затянув всю передачу».

24 ноября в Ленинграде возобновились съемки фильма «Трое в лодке, не считая собаки». В павильонах «Ленфильма» снимали эпизоды из начала фильма: Джером (Андрей Миронов) произносит вступительный монолог; Джером знакомит зрителей со своими друзьями Харрисом (Александр Ширвиндт) и Джорджем (Михаил Державин); дедушка Поджер прибивает картину. Тогда же сняли еще один бенефис Миронова – эпизод «в таверне „Крошка Джо“, где наш герой играл сразу три роли: Джерома, трактирщика и забулдыгу-рыбака.

В среду 6 декабря возле Театра сатиры было отмечено небывалое столпотворение. Люди всеми правдами и неправдами хотели попасть на спектакль «Женитьба Фигаро», где впервые после долгого перерыва должен был играть Андрей Миронов. Актер, буквально вернувшийся с того света. Говорят, особенно остались довольны его возвращением на сцену… продавцы цветов, поскольку обладатели вожделенных билетов (особенно женщины) в считаные минуты скупили у них всю продукцию.

Рассказывает А. Вислова: «В тот вечер Миронов стоял на сцене, еще слабый после болезни, не зная, как удержать в руках все прибывающие цветы, и смущенно улыбался своей неповторимой мироновской улыбкой. Он явно не ожидал такого бурного проявления любви и признательности зрителей, счастливых уже от того, что он снова с ними. Тем более что незадолго до того ему довелось испытать на себе первые признаки пренебрежительного, апатичного отношения со стороны тех, кто еще недавно восторженно писал о его таланте. Не сразу, но все более отчетливо он начинал чувствовать, что теряет свое место среди тех, кто волнует критические умы и определяет течение театрального процесса. Ведущие критики заметно

утрачивали интерес к актеру, не обременяя себя вниманием к происходящим в нем переменам. Их привлекали уже иные имена. Трудно забыть, как на одно только мое предложение дать новый материал о Миронове услышала быстрый, как отмашку, ответ известного и авторитетного критика: „О Миронове? Писано и переписано“…»

На следующий день Миронов был уже в Ленинграде, где продолжались съемки «Троих в лодке…». В те дни был снят эпизод, где герои плутают в лабиринте, пытаясь отыскать своих неожиданных попутчиц Энн, Эмилию и Патрицию (в этих ролях снимались Лариса Голубкина, Алина Покровская и Ирина Мазуркевич).

В эти же дни на том же «Ленфильме» Миронов должен был начать сниматься еще в одной роли – Фарятьева в телефильме по пьесе Аллы Соколовой «**Фантазии Фарятьева»**. В те годы эта пьеса была очень популярна в кругах интеллигенции и шла в нескольких советских театрах. В Москве она была поставлена силами труппы «Современника», и Фарятьева там играл близкий друг Миронова Игорь Кваша. На телеэкран эту пьесу решился перенести знаменитый режиссер Илья Авербах. Ему советовали взять на Фарятьева Георгия Буркова, но он категорически заявил: «Только Миронов! Если он сниматься не согласится – значит, не будет и фильма». Миронов, к счастью, согласился. Съемки фильма должны были начаться 8 декабря, но неожиданно заболел Авербах. Да и Миронов оказался занят на съемках «Троих в лодке…» и делами в театре. В итоге съемки фильма перенесли на январь следующего года.

В воскресенье 10 декабря по ТВ в который раз показали спектакль «**Маленькие комедии большого дома»** (13.30). Этот спектакль по-прежнему шел на сцене Театра сатиры и игрался два дня спустя после телеверсии – 12 декабря. На следующий день и 16-го Миронов играл в «Ревизоре».

17 декабря закончились съемки фильма «Трое в лодке, не считая собаки». Одна «гора» с плеч Миронова упала. Но появилась другая: режиссер Театра на Малой Бронной Анатолий Эфрос пригласил Миронова на роль Дон Жуана в новый спектакль «Продолжение Дон Жуана» по пьесе Эдварда Радзинского (этим спектаклем должна была открыться экспериментальная «малая сцена» Театра на Малой Бронной).

Эфрос начал ставить «Продолжение…» еще год назад, но в силу независимых от него причин не сумел выпустить спектакль в сезоне-78. А когда осенью театр вернулся с гастролей, произошло ЧП: из проекта один за другим ушли сразу два исполнителя – Станислав Любшин и Олег Даль. Потеря последнего (в ноябре 78-

го) была особенно тяжела, поскольку он играл главную роль – Дон Жуана. Хотя, честно говоря, именно потеря Даля была наиболее прогнозируема: на протяжении всего репетиционного периода отношения Эфроса и Даля были весьма нервическими. Это особенно заметно, если открыть дневник Даля. Например, еще в августе 77-го Даль записал следующее откровение: «Эфрос ясен как режиссер и как человек. Просто ларчик открывался. Как человек – неприятен… Как режиссер – терпим, но, боюсь, надоест…»

А вот строки, датированные октябрем того же года: «Эфрос… наделенный ярким талантом видения. Умением почувствовать общий внутренний ритм пьесы и сцены. Как человек. Примитивен и неинтересен, а иногда просто неприятен. Женский характер.

Как режиссер – все через себя. Требует повторения. Отсюда раздражающий меня лично формализм. Решение у него найдено, и довольно легко…

Боюсь, что использует раз и навсегда найденный прием, который в сочетании с различным драматургическим материалом дает неожиданный эффект. С одной стороны, ему нужны личности, с другой – марионетки.

Вернее так: он мечтает собрать вокруг себя личностей, которые, поступившись со своей личной свободой, действовали бы в угоду его режиссерской «гениальности», словно марионетки. Он мечтает не о содружестве, а о диктатуре. Но это его мечта, тщательно скрываемая. Он весь заведомо ложен, но не сложен… Вот в чем для меня заключен основной момент раздражения к Эфросу, к его коллективу, к его искусству».

И, наконец, строчки, написанные Далем уже в разгар репетиций «Продолжения Дон Жуана» – в октябре 1978 года: «Поскольку его (Эфроса. – *Ф. Р.*) «метод» подхода к любому спектаклю претенциозен и даже манерен и одинаков, отсюда он однообразен.

Только пропущенный через актера-личность, метод этот мог бы обрести новое звучание.

В силу его женского характера и… Яковлевой все вынуждены быть подыгрывающими.

Мне эта «роль» не подходит!»

Какое-то время после ухода Даля Эфрос был в прострации, не зная, кем заменить ушедших исполнителей. Помощь пришла с неожиданной стороны – от бывшей возлюбленной Миронова Татьяны Егоровой. Это она, услышав от своего тогдашнего кавалера Радзинского крик души – мол, моя пьеса под угрозой невыхода из-за бегства актеров! – посоветовала обратиться к Андрею Миронову. Драматург немедленно уведомил об этом

Эфроса, и тот чуть ли не воскликнул: «Эврика!» Хотя до этого даже в мыслях не держал эту фамилию. Несмотря на то что однажды уже работал с Мироновым: в телеспектакле «Страницы журнала Печорина». На счастье Эфроса, Миронов его приглашение принял.

Тем временем 20 декабря Миронов снова вышел на сцену родного театра – шел спектакль «Горе от ума». Затем до конца года им были сыграны еще три представления: 25-го – «Горе от ума», 26-го – «Маленькие комедии большого дома», 27-го – «Женитьба Фигаро». В оставшиеся дни он репетировал «Продолжение Дон Жуана». На эти репетиции не могли повлиять даже жуткие холода, которые ударили в те дни в Москве – аж сорок (!) градусов ниже нуля, а по области и все сорок пять. Даже ртутные термометры замерзли и остановились. За прошедшие 100 лет то были самые сильные холода в столице. Как писали газеты, холод этот был вызван вторжением на материк очень холодного воздуха с Атлантики. Объяснение, конечно, правильное, но москвичам от этого было не легче.

1979

1 января 1979 года на голубых экранах состоялась премьера фильма Марка Захарова «**Обыкновенное чудо»** (16.00). Как мы помним, Миронов играл в нем роль пройдохи Администратора. Вечером этого же дня (в 21.40) по ТВ также показали комедию Эльдара Рязанова «Гусарская баллада», где свою звездную роль сыграла супруга Миронова Лариса Голубкина.

К зрителям, пришедшим в Театр сатиры, Миронов впервые в новом году вышел 4 января – в «Женитьбе Фигаро». А на следующий день по ТВ показали «**Маленькие комедии большого дома»** (20.30). В эти же самые минуты Миронов играл на сцене родного театра в «Клопе». Далее спектакли с его участием демонстрировались в следующем порядке: 6-го – «Ремонт», 11-го – «Горе от ума», 14-го – «Женитьба Фигаро». Параллельно он начал репетиции с Анатолием Эфросом в спектакле «Продолжение Дон Жуана». Причем проходили они сначала не в театре, а… дома у режиссера. Вот как об этом вспоминал сам А. Эфрос:

«Я позвал Миронова. Я звал не „на помощь“ – просто, как бы предлагая роль, предлагал поучаствовать в работе. Собственное отчаяние, раздражение и даже злобу я изо всех сил скрывал. Все эти настроения совсем не помогают творчеству, с ними борешься каждый день, стараясь не довести себя до душевного кризиса.

Не знаю, что из всего этого понял Миронов, но с первого же дня мы бодро принялись за работу. И относительную бодрость я смог сохранить даже до выпуска спектакля. Во многом – благодаря Миронову.

Я решил изменить характер репетиций, во всяком случае на первом этапе. Глупо было бы теперь с Мироновым, как раньше с Далем, на глазах все той же кучки заинтересованных зрителей (среди которых нет актеров) опять выходить на сцену вдвоем, как на ринг, и мне вовлекать нового актера в уже проработанный мной и другим исполнителем рисунок роли.

И я постарался отбросить все то, что уже знал о пьесе и о роли. Конечно, это в некотором роде режиссерская хитрость, даже самообман, но он необходим чистоте творческого процесса.

Передо мной был совсем другой актер. Значительный, уже вполне определившийся, зрелый. И совсем не похожий на Даля. Я говорю сейчас не о внешних данных, а о глубинных чертах характера. Даль был замкнут, нервен и нетерпелив. Убийственно остроумен, а иногда невыносим. Все чувствительное и нежное в себе он прикрывал такими парадоксально-обратными защитными красками, что иногда брала оторопь. Миронов, как я уже

говорил, – открыт. Может быть, эта его открытость таила в себе что-то и противоположное, но он мне нравился именно открытым – в этом не было никакого актерского наигрыша. Наигранную актерскую «открытость» я вижу за сто верст и знаю ей цену. Нет, в Миронове была доверчивость. Тут я не ошибся.

И вот я изменил способ работы. Мы с Мироновым начали репетировать у меня дома, выбирая для этого общие свободные часы. Тогда я записал в своей рабочей тетради: «Как хорошо после тяжелой репетиции в театре ждать, что к тебе домой вечером придет Андрей Миронов (тоже, может быть, после каких-то тяжелых дел в своем театре) и мы, не торопясь, будем разбирать с ним роль Дон Жуана в пьесе Радзинского! Немирович считал эти „интимные“ репетиции необходимыми для актера. Но где сегодня взять актера, который считал бы их необходимыми для себя? Миронов занят не меньше других, а больше, и популярен как никто. Но все это: и занятость, и популярность – все оставляет за порогом. Никаких следов спешки или всезнайства. Знал бы он, как благодарен я ему за эту неторопливость, за доверчивые и умные глаза, за готовность искать и вместе что-то обсуждать. Почему все это видишь только в актере, который не привык ко мне? Откуда взять силы, чтобы каждый раз „очаровывать“ своих, которые привыкли? Нет, дело все-таки не в привычке. А в интеллигентности, которую я не смог воспитать в тех, которых считаю „своими“. Удивляюсь, Миронов в моей комнате занимает как-то мало места, но когда надо попробовать что-то в движении, он свободен и размеры комнаты ему не мешают. Попробует, сядет на место и опять смотрит на меня своими голубыми глазами. Я что-то думаю, а он не просто ждет, он тоже думает. И так складно все идет, и так не хочется переносить эту нашу замечательную работу куда-то в толпу, в театр, где будут обсуждать „гастролера“, вместо того чтобы учиться – учиться у Миронова гибкости, детскости, артистизму. Между тем Миронов уже готов, ему есть что сказать, а тому, кто будет играть вместе с ним, сказать совсем нечего.

…Я не знаю, кто учил Миронова мастерству, какую школу он исповедует, каковы его привычки в репетициях. Но он мгновенно понял мою школу, мои привычки. Я же, надо сказать, часто меняю то, к чему привык, и как раз во время работы над пьесой Радзинского меня, что называется, «заклинило» на некотором пересмотре привычного. Возможно даже, что это произошло от новой, необычной для меня обстановки работы. Раньше я как бешеный носился по сцене вместе с Далем, потому что самым главным мне казалось организовать тесное и точное взаимодействие актеров и добиться в этом предельной

активности. Теперь, когда мы сидели вдвоем с Мироновым в моей комнате и я видел постоянно перед собой его умные глаза, мне многое в прежнем способе работы показалось каким-то неосмысленным, а та действенность, о которой я постоянно твердил и заботился, – какой-то моторной и не всегда одухотворенной.

Миронов приносил с собой большую жажду содержательности, чем другие актеры. Вот в чем было дело. И я откликнулся, во мне открылись какие-то новые клапаны…»

15 января Миронов был уже в Ленинграде, чтобы на следующий день начать сниматься в фильме «Фантазии Фарятьева». 16–17 января снимали эпизоды объекта «квартира Фарятьева». Несмотря на то что фильм должен был быть двухсерийным, основных персонажей в нем было немного. Помимо Фарятьева это были: возлюбленная Фарятьева Саша (Марина Неелова), мама Саши (Зинаида Шарко), сестра Саши Люба (Екатерина Дурова), тетка (Лилия Гриценко).

Рассказывает И. Авербах: «Я встретился с Андреем Мироновым во время работы над фильмом „Фантазии Фартьева“. Он приступал к новой работе в моем фильме с опаской – а вдруг не получится? Но с какой же решительностью он бросился в абсолютно новую для себя роль! Он работал, работал, работал, не уставая, не пытаясь надеть на себя столько раз уже надетую и блистательно им освоенную маску лихого, обаятельного, остроумного, музыкального, превосходно двигающегося любимца публики. Он не боялся быть некрасивым, мешковатым, как бы не собой. И постепенно он воплотился в другого человека, начал жить его жизнью, стало ясно, что роль состоялась…»

18 января съемки были отменены из-за неявки одной из актрис. Миронов уехал в Москву, где 19-го играл «Ревизора». Затем он снова уехал в Питер на съемки. В Москву вернулся 23 января и в тот же вечер играл Вишневского в «У времени в плену». Этот же спектакль он играл и на следующий день. Затем снова снимался. 29-го играл в «Горе от ума».

В январе свет увидела очередная пластинка с записью песен в исполнении Андрея Миронова. Речь идет о диске-гиганте **«Песни Булата Окуджавы»**, где было около десятка песен, две из которых исполнял Миронов: «Соломенная шляпка» и «Женюсь, женюсь».

2 февраля Миронов играл в «Маленьких комедиях…», 3-го – в «Женитьбе Фигаро» (по ТВ в 11.50 показали «**Шаг навстречу»**). После этого он снова умчался в Ленинград на съемки (снимали объект «квартира сестер»). Там он пробыл до 11-го. И на следующий день играл на сцене родного театра в «Горе от ума».

13-го это были «Маленькие комедии…». Затем он снова снимался у Авербаха.

17 февраля Миронов играл в «Женитьбе Фигаро», 20-го – в «Маленьких комедиях…», 21-го – в «Ревизоре», 22-го – снимался в «Фантазиях…», 23-го и 24-го – играл в «У времени в плену», 26-го – в «Горе от ума», 28-го – в «Ревизоре».

В февральском номере популярного звукового журнала «Кругозор» была помещена гибкая грампластинка, на которой звучали песни из телефильмов «12 стульев» и «Обыкновенное чудо» в исполнении Андрея Миронова.

Март начался для Миронова с «Женитьбы Фигаро» (2-го). Затем в течение пяти дней он снимался у Авербаха. 7 марта он опять был в Москве и вечером играл Чацкого в «Горе от ума». 8 марта Миронов справил свой 38-й день рождения. Отмечали в доме именинника на Селезневской; гостей пришло, как обычно, под завязку. После чего для Миронова снова начались трудовые будни. А загружен он был тогда, что называется, по самое горло. Помимо съемок в кино и спектаклей, он репетировал сразу две новые роли. Про Дон Жуана на Бронной мы уже говорили. Вторая роль репетировалась на сцене родного театра: это был диспетчер строительно-монтажного управления Леня Шиндин в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся…» по пьесе Александра Гельмана.

Сюжет у пьесы был на первый взгляд незамысловат: на хлебозавод приезжала высокая комиссия из Москвы, которая, найдя у предприятия кучу недостатков, отправилась в обратный путь. Неутешительные выводы комиссии могли стоить карьеры директору завода, который в этих недостатках виноват не был – его недавно назначили на эту должность. Чтобы предотвратить этот исход, в один поезд с комиссией на свой страх и риск садился диспетчер Леня Шиндин со своей женой и сослуживцем. Эта троица и попыталась всеми правдами и неправдами уговорить комиссию изменить свое решение.

Пьеса была очень актуальна по тем временам и шла во многих театрах страны. Достаточно сказать, что в Ленинграде ее показали на сцене БДТ, а в одной Москве ее почти одновременно поставили Театр сатиры и МХАТ (а спустя год ее телеверсию снимет «мама Штирлица» режиссер Татьяна Лиознова, и Шиндина у нее будет играть его тезка Леонид Куравлев).

Касаясь этой роли Миронова, критик А. Вислова писала: «Что могло привлечь к подобной (производственной. – *Ф. Р.*) драматургии Миронова – человека более молодого, скорее индивидуалиста в искусстве и в жизни, актера, далекого от социальной тематики в том смысле, в каком у нас это было принято понимать? Объяснений несколько. Ну, во-первых,

постоянно жившая в нем неутолимая жажда творчества. Во-вторых, предлагалась роль современника, чем он избалован не был. В-третьих, это была пьеса, которую можно отнести к разряду «хорошо сделанных». И, наконец, в-четвертых, конфликт местного значения, касающийся дела о приемке хлебозавода, разрастался в комедии Гельмана в более широкий, нравственный конфликт. В итоге речь шла о позиции человека. Для Миронова это было решающим. «Характер, в котором сконцентрирована дилемма: быть ли деятельным творцом жизни или холодным, циничным, пусть и умным, наблюдателем… Он для меня в какой-то степени Дон Кихот, человек очень нужный в нашей жизни», – так определял для себя образ Лени Шиндина актер…»

И вновь вернемся к регулярным спектаклям Миронова. 14 марта он играл в «Горе от ума», 16-го – в «У времени в плену», 19-го – в «Ревизоре». Затем он взял в театре тайм-аут и уехал на съемки в Ленинград, где Авербах заканчивал снимать павильонные эпизоды «Фантазий Фарятьева». В конце марта Миронов вернулся в Москву и продолжил репетиции спектаклей «Мы, нижеподписавшиеся…» и «Продолжение Дон Жуана».

1 апреля телевидение расщедрилось сразу на два фильма с участием Миронова: в два часа дня показали «Малыша и Карлсона», в 21.40 – комедию, того же 1971 года, «Старики-разбойники». Последний фильм Миронов не застал – он играл в «Ремонте». Три дня спустя это был уже «Ревизор». А 6 апреля в Театре сатиры состоялась премьера: показали спектакль по пьесе А. Гельмана «**Мы, нижеподписавшиеся…»**. Помимо Миронова в спектакле были заняты следующие актеры: Г. Менглет, Н. Корниенко (эта актриса уже в который раз играла возлюбленную героя, которого играл Миронов), М. Державин, В. Венгер, Н. Феклисова, Н. Пеньков, Ю. Воробьев, Р. Александров, Д. Каданов.

Одной из первых на премьеру этой пьесы в двух столичных театрах откликнулась газета «Вечерняя Москва». Критик Инна Вишневская писала следующее: «Во МХАТе в роли диспетчера Лени Шиндина, ведущего действие, – А. Калягин, в Театре сатиры – А. Миронов. Сам выбор этих актеров уже в чем-то предопределяет суть создаваемых ими характеров. Герой Калягина, его неуемная энергия обречены, нерв трагедии живет в каскаде комедийных ситуаций.

Миронов и создатели спектакля в Театре сатиры смотрят на сложившуюся коллизию не столь трагично. Право же, он добьется своего, этот легкий, веселый, обаятельный человек, не столько сокрушенный злом, сколько обомлевший от познания активности этого зла, его проникновения в глубинные поры доброго дела. Растерянность пройдет, напористость останется, герой Миронова

не остановится…

В спектакле мхатовцев герой Калягина заразительно темпераментен, настойчиво бьется в наглухо закрытые двери купе, в котором едут сейчас члены комиссии, так или иначе способствовавшие неправому делу. А на сцене Театра сатиры герой Миронова эти двери чуть-чуть приоткрывает: живой воздух шевелит условные занавески на вагонных окнах. Но так или иначе зрители на обоих спектаклях взволнованны, потому что поднятые там проблемы серьезны и заслуживают внимания».

А вот еще одно мнение – К. Рудницкого: «Нас пленила и сделала болельщиками Лени душа, которой Миронов Шиндина одарил… Мы-то считали его пронырой и плутом, едва ли не жуликом, а видели вдруг человека стопроцентно бескорыстного и самозабвенного…»

Другой рецензент – Н. Крымова – именно после роли Шиндина разглядела в Миронове талант драматического актера: «В блестящем комике полудремал талант драматический – Миронов не просто взрослел, но, очевидно, по-настоящему мужал и вот роль Лени Шиндина отважился сыграть почти в русле трагедии, на ее грани. Трагического накала пьеса не выдержала бы, и Миронов точно останавливается на грани, на самом краю, идеально соблюдая меру…»

8 апреля Миронов играл в «Маленьких комедиях…», 9-го – в «Горе от ума». После этого Миронов уехал в Польшу в составе делегации Госкино СССР. 17 апреля в театре должны были играть «Мы, нижеподписавшиеся…», но из-за того, что Миронов не успел к сроку вернуться из загранкомандировки, спектакль был отменен. 22-го Миронов играл в «У времени в плену», 24-го – в «Клопе», 25-го – в «Горе от ума», 28-го – в «Женитьбе Фигаро» (в тот же день по ТВ, в 21.40, показали «Три плюс два»), 30-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…».

4 мая на ЦТ состоялась премьера – был показан телефильм «**Трое в лодке, не считая собаки»**. Фильм показали в удачное время – в 19.55, когда у экранов собиралась самая многочисленная зрительская аудитория. Фильм смотрел и сам виновник торжества – Андрей Миронов (в спектакле «Маленькие комедии большого дома», который шел в эти же часы на сцене Театра сатиры, его подменял другой актер).

5 мая Миронов играл в «Женитьбе Фигаро», 7-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…», 9-го – в «У времени в плену», 11-го – в «Горе от ума», 14-го – в «Ревизоре», 15-го – в «Клопе», 16-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…». В свободное время он продолжал репетиции в «Продолжении Дон Жуана» – теперь уже на сцене Театра на Малой Бронной. Вспоминает А. Эфрос:

«Мы с Мироновым вдруг как-то ощутимо поняли, что в руках у нас возможность, которую нельзя пропустить, – возможность сыграть своеобразный философский спектакль.

Андрей Миронов – любимец публики, актер поющий и танцующий, исполнитель куплетов и чечеток, мастер эстрады, актер Театра сатиры, где любят репризы и т. п. Но это лишь один облик Миронова. И что-то от всей этой стихии в Дон Жуана вошло. Вошло как тень, как отголосок чего-то оставшегося не только в стороне, но в давнем-давнем прошлом, где-то в веках.

Да, был любимцем, был покорителем сердец, никем другим и не был, ведь он – Дон Жуан! Он просто исчезает, когда появляется Командор. А измениться он не может. И вот эту невозможность измениться, этот шлейф мифа, которым смог поиграть современный драматург, – это Миронов почувствовал уже как драматический актер. Мы разбирали с ним тонкости пьесы, а я думал: господи, как я соскучился вообще по душевной тонкости! Только бы Миронов не устал, только бы не исчез! Только бы воображению моему – а что такое репетиции наши, как не свободная игра воображения? – не был положен неожиданный конец!

Но Миронов продолжает приходить и, по-моему, не теряет интереса. Мы еще не очень далеко продвинулись, но первые восемь страниц текста – это необходимая взлетная дорожка, она должна быть сверхпрочной и лежать в идеально точном направлении.

Я воображаю, будто Дон Жуан пока еще не живой, руки и ноги застыли, и не только руки и ноги – все онемело, как бывает во сне, когда отлежишь руку, она затечет и такая тяжелая, страшная, неживая. Сейчас у него не только руки-ноги, но и сердце, и желудок, почки, шея, глаза – все тяжелое, мертвое и болит, и болит до ужаса. Он оживет только тогда, когда Лепорелло согласится что-то вспомнить. Этот процесс нужно сделать единым, сквозным, стремительным, ибо в медленности – мучительность воскресения. И вот Дон Жуан цепко схватил своего бывшего слугу за шею или просто за рубаху и уже не отпустит его до слова «финита». Он ни за что его не выпустит, не изменит положения – это будет активность, имеющая под собой одно-единственное содержание, рассчитанное не на короткий период, а на восемь страниц текста.

Миронов поднимается с дивана, как-то легко разворачивается, бросается вперед и делает жест – хватает кого-то невидимого и крепко держит. Пока он поднимался, мне жутковато было на него смотреть, потому что в него будто влилась какая-то странная чужая тяжесть. А потом – внезапный

короткий бросок – и в руке будто не просто рубаха партнера (которого сейчас нет), а своя судьба. Сыграть это в коротком комнатном показе может только прекрасный актер. Потому что тут важна сила накопления всего – мысли, чувства, понимания. И когда Миронов это сыграл, я вспомнил хороший джаз, где какой-нибудь солист-виртуоз на одном дыхании стремится вперед, подчиняя одной-единственной цели свою виртуозность. А другие его слушают, чтобы после короткой паузы продолжить уже на других инструментах движение вперед.

Я вижу, что Миронов все понял: эта первая сцена – не 254 реплики, а единый нерв действия. На одном дыхании должна пройти эта сцена. Из получасовой она должна превратиться в пятиминутную. Может быть, в спектакле она будет идти семь или восемь минут, не знаю, но чувствовать ее должны и мы, и зрители как пятиминутную.

Это лишь маленький отрезок дороги, которую следует пробежать, чтобы, завернув за угол, увидеть следующий отрезок.

Вот какие иногда бывают удивительные вещи.

Какой же внутренней техникой нужно обладать, чтобы осилить все это?

Где эти технически оснащенные современные актеры? Где они?

Где те, которые при величайшей техничности умеют сохранять душу, чтобы ничто не превратилось на сцене в пустую форму?

Таких актеров очень немного и у нас, и во всем мире. В Миронове я такого художника нашел. Пусть на время, на один спектакль, но он таким для меня раскрылся…»

А вот слова самого А. Миронова о тех репетициях: «Это было замечательно! Я просиживал у Эфроса допоздна, мы подолгу разговаривали, много раз возвращались к какой-то мысли… Я предлагал решение каких-то сцен, он всегда проявлял к этому неподдельный интерес, мы вместе думали… Меня удивляли и восхищали серьезность, с которой он относился к этой неплановой работе, важность для него самого процесса репетиции. Мы, профессионалы, зачастую как-то очень легко относимся к роли, которая, как нам кажется, не является для нас главной. Для Эфроса такое отношение к работе было глубоко оскорбительным. Я понимал, что этот спектакль не занимал все его мысли, что после наших репетиций он думал уже над другой темой, над другой пьесой, репетировал с другими актерами другой спектакль. Тем поразительнее была та доскональность, терпеливость и скрупулезность, с которыми он исследовал, проникал в суть нашего Дон Жуана.

Я объяснял это просто: он был подлинный художник. Художническое начало составляло, наверное, основу его натуры, было доминантой его характера и образа жизни. За время общения с Эфросом я понял, что он жил только делом, которым занимался, весь мир для него был замкнут на его профессии. Даже увлечение джазовой музыкой было для него не просто хобби. Он считал, что джаз во многом адекватен идеальному действию в театре – игра всех вместе и солирование, разработка отдельной темы и общая кода, импровизационность самочувствия… Помню наши трепетные обмены пластинками, наше совместное упоение джазом. Он тогда вернулся из Японии, привез какие-то агрегаты и получал совершенно детское удовольствие от прослушивания любимой музыки.

Репетируя с ним вдвоем Дон Жуана, я проходил огромную школу работы над ролью. Я не помню, чтобы он занимался разводкой мизансцен. В примитивном театральном смысле мизансцены его не интересовали. Все внешнее, учил он, есть следствие правильного внутреннего самочувствия, внутреннего одержания, а главное – внутреннего действия. Если верно найдена внутренняя суть, верным будет и ее внешнее выражение.

Дальше, когда работа перенеслась на театральные подмостки, репетиции были и очень радостными и одновременно мучительными. Эфрос мог искренне радоваться, заразительно смеяться на репетиции, а на другой день мог прийти трагически неудовлетворенный – в первую очередь самим собой. «Значит, я что-то не так сделал» – с этого всегда начиналось любое его недовольство. И уже потом он предъявлял претензии к актерам. Человек удивительно чуткий и мягкий, главной чертой которого я бы назвал интеллигентность, он мог и срываться, мог быть резок и не каждый раз справедлив. Но и это всегда замыкалось исключительно на моментах художественных и никогда не было связано с чем-то, не имеющим отношения к творчеству. Это было следствие его внутреннего постоянного спора с самим собой, его столь стремительного движения к совершенству, что за этим движением трудно было поспеть. Поэтому в его обвинениях в адрес актеров звучала нота горечи. Жаль, что не все способны были это понимать и затаивали обиду…»

21 мая Миронов играл в «Горе от ума», 22-го – в «Клопе».

23 мая на малой сцене Театра на Малой Бронной состоялась премьера спектакля «**Продолжение Дон Жуана»**. Главную роль играл «варяг» – «сатировец» Андрей Миронов. Уже это вызвало к спектаклю дикий ажиотаж, когда билетов в театральных кассах не было по определению, и зал на премьере заполнили «блатные» – то бишь избранная публика, представляющая театральную и

околотеатральную богему. Таким образом, всего за каких-то два месяца Миронов сыграл сразу две премьеры: в комедии и трагедии. Однако, несмотря на несхожесть жанров, внутренняя схожесть героев была почти полная. Если приплюсовать сюда и героя из телефильма «Фантазии Фаратьева», то картина получалась следующая: на смену Миронову-комику пришел Миронов-трагик. А. Вислова по этому поводу пишет:

«Во внутреннем и внешнем облике актера в роли Шиндина появились новые, незнакомые черты. Такого нервного, загнанного и издерганного Миронова зрители еще не видели на сцене. Вместо свойственной актеру изысканной утонченности сценического поведения на первый план вышли нервозность, физическая измотанность, суетливость, в которых давала себя знать определенная внутренняя надорванность. Былая легкость таяла на глазах, оставался лишь ее отсвет.

В еще большей степени новое состояние артиста проявилось в роли Дон Жуана. Настроения Эфроса и А. Миронова на этом этапе явно совпали. Близилось к концу лирическое самовыражение Эфроса. У Миронова достигает кульминации физическая и душевная усталость, износ сил и нервов. На Малой сцене Театра на Малой Бронной была показана история старости, история о том, как все обугливается, снашивается, оплавляется. Новый Дон Жуан не хотел быть больше баловнем судьбы, вечным любимцем женщин. Он испытывал страшную опустошительную усталость от этой навязанной ему роли, за которой никто не замечал его внутреннего драматизма.

Декорации спектакля представляли что-то вроде фотоателье. Многочисленные зеркала наталкивали еще на одну тему: изображения и отражения. Вместо женских, пожалуй, здесь вполне могли бы висеть портреты Миронова в его ролях, скажем, фришевского Дон Жуана, сыгранного им в 1967 году. Заедание штампом легендарного образа и инерция затянувшейся молодости порождали издерганную трагичность героя. Но при всем том Миронов наделял своего Дон Жуана, как обычно, природной добротой и простодушием, резко контрастировавшими с внутренней скрытой озлобленностью его слуги Лепорелло в исполнении Л. Дурова. Дон Жуан Миронова был беззлобен.

– Дон Жуан – это человек, находящийся в сфере романтической возвышенности, духовности, отличной от современного бытия. Он попадает в реальность, но он не соответствует ей. Он здесь отстранен, – рассказывал мне о своем понимании образа, одновременно размышляя, Миронов. – Притом, что он и эгоистичен, и, может быть, даже жесток. Но все

равно он человек не из нашего времени. Некий прагматизм жизни не может его захватить. «…И все же, чем страсти власть, нет сладостнее власти». Это трагедия духовности, трагедия чего-то возвышенного, красивого. «Я стал стар и никому не нужен», – говорит он. Это жестокость по отношению к себе. И все равно для него каждое мгновение жизни наполнено обожествлением женщины. Это страстность в сочетании с прагматизмом и деловитостью. А его влюбленность в театр? В нем живет высокая духовность, высокая нравственность. В них и сила духа. Лепорелло, напротив, – весь проза жизни, будни. Дон Жуан не может найти себя здесь. Он становится слугой Лепорелло. В этой жизни Лепорелло – властитель. Эта идея привлекала Эфроса в пьесе.

Это же, безусловно, волновало и Миронова. Изживание высокого духа, утверждение в нашей жизни уже не «грядущего», а настоящего хама он испытывал на себе. Свою невписываемость в окружающий пейзаж он ощущал все острее, хотя изо всех сил старался гнать подобные мысли прочь…»

25 мая Миронов играл в «Мы, нижеподписавшиеся…», 27-го – в «Женитьбе Фигаро», 29-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…».

В том же мае Миронов закончил озвучание роли Фарятьева в фильме «Фантазии Фарятьева». За эту роль он получил гонорар в сумме 2300 рублей (гонорары других исполнителей выразились в следующих суммах: М. Неелова – 2025 руб., З. Шарко – 937 руб., Л. Гриценко – 660 руб., Е. Дурова – 627 руб.).

Со спектакля «Мы, нижеподписавшиеся…» начался и первый месяц лета – Миронов играл в нем 1 июня. 2-го это был уже «Ремонт», 4-го – «Женитьба Фигаро», 5-го – «Клоп», 6-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 8-го – «Горе от ума», 9-го – «Продолжение Дон Жуана» в Театре на Малой Бронной.

19 июня Миронов играл в «Женитьбе Фигаро», 22-го – в «У времени в плену», 24-го – в «Ревизоре», 26-го – в «Маленьких комедиях…», 27-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…». Этим спектаклем Театр сатиры закрыл свой очередной сезон в Москве и отправился с гастролями в Ригу. А на его сцене показывал спектакли Запорожский музыкально-драматический театр имени Н. Щорса.

В последний раз в столице Латвии «Сатира» была с гастролями 13 лет назад, и с тех пор много воды утекло. Например, Миронов успел за это время трижды жениться (Татьяну Егорову, с которой он когда-то закрутил роман именно в Риге, можно смело назвать его гражданской женой). На этот раз в Ригу театр привез несколько спектаклей, в том числе и относительно новый – «Горе от ума». Но именно на нем в один из

дней и случился неприятный инцидент.

«Сатировцы» играли спектакли в Театре оперы, и местные сотрудники, проявляя чудеса негостеприимства, позакрывали на ключ все столы в гримерках. А чтобы у возможных взламывателей не появился искус их открывать, они подложили во все ящики специальную ловушку, выстреливающую малиновой краской. Однако о ловушке никто из гостей до поры до времени не знал. Обнаружилось все случайно. Одну из артисток, участвовавшую в спектакле, разобрало такое любопытство, что она во время антракта решила взломать гримерный ящик. Хлипкий замок сопротивлялся недолго и был вскрыт за какие-то три минуты. Но едва актриса потянула за ручку ящика, как ей в лицо брызнула краска. Потрясенная таким коварством, актриса в течение примерно минуты пребывала в шоке, после чего бросилась в туалет. Однако там ее ужас усилился стократно – выяснилось, что краска трудносмываемая. А антракт длился всего полчаса. И актрисе не оставалось ничего иного, как выходить на сцену (а она играла одну из главных ролей!) с лицом, измазанным краской. Говорят, когда коллеги по сцене увидели ее в таком виде, их обуял ужас. Кое-кто, конечно, злорадствовал, но таких было немного. Остальным было жалко актрису и одновременно стыдно за то, что по ее вине происходило на сцене. Практически все свои сцены эта актриса (причем ведущая!) играла спиной к зрительному залу.

В Риге «Сатира» пробыла около месяца, после чего актеры были распущены в отпуска.

10 августа по ТВ был показан концерт (21.35), специально транслировавшийся для космонавтов Владимира Ляхова и Валерия Рюмина, находившихся в те дни на орбите. В концерте принимали участие: Андрей Миронов, Алла Пугачева, Юрий Гуляев, Аркадий Райкин, София Ротару, Микаэл Таривердиев, Булат Окуджава, Вахтанг Кикабидзе, супруги Никитины, Алиса Фрейндлих и др.

В августе состоялись две премьеры с участием Миронова. 11-го по ТВ был показан телеспектакль П. Резникова (это он четыре года назад снял «Возвращение» с тем же Мироновым в главной роли) «**Дачники»** по А. Чехову, где Миронов сыграл роль Дачника. А 29 августа на экраны страны вышел фильм Анатолия Бобровского «**Особых примет нет»**, где Миронов перевоплотился еще в одного героя начала XX века – в подполковника царской охранки Глазова.

1 сентября по ТВ в который раз показали водевиль «**Лев Гурыч Синичкин»** (21.40).

Очередной сезон в Театре сатиры открылся 4 сентября:

давали «Бег» М. Булгакова, в котором Миронов занят не был. Но без работы наш герой не сидел: он активно репетировал свою вторую режиссерскую постановку (первой были «Маленькие комедии большого дома» в 1973 году) – спектакль «Феномены» по пьесе Григория Горина. Правда, в отличие от «Маленьких комедий…», роли в новом спектакле для Миронова не нашлось. То ли в силу недостатка времени, то ли еще по каким-то причинам. Зато для своей бывшей супруги Екатерины Градовой Миронов роль нашел – она играла одну из главных женских ролей. В остальных ролях были задействованы: Роман Ткачук, Михаил Державин, Т. Мурина, Ю. Воробьев, В. Носачев, Б. Плотников и др.

9 сентября телевидение опять порадовало зрителей передачей с участием Андрея Миронова: был показан спектакль «**Безумный день, или Женитьба Фигаро»** (14.00).

Перед зрителями, пришедшими в Театр сатиры, Миронов объявился 14 сентября в костюме Чацкого из «Горе от ума». На следующий день это были «Мы, нижеподписавшиеся…», 17-го – «Женитьба Фигаро». 19 сентября состоялась премьера спектакля «**Феномены»**.

23 сентября по ТВ показали «**Берегись автомобиля»** (19.30). Миронов эту трансляцию не увидел, поскольку аккурат в эти самые часы играл Леню Шиндина в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся…». 24-го это уже была «Женитьба Фигаро», 25-го – «Клоп», 29-го – снова «Мы, нижеподписавшиеся…».

4 октября Миронова снова позвал Эфрос: на Малой сцене Театра на Малой Бронной в десять часов вечера Миронов играл Дон Жуана в «Продолжении Дон Жуана». 5-го Миронов уже играл Чацкого на сцене родного театра, а два дня спустя снова облачился в костюм Дон Жуана. Затем он был занят еще в одном спектакле «Сатиры» – «Женитьба Фигаро» (8-го), – после чего был свободен.

В октябре были подведены итоги фестиваля «Московская театральная весна-79». Андрей Миронов был удостоен диплома второй степени за исполнение роли Лени Шиндина в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся…».

16 октября Театр сатиры отправился на очередные гастроли: на этот раз в Болгарию и Венгрию. Во время пребывания Миронова в Софии у местных телевизионщиков возникла идея пригласить его в новогоднюю программу. Парламентером к артисту отправился композитор Найден Андреев, который должен был уговорить Миронова спеть сочиненную им песню. Как вспоминает композитор, артист встретил его очень радушно и практически с ходу согласился на съемки. «Во время съемок на

Болгарском телевидении я убедился, что он не только высокоодаренный профессионал, но и человек с прекрасным характером, – вспоминает Н. Андреев. – Вся наша группа, снимавшая программу, была захвачена актерским импровизаторским мастерством Миронова, согретым его столь характерной улыбкой…»

После двухнедельного пребывания в Болгарии Театр сатиры отправился в Венгрию. На родину он вернулся 11 ноября, чтобы на следующий день снова открыть для зрителей двери своего театра. В тот вечер там давали спектакль «Ее превосходительство», в котором Миронов не участвовал.

В эти же дни Миронов снова попал в поле зрения киношников. Причем на этот раз это была женщина-режиссер Алла Сурикова. С Мироновым она была знакома шапочно: в 1970 году она работала ассистентом режиссера на фильме «Умеете ли вы жить?», и Миронов снялся там в массовке (помните, он приехал вместе с Марком Захаровым в Харьков, чтобы разыграть Александра Ширвиндта, который снимался в этом фильме в эпизоде?). Второй раз судьба свела режиссера и актера в буфете «Мосфильма». Миронов в форме офицера царской охранки Глазова из фильма «Особых примет нет» стоял в очереди за сосисками, а Сурикова, получив эти же сосиски, сидела за ближайшим столиком. И вот теперь им предстояло познакомиться воочию. В те дни Сурикова задумала снимать фильм по сценарию Эдуарда Акопова «Будьте моим мужем» и мучительно размышляла о том, кого пригласить на главную роль детского терапевта Виктора. Помощь пришла с неожиданной стороны. Ее подруга Любовь Горина предложила кандидатуру Андрея Миронова, которого хорошо знала (Горины и Мироновы давно дружили семьями). Сурикова поначалу удивилась этому предложению, а потом бесстрашно направилась к Миронову «просить его руки».

Как ни странно, Миронов встретил гостью любезно, но не более того. На предложение сниматься он ответил уклончиво: мол, понимаю, что годы уходят, а предложения «руки и сердца» – то есть сыграть лирического героя – поступают не каждый день, но ответить утвердительно пока не могу. Во-первых, занят в театре, во-вторых – здоровье уже не то. А в-третьих, сценарий скуповат. Вот если бы разнообразить его событиями, дополнить музыкальными номерами, полнее использовать южные фактуры, переделать финал и перекроить начало, вот тогда… Сурикова ни капли не обиделась и выдвинула встречное предложение: они со сценаристом переделывают сценарий, а Миронов следующим летом или осенью находит «окно» для съемок. На том они и

разошлись.

16 ноября Миронов играл в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся…», а 20-го снова вышел на Малую сцену Театра на Малой Бронной в «Продолжении Дон Жуана». 23-го это был сатировский Хлестаков в «Ревизоре», 26-го – Чацкий в «Горе от ума», 28-го – Фигаро. 30 ноября Миронов снова играл Дон Жуана у Эфроса.

В субботу 1 декабря Миронов играл в «Горе от ума». Далее шли: 4-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 5-го – «Продолжение Дон Жуана» (Бронная), 7-го – «У времени в плену».

9 декабря на ТВ состоялась премьера фильма **«Тень»** (19.30), где Миронов играл роль Чезаре Борджиа. Премьера, скажем прямо, запоздалая: фильм пришел на голубые экраны спустя восемь лет после выхода в широкий прокат. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

И снова вернемся к спектаклям Миронова. 14 декабря он играл в «Горе от ума», 18-го – в «Ревизоре», 19-го – в «У времени в плену», 20-го – в «Продолжении Дон Жуана» (Бронная), 21-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…», 23-го и 26-го – в «Женитьбе Фигаро».

1980

Наступление олимпийского года Миронов встретил в кругу родных и близких. А вечером 1 января уже играл на сцене родного театра роль Лени Шиндина в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся…», 3-го это была «Женитьба Фигаро», 5-го – «Горе от ума».

В те дни Лариса Голубкина уехала на гастроли в один из городов средней полосы России, и наш герой, предоставленный самому себе, вспомнил о Татьяне Егоровой. 8 января ей исполнилось 36 лет, и Миронов решил это дело отпраздновать. Он пригласил именинницу и их общую знакомую в ЦДЛ, где в тот день шла премьера нового фильма Андрея Тарковского «Сталкер». К этому режиссеру у Миронова было особое отношение – он его чрезвычайно уважал. Была бы воля Миронова, он бы снимался у Тарковского даже в эпизодах, но эта мечта оказалась несбыточной – у Тарковского была другая актерская компания, и места для Андрея Миронова в ней не находилось. Впрочем, так было не только с Тарковским. Миронова не приглашали в свои работы и другие советские режиссеры из числа «продвинутых»: Никита Михалков, Георгий Данелия, Кира Муратова, Алексей Герман (последний, правда, вспомнит о Миронове, но об этом рассказ впереди). Ситуация, когда Миронову в основном поступали предложения от режиссеров рангом пониже, удручала актера. По его же словам: «С точки зрения открытия в себе новых возможностей, кино мне мало что дало… В театре я используюсь в самых разных планах. В кино – пока очень однопланово».

Конечно, Миронову выпадала удача сниматься и у настоящих мастеров кино. Взять того же Эльдара Рязанова, Георгия Натансона или Илью Авербаха. На телевидении это были Анатолий Эфрос, Марк Захаров или Валерий Фокин. Но все же ему хотелось достичь вершины, киношного Монблана, а его покорение без участия в фильмах Тарковского или Михалкова было невозможно. Миронов жаждал расширить свой кинодиапазон, а ему это сделать не давали. А когда это вдруг получалось, вмешивались силы извне. Например, он сыграл превосходную роль в фильме Ильи Авербаха «Фантазии Фарятьева», где впервые предстал в облике героя из разряда трагических, а этот фильм взяли и положили на полку. Фильм был сдан на ЦТ в конце июня 79-го, но телевизионное начальство посчитало его мрачным и о дате выпуска на экран ничего не сообщило. «Покажем, когда представится удобный момент», – было объявлено создателям ленты. В итоге этот момент наступит

спустя два с половиной года (авторы фильма все это время считали, что их детище вообще никогда не увидит свет).

Но вернемся в январь 80-го. После просмотра «Сталкера» Миронов посадил двух своих спутниц в машину и развез по домам. Егорова тогда уже жила на проспекте Вернадского, была свободна от семейных уз и на правах бывшей возлюбленной пригласила Миронова к себе в гости. Они просидели до поздней ночи: вспоминали прошлое, говорили о творчестве. Хозяйка обратила внимание, что выглядит гость неважно. В театре у Егоровой не было возможности разглядеть болезненность вида Миронова, а здесь, за столом на собственной кухне, она это увидела. И едва она завела об этом разговор, Миронов мгновенно на него среагировал. «Да, я серьезно болен, – сообщил он. – Я был у врача, и он это подтвердил». Однако развивать дальше эту тему не захотел: видимо, ему было это неприятно.

Как мы помним, первый серьезный кризис со здоровьем случился у Миронова осенью 78-го. Тогда врачи поставили ему неверный диагноз – серозный менингит, хотя на самом деле это была аневризма. Болезнь была вызвана крайне напряженным ритмом работы актера: он много играл в театре, снимался в кино и успевал еще концертировать в дуэте с женой. Этот бешеный ритм и стал причиной болезни. Однако, едва Миронов выписался из больницы, он снова взялся за старое: несмотря на советы врачей сбавить свои творческие обороты, снова врубил «полную скорость». Стал репетировать сразу две новые роли в театре (Леня Шиндин и Дон Жуан), снялся в кино («Фантазии Фарятьева»), взялся за постановку спектакля «Феномены». И опять стал концертировать по стране. Когда Миронов был с гастролями в Болгарии, некая гадалка в ресторане сообщила ему: «Вы очень многого достигли, но это не предел. Вы сделаете еще очень много такого, что удивит всех. Но учтите, у вас очень плохое здоровье. Вы должны его беречь». Но как можно было беречь здоровье человеку, который был буквально одержим творчеством?

9 января Миронов играл в «Продолжении Дон Жуана», 11-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…». В эти же дни в Москву вернулась Лариса Голубкина. О недавней встрече своего мужа с его бывшей возлюбленной она не догадалась. А может, просто сделала вид, что не догадалась, чтобы не расстраивать себя лишний раз. К тому времени их брак с Мироновым приобрел статус стабильного. Они были официально расписаны, к тому же Миронов совершил поступок, на который долгое время не решался, – он удочерил дочку Ларисы Машу Голубкину. Хотя настоящих отношений у двух его дочерей друг с другом не было: Миронов не хотел, чтобы они полноценно общались. Рассказывает Мария Голубкина:

«Нет, мы не общались. Ну, это вообще такая вещь сложная… Как я могу ответить на вопрос, почему мы с Машей Мироновой не общались? Мы выросли давно, а тогда я же не могла позвонить, сказать: „Здрасьте! Это я, давайте дружить“. Потом, ревность, наверное. У меня ревности не было. Я была таким простым ребенком.

У меня было абстрактно – «Мама, роди ребеночка!», вот так. Сестричку или братика, не знаю. Это все так сложно сказать, чего хочется в детстве. Каждую секунду все меняется. И по-другому человек думает. Он не разбирается ни в чем. Это папа, это мама. Это плохо, это хорошо. Никаких полутонов не существует. Почему говорят, что дети жестоки? Они не знают компромиссов. Есть дети, которые на это способны, но это какие-то умные дети, не я. Но это я не к тому, что я не могла пойти на компромисс, я была достаточно тактична, просто… это надо было бы скорее спросить у папы. Если бы он мог ответить, то и хорошо. А для папы это был закрытый вопрос, и зачем мне на него отвечать? Тут родители должны были как-то наладить отношения, а не мы. Существовала там женщина, здесь женщина, две женщины, матери, как это в принципе может общаться первая жена со второй, если абстрактно так подумать? Могут, наверное, если они соберутся и начнут обсуждать супруга. Вообще женщины – тут и ревность, и обида. Представьте – один мужчина и какие-то там… да еще все девочки. Может, и было бы вначале все прилично, я не думаю, что кто-то драться бы начал, конечно, нет, это я утрирую, а просто – не нужно.

Если папа так выбрал, то так и есть. Это – естественно. Нет вопросов. У меня тоже никогда не было вопросов, честно говоря. Все планировал он. Так вот папа не предлагал нам познакомиться…»

И снова вернемся к спектаклям Миронова. 20 января он играл в «Продолжении Дон Жуана» (Бронная), 21-го – в «У времени в плену», 23-го – в «Ревизоре», 25-го – в «Продолжении Дон Жуана» (Бронная), 26-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…», 28-го – в «Женитьбе Фигаро», 30-го – в «Горе от ума».

Февраль начался для Миронова с выступления в Государственном центральном концертном зале в программе «Поет товарищ кино». Это была традиционная сборная солянка, в которой выступали многие звезды советского кинематографа. Они пели песни из полюбившихся зрителям фильмов, читали стихи, рассказывали монологи и интермедии. К примеру, Миронов пел «Остров невезения» из «Бриллиантовой руки» и «Бабочка крылышками бяк-бяк…» из «Обыкновенного чуда», а также исполнял куплеты из спектакля «Интервенция» и читал

интермедию «Снимается кино». Помимо него в тех концертах (1–4 февраля) были также заняты: Лариса Голубкина, Николай Крючков, Николай Рыбников, Алла Ларионова, Светлана Светличная, Евгений Жариков, Наталья Гвоздикова, Любовь Полищук, Лионелла Пырьева и др.

Параллельно с концертами Миронов продолжал играть и спектакли. 1 февраля это был «Ревизор», 3-го – «Продолжение Дон Жуана» (Бронная), 4-го – «Женитьба Фигаро», 6-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 8-го – «У времени в плену», 11-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 15-го – «Горе от ума», 18-го – «Маленькие комедии большого дома», 20-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 23-го – «У времени в плену», 25-го – «Женитьба Фигаро», 28-го – «Продолжение Дон Жуана» (Бронная), 29-го – «Горе от ума».

26—29 февраля Миронов снова выступал в программе «Поет товарищ кино», которая на этот раз проходила на куда более вместительной площадке – во Дворце спорта в Лужниках (14 тысяч зрителей). Там компанию с Мироновым составили: Лариса Голубкина, Всеволод Санаев, Николай Крючков, Олег Анофриев, Николай Рыбников, Николай Караченцов и др.

1—4 марта Миронов выступал в программе «Поет товарищ кино». Параллельно играл в спектаклях. Так, 2 марта это были «Мы, нижеподписавшиеся…» (спектакль начинался в семь вечера, а концерт в тот день состоялся в час дня).

Рано утром 3 марта (в 7.30) Миронов приехал на «Мосфильм», чтобы принять участие в пробах к фильму Сергея Колосова «**Назначение»**, который должен был сниматься на «Мосфильме» по заказу Гостелерадио. Это была трагикомедия по одноименной пьесе Александра Володина, где Миронову было предложено пройти пробы на роль мягкого и интеллигентного начальника НИИ Лямина. На эту же роль претендовала еще одна звезда советского кинематографа – Олег Янковский. В тот день, 3 марта, помимо двух названных актеров в пробах принимали участие Александр Калягин и Ирина Купченко.

Тогда же окончательно стало ясно, что впереди Миронова ждет еще одна работа в кино: в комедии Аллы Суриковой «Будьте моим мужем». Как мы помним, еще в начале ноября прошлого года Сурикова обратилась к Миронову с предложением сыграть в ее картине главную роль, но Миронов выдвинул условие: перекроить сценарий. Это условие было выполнено, и 3 марта сценарий «Будьте моим мужем» был запущен в режиссерскую разработку.

5 марта Миронов снова был на «Мосфильме». На этот раз его партнером на съемочной площадке была одна Ирина Купченко. Пробы шли с 10.00 до 14.00.

7 марта худсовет утвердил актеров на главные роли в «Назначение». Роль Лямина досталась Андрею Миронову. Помимо него в картине подобрался превосходный актерский ансамбль. Так, на роль матери Лямина была приглашена… мама Миронова Мария Владимировна Миронова, на роль Любы – коллега Миронова по Театру сатиры и его вечная театральная «дама сердца» Нина Корниенко. В других ролях были заняты: Ирина Купченко, Александр Калягин, Александр Граве и др.

Вечером 7 марта Миронов играл в «У времени в плену». В день своего рождения 8 марта (ему исполнилось 39 лет) Миронову тоже выпало работать: он играл Дон Жуана на Малой сцене Театра на Малой Бронной. И публика, пришедшая в театр к десяти часам вечера, буквально завалила именинника цветами. На следующий день Миронов вполне заслуженно отдыхал и праздновал еще одни именины – Ларисе Голубкиной исполнилось 40 лет.

10 марта Миронов снова вышел на работу – играл Чацкого в «Горе от ума».

Утром 12 марта на «Мосфильме» прошли репетиции с участием Миронова и Купченко. Вечером Миронов играл в «Мы, нижеподписавшиеся…».

13 марта репетиции в «Назначении» продолжились: на съемочной площадке опять работали два актера – Миронов и Купченко.

15 марта Миронов играл в «Горе от ума».

18 марта начались съемки «Назначения». Съемочной площадкой стала одна из улиц Москвы, где сняли эпизод «подъезд учреждения» из начала фильма с участием Миронова и Купченко. Съемки шли с 11.00 до 20.00. На следующий день опять снимали на улицах Москвы тех же актеров. А 20 марта Миронов уже снимался один: сняли самое начало фильма. Работа продолжалась с 7 утра до пяти вечера.

21 марта Миронов с утра снимался (прошла съемка фонов под титры), а вечером вышел играть Хлестакова в «Ревизоре». 22-го это уже было «Продолжение Дон Жуана» (Бронная), 23-го – «Женитьба Фигаро».

24 марта в 8 утра Миронов был на «Мосфильме». Там, в 11-м павильоне, прошло освоение декорации «комната отдела» с участием Миронова, Корниенко, Граве и Платонова. Работа продолжалась до пяти вечера. На следующий день состоялась съемка. Были сняты эпизоды из начала фильма.

26—27 марта съемки объекта «комната отдела» были продолжены. Работа закончилась в шесть часов вечера, после чего Миронов отправился в театр, где ему предстояло играть в

спектакле «Мы, нижеподписавшиеся…».

28 марта снова снимали «комнату отдела» с участием Миронова и Платонова.

30 марта Миронов играл в «Женитьбе Фигаро».

Апрель начался для Миронова со съемок в «Назначении». Утром 1 апреля в объекте «комната отдела» были сняты эпизоды из середины фильма с участием Миронова, Платонова и Граве. Вечером наш герой играл в «Ревизоре».

2 апреля опять снимали «комнату отдела». А на следующий день съемки переместились в другую декорацию – «кабинет и приемная». На съемочной площадке играли Миронов и Купченко (эпизоды из середины фильма).

4 апреля с утра Миронов снимался в «Назначении» («кабинет и приемная» из начала фильма), а вечером играл Дон Жуна на Малой Бронной. После чего он уехал из Москвы на гастроли.

В эти же дни (11 апреля, 21.40) по ТВ показали один из лучших фильмов с участием Миронова – «**Достояние республики»**. Учитывая, что в последний раз этот боевик крутили на голубых экранах достаточно давно – почти три года назад (в апреле 76-го), – аудитория у телевизоров собралась огромная. И снова над страной разнеслось: «Вжиг, вжиг, вжиг, уноси готовенького…»

На съемочную площадку Миронов вернулся 15 апреля – снимали всю ту же декорацию «кабинет и приемная». На следующий день снимали ее же. А вечером Миронов вернулся на сцену родного театра – играл Всеволода Вишневского в «У времени в плену».

17 апреля с трех дня до двенадцати ночи Миронов снимался в «Назначении» в декорации «кабинет и приемная». На следующий день с утра снимали ее же, а вечером Миронов играл в «Продолжении Дон Жуана» (Бронная).

19 апреля с утра Миронов снимался, вечером играл в «Горе от ума». 20-го от съемок он был освобожден, но вечером опять вышел играть спектакль – «Мы, нижеподписавшиеся…».

21 апреля у Миронова весь день были съемки «кабинета и приемной» (с 10 утра до одиннадцати вечера). На следующий день утром он опять снимался, а вечером вышел играть спектакль «У времени в плену».

Между тем в те дни отец нашего героя Александр Менакер в очередной раз угодил в больницу. Пробыл он там около месяца, после чего вернулся домой, в дом на улицу Танеевых. Малость отдохнул и вновь собрался вместе с женой на очередные гастроли – в родной Ленинград. Миронов даже не стал отговаривать родителей от этой затеи, поскольку в творчестве сам был таким

же неудержимым. И никакие ссылки на слабое здоровье на него тоже не действовали.

Но, прежде чем отправиться на гастроли, Менакер и Миронова выступили в «левом» концерте в Москве. Организовал его в каком-то столичном НИИ их давний знакомый – артист Театра Советской Армии Федор Чеханков. В том НИИ «Москонцерт» показывал представление из артистов второго, а то и третьего эшелона (как раньше говорили, «жопкин хор»), но институтские хотели видеть у себя «звезд». Вот Чеханков и вызвался вторым отделением дать «левака». И позвал помимо супружеского дуэта Менакер – Миронова (они должны были исполнять свою старую интермедию «Сынок») еще нескольких популярных исполнителей: Ларису Голубкину, Владимира Зельдина, Сергея Юрского и др. Все они согласились выступать не раздумывая, поскольку им предлагался «наличман» – то бишь наличные, в три, а то и в четыре раза превышавшие официальную концертную ставку.

Вспоминает Ф. Чеханков: «Я заехал за ними. Они, как штык, уже ждали у подъезда. У Марии Владимировны щеки от волнения пылали. Александр Семенович был бледен. Как потом оказалось, уже в гриме: лицо слегка припудрено, губы чуть-чуть подкрашены – так всегда гримировались старые артисты эстрады. Конечно, он шутил, но волнение у обоих чувствовалось огромное, им предстояло выступать после долгого перерыва. Когда приехали, всех нас спрятали в отдельной комнате, чтобы артисты „Москонцерта“ не поняли, в чем дело. Они закончили „первое отделение“, зрителей попросили подождать пять минут. „Москонцерт“ уехал, и зрителям предъявили нас в качестве главного сюрприза. Я, как ведущий, взял бразды правления в свои руки, и началось „второе отделение“. Дошла очередь и до Мироновой с Менакером. Объявляя их, я понял, что сам страшно волнуюсь… Но все прошло как нельзя лучше.

«Наличман» в тот вечер получился приличный, 60 рублей каждому. Сегодня смешно слышать. Но тогда 15 рублей 50 копеек были высшей концертной ставкой, а за сольный концерт в лучшем случае можно было получить три ставки, то есть 45 рублей. Марии Владимировне и Александру Семеновичу досталось 60 и 60. Это была месячная пенсия Марии Владимировны. Пенсию она получала обычную, как все. Никакой персональной ей не полагалось. Кстати, она очень комплексовала по этому поводу: «Ну конечно, я же не заработала у советской власти особенную пенсию». (И это при том, что Миронова была народной артисткой СССР. – *Ф. Р.*) Болезненно она воспринимала и тот факт, что Александру Семеновичу долго не давали звания. По-моему,

звание заслуженного артиста он получил позже, чем сын. До тех пор, пока Александр Семенович не стал «заслуженным», Мария Владимировна требовала писать на афишах только их фамилии, без званий.

…Выступали они в тот вечер всего минут 20, но Мария Владимировна выскочила за кулисы пунцовая, а Александр Семенович, бледный, тут же, за киноэкраном, упал на скамью и принялся считать пульс. Пытаясь отвлечь его от дурных мыслей, я подал конверт: «Александр Семенович, чем пульс считать, вы бы лучше гонорар посчитали!» Он улыбнулся.

После концерта я повез их на Селезневку, к Андрею и Ларисе. Ехали долго, и Александр Семенович все дорогу острил: «Как говорил Миша Гаркави, у нас сегодня – один очередной (имелось в виду концерт) на Шпицбергене». У него было потрясающее настроение, он словно преодолел преграду, взял высоту. Лариса наготовила массу чего-то вкусного, пришел после спектакля Андрей. Это был один из самых потрясающих вечеров в жизни их семьи. Может быть, последний в их еще мирной, еще спокойной жизни. Александр Семенович сел за рояль, вспоминал и наигрывал знаменитые танго, а Мария Владимировна смешно пародировала какую-то польскую певицу. Андрей включил магнитофон и весь вечер записал на пленку. Андрей казался счастливым, как ребенок, – он безумно любил родителей, они все были вместе, ему наверняка чудились голоса из детства, отголоски той старой богемы, что каждый день бывала на Петровке: Утесов, Поляков, Ласкин, Зощенко… Весь цвет литературной, художественной, музыкальной, театральной Москвы пел песни, танцевал и разыгрывал друг друга у Мироновой с Менакером… В тот вечер Мария Владимировна еле увезла Александра Семеновича домой. Он «гулял»…»

22 апреля, в день 110-й годовщины со дня рождения вождя мирового пролетариата Ульянова-Ленина, Миронов с утра снимался в «Назначении» в декорации «кабинет и приемная». Его партнерами по съемкам в тот день были Купченко и Граве. На следующий день объект «кабинет и приемная» был закончен. 24 апреля Миронов с 9 утра до шести вечера участвовал в съемках комбинированных кадров (вместе с Калягиным). На этом первый этап съемок был закончен, и начался частичный монтаж отснятого. Миронов, воспользовавшись паузой в кино и театре, отправился на очередные гастроли по стране.

5 мая возобновились съемки «Назначения». На улице Павла Корчагина в Москве с 12.00 до 22.00 был снят объект «учреждение» из начала фильма с участием Миронова, Калягина, Купченко, Граве. На следующий день съемочная группа

отправилась в Барвиху, где были сняты еще ряд натурных эпизодов с участием Миронова и Купченко. Вечером Миронов играл в спектакле «У времени в плену».

8 мая киношники вернулись на «Мосфильм»: в 13-м павильоне начали снимать объект «квартира Лямина». В тот день были сняты несколько кадров, в том числе и самые первые с участием Миронова и Купченко.

Тем временем 5 мая начался подготовительный период фильма «Будьте моим мужем». Надо было выбрать натуру, построить декорации, подобрать актерский ансамбль. Поскольку один исполнитель уже был выбран – Андрей Миронов, – Сурикова предложила ему самому выбрать себе партнершу. Отсняв пробы нескольких актрис, она показала их Миронову. И тот выбрал Елену Проклову. Как выяснится позже, он давно «положил глаз» на нее как на женщину и мечтал во время съемок сделать объектом своего романа. Что из этого выйдет, мы узнаем чуть позже, а пока вернемся в май 80-го.

9 мая Миронов играл в спектакле «У времени в плену». 11-го это было «Продолжение Дон Жуана» (Бронная).

12 мая съемки «Назначения» продолжились: снимали «квартиру Лямина». В тот день на съемочной площадке впервые сошлись Миронов и его мама, которая, как мы помним, играла мать его героя. Помимо них в съемках участвовали Ирина Купченко и Леонид Броневой. Для последнего этот съемочный день станет первым и последним: роль ему почему-то разонравится, и он от нее откажется. В итоге ее исполнит другой актер – Воронов.

13 мая снимали все ту же «квартиру Лямина» с участием Миронова, Мироновой и Купченко. Съемки шли с трех часов дня до двенадцати вечера.

На следующий день на съемочной площадке работали лишь двое актеров – Миронов и Купченко.

16 мая Миронов играл очередной спектакль – «У времени в плену». На следующий день это было уже «Горе от ума», 18-го – «Женитьба Фигаро».

19 мая с утра Миронов снимался в объекте «учреждение» на улице Павла Корчагина (его партнершей была его коллега по «Сатире» Нина Корниенко), а вечером играл в «Ревизоре». На другой день история повторилась: утром съемки («квартира Лямина», там впервые появился актер Воронов, заменивший Леонида Броневого), вечером – спектакль «Мы, нижеподписавшиеся…».

22 мая Миронов только снимался (9.00–18.00). Затем он уехал на очередные концертные гастроли по стране.

27 мая Миронов снова вернулся на съемочную площадку «Назначения». Снимали натуру возле Балчуга и у Дворца спорта в Лужниках с участием нашего героя и Ирины Купченко. Работа длилась с 14.00 до 23.00. На следующий день группа вернулась на «Мосфильм», где в одном из кабинетов сняли эпизод «в кабинете Куропеева» из начала фильма с участием Миронова, Калягина и Купченко.

29 мая с утра Миронов снимался с мамой («квартира Лямина»), а вечером играл в спектакле «Продолжение Дон Жуана» в Театре на Малой Бронной.

30 мая Миронов участвовал в озвучании фильма «Назначение» (7.30–16.00).

В те же дни Миронов был одержим идеей новой постановки: он хотел поставить пьесу Бертольда Брехта «Трехгрошовая опера» и сыграть в ней главную роль – лондонского бандита Мекхита по кличке Мекки-нож. Когда он пришел с этим предложением к Валентину Плучеку, тот, как ни странно, встретил эту идею с воодушевлением. Пишу «как ни странно», поскольку в последние годы отношения между главрежем и премьером театра заметно изменились. Причем не в лучшую сторону. То ли Плучек стал ревновать Миронова к его успеху, то ли боялся, что тот может претендовать на его место, но былого благорасположения режиссер к артисту уже не испытывал. И безвозвратно канули в лету те времена, когда Плучек ласково называл Миронова «наше солнышко». И в гости друг к другу они уже не ходили. Теперь они обращались друг к другу исключительно по имени-отчеству: «Валентин Николаевич» – «Андрей Александрович».

Итак, Плучек идею Миронова встретил положительно и разрешил приступать к репетициям. Но прошла какая-нибудь пара недель, как Плучек изменил свое решение. Нет, спектакль он сохранил, но Миронова от роли режиссера отстранил – решил ставить его самостоятельно. Миронов ожидал от своего учителя чего угодно, но только не такого поворота. И впервые за все время пребывания в Театре сатиры у него появилась мысль о никчемности его дальнейшего пребывания в этом театре. Однако решиться на уход в одиночку ему было тяжело. Помогла Татьяна Егорова. Плучек и ее умудрился оскорбить: назначил в «Трехгрошовой опере» на роль проститутки из массовки. И она решила уйти. С ней за компанию решился и Миронов (он хотел перейти в Ленком к своему другу Марку Захарову, благо тот давно ему это предлагал). Но ничего из этого не вышло. Причем ни у Миронова, ни у Егоровой. И причины были разные: ее уход не состоялся из-за того, что главный режиссер театра, куда она собиралась уходить, был снят со своей должности, а уход

Миронова сорвался потому, что они с Захаровым собирались поставить спектакль о Кромвеле, но Главрепертком эту постановку запретил. И Миронов вернулся к роли бандита Мекки-ножа.

Тем временем близятся к концу съемки «Назначения». 2 июня на проспекте Вернадского были сняты несколько кадров с участием Миронова и Купченко. Работа велась с 8 утра до пяти вечера. На следующий день съемочной площадкой стал универсам на улице 26 Бакинских комиссаров. Снимались все те же: Миронов и Купченко (14.00–23.00).

4 июня с утра Миронов участвовал в озвучании «Назначения», а с 16.00 снимался на проспекте Вернадского в эпизоде «у входа в учреждение». Это был последний съемочный день Миронова в «Назначении».

5 июня Миронов участвовал в озвучании фильма (с Ниной Корниенко).

6 июня Миронов играл очередной репертуарный спектакль – «Женитьбу Фигаро».

11—12 июня Миронов озвучивал роль Лямина в «Назначении».

В театре в эти же дни он в течение недели три раза сыграл Чацкого в «Горе от ума» (10-го, 13-го и 16-го). 18 июня это были «Мы, нижеподписавшиеся…», 19-го – «Продолжение Дон Жуана» (Бронная), 21-го – «Ревизор», 22-го – «Женитьба Фигаро».

24 июня Миронов снова был на «Мосфильме», но уже в связи с другим кинопроектом – фильмом Аллы Суриковой «Будьте моим мужем». В те дни в самом разгаре был подготовительный период и шли актерские пробы. Как мы помним, главная мужская роль была с самого начала отдана Андрею Миронову. Он же нашел и героиню – Наташу: из нескольких молодых актрис выбрал ту, которая ему больше всего понравилась – Елену Проклову. Именно с ней в тот день и была проведена кинопроба. Она прошла в телеателье с 12.00 до 16.00, и в ней, помимо Миронова и Прокловой, приняла участие еще одна актриса, которую впоследствии утвердят на роль хозяйки курортного бунгало Альбины – Нина Русланова.

25 июня с утра Миронов работал на «Мосфильме» над озвучанием «Назначения», а вечером (22.00) играл в «Продолжении Дон Жуана» (Бронная).

27 июня состоялась последняя для Миронова сессия озвучания в «Назначении» (16.00–24.00). За роль Лямина ему выдали гонорар в сумме 2888 рублей (другие исполнители получили: Ирина Купченко – 2400 руб., Александр Калягин – 1350 руб., Мария Миронова – 360 руб., Нина Корниенко –

162 руб.).

28 июня Миронов опять был на «Мосфильме»: в тот день с 16.00 до 24.00 там состоялись очередные кинопробы к фильму «Будьте моим мужем». На съемочной площадке работали двое взрослых актеров – Миронов, Проклова – и несколько детей (из них выбирали мальчика, который должен был сыграть сына героини Прокловой).

Вечером 1 июля Миронов играл в «Женитьбе Фигаро». 4-го это был Леня Шиндин в «Мы, нижеподписавшиеся…», 7-го – Чацкий в «Горе от ума».

В 10 утра 3 июля Миронов снова приехал на «Мосфильм». До двух часов дня при помощи оркестра и ленинградского мюзик-холла он записывал песни для фильма «Будьте моим мужем».

8 июля на ЦТ была принята картина «Назначение». Обычно время от приемки фильма до его выхода на экран исчислялось несколькими месяцами. Однако в случае с «Назначением» выйдет иначе – он будет идти к зрителю полтора года. А все потому, что руководство ТВ посчитает его неудачным. Как скажет один из телевизионных начальников: «У вас Миронов сам на себя не похож!» Что по сути было верным замечанием. Но ведь в этом и была одна из главных изюминок этой картины, в чем начальники с ТВ явно не разобрались.

9 июля Миронов играл Вишневского в «У времени в плену», 12-го – Шиндина, 16-го – Хлестакова в «Ревизоре».

Тот июль оказался богат на события, причем самого разного толка: от веселых до трагических. 19 июля (в этот день в Москве открылись летние Олимпийские игры-80) свой очередной день рождения праздновал Александр Ширвиндт. Торжество проходило на квартире именинника в высотке на Котельнической набережной. Народу было приглашено много, и практически все – представители творческой богемы. Поскольку в тот же день в Москве начались Олимпийские игры, то, естественно, торжество было окрашено в спортивные тона. И поздравления крутились тоже вокруг этого. Так, Миронов облачился в спортивную футболку и трусы (на голове белая повязка), а Эльдар Рязанов – в рубашку и полосатые трусы, на груди – спортивная медаль, в правой руке – олимпийский факел. В таком виде они и произнесли торжественный спич в честь юбиляра.

23 июля Миронов играл в «Женитьбе Фигаро». А на следующий день с утра (10.00) участвовал в кинопробе к фильму «Будьте моим мужем». Съемка велась на натуре, на Воробьевском шоссе, и в ней помимо нашего героя участвовали Елена Проклова и мальчик Филипп Адамович (сын художника фильма), которого утвердили на роль сына Наташи Ильи. Съемки шли до двух часов

дня.

25 июля по Москве со скоростью молнии разнеслась весть о том, что в своей квартире на Малой Грузинской умер Владимир Высоцкий. Миронов с Голубкиной узнали эту новость одними из первых – от кого-то из коллег по театру. Известие их буквально ошеломило. Они не считали себя друзьями Высоцкого, однако с недавних пор были вхожи в его дом (впервые это случилось два года назад) и поддерживали с ним приятельские отношения. В их фонотеке были его пластинки с дарственной надписью, а среди магнитофононных катушек кассета с его песнями.

Вечером того скорбного дня Миронов играл Леню Шиндина в «Мы, нижеподписавшиеся…», 27-го это был Вишневский в «У времени в плену».

28 июля состоялись похороны Высоцкого. На них побывало чуть ли не пол-Москвы. Однако коллег покойного на них было не так много, как могло бы быть, поскольку большинство столичных театров в те дни были на гастролях, а многие из артистов, кто все же находился тогда в Москве, не пришли попрощаться с Высоцким, испугавшись чиновничьего гнева. Та же ситуация была и в Театре сатиры, администрация которого категорически запретила своим артистам идти на похороны. Но смельчаки все равно нашлись. Среди них был и Андрей Миронов, который приехал к Театру на Таганке, где проходила гражданская панихида, вместе с Ларисой Голубкиной (остальные «сатировцы» двинулись туда от здания театра, возглавляемые Верой Васильевой, у который был специальный пропуск).

Вспоминает Т. Егорова: «Вдруг распахнулись двери Театра сатиры, на ступеньки выскочил возмущенный директор и стал истерически кричать: „Остановитесь! Не смейте туда ходить! Я вам запрещаю! Не смейте! Это безобразие! Я вас всех перепишу!“

Мы у Театра на Таганке. На крышах домов сидят, стоят люди. Все близлежащие площади и переулки до отказа набиты людьми. Мы пробираемся в помещение театра. Посреди сцены гроб с… ним. Его отпевал отец Александр Мень – через несколько лет его убьют топором по голове.

Возле гроба стоит Андрей. Возложил цветы. Ему осталось жить семь лет…»

30 июля Миронов играл в «Ревизоре».

Август начался для Миронова с роли Чацкого в «Горе от ума» – он играл его 2-го. 4-го это была «Женитьба Фигаро». На этом Миронов свой очередной сезон в Театре сатиры закрыл (официальное закрытие состоялось 8 августа спектаклем «Феномены») и отбыл с супругой на гастроли в Астрахань. Отыграв концерты, они вернулись в Москву и спустя несколько

дней отбыли на отдых за «бугор», в Страну тюльпанов – Голландию. Две недели там предавались восхитительному отдыху, попутно делая набеги на местные магазины с целью покупок разного рода сувениров. При этом от Голубкиной не скрылся тот факт, что ее супруг покупает себе модные шмотки с прицелом на Сочи, где через месяц должны были начаться съемки фильма «Будьте моим мужем». Миронов явно хотел произвести там на кого-то впечатление, но на кого именно, Голубкина пока не догадывалась. Она лишь подозревала, что это, судя по всему, была женщина.

Той незнакомкой была партнерша Миронова по фильму «Будьте моим мужем» Елена Проклова. В те дни она начала сниматься в картине (с 18 августа) и пока даже не подозревала, что уже стала объектом внимания со стороны Миронова. Кстати, съемки велись в Сочи: снимали эпизоды с участием Прокловой (Наташа) и Филиппа Адамовича (Илья).

6 сентября Театр сатиры отправился с гастролями в Сочи. Миронову там пришлось работать на два фронта: всю первую половину дня сниматься в «Будьте моим мужем», а вечером играть спектакли. Как ни странно, ему это удавалось.

Первый съемочный день Миронова датирован 7 сентября. С 9 утра до шести вечера он снимался в объектах «сад» и «сарай» из первой половины фильма. Его партнерами по площадке были Нина Русланова и Антон Табаков. На следующий день съемки продолжились: снимали объект «теремок» (эпизоды из конца фильма) с участием Миронова, Филиппа Адамовича и Руслановой. Работа длилась до шести вечера. Затем Миронов играл спектакль.

9 сентября снимали объекты «сад» и «сарай» с участием Миронова, Адамовича, Гринько и Крачковской. На этот раз рабочий день складывался иначе: съемки начались в час дня и продолжались до десяти вечера. А вот на следующий день съемочной группе пришлось подниматься ни свет ни заря – в живописном местечке Лоо в 5 утра начались съемки объекта «комната Альбины» (конец фильма) с участием Миронова, Руслановой, Светина. Работа длилась до восьми вечера.

11 сентября съемки переместились на сочинский пляж «Горный воздух». С пяти утра до двух часов дня там снимали эпизод, где Виктор и Наташа выясняют отношения – он учит ее, как надо воспитывать ребенка.

Вспоминает А. Сурикова: «На курорте хорошо отдыхать. А вот работать!.. Море. Солнце. Пляж. По пляжу идет Андрей Миронов, любимец всей страны. Конечно, поклонники, а особенно поклонницы, облепляют съемочную площадку. Кричу:

„Посторонние, отойдите от камеры! Уберите женщин от камеры!“

Андрей – в мою сторону: «Всех не перевешаете!»

12 сентября снова работали на пляже: снимали окончание спора Виктора и Наташи.

Вспоминает А. Сурикова: «Тот день был довольно холодным. Андрей все равно вынужден был войти в воду и делать вид, что ему жарко. Я болела и сидела на берегу в куртке и шапке. Андрей плавал около берега и кричал весело:

– Наденьте на постановщика дубленку!»

13 сентября группа вернулась в Лоо и с пяти вечера до двух часов ночи снимала объект «комната Альбины» из середины фильма. Участники: Миронов, Проклова, Русланова. На следующий день снимали «теремок» (эпизоды из первой половины фильма) с участием Миронова, Прокловой и Адамовича. Работа шла с четырех дня до часу ночи.

Стоит отметить, что хозяином участка в Лоо, где велись съемки, был добродушный мужчина. И в саду у него росли дивные груши и инжир. Естественно, члены съемочной группы не могли удержаться, чтобы тайком не дегустировать эти прекрасные плоды. В итоге так надегустировались, что за считаные дни сад опустел чуть ли не на половину. Но хозяин не стал устраивать скандал. Он к тому же оказался человеком с юмором и горько резюмировал:

– Я понимаю теперь, почему люди, работающие в кино, называются «съемочной» группой. Они весь урожай снимают! Притом всей группой!

Как мы помним, партнершу себе Миронов выбрал сам – Елену Проклову, в надежде закрутить с ней на съемках роман. Но его ждало разочарование: баловень судьбы, любимец женщин, Миронов оказался не героем ее романа. Проклова приехала на съемку не одна, а со своим тогдашним гражданским супругом врачом Александром Дерябиным. У них тогда была дикая любовь. В разгар съемок Дерябин сорвался из Сочи на заработки и в назначенное время не объявился. Проклова мгновенно захандрила. Видя ее состояние, Сурикова разрешила ей отправиться на поиски возлюбленного. На календаре было 15 сентября. Вскоре из Пятигорска пришла телеграмма: «Умыкнул Лену на пару дней».

Пока Проклова проводила время с мужем, съемки продолжались без нее. Так, 16 сентября должны были снимать в сочинском парке, но из-за сильного ливня съемку пришлось отменить. Два последующих дня тоже не снимали, и Миронов играл спектакли.

Съемки возобновились 19 сентября. В тот день с 9 утра до

6 часов вечера снимали начало фильма: Виктор на улице сталкивается с незнакомой девушкой; Виктор приезжает на юг и пытается устроиться в гостиницу. Здесь партнером Миронова был Олег Анофриев. После съемок Миронов съемочную площадку не покинул: вместе с вернувшейся в Сочи Прокловой он с семи вечера до двенадцати ночи репетировал танец, который должны были отснять в ближайшие дни. Кстати, ставил им танец не кто иной, как сводный брат Миронова Кирилл Ласкари, которого взяли в картину в качестве балетмейстера.

Вспоминает А. Сурикова: «Была у меня привычка показывать двумя пальцами, указательным и средним, направление съемки:

– Будем снимать в эту сторону (пальцы вперед). Потом в эту (пальцы влево). Потом повернем камеру сюда (пальцы к себе).

Сама же этого не замечала.

Снимали эпизод, в котором герой Миронова на пляже спрашивал у кого-то, где его место.

– Мотор!

Андрей Александрович идет. Навстречу ему человек из массовки.

– Понимаете, – говорит Миронов. – Я лежал (и «моими» пальцами – вниз). Рядом лежала женщина (пальцы в сторону). Я встал (пальцы вверх)…

Группа упала от хохота, а я – прозрела…»

20 сентября первую половину дня Миронов посвятил репетиции танца, а вторую (19.00–24.00) съемкам: снимали объект «гостиница» из начала фильма. Участники: Миронов, Анофриев.

21 сентября в кадре наконец объявилась Елена Проклова. Сняли приезд Наташи с сыном на юг (объект «вокзал»), а также несколько кадров из объектов «сад» и «сарай» с участием Миронова. После съемок состоялась очередная репетиция танца.

22 сентября снимали объекты «парк» (из начала фильма) и «сарай» с участием Миронова, Прокловой и Адамовича. Съемки длились с 9 утра до 6 вечера. Потом Миронов играл спектакль.

23 сентября снимали эпизоды в парке (Наташа забирает у Виктора паспорт и оставляет ему сына). Участники все те же: Миронов, Проклова и Адамович. Съемки велись до шести вечера, после чего Миронов играл спектакль.

24 сентября группа переместилась на пляж возле пансионата «Жемчужный». В съемках была занята все та же троица: Миронов, Проклова и Адамович. После съемок Миронов играл очередной спектакль.

25 сентября съемочной площадкой стал ресторан «Кавказский аул», где с 11 утра до 8 часов вечера снимали эпизод, в котором

Виктор ревнует Наташу к кавказцам. Поскольку у Суриковой однажды уже был неприятный инцидент со спиртным на съемочной площадке (в фильме «Суета сует»), она в этот раз решила не рисковать и дала команду разлить в бутылки из-под шампанского, стоявшие на столе, лимонад «Буратино». Людей для массовки ассистенты режиссера набрали из местного населения. Однако одного из них, того, который должен был находиться в кадре с Мироновым и Прокловой, Сурикова отобрала сама и за руку привела на съемочную площадку. Потом она об этом чуть не пожалела. Как выяснилось, этим человеком был… директор ресторана Гиви. Узнав, с кем именно он будет сниматься, он незаметно дал команду работникам своего ресторана, чтобы они заменили бутылки с лимонадом на бутылки с настоящим шампанским. И съемка началась.

Примерно где-то через час Сурикова стала подозревать неладное. Уж больно игриво вели себя на съемочной площадке актеры. После очередного дубля режиссер решила проверить свои подозрения. Она налила себе в стакан «лимонад» и поняла – шампанское! Она чуть ли не с кулаками набросилась на Гиви: «Как вам не стыдно! Что это такое?» Но тот лишь широко улыбнулся: «Алла Ильинична, неужели вы могли подумать, что я, директор этого ресторана (а Сурикова до сего момента этого не знала), снимаясь с самим Андреем Мироновым, буду пить с ним лимонад?! Вах!..»

Когда в съемке был объявлен перерыв, хозяева незаметно увели Миронова со съемочной площадки. Киношники хватились актера, когда подошло время возобновлять съемку. Сурикова заметалась по съемочной площадке: «Где Миронов?» Нашли актера с помощью сценариста Эдуарда Акопова. Миронов сидел в баре за роскошым столом и пил вместе с хозяевами заведения. Сурикова схватилась за голову: «У нас же съемка!» Но Миронов ее успокоил: «Алла, теперь я делаю наоборот: пью вместо шампанского лимонад».

26 сентября съемки в «Кавказском ауле» были продолжены: снимали начальные кадры застолья. На этом объект «ресторан» был закончен.

На следующий день группа снова вернулась на пляж у пансионата. С 9 утра до шести вечера там снимали эпизод, когда Виктор, Наташа и Ильи приходят на пляж искупаться, а также самый смешной эпизод фильма – встречу Виктора с незнакомцем (Владимир Басов), который отдает Виктору свою одежду, поскольку тот по ошибке считает, что она принадлежит ему. После съемок у Миронова был очередной спектакль.

Вспоминает А. Сурикова: «За гулом моря не слышно, что

говорят артисты, за головами любопытствующих не видно самих актеров. А в кадре Андрей Миронов и Владимир Басов! И мне очень хочется понять, про что они там играют… Тогда я пошла на режиссерский подвиг: сняла с себя все до купальника и улеглась рядом с ними. Заодно пришлось и сняться – правда, в кадре только мои ноги. Остальное я, как требовательный художник, выкинула при монтаже…»

28 сентября съемки велись на берегу моря: снимали эпизоды из начала и конца фильма с участием Миронова, Прокловой и Адамовича.

Вспоминает А. Сурикова: «Был такой администратор – Сергей Сергеевич Каграманов. Невысокого роста, горбатенький. Миронов очень смешно изображал его. Он набрасывал на голову пиджак, скрючивался. Подходил ко мне:

– Я Каграманов. Спросите меня, где Беленький (оператор фильма. – *Ф. Р.*).

– Где Беленький?

– А х… его знает! А теперь спросите, где Жаворонкова?

– Где Жаворонкова?

– А х… ее знает! А теперь спросите: где взять водки?

– Где взять водки?

– Я знаю!

И Миронов – Каграманов, крутанувшись вокруг горба, мгновенно исчезал за бутылкой.

Между тем, если с Каграмановым у съемочной группы отношения были нормальными, то вот с директором фильма – увы… Это была деловая и хваткая женщина, которая никогда не лезла за словом в карман. И могла так обматюгать, что мало не казалось. Из-за нее съемочную группу со скандалом покинули ассистент по реквизиту, помощник звукооператора и актер Георгий Ронинсон. По словам А. Суриковой:

«Я пыталась протестовать. Но силы были неравными. На нервной почве у меня даже открылись разные болезни: то бессонница замучит, то фурункулез… (Выручала Лена Проклова: поила чудесным чаем из целебных трав.) Когда вся группа отправлялась обедать, я уезжала в поликлинику, где мне чего-нибудь взрезали или вскрывали, и я снова возвращалась на съемочную площадку. Но однажды, когда у меня заплыл глаз так, что я почти ничего не видела, я сообщила Алле, что вынуждена отменить съемку.

– Ничего! – ответила Алла. – Незаменимых режиссеров нет. Шепитько заменили, и вас заменят. (Режиссер Лариса Шепитько за год до этого – в июле 1979 года – погибла в автокатастрофе)…»

29 сентября в Лоо снимали «комнату Альбины» и «теремок» с

участием Миронова, Прокловой и Адамовича. Работа длилась с 15.00 до 24.00. На следующий день с утра Миронов и Проклова репетировали танец, а во второй половине дня (с 15.00) снимались в объекте «сад» (эпизоды из первой половины фильма). Их партнерами были Адамович и Русланова. Съемки длились до одиннадцати часов вечера.

1 октября снимали объекты «сад» и «комната Альбины» из конца фильма с участием Миронова, Прокловой, Адамовича и Руслановой. Работа длилась с 7.30 до 16.00.

В тот же день Театр сатиры открыл сезон в Москве. Показывали спектакль «Чудак», в котором Миронов не был занят. Он все еще находился в Сочи, где шли к завершению натурные съемки фильма «Будьте моим мужем», и не оставлял своих попыток обаять Проклову. Но девушка оказалась на удивление «крепким орешком». Миронову не помогли ни его обаяние, ни модные шмотки, предусмотрительно купленные им в Стране тюльпанов. Более того: Проклова взяла да и закрутила роман с художником фильма (как мы помним, именно его сын Филипп играл в фильме роль Ильи). Их роман произошел молниеносно. Художник приехал в Сочи всего-то на пару-тройку дней навестить сына и в итоге остался на куда больший срок. Из-за Прокловой он потом бросит жену-француженку с двумя детьми, а Елена оставит своего врача. Они проживут года два, но в результате все равно расстанутся. Но это будет чуть позже.

Миронов сильно переживал свое фиаско с Прокловой. Так сильно, что это не скрылось от внимания его жены, которая находилась от него за тысячи километров. И в начале октября Голубкина примчалась в Сочи. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Он раскатал губу, я думаю, а она там другого себе нашла. И я его пожалела. Он меня позвал, я приехала. Компания такая – вот он, вот она, в середине Сурикова живет, так три номера подряд, и все там замечательно, и смотрю, Лена, вся в шляпах, крутится перед ним, моложе ведь, блондинка, голубоглазая. Андрюша, чувствую, переживает что-то. Смотрю, там художник, бородатый, а он был женат на француженке, у него все там французское, красивое. Я думаю, тут у Андрюши накладка произошла. Но помню, что там я нервничала. Потом оказалось, напрасно. Но был момент, когда он был напряжен. И это напряжение отражалось на мне. Все колотушки в мою сторону. Он же не мог к ней подойти и сказать: „Лена, ты что?“ Он срывался на мне. Вот единственный момент в моей жизни сложноватый. И тогда он однажды сказал мне:

– Как ты на мать похожа!

Не знал, что сказать уже. И сказал комплимент, потрясающий комплимент…»

2 октября снимали объекты «комната Альбины» и «сад» из финала фильма с участием все той же четверки. На следующий день были отсняты объекты «сад» и «дорога к морю».

4 октября сняли «сад» и «комнату Альбины». С шести вечера до двенадцати ночи Миронов и Проклова репетировали танец. На следующий день съемок не было, прошла только репетиция танца.

6 октября – выходной день. В преддверии Дня Конституции – 7 октября – небольшая часть съемочной группы (Миронов, Голубкина, Сурикова и еще человек пять) отправились в ресторан «Кавказский аул». В тот день по случаю праздника ресторан был забит под завязку, причем самой разнообразной публикой. Волею случая за соседним от киношников столиком оказались… местные братки. Узнав в своем соседе самого Андрея Миронова, те не стали скупиться и прислали ему… ящик шампанского. Это был королевский жест, но Миронов того заслуживал. Затем братки на какое-то время забыли про своих соседей, чем несказанно их обрадовали. Но ближе к концу застолья они опять напомнили о себе. На этот раз самым непосредственным образом. Один из них нетвердой походкой приблизился к столу, где сидели киношники, и внезапно потребовал:

– Я попрошу всех мужчин встать.

Понимая, что отказ выполнить эту просьбу может обернуться грандиозным скандалом, киношники медленно поднялись со своих мест. После чего браток объявил:

– Я прошу выпить за нашу советскую Конституцию!

Как выяснится позже, в тот день в «Кавказском ауле» проходила регулярная сходка «воров в законе».

7 октября, несмотря на праздничный день, с утра (8.00) проводились съемки. Снимали объекты «сад» и «сарай» в Лоо (вторая половина фильма) с участием Миронова, Прокловой и Адамовича. Когда съемки закончились, хозяин участка на прощание устроил для киношников прощальный банкет и выставил на стол угощение: фрукты и огромную бутыль молодого виноградного вина. Киношники один за другим говорили тосты. Но самый красивый произнесла Елена Проклова. Причем начало его было ошеломляющим. Актриса встала, подняла в руке стакан с вином и заявила:

– Я ненавижу кино. Да, ненавижу!

И после продолжительной, мхатовской, паузы (кстати, Проклова тогда играла именно в МХАТе) продолжила:

– Кино соединяет людей на короткое время. Люди становятся

друг для друга родней родных. Но только на фильм… На один фильм. А потом расстаются навсегда. Бежишь потом по студии, мелькнет знакомое лицо, крикнешь впопыхах: как дела? Но ответа уже не слышишь, да и не ждешь – ведь ты бежишь в другую киножизнь…

8 октября съемки велись на улицах Сочи с участием Миронова, Прокловой, Адамовича и Анофриева. Снимали до шести вечера.

9 октября съемки переместились на пляж. Снимали начало встречи Виктора с незнакомцем (Владимир Басов) и одиссею с джинсами; объяснение Виктора с Наташей по поводу своего раздетого вида. Работа длилась с 6.45 до 16.45. Тем же вечером часть съемочной группы уехала в Москву. Среди них были Миронов, Проклова, отец и сын Адамовичи, Кирилл Ласкари, Олег Анофриев. Однако остальные остались и продолжили съемки. Так, 10 октября в Лоо снимали объект «сад». Там же велись съемки и два последующих дня. После чего работа в Сочи была завершена.

На сцену родного театра Миронов вышел вечером 10 октября – играл Чацкого в «Горе от ума». Далее шли: 12-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 14-го – «Женитьба Фигаро».

16 октября к четырем часам дня Миронов приехал на «Мосфильм», чтобы в 4-м тонателье студии участвовать в озвучании фильма Эльдара Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово». Миронов читал в нем текст от Автора и пел две песни: «Друзьям» и «По селу бегут мальчишки…». Озвучание длилось до 24.00.

Вечером 18 октября Миронов снова играл в «Женитьбе Фигаро». 20-го это было «Горе от ума», 24-го – «Ревизор», 27-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 29-го – «Ревизор».

5 ноября Миронов играл в «Мы, нижеподписавшиеся…», 7-го – традиционно в «У времени в плену».

11 ноября Миронов возобновил работу в картине «Будьте моим мужем». В тот день съемочной площадкой стала московская детская поликлиника № 7 на улице Молдагуловой (у метро «Ждановская»). Там с 8 утра до шести вечера снимали кадры из начала фильма: Виктор лечит юных пациентов. В тот же день сняли один кадр из финала фильма с участием Миронова, Прокловой и Адамовича.

14 ноября свет увидел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении А. Миронова медалью «За трудовую доблесть» за большую работу по подготовке и проведению игр 22-й Олимпиады в Москве.

17 ноября Миронов снова снимался в «Будьте моим мужем». В

той же поликлинике № 7 с 8.00 до 18.00 снимали то, как Виктор лечит юных пациентов (самое начало фильма).

На следующий день съемочной площадкой стал актовый зал Дома медицинского работника в Москве (улица Герцена, 19), где прошла репетиция песен и танца в исполнении Миронова.

19 ноября состоялись съемки: снимали, как Виктор и Наташа танцуют на сцене. Увы, но этот эпизод целиком вылетит из окончательного варианта фильма.

21 ноября Миронов снова вышел к зрителям Театра сатиры – играл в «Горе от ума». Далее шли: 24-го – «У времени в плену», 26-го – «Женитьба Фигаро», 28-го – «Ревизор», 30-го – «Мы, нижеподписавшиеся…».

В ноябре свет увидела очередная грампластинка **Андрея Миронова**, где были записаны четыре песни: «Баллада о манекенах», «Баллада о вечном движении», «Баллада о рыцарях», «Баллада о сказочных трубачах» (все – А. Кальварский – Н. Денисов, Э. Нахамис).

Декабрь начался с «Ревизора» (3-го). 5-го это была «Женитьба Фигаро», 7-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 15-го – «Женитьба Фигаро».

18 декабря свет увидел еще один указ: на этот раз Президиум Верховного Совета РСФСР объявил о присвоении Андрею Миронову звания «народный артист РСФСР». Это был редкий случай, когда актер в 39 лет получал столь высокое звание. Однако ни у одного из поклонников Миронова даже мысли не возникло о скороспелости подобного указа. Все прекрасно понимали, что кто-кто, а уж Андрей Миронов был истинно народным артистом. Причем не только в пределах РСФСР, но и на всей территории Советского Союза. К сожалению, до звания народного артиста СССР Миронову дожить будет не суждено. Но об этом чуть позже.

Вечером того же дня в Театре сатиры именинник давал банкет. Пришло около ста человек – вся труппа плюс друзья и коллеги Миронова из других театров. Однако истинных друзей Миронова среди собравшихся было не так много – все больше завистники. А их в родном театре было предостаточно. А. Левинский рассказывает:

«Если говорить поверхностно, по первому плану – зависть была. Какая-то волна вокруг Андрея гуляла, не то чтобы недоброжелательства, но смутной напряженности. Можно ли это назвать завистью? Наверное, можно. Ревнивый взгляд, который хочет найти, скорее, что-то уязвимое. Это как оборотная сторона медали: публика его выделяет, ставит недосягаемо выше, видит все самое лучшее. Только преимущества. Ну а Андрей забирал все

интересные роли, в каждом спектакле неизбежно попадал в центр внимания.

Каждый человек, который идет работать в театр, думает, что именно он будет в центре. Таково актерское самосознание. А если ты понимаешь, что тебе слабо, то у кого-то эта рана остается, редко удается пережить естественно и легко тот факт, что рядом с тобой такой превосходный партнер. Это сильный удар по самолюбию.

Многие искренне понимали, почему все интересное достается Миронову, но были и такие, которые думали: «Что ж это такое, почему все ему да ему?» Были актеры, которые хотели его роли играть: а чем я хуже, я что, не могу так же и даже лучше? Такие встречались тоже. Считали, что все Андрею достается по блату. Все! Смешно говорить, конечно. А в основном коллеги понимали, что у Андрея есть определенный заряд, который мало у кого есть и который дает действительное, настоящее, естественное право быть в центре.

Но от этого не легче, даже труднее. И за это хотели, чтобы он двадцать пять раз здоровался, двадцать пять раз одалживал в долг, чем-то свою удачливость и звездность компенсировал. И если он так себя не ведет, то, значит: «А-а-а, зазнался! Мы – одно, серая масса, а вот у нас есть свои гении, это – другое».

Ю. Васильев: «Андрей широкий был человек, щедрый. И шикарный. По размаху щедрости у него в „Сатире“ был только один соперник – заместитель директора Геннадий Зельман. Конкуренты любили друг друга, но еще больше обожали необъявленную игру „кто кого“. Кто шикарнее накроет стол. У кого роскошнее будет букет для дамы…

Администраторы знали, что если Миронов кого-то приглашал на свой спектакль, то всегда покупал билеты. Никогда не пользовался бесплатными пригласительными и контрамарками. Играл спектакль, а перед этим говорил: «Пожалуйста, организуйте стол для моих гостей». Давал деньги, а после спектакля не всегда даже заходил. Его спрашивали: «Андрей Александрович, подойдете?..» – «Да нет, угощайте людей». Или когда на гастроли уезжали, в аэропорту тоже всех угощал: понимал, что нет у артистов денег, суточные – 2 рубля 60 копеек.

И никому в театре не отказал в просьбе: всегда ходил хлопотать за артистов – кому телефон, кому квартиру пробить. Только предупреждал: «Тогда-то я снимаюсь, не могу, но в назначенное время буду». И точно приходил в начальственные кабинеты…»

Но вернемся в конец 80-го.

20 декабря Миронов играл в «У времени в плену».

22 декабря Миронов вернулся к фильму «Будьте моим мужем»: в тот день с 16.00 до 20.00 в тонателье № 1 «Мосфильма» прошла его первая сессия озвучания. Партнерами Миронова были Елена Проклова и Георгий Штиль.

24 декабря Миронов играл в «Горе от ума», 27-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…».

29 декабря (16.00–24.00) Миронов был на озвучании фильма «Будьте моим мужем».

30 декабря в Театре сатиры состоялась замена спектакля: вместо «Горе от ума» артисты сыграли премьеру спектакля «**Трехгрошовая опера»** Б. Брехта в постановке Андрея Миронова. Он же играл и главную роль – лондонского бандита Мекхита по кличке Мекки-нож. Как писал в «Московской правде» по горячим следам этой премьеры критик З. Владимиров: «Вот Мекки-нож, шикарный брехтовский бандит в прекрасном исполнении А. Миронова. В нем есть и предприимчивость, и победительная наглость, и повадка трущобного Дон Жуана, и холодная трезвость дельца, не забывающего каждый четверг производить расчеты со служащими. Но в то же время мы чувствуем, что его человеческие возможности не реализованы, что в нем, быть может, погиб поэт и романтик, рыцарь и протестант, способный восстать против скверного миропорядка…»

А вот как писала об этой же роли Миронова А. Вислова: «Спектакль пришелся на „олимпийский“ 80-й год. От стоявшей в воздухе духоты перехватывало дыхание. Лицемерие и цинизм общества, казалось, достигли максимума. Механично, опустошенно и впервые неодушевленно играл Миронов Мекки-ножа на премьере спектакля „Трехгрошовая опера“.

Конечно, не только время и состояние общества объясняли такое исполнение. Сам брехтовский образ не особенно предполагал наличие души. Потом Миронов в этой роли стал мягче, пластичнее, игривее. В последние три года своей жизни он обрел снова некое душевное равновесие, к нему вернулась его доброта. А в тот печальный «промежуток» у него ненадолго появилась внутренняя ожесточенность, шедшая не то от страшной усталости, не то от душевной измотанности и чувства бессилия. В роли главаря лондонского преступного мира она нашла благодатную почву для проявления. Брехт с его «циническим посвистом», столь же издевательским по отношению к миру, сколь и слышащимся как собственный звук циничного мира, не зря попал в репертуарный план рубежного, разграничивающего десятилетия сезона, и не зря Миронов тогда на роль согласился. (Как мы помним, именно Миронов и явился инициатором этой постановки, хотя Плучек поначалу хотел отстранить от

режиссуры Миронова, оставив только главную роль. – *Ф. Р.*) Отрешенно взирая на зрителей и партнеров по сцене, устало исполняя зонги, он делал все в угоду неизвестно кому, но только не самому себе. Он был по-настоящему «отстранен», от него впервые веяло холодом. Но, согласившись, он так с этой ролью и не сжился. Выйдя из «промежутка», чем больше он в дальнейшем овладевал ролью, превращая ее в своеобразный музыкальный бенефис на сцене Театра сатиры, внося в нее легкость и иронию, заставляя весь спектакль потеплеть, ожить, заиграть, «запеть», тем больше чувствовалось, насколько неорганична для Миронова природа пьесы с ее изначальной циничной мрачностью и шутовством.

1981

1 января 1981 года по ТВ состоялась премьера: был показан фильм Эльдара Рязанова «**О бедном гусаре замолвите слово»** (21.35). Как мы помним, Андрею Миронову в нем роли не досталось, но к фильму он имел непосредственное отношение – читал в нем закадровый текст от Автора и пел две песни: «Друзьям» (А. Петров – П. Вяземский) и «Песенку трубачей» (А. Петров – слова народные).

На сцену родного театра Миронов вышел вечером 2 января – играл в «Мы, нижеподписавшиеся…».

4 января Миронов был на «Мосфильме», где принял участие в озвучание фильма «Будьте моим мужем» (7.30–16.00). Его партнером был Филипп Адамович.

5 января с утра Миронов снова был на озвучке (работал с Прокловой и Адамовичем), а вечером играл спектакль «Ревизор».

6 января Миронов провел очередную сессию звучания.

8 января Миронов играл в «Женитьбе Фигаро», 11-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…». Затем Миронов взял небольшой перерыв, чтобы поправить свое пошатнувшееся здоровье – лег в 54-ю городскую больницу.

Как мы помним, серьезные проблемы со здоровьем у Миронова начались три года назад – с кризиса в Ташкенте. Тогда врачи нашли у него серозный менингит, хотя на самом деле это была аневризма. Но помимо этого у него была еще гемофилия, которая с начала 80-х стала доставлять ему куда больше беспокойства. У Миронова стала резко портиться кожа, по телу пошли фурункулы. Чтобы избавиться от этой напасти, актер и вынужден был лечь в больницу в январе 81-го. Пробыл он там чуть больше недели. А едва выписался, как тут же включился в работу: 21 января он уже играл в спектакле «У времени в плену». 23-го это был «Ревизор», 25-го – «Женитьба Фигаро», 30-го – «Трехгрошовая опера».

31 января Миронов снова появился на «Мосфильме»: провел свою предпоследнюю сессию озвучания фильма «Будьте моим мужем». К тому времени работа над лентой была почти завершена, и Суриковой требовались еще несколько дней досъемок (на этом настоял худсовет студии, который усмотрел в картине недостаточную проработанность некоторых эпизодов). Досъемки должны были провести в январе, но из-за болезни Миронова работу пришлось отложить до следующего месяца.

Досъемки начались 2 февраля: в тот день в 6-м павильоне сняли объект «дорога» с участием Миронова. Вечером наш герой

играл в «Женитьбе Фигаро».

3 февраля досняли еще два эпизода: «в саду» и «в сарае». В частности, были сняты следующие сцены: Виктор (Андрей Миронов) надевает брюки жениха (Георгий Штиль), спускается по лестнице и видит жениха; Виктор стоит уже без брюк; Виктор ищет дачу, останавливается у калитки и видит маленькую девочку, которая показывает ему черный язык, Виктор говорит: «Ежевика! Ела сегодня?»; мама девочки говорит Виктору: «Я могу попытаться втиснуть вас на раскладушку. Я скажу хозяйке, что вы, к примеру, мой муж». Виктор: «Нет, нет… Спасибо»; Виктор и Картуз (Олег Анофриев) ищут жилье; Наташа (Елена Проклова) гладит спящего сына Илью; Ахиллес говорит обгоревшей Альбине (Нина Русланова): «А я достал тебе подписку на Ги де Мопассана».

4 февраля Миронов играл в «Трехгрошовой опере».

5 февраля Миронов участвовал в последней сессии озвучания фильма «Будьте моим мужем». В тот день был озвучен эпизод, где Виктор встречается на пляже с незнакомцем (Владимир Басов) и по ошибке забирает у него штаны. На этом работа Миронова над ролью детского терапевта Виктора в фильме Аллы Суриковой была закончена. Он был удостоен одного из самых своих больших киношных гонораров – 4075 рублей 50 копеек (больше он получил только однажды: за роль в телефильме «Трое в лодке, не считая собаки» – 4700 рублей). С этого гонорара он немедленно купил подарки всем своим близким, включая и двух своих дочерей: родной Маше Мироновой и удочеренной Маше Голубкиной. О том, каким отцом был Миронов, вспоминает последняя:

«Смешная была история, когда мне задали в первом классе (Маша пошла в школу в сентябре 1980 года) учить басню „Стрекоза и муравей“. Я пришла к отцу и сказала:

– Пап, проверь, пожалуйста, я выучила басню, – мне надо было, чтобы он просто проверил урок. – Послушай, как я рассказываю!

– Давай.

И он ждал прихода Горина. И у него был, по-моему, час свободный. Но мне показалось – это длилось бесконечно, я не знаю, сколько времени продолжалась пытка, но он не давал мне читать. Только я начинала, сразу раздражался, прерывал и говорил:

– Ты плохо читаешь!

Я ему:

– Ну почему, я же наизусть выучила, как же я плохо читаю?

Он меня замучил так, я не понимаю, честно говоря, серьезно

ли это было, может быть, действительно ему хотелось как-то улучшить мое исполнение басни, но, по крайней мере, когда пришел Горин, то попытался меня спасти:

– Андрюша, перестань, ну отпусти ребенка, пусть отдыхает, пойдем с тобой займемся.

Но тот рвался:

– Нет, я хочу, чтобы она как следует читала!

Понятно, он хотел меня научить хорошо читать эту злополучную басню. Но я была в ужасе, мне же надо ее рассказать! Почему он меня мучает, за что? Чего он хочет от меня? А сейчас я понимаю, что, судя по всему, он добивался какого-то художественного прочтения…»

И снова вернемся к спектаклям Миронова. 6 февраля он играл в «Мы, нижеподписавшиеся…», 11-го – в «Трехгрошовой опере», 13-го – в «У времени в плену», 14-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…», 16-го – в «Ревизоре», 18-го – в «Трехгрошовой опере», 20-го – в «Горе от ума», 23-го – в «У времени в плену» (в тот день в Москве открылся 26-й съезд КПСС), 28-го – в «Женитьбе Фигаро».

Март начался для Миронова с роли Вишневского (4-го). Затем он играл в следующих спектаклях: 7-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 9-го – «Горе от ума», 11-го – «Ревизор», 13-го – «Трехгрошовая опера», 16-го – «Мы, нижеподписавшиеся…». 19 марта после долгого перерыва в восемь месяцев (с июня 79-го) Миронов снова облачился в одежды Дон Жуана из спектакля «Продолжение Дон Жуана», который шел на Малой сцене Театра на Малой Бронной.

В воскресенье 22 марта по ТВ состоялся повторный показ 4-серийного телефильма Марка Захарова «**12 стульев»**. Стоит отметить, что от премьерного показа его отделял весьма внушительный срок – пять лет (премьера картины прошла в самом начале января 77-го). На этот раз трансляцию разбили на четыре показа – каждую серию демонстрировали по воскресеньям. В тот день 22 марта показ начался в 17.45. Видел ли его Миронов, неизвестно, но если даже и видел, то не в тихой домашней обстановке – в семь вечера у него был спектакль «Мы, нижеподписавшиеся…». Кстати, так будет часто: по закону подлости время спектаклей и трансляций по ТВ фильмов с участием Миронова будет постоянно совпадать.

23 и 27 марта Миронов играл в «Трехгрошовой опере».

29 марта по ТВ показали 2-ю серию «12 стульев».

31 марта по ТВ запустили еще один фильм с участием Миронова – «**Берегись автомобиля»**. Но в крайне неудачное для нашего героя время – в 19.35, когда он играл в очередном

спектакле («Женитьба Фигаро»).

1 апреля Миронов играл в «Горе от ума», 3-го – в «Трехгрошовой опере», 4-го – в «Женитьбе Фигаро», 5-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…». В эти же часы по ТВ шла третья серия «12 стульев» (18.10).

7 и 10 апреля Миронов играл в «Трехгрошовой опере», 12-го – в «Женитьбе Фигаро». На этот раз ему повезло: четвертую серию «12 стульев» запустили за два с половиной часа до начала спектакля – в 16.25.

В эти же дни Миронов в качестве режиссера приступил к постановке своего третьего спектакля – «**Бешеные деньги»** по А. Островскому. Он же играл в нем и одну из главных ролей – Савву Василькова.

Очередной спектакль Миронов играл 24 апреля – это была «Трехгрошовая опера». Затем шли: 25-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 27-го – «Ревизор», 29-го – «У времени в плену».

3 мая телевидение расщедрилось еще на одну премьеру фильма с участием Андрея Миронова – «**Невероятные приключения итальянцев в России»** (19.15). Стоит отметить, что со дня премьеры этого фильма на широких экранах прошло аж восемь лет (март 1974)! Чем была вызвана столь долгая задержка с показом фильма на голубых экранах, непонятно – до этого почти все ленты с участием Миронова шли от большого экрана до малого гораздо быстрее.

В театре Миронов к своим зрителям вышел, отгуляв первомайские праздники – 9 мая («У времени в плену»). Затем его выход был отмечен еще в одном спектакле: 11-го в «Трехгрошовой опере». А 20 мая он вместе с Театром сатиры выехал на гастроли в Новосибирск. Там «сатировцам» предоставили для выступлений три площадки: Театр оперы и балета, Театр музыкальной комедии и Дом ученых в Академгородке. Москвичи повезли с собой восемь спектаклей: «Женитьбу Фигаро», «Трехгрошовая опера», «Феномены», «Бег», «Затюканный апостол», «Пена» и др.

В один из тех гастрольных дней с Мироновым произошел неприятный эпизод. Как-то после спектакля он шел по коридору Оперного театра (там гастролировала «Сатира») и случайно услышал разговор нескольких коллег. Один из них, актер массовки, в пух и прах разносил игру Миронова в только что закончившемся спектакле «Женитьба Фигаро». Миронов не стал прятаться и специально обозначил свое присутствие – встал на пороге гримерки, постоял немного и ушел. И на следующий день нашел способ отомстить своему критику. Практически весь спектакль, едва тот появлялся на сцене, Миронов после своих

реплик шепотом интересовался: «Ну как, я сейчас хорошо сыграл? А теперь? Может быть, мне как-то иначе играть?..» Критик готов был буквально сквозь сцену провалиться.

В Новосибирске Театр сатиры пробыл до 10 июня. Москвичи дали 47 представлений, на которых побывало 70 тысяч зрителей. Затем театр вернулся в Москву, чтобы уже 12 июня снова выехать на гастроли – на этот раз в ФРГ. Там он принял участие в международном фестивале «Театры мира-81», который проходил в Кельне. «Сатира» показала «Трехгрошовую оперу», причем без синхронного перевода. Однако все прошло великолепно, поскольку драматургию своего земляка Б. Брехта немцы знали и без перевода. Финал 2-го действия актеры играли на немецком. И заключительное брехтовское восьмистишие Миронов читал тоже на языке оригинала. За что удостоился бурных аплодисментов. То же самое повторилось и во время последующего турне театра по ФРГ – в городах Дюссельдорф, Вуппераль, Ганновер, Гамбург, Фрейбург, Карлсруэ.

В Москву театр вернулся 26 июня и на следующий день дал спектакль «Проснись и пой!». После чего… закрыл сезон в столице и отправился в отпуск. Он длился чуть больше месяца.

3 августа Театр сатиры возобновил свои спектакли в Москве. В тот день показали «Затюканного апостола», в котором Миронов занят не был. Не играл он и в последующие две недели, целиком посвятив это время репетициям нового спектакля. Речь идет о «Бешеных деньгах», где Миронов выступал в двух испостасях: был режиссером и исполнителем одной из главных ролей – Саввы Василькова.

Первый после отпуска спектакль Миронов сыграл 16 августа – это было «Горе от ума». Затем он сыграл его еще дважды: 18-го и 22-го. А 26 августа Театр сатиры временно простился с москвичами и отправился с гастролями в столицу солнечного Казахстана город Алма-Ату. А на сцене Театра сатиры прописался другой коллектив – Рижский театр оперетты.

Тем временем в конце сентября 1981 года Александр Менакер и Мария Миронова приехали в Ленинград на очередные гастроли. Поселились в «Астории», в своем любимом 318 номере с окнами на Исаакиевскую площадь. Однако дали всего лишь один концерт – 22 сентября. Сразу после представления, по возвращении в гостиницу, у Менакера случился инсульт – у него была парализована рука и нарушилась речь. Его немедленно доставили в одну из питерских клиник, где врачи сделали все возможное, чтобы спасти артиста. Им это удалось. Однако лечение растянулось на долгих три месяца. И все эти дни рядом с мужем находилась Мария Владимировна. Что касается Миронова, то он

несколько раз приезжал к отцу в больницу не только из Москвы, но также из разных городов страны, где он давал концерты.

Свой очередной сезон в Москве Театр сатиры открыл 2 октября. В тот день был показан спектакль «У времени в плену», где Миронов играл Всеволода Вишневского. 7-го и 11-го – «Мы, нижеподписавшиеся…».

14 октября в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «**Бешеные деньги»**, где Миронов был режиссером и играл роль Саввы Василькова. В остальных ролях были заняты: Георгий Менглет (Кучумов), Ольга Аросева (Чебоксарова-мать), Михаил Державин (Телятев), Е. Романова (Лидия Чебоксарова) и др. Критик Н. Лагина на страницах «Московского комсомольца» так отозвалась об этом спектакле:

«Миронов, отнюдь не отказываясь от ситуаций и характеров, выстроил блистательную социальную сатиру. И здесь основной успех, точкой отсчета цельного действия стал образ Саввы Василькова – далеко не того симпатичного душки-увальня, доверчивого и наивного в любви, а при этом умного и прогрессивного делового человека, каким его обычно трактуют. У Миронова нет никакой игры в сентиментальные бирюльки – перед нами деловой, энергичный, умный, крайне расчетливый человек, который знает, чего он хочет, и знает, как достигнуть своей цели. Он резок, неотесан, даже хамоват и груб, он и в непривычной для него среде все равно пойдет напролом, как танк, потому что он сильнее всех тех безмятежно-алчных, разлагающихся на глазах дворян… Миронов концентрирует в себе, в своем герое всю остроту проблемы, всю идею, делая это смело и убедительно. И не другие персонажи ведут его через всю пьесу, а он сам – главная пружина действия…

Похоже, что с Василькова и режиссуры «Бешеных денег» начинается новый период в творчестве А. Миронова. Свои лучшие актерские качества и точность понимания материала Миронов выделяет в Василькове максимально. Тонко управляемый темперамент, сама манера поведения, пластика, речь – все это очень естественно, без нажима, абсолютная раскованность в ведении своего героя по всему спектаклю».

Сам Миронов так характеризовал своего героя: «В характере этого человека виден тип дельца новой формации, „делового человека“. Очень жизненный тип людей сильных, достаточно циничных, достаточно бездуховных, но в высшей степени энергичных, волевых, обладающих очень сильными профессиональными навыками. Фигура страшная в нравственном проявлении, в своих принципах. И это не сатирический персонаж. Ибо его сущность скрыта, замаскирована, может быть,

бессознательно замаскирована…»

18 октября Миронов играл в «Бешеных деньгах», 20-го – в «Трехгрошовой опере», 23-го – в «Горе от ума», 24-го – в «Бешеных деньгах», 27-го и 31-го – в «Трехгрошовой опере».

В том же октябре Миронова нашла еще одна награда. По итогам фестиваля «Московская театральная весна-81» ему был присужден диплом первой степени за исполнение роли Мекки-ножа в спектакле «Трехгрошовая опера».

Тогда же в Москву из Софии приехал приятель Миронова композитор Найден Андреев. Вот его рассказ об этой встрече:

«Еще по приезде я позвонил Андрею из гостиницы. Он сказал мне, что мы обязательно должны встретиться. Мне не пришлось его долго ждать. Он пришел ровно в назначенный час. Взволнованно рассказывал о гастролях театра в Алма-Ате, о своих встречах с публикой. Расспрашивал меня о болгарских друзьях и коллегах. Вместе слушали только что записанную им мою песню «**Падает снег на пляж»**, посвященную памяти Джо Дассена, – он волновался, понравится ли мне исполнение. Но больше всего он обрадовался известию, что у нас родилась дочь Андреана. По этому поводу он любил шутить: «Вы меня любите и поэтому свою дочку назвали моим именем, да?»

В октябре вышел твердый миньон «**Андрей Миронов. Ну чем мы не пара»**, где звучали четыре песни в исполнении нашего героя: «Ну чем мы не пара?», «Вся жизнь моя», «Некогда» и «Песня о незнакомом певце».

Ноябрь начался для Миронова с роли Саввы Василькова в «Бешеных деньгах» – он играл его 2-го. Затем шли: Вишневский в «У времени в плену» (6-го), Леня Шиндин в «Мы, нижеподписавшиеся…» (8-го), Мекки-нож в «Трехгрошовой опере» (11-го). 12 ноября Миронов принял участие в программе «Поет товарищ кино», которая прошла на сцене Дворца спорта в Лужниках. Компанию ему составили: Николай Крючков, Евгений Матвеев, Олег Стриженов, Николай Рыбников, Алла Ларионова, Наталья Андрейченко, Владимир Ивашов и др.

13 ноября Миронов снова вышел на сцену родного театра – играл в «Бешеных деньгах». На следующий день днем он выступал в «Поет товарищ кино», а вечером играл «Ревизора». 18-го это были «Мы, нижеподписавшиеся…», 21-го – «Трехгрошовая опера», 23-го – «Женитьба Фигаро», 25-го – «Горе от ума», 27-го – «Ревизор».

Декабрь начался для Миронова с «Трехгрошовой оперы» – он играл ее 2-го. На следующий день, впервые после долгого перерыва (почти девять месяцев), Миронов вышел на Малую сцену Театра на Малой Бронной, чтобы сыграть в «Продолжении

Дон Жуана». 5 декабря Миронов снова играл на сцене родного театра – в «У времени в плену». 6-го это были «Мы, нижеподписавшиеся…», 7-го – «Трехгрошовая опера», 11-го – «Горе от ума», 13-го – «Бешеные деньги», 14-го и 16-го – «Трехгрошовая опера», 17-го – «Продолжение Дон Жуана» (Бронная), 18-го – «Ревизор», 20-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 23-го и 27-го – «Бешеные деньги».

В декабре вышел второй номерной диск нашего героя «**Андрей Миронов»**, где звучали 10 песен: «Вся жизнь моя» (О. Фельцман – Б. Дубровин), «Ну чем мы не пара?» (Е. Крылатов – М. Пляцковский; из к/ф «Честный, умный, неженатый»), «Друзьям» (А. Петров – П. Вяземский; из т/ф «О бедном гусаре замолвите слово»), «Финальный монолог и песня Мекки-ножа» (К. Вайль – Б. Брехт, перевод С. Апта и Ю. Михайлова; из сп. «Трехгрошовая опера»), «Старый граммофон» (И. Якушенко – Н. Олев; в дуэте с Л. Гурченко), «Песня о незнакомом певце» (Н. Андреев – Ю. Энтин), «Большая дорога» (А. Петров – М. Светлов; из т/ф «О бедном гусаре замолвите слово), „Куплеты администратора“ (Г. Гладков – Ю. Михайлов; из т/ф „Обыкновенное чудо“), „Ну почему ко мне ты равнодушна?“ (В. Шаинский – М. Матусовский), „Некогда“ (Н. Андреев – Ю. Михайлов).

1982

В конце декабря из больницы наконец-то выписали Александра Менакера. Практически сразу же он с женой вернулся в Москву, и они сильно удивили своих друзей, пригласив их на встречу нового **1982 года** к себе домой. Естественно, был на той встрече и Андрей Миронов, который явился в родительский дом на улице Танеевых чуть позже всех. Явился не один: с женой Ларисой Голубкиной и дочерью Машей Голубкиной. Застолье получилось очень теплым. Менакер чувствовал себя значительно лучше и в конце застолья произнес тост в честь хозяйки. Он поблагодарил ее за терпение и любовь, без которых он никогда бы так быстро не поправился. Завершил он свой спич пожеланием, чтобы новый 1982 год был лучше года ушедшего. Увы…

В те дни Миронов оказался включен в очередной кинопроект: в картине Александра Митты «**Сказка странствий»** ему предложили роль поэта, лекаря, философа и странника Орландо, помогающего девочке Марте (Татьяна Аксюта) найти ее брата Мая. 4 января на «Мосфильме» состоялись пробы Миронова и Аксюты. Они велись в телеателье с 16.00 до 20.00.

7 января состоялись очередные кинопробы с теми же участниками. Стоит отметить, что фильм был интернациональным – он снимался советскими кинематографистами в содружестве с румынами и чехословаками, – и съемки должны были вестись на территории трех государств. Миронова, да и всю съемочную группу это радовало – все-таки путешествовать по миру занятие приятное.

К зрителям, пришедшим в Театр сатиры, Миронов впервые в новом году вышел только 10 января в спектакле «Бешеные деньги». Затем почти десять дней он в спектаклях не участвовал – снимался в очередном фильме. Речь идет о картине Алексея Германа «Начальник опергруппы» (в прокате – «**Мой друг Иван Лапшин»**), где Миронову предложили сыграть журналиста Ханина. Как мы помним, Миронов сильно переживал по поводу того, что практически не снимается в настоящем кино, участвуя по большей мере в проектах режиссеров так называемого «второго эшелона». И поэтому приглашение Алексея Германа, который входил в немногочисленную обойму «продвинутых» режиссеров советского кинематографа, его одновременно и обрадовало и напугало. Обрадовало потому, что сниматься у него считал за счастье любой советский актер, а напугало потому, что за Германом в киношной среде закрепилась молва очень въедливого

мастера. Свои фильмы он снимал так долго и дотошно, что не каждый актер имел силы и терпение эти сроки выдерживать. Однако Миронов предложение принял, хотя перед этим отказался сниматься в главной роли в картине Вадима Абдрашитова «Остановился поезд». И отнюдь не потому, что к первому он относился лучше, чем ко второму. Просто у Абдрашитова ему была предложена главная роль – следователя прокуратуры, на которую у него просто не было бы ни времени, ни здоровья (в итоге ее сыграет Олег Борисов). А роль Ханина у Германа была хоть и важной, но все же второплановой.

А. Герман вспоминает: «Мы умышленно искали актеров, кинозрителю неизвестных, – исключение только Андрей Миронов. Это тоже решено было вполне сознательно. Ведь все другие из этого города, из маленького замкнутого мирка, а этот пришлый. Для этого образа нужна была или долгая предшествующая биография, места для которой в фильме не было, или популярный актер. Мы примеряли на эту роль еще Анатолия Васильева, Александра Филиппенко, у них были интересные пробы, но выиграл состязание Миронов: за ним в сознании зрителя тянулся шлейф жизненной удачливости, он был эдакий столичный-заграничный – человек с иной планеты…

Натурные съемки проходили в Астрахани. Причем будущее место съемок я нашел в архиве. Увидел там вырезку из газеты начала тридцатых годов со снимками этой деревянной арки, гипсовых пионеров, пляшущих у фонтана, с сообщением, что такие вот замечательные сооружения воздвигнуты в Астрахани. Естественно, надежды на то, что все это сохранилось, было мало. Но, приехав в город, почти что рядом с гостиницей я вдруг – бывает такое везение – наткнулся на всю эту красоту. Нашему художнику Юрию Пугачу осталось только довести декорацию – украсить арку гирляндой лампочек, повесить портреты, чтобы получился этот трогательный «ампир». Увы, сейчас всего этого уже нет…

Там же, в Астрахани, нашлись замечательные улицы с покосившимися деревянными домиками и заросшими камышом трамвайными путями, по которым достаточно было пустить старый трамвайный вагон, чтобы все обрело облик середины тридцатых. Увы, ни одного старого трамвая во всей Астрахани не было – одни новенькие, чешские. Трамвай пришлось доставлять из Ленинграда – каких трудов это стоило, лучше не описывать…

Я начал снимать со сцены опознания убитых в судебно-медицинском морге, настоящем, с настоящим покойником, которого в кадре, правда, не было видно, но все участники съемки могли испытать те же ощущения, что и герои. Актерам это

сыграть не помогло, они сфальшивили, сцена не получилась, мы ее выбросили. А вот снятая вслед за тем сцена в предбаннике морга, которой мы в итоге тоже не воспользовались, получилась потрясающе. И актеры и все мы уже впитали в себя это ощущение соприкосновения со смертью.

Нам повезло со съемками в Астрахани. Снимать надо было обязательно в пасмурную погоду (в солнечную пейзаж города совершенно невыразителен) и обязательно, чтобы был снег. Нас все предупреждали, когда мы туда ехали: «Снежных дней в Астрахани бывает в году пять-шесть от силы». Но их выпало на этот раз как раз столько, сколько нужно было, чтобы все успеть. И почти все время была пасмурная погода.

Сцена облавы далась нам очень тяжело. Всю ее надо было снимать в тумане, а стояло солнце. Работать приходилось утром, когда солнце еще не взошло, и вечером, когда только что зашло. По два кадра в день: каторжное напряжение все это выдержать. Ну и, естественно, перерасход, невыполнение плана, мы в отстающих, премиальных не видать. Впрочем, моя группа их никогда и не видела…»

19 января Миронов снова вышел на сцену родного театра – играл в «Трехгрошовой опере». На следующий день в «У времени в плену». Затем снова снимался в «Лапшине».

25—26 января по ЦТ состоялась долгожданная премьера фильма Ильи Авербаха «**Фантазии Фарятьева»** (21.35). Как мы помним, картина была закончена производством еще в июне 1979 года, но в течение двух с половиной лет лежала на полке по вине руководства Гостелерадио – ему это кино не нравилось. А особенно не нравился Миронов, который в роли Фарятьева не был похож сам на себя. Однако как руководители ТВ ни упирались, но авторам фильма удалось-таки пробить чиновничью стену. И фильм дошел до массового зрителя. Правда, после премьеры разочаровавшихся было очень много. К ним пришли те же мысли, что ранее к теленачальникам: такой Миронов их не устраивал. Действительно, в роли Фарятьева от былого Миронова – баловня судьбы, человека, дергающего за усы Фортуну, не осталось и следа. Но если подходить к фильму с позиций высокого искусства, то именно эта роль стала одной из вершин в творческой карьере Миронова. Вот как пишет об этом В. Кичин:

«Фирменно» изящный, раскованный, элегантный Миронов предстал перед нами неловким, закомплексованным, заторможенным, вечно не знающим, куда девать руки, вечно стесняющимся своей громоздкости («слон в посудной лавке»), своего грубо вылепленного лица («я понимаю, что я некрасив, то есть лицо у меня неприятное…»). Его Фарятьев прямая

противоположность своим мечтаниям – абсолютно антиромантичная внешность, прилизанные, зачесанные набок волосы, ресницы альбиноса, безбровое лицо с всегда обыденным, стертым выражением. Серый пиджак, серая рубашка, серый галстук в казенную полоску. Не садится, а присаживается, помещает себя на стул, сидит на краю, и рука врастопырку неловко опирается на сиденье. Для него любое движение тягостно и трудно, он не привык быть «в обществе». И сватовство ему тоже мучительно – но еще мучительнее одиночество вдали от любимой, потому что любить он умеет бескорыстно и самоотреченно.

Эта как бы бесцветная личность является нам не просто на «бытовом уровне» – как документальный слепок с натуры. Миронову изначально чуждо перевоплощение как конечная цель – его пребывание в роли всегда двойственно, наполнено мерцающим смыслом, каждая краска таит в себе для нас некий вопрос – отчего так? Просто ли серость перед нами, или эта серость вынужденная, качество приобретенное, своего рода уродство, горб, наращенный на человеке искаженной социальной средой? Да, конечно, мы видим Фарятьева глазами Шуры, замученной вечным трудом и неустроенностью стареющей учительницы музыки. Она тоже безнадежно влюблена, но в некоего Бетхудова, который так и не появится на экране, но о котором все постоянно говорят, и это, по рассказам, полный антипод Фарятьеву – уверенно идущий по жизни, удачливый, умеющий и одеваться и жить. Мы угадываем в нем ясный социальный тип – приспособленца и циника, одного из предприимчивых хозяев жизни в те застойные времена…

Именно Миронов с его способностью к максимальному интеллектуальному наполнению роли сообщает фильму очень ясные социальные параметры, делает его остропроблемным. Мы понимаем, что перед нами один из тех «лишних людей», кто именно в силу своей талантливости, неистребимо творческой закваски входит в постоянное противоречие с канонизированной серостью застойного бытия, он из тех, кто не востребован временем и потому не имел возможности самореализоваться в жизни…»

Судя по всему, Миронов премьеру фильма не видел – как обычно был занят в спектаклях: 25-го это был «Ревизор», 26-го – «Трехгрошовая опера». Однако он не расстроился, поскольку успел увидеть картину еще два года назад на «Ленфильме» – сразу после того, как она была смонтирована. И ролью своей в ней остался доволен.

27 января Миронов играл на Малой сцене Театра на Малой

Бронной в «Продолжении Дон Жуана». По давно заведенному графику, спектакль игрался в десять вечера.

29 января Миронов играл в «Сатире» «Горе от ума», 30-го – «Женитьбу Фигаро».

Февраль начался с «Трехгрошовой оперы» (1-го). Затем шли: 3-го – «Ревизор», 6-го – «Горе от ума», 9-го – «Трехгрошовая опера». Помимо спектаклей Миронов находил время и для других мероприятий. В частности, он готовил к выпуску на «Мелодии» свой диск-гигант **«Ну чем мы не пара?»**. Песня, давшая название альбому, принадлежала перу его давнего знакомого композитора Евгения Крылатова и поэта Михаила Пляцковского. Последний так вспоминает о своей работе с Мироновым:

«…У меня праздник. Сегодня в Доме звукозаписи на улице Качалова, в одной из его студий, должна обрести жизнь наша с композитором Евгением Крылатовым новая шуточная песня „Ну чем мы не пара?“. Но праздник прежде всего от предвкушения встречи с исполнителем песни Андреем Мироновым, милым, обаятельным, жизнерадостным человеком и замечательным актером…

На запись Андрей немного опоздал. Извинился: репетиция. Согласовал с дирижером темп, и началась работа. Через стекло аппаратной, сидя рядом со звукорежиссером возле пульта, наблюдаю за Андреем, восхищаясь тем, как беспощадно он отвергает уже записанные варианты песни.

– Пока не то. Не получается. Чего-то не хватает. Надо поискать…

И напевал новый вариант. При этом жестикулировал у микрофона, улыбался и словно бы исполнял роль, находясь перед съемочной камерой – в кадре. Ему было жарко, он раскраснелся, глаза, чуть грустные и иронично-насмешливые его глаза, слегка поблескивали от возбуждения.

– Может, хватит? По-моему, все нормально, – сказал ему, нажав кнопку на пульте, композитор.

– Концовка не выходит. Ну ничего. Сейчас что-нибудь придумаю. Давайте сделаем еще один дубль, – попросил Андрей.

Спорить с ним бесполезно. Это мы знаем. Пока сам не будет удовлетворен собой, от микрофона не отойдет. Не может позволить себе даже малейшей фальши, малейшей неточности.

– Извини, старик, если чуток изменю твой припев, – обращается он ко мне. – Ну буквально пару слов… Для дела надо, для образа… Кажется, я в него уже вошел.

Припев у песни, поскольку она с юмором, такой:

О любви все твержу тебе заново,

Но когда зря твердить надоест,
Так и знай, я уеду в Иваново,
А Иваново – город невест.

Андрей и вправду, как говорится, вошел в роль героя песни. У нас на глазах происходит чудо: песня превращается в маленькую пьесу, в маленький его, мироновский, спектакль.

Интонации уже несколько иные, более озорные, что ли, даже какие-то залихватские. А в самом конце песни мы вдруг действительно слышим легкую интерпретацию, но такую характерную для него. Он, улыбаясь и подмигивая мне, поет:

Если что… я уехал в Иваново,
А Иваново – город невест.

Запись завершена. Андрей, еще слегка взбудораженный и неостывший, входит к нам в аппаратную.

– Дайте, пожалуйста, послушать последний дубль, – обращается он к звукорежиссеру.

Слушает. Смотрит выжидающе на нас с Крылатовым. Крылатов поднимает большой палец. Я говорю:

– Полный порядок!

– С концовкой согласен? – спрашивает Андрей деликатно, уважая мое авторское самолюбие.

Я обнимаю его за плечи. В этом он весь: советуется, но делает по-своему, как считает нужным для пользы дела. Песня для него не хобби: к этой работе он относится так же серьезно, как ко всему, что делает. Свои песни он не поет, он их играет. Я сказал «свои песни», имея в виду, что они действительно его, от него идущие к людям, благодаря ему заслужившие общее внимание и становящиеся популярными, любимыми, известными именно потому, что первым исполнил их он, дал им жизнь. Так случилось и с нашей песней «Ну чем мы не пара?»…»

Но вернемся в февраль 82-го.

12 февраля по ТВ показали очередной фильм с участием Миронова – незамысловатую комедию Наума Бирмана **«Шаг навстречу»** (21.35), где наш герой играл врача-стоматолога Маркела. Сам Миронов в те дни был далеко от Москвы – снимался в Астрахани в «Лапшине».

Вспоминает А. Герман: «На съемках в Астрахани я придумал, что после прощания с Ханиным Адашова (Нина Русланова) должна купить в лотке капусту: мне эта идея очень нравилась, она должна была придать всей сцене жизненность. Но капусты не

было: Горошникова сказала, что ее нет во всей Астрахани. „Что, мне самому за ней ехать?“ – сказал я. „Пожалуйста, вот машина“, – ответила она, что ее и погубило. Я поехал и, потратив полдня и, естественно, сорвав съемку, привез полный грузовик звенящей, как стекло, мороженой капусты (для съемки это было все равно, а для бюджета картины – еще лучше, поскольку она практически ничего не стоила). Администратор Картошкин чуть не повесился от огорчения…»

Именно в те дни в фильме была снята самая жуткая сцена, и выпала она на долю Миронова. Во время облавы на убийцу Соловьева Ханин вызывается помогать сыщикам и становится в оцепление. И убийца выскакивает именно на него. Ханин пытается его задержать, но хитрый преступник ловко притворяется доходягой и, улучив момент, всаживает Ханину в живот ржавый богор. К счастью, рана окажется не смертельной, и герой Миронова выживет.

16 февраля Миронов снова играет на сцене родного театра – в «Бешеных деньгах». Далее шли: 17-го – «Трехгрошовая опера», 18-го – «Продолжение Дон Жуана» (Бронная), 21-го – «Бешеные деньги», 23-го – «У времени в плену», 24-го – «Трехгрошовая опера».

Тем временем продолжаются подготовительные работы по фильму «Сказка странствий». Там возникли первые напряженности между партнерами. Как мы помним, лента была интернациональная и сниматься должна была с участием кинематографистов трех государств – Советского Союза, Чехословакии и Румынии. Однако если наши и чехословаки быстро нашли взаимопонимание, то вот румыны оказались строптивыми. 25 февраля, во время подписания совместного договора о съемках, румынская сторона внезапно заартачилась и заявила: подписывать не будем, если не разрешите снимать в роли Орландо актера из Румынии. Митта, естественно, запротестовал, поскольку на роль Орландо был уже утвержден Андрей Миронов. В результате на следующий день в дело пришлось вмешаться чиновникам из Госкино. Они сумели отстоять роль Орландо за Мироновым, но пообещали румынам отдать роль взрослой Марты (в юности ее должна была играть Татьяна Аксюта). Румынскую сторону такой вариант устроил. Самое интересное, что их в итоге все равно обманут: обеих Март будет играть Аксюта. Но вернемся в конец февраля.

27 февраля Миронов играл в «Женитьбе Фигаро», 28-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…».

Март начался с «Трехгрошовой оперы» (5-го). Затем Миронов умчался в Горький, где у него был запланирован концерт. Знай

он, что произойдет в его отсутствие, наверняка бы отменил поездку. А случилось вот что. 6 марта его отец Александр Менакер собрался на свою обычную утреннюю прогулку. Он оделся, вошел в комнату, где сидела его жена, но внезапно схватился за сердце. Произнеся только одно слово «Маша!», он рухнул замертво на пол. Приехавшие по вызову врачи были бессильны – смерть наступила мгновенно. Менакер не дожил до своего 69-го дня рождения (8 апреля) чуть больше месяца.

Вспоминает Ф. Чеханков: «6 марта мне позвонила Лариса и сказала, что Александра Семеновича не стало. Я примчался на Арбат, он лежал на том самом красном диванчике, где обычно отдыхал Андрюша. С подвязанным подбородком, по старому русскому обычаю. Мария Владимировна выглядела окаменевшей. Потом я уехал на спектакль. В тот вечер я играл „Лес“. Когда я вернулся после спектакля, Александра Семеновича уже увезли. Мне говорили, что, кажется, единственный раз в жизни Мария Владимировна громко закричала – когда его увозили…»

Сообщить Миронову эту страшную новость по телефону никто не решился. Решили дождаться, когда он приедет в Москву. Однако и 7 марта утром, когда Миронов переступил порог квартиры на Селезневской улице, его жене Ларисе Голубкиной не хватило сил сказать ему о смерти отца. Уж больно уставшим выглядел гастролер. Практически сразу он завалился спать, чтобы вечером отдохнувшим выйти на сцену (он должен был играть в «Бешеных деньгах»). Когда Миронов проснулся, он обнаружил в доме своего сводного брата Кирилла Ласкари. Он-то и сообщил Миронову горькую весть. А 8 марта, в день рождения Миронова, в их семью пришла еще одна скорбная весть: умер давний друг их семьи Леонид Утесов. Дядя Ледя, как называл его в детстве Миронов. По злой иронии судьбы, в тот праздничный день по ТВ показали традиционный «Голубой огонек» (21.35), где принимал участие и Андрей Миронов – он пел шуточную песню «Ну чем мы не пара?». Однако запись «Огонька» происходила почти месяц назад, когда на душе у Миронова были совсем иные чувства. А в тот праздничный день смеяться и петь ему совсем не хотелось.

10 марта состоялись похороны Александра Менакера. Гражданская панихида прошла в Доме актера. Народу пришло много. Лифты там были маленькие, поэтому гроб с пятого этажа пришлось нести на руках. Похороны состоялись на Ваганьковском кладбище.

К слову, в этот же день начались съемки фильма «Сказка странствий», где Миронов, как мы помним, играл главную роль – Орландо. Но в силу понятных причин сниматься он начал чуть позже (в тот день на Фирсановском шоссе снимали Татьяну

Аксюту в эпизоде «зимний лес» из начала картины).

Очередной спектакль Миронов играл 12 марта – это было «Горе от ума». Затем шли: 13-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 14-го – «Бешеные деньги».

15 марта стало первым съемочным днем Миронова в фильме «Сказка странствий». У пансионата «Мцыри» в Подмосковье с 9 утра до 6 вечера снимали эпизоды из начала фильма, где Орландо и Марта идут по зимнему лесу.

Вспоминает Т. Аксюта: «За несколько дней до начала съемок у Миронова умер отец. Андрей Александрович страшно переживал. А фанатичный режиссер картины Александр Митта знал только одно: „Собрались! Мотор!“ Чужие страдания были ему неведомы. Если ему нужны были слезы в кадре, он, ни секунды не сомневаясь, мог шепнуть на ушко: „Я тут телеграмму получил – у тебя мама померла“…»

Вечером того же дня Миронов играл в спектакле «Трехгрошовая опера».

16 марта съемки фильма продолжились. В тех же местах у «Мцыри» сняли все то же плутание Орландо и Марты по лесу. Съемки длились до пяти вечера, после чего Миронов вернулся в Москву и два часа спустя уже играл Вишневского в спектакле «У времени в плену».

17 марта съемки «Сказки…» были продолжены, но без участия Миронова. Воспользовавшись случаем, он уехал на короткие гастроли по стране. В Москву вернулся 21 марта и уже на следующий день, с 9 утра, снова вышел на съемочную площадку «Сказки странствий». В тот день у пансионата «Мцыри» сняли плутания Орландо и Марты в зимнем лесу.

23 марта снимали другой эпизод – в повозке Орландо. Участники: Миронов и Аксюта. На этом натурные съемки фильма были временно прекращены, и группа начала готовиться к первой зарубежной экспедиции – в Румынию. Отъезд состоялся 29 марта, но без Миронова – он пока остался в Москве, поскольку 31 марта ему предстояло играть в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся…».

На съемочную площадку, которая разместилась в павильоне № 1 киностудии «Букурешти» в Бухаресте, Миронов вышел 1 апреля в 12 часов дня. Снимали эпизод, где Орландо и Марта замурованы в башне. Съемка длилась до 20.30.

В тот же день по советскому ТВ прошла еще одна долгожданная премьера: показали фильм Сергея Колосова «**Назначение»** (19.30). Картина шла до зрителей почти столько же, что и «Фантазии Фарятьева» – почти два года (была закончена в июле 80-го). По поводу этой премьеры на страницах «Советской культуры» высказался Марк Захаров. Приведу лишь небольшой

отрывок из этой публикации, где речь идет непосредственно о нашем герое:

«Героя „Назначения“ – Лямина играет Андрей Миронов, один из наших популярных артистов, чьи фотографии очень быстро распродаются в киосках „Союзпечати“. Сегодня киноартист А. Миронов переживает ответственный момент в своей жизни. Он расстается ныне с кумиром публики – своим прытким, напористым героем, который поет и мурлычет, зажмурившись от счастья, и бросает „гран-батман“ выше головы. Думаю, что работа Миронова в „Назначении“ в сочетании с недавними „Фантазиями Фарятьева“ – восхождение к новому актерскому измерению. Вместе со зрелостью к Миронову приходит какое-то новое беспокойство, тревожный нерв иного происхождения.

Беспокойство актуальное, не столько за весь мир сразу, сколько за собственную душу. И это прекрасно, когда внимание человека в определенный момент его жизни вдруг обращается не вовне, а вовнутрь. А. Володин (автор пьесы «Назначение». – *Ф. Р.*) заставлет своего героя думать о себе в самом высоком смысле этого человеческого предназначения…

Герой Миронова одинаково смешон и жалок, наивен, великодушен, добр, но в конце концов и отважен. Совсем как живой человек…»

2 апреля Миронов опять снимался на «Букурешти». На этот раз в 4-м павильоне был запечатлен на пленку эпизод, где Орландо и Марту судят и приговаривают – его к заточению, а ее отпускают. От советской стороны в съемках принимали участие трое актеров: Миронов, Аксюта и Владимир Басов (судья). На следующий день съемки «суда» продолжились. После чего Миронов и Аксюта отправились в аэропорт и улетели в Москву.

К зрителям Театра сатиры Миронов вышел 4 апреля. Причем в тот день он играл сразу в двух спектаклях: днем в «Трехгрошовой опере», вечером – в «Бешеных деньгах». 5-го это было «Горе от ума», 6-го – «Трехгрошовая опера», 7-го – «У времени в плену», 9-го – «Ревизор», 10-го – «Трехгрошовая опера». Затем больше недели Миронов в спектаклях занят не был – снимался в «Сказке странствий».

Первая съемка Миронова после перерыва состоялась 15 апреля. На этот раз на студии в Брашове, в павильоне № 1, сняли эпизод, где Орландо и Марта приходят в харчевню. Там на Орландо набрасываются судейские сатрапы, и сначала они избивают его, а потом он избивает их. В роли сатрапов выступали каскадеры, а Миронов снимался без дублеров.

16 апреля съемки «в харчевне» были продолжены: снимали первые кадры прихода Орландо и Марты туда. На другой день

снимали тот же объект. Съемка длилась с 8.30 до 13.00. Следующий день был объявлен выходным, и Миронов посвятил его знакомству с городом.

19 апреля съемки возобновились. Снимали эпизод, где Орландо и Марта мечутся по крыше башни. На следующий день снимали тот же объект. На этом съемки в Румынии были закончены, и съемочная группа вернулась в Москву, чтобы оттуда спустя несколько дней отправиться в новую экспедицию – в Чехословакию.

Между тем Театр сатиры взял небольшой тайм-аут и на неделю освободил свою главную сцену для гастролеров – Хорватского национального театра. Миронов, воспользовавшись этим, отправился в чехословацкий город Крумлов. 27 апреля там возобновилась работа над «Сказкой странствий». В тот день прошли репетиции с участием Миронова и Аксюты. Съемка состоялась на следующий день. Снимали приход Орландо и Марты в город, где свирепствовала чума.

29 апреля снова снимали чумной город. Съемки велись с 14.00 до 24.00. На следующий день Миронов улетел в Москву. И 30-го снова вышел на сцену родного театра – играл «Женитьбу Фигаро».

1 мая Миронов играл в «Мы, нижеподписавшиеся…», 4-го – в «Женитьбе Фигаро».

5 мая утром Миронов улетел в Чехословакию и в час дня уже был на съемочной площадке «Сказки странствий». В районе Троски в Седьмигорках снимали эпизод, где Орландо и Марта подходят к харчевне. В съемках принимали участие: Миронов, Аксюта и Лев Дуров (он играл злодея Горгона).

6 мая в районе Коста сняли сразу три объекта: «у башни», «башню» и «в лесу». Съемки велись с 12.00 до 21.00, в них участвовали Миронов и Аксюта.

7 мая в 90 километрах от Седьмигорок снимали «мертвый лес». На следующий день утром Миронов улетел в Москву, поскольку 9-го вечером ему предстоло играть в «У времени в плену». На следующий день Театр сатиры прервал свои выступления в столице и отправился в очередные гастроли – на этот раз в Ростов-на-Дону. Выступления «сатировцев» проходили на двух площадках: В Театре драмы имени Горького и в ДК «Красный Аксай». Было показано 70 представлений, которые посетили 70 тысяч человек. А на сцене Театра сатиры тем временем гастролировал Ленинградский ТЮЗ имени А. Брянцева.

Миронов был занят в спектаклях не каждый день, поэтому имел возможность продолжать съемки в «Сказке странствий». Так, 17 мая он снова прилетел в Чехословакию. В районе Седьмигорок,

в лесу, снимали встречу Орландо и Марты с Чумой (актриса Кармен Галин). А на следующий день сняли кульминационный эпизод: смерть Орландо. Пытаясь отогнать Чуму от Марты и детей, Орландо не смог уберечь себя от смертельного прикосновения. Он умирал на глазах у детей, отдавая Марте последние наставления относительно своих неосуществленных проектов. Потом его сжигали пришедшие в лес чумные санитары. Как это обычно бывает в кино, «умерев» на съемочной площадке, актер в последующие дни «оживал» и спокойно продолжал сниматься в других, ранних эпизодах. Так вышло и с Мироновым. 19 мая он вновь предстал перед камерой и отснялся в объекте «чумной лес»: снимали общение Орландо и Марты с детьми. Съемки велись до 17.30, после чего Миронов на самолете «Аэрофлота» вернулся на родину, в Ростов-на-Дону.

Гастроли Театра сатиры длились до 10 июня. После чего труппа возвратилась в столицу и уже на следующий день показала свой первый спектакль – «Горе от ума». Миронов, как мы помним, играл в нем Чацкого. 12-го это был «Ревизор». Затем Миронов от спектаклей был освобожден и спустя три дня улетел в Ялту, куда к тому времени успела перебазироваться из Чехословакии съемочная группа «Сказки странствий».

На съемочную площадку Миронов вышел 17 июня, чтобы в павильоне Ялтинской киностудии отсняться в объекте «сарай» из начала фильма (там Орландо выхаживает Марту). На следующий день снимали тот же объект. Работа длилась с 9.00 до 15.00. Потом два дня съемок не было. Миронов эти дни посвятил своей родной дочери Маше Мироновой, которую он специально взял в Ялту – и отдохнуть, и на съемки посмотреть. Правда, в силу своей занятости он не мог постоянно быть рядом с дочерью и поэтому в такие дни доверял ее своей партнерше по съемкам Татьяне Аксюте. А та… Впрочем, послушаем ее собственный рассказ:

«С Андрей Александровичем на съемках была его дочь Маша. Так он заставлял меня с ней возиться: для него мы с ней были как бы одного возраста – значит, подружки! (На самом деле Аксюта была старше Маши на 16 (!) лет. – *Ф. Р.*) Меня это выводило из себя! Единственным, кто меня жалел, был Владимир Басов. Он умел снять напряжение, рассмешить. Ради хорошего настроения партнера не стеснялся даже ушами шевелить – была у него такая способность. Только к концу съемок Миронов стал ко мне относиться серьезнее. Помню, даже пригласил на «взрослую» вечеринку к себе в номер…»

21 июня группа выехала на натуру. В 150 километрах от Ялты, в Саки, снимали эпизод, где Орландо и Марта идут по болоту и встречают людей, выкачивающих воду.

22 июня съемки не проводились.

23 июня в местечке Уган-су снова снимали болото. Съемки длились с восьми утра до шести вечера.

24 июня снимали все то же болото.

25 июня сняли последний кадр из объекта «болото», после чего три дня отдыхали. 29-го Миронов снова вышел на съемочную площадку: в окрестностях Симеиза снимали один из самых сложных эпизодов фильма – проход Орландо и Марты по Дракону. Съемки длились с трех дня до двенадцати ночи.

30 июня снимали объекты «озеро» и «деревня». Это туда Орландо и Марта приходят в поисках Мая.

1 июля снимали встречу Орландо и Марты с одним из жителей деревни – бывшим рыцарем (Вениамин Смехов). На следующий день снимали продолжение этой встречи – как бывший рыцарь знакомил гостей с обитателями деревни. 2–3 июля снимали все ту же «деревню».

4 июля должны были снимать ее же, но из-за непогоды работу пришлось отложить до лучших времен. Тем же вечером Миронов улетел в Москву, чтобы 5-го отыграть в театре «Трехгрошовую оперу». А 6-го утром он снова вернулся в Симеиз, где в 12 часов дня вышел на съемочную площадку. Снимали несколько кадров из двух объектов: «чумной лес» и «Дракон». Съемки длились до девяти часов вечера. После чего Миронов опять рванул в аэропорт и сел в первый же самолет, вылетавший в Москву. Вечером 7 июля он уже играл в «Горе от ума».

9 июля это была «Женитьба Фигаро», 11-го – «Бешеные деньги», 12-го – «Трехгрошовая опера».

Утром 13 июля Миронов снова был в Ялте и в двенадцать дня у горы Ай-Петри начал сниматься в эпизоде, где Орландо замуровывали в башню, а Марта, решив его не бросать, забралась к нему в незаделанную брешь. На следующий день снимали все тот же эпизод «у башни».

15 июля у Симеиза снимали эпизод, где Орландо и Марта бродят по деревне. Марта пытается покинуть деревню, но охранники ее не выпускают, пытаются поймать, и ей на помощь приходит Орландо.

16 июня снимали объект «Дракон» с участием Миронова и Аксюты. На следующий день снимали того же «Дракона». Завершились съемки в 15.00. После этого Миронов и Аксюта покинули Ялту и на самолете вернулись в Москву. И в 19.00 Миронов уже играл в «Бешеных деньгах».

18 июля Миронов вновь играл в «Бешеных деньгах» (днем), 20-го – в «Трехгрошовой опере», 21-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…». На этом участие Миронова в спектаклях

завершилось. «Сатира» пробыла в Москве еще семь дней, после чего 28 июля отправилась с малыми гастролями в Югославию с одним-единственным спектаклем – «Трехгрошовая опера». Выступления проходили в трех городах: Загребе, Опатии и Любляне.

В Москву «сатировцы» вернулись 7 августа. И уже на следующий день давали первый спектакль, но без участия Миронова – «Ее превосходительство». Наш герой вышел к зрителям 11-го – в «Ревизоре». Затем спектакли с его участием прошли в следующем порядке: 15-го – «Трехгрошовая опера».

Утром 16 августа Миронов приехал на «Мосфильм», чтобы продолжить работу в «Сказке странствий»: в 9 часов утра в павильоне № 2 начали снимать эпизод, где Орландо и Марта едут в повозке. После обеда сняли еще два кадра: «зимний лес» и «замок Горгона».

17 августа с утра Миронов снимался (кадры из объектов «повозка», «у харчевни», «болото»), а вечером играл «Женитьбу Фигаро».

22 августа Миронов играл в «Бешеных деньгах».

25 августа спектаклем «Затюканный апостол» (Миронов в нем не играл) Театр сатиры закрыл сезон в Москве. Труппа была распущена в отпуска. Миронов свой отпуск проводил вдали от родины: вместе с Ларисой Голубкиной они отправились отдыхать в Бельгию. Мало кто из артистов Театра сатиры мог себе позволить такую поездку, но Миронов с Голубкиной как-никак были звездами первой величины. Помимо Бельгии, они тем же летом побывали также и в Болгарии, у своих добрых знакомых супругов Найдена и Зои Андреевых. У них была дача на море, и они специально пригласили туда чету Мироновых. По словам Н. Андреева: «Ах, какой это был месяц! Исполненный радости оттого, что мы были вместе, могли беседовать, спорить, беззаботно смеяться. Именно тогда, в сущности, я смог полностью осознать, как богат Андрей душевно, как разносторонни его интересы, почувствовать его деликатность и огромные творческие возможности…»

24 сентября Миронов и еще 12 человек съемочной группы фильма «Сказка странствий» (Александр Митта, Татьяна Аксюта, Лев Дуров и др.) отправились на съемки в Чехословакию. В течение недели были сняты эпизоды, где Орландо и Марта пытаются отнять Мая у Горгона в море во время шторма; голова огнедышащего Дракона и др. В Москву группа вернулась 1 октября. По причине усталости Миронов попросил руководство Театра сатиры, который в тот день открывал сезон спектаклем «Трехгрошовая опера», заменить его другой постановкой. В итоге

сезон был открыт спектаклем «По 206-й».

4 октября на «Мосфильме» возобновились съемки «Сказки странствий». В два часа дня в павильоне № 2 были сняты комбинированные кадры, где Орландо и Марта летят на самодельном летательном аппарате под названием «нетопырь». Работа длилась с 14.00 до 23.00.

5 октября съемки эпизода «полет „нетопыря“ были продолжены. О сложности работы говорит тот факт, что за 8 часов (14.00–23.00) был отснят всего лишь один кадр.

6 октября Миронов снова был на «Мосфильме», но уже не на съемке: он участвовал в озвучании роли Орландо. Работа длилась с 17.30 до 20.15.

9 октября вместе с Театром сатиры Миронов отправился на малые гастроли в ГДР. Спектакли проходили в трех городах: Берлине, Эрфурте и Ростоке. Поездка длилась всего девять дней, и уже 18 октября «сатировцы» вернулись на родину.

22 октября состоялась последняя съемка Миронова в фильме «Сказка странствий». В тот день во 2-м павильоне «Мосфильма» был снят всего лишь один комбинированный кадр из объекта «зимний лес» с участием Миронова и Аксюты. Работа длилась с 10 утра до 2 часов дня. А вечером Миронов играл очередной спектакль – «Трехгрошовую оперу».

23 октября в 8 утра Миронов вновь приехал на «Мосфильм», чтобы участвовать в очередной сессии озвучания роли Орландо. Его партнерами были Марина Неелова (она озвучивала роль Марты вместо Татьяны Аксюты) и Валерий Сторожик (Май). Пробыл Миронов на студии до четырех часов дня. После чего отправился в Театральное училище имени Щукина, где в тот день проходила встреча его однокашников, посвященная 20-летию окончания театрального училища.

Вспоминает А. Брискидова: «От имени однокашников поручили выступить Андрею. Дело это довольно ответственное. Аудитория, безусловно, доброжелательная, но при этом возбужденная и придирчивая. Как говорится, на мякине не проведешь. Андрей прекрасно об этом знает, как и то, что шутки в такой вечер – самое милое дело. Что-что, а это он умеет. Но не хочет.

– Дата «сурьезная», как-то не до шуток.

И, подумав, решительно:

– Расскажу о нашем главном учителе, об Иосифе Матвеевиче Рапопорте. Из тех, кто будет в зале, наверное, уже мало кто что-нибудь знает о нем.

…Начинается вечер. Я в зале, встречаю опоздавших наших гостей, высматриваю места, стараюсь потихоньку усадить всех. В

какую-то паузу выхожу через малое фойе посмотреть, не приехал ли он. Рядом, на ярко освещенной лестнице, идет своя шумная, говорливая жизнь. Здесь темно и тихо. На фоне большого окна силуэт. Узнаю Андрея. Он стоит ко мне спиной и как-то непривычно неподвижен. На стук двери не обернулся. Мало ли что? Наверно, просто задумался. Что же меня тогда испугало? Отчего на мгновение я обомлела?

Потом все было хорошо. Веселая встреча с товарищами…»

А вот еще одно воспоминание о том же дне – однокурсницы Миронова Виктории Лепко, за которой он, как мы помним, некогда ухаживал: «Перед встречей мы все друг друга обзвонили и договорились, что обязательно встретимся и будем отмечать, пришли в училище. И как всегда после официальной части все разошлись по классам, по своим курсам, сидели, пили винцо, вспоминали. И вдруг, не знаю почему, никогда такого не было раньше, почему-то наши мальчики, однокурсники наши, куда-то все растворились, куда-то все спешили, кто-то заболел, не пришел, в общем, получилось так, что у нас остался один Андрей и много девочек. И вдруг Андрюша говорит:

– Поехали все ко мне. Я сейчас всех своих любимых девочек беру к себе. Жена уехала на гастроли, а я сейчас человек холостой, я вас всех приглашаю в гости.

Он жил на Селезневке. И мы, конечно, очень радостные, решили поехать. Я, Эля Суханова, Аля Кремнева, Валя Шарыкина – человек шесть девочек и он. И он нас привез, нескольких в своей машине, остальным взял такси.

Мы приехали к нему. Дом был очень красивый. Он нам сначала показал, как он живет, как объединил две квартиры, сделал из них одну. И посадил нас в гостиной, с изумительной старинной мебелью, открыл бар, стал доставать всякие напитки. Тогда же ничего купить нельзя было.

– Девочки, что хотите, чай, кофе, мартини, кампари, шампанское, коньяки, вино?

Но это была прелюдия. Дальше началось главное действие. После того как мы освоились за столом, он повел нас в одну из маленьких комнаток, где у него находился… музей: не знаю, в каком-то невероятном количестве собранные дамские шляпки. Совершенно изумительные шляпки. Разных времен, разного фасона. И Андрюша всем нам сам надевал шляпки, примерял. «Тебе вот эта, нет, та тебе не идет, это не трогай, это ей».

Он сам, как художник, каждой из нас надевал шляпку, такую, какую он считал, больше всего каждой из нас идет, в стиле, в образе, и мы все в этих разных шляпках потом пришли, сели за шикарный стол, он включил магнитофон, записи старинные,

фокстрот, танго, и он с каждой из нас танцевал. С каждой по-своему, под каждую шляпку была определенная мелодия, определенный танец, вы себе не представляете! Вот я сейчас говорю, а у меня слезы. Воспоминание на всю жизнь. Он нам устроил такой праздник, мы были ему так благодарны. Но я же не знала, какая трагедия у него – совсем недавно умер Александр Семенович. А у меня еще в этот год трагические события в жизни произошли, погиб человек, которого я очень любила. Я была в совершенно невменяемом состоянии.

В тот вечер я забыла даже про это. Андрей ухитрился сделать нам бесценный подарок, он был так нежен со всеми. Такой мужчина, такой кавалер. Заботливый, внимательный, он так за нами ухаживал, он был такой актер, он нам устроил такой изумительный праздник, это был такой театр, в котором мы все принимали участие, для каждой из нас он нашел свою роль. И он сам был главным персонажем, при этом каждая женщина чувствовала, что она главная. В это мгновение, когда он с ней танцует, когда он говорит о ней тост. О каждой он говорил тост. Это было что-то потрясающее. Это я ему никогда не забуду. Мы все всегда вспоминаем, как собираемся.

Мы потом всем остальным рассказывали, нам все завидовали, кто не был на этом вечере.

Мы ушли от него, когда открылось метро. Мы провели вместе всю ночь и даже не заметили. Это была импровизация: он же не знал, что не будет мальчишек. Но ему захотелось праздника. Он был счастлив, потому что он получил огромное удовольствие сам, мы же это видели. И вот тогда он мне подарил изумительную фотографию. Он там очень хорош, глаза такие прекрасные. И подписал: ничего не написал особенного, только наш с ним знак. Были такие знаки, которые только я и он могли понять, еще в шестидесятом году: «Вика?!!!» и сердце, пронзенное стрелой. Расшифровывать это могли только мы с ним. «Целую, Андрей». И все. Три слова и много всяких знаков…»

25 октября Миронов снова был на «Мосфильме» – озвучивал Орландо (7.30–16.00). В семь часов вечера он уже вышел на сцену родного театра в костюме Чацкого из «Горе от ума». На следующий день это были «Бешеные деньги».

27 октября Миронов снова озвучивал роль Орландо (17.00–24.00).

28 октября «озвучка» Миронова прошла с 7.30 до 11.30. На следующий день на это ушло времени гораздо больше: с 7.30 до 16.00.

30 октября Миронов играл в «Мы, нижеподписавшиеся…».

В начале ноября Миронов продолжал «озвучку» Орландо на

«Мосфильме». Она проходила в разное время: 2-го в 20.00–24.00, 3-го – в 7.30–16.00, 4-го – в 18.00–24.00, 6-го – в 8.00–17.00, 11-го – в 16.00–24.00.

12 ноября Миронов должен был играть очередной спектакль – «Горе от ума». Но за два дня до этого скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, в стране был объявлен траур, и все развлекательные мероприятия были отменены. Поэтому Миронов отправился на «Мосфильм», где провел еще одну сессию озвучания (20.00–24.00).

Очередной спектакль Миронов играл 17 ноября – это была «Женитьба Фигаро». 19-го это были «Мы, нижеподписавшиеся…».

20 ноября Миронов закончил озвучивать Орландо (14.00–18.00). За эту роль Миронов удостоился гонорара в сумме 4410 рублей (гонорары остальных были следующими: Л. Дуров – 3262 руб., Т. Аксюта – 2835 руб., В. Басов – 630 руб., В. Сторожик – 443 руб.).

Вечером 20 ноября Миронов играл «Женитьбу Фигаро». 27-го это была «Трехгрошовая опера», 28-го – «Бешеные деньги», 30-го – «Ревизор».

30 ноября Госкино приняло фильм «Сказка странствий».

В ноябре Миронов включился в очередной кинопроект – его утвердили на главную роль в комедию молодого ленинградского режиссера Владимира Бортко «**Блондинка за углом»**. Миронову предстояло сыграть непутевого бывшего астрофизика Николая Гавриловича, который волею судьбы влюбляется в энергичную продавщицу овощного отдела (на эту роль будет утверждена Татьяна Догилева). Собственно, сценарий писался именно на Миронова (его автором был детский друг нашего героя Александр Червинский), однако формальное утверждение актера произошло именно в ноябре. Миронов с удовольствием согласился сниматься в этом фильме, поскольку сценарий был из разряда актуальных – он разоблачал мир так называемых «нужных людей», в основном из мира торговли. В иные времена этот острый сценарий ни за что бы не был принят к постановке, но в 82-м такое время настало – Брежнев доживал последние дни, и режим уже чувствовал это. Однако впереди фильм ждали такие мытарства, что практически все из тех, кто приложил руку к его созданию, неоднократно будут жалеть о том, что ввязались в это дело. Но об этом рассказ впереди.

Декабрь начался для Миронова с «Женитьбы Фигаро» (3-го). Далее шли: 4-го – «Ревизор», 6-го – «Бешеные деньги», 7-го – «Мы, нижеподписавшиеся…».

9 декабря приказом председателя Госкино СССР Ф. Ермаша были остановлены съемки фильма Алексея Германа «Мой друг

Иван Лапшин». Произошло это не случайно. На протяжении всего процесса съемок чиновники от кино возмущались тем, что именно Герман снимает. Им казалось, что тот принижает героические 30-е, показывает людей какими-то ущербными, приземленными. Короче, в явном противоречии с господствовавшим в те годы методом социалистического реализма. Герману неоднократно указывали на это, но он продолжал гнуть свое – снимал так, как считал нужным. В итоге получился шедевр, который явно опередил свое время. Фильм был запрещен, все убытки были списаны на счет «Ленфильма», а самому Герману даже близко запретили подходить к съемочной площадке.

Когда эта весть дошла до Миронова, у него был шок, несмотря на то что нечто подобное с ним уже когда-то происходило: в 1968 году были положены на «полку» два фильма с его участием: «Любить» и «Урок литературы». Однако там ситуация была совсем иная: Миронов играл в тех фильмах маленькие роли – причем как в прямом (по метражу), так и в переносном смысле (по своим художественным достоинствам). А в «Лапшине» у него была не только одна из главных ролей, но и одна из самых интересных в его киношной карьере. И теперь получалось, что именно эта работа до широкого зрителя не дойдет.

Но жизнь тем не менее шла своим чередом. 11 декабря Миронов снова вышел к зрителям Театра сатиры – играл Мекки-ножа в «Трехгрошовой опере». 12-го это уже был Савва Васильков в «Бешеных деньгах». Затем Миронов отправился с короткими гастролями в Ленинград. Вспоминает Г. Гладков:

«Однажды я неожиданно стал участником творческого вечера Андрея. Случайно оказавшись со своими друзьями около Дома офицеров, я увидел афишу, извещавшую о проходящем здесь творческом вечере Миронова. У меня тут же мелькнула мысль разыграть его. Розыгрыши были стихией Андрея. Он любил разыгрывать, и его любили разыгрывать.

В первом отделении вечера выступала Лариса Голубкина, во втором – Миронов. Он был за кулисами и готовился к выходу. Шумной компанией мы появились перед ним. Андрей не пришел в восторг от нашего вторжения. «Вот только вас мне и не хватало, – мрачно приветствовал он нас. – Откуда вы взялись?» Я открыто ему заявил: «Мы пришли сорвать твой вечер». «Ну ладно, ладно, шутите», – грустно отозвался он. «Да нет же, какие шутки. Я говорю совершенно серьезно. Сейчас выйду на сцену и раскрою все твои секреты. Расскажу, как ты плохо поешь, как трудно учишь песни». Андрей рассмеялся, но глаза его стали

испуганными. На полном серьезе он стал уговаривать меня: «Понимаешь, это Дом офицеров. Публика здесь солидная, и такие штучки у нее не пройдут. Давай сделаем вечер в Доме кино или Доме актера, и шути там сколько тебе захочется». Но я не соглашался и продолжал держать его в напряжении. Он сильно разволновался и не знал, что делать. Тогда я пошел на уступки. Мы решили, что я сыграю ему пару песен. Он долго внушал мне, какая у него тональность. И не дай бог, чтобы я заиграл выше. Затем стал просить, чтобы я не подходил к микрофону и ничего не говорил. Я ответил многозначительно: «Подумаю, но оставляю за собой свободу действий».

Прозвенел третий звонок, началось второе отделение. Я решил доиграть свою коварную роль до конца. Быстро выйдя на сцену, подошел к микрофону. Для начала я произнес несколько таких фраз, от которых Андрей, стоявший в кулисах, еще более заволновался. Я сразу же обратил все в шутку и сказал собравшимся в зале о своей большой любви и дружеском расположении к Андрею Миронову. Затем, объявив, что мы сейчас исполним с ним несколько песен, сел за рояль. И я, и Андрей были на подъеме. Он прекрасно спел две песни, а дальше пошло еще лучше, с каждым номером он поднимался все выше и выше. Вечер имел грандиозный успех, Андрей был в восторге. После концерта не хотел меня отпускать, потащил с собой в гостиницу. Мы сидели у него в номере до поздней ночи…»

20 декабря Миронов снова вышел на сцену родного театра – на этот раз в роли Мекки-ножа. 22-го он уже облачился в костюм Дон Жуана, чтобы сыграть этого героя на Малой сцене Театра на Малой Бронной в спектакле «Продолжение Дон Жуана». 23-го Миронов снова играл в «Сатире» – Леню Шиндина в «Мы, нижеподписавшиеся…». 25-го это был Чацкий в «Горе от ума». На этом театральный год в родном театре для Миронова был закончен.

Параллельно с игрой в спектаклях Миронов в эти же дни участвовал в съемках документального фильма Владислава Виноградова «**Я возвращаю Ваш портрет…»**. Фильм был посвящен кумирам советской эстрады прошлых и нынешних лет, многих из которых Миронов знал лично еще с детских лет: Леонид Утесов, Клавдия Шульженко, Аркадий Райкин и др. На этих правах Миронов играл в фильме Ведущего, а съемки фильма велись в квартире его родителей на улице Танеевых.

Тем временем 27 декабря по ТВ показали очередной фильм с участием Миронова – «**Старики-разбойники»** (19.30). Как мы помним, наш герой сыграл в нем небольшую роль подлеца-карьериста Проскудина, которого по блату устраивают работать в

прокуратуру.

30 декабря по ТВ был показан праздничнывй выпуск «**Кинопанорамы»**. Кто помнит этот выпуск, согласится со мной, что он был одним из лучших за многие годы, поскольку собрал чуть ли не весь цвет отечественного кинематографа. Среди приглашенных в студию были: Андрей Миронов, Александр Ширвиндт, Михаил Державин, Клара Лучко, Людмила Гурченко, Александр Абдулов, Михаил Глузский, Николай Бурляев, Николай Караченцов, Василий Лановой, Геннадий Хазанов, Булат Окуджава, Татьяна и Сергей Никитины и многие другие. Каждый из пришедших рассказал какую-нибудь забавную историю из своей богатой творческой биографии, а некоторые исполнили эстрадные интермедии, не менее смешные. Так, Андрей Миронов блестяще сыграл интермедию Аркадия Хайта «Про кино», где изобразил сразу двух героев: известного режиссера и молодого актера, который мечтает сниматься у первого.

В декабре вышел очередной диск с песнями в исполнении Андрея Миронова» – «**Ну чем мы не пара?»**.

1983

Наступление Нового года Миронов и Голубкина встретили у себя дома в компании своих друзей и знакомых. Именно тогда хозяева дома дозрели до того, чтобы посадить за общий стол свою 9-летнюю дочь Машу, которая до этого дня такой привилегии была лишена – ее считали маленькой. Вспоминает Л. Голубкина:

«Мы пустили за свой стол, о чем тут же и пожалели. Представьте, сидит она за столом, вдруг входит одна актриса, очень известная, не буду говорить кто, шикарно одетая, совершенно пьяная. И – „матовые слова“… Маша сползла с дивана, под стол, и потихоньку сбежала в свою комнату. Я иду к ней, говорю:

– Ну, что случилось?

– Мам, я там не могу сидеть, почему такая красивая женщина такая неприличная?

Вот, пожалуйста, мы ее оберегали, хотя все бесполезно, наоборот, не надо было оберегать, сама во всем прекрасно разбиралась…»

Спектакли с участием Миронова возобновились 4 января – в тот день игралась «Трехгрошовая опера». 7-го это была «Женитьба Фигаро». А как только спектакль закончился, по ТВ начался показ (21.35) фильма «Обыкновенное чудо», где Миронов играл Первого администратора. На следующий день в 9.20 утра фильм повторили.

В эти же дни Миронов продолжил работу в документальном фильме «Я возвращаю Ваш портрет…». Именно тогда Миронов приехал в квартиру Аллы Пугачевой на улице Горького, чтобы снять с ней интервью для фильма. Хозяйка сидела в кресле со шляпкой на голове и обстоятельно отвечала на вопросы Миронова. Она вкратце пересказала историю своего восхождения на эстрадный Олимп, причем начала не с легендарного «Арлекино», а с «Посидим, поокаем», спетой ею в 74-м году. К слову, в фильме была занята и мама Миронова Мария Владимировна, которая так отзывалась о Пугачевой: «Сейчас произошел какой-то второй „пугачевский бунт“, но про Пугачеву я хочу сказать, это мое личное мнение, – она человек чрезвычайно одаренный. Она может нравиться, не нравиться, как всякий одаренный человек, но она особенная. Она не такая, как все, а ведь на эстраде самое главное – индивидуальность!»

С мнением своей матери был полностью согласен и Андрей Миронов.

15—16 января по ТВ показали телефильм Марка Захарова «**12**

стульев», где Миронов играл Остапа Бендера. Несмотря на то что с момента последнего показа картины в марте 81-го прошло не так много времени, аудитория у экранов собралась приличная – этот фильм зрителям нравился. Однако Миронов этот показ сумел посмотреть наполовину. Первые две серии он увидел, а вот две заключительные, которые демонстрировались 16 января в 18.20–21.00, вынужден был пропустить, поскольку в эти же самые часы играл Мекки-ножа в «Трехгрошовой опере».

17 января Миронов играл «Женитьбу Фигаро», 19-го – «Горе от ума», 20-го – «Продолжение Дон Жуана» (Бронная), 21-го – «У времени в плену», 28-го – «Ревизор», 29-го – «Мы, нижеподписавшиеся…».

Февраль начался с «Бешеных денег» (1-го). Далее шли: 2-го и 4-го – «Женитьба Фигаро». Затем два дня Миронов отдыхал. Именно тогда с ним произошла забавная история, о которой рассказывает Аркадий Хайт:

«Наш друг Игорь Кваша, слегка захандрив, решил не отмечать свой день рождения (4 февраля 1983). Узнав об этом, Андрей тут же обзвонил всех нас и придумал, как мы будем отмечать этот праздник.

В день рождения Игоря без всякого приглашения мы явились к нему в дом, одетые в самое плохое, что у нас было. Горин даже одолжил ватник у слесаря-сантехника и повесил на груди табличку: «Да, я незваный гость!»

Жена Игоря, Таня, была предупреждена, но честно не сказала мужу ни слова. Мы, не поздоровавшись, прошли мимо слегка оторопевшего хозяина в маленькую комнатку, постелили на полу специально принесенные из дома газеты и улеглись на них, дабы выказать свое полное презрение к хозяйским стульям. Затем достали из кошелок собственные судки, кастрюли, тарелки. Разложили на полу хлеб, винегрет, голубцы и поставили бутылку вина. Даже соль и перец мы принесли с собой. Игорь, конечно, сновал возле нас, но мы делали вид, что с ним незнакомы. Такова была режиссерская установка Андрея.

Затем Андрей поднял свой стакан и стал произносить тост. Он красиво и цветисто говорил о том, как мы все любим Игоря Квашу (и это действительно была правда), он говорил, как много в нашей жизни значит дружба и как мы все огорчены, что наш общий друг оказался такой большой сволочью. И торжественно предложил нам всем выпить за здоровье «сволочи».

Игорь хохотал как безумный. Пытался к нам присоединиться, но не тут-то было. Раз нас никто не приглашал, то мы никого и не замечали. У нас была своя компания и свое веселье. Андрей провозглашал один тост за другим. Мы выпили за маму

«сволочи», за жену, за папу «сволочи». Принесенная бутылка быстро кончилась, и тогда Андрей поинтересовался, нельзя ли в этом доме приобрести бутылку вина.

Танечка, наша общая миротворица, хотела уже, чтобы розыгрыш кончился и Игорь был прощен. Она достала из шкафа бутылку вина, принесла какие-то соблазнительные закуски, но Андрей был неумолим. Закуски он отверг, а бутылку мы все, «скинувшись», приобрели. Причем, учитывая позднее время, заплатили за нее двойную цену.

Затем Андрей пригласил нас всех пройти в большую комнату на «вернисаж». Игорь увлекается живописью, и вся комната была увешана его картинами. Там Андрей, уже изображая искусствоведа-профессионала, провел нас по «залу» и не оставил от картин камня на камне, охаяв их в худших традициях нашей художественной критики. При этом он вел свою «лекцию» так, будто эти картины написаны не Игорем, а каким-то неизвестным художником второй половины XX века.

В этот вечер Андрюша был в каком-то особенном ударе. Все, что он говорил, было смешно. Мы визжали, хрюкали и катались по полу. И громче всех хохотал Игорь. Было у Андрея это удивительное качество: он никогда не переходил грань, отделяющую шутку от обиды. Он просто кожей чувствовал, где нужно остановиться…»

6 февраля Миронов играл в «Мы, нижеподписавшиеся…», 7-го – в «Горе от ума», 8-го – в «Бешеных деньгах», 10-го – в «Продолжении Дон Жуана» (Бронная).

14 февраля по ТВ показали очередной фильм с участием Миронова – «**Лев Гурыч Синичкин»** (21.35). Роль у него там была небольшая, но и проходной назвать ее тоже нельзя. Сам Миронов картину в тот день, судя по всему, не видел, поскольку, как обычно, был занят в спектакле – играл «Ревизора» (а тот длился три часа). 15-го это была уже «Трехгрошовая опера». Затем целую неделю Миронов в спектаклях не участвовал.

22 февраля на «Ленфильме» состоялось утверждение актеров на роли в лирическую комедию «Блондинка за углом». Как мы помним, главная роль в нем – бывшего астрофизика Николая Гавриловича – еще на стадии написания сценария была отдана Андрею Миронову, а вот на другие были утверждены следующие актеры: Татьяна Догилева (Надя), Евгения Ханаева (мама Николая), Марк Прудкин (папа Николая), Елена Соловей (Регина) и др.

В тот же самый день Миронов был в Москве и вечером играл Вишневского в спектакле «У времени в плену». 25-го это уже был Хлестаков в «Ревизоре», 27-го – Мекки-нож в «Трехгрошовой

опере».

В день своего рождения 8 марта (Миронову стукнуло 42 года) именинник играл в собственном спектакле «Бешеные деньги». На следующий день он в театре занят не был и вечер посвятил приятному занятию – смотрел телеспектакль **«Рудин»** (19.50), где играл главную роль. Если учитывать, что с момента премьеры спектакля в феврале 1970 года он больше не демонстрировался, интерес Миронова к нему понять можно. Все-таки приятно смотреть на себя в пору расцвета своего таланта.

11 марта Миронов вернулся на сцену театра – играл в «Трехгрошовой опере». 12-го это было «Горе от ума», 13-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…». А 14-го по ТВ показали еще один фильм с участием Миронова – **«Повторную свадьбу»** (19.00). Эту трансляцию Миронов уже не застал, поскольку играл Мекки-ножа в «Трехгрошовой опере». 16-го это был «Ревизор», 18-го – «У времени в плену», 19-го – «Трехгрошовая опера». Затем Миронов улетел в Ленинград, где с 15 марта начались съемки «Блондинки за углом». Снимались павильонные сцены в декорации «квартира Николая». В частности, сняли эпизод, когда Надя приходит в гости к Николаю, видит у него пустой холодильник и в следующий приход устраивает пиршество – приносит с собой целую гору деликатесов из своего продуктового магазина (тогда продавцы, в отличие от рядовых покупателей, имели возможность приобретать дефицитные вещи без всякого труда).

22 марта по ТВ крутанули еще один фильм с участием Миронова. На этот раз это была его дебютная картина **«А если это любовь?»** (21.35), которую на голубых экранах не показывали пять с половиной лет (с ноября 77-го). Как мы помним, Миронов играл там эпизодическую роль десятиклассника Пети, хотя сам в то время учился на 3-м курсе «Щуки». Судя по всему, Миронов эту трансляцию видел: в тот день его ждали на съемках «Блондинки», но он на нее не явился, за что группе был записан простой.

К зрителям Театра сатиры Миронов вышел 23 марта – играл в «Ревизоре». Потом он снова уехал в «колыбель революции» на съемки «Блондинки за углом». И на сцене родного театра объявился 27-го в костюме Саввы Василькова из «Бешеных денег». 29-го это уже был Фигаро. А 30-го Миронов облачился в костюм Дон Жуана, чтобы на Малой сцене Театра на Малой Бронной сыграть этого знаменитого покорителя дамских сердец в спектакле Анатолия Эфроса «Продолжение Дон Жуана».

31 марта Миронов должен был быть в Ленинграде на съемках «Блондинки», но не приехал, заставив группу весь день промаяться в простое. Приехал он только 1 апреля, и съемки возобновились (снимали объекты «овощной и винный склады»).

Миронов пробыл на них до 5-го, после чего вернулся в Москву и вечером уже лихо отплясывал на сцене родного театра в роли лондонского бандита Мекки-ножа из «Трехгрошовой оперы». Затем он снова снимался в «Блондинке» (объекты «бакалейный склад», «мясной зал»). 9 апреля играл в «Женитьбе Фигаро». Снова снимался (объекты «подсобка», «торговый зал»). 12-го играл в «Ревизоре». Потом сорвался на концерты, из-за которых подвел съемочную группу «Блондинки» – его напрасно прождали там четыре дня (15, 18–20 апреля).

20 апреля Миронов играл в «Горе от ума», 22-го, в очередную годовщину со дня рождения вождя мирового пролетариата, – в «У времени в плену», 23-го – в «Мы, нижеподписавшиеся…», 24-го – в «Бешеных деньгах», 25-го – в «Трехгрошовой опере». 26 апреля он должен был сниматься, но опять не приехал. А 27-го снова играл в родном театре – в «Женитьбе Фигаро». На следующий день он был уже на Малой сцене Театра на Малой Бронной, чтобы в десять часов вечера играть в «Продолжении Дон Жуана». И опять вместо того чтобы сниматься. Таким образом, только за один апрель по вине Миронова на съемках «Блондинки за углом» случилось семь дней простоев, вылившихся в весьма круглую сумму в размере 3500 рублей.

Вечером в Международный день солидарности трудящихся 1 мая Миронов играл в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся…». На следующий день он отдыхал и посвятил вечер просмотру телевизора. В 19.25 ЦТ демонстрировало один из самых популярных фильмов с участием Миронова – «**Бриллиантовую руку**». Как мы помним, одно время Миронов с некоторым раздражением относился к этой картине, считая, что она принижает его талант драматического актера. Но теперь от этих чувств не осталось и следа, поскольку и время было уже иное, и сам Миронов другой. Теперь он с наслаждением смотрел на себя образца 68-го года и ловил себя на мысли, что это, без сомнения, была лучшая пора в его жизни: как в творческом плане, так и в личном.

Очередной спектакль Миронов играл 4 мая – это была «Трехгрошовая опера». 6-го – «Ревизор», 7-го – «Женитьба Фигаро», 9-го и 10-го – «У времени в плену».

10 мая в Москву приехала съемочная группа фильма «Блондинка за углом», чтобы начать здесь натурные съемки. Видимо, таким образом группа хотела сократить до минимума свои простои, вызванные частым отсутствием на съемках Миронова. Но группе опять не повезло: 11–13 мая Миронов вновь не смог объявиться на съемках. Он появился только 14-го: полдня снимался в эпизоде «у дома Николая», а вечером играл в

«Бешеных деньгах». На следующий день съемки с Мироновым велись весь день.

16 мая Миронов опять не явился на съемку, зато вечером играл в «Бешеных деньгах». Не было его на съемочной площадке и 17–20 мая. 21–22 мая он снова снимался (объект «улицы Москвы»), а потом два дня снова отсутствовал. 23–27 мая Миронов на съемках присутствовал (объекты «улицы Москвы», «иномарка»).

27 мая Миронов возобновил свои спектакли: в тот вечер он играл в «Трехгрошовой опере». 28–30 мая снова снимался. Вечером 30-го играл в «Горе от ума».

Между тем над «Блондинкой за углом» сгустились первые тучи. Худсовет, просмотрев часть отснятого материала, нашел в нем массу идеологических ошибок. Причем на стадии сценария все эти эпизоды не вызывали у цензоров никаких возражений, но теперь их мнение круто изменилось. Они посчитали, что сатира, высмеивающая так называемую «торговую мафию», получилась у режиссера слишком острой и прямолинейной, чтобы быть перенесенной на экран. В фильме речь шла о том, как бывший астрофизик, эдакий рохля Николай Гаврилович влюбляется в разбитную продавщицу Надю и та пытается сделать из него человека: то бишь учит брать от жизни все, что только можно. Она снабжает его дефицитными продуктами, знакомит с так называемыми «нужными людьми». А интеллигентный Николай Гаврилович этого мира откровенно чурается и, в свою очередь, пытается переделать Надю.

Претензии цензоров вызывали справедливое удивление, поскольку именно в те самые дни новый генсек Юрий Андропов всеми силами боролся с этой самой «торговой мафией» (дело «Океан», дело Трегубова («Мосторг»), арест и расстрел директора «Елисеевского» магазина Соколова и т. д.), и, значит, фильмы, подобные «Блондинке», были как раз к месту. Но вышло совсем иначе. Таким образом, судьба фильма Бортко наглядно продемонстрировала, что все эти судебные процессы над торговой мафией не что иное, как очередное выпускание пара. Кардинальных изменений в обществе тогда не происходило.

Пересъемки «Блондинки» начались 1 июня, и Миронов в них участвовал – переснимали эпизод «в иномарке». Вечером того же дня Миронов играл в «Женитьбе Фигаро». 2 июня опять снимался («в иномарке»), как и в трех последующих днях. Вечером 6-го Миронов снова вышел на сцену родного театра – играл в «Трехгрошовой опере». 7-го снимался и играл в «Ревизоре». 8—11-го – только снимался. В частности, 9– 10 июня в гостинице «Интерконтиненталь» была полностью переснята свадьба главных

героев. Однако мытарства этого эпизода на этом не закончатся, о чем рассказ впереди.

11 июня по ТВ показали «**Достояние республики»**. Время показа было выбрано удачное, особенно для Миронова, – 21.35. Дело в том, что до половины десятого вечера он играл в «Трехгрошовой опере» и имел все шансы успеть захватить хотя бы полторы серии фильма.

В том же месяце по ТВ состоялась премьера документального фильма «**Я возвращаю Ваш портрет…»**, где Миронов играл роль Ведущего, а также блистательно исполнил песенку «Джон Грей».

12—13-го Миронов снимался. 13-го вечером он играл в «Горе от ума». 14—18-го он опять снимался (16-го и 18-го переснимали эпизод «у магазина»). 19-го с утра переснимали эпизод «у дома Николая», а вечером Миронов играл в «Бешеных деньгах». 20—22-го снимался (20-го пересняли эпизод «в иномарке»). Вечером 22-го играл в спектакле «У времени в плену».

23 июня был последним съемочным днем «Блондинки за углом» в Москве. После этого съемочная группа вернулась в Ленинград, где спустя четыре дня закончила съемки. Правда, в тот момент никто из киношников еще не знал, что впереди фильм ждут серьезные мытарства. Но об этом рассказ чуть позже.

25 июня Миронов играл в «Женитьбе Фигаро», 28-го – в «Бешеных деньгах».

Июль начался с «Бешеных денег» (3-го). На этом Театр сатиры закрыл свой очередной сезон в Москве, уступив свою сцену Черновицкому музыкально-драматическому театру имени О. Кобылянской. Часть «сатировцев» ушла в отпуска, часть – выехала на гастроли по стране. Миронов тоже уехал на гастроли, но гораздо дальше своих коллег – в Америку. Поездка проходила по линии Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина»). Миронов пробыл в США больше двух недель и дал несколько концертов в различных городах для русскоязычной диаспоры. Продюсером гастролей выступил известный импресарио Виктор Шульман.

В начале августа Миронов был уже на родине. Он съездил на несколько дней в Ленинград, где принял участие в озвучании роли Николая Гавриловича в фильме «Блондинка за углом». Но, как покажет будущее, на этом его работа над ролью не закончится.

10 августа вместе с Театром сатиры Миронов отправился на гастроли в Кишинев. А на следующий день на «Ленфильме» худсовет студии смотрел готовый вариант фильма «Блондинка за углом». И опять многие места в картине высокой комиссии откровенно не понравились. И вновь не по художественным

причинам, а по идеологическим. Как я уже говорил, в первоначальном варианте у Бортко получилась весьма актуальная картина. В сатирическом ключе она поднимала проблему так называемой «торговой мафии», показывала ее в весьма неприглядном свете. Но худсовет такой подход не устроил. И Бортко была дана команда почти по Райкину: мол, «надо к этой проблеме подойти мягше». От режиссера снова потребовали значительных сокращений и пересъемок. В частности, надо было полностью переснять свадьбу Николая и Нади в «Интерконтинентале» (цензорам показалось, что свадьба на экране выглядит слишком роскошной, в то время как в стране был повальный дефицит всего и вся, а среди гостей фигурировало слишком много «блатных»), ряд эпизодов в доме у Николая и т. д. Когда об этом узнал Миронов, у него просто руки опустились. Он понял, что при таком подходе от злободневного сценария останутся лишь рожки да ножки. И сниматься в таком кино он не хотел. Но и выйти из проекта был уже не в силах – как-никак большая часть материала была уже отснята.

В эти же дни Миронов оказался включен еще в один кинопроект – фильм Евгения Матвеева «**Победа»**. Это была экранизация одноименного романа Александра Чаковского, в котором речь шла о последних месяцах Великой Отечественной войны: о Потсдамской конференции глав трех держав 1945 года, падении Берлина и т. д. Миронову была предложена неожиданная роль – американского корреспондента Чарльза Брайта. Позднее многие из коллег и друзей Миронова будут его укорять: дескать, зачем ты снялся в этом откровенно пропагандистском фильме? Миронов в лучшем случае отделывался шутками, но чаще всего просто молчал. На мой взгляд, с его стороны это был просто компромисс. После тех мытарств, которые претерпели последние фильмы с его участием («Мой друг Иван Лапшин», «Блондинка за углом» и даже невинная «Сказка странствий», на которую министр кинематографии Ф. Ермаш, по словам Митты, топал ногами), ему просто захотелось сыграть роль, которая без проблем дошла бы до зрителя. «Уж у такого фильма противников быть не должно», – мог вполне резонно предположить Миронов. К тому же и материально такого рода работа всегда поощрялась по самому высшему разряду. А деньги в нашем обществе, как говаривал герой Миронова Дима Семицветов, пока еще никто не отменял. Да и роль в «Победе» – играть итальянца ему когда-то доводилось (в «Тени» он играл Чезаре Борджиа), а вот американца еще нет. Далее послушаем рассказ самого режиссера фильма Евгения Матвеева:

«В романе, а следовательно, и в фильме, кроме исторических

персонажей действовали и герои вымышленные, придуманные Чаковским. Они не только свидетели описываемых событий и в какой-то степени их участники, но и комментаторы, трактовщики. Это журналисты Михаил Воронов (СССР) и Чарльз Брайт (США). В период Потсдама – они друзья, спустя 30 лет, уже в Хельсинки, пройдя через душ „холодной войны“, – противники.

Смысловая нагрузка на эти два персонажа огромная. Они как бы держат скелет произведения, а выписаны были в романе газетно, очерково. Герои не действующие, а функционирующие. Ладно Брайт, этот хоть наделен некоторой эксцентричностью, с еле заметными намеками на юмор, а уж Воронов… Прямой и крепкий, как телеграфный столб. Я не сомневался, что Вадим Трунин в сценарии вдохнет в эти роли какую-то жизнь, но только какую-то. На большее мы не могли надеяться – были ограничены предупреждением романиста: «Фильм не по мотивам, а экранизация».

Значит, вся тяжесть сваливается на исполнителей, на господ артистов. Кто они? Я долго прокручивал в голове множество актерских портретов и все чаще высвечивалось: Саша Михайлов – Воронов, Андрюша Миронов – Брайт.

Михайлов – статен, по-мужски неотразимо красив, обаятелен, и, что самое главное, меня привлекал его темперамент… Не обжигающий, а обволакивающий теплом, как бы располагающий к доверию.

Миронов – это фонтан, из него бьют все краски характера: горячность, юмор, сарказм, ирония… И при этом пластичен дьявольски.

Оставалась ерунда – их согласие.

С Сашей, думалось мне, будет проще: мы с ним недавно закончили работу в «Бешеных деньгах» по Островскому. Он был великолепен в острохарактерной роли Василькова (парадокс, но эту роль, как мы помним, Миронов играл у себя в театре. – *Ф. Р.*). А сейчас я предложу ему чистой воды положительного героя – это же прелесть какая: иметь возможность создавать резко контрастный образ. Этот, думал я, согласится.

А вот Миронов?! Ведь всеми настолько любим, популярен. Не капризен ли? Не страдает ли «звездной» болезнью?

Прочитали Саша и Андрей сценарий и сразу дали согласие. Правда, с некоторыми пожеланиями. Андрей предложил сыграть Брайта на английском языке – владел он им прекрасно.

– Но ведь тогда понадобится звуковой или титрованный перевод. А это еще больше утяжелит восприятие картины. Пожалуйста, откажись от своего предложения, – умолял я артиста.

– Я так и думал, – ответил Андрей. – Но есть вопрос: кто будет ставить Брайту и компании рок-н-ролл?

Я понимал, что имел в виду Миронов. В фильме есть такой эпизод: вечеринка журналистов, там они острят по поводу своих вождей, танцуют. Танцуют рок-н-ролл. (Здесь Матвеев ошибается: рок-н-ролл придумали в середине 50-х, а действие фильма происходит за 10 лет до этого. – *Ф. Р.*) Андрей интересовался, кто будет ставить его.

Я ответил:

– Никто! Это будет импровизация во главе с артистом Мироновым.

Действительно, Андрей только наметил, что надо сделать в этой танцевальной сцене, а на роли журналисток я пригласил моих учениц из ВГИКа – был уверен, что станцуют они прекрасно. И не ошибся ни в выборе постановщика танца, ни в выборе артисток – импровизация получилась замечательная…

– Пробы будут? – спросил Андрей, удовлетворенный моим ответом.

– Обязательно! И не только потому, что их должны смотреть на худсовете «Мосфильма», на коллегии Госкино, в ЦК, но и потому, что надо искать грим. В Хельсинки герои должны быть старше на тридцать лет.

– Не дай бог ряженые!

Андрей имел в виду необходимый «возрастной» грим героев. Ведь им в Хельсинки было уже по 60 лет, должны быть морщины, брюшко, седые головы. Каким бы грим ни был, мы будем иметь размалеванных персонажей. То есть была опасность получить не живых людей, а искусственные образы в исполнении загримированных актеров, что не могло убедить зрителей.

– Не дай бог! – в тон Андрею ответил я.

По всему было видно, что Миронов ролью загорелся: он уже ходил, двигался и жестикулировал по-брайтовски…»

Утверждение кинопроб в картину «Победа» состоялось 17 августа. Были утверждены все актеры, которых Матвеев видел в ролях героев, в том числе и Миронов.

19 августа Миронов приехал в Ленинград, чтобы в тот же день начать пересъемки в «Блондинке за углом»: снимали эпизод «на овощебазе». Миронов летал в Ленинград из Кишинева, причем курсировал в те дни между двумя городами весьма интенсивно. Так, 23-го он снимался в эпизодах «универсам» и «у церкви», 24-го – в «улицах города», 26-го – «в иномарке». 29–30 августа и 1 сентября был переснят самый дорогостоящий эпизод – свадьба Николая и Нади.

2—3 сентября Миронов все еще находился в Ленинграде, где

закончил пересъемки в «Блондинке» (эпизоды «универсам» и «овощебаза»). После чего он улетел в Одессу, куда Театр сатиры приехал продолжать гастроли после Кишинева (с 30 августа).

20 сентября на «Ленфильме» состоялся просмотр исправленной версии фильма «Блондинка за углом». И опять худсовет остался недоволен увиденным. Бортко обвинили чуть ли не в саботаже: дескать, он проигнорировал половину замечаний и многие «крамольные» эпизоды оставил нетронутыми. «Будете переснимать и переозвучивать до тех пор, пока не сделаете так, как нам нужно!» – было заявлено режиссеру. Бортко надо было снять новый финал, переозвучить несколько эпизодов, заменив «скользкие» реплики на более приемлемые. Приведу лишь один пример. В эпизоде первого прихода Нади в дом Николая она видит, что его холодильник пуст. На ее удивленный вопрос мама Николая отвечала: «Николенька совершенно не умеет делать покупки. Он всегда заявляет, что ничего нет». В последней реплике чудилась явная крамола: как это в советских магазинах «ничего нет»? Поэтому Бортко заставили переозвучить реплику матери, заменив ее на другую: «Он вообще у нас страшно неактивный».

Но вернемся к Миронову. Вместе с Театром сатиры он находился в Одессе до 26 сентября. А 7 октября Театр сатиры открыл сезон в Москве. Был показан спектакль «Малыш и Карлсон», в котором Миронов участия не принимал. На сцену театра он вышел 11-го в «Трехгрошовой опере». 12-го это было «Горе от ума», 18-го – «Мы, нижеподписавшиеся…».

19 октября на «Ленфильме» состоялся очередной худсовет по «Блондинке за углом». На этот раз замечаний по увиденному высказано было минимальное количество, после чего многострадальный фильм был принят. Приведу лишь один отрывок из заключения по фильму, где речь идет о герое нашего рассказа: «Опытный А. Миронов в главной мужской роли не всегда столь убедителен, местами – особенно в первой половине – он кажется излишне жалким, но трудные сцены в заключительных частях актер проводит темпераментно, с большим мастерством».

19 октября Миронов играл в «Бешеных деньгах», 22-го – в «Женитьбе Фигаро». В этот же вечер (19.20) по ТВ был показан очередной фильм с участием Миронова – «**Берегись автомобиля»**, который ему посмотреть не удалось.

25 октября фильм «Блондинка за углом» был отправлен в Госкино СССР. Но там его не приняли, обязав режиссера сделать еще ряд купюр и произвести новые досъемки.

26 октября Миронов играл в «Ревизоре», 31-го – в «Трехгрошовой опере».

С «Трехгрошовой» начался для Миронова и ноябрь – он играл ее 2-го. Далее шли: 4-го – «У времени в плену», 7-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 9-го – «Трехгрошовая опера», 14-го – «У времени в плену», 15-го – «Бешеные деньги», 18-го – «Трехгрошовая опера».

21 ноября по ТВ показали «**Повторную свадьбу»** (18.20) (повтор 24-го).

25 ноября Миронов играл в «Ревизоре», 26-го – в «Бешеных деньгах».

27 ноября по ТВ показали спектакль Театра сатиры «**Маленькие комедии большого дома»** (14.00). Этот спектакль вот уже несколько лет как снят с репертуара театра, но благодаря телевидению зрители имеют счастье наслаждаться им до бесконечности.

Об одном случае, который имел место в конце того ноября, вспоминает В. Ротанова: «Около семи вечера я бежала по улице Горького (с букетом, торопилась в Театр оперетты). Было очень скользко, лепил снег с дождем. Я споткнулась и полетела куда-то… Вдруг кто-то схватил меня, остановил, удержал (а комплекция у меня довольно мощная) и знакомым, как мне показалось, голосом сказал: „Осторожно: окрашено!“ Мы отошли в сторону, человек наклонился, чтоб поднять сумочку и букет, потом выпрямился, и я узнала! От неожиданности я забыла имя и отчество… „Миронов!“ – „Я самый!“ – „Вот не думала, что так с вами встречусь!“ – „Держите эту встречу в тайне до самой смерти“, – и засмеялся! „До чьей?“ – „До моей, конечно. Ведь вы бессмертны“.

Потом мы смеялись, а он все меня отряхивал…»

И вновь вернемся к театральному репертуару Миронова. Вечером 27 ноября он играл в «Трехгрошовой опере», 28-го – в «Женитьбе Фигаро», 30-го – в «Горе от ума».

2 декабря по ТВ был показан эстрадный концерт (21.35), в котором Миронов исполнил песню «Ну чем мы не пара?». Компанию ему в этом концерте составили следующие артисты: Алиса Фрейндлих, Андрей Мягков, Эльдар Рязанов, Олег Анофриев, Татьяна и Сергей Никитины и др.

В эти же дни на ТВ прошли съемки новогоднего «Голубого огонька», куда был приглашен и наш герой. Миронов выступил в двух ролях: представил интермедию в исполнении своих коллег по Театру сатиры Александра Ширвиндта и Михаила Державина, а также в дуэте с Раймондом Паулсом (тот играл на рояле) исполнил песню «**Полюбите пианиста»**. Как мы помним, с Паулсом судьба впервые свела Миронова в далеком 1962 году во время работы над фильмом «Три плюс два». С тех пор они если и

виделись, то только мельком. Но некоторое время назад они снова встретились, на этот раз на съемках «Кинопанорамы», и пришли к выводу, что им надо попробовать поработать вместе. И первой ласточкой этого творческого сотрудничества стала песня «Полюбите пианиста». А спустя несколько месяцев Паулс и Миронов запишут еще одну – «**Старые друзья»**. Но вернемся в конец 83-го.

Очередной спектакль Миронов играл 5 декабря – «У времени в плену». Далее шли: 6-го – «Трехгрошовая опера», 7-го – «Бешеные деньги», 11-го – «Мы, нижеподписавшиеся…», 12-го – «Трехгрошовая опера», 13-го – «Бешеные деньги». Затем Миронов и Лариса Голубкина съездили в Болгарию, чтобы принять участие в записи новогодней программы Болгарского телевидения «Созвездие-84», которая снималась в Народном дворце культуры в Софии. Переполненный зал с исключительным вниманием следил за выступлением Миронова и Голубкиной и проводил их бурными аплодисментами.

16 декабря Миронов снова вышел на сцену родного театра в спектакле «Трехгрошовая опера». 19-го это уже была «Женитьба Фигаро».

21—22 декабря Миронов участвовал в досъемках фильма «Блондинка за углом». Сняли финал фильма, где Николай работает на Крайнем Севере, а перековавшаяся Надя туда к нему приезжает. Также были записаны три песни в исполнении Миронова (чтобы сделать из сатирической комедии лирическую).

23 декабря Миронов играл в «Ревизоре», 27-го – в «Горе от ума».

1984

Новый **1984 год** начался с «Голубого огонька», где Андрей Миронов исполнил новую песню Раймонда Паулса «Полюбите пианиста». А на сцену Театра сатиры наш герой вышел 2 января в роли Саввы Василькова в «Бешеных деньгах». Затем он съездил в Ленинград, где 5 января участвовал в последних досъемках многострадальной «Блондинки за углом»: была записана еще одна песня в его исполнении.

6 января Миронов уже был в Москве и вечером играл в «Трехгрошовой опере». Два дня спустя это была уже «Женитьба Фигаро». Параллельно с этим Миронов усиленно репетировал новую роль – Лопахина в «Вишневом саде» А. Чехова. Репетиции шли трудно, поскольку незадолго до премьеры постановку покинула одна из главных героинь – Татьяна Васильева, которая должна была играть Раневскую. В течение долгих лет она верой и правдой служила Плучеку, но тут ее угораздило влюбиться в молодого актера ее же театра Георгия Мартиросяна (пришел в «Сатиру» в апреле 80-го), чего Плучек ей простить не захотел. В итоге, устав терпеть издевки главрежа, Васильева и Мартиросян покинули «Сатиру» и перебрались в Театр имени Маяковского. А на роль Раневской была введена новая актриса – Раиса Этуш (дочь «товарища Саахова»).

13 января Миронов играл в «Бешеных деньгах». Спектакль закончился в половине десятого вечера, а двадцать минут спустя по ТВ была показана передача «Встреча с А. Мироновым в концертной студии „Останкино“. Миронов на эту трансляцию успел, поскольку не видел эту запись с момента ее премьеры – с ноября 1978 года.

15 января Миронов играл в «Трехгрошовой опере». А на следующий день в столичном кинотеатре «Россия» состоялась премьера нового фильма с участием Миронова – «**Сказка странствий**» Александра Митты. Как мы помним, наш герой играл в нем главную мужскую роль – поэта и странника Орландо. Судьба у его героя была трагическая: помогая девочке Марте найти ее брата Мая, он погибает от чумы. Вот как описывает героя Миронова критик Г. Масловский:

«Но вот иной тип талантливого человека – Орландо. Врач, поэт, философ, как он сам себя представляет. В противоположность Маю, он открыт и контактен, жизнерадостен и оптимистичен, легок и весел.

Орландо фонтанирующе талантлив: он сделал десятки открытий, в совокупности и даже по отдельности могущих

составить счастье человечества. Среди них, кстати, есть и способ добычи золота: как бы в пику способностям Мая, это чрезвычайно легкое и экономичное средство: благородный металл получают с помощью железного креста из коровьих лепешек. Но есть у Орландо и вполне серьезные открытия, в полезности которых мы убедимся сами: хотя бы летательный аппарат, сооруженный чуть ли не на наших глазах.

Но у Орландо своя странность: он не торопится реализовать проекты и открытия, и «рукотворный нетопырь, поднимающий человека», видимо, единственное из воплощенных изобретений. Орландо странствует без цели и задачи, просто так, «из любви к искусству». Но этого профессионального странника то и дело тянет остановиться там, где тепло очага, накрытый стол и играет музыка. На этот счет у Орландо есть полушутливая сентенция: «Голодные философы – все злые, а философ, который желает добра человечеству, должен есть досыта».

Он, конечно, желает добра человечеству, но нам не дано знать ни об одной практической попытке Орландо реализовать свой талант на благо и счастье людей. Он складывает записи своих непроверенных гипотез «про запас», а когда проекты гибнут, признается, что теперь уже не в состоянии вспомнить, в чем суть столь многообещающих открытий. Несчастный случай оборвал его жизнь, но если бы она продолжалась, в сущности, ничего бы не переменилось… Орландо воображает вслух: он научит Мая жонглировать и ходить по канату, Марта станет варить им суп и стирать рубашки, и все вместе они будут странствовать, странствовать… Орландо и для себя, и для Мая не видит возможности реализации таланта, да и особого стремления к этому не испытывает. В его элегической проекции будущее благо человечества – за пределами луча, а собственное счастье не связано с талантом или даже более того – предполагает отказ от реализации дарования…»

К сожалению, фильм «Сказка странствий» не принес большого успеха ни автору (а ведь его предыдущий фильм «Экипаж» стал фаворитом проката), ни актерам, занятым в нем. Фильм не спасли ни знакомый сюжет, напоминающий «Снежную королеву» (там мальчика Кая крадет Снежная королева, здесь мальчика Мая умыкает злой волшебник Горгон), ни многочисленные спецэффекты. Что-то у Митты на этот раз не сработало.

16 января на «Мосфильме» Евгений Матвеев приступил к съемкам фильма «Победа». В тот день снимали эпизод в декорации «кинозал Черчилля», в котором наш герой участия не принимал – его съемки начнутся чуть позже.

Тем временем 21 января в жизни Андрея Миронова грянула еще одна премьера: на Малой сцене Театра сатиры был показан спектакль «**Вишневый сад»**. Помимо Миронова, игравшего купца Лопахина, в нем были заняты: Анатолий Папанов (Гаев), Раиса Этуш (Раневская), Михаил Державин (Епиходов), Ольга Аросева (Шарлотта), Георгий Менглет (Фирс), Луиза Мосендз (Варя), Роман Ткачук (Симеонов-Пищик) и др. Критик Т. Шах-Азизова так отозвалась о роли Лопахина в исполнении Миронова:

«Доверившись тексту пьесы и замечаниям Чехова, режиссер и актер увидели Лопахина человеком порядочным, мягким, с „тонкой и нежной душой“. То, что случается с ним на торгах, – нечаянное предательство, покупка сада, – произойдет как бы помимо воли, словно вырвется наружу тайная, деловая стихия его души. В борьбе этих двух стихий – „сердца“ и „дела“ – диалектика образа, его драматизм, его движение к монологу после торгов, ставшему кульминацией спектакля. Подавленный усталостью, похмельем, Лопахин начнет монолог тихо, сдерживая пробудившийся азарт делового и хищного человека. Азарт все же прорвется, хотя без обычного лопахинского „куража“, и не победит окончательно, мешаясь с горечью и самоиронией, за которой ироническая усмешка театра…»

А вот еще один отзыв – С. Фоменкова: «Как мужскую увлеченность воспринимает Раневская – Этуш привязанность и заботливость Лопахина. Но чувство будущего хозяина вишневого сада, каким его играет А. Миронов, – иного порядка. Лопахин, мучительно закомплексованный, болезненно рефлексирующий, прежде всего восхищен той внутренней свободой, раскрепощенностью, что несет в себе Раневская. Казалось бы, странно, кто как не Лопахин должен ощущать себя хозяином жизни, иметь все основания быть гордым и уверенным. Да, он преодолел унижения, голод, бедность, нищету (актер с щемящей болью ведет тему прошлого своего героя), но, с детства лишенный радости, он утратил саму способность радоваться жизни.

В Лопахине Миронова это обстоятельство обернулось мучительным неверием духовно одаренного, умного, тонко чувствующего человека в свое право на человеческое уважение и понимание. Неверие в то, что он, Лопахин, может быть по-человечески интересен, то порождает неуравновешенность психики, то приводит к резким перепадам от застенчивости до агрессивной категоричности…»

А вот как отозвалась об этой роли Миронова В. Максимова: «Андрей Миронов не часто имеет возможность напомнить о своем даре актера драматического. Все дальше и дальше в глубь нашей памяти, в прошлое уходит его пылкий, светловолосый Жадов,

юношески неумело и отчаянно сражавшийся за чистую и честную жизнь в спектакле 60-х годов – „Доходном месте“ режиссера М. Захарова. Роль Лопахина – выразительное свидетельство того, что обаятельный и легкий талант Миронова – комика, лицедея, танцора, пантомиста, всех возможностей актера не исчерпывает. Роль сыграна с учетом условий малой сцены сосредоточенно и строго. „Крупные планы“ дают возможность оценить тонкость мимической игры актера, всмотреться в некрасивое, простоватое, печальное лицо человека в белом, нескладно сидящем пиджаке, в черно-белых, не без претензии на элегантность штиблетах, как будто бы еще не обношенных и оттого неудобных. В начале спектакля Лопахин движется неслышно и торопливо, стараясь не обеспокоить, по дедовской и отцовской привычке не шуметь в покоях барского дома. Предложение о сдаче вишневого сада в аренду дачникам преподносит Раневской трогательно сияя, как дорогой подарок от души, как выношенный, продуманный способ спасения, и теряется почти до слез, когда „дар“ отвергнут…

Драматической кульминацией роли становится не обычное в чеховских постановках возвращение с торгов, не финал, где герой является иным и новым, как бы относимым холодным и стремительным течением предпринимательства от «светлых берегов» вишневого сада и старого дома, а эпизод исповеди во время гуляния, воспоминание о недавнем прошлом. Миронов оправдывает здесь очень сложную мизансцену, данную ему режиссером. Рассказ об отце и дяде – разбойниках и рабах, об их темноте и жестокости Лопахин ведет на коленях. Возможность сентиментального звучания актер исключает способом точнейшего жизненного оправдания. Его Лопахин хочет опуститься на траву и поэтому снимает пиджак, но, начав говорить, заново переживая стыд и боль за себя, за своих предков крепостных, замирает на полпути, остается на коленях. Слова обретают второй, добавочный и существенный смысл. Чувствующий силы необъятные, собирающийся в долгое странствие по жизни, готовящийся ко многим победам, Лопахин как бы просит прощения (у собеседников? у нас, у будущих?) за свой выбор судьбы. «Додумывая жизнь в образе до конца», актер предвидит неизбежность будущей трагедии героя. И потому с торгов Лопахин возвращается в предельном изнеможении, раздавленным, опустошенным. Гордость и злость прорываются в единственной фразе: «Я купил!», которую тотчас же смывает волна отчаяния и жалости к Раневской. Сил остается лишь на то, чтобы шептать еле слышно: «Музыка, играй». «Танцевальнейший» Миронов уходит со сцены, едва волоча ноги, ведомый Симеоновым-Пищиком, униженный тем, что Раневская не подала

ему руки…»

22 января Миронов играл в «Трехгрошовой опере».

23 января стало первым съемочным днем Миронова в фильме «Победа». В 9-м павильоне «Мосфильма» была выстроена декорация «квартира Воронова», где в 9 утра и начались съемки. Снимали эпизод из первой половины картины, где Воронов (Александр Михайлов) принимает у себя Чарльза Брайта (Андрей Миронов). Съемки длились до 18.00.

На следующий день съемки продолжились. Но теперь не на «Мосфильме», а в Центральном Доме детей железнодорожников, где одно из помещений было приспособлено под декорацию «комната Джейн». В съемках эпизода из конца фильма участвовали: Миронов, Михайлов, Рижская и др. Снимали с 8 утра до пяти вечера.

Тем временем подтвердилась радостная весть, которая незадолго до этого пришла из Ленинграда, – Госкино разрешило выпустить на широкий экран картину Алексея Германа «Мой друг Иван Лапшин». Правда, режиссеру надо было внести в фильм некоторые поправки (снять пролог – закадровый голос от автора – и эпилог). Приказ о новом запуске «Лапшина» появился 24 января.

25 января с утра Миронов снова снимался в эпизоде «комната Джейн», а вечером играл в «Бешеных деньгах».

26 января съемки «Победы» вновь переместились на «Мосфильм». В павильоне № 9 была построена декорация «ресторан в подвале», где в 9 утра был снят эпизод из первой половины фильма с участием Миронова, Михайлова, Рижской и др. Снимали до шести вечера. Затем три дня Миронов не снимался.

В очередной раз на съемочную площадку он вышел 30 января: снимали все тот же «ресторан в подвале». Вечером наш герой играл в «У времени в плену». На следующий день история повторилась: первую половину дня Миронов снимался («ресторан в подвале»), а вечером играл спектакль («Ревизор»).

1 февраля Миронов снимался в новой декорации, выстроенной в 9-м павильоне, – «кабинет генерала Карпова» (его играл сам режиссер-постановщик фильма Евгений Матвеев). Вечером он снова играл спектакль – «Вишневый сад».

2 февраля съемки объекта «кабинет генерала Карпова» продолжились, но уже без участия Миронова. Он на две недели из съемочного процесса выбыл, поскольку в «Победе» начали снимать Потсдамскую конференцию, и целиком сосредоточился на работе в театре.

3—4 февраля Миронов играл в «Вишневом саду», после чего

три дня отдыхал. Вечером 7-го он снова вышел к зрителям: это был Мекки-нож в «Трехгрошовой опере». 10-го это уже был Савва Васильков в «Бешеных деньгах». Затем в театре наступил вынужденный простой – 10 февраля умер очередной генсек – Юрий Андропов, и все развлекательные мероприятия были отменены.

16 февраля Миронов вернулся на съемочную площадку «Победы». В тот день в гостинице «Спорт», что у метро «Спортивная», снимали объект «вестибюль отеля „Хесперия“ и „номер Воронова“. На следующий день там же сняли эпизод из начала фильма, где Брайт приходит в номер Воронова. Съемки длились с 9.00 до 18.00. Спустя час Миронов уже играл в спектакле „Вишневый сад“. 18-го это были „Бешеные деньги“, 20-го – „Женитьба Фигаро“.

21 февраля Миронов вновь снимался. В 9-м павильоне главной киностудии страны была выстроена внушительных размеров декорация «зал заседаний Потсдамской конференции», где Миронов и отснялся в компании двух десятков актеров, трое из которых изображали глав трех государств: Сталина (Р. Чхиквадзе), Черчилля (Г. Менглет), Трумэна (А. Масюлис). На этом съемки Миронова в «Победе» временно прекратились.

22 февраля Миронов играл в «У времени в плену», 27-го – в «Женитьбе Фигаро», 28-го – в «Вишневом саду», 29-го – в «Ревизоре».

1 марта к 9 утра Миронов снова приехал к гостинице «Спорт», чтобы продолжить съемки в «Победе». Сняли эпизод, где уже седой и старый Чарльз Брайт встречается с таким же постаревшим Вороновым в отеле.

На следующий день в том же «Спорте», выдаваемым киношниками за дворец «Финляндия», сняли эпизод с участием Миронова, Михайлова и Натальи Вавиловой (она играла польскую журналистку Барбару).

3 марта съемочной площадкой стал другой натурный объект – столичный Институт научной информации, интерьеры которого были приспособлены под пресс-центр Хельсинской конференции. Съемки с участием Миронова, Михайлова, Вавиловой и других длились с 9 утра до 6 вечера.

6 марта Миронов играл в «Вишневом саду». На следующий день должна была идти «Женитьба Фигаро», но из-за болезни одного из актеров ее заменили на «Трехгрошовую оперу». 9 марта это было «Горе от ума», 10-го – «Вишневый сад», 13-го – «Трехгрошовая опера». Затем целую неделю Миронов не играл. В те дни он ездил в Ленинград, где участвовал в новом озвучании роли Ханина в фильме «Мой друг Иван Лапшин». Его гонорар за

эту работу составил 98 рублей (Нина Русланова получит 44 рубля, Андрей Болтнев – 28 руб.).

На сцену Театра сатиры Миронов вышел 21 марта в роли Всеволода Вишневского в спектакле «У времени в плену». 23-го это был уже Лопахин в «Вишневом саду», 24-го – Мекки-нож в «Трехгрошовой опере».

25 марта Миронов вылетел в ГДР, где должны были продолжиться натурные съемки фильма «Победа». На следующий день съемочная группа собралась в замке Марквардт в Потсдаме, но съемок не было – прошли только репетиции.

27 марта на территории замка начали снимать объект «пресс-центр» из конца фильма с участием Миронова, Михайлова и др. Работа длилась с 9 утра до 7 вечера. Два последующих дня снимали тот же «пресс-центр». В тот же день, 29 марта, Миронов вылетел в Москву, где два дня спустя играл Лопахина в «Вишневом саду».

3 и 9 апреля Миронов играл в «Трехгрошовой опере», 11-го – в «Женитьбе Фигаро», 13-го – в «Ревизоре», 15-го – в «Трехгрошовой опере».

16 апреля по ТВ показали очередной фильм с участием Миронова – «**Повторная свадьба»** (19.15).

19 апреля Миронов играл в «Трехгрошовой опере», 17-го – в «Женитьбе Фигаро», 18-го – в «Горе от ума», 20-го – в «Вишневом саду», 22-го – в «У времени в плену», 24-го – в «Бешеных деньгах», 25-го – в «Вишневом саду».

2 мая по ТВ показали комедию 63-го года «**Три плюс два»** (21.35). Однако Миронов эту трансляцию не застал, поскольку в эти самые часы был далеко от Москвы – в Потсдаме, где снимался в «Победе». Это был его первый съемочный день после перерыва (последняя съемка с ним прошла 29 марта). В тот день в городском парке сняли эпизод из середины фильма с участием Миронова, Михайлова и Юрия Кузьменкова. Съемки длились с 14.00 до 24.00.

3 мая съемочной площадкой стал другой парк – в замке Цецилиенхоф в том же Потсдаме. Сняли прогулку Брайта и Воронова из первой половины фильма.

На следующий день съемочная группа снова сменила место съемки – перебралась на киностудию «ДЕФА», где был отснят эпизод «на шоссе» из второй половины фильма с участием Миронова, Михайлова, Кузьменкова. Тем же вечером Миронов вернулся в Москву.

5 мая Миронов играл в спектакле «У времени в плену». 7-го и 8-го это был «Вишневый сад».

В праздничный день 9 мая Миронов снова вылетел в ГДР. И

уже утром следующего дня вышел на съемочную площадку фильма «Победа». В Шпиленберге снимали эпизод из начала картины, где Брайт и Воронов встречают на аэродроме Гатов глав трех государств. Два последующих дня снимали тот же «аэродром».

Вечером 12 мая Миронов улетел в Москву, чтобы на следующий день играть в «Бешеных деньгах». День спустя он снова улетел в ГДР.

15 мая в Дальгофе снимали эпизод, где Брайт и Воронов находятся на полигоне в английской зоне. «Полигон» снимали и три последующих дня. Затем три дня съемки не проводились.

Тем временем 21 мая на экраны Советского Союза вышла комедия Владимира Бортко «**Блондинка за углом»** (в Москве фильм демонстрировался в двух самых престижных кинотеатрах: «Россия» и «Октябрь»). Но Миронову, да и многим остальным из съемочной группы, это событие большой радости не доставит, поскольку фильм дойдет до зрителей в обезображенном виде. Во многом именно поэтому критика, писавшая о фильме в дни его премьеры, не оставила от него камня на камне. Приведу лишь одно мнение – Юрия Богомолова, которое он высказал в газете «Советская культура»:

«Случай „Блондинки“ – не простой. Добро бы картина не удалась как сатирическая комедия. Она не удалась еще и как философская притча о человеке, который подустал творить для вечности, жить в будущем и пожелал чего-нибудь менее непреходящего и более съедобного, пожелал пожить в настоящем и для настоящего. Рудименты этого замысла с трудом просматриваются на экране. Нужны глубокие археологические раскопки, чтобы их обнаружить. А жаль. Потому что здесь нащупаны вопросы, ответы на которые не очевидны. И блондинка Надя заслуживает более пристального внимания, нежели однозначного обличения за ее бездуховность. И ей мечтается о духовности, потому и привлекает ее специалист по внеземным цивилизациям…»

Чуть позже (во времена гласности), давая интервью газете «Советская культура», Миронов так описал свои чувства, касающиеся фильма «Блондинка за углом»:

«Я считаю, что фильм оказался дискредитирован редакциями и переделками. Ведь первоначальный сценарий, какой был принят к постановке, с каким знакомился я и другие актеры, к сожалению, имел лишь отдаленное сходство с тем, что вышло на экран. В частности, все „шансонетки“, которые мне пришлось спеть помимо сюжета, дабы оправдать перед зрителями идею и смысловые повороты фильма, тоже были придуманы позже, в

период редакции уже отснятого материала.

Я могу понять раздражение зрителя! Этого финала, как и многого прочего, не предполагалось авторами сценария. Фильм переснимался семь раз. В итоге оставалось только пожалеть всю съемочную группу и прежде всего молодого режиссера В. Бортко, оказавшегося в таком трудном положении. Но самое любопытное, что изобретательная редактура не спасла фильм. Все претензии прессы, кинокритиков и зрителей были как раз по тем кускам картины, где основательно прошлись редакторские ножницы. Киноленту справедливо упрекали в недосказанности, в мягкости оценок, в сюжетной неправдоподобности. Конечно, сила этой сатирической истории в ее достоверности, узнаваемости лиц и ситуаций, которые, вероятно, фильм утратил в сравнении со сценарием. Он мог прозвучать намного сильнее и актуальнее. И это было бы так важно в наше время, когда партия повела активную, повсеместную и бескомпромиссную борьбу против стяжателей и тунеядцев, рвачей и взяточников, против всех любителей легкой жизни на нетрудовые доходы…»

Но вернемся в год 1984-й.

22 мая возобновились съемки «Победы». В тот день в Шторкове снимали объект «разбитая железнодорожная станция» с участием Миронова, Михайлова и Кузьменкова. Съемки длились с 9.00 до 19.00.

На следующий день Миронов в съемках не участвовал.

24 мая снимали все ту же «ж/д станцию» с участием Миронова, Михайлова и Кузьменкова. Затем четыре дня опять не снимали.

28 мая Миронов снова вышел на съемочную площадку: под Потсдамом снимали объект «лесная дорога» из второй половины фильма. Участники: Миронов, Михайлов, Кузьменков. Три последующих дня снимали все ту же «лесную дорогу».

31 мая съемочная площадка переместилась в уже знакомый замок Маркварт, где сняли эпизод с участием Миронова, Михайлова и Кузьменкова из второй половины картины. В тот же день Миронов вернулся на родину, поскольку на следующий день начинались гастроли Театра сатиры в Перми.

6 июня Миронов снова прилетел в ГДР и утром следующего дня (в 9.30) вышел на съемочную площадку «Победы». В Потсдаме снимали объект «развалины Берлина» с участием Миронова, Михайлова и Кузьменкова. Это был последний съемочный день Миронова в ГДР: 8 июня он вернулся в Москву, а оттуда взял курс на Пермь.

9 июня по ТВ показали «**Соломенную шляпку»** (19.55). Для миллионной телеаудитории это было радостным событием,

поскольку эту забавную картину родное телевидение подзабыло – не показывало ее аж шесть с половиной лет (с декабря 77-го)! Правда, периодически в разных музыкальных передачах, вроде «По вашим письмам» или «Утренняя почта», крутили клип Миронова с песней «Женюсь, женюсь…», но это было слабым утешением для публики, сразу и безоговорочно полюбившей эту милую экранизацию бессмертного водевиля Лабиша.

Между тем в Перми «Сатира» показала практически весь свой основной репертуар. Было дано 53 представления, на которых побывало 54 тысячи пермяков. Там же, в Перми, Миронов приступил к репетициям нового спектакля: в качестве режиссера он ставил пьесу Григория Горина «Прощай, конферансье!», приуроченную к 40-летию Победы (события пьесы развивались в июне 1941 года, а главными героями произведения были артисты московской эстрады). Помимо режиссуры Миронов играл в спектакле главную роль – конферансье Буркини (его дублером был Михаил Державин). Гастроли театра в Перми продлились до 24 июня, после чего труппа была распущена в отпуска.

Миронов вернулся в Москву, где 26 июня возобновил работу в картине «Победа». В тот день в здании Института научной информации, интерьеры которого были приспособлены киношниками под дворец «Финляндия», снимали эпизоды из конца фильма с участием Миронова, Михайлова и Вавиловой. На следующий день съемки «дворца» были продолжены.

28 июня съемки переместились на «Мосфильм». У 3-го блока была выстроена декорация «хельсинкский вокзал», где сняли эпизод из первой половины картины с участием Миронова, Михайлова и др. На этом участие Миронова в съемках временно прекратилось, и он укатил отдыхать.

22 июля съемочная группа фильма «Победа» отправилась на натурные съемки в Финляндию. Миронов догнал группу два дня спустя. И 25 июля вышел на съемочную площадку: в гостинице «Хесперия» снимали эпизоды из конца фильма с участием Миронова, Михайлова, Вавиловой и др. На следующий день съемки в гостинице были продолжены.

27 июля съемочной площадкой стало хельсинкское кафе «Ваакуне», где был снят эпизод из финала фильма с участием все тех же актеров. На следующий день сняли еще одно кафе – на этот раз открытое, на одной из городских площадей Хельсинки.

30 июля прошли только репетиции.

31 июля снимали объект «сквер» с участием Миронова, Михайлова и Вавиловой. Съемочный день длился с 9 утра до 6 вечера.

1 августа Театр сатиры открыл юбилейный, 60-й, сезон в

Москве. В тот день показали «Клопа», в котором Миронов вот уже несколько лет не играл: он в те дни находился на съемках в Хельсинки.

Очередной (он же и последний) съемочный день Миронова в «Победе» датирован 2 августа. На улицах Хельсинки снимали эпизоды из первой половины фильма с участием Миронова, Михайлова и Вавиловой. Съемки закончились в шесть часов вечера, после чего Миронов улетел в Москву.

Перед зрителями, пришедшими в Театр сатиры, Миронов в новом сезоне вышел 3 августа в роли Саввы Василькова в «Бешеных деньгах». Его же он играл и 6-го.

12 августа Миронов приехал на «Мосфильм», где с 9.00 до 18.00 прошла его первая сессия озвучания роли Чарльза Брайта в фильме «Победа».

13 августа Миронов играл в «Женитьбе Фигаро».

14 августа он снова был на озвучании.

15 августа играл все ту же «Женитьбу Фигаро» (в саду «Эрмитаж»). 19-го это уже была «Трехгрошовая опера», 20-го – опять «Женитьба Фигаро», 22-го – «Трехгрошовая опера», 24-го – «Горе от ума», 26-го – «Вишневый сад», 27-го – «Трехгрошовая опера», 28-го – «Вишневый сад».

29—30 августа Миронов вновь был на «Мосфильме» – озвучивал Чарльза Брайта (16.00–24.00).

31 августа играл в «Вишневом саду». Тем же вечером (21.50) по ТВ показали телеверсию давно снятого из репертуара Театра сатиры спектакля «**Таблетку под язык»**.

В первый день осени Миронов был на «Мосфильме», где с 10 утра до семи вечера участвовал в озвучании фильма «Победа».

В театре сентябрь начался для Миронова с «Ревизора» – он играл его 3-го. Далее шли: 4-го – «Бешеные деньги», 5-го – «Вишневый сад». Затем больше двух недель Миронов в театре занят не был.

19 сентября Миронов участвовал в озвучании фильма «Победа».

В том же сентябре на экраны страны вышел многострадальный фильм Алексея Германа «**Мой друг Иван Лапшин»**. Помню свои собственные впечатления от этой картины: я был в восторге. Поражало все: черно-белая пленка, шумы за кадром, игра всех актеров, особенно тех, кто мелькал в маленьких ролях или эпизодах – даже не верилось, что это актеры. Поразил и Миронов в роли Ханина, особенно в сцене, где он пытается в туалете засунуть себе в рот пистолет и покончить с собой. Под впечатлением увиденного я буквально через несколько дней пошел на фильм еще раз, причем взял с собой свою будущую

супругу, чтобы она тоже приобщилась не к парадному советскому, а к настоящему кинематографу. Но ее впечатления были диаметрально противоположны моим: все, что мне понравилось, она категорически не приняла. И даже Миронов ее не впечатлил, хотя до этого он входил в когорту ее любимых актеров.

А. Вислова пишет: «В фильме А. Германа „Мой друг Иван Лапшин“ Миронов удивил многих, хотя новаторская эстетика самой картины несколько отодвинула на задний план впечатление от роли актера… Миронов очень органично вошел в этот фильм. Настолько, что зрители первых просмотров меньше всего думали о том, что на экране среди других популярнейший актер. Это была его победа, одержанная в поединке с самим собой, с собственным образом в кино и со зрителями, приверженными застывшим стереотипам восприятия. Роль писателя Ханина, особо сразу не отмеченная, на самом деле оказалась едва ли не лучшей его ролью в кино…»

Между тем очередной спектакль Миронов играл 21 сентября – это был «Вишневый сад». 23-го это была «Трехгрошовая опера», 25-го – «Женитьба Фигаро», 26-го – «Горе от ума», 28-го – «Вишневый сад», 29-го – «Трехгрошовая опера».

В первый день октября Миронов играл в «Женитьбе Фигаро», 5-го – в «Вишневом саду».

В субботу 6 октября по ТВ показали телеверсию спектакля Театра сатиры «**Безумный день, или Женитьба Фигаро»** (12.40).

В октябре у Миронова в театре выдался плотный график, когда спектакли с его участием следовали один за другим с интервалом через день или два. Так, 8 октября он играл в «Ревизоре», 9-го – в «Бешеных деньгах», 10-го – в «Трехгрошовой опере».

11 октября Миронов провел последнюю сессию озвучания фильма «Победа». За роль Чарльза Брайта Миронов был удостоен рекордного гонорара (больше он еще ни разу не получал) в сумме 4914 рублей (больше получил только сам режиссер Евгений Матвеев – 13 430 руб., а среди актеров суммы варьировались в следующем порядке: А. Михайлов – 4675 руб., Р. Чхиквадзе – 3052 руб., А. Масюлис – 2758 руб., Г. Менглет – 2618 руб., М. Ульянов – 560 руб.).

12 октября Миронов играл в «Горе от ума», 13-го – в «Вишневом саду», 16-го – в «Трехгрошовой опере», 19-го – в «Вишневом саду», 26-го – в «Бешеных деньгах» (на сцене ДК имени Горбунова, что у Киевского вокзала), 29-го – в «У времени в плену», 30-го – в «Бешеных деньгах».

30 ноября Госкино приняло фильм «Победа». Чуть позже фильму дадут максимальную группу по оплате, что вполне

объяснимо: такое агитационное кино не могло не быть поощрено со стороны высших идеологических органов.

Между тем 1 ноября Театр сатиры временно закрыл свои двери для москвичей и отправился с гастролями в Болгарию. Турне началось с города Плевена, где были показаны два спектакля: «Вишневый сад» А. Чехова и «Крамнэгел» П. Устинова (в последнем Миронов не участвовал). После чего театр приехал в Софию, где на сцене Сатирического театра были показаны все те же спектакли. Труппой также был проведен творческий вечер в софийском Доме советской культуры. Стоит отметить, что с Сатирическим театром наших «сатировцев» связывали 15 лет тесной и плодотворной дружбы. Валентин Плучек ставил на сцене Сатирического театра «Интервенцию», а у себя пьесу болгарского драматурга С. Стратиева «Замшевый пиджак».

Вспоминает С. Пеев: «Это было в ноябре 1984 года, когда московский Театр сатиры гастролировал в Софии. Нашу дирекцию беспрерывно осаждали звонками – просили о встречах с советскими актерами. Буквально половина Болгарии висела на телефоне, и первое имя, которое называли, было неизменно имя Андрея Миронова. Но, к большому сожалению звонивших и требовавших, поспеть всюду он не мог. И вот 6 ноября между обедом и спектаклем мне предстояло доставить Миронова и Ширвиндта в два места – большое село близ Софии, а потом на завод. Вечером в театре шел „Вишневый сад“.

Андрею явно не хотелось ни встреч, ни разговоров, единственным его желанием было бродить с нами по Софии. Но отказать мне он просто не мог, так как знал, что село и завод – истинные друзья Софийского сатирического театра, которые всегда и во всем нам помогают.

Пришла машина, мы сели и отправились в село, которое находилось в сорока минутах езды от Софии. Все время, пока мы ехали, Андрей напоминал, что мы должны быть краткими и точными, если не хотим опоздать к спектаклю. Мы решили построить встречу так: я вначале скажу несколько слов, потом выступит Ширвиндт – он знает свое дело, а завершит программу Миронов. В машине он не переставал волноваться и говорить о том, что люди ничего не поймут по-русски, я успокаивал его: если нужно будет, я кое-что объясню и даже переведу некоторые места. Обо всем мы договорились, приготовились, но… Приехали. Перед Домом культуры собралось все село. Нас встретили хлебом-солью, мы вошли, и встреча началась. У нас в запасе оставалось всего полчаса. Андрей незаметно постучал пальцем по своим часам – дескать, помните. Все шло как нельзя лучше до той поры, пока он не появился у рампы. И пошел рассказ о театре, о маме, о

детстве и юности, о жене и детях, о Советской стране, о Болгарии, о других странах. Потом был сыгран огромный отрывок из «Прощай, конферансье!», и наконец шла песня без аккомпанемента. Мы поглядели на часы – было уже пять. Я стал лихорадочно делать ему знаки: вся программа летит вверх тормашками, а он посмотрел на меня, посмотрел на людей, сидевших внизу, и я понял, что это артист, что он – волшебник. Я смотрел на своих сельчан, которые онемели от восторга, потом смеялись, плакали. Они не все слова понимали, но поняли, что перед ними такой человек, который делает честь человечеству…»

В Москву «сатировцы» вернулись 15 ноября, а уже на следующий день давали спектакли в своем здании на Большой Садовой. Но Миронов вышел к зрителям только 23-го – в спектакле «Ревизор». Два дня спустя должен был играться «Вишневый сад», но его отменили из-за болезни одного из актеров. 26 ноября Миронов играл в «Женитьбе Фигаро», 27-го – в «Горе от ума», 28-го – в «Бешеных деньгах».

Декабрь начался для Миронова с роли Мекки-ножа в «Трехгрошовой опере» (1-го). 2-го он играл Савву Василькова в «Бешеных деньгах», 7-го – Чацкого в «Горе от ума», 9-го – Лопахина в «Вишневом саду». Затем две недели Миронов в спектаклях занят не был, посвятив это время концертным гастролям. Аккомпаниатором у него с недавних пор (вот уже около года) выступал Левон Оганезов. Он вспоминает:

«Более четырех лет я аккомпанировал Андрею Миронову. Даже играл с ним сцены – конечно, сидя за роялем. Каждое движение или слово, а иногда молчание, жест проходили обязательно под музыку, причем выбирал музыку он сам. „Здесь что-то такое, – он шевелил пальцами, – элегантное“, при этом пристально смотрел в глаза и внушал мне свое ощущение. Андрей не называл нужного ему произведения, не напевал, хотя знал столько музыки, что хватило бы на десяток преподавателей музыкальной литературы, а хотел, чтобы я сам догадался. Ему важно было взаимодействие на сцене. Он спиной мог показать мне – „тише“ или „быстрее“, и я понимал его. Это была почти медитация.

Надо сказать, что Андрей редко бывал доволен концертом, собой, мной, но, вспоминая некоторые подробности совместной работы, я знаю теперь, что он всегда находился в состоянии самоанализа – сам себя постигал. «Нельзя быть спокойным на сцене», – говорил он или цитировал строку Пастернака: «Не спи, художник!»

Заглядывал в зал, спрашивал: «Народ есть?» Хотя знал наверняка, что есть.

Андрей всегда массу времени тратил на установку света на сцене. Для этого он сперва начинал интенсивно дружить с осветителем, потом ошарашивал его объемом будущей работы, и когда тот, окончательно сбившись с ног, влезая то на правую, то на левую лестницу, а то и под потолок, наконец добивался нужной Андрею «картинки», вытирал пот и собирался было пойти перекурить, Андрей отходил в зал, вставал к рампе, оборачивался, прищурившись на задник, и… начинал все сначала. Это был не каприз, скорее поиск, а точнее, стремление к совершенству – он не мог выступать в концерте без ощущения, что сделал все как можно лучше.

Многие театральные артисты, даже очень хорошие, к выступлению на эстраде относятся как к чему-то второстепенному: мол, театр – это святое, а здесь и так сойдет. Большинство из них, придя на концерт Миронова, прежде всего поражались: «Зачем ты столько сил тратишь?» Но он знал зачем: он работал не только для публики, но и для себя, удовлетворяя свое ненасытное актерское стремление к совершенствованию.

Я тоже, конечно, старался этому соответствовать. Я, например, равнодушен к одежде: есть какой-то костюм, галстук – все обычно, и у меня не вызывает сомнений. Но для Андрея это был почти вызов. «Надо во всем быть элегантным! – кричал он. – Как ты ходишь, что это за туфли?!» Или: «Я выброшу этот галстук к…» Или еще: «Погладь рубашку, на тебя люди купили билеты!» и т. д. Все это говорилось по-доброму, но требовательно. Я даже начал надевать бабочку, хотя никогда раньше ее не носил. Сам он придирчиво оглядывал себя в зеркало. Поминутно гладились ему рукава на пиджаке, сам он натирал свои туфли какими-то щеточками, которые были всегда под рукой. Все эти приготовления производили впечатление подготовки к премьере. Но так было перед каждым концертом.

Он очень любил анекдоты с неожиданной концовкой или так называемые абсурдные, где все невпопад. Понравившийся ему анекдот он проговаривал про себя, переделывал его, тут же расставлял акценты и уже в новом виде преподносил обществу. Был благороден: «Это мне Шура позвонил» или «Это Левка рассказал…».

Однажды в Новосибирске после концерта за ужином зашел разговор об отце. Зиновий Гердт, который был с нами, вдруг вспомнил, что он и Александр Семенович Менакер часто переговаривались стихами, сочиняя их на ходу. Гердт тут же продемонстрировал это свое умение. Тогда Андрей встал, как бы для произнесения тоста, и вдруг прочитал «поэму», ни разу не сбившись с размера, и, чтобы не было сомнения в сиюминутности

импровизации, вкрапливал в стихи детали сегодняшнего дня. Не знаю, как другие, но я был совершенно поражен. Легкость, с которой он это делал, говорила о многом…»

На сцену Театра сатиры Миронов вернулся 23 декабря – играл Савву Василькова в «Бешеных деньгах». На следующий день это был плут Фигаро, 26-го – Лопахин в «Вишневом саду», 25-го – Хлестаков в «Ревизоре», 27-го – Васильков. 29-го Миронов должен был выйти в роли Мекки-ножа в «Трехгрошовой опере», но в последний момент спектакль заменили. Правда, зрители, пришедшие в театр, в накладе не остались: в тот вечер была показана премьера спектакля «**Прощай, конферансье!»**. Как мы помним, режиссером его был Андрей Миронов, он же играл и главную роль – конферансье Николая Буркини. Однако из-за плохого самочувствия Миронов на сцену выйти не смог, и роль вместо него исполнил Михаил Державин, с которым они будут играть эту роль в очередь. В остальных ролях были заняты: Н. Защипина (жена конферансье), Л. Мосендз (певица), В. Безруков (танцор), А. Белов (фокусник), С. Рябова (Вера), Л. Оганезов (аккомпаниатор), Р. Ткачук (сосед Сысоев), З. Высоковский (писатель Лютиков), А. Гузенко (Отто), Р. Александров (артист драмы Поливанов), А. Зенин (лейтенант), Н. Саакянц (концертмейстер) и др.

Рассказывает А. Миронов: «Меньше всего, мне кажется, можно от пьесы требовать хроникальной достоверности в обрисовке жизни и быта фронтовых бригад. Хотя она и опирается на подлинные исторические факты… Самое дорогое в пьесе для меня – это люди, ее населяющие. Незнаменитые, по-своему забавные и непутевые, но удивительно необходимые во все времена, а в трудное время вдвойне. Их обаяние, их талант воспринимать жизнь как праздник и дарить этот праздник окружающим. С этой точки зрения конферансье Николай Буркини для меня чем-то похож на героя любимого фильма О. Иоселиани „Жил певчий дрозд“, только испытания выпали на долю незнаменитого конферансье пострашнее. Я знал таких людей. Мне посчастливилось быть рядом с ними с самого раннего детства. И дело вовсе не в том, что это были артисты, писатели, художники. Они были художниками жизни; театр, карнавал сопровождал каждый их шаг, каждый поступок. Оттого мы, молодые, так тянулись к ним… Сегодня я с грустью ловлю себя на мысли, что таких людей становится, к сожалению, меньше. Какое-то внутреннее равнодушие, а иногда и цинизм загоняют внутрь нашу доброту и подлинную веселость. Те люди не были равнодушными. Когда они встречались и спрашивали друг друга: „Как ваша жизнь?“, им действительно была интересна чужая

жизнь, и в их глазах светилось искреннее желание эту чужую жизнь сделать хоть чуточку лучше. Они были по-детски наивны и веселы и как-то умудрялись обходиться без скабрезных, грубых моментов, без которых сегодняшняя шутка почему-то уже перестала быть шуткой… „Прощай, конферансье!“… Мне кажется, в самом названии таится светлая печаль. В силу законов жизни уходят безвозвратно поколения людей. Приходят другие. Принято считать, что они лучше нас. Наверное, так. Но они – другие. Поэтому ушедшим мы говорим „Прощай!“. А все хорошее, доброе, светлое, что они оставили нам, хочется сохранить и передать идущим на смену…»

О самом спектакле рассказывает А. Вислова: «Постановка „Прощай, конферансье!“ – это сплав грусти и юмора, открытой лирики и легкой иронии. Миронов выбрал тему и способ ее реализации в соответствии со своими возможностями, с учетом своей индивидуальности и ее творческого потенциала.

Основываясь на собственном знании закулисной жизни артистов эстрады, он начинал спектакль с конкретных и точных примет, ее определяющих. Открытое пространство сцены. (Он его очень любил, мечтал играть на пустых подмостках). Лишь в глубине заметна какая-то старая, сдвинутая на маленький пятачок мебель. Медленно гаснет свет. На сцену прямо из зала поднимается уже немолодой человек в шляпе и плаще, с маленьким чемоданчиком в руках. Проходя мимо афиши, ненадолго останавливается. Затем немного устало, мимоходом приветствует рабочих сцены, погруженных во мрак еще спящего и едва различимого концертного закулисья. Человек снимает шляпу и плащ, остается во фраке. Мы догадываемся, что это и есть конферансье – главный герой спектакля. Вот он подходит к играющему пианисту. Они обмениваются двумя-тремя шутливыми репликами. Подхватив мелодию, он садится у портала сцены, вытаскивает из чемоданчика лаковые туфли, переобувается, надевает бабочку и, время от времени поглядывая в зал, ненавязчиво втягивает зрителя в живой непосредственный контакт. Но вот, кажется, все готово. Человек выходит на середину сцены, артистично и торжественно поднимает руку, приглашая к началу представления. Есть что-то наивно-детское в самом этом жесте. Звучит музыка. Скрытый дотоле за колосниками занавес идет по кругу, оставляя внутри главного героя. На самом деле занавес закрывают двое рабочих, которые только что приветствовали конферансье. Вначале Миронову хотелось, чтобы собранный наверху по кольцу занавес сам ниспадал с вступлением первых аккордов музыки Я. Френкеля, но наша «чудо-техника» один раз на репетиции подвела. После чего

Миронов отказался от первоначальной идеи и решил обнажить прием. От сочетания праздника и прозы театра рождалась необычная атмосфера этого спектакля, который станет признанием сцене и всему закулисному быту в любви.

«Волнение умейте направить на своих героев, на увлеченность их характерами», – часто повторял на репетициях Миронов. Может быть, самая большая его победа в этом спектакле заключалась в том, что кое-кого из артистов он сумел по-настоящему увлечь и заразить добротой, открытостью, одержимостью людей, чьи характеры они воплощают на сцене…»

1985

1985 год начался для Миронова с радостного события: 2 января в Центральном Доме актера имени А. Яблочкиной состоялась презентация книги мемуаров его родителей под названием «В своем репертуаре…». В тот вечер зал был полон: пришли все, кто был близко знаком с четой Александр Менакер – Мария Миронова, кто на протяжении многих лет восторгался их талантом. Вечер удался на славу. Мария Владимировна была истинной «королевой бала»: одна, а также вместе с сыном она читала отрывки из книги, а когда присела отдохнуть, то Андрей продолжил развлекать публику без нее. Вместе с композитором Яном Френкелем, который сел за рояль, он исполнил шуточные куплеты, танцевал.

Стоит отметить, что с тех пор, как из жизни ушел Александр Менакер, Миронов сблизился с матерью еще сильнее. Понимая, как тяжело ей приходится без мужа, который долгие годы был и ее сценическим партнером, Миронов стал частенько брать мать в свои гастрольные поездки. И публика с неменьшим восторгом стала принимать новый дуэт – матери и сына Мироновых. Однако дальше концертов дело все-таки не шло. Некоторые из друзей предлагали Миронову похлопотать за мать перед Плучеком, чтобы тот взял ее в Театр сатиры. Но Миронова эта мысль страшила. Вот как об этом вспоминает Ольга Аросева:

«Когда Мария Владимировна осталась без мужа и партнера, она, мне кажется, не прочь была бы поработать в нашем театре. Какое-то время спустя я в шутку пожаловалась Андрею на свою дальнейшую жизнь в „Сатире“: „Вот, Андрюша, придет твоя знаменитая мать, ты введешь ее на мою роль Чебоксаровой-старшей, и я снова буду без работы сидеть…“ Он ответил очень серьезно: „Ольга Александровна, я сделаю все, чтобы моя мать здесь, в театре, работала, если она этого захочет. Потому что она моя мать. Но самым несчастным человеком после этого стану я. Она мне жизни не даст“.

Первый выход Миронова на сцене родного театра в новом году случился 4 января: он играл Мекки-ножа в «Трехгрошовой опере». На следующий день это был Николай Буркини из «Прощай, конферансье!». Вот как об этом пишет Б. Поюровский:

«А. Миронов уступил право сыграть премьеру своему товарищу М. Державину. Есть в Буркини Державина профессиональный азарт, человеческая усталость, чувство ответственности, благородство. Николай – не главный конферансье, он из тех, кому поручают вести обыкновенные

концерты. Но это обстоятельство не сообщает ему комплекс неполноценности… А когда спустя несколько дней настал черед выхода на сцену А. Миронова, он разрушил „четвертую“ стену, отделяющую в театре артистов от зала, и обнаружил вдруг в своем герое настоящую эстрадную хватку. Мироновский Буркини оказался хозяином концерта, ему не страшна реплика из зала. Он сам подзадоривает зрителей, вызывая их на диалог…»

8 января Миронов играл в «Бешеных деньгах», 11-го – в «Прощай, конферансье!».

В этот же день свет увидело постановление, согласно которому Театру сатиры, в связи с его недавним 60-летием, присваивалось почетное звание академического театра.

11 января по ТВ показали фильм Марка Захарова «**Обыкновенное чудо»** (21.35), по которому советские телезрители уже успели изрядно соскучиться – картину не демонстрировали шесть лет (с января 79-го). Вообще в последние несколько лет на отечественном телевидении сложилась странная картина – оно все реже и реже крутило фильмы с участием Андрея Миронова. Руководители ТВ по какой-то неведомой причине решили, что советский зритель от этих фильмов малость подустал.

12 и 18 января Миронов опять играл в «Прощай, конферансье!». 19-го это был «Вишневый сад», 21-го – «У времени в плену», 22-го – «Трехгрошовая опера», 25-го – «Вишневый сад», 26-го – «Прощай, конферансье!». После чего часть труппы Театра сатиры отправилась со спектаклем «Вишневый сад» в Таганрог, где отмечалась знаменательная дата – 125-летие Антона Павловича Чехова и проводился фестиваль чеховских спектаклей.

29 января, в день рождения великого писателя и драматурга, в таганрогском Театре имени А. Чехова Театр сатиры играл «Вишневый сад». Однако зрители, заполнившие в тот вечер зал, не знали, что спектакль был на грани срыва из-за внезапной болезни одного из главных исполнителей. Речь идет об Андрее Миронове, у которого за несколько часов до начала представления температура скакнула до 39 градусов. Однако не выйти на сцену он просто не имел права – спектакль был приурочен к дате и игрался всего один раз.

Вспоминает А. Свободин: «Я видел „Вишневый сад“ в Таганроге…

Лопахин действительно оказался центральной фигурой. Андрея Миронова мы привыкли видеть в ажурных, каскадных ролях с пением, танцами, броским, неотразимым юмором… Здесь перед нами был другой человек. Мягкий, с почти неслышными движениями, озабоченный тем, как бы не совершить какую-

нибудь неловкость, о чем-то все время думающий. Это, как и хотел Чехов, был порядочный человек, держался благопристойно, без фокусов, воспитанным барином…

Зрители ждали его появления, действие двигалось его внутренней музыкальной энергией. Лопахин был неблагополучен, его постоянно мучила какая-то мысль, тоска. Деловитость ее не заглушала. Но было еще что-то, какая-то повышенная собранность. И только потом, после спектакля, я узнал, что Миронов играл больным, что у него была температура под тридцать девять…»

Вернувшись в Москву, Миронов два дня отлеживался дома, а 3 февраля уже играл в «Бешеных деньгах». Два дня спустя это была «Трехгрошовая опера». На этом его деятельность на сцене родного театра временно была прервана. Самочувствие Миронова резко ухудшилось, и он вынужден был лечь в больницу. К тому времени ситуация со здоровьем у Миронова была весьма скверная. По всему телу пошли страшные фурункулы, гнойники покрывали всю его спину, воспалялись под мышками, в паху, так что руки-ноги было трудно поднять. М. Державин по этому поводу вспоминает: «В „Ревизоре“, когда он падал, мы с Шурой Ширвиндтом пытались изловчиться и поймать его так, чтобы не дотронуться до больных мест под коленками, под мышками. Он страшно мучился. Дорогой парфюм заглушал аптечный запах разных мазей, которыми он спасался. Ему делали переливание крови, аутогемотерапию. Но ничего не помогало…»

Видимо, отчаявшись найти достойную помощь у традиционной медицины, Миронов обратился за помощью к знаменитой Джуне. Однако и ее способностей не хватило на то, чтобы вылечить болезнь. Потом Голубкина повезла Миронова к деду-знахарю, проживавшему в ста километрах от Москвы. Несмотря на серьезность ситуации, поездка получилась веселой. Вот как о ней вспоминает сама Л. Голубкина:

«Этого деда мне врач рекомендовал: „Лариса, поверь мне, если вы поедете к этому деду, есть какие-то определенные три или четыре заболевания, которые в деревне снимают: рожистые воспаления, стафилококковые дела, ячмени“. Знаете, кроме смеха, никакой реакции. Андрей все время шутил. Когда мы приехали, дед какой-то смешной такой, полуспущенные штаны, неопрятный, нас увидел, посмотрел на меня, на него, он не знал Миронова, просто привезли больного, он смотрел, смотрел и говорит: „Где ты, болезный, такую бабу-то хорошую нашел?“ Это было так смешно, и я поняла, что мне надо уходить в кусты, потому что дед на меня глаз положил. И несколько раз: „О, хорошая какая баба-то!“ Андрей говорил: „Ты меня нарочно

привезла сюда, чтобы дед этот тебя утвердил совсем“. Дед тот дал нам снадобье, у нас эта бутылка простояла в кабинете на окне, пока она вся не испортилась. Андрюша даже не вспомнил о ней…»

Разуверившись в нетрадиционной медицине, Миронов в феврале 1985 года лег в больницу, и он был согласен с любым вердиктом врачей и любыми методами их лечения. А врачи предлагали только одно: операцию под названием лимфаденектомия. Это означало, что под общим наркозом Миронову должны были удалить лимфоузлы в тех местах, где была хроническая инфекция. Операция была тяжелой, но Миронов перенес ее мужественно. После нее ему стало значительно легче.

Пока Миронов был в больнице, в стране произошли очередные перемены на самом политическом верху: 10 марта из жизни ушел Генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Черненко, и к власти в Кремле пришел один из самых молодых и энергичных членов Политбюро Михаил Горбачев. Но Миронова эти события мало волновали, поскольку их затмила покупка первой в его жизни иномарки. А купила ее мужу Лариса Голубкина. Она однажды пришла к Миронову в больницу, а тот давай жаловаться: мол, вот какой я несчастный, у меня даже «Мерседеса» нет. Голубкина, которая была готова ради мужа, да еще пережившего тяжелую операцию, буквально на все, решила в лепешку расшибиться, но иномарку достать. И она отправилась к начальнику торгового управления Москвы.

Вспоминает Л. Голубкина: «Я стала убеждать начальника, что надо разрешить Миронову купить „Мерседес“. Мы с ним вели философские разговоры, он говорит:

– А если сын Промыслова (председатель Моссовета. – *Ф. Р.*) захочет купить машину?

Я говорю: сын Промыслова не должен ездить на «Мерседесе», а Миронов должен. Потому что Миронов известный артист, а сын Промыслова – это сын Промыслова. Я с ним спорила. Народ, говорила, простит Миронову, потому что народ знает, что Миронов поехал, заработал деньги на концертах, а сын Промыслова неизвестно где заработал. И заработал ли. И так далее. Короче говоря, целая история с этой покупкой. Получилось, что «Мерседес» купил военный адвокат какой-то, а Андрею достался «БМВ». И когда он выписался из больницы, я говорю: иди, тебя там ждет машина «БМВ». Знаете, как в деревне, «Запорожец» покупали, всем миром радовались? Вот и Андрей, как ребенок, сюда во двор пригнал машину, брата Киру, Машу, домработницу посадил, набил полную машину и давай возить по

двору. Радостно, на иностранной машине возил. Тогда еще немного таких машин по Москве ездило, так что это было довольно забавно…»

Вспоминает И. Кваша: «Незадолго до смерти Андрей купил „БМВ“. Оформив машину по унизительным очередям УПДК, он наконец сел за руль и медленно тронулся.

– На фига ты ее купил, – сказал я, – если тащишься, как черепаха?

– Сколько нам осталось жить? Хочется на хорошей машине поездить».

На сцену Театра сатиры Миронов вернулся 28 марта в спектакле «Бешеные деньги». И в течение последующих трех недель он играл только в этом спектакле: 20 и 27 апреля.

Тем временем 14 апреля по ТВ показали давно подзабытого **«Рудина»** (18.10) – телеспектакль 1970 года, где Миронов играл главную роль. Правда, трансляция прошла по Ленинградскому ТВ, которое с недавних пор стало доступно и жителям столицы.

19 апреля состоялась всесоюзная премьера фильма Евгения Матвеева **«Победа»**: в одной Москве его стали сразу демонстрировать в 30 кинотеатрах. Однако большого восторга Миронов от этой премьеры не испытал: к тому времени он уже если не разочаровался в этой роли, то, во всяком случае, стал к ней холоден, и когда его близкий друг Игорь Кваша в пух и прах раздолбал эту картину (мол, очередная лакировка сталинщины, а заодно и брежневщины), Миронов даже не стал ему возражать. Хотя, по словам самого Матвеева, когда он приступал к работе над этой картиной, им двигали искренние чувства. Цитирую:

«Бессонно, взахлеб вчитываясь в роман, я ощущал, как растет во мне возбуждение: то от восторга перед историческим, документальным, поразительно злободневным материалом, то от страха перед масштабом событий, связанных с постановкой фильма. Как, какими средствами достичь выразительности? Я понимал, что это кино очень непростое.

Раздумывал: как вложить 850 страниц романа в два часа экранного времени? Как на этом ограниченном временном отрезке разместить 100 исторических портретных персонажей – кроме Сталина, Черчилля и Трумэна? Как отразить два эпохальных события, отдаленных друг от друга тридцатью годами: 1945 год – Потсдамская конференция и 1975 год – Хельсинкское совещание по безопасности в Европе? И меня осенила мысль: а не рискнуть ли и состыковать игровое кино с хроникальным? Не воспользоваться ли полиэкраном?..»

Однако если в моральном плане роль в «Победе» и не принесла Миронову большого удовлетворения, то в

материальном совсем наоборот: я уже упоминал, что за роль Чарльза Брайта Миронов был удостоен весьма большого гонорара в сумме 4914 рублей (таких денег он еще ни за один фильм не получал). Но и это оказалось не все. Когда фильм вышел на широкий экран, руководство Госкино решило дополнительно поощрить создателей картины и выписало им денежные премии из собственного фонда (приказ от 6 июня). Согласно этому распоряжению, Е. Матвеев получил 250 рублей, Р. Чхиквадзе (Сталин) – 150 рублей, А. Миронов, А. Михайлов, Г. Менглет и А. Масюлис – по 100 рублей. В итоге, с учетом этой суммы, Миронов заработал на «Победе» больше 5000 рублей. Это было рекордом в его киношной карьере. Но вернемся в апрель 85-го.

Официозная критика встретила выход «Победы» под гром фанфар. Статьи с восхвалением картины считали за честь опубликовать на своих страницах чуть ли не все советские СМИ. Приведу отрывок лишь из одной такой публикации, увидевшей свет на страницах журнала «Советский экран» и принадлежавшей перу Льва Корнешова:

«Этот фильм – пусть никто не сочтет это преувеличением – может служить примером творческой принципиальности, ибо в нем требовалось из уважения к Истине отбросить все субъективное, привносное в оценке событий и людей. А это всегда непросто. В фильме с предельной, почти стенографической точностью воссоздана работа конференции в Потсдаме. Эмоционально, ярко показана победа миролюбивых сил в Хельсинки. Это и есть Победы – те вершинные взлеты истории, с которых видны человечеству новые горизонты, те вехи, которые отмечают его путь в будущее…

Сюжетным стержнем фильма стала судьба журналиста-фронтовика Михаила Воронова. Он был в исторические дни в Потсдаме, ему довелось спустя годы освещать в печати и работу совещания в Хельсинки. Актер А. Михайлов наделил своего героя обаянием, прямотой, открытой честной душой, зрелой мудростью. Глазами Воронова мы видим события, происходящие в Потсдаме, а потом в Хельсинки. Со многими людьми сводят обстоятельства нашего героя. Тут и немецкий антифашист, впоследствии журналист из ГДР Клаус (К.-П. Тиле), и молодая польская журналистка Барбара (Н. Вавилова). Тут и американский фотокорреспондент Брайт (А. Миронов), человек, которого сумели согнуть, сломать те, кто уже в 45-м взялся за грязное дело разжигания новых конфликтов. Таков «босс» Брайта Стюарт (Г. Яковлев), использующий журналистику, чтобы сеять ядовитые семена ненависти…

Интернациональный авторский коллектив фильма с высокой

гражданской ответственностью отнесся к созданию ленты, вобравшей в себя тревоги и заботы второй половины XX века…»

Между тем среди критиков были и такие, кто фильм изначально не принял, однако высказать свое мнение в прессе они не могли, поскольку такое мнение никто бы не напечатал, а самого критика за подобный материал выгнали бы из профессии поганой метлой. И только чуть позже, когда началась перестройка, о «Победе» стали писать иначе. Приведу отрывок из одного такого материала – он принадлежит перу В. Кичина:

«Персонажи политической арены Е. Матвеевым трактовались с какой-то почти младенческой простотой. Трумэн, замышлявший трагедию Хиросимы, подсвечивался наподобие злодея в дешевом детективе. Черчилль был тучен, жалок и одышлив, в точности повторяя послевоенные карикатуры Кукрыниксов. И артист А. Михайлов в роли представителя Советского информбюро Воронова, фигуры вымышленной, играл рыцаря без страха и упрека, посланца высшей расы – был высок, подтянут, улыбчив и безукоризнен. Чарли Брайт вился вокруг него, искательно заглядывая в глаза и все время что-то пытаясь у него выпросить и что-нибудь ему выгодно продать. Что с него взять – американец!

Клубок серьезнейших и сложнейших политических, нравственных и психологических коллизий, каким был этот переломный момент истории, предстал, в силу примитивности их трактовки, предельно опошленным, сведенным на обывательский уровень представлений о том, как делается политика.

Интеллектуальная и художественная беспомощность решения этой ответственной темы в фильме, впрочем, еще недавно вполне удовлетворяла требованиям кинематографического начальства: фильм снимался в обстановке торжественной и торжественно был выпущен на экран. Где немедленно провалился. Именно такой подход к искусству провозглашался наиболее демократичным, «народным», это было «генеральной линией» нашего кино – кто бросит камень в замечательных актеров, которые согласились принять участие в этом мероприятии и сделали все от них зависящее, чтобы вывести его на необходимый профессиональный уровень!

Миронов в фильме вызывает одновременно и сочувствие и восхищение. Его удивительная органика, его способность сделать предельно убедительным каждый момент существования в кадре успешно микшируют фальшь ситуаций, а почти карикатурную прямолинейность выписанного Чаковским характера обращают как бы в житейскую маску, которую предпочитает носить в общем-то сложный, умный, способный чувствовать и страдать человек…

Плакатная прямолинейность художественного стиля фильма тянет каждого, кто в нем занят, к примитивной метафоричности… Черчилль слюняв, громоздок, как перекормленный бульдог, Трумэн похож на злодея в провинциальном театре, а герой Миронова, в силу протяженности его экранной жизни, проходит эволюцию от суетливого янки с наивными глазами большого ребенка, через зрелость, когда он уже как бы припудрен временем, к состоянию побитой собаки в финале.

Его губы трясутся. Он жалок. Человек в последней степени потрясенности. И мы понимаем все как раз на уровне авторского замысла: подчиняясь волчьим законам своего общества, Чарли совершил преступление против истины, написал клеветническую книжонку, это там в порядке вещей, это там привычно. Но теперь, при встрече с Вороновым, ощутив всю меру презрения своего бывшего советского друга, он, быть может впервые в жизни, почувствовал страшные муки совести – чувства, ему доселе неведомого.

Так это задумано. Так и исполнено актером. Актер должен играть – в том его профессиональный долг. А уж что из него потом сделает главный повар этой кинокухни, от актера мало зависит, – мы видели это уже по опыту «Повторной свадьбы»…»

Но вернемся в апрель 1985 года.

29 апреля Миронов после долгого перерыва вновь надел на себя костюм Мекки-ножа из «Трехгрошовой оперы». И отыграл его так, будто не ему совсем недавно была сделана сложная операция. А ведь в этой роли Миронову приходилось не только произносить текст, но также петь и лихо отплясывать.

Май начался для Миронова с «Прощай, конферансье!» (1-го). Эту роль он играл в очередь с Михаилом Державиным. 7 и 8 мая Миронов отыграл, казалось бы, давно подзабытое «У времени в плену». 9 мая это снова был «Прощай, конферансье!». 15-го он играл в «Ревизоре», после чего Театр сатиры взял недельную паузу, уступив свою главную сцену гастролерам – Софийскому театру «Слеза и Смех» (17–21 мая).

С 23 мая спектакли Театра сатиры возобновились, однако Миронов в них участия не принимал, посвятив это время концертам. Вспоминает Б. Поюровский:

«Миронов долгое время не давал концертов в Москве. Но я все-таки уговорил его выступить на сцене Дворца культуры ЗИЛа, где много лет вел занятия в Народном театральном университете.

Накануне нашей встречи в ДК я все же решил проверить, все ли остается в силе.

– Конечно. Я буду там за час: мне нужна небольшая

репетиция с электриком, пианистом и радистом.

– А киномеханик вам не нужен?

– Вы с ума сошли! За кого вы меня принимаете? Что, я буду показывать киноролики и читать наизусть «Сон Татьяны»?

– А что же вы будете делать?

– Это вы как раз, надеюсь, увидите завтра.

Надо сказать, что вопрос мой был далеко не праздный. Многие актеры с куда более скромной кинематографической биографией большую часть встречи передоверяют киномеханику, оставляя за собой право на чтение стихов, басни или прозы, преимущественно юмористической, а также ответов на вопросы. Какие уж там репетиции?!

Естественно, в тот раз я тоже приехал за час до начала. Но оказалось, что Андрей все равно опередил меня. Он и его помощники прибыли сюда за два часа и сразу же приступили к репетиции. Позже к ним присоединился и Лев Оганезов – один из постоянных концертмейстеров Андрея, талантливый музыкант и единственный его партнер в концерте.

Репетиция была в полном разгаре, когда билетеры, охранявшие входы в зал, вынуждены были отступить под натиском толпы: двери распахнулись, и люди бросились занимать места. И это при условии, что мы договорились с устроителями держать тему занятия в строжайшей тайне, чтобы избежать «ходынки». Но, видимо, правы те, кто утверждает: то, о чем знают двое, не может стать тайной от третьего…

Андрей репетицию немедленно прекратил, ушел со сцены за кулисы и тут же объяснил, что он думает обо всем этом, а больше всего лично обо мне…

– Все! Я еду домой!

– Андрей, не надо так горячиться! Мы сейчас попросим всех выйти из зала, и вы спокойно продолжите репетицию.

– Я хочу посмотреть, как вам это удастся. Это даже интересно! – вызывающе бросил он.

Собрав всю свою волю, не успев еще переодеться и переобуться, я пошел к микрофону… Что говорил тогда, честное слово, сейчас не помню. Но, вероятно, вид у меня был такой, что слушатели немедленно, а главное, без шума все покинули зал.

Андрей как ни в чем не бывало вернулся на сцену и тихо сказал мне:

– Я был уверен: никто с места не сдвинется. Вы случайно не Джуна?

И, не переводя дыхания, продолжил репетицию. Как он возился с осветителями, с радистами, с концертмейстером! Сбегал в зал, возвращался к роялю, пел, танцевал, снова

спускался в зал! Глядя на все это со стороны, я устал, а ему – хоть бы что!

Наконец он сказал:

– Ну все. Мы уходим. Можете пускать публику. Я буду готов к выходу через тридцать минут.

Почти два часа без антракта длился этот моноспектакль, где действительно не было ни фрагментов из фильмов, ни «разговора по душам» со зрителями, ни чтения наизусть. Монологи и сцены из спектаклей Театра сатиры, песни из фильмов и телевизионных постановок, специально приготовленные для эстрады номера… Одно органически вытекает из другого, без всяких пауз и особых комментариев. И главное, ощущение такое, что все это – сущий пустяк, ерунда, небольшая шалость. Никакого пота, никакого напряжения.

Представление окончилось. Зал, естественно, неистовствует. Поклоны, снова поклоны. Как в балете Большого театра…

Тук, тук, тук! – стучу в дверь актерской.

– Можно войти? Спасибо большое за доставленное удовольствие… – и только теперь замечаю, что Андрей снял с себя почти все, что на нем было надето, и тщательно выкручивает над раковиной умывальника.

– Это что, всегда так?

– Конечно, – отвечает он смеясь. – А вы как думали? Искусство требует жертв. – И после небольшой паузы добавляет: – Если вам действительно было не противно (обратите внимание на это выражение), вернетесь домой, позвоните, пожалуйста, маме, ей это очень важно. Ну и не сердитесь за начало. Я всегда ужасно волнуюсь перед выходом на сцену. Ведь все надо как следует проверить, а для этого необходимо иметь время…»

На сцену Театра сатиры Миронов в очередной раз вышел 28 мая – играл Савву Василькова в «Бешеных деньгах». 3 июня это был спектакль «Прощай, конферансье!», 4-го – снова «Бешеные деньги», 7-го – «Трехгрошовая опера».

8 июня по ТВ показали несколько подзабытый телефильм Сергея Колосова «**Назначение»** (22.20), где Миронов играл роль Лямина.

9 июня Миронов облачился в костюм Фигаро, чтобы предстать перед зрителями в спектакле «Женитьба Фигаро». 10-го это было «Прощай, конферансье!», 12-го – «Вишневый сад», 14-го – «Прощай, конферансье!», 18-го – снова «Вишневый сад». 19 июня Миронов играл в «Ревизоре», 21-го – в «Трехгрошовой опере», 23-го – в «Бешеных деньгах», 26-го – в «Прощай, конферансье!». На этом спектакли с его участием в Театре сатиры временно прекратились, и спустя несколько дней театр закрыл сезон в

Москве. С 1 июля начались гастроли «Сатиры» в Минске. А в их здании временно прописался другой столичный коллектив – Театр на Малой Бронной.

Театр сатиры гастролировал в Минске до 31 июля, после чего труппа была распущена в отпуска.

12 августа по ТВ показали телеверсию спектакля Театра сатиры «**Маленькие комедии большого дома»** (19.45), по которой телезрители уже успели соскучиться – ее не показывали почти три года (с ноября 83-го).

Между тем 17 сентября на «Мосфильме» режиссер Алла Сурикова запустила в сценарную разработку очередную свою картину – вестерн по-советски «**Человек с бульвара Капуцинов»**. Стоит отметить, что этот сценарий, принадлежавший перу сценариста Эдуарда Акопова, пылился на студии шесть лет, но ни один из режиссеров не решался за него взяться. То ли материал не нравился, то ли еще что-то. А вот Сурикова решилась. Но решилась она именно после того, когда сниматься у нее согласился Андрей Миронов (как мы помним, в первый раз они встретились на съемочной площадке в 1980 году в фильме «Будьте моим мужем»). На этот раз Миронову предстояло перевоплотиться в фанатика кинематографа, решившего переустроить мир при помощи «синема», мистера Феста (в переводе с английского фест – первый). Как признается чуть позже сам Миронов: «На кино не остается времени, все забирает театр. Но, занятый по горло, я не мог отказаться от роли Феста в фильме Суриковой. И потому, что мы с ней работали над фильмом „Будьте моим мужем“, и потому, что предложенный ею материал и на сей раз оказался очень симпатичным, прежде всего по благородной идее, по характеру героя.

Что-то меня сразу подкупило в Фесте, подружило с ним. И то, что он по-своему Дон Кихот, и то, что, если можно так сказать, он не просто чудак, а очень своеобразный счастливый неудачник или неудачливый счастливец. Странное сочетание? А ведь живое, непридуманное, и для меня – и в экранной моей биографии – новое».

Тем временем 4 октября свой 62-й сезон в Москве открыл Театр сатиры. Был показан спектакль «Прощай, конферансье!». 6-го Миронов играл в «Бешеных деньгах», после чего в очередной раз лег в больницу на обследование. Однако даже там он находил время для работы – усиленно разучивал новую роль. Роль была необычная. Если до этого он играл пламенных коммунистов («У времени в плену»), плутов («Женитьба Фигаро»), купцов («Вишневый сад») и т. д., то теперь ему выпала честь сыграть… президента США Джона Фицджеральда Кеннеди, убитого

наемным убийцей в ноябре 1963 года. Пьеса называлась «Бремя решений», принадлежала бывшему кремлевскому царедворцу Федору Бурлацкому и повествовала об одном из самых сложных эпизодов в отношениях между СССР и США – Карибском кризисе октября 62-го. Как мы помним, в кино Миронову уже приходилось играть американца – в «Победе», но Чарльз Брайт был всего лишь журналистом, а тут – целый президент. Пьеса была из разряда агитационно-пропагандистских, но уже не прямолинейно кондовая, а продвинутая (на дворе начиналась гласность). О том, как появилась на свет эта пьеса, вспоминает сам автор Ф. Бурлацкий:

«22 ноября 1983 года исполнилось 20 лет с того дня, как потрясенный американский народ, а также все мы узнали о трагической гибели Джона Фицджеральда Кеннеди. Выстрелы в Далласе послужили развязкой драмы, которая началась задолго до этого. Кульминация этой драмы была за год до катастрофы. Как раз тогда и произошло острейшее за весь послевоенный период столкновение сил на политическом Олимпе США.

Кеннеди был далеко не «голубем», но он сумел реалистически оценить общую угрозу ядерного уничтожения и принять советские предложения о необходимости компромисса в интересах мира. Сейчас политическая ситуация повторяется – с одной только разницей, что планета уже перенасыщена смертельным грузом, и от руководителей Советского Союза и США требуется особая мудрость в решении спорных вопросов.

Об этом я написал в своей статье «Черная Суббота». В ней был диалог между Джоном Кеннеди и его братом Робертом, основанный на подлинных документах и воспоминаниях участников тех событий, из которого можно было видеть, как нелегко шел президент к единственно верному решению.

Некоторое время спустя мне позвонил главный режиссер Театра сатиры Валентин Николаевич Плучек и сказал, что из этой статьи надо делать пьесу, так как она драматургична по своей сути. Внутренне я был к этому готов…»

Миронов репетировал роль Кеннеди не в самой здоровой обстановке. Дело в том, что некие завистники стали усиленно распускать в театре слухи, что он метит в кресло главного режиссера «Сатиры», и Плучек на эту новость отреагировал весьма нервно – стал демонстративно не замечать Миронова. А тут еще нашему герою пришла в голову идея поставить на сцене родного театра новую пьесу – «Тени» М. Салтыкова-Щедрина, что еще более накалило обстановку между главрежем и ним. И как Миронов ни старался разубедить Плучека в том, что все эти разговоры – всего лишь досужие сплетни, тот ему не верил.

19 октября по ТВ показали очередной фильм с участием Миронова – водевиль «**Небесные ласточки»** (19.55). Эту картину родное телевидение показывало после почти десятилетнего перерыва (с января 77-го). Вызван сей необычный факт был следующим обстоятельством. В марте того 77-го исполнитель главной мужской роли в фильме Сергей Захаров угодил в криминальную историю (подрался со своим администратором) и был осужден на год тюремного заключения. Поскольку эта история имела большой резонанс в обществе (о ней раструбили многие СМИ), на имени Захарова было поставлено табу. Запрет длился до наступления новых времен – до прихода к власти Михаила Горбачева. Но вернемся к Андрею Миронову.

19 октября он все еще находился в творческом отпуске по причине нездоровья, и вполне вероятно, что «Небесных ласточек» по «ящику» увидел. Во всяком случае, такое можно предположить, учитывая запрет, который висел над картиной. А в очередном спектакле Миронов играл уже в следующем месяце: 2 ноября в «Сатире» шли «Бешеные деньги». 7-го это было «У времени в плену». С 11 по 23 ноября Миронов вместе с родным театром был на кратковременных гастролях в Чехословакии (там проходили Дни советской культуры). «Сатировцы» выступали в трех городах: Праге, Братиславе и Готвальдове с тремя спектаклями: «Трехгрошовая опера», «Вишневый сад» и «Прощай, конферансье!».

24 ноября театр был уже в Москве, а на следующий день Миронов играл в «Горе от ума».

26 ноября по ТВ показали телевизионную (укороченную) версию фильма «**Год как жизнь»** (21.35).

27 ноября Миронов играл в «Бешеных деньгах», 29-го – в «Прощай, конферансье!».

Декабрь начался с «Бешеных денег» (1-го). Далее шли: 2-го – «Прощай, конферансье!», 4-го – «Трехгрошовая опера», 6-го – «Прощай, конферансье!», 9-го – «Женитьба Фигаро», 10-го – «Вишневый сад», 18-го – «Горе от ума», 20-го – «Вишневый сад».

23 и 24 декабря в Государственном концертном зале «Россия» прошли творческие вечера Эльдара Рязанова под названием «В кругу друзей». В них приняли участие многие из тех, с кем великого режиссера сводила творческая судьба. Был там и Андрей Миронов, который впервые встретился с Рязановым в 1965 году во время работы над фильмом «Берегись автомобиля». Была там и супруга Миронова Лариса Голубкина, которая знала Рязанова еще и раньше и которая справедливо считала Эльдара Александровича своим «крестным отцом» в кинематографе: в 1962 году он снял ее в комедии «Гасарская баллада». Среди

других участников тех вечеров были: Алиса Фрейндлих, Олег Басилашвили, Нани Брегвадзе, Валентина Талызина, Александр Ширвиндт, Георгий Бурков, Семен Фарада, Татьяна и Сергей Никитины, Андрей Петров, Микаэл Таривердиев, Григорий Горин, Белла Ахмадулина, Левон Оганезов.

25 декабря по ТВ показали фильм-концерт «Мужчина и женщина», где в главной роли блистала мама нашего героя Мария Владимировна Миронова (21.50).

Между тем 1985 год закончился для Миронова в театре ролью бандита Мекки-ножа в спектакле «Трехгрошовая опера» – он играл в нем 28 декабря.

1986

Ролью Мекки-ножа Миронов закончил ушедший год, ею же он открыл и год **1986-й** («Трехгрошовая…» игралась 2 января). 4-го это было «Прощай, конферансье!», 5-го – «Бешеные деньги». Затем в течение двух недель Миронов в спектаклях не участвовал, целиком занятый последними репетициями спектакля «Бремя решений». 19-го он снова играл в «Бешеных деньгах», 21-го это было «Горе от ума». А 22 января «**Бремя решений»** было вынесено на суд широкого зрителя. Как мы помним, Миронов играл в нем главную роль – Джона Кеннеди. В других ролях были заняты: Георгий Менглет (директор ФБР Гувер), Александр Ширвиндт (Сэлинджер), Михаил Державин (Макнамара), Александр Гудзенко (Соренсен), Спартак Мишулин (Тейлор), Юрий Васильев (Роберт Кеннеди), Раиса Этуш (Жаклин Кеннеди).

До конца января Миронов сыграл еще в пяти спектаклях: 24-го это был «Ревизор», 25-го – «Прощай, конферансье!», 28-го – «Бремя решений», 29-го – «Вишневый сад», 31-го – «Бремя решений».

С роли Джона Кеннеди начался для Миронова и следующий месяц – он играл президента США в понедельник 3 февраля. Но перед этим, утром, Миронов провел первую репетицию своего нового спектакля – «Тени» по М. Салтыкову-Щедрину. Миронов выступал в нем в двух ипостасях: был режиссером и исполнял роль статского советника, директора департамента Петра Сергеевича Клаверова.

Вспоминает А. Вислова: «В записной книжке отмечено: „3 февраля, 1986 год. Понедельник, 10 утра“. Миронов приступает к репетициям спектакля „Тени“ по пьесе Салтыкова-Щедрина. Последняя постановка, последняя роль в театре, хотя о том еще никому не ведомо. В тот обычный февральский, в меру холодный день прихожу в театр и поднимаюсь в малый репетиционный зал – просторную комнату с одной зеркальной стеной и балетным станком для упражнений вдоль нее. Посередине стоит длинный стол. Здесь собираются участники будущего спектакля. Миронов приходит не один. Вместе с ним в дверях появляется В. Н. Плучек. Кажется, они что-то договаривают друг другу на ходу, как всегда острят. Но с лица Плучека не сходят напряжение и вызов. Миронов как будто старается этого не замечать, внешне спокоен и собран. В театре ни для кого не секрет, что отношения между главным режиссером и первым актером труппы натянуты. Атмосфера за кулисами последние годы нелегкая. Ее нагнетание не проходит мимо

Миронова. Утрату дружеской сердечности и былого взаимопонимания в отношениях с главным режиссером он переживает остро, но изо всех сил старается не обращать внимания на закулисные сплетни и продолжает работать. Миронов всегда отдавал себе отчет, чем был обязан Плучеку, называл его учителем, испытывал к нему непоказное уважение и благодарность…

Полагаю, Миронов не для формальности позвал Плучека открыть и как бы благословить начало репетиций. Он не хотел верить в то, о чем некоторые говорили вполголоса, а другие в полный голос. И был прав. Творческий запал этих двух художников был, как правило, все-таки сильнее перепадов в личных взаимоотношениях. Плучек в своем недолгом вступительном слове высказал много важных и дорогих пожеланий.

Вот несколько отрывков из них.

– Пусть будет у вас атмосфера студии. Спектакль должен быть с душою. Актеры должны испытывать трепет перед репетициями… Несколько пожеланий Андрею Александровичу. Актерская режиссура в чем-то ущербна. Постановка спектакля – это другое призвание, другому должна быть посвящена жизнь. Она требует полного увлечения. Андрей Александрович, вы очень яркий артист и воспринимаете роль через свою артистическую индивидуальность. На репетиции рождаются иногда робкие, иногда ошибочные ростки в актерском творчестве. Их надо всячески поддерживать… Актеров призываю увлечься первоосновой. Немирович говорил о своем театре: «Мы – театр автора». Мне это необычайно близко. Актеры сегодня отучились от понимания особенностей в расстановке слов у великих писателей. О важности такого понимания говорил еще Мейерхольд. Увлекайтесь природой автора, проникайтесь им. Не возлагайте все на режиссуру. Я очень ценю самостоятельность поиска… Необходимо «царапнуть» хоть что-то из современной нашей психологии. Наш театр живой. Во всех спектаклях мы пытаемся найти современный интонационный психологический строй. Бахтин считал, что слово само по себе ничего не значит, когда оно не является носителем интонации. Каждая эпоха имеет свой интонационный фонд. Надо правильно найти в классике современный интонационный ход…

После своего «благословения» Плучек поднялся, пожелал успеха всем, по-отечески поцеловал Миронова и удалился. Глядя на них, хотелось думать, что все хорошо, а грустные домыслы и слухи неверны. Увы, то была иллюзия, что вскоре подтвердилось.

Тем не менее репетиции начались.

– Очень правильно сказал Валентин Николаевич, – произнес после его ухода Миронов. – Я надеюсь, что интерес у всех присутствующих к этой пьесе существует. Пьеса не имеет близких аналогов. Ключей привычных к ней нет. Она рождает ассоциации с поздним Островским. Повзрослели его персонажи, с ними произошла какая-то метаморфоза. До автора всем нам еще надо дотягиваться. Он прекрасен, хотя мрачен и черен. Драматическая сатира – так определен жанр пьесы. Исходным моментом каждого героя является глубочайший реализм. Второй план этой пьесы будет присутствовать на сцене, я имею в виду Шалимова и Клару. (Потом в спектакле из внесценических персонажей Миронов оставит только Шалимова. – *А. В.*) Шалимов и Клаверов – два антипода. Мне интересна мысль о том, как мясорубка определенной системы засасывает людей. В сценическом оформлении я представляю круглый, большой, на всю сцену зал, окаймленный колоннадой, с целым рядом лестниц, уходящих в высоту, по кругу между колоннами – ложи-бенуар, в которых возникает Клара, Шалимов, вся воспаленная фантазия персонажей пьесы. Должен быть элемент «проклятого водевиля», о котором пишет Щедрин. Симультанное, одновременное действие. Здесь возникает и проходит вторая жизнь всей системы общества. Ирреальность, вплетенная в реальность. Ни в коем случае не иллюстрировать идею, поместить ее в общий калейдоскоп жизни. «Все мы подлецы и люди благоразумные» – это эмоция современная…

Конец гармонии во внутреннем и внешнем состоянии Миронова совпал с его «броском в режиссуру». Было ли то случайным совпадением или попыткой вырваться из тисков неудовлетворенности застывшим с некоторых пор уровнем режиссуры в своем театре? Последняя причина кажется более вероятной. Плучек уже не торопился, как раньше, идти навстречу невостребованным внутренним возможностям Миронова, а актер жаждал свежего притока идей…»

5 февраля Миронов играл в «Трехгрошовой опере», 6-го это был «Вишневый сад», 7-го – «Бремя решений», 10-го – «Трехгрошовая опера».

11 февраля в «Советской культуре» появилось интервью Андрея Миронова, взятое у него журналисткой Натальей Лукиных. Приведу лишь небольшой отрывок из него, где речь идет о кино. Интервьюер спросила у актера относительно его нового киношного имиджа – более серьезного, чем раньше, на что Миронов ответил следующее:

«Не думаю, что настал какой-то особенный, этапный для меня период жизни в кинематографе. „Серьезный“ этап в моей

биографии открыла для меня скорее сцена, причем уже давно. В спектакле Театра сатиры „У времени в плену“ по пьесе А. Штейна мне доверили играть роль Всеволода Вишневского, серьезный драматический образ. Странно, но в самом вопросе о моем постоянном амплуа в кино слышится некое обвинение. Дескать, пел, танцевал, веселил публику и вдруг посерьезнел. Что случилось? Да ничего не случилось. Просто меня как-то дружно „записали“ в поющие комики, а я, между прочим, не так уж много и пел-то в фильмах. У меня за 25 лет работы в кино было всего четыре музыкальные картины! Ничуть не больше, чем у других драматических актеров. (Здесь Миронова подводит память: картин, где он исполнял песни, на его счету на тот момент было восемь. Перечисляю: „Бриллиантовая рука“, „Достояние республики“, „Соломенная шляпка“, „12 стульев“, „Обыкновенное чудо“, „Трое в лодке, не считая собаки“, „Будьте моим мужем“, „Блондинка за углом“. – *Ф. Р.*) Но это не означает, что я отрекаюсь от легкой комедии, от музыки в кино. Нисколько! Напротив, я бы и сейчас с удовольствием пел и танцевал, правда, у меня уже, конечно, не получится так, как в молодые годы. Об участии в интересной современной музыкальной кинокомедии можно только мечтать. Вот я и мечтаю пока за неимением реальных предложений…»

12 февраля Миронов играл в спектакле «Бешеные деньги», 18-го это был «Ревизор», 20-го – «Бремя решений», 21-го – «Вишневый сад», 23-го – «Прощай, конферансье!».

23 февраля по ТВ показали комедию Эльдара Рязанова «**Берегись автомобиля»** (21.45). Фильм не транслировали почти три года (с октября 83-го).

24 февраля Миронов играл в «У времени в плену», 25-го – в «Бремени решений», 28-го – в «Горе от ума».

Март начался для Миронова с «Трехгрошовой оперы» (2-го). Далее шли: 3-го – «Бешеные деньги», 4-го – «Бремя решений». 8 марта Миронов отпраздновал свой 45-й день рождения.

12 марта Миронов играл Мекки-ножа в «Трехгрошовой опере». Его же он играл и 16-го. В тот же вечер, в 21.45, по ТВ состоялась премьера фильма Аллы Суриковой «**Будьте моим мужем»**, где Миронов играл главную роль – детского терапевта Виктора.

17 марта Миронов играл Джона Кеннеди в спектакле «Бремя решений». На следующий день это был конферансье Буркини в «Прощай, конферансье!».

Тем временем продолжаются репетиции «Теней». Утром 19 марта в большом репетиционном зале Театра сатиры (с 1984 года он же – Малый зал театра) первый раз прогнали начало первого

действия спектакля. Прогон прошел прекрасно, и режиссер спектакля Миронов (на репетициях роль Клаверова пока играет другой актер – А. Диденко) и все актеры остались довольны результатом. Вечером того же дня Миронов играл Чацкого в «Горе от ума».

Миронов работал над «Тенями» одержимо, можно сказать неистово. Вот как об этом вспоминает А. Вислова: «Для него это был нормальный ритм жизни, смысл которой заключался в непрекращающейся работе. Он ее любил, хотя как-то не то в шутку, не то всерьез признался мне: „Вы знаете, я такой ленивый“. Но каким-то чутьем он сознавал, что любое расслабление для него – непозволительная роскошь. Он старался не знать минут простоя. Быть может, предчувствие скорого конца торопило и одновременно заставляло максимально заполнять каждую секунду отпущенного срока. Он жил своей сверхзадачей. Последние годы его рабочее время чрезвычайно уплотнилось. Он работал везде: на отдыхе, дома, в самолете, в поезде, в машине. Где бы я его ни заставала, по глазам видела непрерывную работу мысли, искру неутихающего творческого огня. Из-за этого он постоянно пребывал в лихорадочном состоянии. То была не суетливость, нет, а именно внутренняя лихорадка. Непонятным образом она сочеталась с ясной головой, четкостью и ловкостью в движениях, внутренней собранностью, а еще с гибкостью мышления, мгновенной включаемостью в любой ритм. Иногда, придя на репетицию, я видела его одиноко и неподвижно сидящим в зрительном зале, с отрешенным взором, устремленным на сцену. В такие мгновения он весь был в каких-то своих мыслях, не замечал никого, но через несколько минут раздавался хлопок в ладоши, и с возгласом „Все. Начали!“ он взлетал со своего места с непредвиденной легкостью и вихрем захватывал все окружающее пространство. На его репетициях мне часто казалось, что каждое проходящее мгновение – чудо, и оно никогда не повторится… За Мироновым хотелось следить неотрывно, потому что то, как он существовал в пространстве, говорил, думал и просто жил, было обыкновенным чудом. До него можно было дотронуться, но ощущение зыбкости, непрочности, невечности, хрупкости его, как любого чуда, порождало чувство грусти и ирреальности. Сам репетиционный процесс напоминал мистическое театральное действо, своеобразное шаманство. Помню, как во время одной из репетиций „Теней“ Миронов попросил принести свечи, зажег их и с горящими глазами, проносясь мимо них, все так же лихорадочно произнес: „Сейчас будем делать театр!“ (свечи входили в замысел мизансцены). Он „делал“ театр всегда и везде, потому что нес его в себе самом. Вся

его режиссура была направлена на то, чтобы заразить, увлечь, пленить других магией театра. Он взывал к творческому началу в артистах без устали. „Вы же все тут талантливые люди!“ – слышала я много раз его отчаянный возглас-призыв на репетициях. И иногда ему удавалось в других разбудить и вытащить наружу что-то неожиданное…»

21-го Миронов играл Джона Кеннеди, 22-го – Лопахина в «Вишневом саду».

22 марта по Всесоюзному радио состоялась трансляция радиокомпозиции «Актер и его роли», посвященная творчеству Андрея Миронова. Вела передачу Алика Смехова.

26 марта Миронов играл Фигаро в подзабытой «Женитьбе Фигаро», 27-го – конферансье Буркини, 30-го – купца Лопахина.

В первый день апреля Миронов вышел на сцену родного театра в роли Мекки-ножа в «Трехгрошовой опере». Далее шли: 2-го – «Вишневый сад», 4-го – «Бремя решений», 8-го – «Ревизор». По закону подлости в тот же вечер по ТВ состоялась премьера фильма Алексея Германа «**Мой друг Иван Лапшин»**, в котором Миронов сыграл одну из лучших своих киноролей – журналиста Ханина. Премьера выпала аккурат на те самые часы, когда в «Сатире» шел «Ревизор», – 19.20. Однако утром следующего дня фильм повторили.

Вечером 9 апреля Миронов играл в «Бешеных деньгах», 11-го – в «Горе от ума», 14-го – в «Бремени решений», 15-го – в «Вишневом саду», 16-го – в «Прощай, конферансье!», 18-го – в «Бремени решений».

19 апреля Миронов приехал на «Мосфильм», где в комнате № 450 прошла видеопроба для фильма «Человек с бульвара Капуцинов». Однако смотрели главным образом не Миронова, поскольку его участие в фильме было главным условием его появления на свет, а возможную партнершу Миронова. В тот день это была Ирина Розанова. Но, как покажет будущее, главную женскую роль суждено будет сыграть не ей, а Александре Яковлевой (ее проба пройдет 23 апреля).

22 апреля Миронов играл в спектакле «У времени в плену». Затем в течение двух недель он в спектаклях не участвовал, посвятив это время записи песен для фильма «Человек с бульвара Капуцинов». Композитором фильма был его старый знакомый Геннадий Гладков – это был их третий совместный фильм. Хотя поначалу Гладков работать в «Капуцинах» не хотел – ему что-то не нравилось в сюжете, да и сроки не устраивали. Короче, Суриковой он отказал. Тогда в дело вмешался Миронов. Он лично позвонил Гладкову и попросил согласиться. Сказал: «Старик, мы, к сожалению, так редко видимся, все бегаем друг от друга. Давай

хоть на этой картине встретимся. Может быть, она будет последней». (Миронов не ошибся: для них с Гладковым этот фильм действительно станет последним. – *Ф. Р.*) Я все еще пою в концертах твои старые песни. Напиши мне с Юлием Кимом новые, я их потом из фильма возьму на эстраду». Отказать другу Гладков не посмел.

Вспоминает Г. Гладков: «Записи у нас с Андреем шли по той же схеме, что и раньше, с препирательствами, взаимными уколами, шутками, мелким недовольством. Только на этот раз он был более задерганным и уставшим: театр, репетиции, концерты. В процессе записи многое менялось, и не все то, что записали, вошло в картину…»

Так получится, но самой шлягерной песней из записанного станет «Синема, синема», которую Миронов впоследствии действительно возьмет в свой концертный репертуар.

Отныне, теперь, наконец-то,
Сейчас и в любую погоду,
Вот здесь, а потом повсеместно
Все будем мы жить по-другому:
Без гнева и печали, на благо всей земли,
Как мы давно мечтали, но так и не смогли…

3 мая по Ленинградскому ТВ был показан документальный фильм «**Я возвращаю Ваш портрет…»** (16.25), где Миронов выступал в роли Ведущего. Помимо этого он исполнил веселую песню про Джона Грея, который влюбился в Кэтти, а та ответила ему отказом, испугавшись, что у них «могут случиться дети».

7 мая Миронов вышел на сцену Театра сатиры в спектакле «Бремя решений». 9-го это было «У времени в плену». И опять Миронову не повезло. В эти же самые часы по Центральному телевидению показали еще один фильм с его участием. Речь идет о премьере фильма Евгения Матвеева «**Победа»** (1-я серия в 19.50, 2-я – в 21.45), где наш герой играл роль американского журналиста Чарльза Брайта.

С 13 по 18 мая Театр сатиры уступил свою сцену театру-гастролеру – Венгерскому театру имени Аттилы Йожефа, а сам отправился на короткие гастроли в Иркутск.

Свой очередной спектакль в Москве Миронов играл 23 мая – это были «Бешеные деньги». Их же он играл и вечером следующего дня. На этом участие Миронова в спекталях родного театра временно прекратились.

29 мая по Всесоюзному радио прошла премьера радиоспектакля «**Душа Элеоноры»** А. Луначарского (режиссер В.

Кольбус), в котором Миронов играл роль Наполеона Малапарте. Однако наш герой этой премьеры не застал: именно в конце мая в составе весьма представительной делегации он отправился в Мексику на чемпионат мира по футболу. Стоит отметить, что к футболу Миронов был в общем-то равнодушен. В детстве он еще как-то им увлекался – гонял с пацанами мяч на школьном дворе, а в 55-м даже присутствовал на международном матче сборных СССР и Франции. Но потом он к этому виду спорта охладел, у него даже любимой команды не было. И единственным видом спорта, которым он всерьез занимался, был теннис. Однако, когда в 86-м ему поступило предложение отправиться на чемпионат мира по футболу в Мексику, чтобы в составе небольшой группы артистов поддержать своим искусством игроков нашей сборной, Миронов безоговорочно согласился. В группу поддержки входило несколько человек, но больше всего Миронов подружился с Михаилом Боярским, с которым ему вскоре предстояло начать сниматься в фильме «Человек с бульвара Капуцинов». Кстати, Боярский дал свое согласие на участие в этой ленте только после того, как узнал, что главную роль в нем будет исполнять Миронов.

Увы, но как ни старались артисты в Мексике, как не лезли из кожи вон, советские футболисты искрометной игры так и не показали. Хотя и оглушительным провалом выступление нашей сборной тоже назвать было нельзя. Она сумела выйти из своей подгруппы, но в 1/8 финала проиграла сборной Бельгии и досрочно вернулась на родину. Вместе с ней в середине июня возвратился и Миронов.

В эти же самые дни (14–15 июня) по ТВ крутанули очередной фильм с участием Миронова – «**Соломенную шляпку»** (21.40). Фильм не показывали ровно два года (с июня 84-го).

18 июня наш герой снова вышел к зрителям, пришедшим в Театр сатиры: в тот вечер игралось «Горе от ума». 20-го возобновились репетиции «Теней». Вечером того же дня Миронов играл в «Трехгрошовой опере». 23-го это было «Бремя решений».

Утром 24 июня состоялась очередная репетиция «Теней». В тот день прогнали все 1-е действие будущего спектакля и показали Валентину Плучеку. А тот… Впрочем, послушаем рассказ очевидца – А. Висловой:

«Эффект получился непредвиденный. Главный режиссер отнесся к сделанному сурово и, по существу, забраковал работу. По его мнению, надо было ставить камерный, салонный спектакль, а Миронов замахнулся на неподъемный масштаб постановки, одним оформлением которой, считал режиссер, загонял себя в чудовищно трудные условия. Плучеку не

понравилась идея арены, где негде присесть, поговорить, негде укрыться. Но именно такая открытость, обнаженность пространства, где каждый просматривался насквозь, входила в замысел Миронова.

На следующий день Миронов пришел подавленный, фактически не мог репетировать. Полтора часа просто беседовал с актерами. Пересказывал мнение Плучека. Высказывался откровенно, ничего не скрывая, но ни в чем не оправдываясь. Более всего из обсуждения на него подействовало сравнение проделанной работы с уровнем самодеятельности из жэка. Не знаю, может быть, то было сказано между прочим, без злого умысла, но Миронова эти слова больно задели, и он их запомнил. Жестокость и несправедливость такой оценки понимали все. Миронов из последних сил старался удержать себя и других от отчаяния. Но в тот день у него это плохо получалось. Внешне он держался спокойно, даже пытался шутить на свой счет, но его внутреннее состояние было ужасным. Те, кто его хорошо знал, чувствовали его страшное напряжение. Переживал он сильно и глубоко. Тем не менее нужно было как-то работать дальше. Он попросил актеров прочитать начало пьесы. Что-то изменил в первых мизансценах, кое-что сократил в тексте…»

В тот же вечер, 25 июня, Миронов, несмотря на подавленное состояние, играл Лопахина в «Вишневом саду». А утром следующего дня он отправился на «Мосфильм», где в комнате № 225 состоялась примерка костюма и проба грима для роли Джонни Феста в фильме «Человек с бульвара Капуцинов». Пробыл Миронов на студии с 9 утра до часа дня.

28—29 июня Миронов играл Джона Кеннеди в «Бремени решений», 30-го – Мекки-ножа в «Трехгрошовой опере».

Июль начался с «Горя от ума» – Миронов играл в нем 2-го. Затем в течение почти недели Миронов репетировал «Тени». Работа, после того как Плучек устроил участникам будущего спектакля разнос, шла тяжело. Творческий накал у актеров заметно снизился, и всем хотелось одного – поскорее закончить репетиции и разойтись в отпуска.

8 июля Миронов играл в «Женитьбе Фигаро», 9-го – в «Ревизоре», 11-го и 12-го – в «Бешеных деньгах», 15-го – в «Горе от ума», 16-го – в «Женитьбе Фигаро», 19-го – в «Бешеных деньгах», 20-го – в «Женитьбе Фигаро». Затем Миронов взял в театре отпуск, чтобы отдохнуть перед предстоящими в августе гастролями театра в Томске и съемками «Человека с бульвара Капуцинов».

Съемочная группа фильма выехала в город Белогорск 29 июля. В картине собрался поистине звездный актерский

состав. Помимо Миронова, игравшего фанатика кинематографа Джонни Феста, в остальных ролях были заняты не менее популярные актеры. Так, Олег Табаков играл прожженного делягу и циника хозяина салуна Мак-Кью, Николай Караченцов – добродушного Билли Кинга (первоначально на эту роль претендовал Алексей Жарков, который, после того как Сурикова ему отказала, на несколько лет прервал с ней всяческие отношения), Михаил Боярский – главаря бандитов Черного Джека (он согласился сниматься в этом фильме только благодаря Миронову, с которым успел подружиться на чемпионате мира по футболу в Мексике), Александра Яковлева – певичку-блондинку Диану, Игорь Кваша – обуреваемого ревностью пастора, Леонид Ярмольник – забулдыгу Мартина, Галина Польских – миссис Томсон, Семен Фарада – Томсона, Олег Анофриев – пианиста, Спартак Мишулин – вождя команчей, Наталья Фатеева – его скво, или жену, Лев Дуров – гробовщика, Михаил Светин – аптекаря, Наталья Крачковская – Кончитту, Борислав Брондуков – Денди, Альберт Филозов – антипода мистера Феста Секонда, Александр Иншаков – Джонсона, Антон Табаков – Бобби.

Съемки фильма начались 31 июля. Снимать начали с самого начала: с проезда дилижанса по прерии (снимали у Белой скалы). Правда, в первые два дня актеров, занятых в главных ролях, не снимали, ограничившись съемками каскадеров, которые изображали бандитов из шайки Черного Джека.

Миронов объявился в Белогорске 4 августа. Но сниматься начал только на другие сутки. В тот день с 12.00 до 21.00 все у той же Белой скалы снимали нападение бандитов на дилижанс и реакцию на него пассажиров дилижанса.

6 августа, как это часто бывает в кино, снимали финал фильма. В нем перековавшийся Черный Джек признается Фесту в своей любви и уважении. Но не успевают они проехать и нескольких метров, как к ним присоединяется и возлюбленная Феста Диана.

7 августа сняли один кадр из начала фильма (нападение бандитов) и досняли финал (Фест, Черный Джек и Диана скачут по прерии, а за кадром в это время звучит песня «Механик, крути киноленту»).

На следующий день сняли эпизод из середины фильма: Фест и Диана едут на лошадях по прерии, и Фест объясняет возлюбленной, почему в кино все получается так быстро – вот герои целуются, а в следующем кадре у них уже есть дети. «Это называется монтаж», – говорит знаток кинематографа. На что Диана реагирует неожиданным образом: «Я хочу, чтобы у нас был бэби. Сделай мне монтаж». Работы длились с 12 дня до девяти

часов вечера.

Стоит отметить, что съемки фильма шли тяжело. И главным виновником был некий капитан Советской Армии Б., который руководил кавалерийским полком, присланным для участия в съемках. Этот капитан оказался истинным самодуром и буквально с первых же дней съемок стал ставить палки в колеса. Говорят, он обиделся то ли за то, что ему не сунули взятку, то ли за то, что не разрешили сниматься хотя бы в крохотном эпизодике. В итоге дело едва не завершилось трагедией. Сурикова специально вызвала на роли возниц дилижанса каскадеров, но капитан потребовал, чтобы возницей стал его солдат. Но этот вояка оказался столь неумелым человеком, что лошади понесли, и дилижанс с сидящими в нем людьми едва не перевернулся. Вся группа была в шоке. После этого случая терпение Суриковой лопнуло, и она заявила капитану, что отказывается от его услуг. Капитан в отместку собрал своих подчиненных… и увез их в Москву вместе с лошадьми. Съемки фильма грозили остановиться. К счастью, на помощь пришли жители близлежащих деревень, которые стали приводить на съемочную площадку своих лошадей.

9 августа Миронов покинул съемочную группу и отправился в Томск, где продолжал свои гастроли Театр сатиры. Там на Миронова в очередной раз нахлынула ностальгия, и он снова сблизился с Татьяной Егоровой. Вообще такие сближения у них происходили регулярно, в основном именно на гастролях. В один из тех дней они стояли на берегу реки Томь и Миронов жаловался Егоровой:

– Все порушу… все… я сейчас бы сбежал, но ведь она меня голым по миру пустит. Давай здесь останемся… в Томске…

Но ничего Миронов так и не порушил.

Пока Миронов находился в Томске, в «Человеке…» готовились снимать городок Санта-Каролину, который вырос под Феодосией, в местечке Тихая бухта. Съемки должны были вот-вот начаться, когда декорации едва не рухнули. Вот как это описывает режиссер-постановщик фильма Алла Сурикова:

«Еще до начала съемок декорация стала заваливаться от ветра. Хотя выглядела она внешне как настоящий городок, все-таки это была декорация – ее передние стены сзади подпирали балки. Выбранное нами для съемок красивое место, как оказалось, имело удивительное свойство – любой ветер усиливался здесь в десять раз, и создавался эффект трубы-вытяжки. Столбы, которые должны были удерживать конструкции, вкопали почему-то неглубоко. И вот у меня на глазах рушится город моей мечты – моя Санта-Каролина. Я

схватила что-то типа лопаты и бросилась его спасать. Потом я поняла, что одна не справлюсь, села и заплакала. Был яркий солнечный день. До съемок оставалось три дня. Два здоровых молодца из основного неактерского состава съемочной группы сидели неподалеку на берегу моря и играли в карты. И не поднялись… И продолжали играть… Но мне на помощь пришли каскадеры. Под сильными порывами шквального ветра они вкопали столбы. И город выстоял. С тех пор я нежно люблю людей, которые называются верным словом „каскадер“…»

Съемки возобновились 18 августа: сняли эпизоды, где в Санта-Каролину приезжает герой Бориславa Брондукова. А 23–24 августа сняли эпизод, где в город приезжает антипод Феста мистер Секонд в исполнении Альберта Филозова.

Миронов прилетел на съемки рано утром 26 августа. И уже в половине десятого вышел на съемочную площадку: снялся в эпизоде из конца фильма, где Черный Джек ранит его из пистолета (в первоначальном варианте сценария выстрел оказывался смертельным, но Миронову такой финал не понравился, и он попросил Сурикову «оживить» его героя).

27 августа снимали эпизоды с участием Миронова из разных частей фильма: Фест возле салуна; женщины бегут за Фестом и требуют: «Хотим фильму!» и др.

28 августа Миронов снялся в эпизоде из конца фильма: Феста вызывает на улицу Черный Джек. На следующий день снимали продолжение этого эпизода, а также несколько кадров из раннего повествования. Та же картина была и на другой день: сначала сняли приезд Феста в Санта-Каролину, а во второй половине дня снимали кадры из середины картины: очередь за билетами в кино и др.

31 августа Миронов опять снимался вразнобой: кадры из начала и второй половины фильма. В частности, сняли сцену, где женщины несут на руках мистера Феста. В роли женщин выступили… каскадеры.

Вспоминает А. Сурикова: «Девушкам из кордебалета Андрюшу было не поднять, одного таланта в нем было килограммов на семьдесят. Да он бы и не позволил, чтобы женщины его несли. Мы пошли по простому кинопути: кричали и домогались Феста на крупном плане женщины, а на общем – несли каскадеры в платьях и шляпках. Они были счастливы безумно – мужчины, оказывается, обожают переодеваться в женщин, особенно такие мужественные, как каскадеры. Они красили губы, показывали коленки, задирая юбки, кокетливо выставляли „ножки“ в огромных сапожищах – туфелек на такие лапы, конечно, не нашлось. Больше всех распоясались,

почувствовав себя девушками, Саша Иншаков и Саша Огнянов. Каскадеры несли Андрея с огромным удовольствием, ведь не раз мысленно носили его на руках. Когда вечерами мы собирались у меня в номере и приходил Миронов, это был праздник. Особенно если Андрей что-то рассказывал – например, как сам был исполнителем трюков на картине Эльдара Рязанова „Необыкновенные приключения итальянцев в России“. Жаль, что никто не догадался включить видеокамеру или хотя бы магнитофон… Но ведь никто не думал, что это уже не повторится!..»

1 сентября был снят вставной номер – песня Феста «Синема! Синема!», где Миронову подыгрывал детский танцевальный ансамбль из 15 человек. Съемки шли трудно. Миронову каждый раз что-то не нравилось, и он просил Сурикову снять новый дубль. А съемки велись на дорогую пленку «Кодак», каждый метр которой был на вес золота. Однако отказать Миронову Сурикова не могла, и в итоге было снято пять дублей. Работы длились с 10.30 до 19.30.

2 сентября был отснят эпизод из конца фильма: Феста сражает пуля Черного Джека, а также эпизод, где Фест бросает в окно Диане подарок.

3 сентября Миронов снимался вразнобой. Сняли сцену, когда Фест приходит к гробовщику (Лев Дуров) и заказывает у него деревянную кассу; Фест и Диана едут по городу на лошадях и др. К слову, роль гробовщика сначала предназначалась Армену Джигарханяну, но он на съемки не приехал. Пришлось срочно искать другого исполнителя, которым стал Лев Дуров.

4 сентября сняли эпизод, где гробовщик привозит Фесту деревянную кассу. На следующий день съемки этого эпизода были закончены. Работа длилась до 12 часов ночи.

5 сентября съемка была назначена на два часа дня, поэтому первую половину дня большинство членов съемочной группы отсыпались. Но были и такие, кто встал ни свет ни заря: Алла Сурикова, Лев Дуров и директор картины Владимир Дугин. Именно последний предложил совершить экскурсию на один из крымских коньячных заводов. Четвертым экскурсантом было решено взять Андрея Миронова. Но он воспринял это приглашение как форменное издевательство. «Да вы что, я спать лег под утро, мне сегодня опять сниматься, а вы меня куда-то тащите. Я еще не был на могиле Волошина, не был в Музее Айвазовского! Зачем мне этот завод!» Но гости были столь настойчивы, что Миронову не оставалось ничего иного, как подняться с постели и безропотно топать за своими гостями к машине. Далее послушаем А. Сурикову:

«На заводе директор стал рассказывать про сорта вин, про беды отрасли (а это было время, когда вырубали виноградники), подчеркнул, что единственная польза от запрета спиртного – меньше стали ездить всякие цэковские начальники, которые вина и коньяки вывозили бочками. Потом началась дегустация… Мадера коньячная, коньяк „Праздничный“. Настроение несколько улучшилось.

Потом прошли в следующий зал, в следующий…

И с каждым переходом настроение у моих актеров поднималось, а у меня падало. Музеи уже не выдвигались первоочередным аргументом. Я засуетилась, стала дергать директора завода за рукав: «У вас производство, но и у нас производство. Скажите, ради бога, артистам, что у вас больше залов нет. Лучше выдайте все „оставшиеся залы“ „сухим пайком“ и отправьте нас обратно».

Артисты меня в этом порыве не поддержали: «Мы не пионеры, а вы не председатель дружины. До двух обсохнем!»

Но все же, вняв моим опасениям, Андрей Александрович в следующих залах лишь пригублял очередной напиток и, сливая вслед за директором остатки в специальный винный сток, с иронией приговаривал: «А это поплывет к нам на съемочную площадку „сухим пайком“!» И весело импровизировал на тему, кто и как будет этот паек дегустировать, как рухнет оператор Григорий Беленький под тяжестью пайка…»

В два часа дня съемочная группа в полном составе была на съемочной площадке, и работа продолжилась. Снимали эпизоды общения Феста с гробовщиком. Съемки длились до двенадцати ночи. А на следующий день (6 сентября) Миронов покинул съемочную группу и уехал отдыхать в свой любимый санаторий «Актер», что в городе Сочи. Там же оказалась и его коллега по «Сатире» Вера Васильева. Как мы помним, с этой актрисой Миронова связывала давняя дружба. А совсем недавно Миронов и вовсе совершил благородный поступок: зная, что Плучек специально игнорирует Васильеву как актрису и вот уже почти десять лет не дает ей новых ролей, Миронов взял и пригласил ее на роль Ольги Дмитриевны в свой спектакль «Тени». И Васильева была ему за это благодарна.

В. Васильева вспоминает: «В один прекрасный солнечный день я, скользнув взглядом по нашему дому, вижу на 15-м этаже в угловом номере Андрея Миронова. Он один на балконе, жестикулирует, останавливается, затихает, потом снова ходит…

Я знаю: Андрей учит роль Клаверова в пьесе Салтыкова-Щедрина «Тени». Эту пьесу он ставит в нашем театре, я репетирую роль матери Сонечки Мелипольской, Ольги

Дмитриевны.

Снова мой взгляд прикован к нему. Вот он стоит, опустив голову, вот пошел пошатываясь, точно мается чем-то, то вдруг резко выбросил руку вперед, точно удар нанес, то замер в нерешительности. И это артист на отдыхе, когда, казалось бы, можно расслабиться, ни о чем не думать. Он же весь собран, полон волевой энергии, целеустремленности, разумного отношения к своей работе. Смотрю на него с восхищением и завистью и с величайшим уважением. Как мне не хватает этих качеств – собранности, воли, страстного отношения к своим творческим замыслам. У него все это есть, причем все эти качества были видны сразу, когда он только пришел в театр, а потом все больше развивались, я уже не говорю о таланте, который углублялся, отшлифовывался, становился блистательным, зрелым и заразительным.

Как только приехала в санаторий, попросила Андрея о встрече: мне предстояло попытаться написать свои воспоминания, и Андрею Александровичу Миронову я собиралась отвести в них значительную часть. Мне не хотелось ломать его отдых, вторгаться в его дела и развлечения, и я терпеливо ждала, когда он сам назначит время.

Наконец он сказал, что после игры в теннис в 11.30 будет у меня в номере. Я предвкушала тихую сердечную беседу, так как в наших взаимоотношениях было много доброго и дружественного, несмотря на разницу в возрасте…

В день, когда мы назначили встречу, мой муж, который относился к Андрею с бесконечной нежностью (Владимир Ушаков тоже был актером Театра сатиры. – *Ф. Р.*), напомнил мне, что Андрей никогда не опаздывает, поэтому я должна быть в номере заблаговременно. В половине двенадцатого появился Андрей с ракеткой в руках. Он был собранный, деловой и тоном человека, привыкшего давать интервью, начал отвечать на мои вопросы. По его просьбе я прочитала одну из глав, которая была у меня в работе. Но вскоре почувствовала, что это ему неинтересно, и закончила чтение…

Я спросила Андрея о «Доходном месте» Островского. Мне всегда казалось, что это был рубеж его актерской зрелости. Думала, что самые влюбленные слова он скажет по адресу Марка Захарова. Но нет, без излишних чувств, отдавая дань этому спектаклю и роли, он сказал: «В „Доходном месте“ прозвучал серьезный гражданский мотив – проблема молодого поколения, проблема компромисса. В этой роли, в этом спектакле был внутренний надрыв по поводу несовершенств нашего бытия. У меня была внутренняя связь с таким театром, как „Современник“,

здесь была более высокая ступень гражданского существования художника. В дальнейшем в моей работе эти принципы стали для меня основными: как смыкается то, что я чувствую сегодня, и как я это могу выразить через роль…»

В это лето в Сочи в разговорах мы часто касались моей роли Ольги Дмитриевны в «Тенях». И Андрей очень заманчиво и нешаблонно рисовал в своем и моем воображении этот образ.

– Вера, надо уйти от наработанных красок, надо ни разу не улыбнуться, бояться елейности, трогательности – всего того, что привычно воспринимается в вас. Надо быть обиженной невниманием к своей особе, но не стараться найти отклик, не вызывать сочувствия к себе. Надо уйти в себя, не выпускать наружу то, что думаете о роли, ощущать тревожный поиск внутри себя чего-то, не стараться разъяснить зрителю, что с вашей героиней что-то происходит. Испуг не для других, не для зрителя, а только для себя. Не подавать ни одной фразы, не подчеркивать ни одного хотения. Глаз в себя…

И, вновь задумавшись, сказал: «Когда мы начинаем что-то уметь в нашей профессии, мгновенно все разгадывается. Чего-то не уметь – это очень важно. Перестаньте быть обаятельной, легкой, радужной, будьте Верой Кузьминичной, а не Верочкой».

Вот на этой интересной, может быть, спорной, но безусловно полезной мысли я закончу свои воспоминания о разговоре в Сочи, когда я слушала уже зрелого художника, стараясь понять его, выполнить органично для себя то, что представлялось мне правильным и захватывающим в его словах…»

Тем временем в Белогорске продолжают снимать «Человека с бульвара Капуцинов». В те дни фильм едва не потерял одного из своих исполнителей – близкого друга нашего героя Игоря Квашу, игравшего пастора Адамса. О том, как это произошло, вспоминает А. Сурикова:

«Игорь прилетел в Симферополь (11 сентября. – *Ф. Р.*), откуда нужно было добираться до площадки часа два на машине. Администратор, который встречал его, поехал сначала в одно место, потом в другое, потом еще куда-то – по своим административным делам. Было жарко. Кваша устал после перелета. Посреди дороги он просто вышел из машины («Я приехал сниматься, а не кататься по вашим делам»), поймал встречное такси и рванул обратно в аэропорт.

Вечером мне из Москвы позвонила его жена Таня, прелестная женщина и удивительный человек (дочь драматурга Штейна): «Игорь еще не улетел, он сидит в аэропорту. Он очень переживает, но отступить не может. Рейс завтра утром. Возможно, имеет смысл перехватить его?» Позвонила и Люба Горина,

редактор нашей картины и подруга Андрея Миронова, Игоря Кваши, его жены и моя тоже… Попросила зла на Игоря не держать, и даже наоборот.

Дело уже к ночи. Стемнело. Подъезжаем к аэропортовской гостинице, стучимся в дверь его номера. Игорь видит меня и становится таким счастливым, забывает обо всех своих обидах: «Я так переживаю. Но я не мог иначе… Но я так переживаю. Я переживаю уже вторую бутылку водки». Мы купили еще водки и поехали «переживать» обратно. По дороге я почувствовала: водитель засыпает. Пришлось остановиться до утра – иначе заснет за рулем и не будет ни Кваши, ни меня, ни кино.

Так мы спасли ситуацию и репутацию. «Разведка» сработала – в лице жены и редактора, – и мы вернули Игоря в картину. На следующий день объявили выходной, работать было невозможно – всю ночь проездили…» (Съемки возобновились 13 сентября, где Кваша снимался в эпизоде, когда его пастор призывает женщин Санта-Каролины прогнать Феста из городка. – *Ф. Р.*)

26 сентября по ТВ показали комедию Эльдара Рязанова «**Невероятные приключения итальянцев в России»** (21.40), где Миронов играл капитана милиции Васильева, который выполняет сложное и ответственное задание: под видом гида пытается найти с авантюристами из Италии ларец с драгоценностями. Фильм не демонстрировался на голубых экранах почти пять с половиной лет (с мая 1981 года).

Миронов вновь объявился на съемках «Человека…» 2 октября. В тот день сняли эпизоды из разных частей фильма: Фест подходит к салуну, оттуда вылетает человек (драку в самом салуне снимут чуть позже в павильоне); Фест идет по улице; несколько кадров из нападения команчей на городок и др.

На следующий день снимали сцены с участием Миронова и Яковлевой: в частности, сцену, где индейцы приносят Феста в городок. После чего в течение трех дней Миронов не снимался (в те дни снимали приезд команчей в городок. Вождя индейцев играл Спартак Мишулин, которого порекомендовал взять в картину Миронов после того, как эту роль не смог сыграть Фрунзе Мкртчян; его скво, или жену, – Наталья Фатеева).

4—5 октября съемки не проводились. Именно в те дни произошла история, о которой вспоминает А. Сурикова: «У нас украли жеребца Малыша, а вместе с ним пропала и кобыла Верка. Сперва мы подумали, может, они отлучились по случаю романа… Отлюбятся и вернутся. Но они не возвращались… Что делать? Съемки же! Вестерн! Тут нам кто-то шепнул: „Надо милицию просить, чтоб нашли… Милиция знает, кто промышляет конокрадством и где держат ворованных лошадей“. Объявили

выходной.

И вот Андрей Миронов, режиссер Александр Згуриди (он приехал, чтобы снимать после нас в нашей декорации кусочек своей картины) и я двинулись в поселок Планерское к милиционерам.

Заходим в кабинет начальника милиции. Тот видит Миронова и… потеет от счастья и волнения. Андрей Александрович «добавляет» – строго, спокойно и по-деловому: «Уважаемый товарищ майор, к вам приехали лауреат Государственной премии Алла Ильинична Сурикова – между прочим, племянница министра внутренних дел Украины (что сплошь выдумка), лауреат Ленинской премии, народный артист СССР (что сплошь правда) Александр Михайлович Згуриди и я, актер Андрей Миронов».

Он изложил суть дела и закончил примерно так: «Мы пойдем в Музей Айвазовского и на могилу Волошина, и нам очень бы хотелось, чтобы за это время жеребец по кличке Малыш (далее следовало краткое описание лошади) и кобыла по кличке Вера вернулись на съемочную площадку. Я еле сдерживаю Аллу Ильиничну, чтобы она не звонила дяде в Киев… Зачем вам неприятности?»

Когда, осмотрев положенные достопримечательности, мы ехали обратно, по дороге в Санта-Каролину встретили Малыша. Он шел в сопровождении милиционера на место съемки. Увидев нас, Малыш приветственно заржал – у лошадей тоже есть чувство юмора…»

Съемки возобновились в День Конституции 7 октября. Снимали сцены из конца фильма с участием Миронова, Яковлевой и Боярского. Работа длилась с 14.30 до 23.30. На следующий день Миронов улетел в Москву.

Театр сатиры открыл свой очередной сезон 6 октября спектаклем «Клоп». Однако Миронов в нем уже давно не играл, поэтому к открытию сезона не спешил – снимался в «Человеке с бульвара Капуцинов». И к зрителям, пришедшим в Театр сатиры, он вышел только 15 октября в спектакле «Трехгрошовая опера». Параллельно он возобновил репетиции «Теней». Причем теперь роль Клаверова репетировал сам (до этого ее играл А. Диденко). Как пишет А. Вислова: «С возобновлением репетиции набрали свежее дыхание. С Мироновым что-то произошло. Он снова весь горел. Резко изменился весь настрой работы над спектаклем. Миронов не боялся пересмотра сделанного, многие старые мизансцены ломал, активно предлагал новое, разнообразно фантазировал, искал. Время позволило немного оглядеться, всмотреться еще внимательнее в пьесу, в ее героев, увидеть

пропущенное, на чем-то заново сосредоточиться. Работа сдвинулась с мертвой точки, пошла, набирая темп. Но Миронов не торопился, снова и снова разговаривал с актерами о пьесе, о характерах, об их возможных поворотах. В шутку называл такие беседы либо „аристократией духа“, либо „мессой в бардаке“ (выражение Ф. Г. Раневской). Но всерьез понимал их значимость и относился к подобным коллективным размышлениям ответственно…»

А вот как вспоминал о тех репетициях актер А. Левинский: «В „Тенях“ я просто Миронова боялся. Именно как актер режиссера. Особая черта его жизни – выходить во фраке, говоря образно. У других людей свой стиль, более безалаберный. Внешний вид – это личное дело. Но я помню, что для него это было просто колоссально. Нельзя, чтобы на фраке была хоть ниточка, пушиночка. Это было для Андрея что-то космическое. Особенно это касалось сцены. В жизни он не мог сказать: мол, как же ты ужасно выглядишь! Это не этично, он был хорошо воспитан, деликатен. Но если что-то не так на тебе на сцене – здесь я понимал, что он может кричать, драться. Он не был драчливым режиссером, но у него случались такие вспышки гнева, что его все боялись. Особенно болезненно реагировал на какие-то мелочи, касающиеся чего-то внешнего. Я это на себе ощутил по-настоящему, когда репетировал в „Тенях“. Он придавал этому совершенно другое значение. Блюди свой внешний облик – в этом и твое профессиональное достоинство, и отношение к публике, и отношение к призванию – все. Конкретно в этом. Начищенный конец башмака. Сам он всегда выглядел идеально. Я помню „Горе от ума“: последний монолог, стоит много народу сзади, в каких-то замерших позах, и кто-то что-то уронил. Как же он потом бегал за кулисами, рычал: „Как это может быть! Какая мерзость!“ Для него трагедия – нарушена гармония сцены…»

Стоит отметить, что многоокий КГБ не оставил без внимания новую режиссерскую работу Миронова. В Театре сатиры (как и во всех других) у комитета были свои информаторы, которые еженедельно докладывали о том, что происходит в его стенах. Одним из таких агентов был некий артист, который имел агентурный псевдоним «Светло». В октябре 86-го он сообщал в 10-й отдел 5-го Управления КГБ СССР о репетициях «Теней», и на основе этого донесения руководство отдела рапортовало выше. Цитирую: «От агента „Светло“ получено сообщение о попытках режиссера и актера Театра сатиры А. Миронова спровоцировать события в спектакле „Тени“ по пьесе Салтыкова-Щедрина на события сегодняшней действительности. Информация доложена руководству».

Правда в этом рапорте была: Миронов действительно взялся за «Тени» во многом из-за тех перемен, что происходили тогда в стране. Как мы помним, у власти был молодой и энергичный Михаил Горбачев, который в компании со своими сподвижниками пытался преодолеть косность и консервативность отдельных членов Политбюро, упрямо хватавшихся за прошлое. И страна разделилась на два лагеря: тех, кто поддерживал новое («перестройщики»), и тех, кто жил прошлым («сталинисты»). Поэтому слова героя Миронова Петра Сергеевича Клаверова нисколько не устарели даже по прошествии ста лет после написания пьесы: «Да, тяжкое переживаем мы время; страсть к верхушкам осталась прежняя, а средства достичь этих верхушек представляются сомнительные. Прежде, бывало, одного чего-нибудь держишься: если князь в силе, ну и хватаешься за него; нынче старое не вымерло, новое не народилось, а между тем и то, и другое дышит. Умрет ли старое, народится ли новое, где будет сила?..»

20 октября Миронов играл в «Трехгрошовой опере».

В этот же день на «Мосфильме» начались павильонные съемки «Человека с бульвара Капуцинов». В 4-м павильоне была выстроена большая декорация салуна, куда на два месяца и вселилась киногруппа. Миронов объявился там 21 октября. В тот день с 11 часов утра и до двенадцати ночи снимали эпизоды из разных частей фильма: Фест демонстрирует жителям городка фильм, и те плачут; Фест демонстрирует другой фильм, и зрители смеются и др.

22 октября съемки начались чуть позже – в два часа дня (перед этим Миронов репетировал «Тени»). Снимали: Фест приходит в салун и садится на бифштекс Билли Кинга (Николай Караченцов); Фест заряжает пленку в аппарат и др.

23 октября Миронов не снимался.

24 октября он вновь был на «Мосфильме», где в час дня продолжились съемки «Человека…». Снимали кадры из конца фильма: Фест показывает фильм; зрители вешают новый экран и др.

25—26 октября съемки не проводились.

27 октября съемки начались в час дня. Снимали эпизоды с участием Миронова: Фест крутит «фильму», а Билли Кинг восхищенно заявляет: «Живут же люди!» и др. Работа длилась до десяти часов вечера.

28 октября Миронов с утра репетировал «Тени», а в три часа снова был на «Мосфильме». Снимали продолжение вчерашнего эпизода: в салуне крутится кино. Работа закончилась в двенадцать часов ночи.

29 октября съемки начались в час дня. Были сняты из разных частей фильмов: первое появление Феста в салуне; Фест объясняет хозяину салуна, что такое синематограф; Диана поет песню и др. Отснявшись в своих эпизодах, Миронов отправился в театр, где в семь вечера у него был назначен спектакль «У времени в плену».

30 октября съемки начались в десять утра. Снимали: жители городка смотрят «фильму»; Фест слушает песню в исполнении Дианы; пастор и хозяин салуна крадут у Дианы простыню и др.

31 октября снимали: Фест крутит «фильму»; хозяин салуна режет перья на головном уборе вождя и др. Вечером Миронов играл в спектакле «Бремя решений».

1—3 ноября съемки не проводились.

4 ноября Миронов приехал на «Мосфильм» к одиннадцати утра. Были продолжены съемки «салуна». Снимали: Фест показывает жителям городка «фильму» (начало картины); Фест слушает песню в исполнении Дианы; «крошки» танцуют на сцене и др. Работа длилась до восьми вечера.

5 ноября снимали: Фест беседует с гробовщиком в салуне; Диана поет грустную песню и др. Съемки продолжались до семи часов вечера.

6 ноября снимали: Фест поднимается по лестнице к Диане и встречает пастора и др.

8 ноября Миронов играл в спектакле «Бремя решений».

В День милиции 10 ноября возобновились съемки «Человека…». Они начались в три часа дня и закончились в одиннадцать вечера. Снимали то, как Секонд крутит «фильму» с драками, а пришедший Фест прекращает сеанс и рвет пленку.

11 ноября с утра Миронов репетировал «Тени», а в три часа дня снова был на «Мосфильме». Снимали эпизоды из первой части картины: Фест пришел к Диане с цветами; «крошки» танцуют и др.

12 ноября история повторилась: утром Миронов репетировал, а в три часа дня снова начал сниматься. Это опять были кадры из первой части фильма: Фест крутит «фильму»; зрители обсуждают увиденное и др.

13 ноября съемки начались в 10 утра и шли до семи вечера. Снимали эпизоды ближе к концу фильма: в салун заносят раненого Феста, и он заявляет: «Перед экраном все равны»; зрители смотрят кино и др.

14 ноября Миронов с утра снимался в эпизодах из первой части фильма, а вечером играл в «Вишневом саду».

15—17 ноября Миронов не снимался.

В 9 утра 18 ноября наш герой снова вышел на съемочную

площадку. Снимали то, как Фест крутит «фильму». Вечером Миронов играл в «Трехгрошовой опере».

19 ноября съемки начались в час дня. Были сняты эпизоды: Фест слушает песню Дианы; зрители обсуждают «фильму» и др.

20 ноября снимали эпизоды из первой половины картины с участием Миронова, Караченцова, Ярмольника и других. Работа длилась с 10 утра до семи вечера.

21 ноября снимали вразнобой: до обеда это были эпизоды из первой половины фильма, после – из второй.

22 ноября Миронов не снимался, а вечером играл в «Бремени решений».

24 ноября Миронов снова вышел на съемочную площадку. Снимались эпизоды ближе к концу фильма: Феста вызывают из салуна на улицу; Билли Кинг выходит на улицу следом за Фестом и др. Вечером Миронов играл в «Женитьбе Фигаро».

25 ноября Миронов снимался в эпизодах из начала фильма: Фест приходит в салун, сойдя с дилижанса; Фест нечаянно садится на бифштекс Билли Кинга; «крошки» поют на сцене и др. Вечером Миронов играл в спектакле «Горе от ума».

26 ноября съемки проходили без участия Миронова. В этот же день на «Мосфильм» привезли маты из спортклуба «Самбо-70», чтобы использовать их во время трюковых сцен драки в салуне. Эту драку начали снимать 28 ноября, но не с начала, а выборочно. Сняли также крупные планы Олега Табакова из эпизода, где он разговаривает с Фестом и тот объясняет ему, что такое синематограф.

30 ноября Миронов играл в спектакле «Бешеные деньги».

На съемочной площадке Миронов вновь объявился 1 декабря. Причем с утра он был в театре, где проводил репетицию «Теней», а на «Мосфильм» приехал ближе к двум часам дня. Все в том же 4-м павильоне в декорации «салун» снимали сцены из конца фильма: раненого Феста приносят в салун, и он командует: «Билли, заряжай!»; Фест прощается с Дианой и уезжает за подарками. Съемки длились до одиннадцати вечера.

Вспоминает А. Сурикова: «Мы снимали сцену гибели мистера Феста. Решили снять ее одним куском – от плачущего до смеющегося Билли Кинга. Николай Петрович (Караченцов) попросил минуту для подготовки. Тишина полная в павильоне. Он говорит: „Готов“. Я: „Камера!“ Умирающий Фест произносит слабым голосом: „Заряжай…“ Герой Караченцова выполняет последнюю волю своего учителя, начинает крутить ручку киноаппарата, при этом плачет. Крупные, честные слезы выползают из-под прикрытых век. Невольно поднимает глаза на экран – там в это время Чаплин… Вокруг все потихоньку от

всхлипываний переходят к смеху. Но Билли стесняется улыбнуться – ведь рядом лежит умирающий друг… Вдруг раздается смех оживающего мистера Феста. Билли Кинг поворачивает голову к Фесту и сквозь слезы тоже начинает смеяться, это еще не смех, а всхлипывания, но смех прорывается… И наконец уже – смех, смех… В полный рот. Группа аплодировала актеру. Сняли один дубль…»

2 декабря снова снимали эпизоды ближе к концу фильма: вождь индейцев (Спартак Мишулин) и его скво (Наталья Фатеева) смотрят «фильму»; Фест крутит ручку аппарата и смеется и др. Вечером Миронов играл спектакль «Трехгрошовая опера».

3 декабря в «Человеке…» снимали драку в салуне, но Миронов в этих съемках участия не принимал. А вечером он опять играл спектакль – на этот раз «Бешеные деньги».

4 декабря Миронов снова был на «Мосфильме»: с 10 утра там начали снимать эпизоды из первой и последней частей фильма: Фест стыдит жителей городка за то, что они смотрят фильм Секонда и др.

5 декабря в «Человеке…» снимали драку в салуне, но без участия Миронова (в тот день были посланы люди в спортклуб «Самбо-70» за дополнительными матами для трюковых съемок). Вечером наш герой играл в «Вишневом саду». Сразу после спектакля Миронов отправился в Центральный Дом актера, где вот уже несколько часов шли выборы кандидатов в правление СТД СССР. Вот как об этом вспоминает бывший преподаватель Миронова в «Щуке» Яков Смоленский:

«Было уже около 12 часов ночи, и накал страстей достигал высокой степени. Вдруг за моей спиной почти в самое ухо прошелестело знакомое приветствие: „Здрась-сь-те, учитель“. Я обернулся – Андрей сидел очень усталый, почему-то в пальто с поднятым воротником, вероятно, чтоб не узнавали и не приставали, с лицом, отрешенным от бушевавшей в зале бури.

– Почему вашей кандидатуры нет в списках? И почему вообще вы не участвуете в голосовании? – вырвалось у меня.

Андрей устало покачал головой: его состояние в этот момент явно было «строчкой из другого цикла».

– Нет, нет, – снова прошелестел он, – эти игры не для меня.

Очень это было сказано искренне…»

Об этом же слова Олега Табакова: «Актерское начало доминировало в Андрее. Именно в нем он выражал себя наиболее естественно и полно. Актерское – значит по своей природе коллективное. Андрей был человеком цеховым, и ему была свойственна цеховая солидарность. Фракций, групп, группок он избегал как только мог, не участвовал ни в каких интригах, не

знал зависти. Обращаясь к группе беседующих актеров, иногда спрашивал: „Против кого дружите?“ Так вот, Андрей всегда дружил „за“. Он бывал ироничен, порой даже язвителен, но всегда верен в дружбе и чужд всяческой возни вокруг нашего дела, нашей профессии, потому что всерьез любил само дело…»

На съемках фильма «Человек с бульвара Капуцинов» Миронов вновь объявился 10 декабря в одиннадцать утра. Сняли эпизод, где жители городка обсуждают «фильму», прокрученную Фестом.

11 декабря съемки продолжились: сняли кадры из начала фильма, когда Фест приходит в салун, а там вовсю бушует драка. Съемки продолжались до восьми часов вечера.

12 декабря Миронов не снимался, а вечером играл Лопахина в «Вишневом саду».

На съемках «Человека…» Миронов вновь появился 15 декабря в час дня. До десяти вечера снимали эпизоды: Фест приходит к Диане в номер; жители городка смотрят на экран; индеец подглядывает в окно салуна, где идет «фильма», и др. Работа длилась до десяти вечера. Это был последний съемочный день Миронова в картине.

16 декабря Миронов не снимался (в тот день съемки фильма были благополучно завершены), а вечером играл Чацкого в «Горе от ума».

20 декабря Миронов играл Мекки-ножа в «Трехгрошовой опере», 24-го и 26-го – Джона Кеннеди в «Бремени решений». Это был последний спектакль Миронова в сезоне-86. В спектаклях он больше не играл, однако продолжал репетиции «Теней».

1987

Свой последний в жизни год Андрей Миронов встретил у себя дома в кругу своих близких и друзей. Поднимались разные тосты, но один был особенно актуальным. Все присутствующие знали, что в последнее время у Миронова случались частые нелады со здоровьем, поэтому все желали ему не болеть. Миронов обещал. Увы, это обещание так и не исполнится, и этот год станет последним в жизни нашего героя.

С первых же дней 87-го Миронов возобновил репетиции «Теней», а в свободное время играл в спектаклях. Отныне его загруженность как актера была минимальной: он играл по шесть спектаклей в месяц, поскольку и здоровье уже было не то, да и отношения с Плучеком продолжали желать лучшего. Свой первый в наступившем году спектакль Миронов сыграл 3 января – это было «Бремя решений». В последующие дни Миронов сыграл еще в двух спектаклях: «Трехгрошовой опере» (5-го), «Бешеных деньгах» (8-го).

14 января в 12 часов дня Миронов приехал на «Мосфильм», чтобы принять участие в своей первой сессии озвучания в картине «Человек с бульвара Капуцинов». Его партнершей в тот день была Александра Яковлева, игравшая возлюбленную Феста Диану. Работа длилась до четырех часов дня.

16 января Миронов играл «Горе от ума», 20-го – «Вишневый сад».

28 января он снова участвовал в озвучании «Человека…» вместе с Яковлевой.

30 января Миронов играл в «Бремени решений».

Февраль начался для Миронова с «Бешеных денег» – он играл его 1-го. Затем в течение почти двух недель он был освобожден от спектаклей и репетировал «Тени», а также занимался озвучкой «Человека с бульвара Капуцинов». Сессии озучания прошли 5-го и 12-го. Тогда же Миронов принял участие в скорбном ритуале – похоронах своей бывшей классной руководительницы в средней школе № 170 Надежды Георгиевны Панфиловой. На траурную церемонию собрались практически все одноклассники Миронова. Поминки проходили в маленькой квартирке покойной на улице Вавилова. Тогда кто-то из одноклассников произнес фразу о том, что они мало видятся. Мол, время идет, люди уходят навсегда, а живым все никак не хватает времени, чтобы собраться. На тот момент в бывшем классе Миронова уже были потери: ушли из жизни Володя Лапин и Виталий Морозов. И никто из присутствующих даже вообразить себе не мог, что следующим в

этом скорбном списке будет блистательный Андрей Миронов. Жить ему оставалось чуть больше пяти месяцев. К слову, сам он, видимо, предчувствовал свою близкую кончину. После упомянутого тоста он внезапно сказал: «Ничего. Скоро я вас соберу – по такому же случаю…»

Об этом же воспоминания Ларисы Голубкиной: «Мы с Андрюшей давно поняли, что у нас дома мало места, потому что очень много людей, гостей. Добивались, чтобы нам поменяли квартиру на Селезневской на большую, и в этот год, год его ухода из жизни, нам подписали разрешение. Обычно он активный бывал в быту, если что-то хотел сделать, а тут стал какой-то вялый. Я говорю: „Ну что ж ты, нам предлагают сменить квартиру, а ты не идешь?“ – „Да ну, кто нам даст?“ Мы ходили, смотрели какие-то квартиры, он не особенно был активен. Мне почему-то кажется, что человек чувствует смерть. Нет у него желаний, под коркой ощущение, состояние души другое…»

Между тем в том феврале Миронов не только скорбел, но и радовался. В один из тех дней он отправился на день рождения своего одноклассника Льва Маковского (они долгое время сидели с ним за одной партой). Вот как последний вспоминает об этом визите:

«В феврале 1987 года, когда я в семейном кругу праздновал день своего рождения, часов в 9 вечера в дверь позвонили. Какова была моя радость, когда я увидел Андрея Миронова и Сашу Ушакова, их жен, Ларису и Светлану. Андрей, помня этот день, решил организовать внезапный набег. Через несколько дней после нашей встречи он позвонил: „Давай съездим к моей маме“. Я с радостью согласился.

Мы звоним в квартиру Марии Владимировны. «Мама, не пугайся; я не один, а с мальчиком», – говорит Андрей. «Не валяй дурака, с каким еще мальчиком?» – «С таким маленьким, чернявеньким». В тот вечер мы долго вспоминали наши школьные годы. При этом Андрей периодически дразнил меня женихом, потому что я пришел к его маме с цветами и бутылкой шампанского. Он не мог без шуток…»

Но вернемся к спектаклям Миронова.

13 февраля он играл в «Бремени решений». Далее шли: 17-го – «Вишневый сад», 22-го и 25-го – «Трехгрошовая опера».

26 февраля в два часа дня Миронов был на «Мосфильме», где в 4-м тонателье прошла очередная сессия озвучания «Человека…». Его партнерами в тот день были: Александра Яковлева, Олег Табаков, Игорь Кваша. Работа длилась до шести вечера. А спустя час Миронов уже играл Лопахина в «Вишневом саду».

Март начался с «Бешеных денег» (1-го).

4—5 марта Миронов озвучивал Феста (с 16.00 до 24.00).

8 марта наш герой справил свое 46-летие. Это был последний день рождения в жизни гениального актера. Его он провел вместе с матерью, женой Ларисой Голубкиной, дочерью Машей Голубкиной, Григорием Гориным и его супругой Любой у А. С. Пушкина – в Михайловском. Инициатором поездки была Маша Голубкина. В январе того же 87-го, когда отмечалось 150-летие со дня гибели великого поэта, в ней внезапно проснулась безумная любовь к Пушкину. И она, зная, что ее родители давно дружат с директором Михайловского музея Семеном Гейченко, буквально вымолила у них эту поездку. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Я вдруг заявила родителям:

– Что такое? Вот вы все время: «Гейченко, Гейченко!» У вас какие-то компании, я тоже хочу увидеть Гейченко. Хочу знать это все!

Я завела всех, и на дни рождения (8 марта – папин, 9-го – мамин) мы отправились в Пушкинские горы небольшой компанией – мы втроем, Горин с женой Любой и бабушка. Все поехали поездом. Они пили какой-то зеленый ликер и ели перепелиные яйца. Мне хотелось с ними говорить, участвовать в беседе, хотелось, чтобы меня всерьез воспринимали (Маше в ту пору шел 14-й год. – *Ф. Р.*). Но они что-то обсуждали, а я не могла никак вставить слово и в возбуждении металась по поезду, бегала по коридору туда-сюда. И стоял человек в тренировочных штанах с рыжей бородой, очень большой, упершись ногой в дверь. А так как я бегала, он все время опускал ногу, пропускал меня. И мы с ним познакомились. Он представился, сказал, что он из Пскова, игумен Алексий.

– О, сейчас же у нас там богословские беседы. Ну-ка пройдемте, сейчас вы там будете очень кстати, потому что там никак не может разрешиться философский вопрос.

И я его привела в купе к родителям. И сразу успокоилась: я свое дело сделала. И пошла спать. А с Алексием просто случилась большая дружба, он приезжал к нам уже потом, мы встречались уже после смерти папы, я нашла неожиданно его адрес…

Так что я способствовала дружбе.

Я была зачинщиком этой поездки, я хотела ехать по пушкинским местам и твердила:

– Мне интересно все, что с Пушкиным связано, и Гейченко, личность такая потрясающая, хочу его узнать!

Ну, приехали туда. И чудно там время провели. У Гейченко все неожиданно, интересно. У него была большая коллекция книг

таких миниатюрных, а на двери он вешал каждый год большой ватман, и все, кто приезжал, расписывались. Придумывали всевозможные пожелания. Сортир – такой на улице ящичек, а стоял мороз, снег лежал, так вот сортир был весь оформлен надписями, которые меня поразили. Неприличного содержания. Но я как-то очень вдохновилась, это было так здорово для меня, не неприличностью, а поэтичностью, как ни странно. Неприличия облекались в замечательную литературную форму…»

Между тем никому из родных и друзей даже в страшном сне не могла присниться мысль, что этот день рождения для Миронова последний. Ведь 46 лет! Возраст, когда к мужчине приходит зрелость, мудрость, если хотите, второе дыхание.

13 марта Миронов играл в «Бремени решений». 17-го это был «Вишневый сад». А на следующий день в Театре сатиры состоялась премьера – была показана пятая (и последняя) режиссерская работа Андрея Миронова «**Тени**» по М. Салтыкову-Щедрину. Кроме этого Миронов играл в «Тенях» роль статского советника Петра Сергеевича Клаверова – карьериста и подлеца с изворотливой совестью. В остальных ролях были заняты: Вера Васильева, Роман Ткачук, Зиновий Высоковский, Елена Яковлева, Юрий Васильев, Александр Левинский, Борис Плотников, Николай Пеньков, Геннадий Богданов, А. Зенин, В. Кулик, В. Завьялов, С. Чурбаков.

Откликаясь по горячим следам на новую работу Миронова, критик М. Мурзина писала: «В спектакле, поставленном Андреем Мироновым, главное не погоня за поверхностной и хлесткой злободневностью, а попытка вскрыть нравственный смысл пьесы… Монологом Клаверова начинается и заканчивается спектакль. Одни и те же слова о „тяжком времени“, когда старое еще не отжило, а новое не пришло на смену, когда так трудно определиться человеку, звучат у актера по-разному. В начале – как раздумье, не без искренности, как попытка высказать сокровенное. В финале – как пустая болтовня, заканчивающаяся опереточным триумфом оратора: его уносят на руках восторженные слушатели…»

А вот мнение другого критика – В. Гульченко, которое было озвучено спустя несколько лет после премьеры, когда Миронова уже не было в живых: «Андрей Миронов прочитал щедринскую пьесу как историю не только падения общественных нравов, но и оскудения человеческой души, ее оголтелой растраты по пустякам: карьера, преуспевание, захватывание и заглатывание земных радостей. Миронов попытался через весь спектакль и через роль передать прежде всего глубокую печаль, данным сюжетом лишь вдохновленную, а родившуюся (так кажется)

прежде работы над „Тенями“ и простирающуюся (так думается) за ее пределы. Миронов сделал тихий спектакль.

Если выбирать между предшествующими постановками «Теней» на нашей сцене, то, конечно, эта версия дальше от прицельно бившей акимовской броскости (Н. Акимов ставил «Тени» в 1952 году. – *Ф. Р.*) и ближе поиску Кнебель в Театре имени Станиславского (М. Кнебель ставила «Тени» в 70-е. – *Ф. Р.*). Кнебель стремилась извлечь из щедринской беспощадности психологический корень, объясняющий странное поведение героев. Но примечательно, что в спектакле Миронова нет места душевным терзаниям героев в их настоящем времени. Это, скорее, сон о мрачном. Об очень мрачном. О стыдном. О неизвинительном. О портящемся климате эпохи. И еще – о предстоящих усилиях, априори тщетных: еще только выпадает чем-то поступиться, что-то пустить на продажу и в чем-то словчить, а уже ясно, что все это зря, что все это сущий тлен.

Время щедринских «Теней» у Миронова – близкое прошлое, вчерашний бюрократический мезозой, и близкое будущее, завтрашний крах либеральных идей. И потому выходит, что смеяться тут, собственно, не над чем, но и плакать уже нету сил. Время «Теней» у Миронова – тягостное, мучающее, вымороченное время…

Перед судьбою все равны – и генералы, и рядовые. Так получилось, что именно в последнем своем спектакле Миронову выпало определенно высказаться по главному вопросу бытия.

Может показаться, что мироновский герой слишком задумчив и серьезен для данного сюжета. Но даже если и согласиться, что этот вот Клаверов откровенно отдален автором роли и спектакля от непосредственно протекающего действия, то и тогда нельзя будет не признать за Мироновым его правоты. Да, он недвусмысленно отказывается от прямых обличений героя; да, он проявляет повышенное внимание к досюжетному и послесюжетному его существованию; да, он проникается его терзаниями и сомнениями. Больше того, Миронов настаивает на незаурядности Клаверова, вроде бы никак не вытекающей из очевидных его поступков…

Миронов неторопливо подводит нас к драме Клаверова. На протяжении действия можно лишь догадываться, какую трудную борьбу повел герой с самим собой. Перемены, происшедшие в его душе, только к финалу спектакля становятся заметными внешне. Но и тут Миронов не спешит, давая возможность зрителю вместе с Клаверовым погрузиться в процесс мучительных его раздумий…

Старо как мир: быть холопом и холопствовать не всегда одно и то же. Плен внутреннего рабства бывает пострашней иной

внешней несвободы. Клаверов ощущал себя прежде всего строгим управленцем, чтящим субординационный кодекс. Проницательный Щедрин обнаружил в нем, подчиняющем других, собственную постыдную подчиненность: зависимость от зависимых.

Муки Клаверова – в мироновской трактовке – это муки человека, подлость свою понимающего, но признающего ее неизбежной. Потому артист был задумчив и печален, играя его. Он презирал в нем его вину и сочувствовал его беде. Без сочувствия не только героям времени, но и жертвам его наш театр мертв.

Миронов заметно возмужал художественной мыслью в последней своей постановке. Мысль била тревогу, мысль звала дальше этого честного труженика искусства, бежавшего от праздности – и всегда праздничного, всегда легкого на подъем, всегда улыбающегося суровой прозе жизни Артиста…»

22 и 25 марта Миронов играл в «Трехгрошовой опере». На одном из тех спектаклей присутствовали супруги Андреевы – Найден и Зоя, которые в те дни гостили в Москве. В первый же день своего пребывания в Златоглавой они попросили Миронова устроить им две контрамарки на «Трехгрошовую…» (это был единственный спектакль в репертуаре Миронова, который супруги еще не видели). Отказать своим старым и верным друзьям актер, естественно, не мог. По словам Н. Андреева: «Как счастливы мы были: у нас было чувство, что в этот вечер он, любимец всех, играл для… нас!

Я могу сказать, что во время нашего пребывания в Москве мы полностью узнали жизнь Андрея, рассчитанную до минуты. Репетиции, съемки, концерты, спектакли, встречи. Как он успевал исполнить все свои обязательства?..»

28 марта по Ленинградскому телевидению показали фильм Алексея Германа «**Мой друг Иван Лапшин»** (21.40). Миронов с удовольствием посмотрел картину и в очередной раз порадовался, что в стране, кажется, наступают иные времена – когда по-настоящему талантливое искусство пробивает себе дорогу к зрителю.

Последним мартовским спектаклем Миронова был «Вишневый сад» – он играл его 26-го.

Апрель начался для Миронова с «Теней» (3-го). На этом спектакле побывали и супруги Андреевы. Найден вспоминает: «Андрей был рад, что мы сможем присутствовать на спектакле. Мы были поражены прочтением пьесы, его режиссерской работой, блестящей игрой, актуальным звучанием спектакля…»

4 апреля Миронов играл в «Бремени решений», 6-го – в

«Тенях», 8-го – в «Вишневом саду».

9 апреля Миронов провел дополнительную сессию озвучания в фильме «Человек с бульвара Капуцинов». Она прошла в 4-м тонателье «Мосфильма» с четырех до восьми вечера. На этом его работа в этом фильме была завершена. За роль Джонни Феста Миронов удостоился гонорара в сумме 5516 рублей. Стоит отметить, что это был не самый крупный гонорар для участника тех съемок. Для примера приведу суммы других актеров, занятых в фильме: Н. Караченцов – 5572 рубля, О. Табаков – 5572 руб., А. Яковлева – 3090 руб., О. Анофриев – 2644 руб., Л. Ярмольник – 2615 руб., Л. Дуров – 2576 руб., С. Фарада – 2559 руб., И. Кваша – 2478 руб., А. Табаков – 1827 руб., Г. Польских – 1729 руб., М. Светин – 1537 руб., Н. Фатеева – 1512 руб., М. Боярский – 1111 руб., С. Мишулин – 1111 руб., Б. Брондуков – 1034 руб., Н. Крачковская – 850 руб., А. Филозов – 728 руб, А. Иншаков – 584 руб.

11—12 апреля Миронов играл в «Бремени решений», 13-го – в «Тенях», 14-го – в «Трехгрошовой опере», 15-го – в «Горе от ума», 18-го – в «Бешеных деньгах», 20-го – в «Трехгрошовой опере», 22-го – в «Прощай, конферансье!». Затем почти на три недели Миронов был освобожден от спектаклей. Причина была уважительная: в конце апреля в составе делегации ЦК ВЛКСМ Миронов отправился в Австрию.

На родину Миронов вернулся после первомайских праздников. И 6 мая вновь вышел на сцену родного театра – играл купца Лопахина в «Вишневом саду». 8-го это был Клаверов в «Тенях», 11-го – Чацкий в «Горе от ума», 13-го – Джон Кеннеди в «Бремени решений», 15-го – Клаверов.

15 мая в поселке Яремча под Ивано-Франковском режиссер Павел Любимов приступил к съемкам фильма «**Следопыт»** по роману Джеймса Фенимора Купера. Это было первое обращение советских кинематографистов к знаменитой серии романов Купера про охотника и следопыта Натаниэля Бампо и его верного друга индейца Чингачгука. До этого советский кинозритель наслаждался экранизациями этих произведений, которые осуществляли их коллеги из Румынии и Франции («Приключения на берегах Онтарио», «Прерия») и ГДР («Чингачгук – Большой Змей»). Однако с той поры, когда эти фильмы прокатывались в Советском Союзе, минуло достаточно времени (конец 60-х), поэтому в Госкино созрело решение самим обратиться к прозе Купера.

Андрею Миронову было предложено исполнить в «Следопыте» роль разведчика-предателя Санглие. Это был герой жестокий, циничный, острый на слово, что, собственнно, и

предопределило согласие Миронова – играть положительных героев ему давно наскучило. К тому же фильм принадлежал к жанру вестерна, который Миронов полюбил после съемок в «Человеке с бульвара Капуцинов». Устраивало и время съемок – несколько съемочных дней в июле. Поэтому, когда началась работа над фильмом в Яремче, Миронова на съемках пока не было – он находился в Москве и играл свои репертуарные спектакли. А в «Следопыте» тем временем снимали трюковой эпизод – проплыв индейской пироги через пороги и водопады (актеров на съемках трюка заменяли дублеры – спортсмены-водники из Москвы и Тамбова).

В тот же день 15 мая в Госкино был принят фильм «Человек с бульвара Капуцинов». Вспоминает А. Сурикова: «Я была уже с готовой картиной в Ленинграде, когда туда на один день приехал по делам Миронов. Полностью до того дня он фильма не видел – не складывалось у него по времени. А тут узнал, что назначен дневной сеанс в маленьком кинотеатре в рабочем районе, и поехал туда. Я умоляла не делать этого. Будет ведь премьера в Доме кино или в „Октябре“… Там и звук лучше, и изображение четче. Но он будто предчувствовал, что ему нужно спешить и посмотреть фильм до официальных премьер.

Позвонил из автомата (я сидела в гостях у его брата Кирилла Ласкари), как только закончился сеанс. Понимал, что я волнуюсь, сказал: «Ну что ж, у меня появилось ощущение трусливого оптимизма». Я поняла, что фильм Андрею понравился.

Я спросила, не жалеет ли он о купюрах. Мы «не влезали» в метраж, и на самой последней стадии работы мне пришлось резать «по живому».

Нет, купюры его не смущали, хотя песенку «А время лечит только тех, кто болен не смертельно» ему было жалко (эту песню Фест исполнял, стоя у закрытых дверей номера Дианы Литтл. – *Ф. Р.*).

Тогда же мы договорились, что встретимся на Рижском взморье и начнем новую работу. Увы…»

17 мая Миронов играл Савву Василькова в «Бешеных деньгах», 19-го – Мекки-ножа в «Трехгрошовой опере», 22-го – Лопахина в «Вишневом саду», 26-го и 29-го – Клаверова в «Тенях», 30-го – Мекки-ножа.

Июнь начался для Миронова с роли Саввы Василькова – он играл его 3-го. 7-го это уже был Фигаро, 8-го – Клаверов, 10-го – Джон Кеннеди, 14-го – Мекки-нож, 15-го – Клаверов. Затем Театр сатиры сменил место прописки – из-за начавшегося в здании на Большой Садовой ремонта он переехал в Зеркальный театр сада «Эрмитаж». Таким образом, роль Клаверова в «Тенях» станет

последней ролью Андрея Миронова, сыгранной им в родном здании. А в «Эрмитаже» Миронов сыграет всего четыре спектакля: «Трехгрошовую оперу» (23-го и 24-го) и «Женитьбу Фигаро» (26-го и 27-го). Причем настроение, с каким он будет выходить на сцену, будет далеким от радостного. Дело в том, что именно в июне 1987 года исполнилось 25 лет со дня прихода Миронова в Театр сатиры. Дата весьма знаменательная, и Миронов отнесся к ней со всей серьезностью. Ему, любящему веселую компанию, хотелось по-настоящему отметить это событие. И он рассчитывал, что его коллеги и руководство Театра сатиры не забудут про эту дату. Увы, забыли. Причем чуть ли не все поголовно, поскольку ни один (!) «сатировец» не удосужился поздравить его с этой датой, а на доске объявлений в театре не вывесили официальное поздравление. Он сильно это переживал. Хотя все прекрасно понимал. Дело было в Валентине Плучеке, который после премьеры «Теней» стал относиться к нему еще хуже. Он узнал, что чуть ли не на самом верху – в ЦК КПСС – у «Теней» появились ярые приверженцы (из числа «горбачевцев»), и у них возникла идея назначить Миронова главным режиссером «Сатиры». И на этой почве Плучек окончательно зачислил Миронова в стан своих непримиримых врагов. Хотя сам актер и мысли не допускал, чтобы занять его кресло. И по-прежнему относился к нему как к своему Учителю.

27 июня Миронов сыграл свой, как окажется, последний московский спектакль. Роковую «Женитьбу Фигаро». И стал готовиться к предстоящим гастролям в Прибалтике.

28 июня Центральное телевидение после долгого перерыва (9 месяцев) показало передачу с участием Миронова: телеспектакль В. Фокина «**Между небом и землей»** 1978 года выпуска (21.40). Как мы помним, Миронов играл в нем джазового музыканта Климова. Стоит отметить, что этот телеспектакль в послужном списке Миронова окажется одним из последних: в 79-м он снимется еще в одном – «Дачники», после чего на семь лет уйдет из этого жанра. Однако за несколько месяцев до смерти Миронов примет приглашение режиссера И. Унгуряну и сыграет роль судьи в телеспектакле «**Белые розы, розовые слоны»**. Это будет его последняя работа в телевизионном театре.

Тем временем в самом начале июля с Мироновым встретился Федор Чеханков. Вот как он вспоминает об этом: «Наша последняя встреча перед его поездкой в Прибалтику. Он страшно замотан. Приехал, уехал, кино, телевидение, замены, концерты, деловые встречи – в общем, не поймаешь. В Москве всего один день. Завтра утром уезжает на машине на гастроли сначала в Вильнюс, а потом в Ригу.

Прихожу к нему поздно, после спектакля, Андрей о многом расспрашивает, считает, что я все смотрю, везде успеваю. Ставит пленку с песней Яна Френкеля – это его последняя будущая пластинка. Третий «гигант» в его жизни. Для драматического артиста это много. Больше всего мне нравится песня об Одессе. Думаю, даже ироничные и неунывающие одесситы тихонько всплакнут, услышав Андрюшину интонацию: «Но именно здесь, понимаете, именно здесь – я дома. Дома».

Потом поставил песню, которую он записал совсем недавно в Киеве. Песня называется «Мама». Я плачу. Он знает почему. Ему неловко, он этого не хотел. Но ему нужно понять, проверить: не сентиментально ли это, не спекуляция ли это на такой всем понятной и дорогой теме? Ведь впереди у него гала-концерты в Государственном центральном концертном зале вместе с оркестром под управлением Кролла. Он наконец решился. Многие друзья советуют, опасаются: одному трудно, опасно, рискованно. Но я вижу, что он уже решил, что будет не один – будут он и Мария Владимировна. И вот перед ее выходом прозвучит эта песня о маме. Но все должно быть мужественно и достойно. Никаких «сынуль» и «мамуль» – это не домашние радости и семейные торжества, это сцена, это театр, это зрители…»

Театр сатиры закрыл сезон в Москве 2 июля спектаклем без участия Миронова – «Роковая ошибка». На следующий день вся труппа отправилась на гастроли в Литву поездом, и только два актера рванули туда на своих личных автомобилях. Это были Андрей Миронов (на «БМВ») и Александр Ширвиндт (на «Волге» ГАЗ-24). Причем инициатором автопробега был Миронов, который чуть ли не насильно заставил Ширвиндта отказаться от поездки в поезде и «оседлать» своего железного коня. Что из этого получилось, рассказывает сам А. Ширвиндт:

«Мой персональный автомобиль ГАЗ-24 приводится в движение горючим под названием А-76, а мышиный „БМВ“ Андрея – топливом с кодовым названием А-95. Эти девятнадцать единиц разницы неизвестно чего всегда казались мне рекламным выражением самомнения нашей нефтеперерабатывающей промышленности, но опыт показал, что всякий цинизм наказуем. Так как на наших автоколонках бензин продается строго по ассортименту, то, естественно, там, где заливают А-76, и не пахнет А-95, а там, где пахнет А-95 (а пахнет он действительно поблагороднее), и близко не подъедешь на моем средстве передвижения. А так как бензин обычно кончается не там, где его можно залить, а там, где он кончается, то мышиный „БМВ“, брезгливо морщась, вынужден был поглощать дурно пахнущую

этиловую жидкость, а моя самоходка, при простом содействии любимого народом лица Андрея, получила несколько литров А-95, этого „Кристиана Диора“ двигателей внутреннего сгорания, от зардевшихся и обезумевших от счастья бензозаправщиц. Но вся мистика состоит в том, что оба наших аппарата реагировали на такую замену питания одинаково: они оба начинали греться, затем „троить“, а потом просто не ехать. Ну с „БМВ“ все понятно – ему просто физически не хватало этих единиц чего-то, но моя-то… Казалось бы, вдохни полной грудью пары неслыханной консистенции и лети… Нет. Фырчит, греется, останавливается – вот уж поистине „у советских собственная гордость“. Но если в ситуации с горючим мы были на равных, то по остальным компонентам автопробега я сильно отставал в буквальном и переносном смысле: частое забрызгивание свечей, прогорание и последующее отпадение трубы глушителя, подтекание охлаждающей жидкости неизвестно откуда – везде все сухо, а под машиной лужица тосола, частый „уход“ искры – на разрыве контактов есть, а на свечи не поступает или даже наоборот, часто вообще немыслимо, но факт.

Поэтому ехали мы быстро, но долго.

Андрюша не умел ждать и не мог стоять на месте.

Динамика – его суть. Он улетал вперед, возвращался, обреченно и грустно взирал на мое глубокомысленное ковыряние под капотом и улетал опять. Я думаю, что на круг он трижды покрыл расстояние нашего пробега…»

Первым гастрольным городом для «сатировцев» стал Вильнюс. Миронов, занятый всего лишь в нескольких спектаклях, все свободное время проводил со своей родной дочерью Машей Мироновой. По счастливому стечению обстоятельств она вместе с мамой Екатериной Градовой тем летом тоже отдыхала в Прибалтике, и Миронову грех было не воспользоваться таким случаем. Вместе с дочерью они посмотрели спектакль «Дядя Ваня» в постановке популярного литовского режиссера Некрошюса. К слову, тем летом в Прибалтике собрались почти все родственники и друзья Миронова. Кроме уже упомянутых Екатерины Градовой и Маши Мироновой, это были: его мама Мария Владимировна, Лариса Голубкина с дочерью Машей, Григорий Горин, Ян Френкель, Алла Сурикова, нейрохирург Эдуард Кандель и другие. Миронов искренне удивлялся этому совпадению и никак не мог понять, почему так случилось. Лишь только после его смерти стало ясно, что таким образом Господь давал возможность всем, кто любил этого человека, быть с ним рядом в последние минуты его жизни на земле.

В один из тех июльских дней, воспользовавшись очередным

«окном» в театре, Миронов слетал в Выборг, где в те дни базировалась съемочная группа фильма «Следопыт». Как мы помним, съемки фильма начались в середине мая под Ивано-Франковском, но Миронов в них не участвовал. Отсняв трюковой эпизод на воде, группа 21 мая перебазировалась в Выборг, чтобы начать работу над основными эпизодами картины – в крепости. Съемки там начались 10 июня и длились уже почти месяц. Что касается Миронова, то поскольку роль у него была не главная, а всего лишь второплановая, то его съемочный процесс занял всего три дня. В кадре Миронов выглядел колоритно: на нем был голубой камзол, шапка с соболем, в руках – ружье XVIII века. Правую щеку Миронова – Санглие украшал большой шрам, созданный умелыми руками гримеров. Миронову его внешний облик нравился, он вообще любил представать перед зрителем в самом неожиданном виде.

После июльских съемок Миронов должен был приехать в Выборг еще раз в августе, чтобы в течение двух дней «добить» свою роль. Увы, но этому уже не суждено будет осуществиться, о чем речь еще пойдет впереди.

11 июля ЦТ показало еще один фильм с участием Миронова – «**Назначение»** Сергея Колосова (21.40). В нем наш герой играл главную роль – Лямина. Как покажет будущее, это будет последняя прижизненная демонстрация фильма с участием Миронова по советскому ТВ.

30 июля по ТВ показали фильм Отара Иоселиани «Жил певчий дрозд». Вполне вероятно, Миронов эту трансляцию видел, поскольку эта картина входила в число его любимых произведений.

Между тем в конце июля, закончив выступления в Вильнюсе, Театр сатиры погрузился в автобусы и отправился продолжать гастроли в Ригу. Миронов и Ширвиндт опять добирались туда отдельно от всех на собственных автомобилях. Никто из актеров даже не догадывался, какие трагедии их там ждут.

В Риге Миронова уже поджидали его близкие: мама, Лариса Голубкина и Маша. Когда он приехал, то вместе с женой и дочерью поселился в гостинице «Юрмала»: они взяли два номера «люкс» друг против друга. А Мария Владимировна жила в санатории «Яункемери». Стоит отметить, что сразу после гастролей Миронов и Голубкины собирались ехать в Голландию, у них уже все было на мази – готовы паспорта, куплены билеты. Однако…

Первая трагедия произошла 7 августа, когда из Москвы в Ригу пришла страшная весть о том, что умер ведущий актер «Сатиры» Анатолий Папанов. В те дни он снимался в фильме

«Холодное лето 53-го…» и сразу после съемок заехал в Москву, чтобы уладить свои дела в ГИТИСе (он там преподавал). Сразу после этого он должен был вернуться в Ригу. Но не случилось. Вот как об этом вспоминает жена актера Н. Каратаева:

«Мы с театром были на гастролях в Прибалтике. В Вильнюсе гастроли уже закончились, и мы должны были переезжать в Ригу. Днем отыграли „Гнездо глухаря“, и Толя стал собираться в Петрозаводск на съемки „Холодного лета…“. Перед отъездом он мне говорит: „Забери в гримерной газеты: будет что в автобусе тебе до Риги читать“.

Вечером после «Фигаро» захожу в гримерную (у них с Андреем Мироновым была одна гримерная), забираю газеты. Андрюша посмотрел и говорит: «Господи, неужели вы все это читаете?»

Мы попрощались. Андрей тоже уезжал на концерты. Это был последний день, когда я их обоих видела живыми… Анатолий Дмитриевич полетел самолетом в Петрозаводск. Я ему говорила: «Приезжай оттуда сразу в Ригу». А он сказал, что еще в Москву заедет, потому что там его студенты, и он должен узнать, как у них с общежитием…

В Москве Толя был один. Как потом мне рассказал наш слесарь, он его встретил, и Анатолий Дмитриевич спросил: «Саша, почему у нас нет горячей воды?» Тот в ответ: «Да отключили». – «Ну, ничего, – говорит, – помоюсь холодной». Он всегда любил холодный душ… Разгоряченный, уставший, он встал под холодный душ, и у него случился сердечный приступ.

Поначалу я была спокойна. И только когда он не прилетел к спектаклю, тревога меня как ножом полоснула. Я начала метаться. Звоню в Москву на пульт: говорят, квартира с охраны снята. Звоню соседке. Она вышла, на окна глянула – свет горит. А мои – дочка с семьей – были на даче. Позвонила Нине Архиповой, ее зять рванул к моим за город. Приехал уже мой зять, перелез с соседнего балкона на наш, выбил стекло… В ванной текла вода… ледяная… Потом диагноз поставили: острая сердечная недостаточность…»

Похороны А. Папанова прошли в Москве, однако актеров родного театра на них почти не было – прерывать гастроли им не разрешили. Зато руководство театра обратилось к Миронову, чтобы он заполнил брешь – стал давать свои сольные концерты вместо спектаклей, где участвовал Папанов. Миронов согласился, хотя уже тогда чувствовал себя неважно. Но и отказать в просьбе он не мог – для него работа всегда была важнее собственного самочувствия. В результате эти концерты вкупе со спектаклями и приблизили роковую развязку.

13 августа Миронов переехал жить к своей матери в «Яункемери», поскольку его жена и дочь собирались уехать в Москву. Тем же вечером Миронов давал свой очередной сольный концерт. В нем он показывал отрывок из «Ревизора», где его партнером был Анатолий Папанов, игравший Городничего. Когда Миронов обращался к уже несуществующему Городничему, многие в зрительном зале плакали. Чего стоило самому Миронову не расплакаться, можно только догадываться. Никто из присутствующих, как и сам актер, еще не догадывался, что этот концерт станет для Миронова последним.

Вспоминает Л. Голубкина: «Ночью 13-го я вышла на дорогу встречать Андрея, потому что знала, что он поедет мимо „Юрмалы“ в „Яункемери“. Я вышла на дорогу, встретила его, и он говорит: „Ой, какой класс!“ Другой бы, знаете, подумал – может, я за ним слежу? Но не Андрей. Ему такое и в голову не пришло. Он меня отвел в номер, сказал: „Завтра так же меня встречай“.

14 августа, еще утром, мы виделись, потому что я поехала покупать ему трусы для тенниса, потом приехала на теннисную площадку, он играл часа два – два с половиной, красного цвета был. Просто красного цвета. И я сказала: «Почему ты без кепки играешь в теннис на солнце?» – «Ничего страшного!» – ответил он…»

Стоит отметить, что Миронов играл на солнцепеке, обмотавшись полиэтиленовой пленкой, чтобы согнать вес. После игры зашел к гендиректору санатория «Яункемери» Михаилу Малькиелю, оставил у него свои кроссовки и договорился, что вечером они проведут время в сауне в компании прелестных девушек. Не довелось…

Вспоминает Л. Голубкина: «После игры мы поехали, еще моя приятельница из Госкино с нами, Таня Данилина, посидели в кафе. А потом мы с Андрюшей отправились в „Яункемери“ к маме, пообедали и расстались. И он напомнил:

– Вечером меня встречай после спектакля (в тот вечер игралась «Женитьба Фигаро». – *Ф. Р.*). Так же на дороге, – и повторил: – Я сказал, чтоб ждать меня!

Отвечаю:

– Хорошо.

«Мне это очень понравилось», как он сказал. Вот такая деталь. Четырнадцатого августа, когда он привез меня в гостиницу, я попросила остановить машину у рынка, хотела чего-нибудь купить вкусного. Вот удивительно, стояла его машина перед переходом, он высадил меня, я вышла, он не едет. Я иду по переходу. Думаю, наверное, смотрит. На меня. И мне это приятно. Поворачиваюсь, на меня никто не смотрит. Я увидела его

профиль в машине. Он сидит и тщательно убирает все пленки. И складывает их в пакет. Сложил и все убрал. В этот день. Зачем? Непонятно. Вот невольно, знаете, возникают какие-то мелочи, как будто человек готовится к чему-то. Сложил все очень тщательно и завязал этот пакет.

И вот сижу в номере, раздается телефонный звонок. Шура Ширвиндт звонит:

– Ты не можешь мне дать телефон Андрюши? Или позвони ему сама, попроси, чтобы он заехал за мной перед спектаклем, потому что у меня что-то с машиной не то.

Я нашла Андрюшу, попросила захватить Шуру в театр. И мы переиграли план на вечер, он сказал:

– Не встречай меня на дороге, потому что я Шуру привезу после спектакля. Жди у входа в гостиницу.

Он заехал за Шурой примерно без пятнадцати шесть. Вот это очень интересная, странная подробность. Я знала, что он заедет за Шурой, и хотела спуститься, повидаться с Андрюшей. Но не спустилась, потому что уснула мертвым сном. Я никогда так не спала, как в этот день. Уснула Маша, уснула я, уснула Таня Данилина, уснул ее сын. Мы рядом жили. Уснули где-то полшестого. Мертво. И проснулись в полвосьмого вечера. Но такого не было в жизни у меня никогда – так уснуть. Когда проснулась, думаю: где я, кто я, в стенку почти пошла…»

В тот роковой вечер 14 августа Миронов играл на сцене Рижского оперного театра в спектакле «Женитьба Фигаро». Спектакль начался без опозданий и ровно двигался до 3-го акта, 5-й картины, последнего явления. Далее произошло неожиданное. Вспоминают очевидцы.

О. Аросева: «Мы почти уже отыграли спектакль. Андрей сказал мне, Марселине: „Прощайте, матушка!“ Так нежно, серьезно сказал. И я ему ответила: „Прощай, сынок!“ Ушла со сцены за кулисы и с кем-то тут же поделилась: „Андрей очень серьезно, глубоко стал Фигаро играть. В нем что-то новое рождается…“

Началась финальная сцена, где все мы переодеваемся, прячемся – Сюзанна, Графиня, Марселина, а Граф, пытаясь разоблачить неверную жену, гоняется за нами и попадает в идиотское положение. У Фигаро в финальной сцене великолепный монолог…»

Вспоминает А. Ширвиндт: «Фигаро: Да! Мне известно, что некий вельможа одно время был к ней неравнодушен, но то ли потому, что он ее разлюбил, то ли потому, что я ей нравлюсь больше, сегодня она оказывает предпочтение мне…»

Это были последние слова Фигаро, которые он успел

произнести…

После чего, пренебрегая логикой взаимоотношений с графом, Фигаро стал отступать назад, оперся рукой о витой узор беседки и медленно-медленно стал ослабевать… Граф, вопреки логике, обнял его и под щемящую тишину зрительного зала, удивленного такой «трактовкой» этой сцены, унес Фигаро за кулисы, успев крикнуть «Занавес!»

«Шура, голова болит», – это были последние слова Андрея Миронова, сказанные им на сцене Оперного театра в Риге и в жизни вообще…»

А вот что вспоминает об этом же дочь Миронова – Маша: «Я не знаю, почему пошла на этот спектакль. Все жили в Риге, а мы с мамой (Е. Градовой) – в Юрмале. В тот день мама купила нам билеты на концерт Хазанова. Но в последний момент я сказала: лучше я посмотрю спектакль. Я очень любила „Женитьбу Фигаро“, видела ее уже несколько раз. Но в тот день меня как будто что-то толкало в театр…

Конечно, никто не предполагал, что с отцом так плохо… Еще несколько дней назад мы с ним гуляли по Вильнюсу, ходили вместе в театр Некрошюса, смотрели «Дядю Ваню». Папа был в восторге, поздравлял актеров, шутил…

В антракте того рокового спектакля я зашла к нему за кулисы. Спросила: «Что у тебя такое с лицом?» Он говорит: «Немножко на солнце перегрелся – переиграл в теннис». И все. Я пошла дальше смотреть спектакль…

Он умер на глазах всего зала. Потом кто-то из актеров сказал: прекрасная смерть…»

Вспоминает О. Аросева: «Нескольких минут Андрею не хватило, чтобы доиграть спектакль. Ширвиндт мне кричит: „Найди Канделя! Он в Риге. Я его в Юрмале встретил“. Кандель – это знаменитый московский нейрохирург.

Я, как была в костюме Марселины, дунула напротив – в гостиницу «Рига». Спрашиваю портье: «У вас живет Кандель?» Мне отвечают, что здесь такого нет. Я кричу: «Срочно проверьте по всем гостиницам! У нас с Мироновым несчастье!»

Бегу обратно в театр, переодеваюсь в нормальное платье, возвращаюсь в гостиницу, там сообщают: «Кандель живет в гостинице Совета Министров Латвии». Звоню туда. Помню, что знаменитого хирурга зовут Эдик, а какое у него отчество, забыла, хоть мы с ним и знакомы с давних лет.

– Эдик, – говорю в трубку, – это Оля Аросева…

Он меня радостно так перебивает:

– Оленька! У меня сегодня день рождения, приезжайте!

– Эдик, у нас с Мироновым очень плохо. Его сейчас в

больницу повезут… Он сознание на спектакле потерял!

Кандель спрашивает номер больницы. Я называю. Он говорит:

– Главный врач у меня в гостях. Мы с ним немедленно выезжаем.

Возвращаюсь в театр. Там, за кулисами, близко к сцене стоит стол. Длинный, весь в искусственных цветах. Цветы – для «девушек-пейзанок» в спектакле, чтобы в финале выходили на поклон с букетами. И вот Андрея положили среди этих букетиков. Живой еще, а лежал будто в гробу, убранном цветами. У него изо рта шла пена, и он, вытирая ее парализованной рукой, все повторял: «Голова болит, голова болит, голова…»

Кандель приехал прямо в больницу с латышским врачом. Примчалась и «Скорая помощь». Андрея сопровождал в больницу Шура Ширвиндт…»

Ширвиндт потом вспоминал, что всю дорогу до больницы Миронов шептал слова из последнего монолога Фигаро. Даже в последние минуты своей жизни он продолжал оставаться Артистом.

Рассказывает руководитель клиники нейрохирургии Янис Озолиньш: «Я приехал в больницу буквально в считаные минуты, как только меня вызвали. Миронова привезли к нам в 23.25. Он был без сознания. Произошел так называемый разрыв аневризмы – сосуда, который снабжает кровью передние части головного мозга и также участвует в полном снабжении головного мозга.

При установлении диагноза было сразу ясно, что произошло обширное кровоизлияние между полушариями головного мозга. Мы сразу же провели обследование сосудов, констатировав гигантскую, по меркам головного мозга, аневризму: в диаметре она была больше 2,5 сантиметра! То есть она очень трудно поддается оперативному лечению. В результате разрыва – нарушение жизненно важных функций, дыхания и, как следствие, потеря сознания.

В реанимации мне удалось установить, что Миронову в театре кто-то из врачей, оказывая помощь, из самых лучших побуждений заложил в рот нитроглицерин. В такой ситуации, когда произошел разрыв артерии, прием сосудорасширяющего вещества мог усугубить объем кровотечения. Правда, мы можем только предполагать, но говорить об этом со всей определенностью трудно…

Было совершенно ясно, что в ситуации перенесенной клинической смерти Миронова оперировать не было смысла. Мы продлевали реанимационные мероприятия, то есть поддерживали кровяное давление, дыхание, и в это же самое время обдумывали возможности оперативной помощи. Практически сразу же при

поступлении к нам мы совершили вспомогательную операцию. Это дало возможность предотвратить остановку сердцебиения. Так были выиграны эти два дня – с 14 по 16 августа. Иначе Миронов умер бы сразу.

За это время здесь перебывали почти все родственники Миронова и его друзья, находившиеся в Латвии. Но ничего радикального мы сделать не могли, потому что уже наступили необратимые разрушения в мозгу. В сознание он так и не пришел. Смерть наступила 16 августа в 5.35 утра».

В помощь к Канделю из Москвы был вызван еще один известный нейрохирург – профессор А. Маневич. Однако медицина в этом случае оказалась бессильной. Утром 16 августа Миронов скончался в результате обширного кровоизлияния в мозг (у него оказалась врожденная аневризма сосудов головного мозга).

Вспоминает сводный брат А. Миронова Кирилл Ласкари: «За неделю до смерти Андрея мне снится сон.

А прежде у Иосифа Кобзона Андрей купил себе смокинг и страшно гордился этим. Он мечтал делать шоу в «Октябрьском» зале: лестница высокая, стоят герлз, и он в белом смокинге… И вот этот сон. Мы с ним выходим с «Ленфильма», на нем плащ. Входим в какой-то огромный ресторан. Садимся. А рядом гуляет свадьба. И вдруг я вижу, как падает бокал с красным вином и, точно у Марка Захарова в гениальном фильме «Обыкновенное чудо», по скатерти расползается красное пятно. Встает человек, показывает пальцем на Андрюшу:

– Этот!

А Андрюша в белом смокинге от Кобзона. Я кричу: «Что вы, что вы, он же не вставал с места!» Но этот человек бьет Андрюшу бутылкой из-под шампанского по голове. И Андрюша лежит в этом смокинге на полу. Вот так точно его и хоронили.

Вася Ливанов потом говорил: «Ты должен был ему рассказать этот сон». Но что рассказывать?

Скажу еще более страшное. В последние годы я понимал, что он недолговечен. Не знаю почему. И еще этот сон…»

Перед отправкой в Москву тело Миронова привезли из морга к Театру оперы, чтобы «сатировцы» смогли проститься со своим коллегой (тогда уже было решено, что театр гастроли не прерывает и остается в Прибалтике). Артисты, которые жили в разных гостиницах, подошли попрощаться. Как ни странно, но народу было немного. И дело было совсем не в том, что на часах было около шести утра. Это еще раз доказало, что Миронова в его родном театре любили далеко не все его обитатели. Из машины тело Миронова не выносили, открыли только заднюю дверцу.

Прощание длилось всего 5—10 минут.

Вспоминает О. Аросева: «Мы проводили его, мертвого, в шесть часов утра от Рижского оперного театра, где давали свои спектакли. Его везли в Москву на „рафике“, заполненном льдом. Андрей, с головой закатанный в простыню, словно белая мумия, лежал на этом „леднике“ – лицо не открыли для прощания.

Близкий друг Андрея Гриша Горин ехал впереди «рафика» на своем «жигуленке». Как только он не разбился на этой долгой дороге от Риги до Москвы впереди мчавшегося страшного катафалка, в котором совершал свой последний путь Андрей Миронов…»

Вечером 16 августа Миронов должен был выступать во Дворце культуры в городе Шауляй. Билеты на этот концерт были давно проданы. Однако приехать туда актеру было уже не суждено. Администрация Дворца предложила зрителям вернуть билеты обратно и получить назад свои деньги. Однако ни один человек не сдал билеты.

В том же Шауляе находится уникальная во всем мире Гора крестов. Она никогда не была местом захоронений. Но в знак глубокого почитания и любви к Миронову жители города поставили ему на этой горе крест.

Вспоминает Ф. Чеханков: «Андрей умер 16 августа. В тот же день, еще ничего не зная, я прилетел из Испании. В аэропорту меня встречали моя подруга Юлия Косырева и Виталий Вульф. Я обратил внимание, что они страшно растеряны, прячут глаза. Мамы уже не было на свете, поэтому я никак не мог понять, откуда ждать опасности. При жизни мамы, уезжая куда бы то ни было, я сразу начинал волноваться, звонил ей отовсюду, почти ежедневно, хотя знал, что друзья и поклонницы в мое отсутствие ее навещают. На этот раз я понял по лицам Юли и Виталия, что случилось нечто ужасное. Когда я прошел через таможню и положил вещи, Юля сказала как можно спокойнее: „Ты только не волнуйся“. А Виталий с грубоватой иронией быстро добавил: „Я знаю вашу обычную истеричность, поэтому соберитесь. Сегодня утром умер Андрей Миронов. Вы должны взять себя в руки. Послезавтра приезжает Мария Владимировна, и многое ляжет на ваши плечи. Вы не имеете права раскисать“. Но я все равно рыдал и не мог поверить в эту непоправимость.

Дома разрывался телефон, звонили со всех концов света. У Андрея везде были друзья и поклонники. Все начинали разговор издалека, боясь напугать и надеясь, что это очередная «утка». Ведь живого Андрея по слухам уже «хоронили», и не раз. Позвонил давний поклонник Андрея, чех. Любил актера Миронова до самозабвения. Познакомились просто на улице.

Однажды Андрей заметил на автостоянке человека, который пожирал его глазами. Андрей был демократичен, никогда не носил черных очков и не прятал свое знаменитое лицо под шляпой. Познакомились, человек сказал ему: «Вы для меня – бог». С тех пор они дружили и общались много лет. Он тоже как-то неопределенно спросил: «А что у вас там происходит?» Боялся произнести вслух то, что для нас уже стало реальностью. Я промолчал, а он все понял. И десять минут в трубку рыдал. Ни слова больше не сказал – просто выл. Потом, конечно, прилетел на похороны. Приехали Андрюшины друзья из Голландии, Андрей каждый год ездил с Ларисой к ним в гости. В общем, телефон звонил не переставая, и все время кто-то сообщал, что выезжает, едет, прилетает…»

Весть о смерти Миронова 16 августа достигла и Выборга, где продолжались съемки фильма «Следопыт». Как мы помним, Миронов успел отсняться в нескольких эпизодах картины, и у него оставались еще два съемочных дня. Увы, но закончить работу над ролью Санглие ему было уже не суждено. Не смог он получить и свой гонорар, который составил 743 рубля и был передан позднее родственникам актера (полный гонорар Миронова равнялся 1624 рублям).

И вновь вернемся к воспоминаниям Ф. Чеханкова: «18 августа в 9 часов утра я стоял на Рижском вокзале. Первыми приехали Лариса с Машей. Поезд на полчаса опоздал. Лариса выглядела вздрюченной. Она плохо спит в поезде, поэтому, как всегда, наверное, приняла снотворное, и теперь никого из нас, по-моему, не узнавала. Вещи были не собраны, собирали все вместе, впопыхах. Никаких слез не было, о похоронах старались вообще не говорить. Уже приехал из Питера сводный брат Миронова Кирилл Ласкари, был с нами Вася Ливанов, они с Андреем дружили (там же были Геннадий Хазанов, бывший одноклассник Миронова Александр Ушаков и руководитель одного из комитетов Моссовета Александр Никитин).

Через полчаса, другим поездом, приехала Мария Владимировна. Поезд медленно подходил к перрону. А мы с ужасом шли навстречу и думали только об одном: что сказать? Как первую фразу придумать?

Мария Владимировна стояла у окна: спокойная, как сказала, аккуратно причесанная. Вещи были давно уложены и, готовые, стояли в тамбуре. Она ни на йоту не изменила своему ритуалу. Выражение лица было полуироническим: «Вот так, ребята, – случилось». Мы молча вошли в поезд, молча взяли вещи, она молча села на заднее сиденье моей машины. Никто, конечно, никаких слов не нашел, продолжали молчать. Поехали. Кира

Ласкари что-то пробовал сказать: «Тетя Маша…» Стоп, стоп, стоп – она сделала ему знак рукой. Потом сказала: «Он умер, как Жерар Филипп, в костюме Сида». Тут она немножко перепутала: Жерара Филиппа только хоронили в костюме его знаменитого театрального героя Сида, а умер он не на сцене, а в больнице, но это не имело значения. После этого сказала такую фразу: «Конечно, я полное дерьмо. Я после этого жить не должна. Но у меня не хватит сил сделать это самой. Я буду жить. Буду жить во имя него». Она приехала домой, села в свое знаменитое кресло, то самое, в котором провожала Александра Семеновича (на всех ее последних фотографиях она именно в этом кресле, в прихожей своего дома), и снова окаменела. Через полчаса прибежал Александр Шуров. Был когда-то на эстраде знаменитый дуэт сатириков и куплетистов – «Шуров и Рыкунин». Мария Владимировна с Шуровым дружила больше, чем с Рыкуниным, и привечала его как друга покойного Александра Семеновича. Шуров с порога заохал, закричал, зарыдал. Она ему вдруг холодно и даже надменно сказала: «Шура!!! Стоп!!! Возьмите себя в руки. Что вы себе позволяете?! Если я себе этого не позволяю…» Вот так она себя и держала все эти страшные дни…»

Когда пришло время выбирать кладбище, все близкие и друзья Миронова сошлись во мнении, что это должно быть Новодевичье кладбище. Но, даже учитывая огромную популярность Миронова, сделать это было нелегко. Александр Никитин сразу предупредил об этом Голубкину. Тогда она прямо из его кабинета по «вертушке» позвонила тогдашнему министру обороны Дмитрию Язову. Тот пообещал быть «толкачом» в этом вопросе. Но у него ничего не получилось. Через несколько минут он перезвонил Голубкиной и сообщил, что эта проблема замыкается на 1-м секретаре МГК Борисе Ельцине, а того сейчас нет в Москве – он в служебной командировке. Спустя некоторое время с Голубкиной связался председатель Комитета по культуре Москвы Игорь Бугаев и сказал, что есть решение Моссовета: похоронить Миронова на Ваганьковском кладбище. Голубкина в сопровождении нескольких друзей и коллег отправилась на Ваганьку.

Учитывая огромную популярность Миронова, Голубкина обратилась к администрации кладбища, чтобы ее мужа похоронили на удобном участке. Например, рядом с церковью или около кулумбария. Но ей отказали, заявив, что свободных мест там нет. И никаких исключений, даже для такого человека, как Андрей Миронов, делаться не будет. В итоге свободным оказался участок, находившийся достаточно далеко от входа, – 40-й.

Похороны А. Миронова прошли в Москве 20 августа. За пару часов до гражданской панихиды к моргу Института имени Склифосовского приехал Иосиф Кобзон, который привез белый смокинг. Он объяснил Голубкиной, что этот смокинг Миронов примерял перед отъездом в Ригу, он ему очень понравился и они договорились, что после его возвращения с гастролей смокинг будет его. Но Голубкина захотела, чтобы ее супруг в день похорон был облачен в черный смокинг.

Самое ужасное, но, как и в случае с Анатолием Папановым, труппа «Сатиры» в траурных мероприятиях не участвовала, хотя правительство Латвии выделило артистам самолет. Приехало всего лишь несколько человек, а остальных Плучек не отпустил, уговорив продолжать гастроли. Со стороны это выглядело дикостью. Из жизни ушли два прославленных артиста Театра сатиры, те, которые, собственно, и составляли гордость труппы, а артисты даже не пришли на их похороны. Некоторые из коллег ушедших простить это Плучеку не смогли. Например, Зиновий Высоковский. По его словам: «Я ушел из Театра сатиры сразу же после смерти Миронова. Тогда в течение 10 дней не стало ни Папанова, ни Миронова. И, глядя на отношение руководства театра к этим событиям, я решил уйти.

Когда умер Папанов, театр находился на гастролях в Риге. Мне казалось, что в этот момент нужно отменить гастроли, приехать в Москву и отдать свой последний долг. Но гастроли продолжались. И Андрей Миронов играл творческие вечера вместо спектаклей, где был задействован Папанов. Потом, через несколько дней, умер Андрюша. Я не понимал: как же возможно – мир потерял двух таких людей! Мне казалось, что что-то должно измениться. Но театр жил своей жизнью, как будто ничего не произошло. А я уже не мог…»

Между тем, в отличие от актеров Театра сатиры, продолжавших свои гастроли, сотни тысяч москвичей проститься со своим кумиром пришли. Сначала к Театру сатиры, потом – на Ваганьку. Вспоминает Ф. Чеханков:

«Когда в день похорон Мария Владимировна зашла в театр, где на сцене уже лежал в гробу ее сын, зал страшно затих, словно притаился в ужасе. Все боялись, что сейчас что-то случится. Но ничего не случилось. Мария Владимировна молча села. И молча просидела всю панихиду. Потом нам признавалась: „Я бы рада заплакать. Я хочу заплакать! Потому что будет легче“. Но заплакать не могла. Горда была очень, что ли? Заплакать при всех, всем продемонстрировать свое неутешное горе, свое странное, дикое сиротство и вызвать, не дай бог, чью-нибудь жалость – этого чувство собственного достоинства ей не

позволяло. Поэтому никто не лез к ней с соболезнованиями, с сердобольными словами. И никто ее не жалел. Для нее жалость была бы самым страшным унижением. После смерти Андрея эта знаменитая женщина приобрела вторую трагическую славу – семидесятипятилетняя мать, которая пережила такого сына…»

Об этом же дне вспоминает и Г. Горин: «С ночи москвичи выстраивались в траурную очередь на Садовом кольце. Так уже было несколько лет назад перед Театром на Таганке, когда хоронили Владимира Высоцкого. Теперь – на площади Маяковского.

Тысячи людей… Огромнейшая толпа…

На Ваганьковском кладбище – огромное скопление людей. Андрея проносили мимо них… К его ногам летел водопад цветов. Люди плакали, как плачут по самому близкому человеку. А из толпы кто-то кричал: «Передние, отойдите, нам тоже хочется посмотреть!» Было и такое…

Люди есть люди, толпа есть толпа. Никого не хочу осуждать. Прощание неотделимо от прощения…

Прощание не кончается. И сегодня у его могилы на кладбище с утра до ночи стоят сотни людей. Как помочь им не стать толпой, как объяснить, что надо отойти или по крайней мере опустить глаза, когда сюда приходят мать и близкие?..

На мою долю выпала участь сопровождать его в последней поездке по стране. На всей тысячекилометровой трассе от Риги до Москвы работники ГАИ выбегали, чтобы отдать ему честь, на всем пути незнакомые люди молча склоняли перед ним головы.

ЛЮДИ, которых он так любил…»

Как ни странно, но телевидение, которому Андрей Миронов посвятил многие годы своей жизни, в те скорбные дни даже не вспомнило о всенародно любимом артисте. Ни в день похорон, ни в последующие дни и недели ни один из каналов ЦТ не показал ни одного фильма или телеспектакля с участием Миронова. И первыми, кто вспомнил о нем, оказались телевизионщики ЛенТВ: именно там 5 сентября, спустя почти три недели после смерти Андрея Миронова, показали один из лучших фильмов артиста – «**Фантазии Фарятьева»**.

Эпилог

31 августа на экраны страны вышел комедийный вестерн Аллы Суриковой «**Человек с бульвара Капуцинов»** (в Москве фильм начал демонстрироваться в лучших кинозалах: «Россия», «Октябрь», «Звездный»). Как мы помним, главную роль в нем – мистера Джонни Феста – играл Андрей Миронов. В отличие от «Следопыта» (еще одного вестерна с участием Миронова) его ждал феноменальный успех – «Человека…» посмотрели 39 миллионов 800 тысяч зрителей (2-е место в прокате). Такого повального успеха у фильма, где снимался Миронов, не случалось со времен «Бриллиантовой руки». Жаль, что сам актер до этого успеха не дожил. К слову, на III Международном фестивале «Женщины в кино», проходившем на родине вестерна в Америке, в Лос-Анджелесе, «Человек…» был удостоен Главного приза (вместе еще с одной картиной – чехословацкой).

В сентябре – октябре на киностудии имени Горького проходили монтажно-тонировочные работы по «Следопыту». Это был последний фильм с участием Андрея Миронова. И чтобы завершить работу над ним, ему не хватило нескольких дней (два дня съемок и три дня монтажа). После долгих поисков озвучивать Санглие был приглашен актер Московского театра имени А. Пушкина Алексей Неклюдов. Вот его рассказ:

«Мне дали послушать „рабочий голос“ Миронова (тот, что записывает камера) с шумами, посторонними звуками. Голос Миронова было не узнать: низкий… тихий… просто мурашки по коже. Андрей уже сильно болел. А когда его не стало, сценарий фильма переделали так, что персонаж Миронова в середине картины исчезает. А то, что Андрей Александрович успел сыграть, попросили озвучить меня. Я спросил режиссера: „Вы хотите, чтобы я говорил голосом того Миронова, который снимался в „Следопыте“, или мне постараться воспроизвести его обычный бодрый голос?“ Мы еще раз прослушали запись, и Любимов говорит: „Нет уж, давайте говорите тем голосом, к которому все привыкли“. Режиссер все время добавлял роль Миронова, писал текст даже к тем кадрам, где его персонаж появлялся на дальних планах, – ведь каждый кадр стал дорог!

Когда состоялся просмотр картины, многие даже не поняли, что это я озвучиваю. Значит, все было правильно сделано. И я сразу сказал, чтобы в титры мою фамилию не вносили…»

Премьера «**Следопыта»** состоялась в июне 1988 года.

В конце 1987 года вышел посмертный, третий по счету, «номерной» диск-гигант Андрея Миронова под названием «**Эта**

песня для близких друзей», где он исполнял песни Яна Френкеля.

Между тем минуло почти три года со дня смерти А. Миронова, и 21 июня 1990 года в Москве, на углу улицы Петровка и Рахмановского переулка, в 2 часа дня под проливным дождем состоялось открытие городского памятника артисту Андрею Миронову в доме, где он прожил большую часть своей жизни (с 1941-го по 1960 год). Как писала Т. Егорова: «Белый шелковый лоскут, закрывавший часть стены, трепетал на ветру, приковывая взгляды собравшихся „зрителей“. Ножницы коснулись лент, грянула музыка, как пелена с глаз… упал белый шелк. И перед всеми предстал Андрюша… в бронзе. Его голова, трагические складки на лице, измученный каким-то вечным вопросом взгляд, обращенный вовне и внутрь себя. Плакали. Охапки цветов. Пожизненное недоумение оттого, что его нет. Нет его энергичной походки, заразительного смеха, напряженной сосредоточенности, насмешливой самоиронии, культуры…»

В 1993 году в международный каталог была внесена малая планета под номером 3624 с именем Андрея Миронова.

В том же году в Москве в мемориальном доме М. Н. Ермоловой начала действовать выставка, посвященная А. Миронову.

В октябре 1996 года в Санкт-Петербурге открылся новый театр, которому дали имя А. Миронова. Между тем в Москве, где родился этот замечательный актер, до сих пор нет даже улицы его имени.

В свое время, когда из жизни ушел Владимир Высоцкий, спустя год после его смерти родной ему Театр на Таганке выпустил спектакль «Высоцкий». По этим же стопам решил пойти и Театр сатиры, который к 60-летию Миронова в марте 2001 года выпустил спектакль «Андрюша». Режиссером выступил Александр Ширвиндт, авторами текста – он же и Аркадий Арканов, а балетмейстером стал сводный брат юбиляра Кирилл Ласкари. Последний заявил: «Я думаю, что Андрюше это бы понравилось. Не нужно никакой помпезности и возвышенных эмоций. Это должен быть тихий, шутливый и веселый спектакль – такой, каким был и Андрюша. Правда, мне тяжело это смотреть, потому что на сцене постоянно возникают люди, которых я любил…»

Со дня смерти А. Миронова Лариса Голубкина замуж больше не выходила.

Первая жена Миронова – Екатерина Градова – в 1992 году вышла замуж за ядерного физика, ликвидатора Чернобыльской аварии Игоря Тимофеева, с которым познакомилась во время

паломничества в Оптину пустынь. Вскоре они усыновили мальчика Алешу, взятого ими из детского дома. Вся семья живет в деревне Горки Владимирской области.

В 1992 году дочь Миронова и Градовой Маша родила мальчика, которого в честь дедушки назвали Андреем. Сама Мария пошла по стопам своего отца и посвятила себя сцене – она играет в труппе Театра имени Ленинского комсомола. Ее муж Игорь работает в рекламном бизнесе.

Маша Голубкина одно время активно снималась в кино (на ее счету фильмы: «Хоровод», «Сыскное бюро „Феликс“, „Ребро Адама“ и др.). В 1996 году она вышла замуж за известного телеведущего Николая Фоменко. 9 января 1998 года у них родилась дочь, спустя несколько лет – сын.

Татьяна Егорова в 1999 году выпустила в свет книгу воспоминаний «Андрей Миронов и я», где подробно рассказала о своих взаимоотношениях с актером. Когда книга была закончена, Егорова встретила человека, который стал ее мужем. Зовут его Сергей Шелихов. По словам Егоровой, их знакомство произошло при следующих обстоятельствах:

«У нас было странное знакомство. Мне сказали, что на даче у Марии Владимировны Мироновой живут бомжи. Я бросилась туда, осмотрела дом, вроде все в порядке. Спустилась с горки, побежала к автобусу. Смотрю: какой-то седой человек стоит на мосту. Подхожу: „Что вы тут делаете?“ – спрашиваю. „Вы Татьяна Егорова? А я Шелихов. Сергей. Прочитал вашу книгу и под впечатлением приехал сюда. И вдруг появляетесь здесь вы…“ Уверена, Сергея Леонидовича мне послали свыше. Александр Семенович Менакер, Мария Владимировна и Андрей собрались вместе на небе и сказали: „Пусть Танька будет немножко счастлива на земле“.

Хроника жизни и творчества Андрея Миронова

1941

8 (7) марта – родился в роддоме имени Грауэрмана в Москве.

Июль – эвакуировался с родителями в Горький.

Август– ноябрь – вместе с родителями совершил агитационный поход по Волге на теплоходе «Пропагандист».

Ноябрь – первая встреча со сводным братом Кириллом Ласкари в Куйбышеве.

1942

Февраль – едва не умер в Ташкенте от тропической дизентерии.

Октябрь – вернулся с родителями в Москву, в дом на Петровке, 22.

1948

1 сентября – пошел в 1-й класс 170-й мужской школы (теперь – 49-я средняя школа) на Пушкинской улице.

1950

В разгар антиеврейской кампании, развернувшейся в стране, добрые люди из Моссовета посоветовали родителям сменить фамилию мальчика. Так из Андрея Менакера он превратился в Андрея Миронова.

1952

Июль – попал в массовку фильма «Садко», но режиссер фильма Александр Птушко его забраковал.

1955

Умерла нянечка Андрея Анна Сергеевна Старостина, воспитывавшая его с младенчества.

Миронов влюбился в свою одноклассницу Галю Дыховичную.

Ноябрь – состоялся дебют Миронова на школьной сцене: в спектакле «**Русские люди»** по К. Симонову он играл роль немца фон Краузе.

1958

Июнь – закончил десять классов.
Июль – поступил в Театральное училище имени Щукина.
Осень – расстался с Галей Дыховичной.

1960

Переехал от родителей в однокомнатную квартиру в Волковом переулке (по соседству с зоопарком).

25 июля – конец августа – в Киеве шли натурные съемки первого фильма с участием Андрея Миронова «**А если это любовь?»** режиссера Юлия Райзмана (роль десятиклассника Пети).

Сентябрь – снимался в фильме «**А если это любовь?»** в Москве (павильоны).

1961

17 июля – 18 октября – снимался в Пирите и Таллине (Эстонская ССР) в натурных эпизодах фильма «**Мой младший брат»** режиссера Александра Зархи (роль выпускника средней школы Юры).

1962

1 февраля– март – снимался в фильме «**Мой младший брат»** в Москве (павильоны).

19 марта – на экраны страны вышел дебютный фильм Андрея Миронова «**А если это любовь?»**.

Июнь – закончил Театральное училище имени Щукина с красным дипломом и поступил в Театр сатиры.

24 июня – первый выход Миронова на сцену Театра сатиры в спектакле «**24 часа в сутки»** (роль Гарика).

2 августа – ввод в спектакль «**Дамоклов меч»** (роль в массовке).

16 августа – 19 ноября – снимался в Судаке в натурных эпизодах фильма «**Три плюс два»** режиссера Генриха Оганисяна (роль ветеринара Романа Любешкина). Любовный роман с Натальей Фатеевой.

12 ноября – на широкий экран вышел второй фильм с участием Андрея Миронова – «**Мой младший брат»**.

14 ноября – открытие сезона в Театре сатиры. Миронов играет в «**Дамокловом мече»** новую роль – Толстого.

20 ноября – 1 декабря – снимается в Алуште в натурных эпизодах в фильме «**Три плюс два»**.

Декабрь – снимается в Москве в фильме «**Три плюс два»** (павильоны).

1963

14 января – февраль – съемки в фильме «**Три плюс два**» (павильоны).

26 апреля – ввод в спектакль «**Гурий Львович Синичкин**» (роль Телережиссера).

23 июня – премьера в Театре сатиры спектакля «**Проделки Скапена**» (роль слуги Сильвестра).

3 июля – на экраны страны вышел фильм «**Три плюс два**».

6—26 июля – гастроли Театра сатиры в Горьком.

Август – сентябрь – гастроли Театра сатиры в Саратове и Кисловодске.

10 сентября – ввод в спектакль «**Клоп**» (роль Присыпкина).

23 ноября – Театр сатиры открыл свой очередной сезон в Москве.

23 декабря – на дне рождения Натальи Фатеевой Миронов познакомился с Ларисой Голубкиной.

1964

14 апреля – премьера спектакля **«Женский монастырь»** (роль Тушканчика).

6—13 августа – снимался в павильонах «Мосфильма» в фильме Григория Рошаля **«Год как жизнь»** (роль Фридриха Энгельса).

21 августа – 20 сентября — снимался в Потсдаме, Наубурге (ГДР) в натурных эпизодах фильма **«Год как жизнь»**.

1—30 августа – гастроли Театра сатиры в Куйбышеве.

Сентябрь – гастроли Театра сатиры в Свердловске.

13–31 октября – снимался в Ялте в натурных эпизодах фильма **«Год как жизнь»**.

17 ноября – Театр сатиры открыл сезон в Москве. Миронов играл в **«Клопе»**.

7—31 декабря – снимался в павильонах «Мосфильма» в фильме **«Год как жизнь»**.

1965

4—29 января, 8 – 31 марта – снимался в павильонах «Мосфильма» в фильме «**Год как жизнь»**.

26–27 марта – премьера спектакля «**Над пропастью во ржи»** (роль Холдена Колфилда).

1–5 апреля, 17–18 мая – снимался в павильонах «Мосфильма» в фильме «**Год как жизнь»**.

7 июня – утвержден на роль Димы Семицветова в фильме Эльдара Рязанова «**Берегись автомобиля»**.

1, 23–30 июля, 3—31 августа – снимался в натурных эпизодах фильма «**Берегись автомобиля»**.

4—21 октября – гастроли Театра сатиры в Ленинграде. Ухаживает за Анастасией Вертинской.

17–26 октября – снимался в натурных эпизодах фильма «**Берегись автомобиля»**.

3 ноября – Театр сатиры дал первый спектакль в новом здании на Большой Садовой, 18. Спектакль «**Женский монастырь»** демонстрировался для строителей, возводивших здание.

14 ноября – Театр сатиры открыл сезон в Москве. Миронов играл в «**Клопе»**.

24–30 декабря – снимался в павильонах «Мосфильма» в фильме «**Берегись автомобиля»**.

1966

6 февраля – премьера спектакля «**Теркин на том свете»** (роль Автора).

9—16 февраля – съемки в павильонах «Мосфильма» в фильме «**Берегись автомобиля»**.

20–28 февраля – съемки на натуре (деревня Парамоново Дмитровского района Московской области, 65 км от Москвы) в фильме Ирины Поволоцкой и Михаила Садковича «**Таинственная стена»** (роль сержанта Советской Армии Валентина Карпухина).

2—29 марта – съемки в Парамоново в фильме «**Таинственная стена»**.

8 марта – Миронову исполнилось 25 лет. Круглую дату отмечали в родительском доме юбиляра на Петровке, 22.

15 марта – последняя павильонная съемка с участием Миронова в фильме «**Берегись автомобиля»**.

29 марта – на широкий экран вышел фильм «**Год как жизнь»**.

20, 27 апреля – съемки в Парамоново в «**Таинственной стене»**.

Апрель – май – Миронов играет роль ведущего телепередачи «Добрый вечер!» (будущий «Кабачок „13 стульев“). Провел всего два выпуска.

12 мая – на широкий экран вышел фильм «**Берегись автомобиля»**.

11–30 мая – съемки в павильонах «Мосфильма» в фильме «**Таинственная стена»**.

6—29 июня – съемки в павильонах «Мосфильма» в фильме «**Таинственная стена»**.

28 июня – спектаклем «**Теркин на том свете»** Театр сатиры закрыл сезон в Москве. Больше этот спектакль «Сатире» играть не разрешат.

1—31 июля – Театр сатиры отправился на гастроли в Ригу. Начало любовного романа Миронова с актрисой его же театра Татьяной Егоровой.

22 июля – снимался на «Мосфильме» в фильме «**Таинственная стена»**.

1—15 августа – гастроли Театра сатиры в Вильнюсе.

25–28 августа, 8 сентября – снимался в Новороссийске в натурных эпизодах фильма «**Таинственная стена»**.

2 октября – Театр сатиры открыл сезон в Москве. Миронов играл в «**Клопе»**.

17–19 ноября, 7—22 декабря – снимался в павильонах

«Мосфильма» в фильме **«Таинственная стена»**.

16 декабря – премьера спектакля «**Дон Жуан, или Любовь к геометрии»** М. Фриша (роль Дон Жуана).

1967

6 марта – досъемка на Ленинских горах в фильме «**Таинственная стена»**.

13 мая – премьера спектакля «**Интервенция»** Л. Славина (роли солдата Селестена, Жульена, Папы, певца из ресторана).

Июль – присуждение на фестивале «Московская театральная весна-67» диплома третьей степени за исполнение роли Селестена в спектакле «**Интервенция»**.

Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

Июль – съемки в фильме Ирины Поволоцкой и Михаила Садковича «**Таинственная стена»** (роль сержанта Советской Армии Карпухина).

1 августа – Театр сатиры открыл сезон в Москве.

18 августа – премьера спектакля «**Доходное место»** А. Островского (роль Жадова).

2 сентября – 17 октября – съемки в фильме Алексея Коренева «**Урок литературы»** (роль Феликса).

7 ноября – ввод в спектакль «Баня» на роль Велосипедкина.

Ноябрь – первый творческий вечер Миронова, проходивший в Доме актера.

Ноябрь – Миронов и Егорова теряют ребенка.

1968

Март – присуждение на смотре театральной молодежи столицы, посвященном 50-летию Великой Октябрьской революции, первой премии за исполнение роли Жадова («Доходное место») и Селестена («Интервенция»).

Присуждение диплома театральных критиков за лучшее исполнение мужской роли (за ряд ролей, сыгранных на сцене Театра сатиры в 1967 году).

22 марта – утверждение Миронова на роль Геннадия Козадоева в фильме Леонида Гайдая «**Бриллиантовая рука**». Снялся в эпизодической роли в фильме Михаила Калика «**Любить**».

25–26 апреля, 6 мая – снимался в павильонах «Мосфильма» в фильме «**Бриллиантовая рука**».

Май – Миронова пытался завербовать КГБ.

16 мая – записал в тонателье на «Мосфильме» песню «Остров невезения» к фильму «**Бриллиантовая рука**».

17 мая – последнее представление спектакля «**Доходное место**».

25 мая – 15 июля – снимался в Сочи и Адлере в натурных эпизодах фильма «**Бриллиантовая рука**».

Июнь – на экраны страны вышел фильм «**Таинственная стена**» (роль сержанта Карпухина).

2—29 августа, 2–9 сентября – снимался в павильонах «Мосфильма» в фильме «**Бриллиантовая рука**».

29 августа – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

17–27 сентября – снимался в Баку в натурных эпизодах фильма «**Бриллиантовая рука**».

Сентябрь – октябрь – снимался в фильме «**Две улыбки**» режиссера Якова Сегеля (роль молодого дедушки).

2 октября – Театр сатиры открыл сезон в Москве. Миронов играл в «**Бане**».

7—11 октября – снимался в павильонах «Мосфильма» в фильме «**Бриллиантовая рука**».

15–23 октября – находится в частной поездке в Японии.

24 октября – Миронов и Егорова подают заявление в ЗАГС.

28–29 октября – снимался в павильонах «Мосфильма» в фильме «**Бриллиантовая рука**».

15 декабря – регистрация брака с Егоровой сорвалась.

1969

Февраль – озвучил роль Себастьяна Лутатини в радиоспектакле Т. Рыбасова «**Соленая купель»** по роману А. Новикова-Прибоя.

Март – Миронов покупает автомобиль «Волга».

4 апреля – премьера спектакля «**Безумный день, или Женитьба Фигаро»** (роль Фигаро).

16 апреля – 11 мая – гастроли Театра сатиры в Ленинграде.

28 апреля – на широкий экран выходит фильм «**Бриллиантовая рука**».

17 мая – премьера радиоспектакля «**Соленая купель»** (роль Себастьяна Лутатини).

Май – выходит первая грампластинка Андрея Миронова «**Музыка и песни из кинофильма «Бриллиантовая рука»**. Он исполняет на ней песню «**Остров невезения»**.

3 августа – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

20 июля – 10 августа – снимался в киноальманахе «**Семейное счастье»**, в новелле режиссера Андрея Ладынина «**Мститель»** (роль Федора Федоровича Сигаева).

9 сентября – Театр сатиры открыл сезон в Москве. Миронов играл в «**Интервенции»**.

Октябрь – снялся в телеспектакле режиссера Леонида Хейфица «**Рудин»** (роль Рудина).

1970

17 января – из-за несчастного случая Миронов и Егорова теряют ребенка.

8 апреля – премьера спектакля «**У времени в плену» (Художник и революция)** (роль Всеволода Вишневского).

Май – снялся в массовке в фильме Александра Муратова «**А умеете ли вы жить?»**.

Июнь – снимался в совместном советско-венгерском фильме (по жанру это была героическая комедия) «**Держись за облака»** режиссеров Бориса Григорьева и П. Саса (роль генерала).

Снимался в телеспектакле «**Впотьмах»** по А. Куприну режиссера М. Микаэляна (роль Аларина).

Июнь – на фестивале «Московская театральная весна-70» Миронов был удостоен диплома и премии второй степени за исполнение роли Вишневского в спектакле «**У времени в плену»**.

28 июня – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

Июнь – на экраны страны вышел киноальманах «**Семейное счастье»** (роль Федора Федоровича Сигаева в новелле «**Мститель**»).

1—26 июля – гастроли Театра сатиры в Челябинске.

Середина июля – снимался в Боровске в натурных эпизодах фильма «**Достояние республики»** режиссера Владимира Бычкова (роль Маркиза).

1—16 августа – гастроли Театра сатиры в Магнитогорске.

17–30 августа – снимался в Кириллове (Вологодская область) в натурных эпизодах фильма «**Достояние республики»**.

Начало сентября – снимался в Вологде в натурных эпизодах фильма «**Достояние республики»**.

Конец сентября – снимался в Ленинграде в натурных эпизодах фильма «**Достояние республики»**.

26 сентября – Театр сатиры открыл сезон в Москве. Миронов играл в «**Интервенции»**.

27 декабря – премьера телеспектакля **«Впотьмах»** по А. Куприну (роль Аларина).

1971

Январь – февраль – снимался в павильонных эпизодах фильма «**Достояние республики»**.

8 марта – справил 30-летие в ресторане Дома литераторов.

Март – июнь – снимался в фильме Надежды Кошеверовой «**Тень»** (роль Чезариа Борджиа).

9 марта – утвержден на роль Проскудина в фильме Эльдара Рязанова «**Старики-разбойники»**.

7—21 мая – снимался в натурных эпизодах фильма «**Достояние республики»**.

22 июня – первое свидание Миронова с Екатериной Градовой.

29 июня – Миронов делает Градовой официальное предложение руки и сердца.

Начало июля – снимается в павильонных эпизодах в фильме «**Старики-разбойники»**.

1 августа – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

4 сентября – Театр сатиры открыл сезон в Москве. Миронов играл в «**Женитьбе Фигаро»**.

5—11 сентября – снимался во Львове в натурных эпизодах фильма «**Старики-разбойники»**.

Сентябрь – снялся в телеспектакле «**Малыш и Карлсон»** (роль вора Рулле).

15 октября – на экраны страны вышел фильм «**Держись за облака»**.

10–12 ноября – снимался во Львове в натурных эпизодах в фильме «**Старики-разбойники»**.

30 ноября – женился на Екатерине Градовой.

1972

1 января – премьера по ТВ телеспектакля «**Малыш и Карлсон»**.

26 марта – премьера спектакля «**Ревизор»** (роль Хлестакова).

28 апреля – на экраны страны вышел фильм «**Достояние республики»** (роль Маркиза).

19 мая – 1 июня – Театр сатиры гастролирует в Болгарии (София, Варна).

14 июня – 4 июля – Театр сатиры гастролирует в Ленинграде.

20 июля – 20 августа – Театр сатиры гастролирует в Киеве.

10 августа – на экраны страны вышел фильм «**Старики-разбойники»**.

22 сентября – Театр сатиры открыл сезон в Москве. Миронов играл в «**У времени в плену»**.

Сентябрь – в продажу поступила пластинка «**Музыка кино**», где были представлены четыре песни: «Лесной олень» (Е. Крылатов – Ю. Энтин, к/ф «Ох уж эта Настя!») – Аида Ведищева; «Что будет, то и будет» (Е. Крылатов – Б. Ахмадулина, к/ф «Достояние республики») – Андрей Миронов; «Гляжу в озера синие» (Л. Афанасьев – И. Шаферан, т/ф «Тени исчезают в полдень») – И. Карелина; «Гусарская баллада» (В. Соловьев-Седой – М. Ножкин, к/ф «Шельменко-денщик») – Эдуард Хиль.

1973

14 января – премьера в Театре сатиры спектакля «**Таблетку под язык»** А. Макаенка (роль колхозника Шведа).

Начало года – Миронов и Градова сменили место жительства: из квартирки в Волковом переулке (ее Миронов продал) они перебрались в двухкомнатную кооперативную квартиру на улице Герцена, 49.

21 апреля – 10 мая – Театр сатиры гастролирует в Ташкенте.

14–30 мая – Миронов снимается в павильонных эпизодах в фильме «**Невероятные приключения итальянцев в России»**.

28 мая – у Миронова и Градовой родилась дочь Маша.

5 июня – 2 июля – снимается в Ленинграде в натурных эпизодах в фильме «**Невероятные приключения итальянцев в России»**.

Июль – снимается в Москве в натурных эпизодах фильма «**Невероятные приключения итальянцев в России»**.

12 августа – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

23 августа – 14 сентября – снимается в Италии в натурных эпизодах в фильме «**Невероятные приключения…»**.

21 сентября – Театр сатиры открыл сезон в Москве. Миронов играл в спектакле «**Таблетку под язык»**.

22 сентября – Лариса Голубкина родила дочку Машу.

28 декабря – премьера в Театре сатиры спектакля «**Маленькие комедии большого дома»** Григория Горина и Аркадия Арканова. Миронов выступил как режиссер и исполнитель роли Мужа в новелле «**Ограбление**».

29 декабря – премьера по ТВ фильма «**Старики-разбойники»**.

1974

Март – апрель – снимался в Ленинграде в павильонных эпизодах в телефильме «**Соломенная шляпка**» Леонида Квинихидзе.

18 марта – на экраны страны вышел фильм «**Невероятные приключения итальянцев в России**».

28 апреля – Театр сатиры закрыл сезон в Москве. Гастроли в Ленинграде.

29 апреля – премьера по ТВ спектакля «**Безумный день, или Женитьба Фигаро**».

Май – снимался в телефильме «**Лев Гурыч Синичкин**» режиссера Александра Белинского (роль Налимова).

10 июня – 25 июля – снимался в Тарту в натурных эпизодах в телефильме «**Соломенная шляпка**».

6 июля – Театр сатиры открыл сезон в Москве. Миронов играл в «**Маленьких комедиях большого дома**».

27 сентября – премьера в Театре сатиры новой редакции спектакля «**Клоп**» (роль Олега Баяна).

1 октября – 50 лет Театру сатиры.

16 октября – в прессе появились указы о присуждении высоких званий сразу нескольким работникам Театра сатиры. Так, главный режиссер Валентин Плучек был удостоен звания народного артиста СССР (первой, как мы помним, из «сатировцев» этого звания была удостоена Татьяна Пельтцер), а звания заслуженных артистов РСФСР получили: **Андрей Миронов**, Александр Ширвиндт, Ольга Аросева, Михаил Державин, Владимир Байков, Зоя Зелинская, Юрий Соковнин.

17 октября – Указ о награждении Театра сатиры орденом Трудового Красного Знамени.

Октябрь – пробы (неудачные) на роль Жени Лукашина в фильм Эльдара Рязанова «**Ирония судьбы, или С легким паром!**».

Октябрь – ушел от Екатерины Градовой.

31 октября – 17 ноября – Театр сатиры гастролирует в Италии.

18–30 ноября – Театр сатиры гастролирует в Чехословакии.

Декабрь – снимается в телеспектакле «**Страницы журнала Печорина**» режиссера Анатолия Эфроса (роль Грушницкого).

18 декабря – приказом председателя Госкино СССР Ф. Ермаша Миронову была повышена киношная ставка – она достигла максимальной суммы в 56 рублей.

31 декабря – премьера по ТВ телефильма «**Лев Гурыч**

Синичкин».

1975

4 января – премьера по ТВ телефильма «**Соломенная шляпка**».

Февраль – Миронов переехал жить к Ларисе Голубкиной на Селезневскую улицу, 30.

Апрель – май – снимался в Одессе в натурных эпизодах фильма Георгия Натансона «**Повторная свадьба**» (роль молодого ученого Ильи).

Май – июнь – снимался на «Мосфильме» в павильонных эпизодах фильма «**Повторная свадьба**». Снимался в Ленинграде в фильме Наума Бирмана «**Шаг навстречу**» (роль врача-стоматолога Маркела).

1 июля – премьера в Театре сатиры спектакля «**Ремонт**» (роль Паши-интеллигента).

10 июля – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

16 августа – Театр сатиры отправился с гастролями в Казахстан, чтобы показать 8 спектаклей (всего 61 показ) в трех городах: Алма-Ате, Караганде и Целинограде.

16 августа – премьера по ТВ телеспектакля Анатолия Эфроса «**Страницы журнала Печорина**» (19.30) (роль Грушницкого).

14 сентября – по ТВ премьера телеспектакля П. Резникова «**Возвращение**» (роль Бориса Андреевича Вязовнина).

Сентябрь – побывал в качестве гостя в пионерском лагере «Артек».

27 сентября – Театр сатиры открыл свой 51-й сезон в Москве. Миронов играл в «**Ревизоре**».

Сентябрь– ноябрь – снимался в Ялте в натурных эпизодах телефильма «**Небесные ласточки**» (роль композитора Селестена).

Конец ноября – концерты в Тбилиси.

1976

26 апреля – на экраны страны вышел фильм Наума Бирмана «**Шаг навстречу»** (роль врача-стоматолога Маркела).

Май – июль – съемки в телефильме Марка Захарова «**12 стульев»** (роль Остапа Бендера).

7 июня – на экраны страны вышел фильм Георгия Натансона «**Повторная свадьба»** (роль молодого ученого Ильи).

8—23 июня – Театр сатиры гастролировал в Польше. Участвовал в проводящемся впервые в Варшаве Международном театральном фестивале.

2 августа – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

Август – сентябрь – снимался в телефильме «**12 стульев**».

19 октября – Театр сатиры открыл сезон в Москве. Миронов играл в «**Ревизоре»**.

10 декабря – премьера спектакля «**Горе от ума»** (роль Чацкого).

15 декабря – премьера по ТВ телефильма Леонида Квинихидзе «**Небесные ласточки»** (роль композитора Селестена).

1977

2, 8–9 января – премьера по ТВ телефильма «**12 стульев»** (роль Остапа Бендера).

Март – на студии «Диафильм» вышел диафильм «**Андрей Миронов»** (автор сценария Борис Поюровский).

Лето – официально оформил брак с Ларисой Голубкиной.

1 августа – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

Август – снялся в телеспектакле В. Фокина «**Между небом и землей»** (роль Климова).

Август – сентябрь – в составе делегации Госкино СССР Миронов посетил с дружественным визитом Мадагаскар и Мозамбик.

Сентябрь – побывал в США от Союза кинематографистов СССР.

14 сентября – Театр сатиры открыл сезон в Москве.

22 сентября – 6 октября – Театр сатиры гастролировал в Югославии, где принял участие в Белградском международном театральном фестивале БИТЕФ. Выступив на нем, «Сатира» отправилась в гастрольный тур по стране, объехав с двумя спектаклями – «Клоп» и «Горе от ума» – четыре города: Загреб, Баня-Луке, Сараево, Тузла.

12–16 декабря – снимался на «Мосфильме» в фильме Анатолия Бобровского «**Особых примет нет»** (роль подполковника царской охранки Глазова).

1978

3 января – премьера по ТВ телеспектакля В. Фокина «**Между небом и землей»** (роль музыканта Климова).

23–25 января – снимался на «Мосфильме» в картине «**Особых примет нет»**.

Январь – вышла грампластинка «**Поет Андрей Миронов»**.

14 марта – утвержден на роль Первого администратора в телефильме Марка Захарова «**Обыкновенное чудо»**.

14, 21 апреля – снимался в Варшаве в фильме «**Особых примет нет»**.

15 апреля – премьера по ТВ фильма «**Повторная свадьба»**.

23 апреля – премьера по ТВ фильма «**Шаг навстречу»**.

2 июня – в тонателье «Мосфильма» записал песни к фильму «Обыкновенное чудо»: «**Песня про бабочку», «Пальнул я в девушку», «Давайте вполголоса…»**.

5—28 июня – снимался в «**Обыкновенном чуде**» (павильоны «Мосфильма»).

30 июня – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

21 июля – в городе Советске (бывший Тильзит) Калининградской области начал сниматься в фильме Наума Бирмана «**Трое в лодке, не считая собаки»** (роль Джерома Клапки Джерома). Снимался до сентября.

11 августа – принял участие в досъемках в фильме «**Особых примет нет»** на «Мосфильме».

6 сентября – в газетах появилось сообщение о том, что родители Андрея Миронова удостоились высоких званий: Мария Миронова стала народной артисткой РСФСР, а Александр Менакер – заслуженным артистом РСФСР.

16 сентября – Театр сатиры открыл свой 54-й сезон в Москве.

Вторая половина сентября – с группой «сатировцев» находился с гастролями в Ташкенте. Почувствовал себя плохо и угодил в больницу. Врачами был поставлен ложный диагноз: серозный менингит.

Октябрь – долечивался в Москве.

5 ноября – Театр сатиры открыл сезон в Москве.

18 ноября – по ТВ (21.35) был показан творческий вечер Андрея Миронова, состоявшийся в Концертной студии «Останкино».

24 ноября – 17 декабря – снимался в Ленинграде в павильонных эпизодах фильма «**Трое в лодке, не считая собаки»**.

Декабрь – вышел диск-гигант «**Песни Булата Окуджавы»**,

где были около десятка песен, две из которых исполнял Миронов: «**Соломенная шляпка»** и «**Женюсь, женюсь»**.

1979

1 января – по ТВ (16.00) состоялась премьера фильма Марка Захарова «**Обыкновенное чудо»** (роль Первого администратора).

16 января – 30 марта – снимался в Ленинграде в телефильме Ильи Авербаха «**Фантазии Фарятьева»** (роль Фарятьева).

Январь – май – репетировал с Анатолием Эфросом спектакль Театра на Малой Бронной «**Продолжение Дон Жуана»** по пьесе Эдуарда Радзинского (роль Дон Жуана).

10–18 апреля – поездка в Польшу в составе делегации Госкино СССР.

23 мая – премьера на Малой сцене Театра на Малой Бронной спектакля «**Продолжение Дон Жуана»** (роль Дон Жуана).

27 июня – Театр сатиры закрыл свой очередной сезон в Москве и отправился с гастролями в Ригу (гастроли до **29 июля**).

11 августа – по ТВ состоялась премьера телеспектакля П. Резникова «**Дачники»** по А. Чехову (роль Дачника).

29 августа – на экраны страны вышел фильм Анатолия Бобровского «**Особых примет нет»** (роль подполковника царской охранки Глазова).

4 сентября – Театр сатиры открыл сезон в Москве.

19 сентября – в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «**Феномены»** Г. Горина (режиссер А. Миронов).

Октябрь – были подведены итоги фестиваля «Московская театральная весна-79». Андрей Миронов был удостоен диплома второй степени за исполнение роли Лени Шиндина в спектакле «**Мы, нижеподписавшиеся…**».

16–30 октября – гастроли Театра сатиры в Болгарии. Запись Миронова в новогодней программе Болгарского ТВ.

1—11 ноября – гастроли Театра сатиры в Венгрии.

9 декабря – по ТВ состоялась премьера фильма Надежды Кошеверой «**Тень»** (роль Чезаре Борджиа).

1980

1–4, 26–29 февраля – Миронов участвовал в программе «Поет товарищ кино» в ГЦКЗ и во Дворце спорта в Лужниках.

1–4 марта – выступал в программе «Поет товарищ кино» во Дворце спорта.

12–28 марта – снимался на «Мосфильме» в картине Сергея Колосова «**Назначение»** (роль Лямина).

1—24 апреля, 5—29 мая, 2–4 июня – снимался в фильме **«Назначение»**.

19 июля – был на дне рождения у Александра Ширвиндта.

28 июля – был на похоронах Владимира Высоцкого в Москве.

8 августа – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

Август – вместе с Ларисой Голубкиной отдыхал в Голландии.

7—30 сентября – гастроли Театра сатиры в Сочи.

7 сентября – 9 октября – снимался в Сочи в фильме Аллы Суриковой «**Будьте моим мужем»** (роль детского врача-терапевта Виктора).

1 октября – Театр сатиры открыл сезон в Москве.

16 октября – озвучил роль Автора и спел песни в фильме Эльдара Рязанова «**О бедном гусаре замолвите слово»**.

14 ноября – свет увидел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении А. Миронова медалью «За трудовую доблесть» за большую работу по подготовке и проведению игр 22-й Олимпиады.

11–19 ноября – снимался в Москве в павильонных эпизодах фильма «**Будьте моим мужем»**.

18 декабря – Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Андрею Миронову было присвоено звание «народный артист РСФСР».

30 декабря – в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «**Трехгрошовая опера»** Б. Брехта (роль лондонского бандита Мекхита по кличке Мекки-нож).

1981

1 января – по ТВ состоялась премьера фильма Эльдара Рязанова «**О бедном гусаре замолвите слово»** (роль Автора и исполнителя песен).

Январь – лежал в 54-й больнице г. Москвы.

2, 3 февраля – участвовал в павильонных досъемках в фильме «**Будьте моим мужем»**.

3 мая – по ТВ состоялась премьера фильма Эльдара Рязанова «**Невероятные приключения итальянцев в России»** (роль капитана милиции Васильева).

20 мая – 10 июня – гастроли Театра сатиры в Новосибирске.

12–26 июня – гастроли Театра сатиры в ФРГ. Участие в международном фестивале «Театры мира-81», который проходил в Кельне (с «Трехгрошовой оперой»). Турне по городам: Дюссельдорф, Вуппераль, Ганновер, Гамбург, Фрейбург, Карлсруэ.

27 июня – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

3 августа – Театр сатиры открыл сезон в Москве. Гастроли в Алма-Ате.

22 сентября – во время гастролей в Ленинграде у Александра Менакера случился инсульт.

14 октября – в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «**Бешеные деньги»** А. Островского (А. Миронов – режиссер и исполнитель роли Саввы Василькова).

12 ноября – принял участие в программе «Поет товарищ кино», которая прошла на сцене Дворца спорта в Лужниках.

31 декабря – встретил Новый год в доме своих родителей на улице Танеевых. Последний Новый год с отцом.

1982

Январь – на экраны страны вышел фильм Аллы Суриковой «Будьте моим мужем» (роль детского врача-терапевта Виктора).

11–19 января – снимался в Астрахани в натурных эпизодах фильма Алексея Германа «**Мой друг Иван Лапшин»** (роль журналиста Ханина).

25–26 января – по ТВ состоялась премьера фильма Ильи Авербаха «**Фантазии Фарятьева»** (роль Фарятьева).

Февраль – снимался в фильме «**Мой друг Иван Лапшин»**.

6 марта – скончался Александр Менакер.

10 марта – похороны Александра Менакера.

15–23 марта – снимался в фильме Александра Митты **«Сказка странствий»** (роль Орландо).

1 апреля – по ТВ состоялась премьера фильма Сергея Колосова «**Назначение»** (роль Лямина).

1–3, 15–20 апреля – снимался в Румынии в натурных эпизодах фильма «**Сказка странствий»**.

28–29 апреля, 5–7 мая – снимался в Чехословакии в натурных эпизодах фильма «**Сказка странствий»**.

12 мая – 8 июня – гастроли Театра сатиры в Ростове-на-Дону.

17–19 мая – снимался в Чехословакии в фильме «**Сказка странствий»**.

17–30 июня, 1—17 июля – снимался в Ялте в натурных эпизодах фильма «**Сказка странствий»**.

28 июля – 6 августа – гастроли Театра сатиры в Югославии (с «Трехгрошовой оперой»). Выступления проходили в трех городах: Загребе, Опатии и Любляне.

16–17 августа – снимался на «Мосфильме» в картине **«Сказка странствий»**.

25 августа – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

Август – Андрей Миронов и Лариса Голубкина были на отдыхе в Бельгии.

24–30 сентября – снимался в Чехословакии в фильме «**Сказка странствий»**.

1 октября – Театр сатиры открыл сезон в Москве.

5 октября – снимался на «Мосфильме» в картине «**Сказка странствий»**.

9—18 октября – гастроли Театра сатиры в ГДР. Спектакли проходили в трех городах: Берлине, Эрфурте и Ростоке.

22 октября – снимался на «Мосфильме» в картине «**Сказка странствий»**.

23 октября – присутствовал на вечере, посвященном 20-

летию окончания театрального училища имени Щукина (встреча с однокурсниками).

Октябрь – вышла грампластинка «**Поет Андрей Миронов»**.

9 декабря – приказом председателя Госкино СССР Ф. Ермаша были остановлены съемки фильма Алексея Германа «**Мой друг Иван Лапшин»**.

Декабрь – участвовал в съемках документального фильма Владислава Виноградова «**Я возвращаю Ваш портрет…»** (роль Ведущего).

Декабрь – вышел диск-гигант с песнями в исполнении Андрея Миронова «**Ну чем мы не пара?»**.

1983

Январь – участвовал в съемах документального фильма «**Я возвращаю Ваш портрет…**».

4 февраля – был на 50-летии Игоря Кваши.

22 февраля – на «Ленфильме» состоялось утверждение актеров на роли в лирическую комедию Владимира Бортко «**Блондинка за углом**» (роль Николая Гавриловича).

15 марта – в Ленинграде начались съемки «**Блондинки за углом**».

Март – вышла грампластинка «**Поет Андрей Миронов**» (записи Всесоюзного радио, Берлинского радио, Всесоюзного радио, студии грамзаписи «Мелодия» 1980–1982).

Апрель – снимался в Ленинграде в «**Блондинке за углом**».

12–31 мая – снимался в Москве в «**Блондинке за углом**».

1—18 июня – принимал участие в пересъемках «**Блондинки за углом**».

Июнь – по ТВ состоялась премьера документального фильма «**Я возвращаю Ваш портрет…**» (роль Ведущего).

3 июля – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

Июнь – июль – гастроли Миронова в США по линии Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина»).

10–30 августа – гастроли Театра сатиры в Кишиневе.

11 августа – худсовет «Ленфильма» не принял «**Блондинку за углом**».

19 августа – Миронов утвержден в фильм Евгения Матвеева «**Победа**» (роль американского журналиста Чарльза Брайта).

23 августа – 3 сентября – участвовал в пересъемках «**Блондинки за углом**».

2—26 сентября – гастроли Театра сатиры в Одессе.

20 сентября – На «Ленфильме» состоялся просмотр исправленной версии фильма «**Блондинка за углом**». Необходимо внести новые поправки.

7 октября – Театр сатиры открыл сезон в Москве.

19 октября – очередной худсовет на «Ленфильме» по фильму «**Блондинка за углом**». Фильм принят.

25 октября – «**Блондинка за углом**» отправлена в Госкино СССР. Не принята и отправлена на новые досъемки и переозвучание.

21–22 декабря – Миронов участвовал в досъемках «**Блондинки за углом**» (запись трех песен).

1984

5 января – участвовал в досъемках «**Блондинки за углом**» (запись песни).

16 января – на экраны страны вышел фильм Александра Митты «**Сказка странствий**» (роль Орландо).

21 января – на Малой сцене Театра сатиры состоялась премьера спектакля «**Вишневый сад**» А. Чехова (роль Лопахина).

23–31 января, 1, 16–17, 21 февраля – снимался на «Мосфильме» в картине Евгения Матвеева «**Победа**» (роль американского журналиста Чарльза Брайта).

1–3 марта – снимался на «Мосфильме» в картине «**Победа**».

27–29 марта – снимался в ГДР (Потсдам) в натурных эпизодах фильма «**Победа**».

Март – вышел диск-гигант «**Старые друзья. Андрей Миронов. Раймонд Паулс**».

2–4, 11–31 мая – снимался в ГДР (Потсдам) в фильме «**Победа**».

21 мая – на экраны страны вышел фильм Владимира Бортко «**Блондинка за углом**» (роль бывшего астрофизика Николая Гавриловича).

1—24 июня – гастроли Театра сатиры в Перми.

7–8 июня – снимался в ГДР в фильме «**Победа**».

27–28 июня – снимался на «Мосфильме» в картине «**Победа**».

Июнь – по ТВ состоялась премьера д/ф «**Я возвращаю Ваш портрет…**» (роль Ведущего).

25–31 июля, 2 августа – снимался в Финляндии (Хельсинки) в натурных эпизодах фильма «**Победа**».

1 августа – Театр сатиры открыл юбилейный, 60-й сезон в Москве.

Сентябрь – на экраны вышел страны фильм Алексея Германа «**Мой друг Иван Лапшин**» (роль журналиста Ханина).

1—15 ноября – гастроли Театра сатиры в Болгарии.

29 декабря – в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «**Прощай, конферансье!**» (режиссер А. Миронов).

1985

2 января – выступал на презентации книги своих родителей «…в своем репертуаре» в Центральном Доме актера имени А. Яблочкиной.

Февраль – лег в больницу, где ему была сделана операция – лимфаденектомия (удаление лимфоузлов в тех местах, где была хроническая инфекция).

Март – Лариса Голубкина покупает мужу автомобиль «БМВ».

19 апреля – состоялась всесоюзная премьера фильма Евгения Матвеева «**Победа»** (роль американского журналиста Чарльза Брайта).

6 июня – Миронову выписана премия из фондов Госкино за роль в фильме «Победа» в размере 100 рублей.

1—31 июля – гастроли Театра сатиры в Минске.

13 сентября – 2 октября – гастроли Театра сатиры в Сочи.

4 октября – Театр сатиры открыл сезон в Москве.

19 октября – после 10-летнего перерыва по ТВ показали водевиль «**Небесные ласточки»** (роль композитора Селестена).

23–24 декабря – участвовал в творческих вечерах Эльдара Рязанова «В кругу друзей» в Государственном концертном зале «Россия».

1986

22 января – В Театре сатиры состоялась премьера спектакля «**Бремя решений»** Ф. Бурлацкого (роль президента США Джона Кеннеди).

3 февраля – первая репетиция спектакля «**Тени»** по М. Салтыкову-Щедрину (А. Миронов – режиссер и исполнитель роли Петра Сергеевича Клаверова).

16 марта – премьера фильма Аллы Суриковой «**Будьте моим мужем»** (роль детского терапевта Виктора).

8 апреля – по ТВ состоялась премьера фильма Алексея Германа «**Мой друг Иван Лапшин»** (роль журналиста Ханина).

9 мая – по ТВ состоялась премьера фильма Евгения Матвеева «**Победа»** (роль американского журналиста Чарльза Брайта).

29 мая – по Всесоюзному радио прошла премьера радиоспектакля «**Душа Элеоноры»** А. Луначарского (режиссер В. Кольбус) (роль Наполеона Малапарте).

31 мая – 10 июня – в составе культурной делегации сопровождал сборную СССР по футболу на чемпионат мира в Мексику.

30 июля – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

5–9 августа – снимался в Белогорске в натурных эпизодах фильма Аллы Суриковой «**Человек с бульвара Капуцинов»** (роль Джонни Феста).

Август – гастроли Театра сатиры в Томске.

26–31 августа, 1–5 сентября, 2–7 октября – снимался в Феодосии в натурных эпизодах фильма «**Человек с бульвара Капуцинов»**.

21 октября – 15 декабря – снимался на «Мосфильме» в фильме «**Человек с бульвара Капуцинов»**.

1987

8 марта – последний день рождения Андрея Миронова. В тот день вместе с родными и друзьями он посетил Дом-музей А. Пушкина в Михайловском.

18 марта – в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «**Тени»** М. Салтыкова-Щедрина (А. Миронов – режиссер и исполнитель роли Петра Сергеевича Клаверова).

Конец апреля – начало мая – поездка в Австрию в составе делегации ЦК ВЛКСМ.

15 июня – последний спектакль с участием Миронова в здании Театра сатиры – «**Тени»**.

27 июня – последний спектакль с участием Миронова в Москве – «**Женитьба Фигаро»** (в Зеркальном театре сада «Эрмитаж»).

2 июля – Театр сатиры закрыл сезон в Москве.

3—28 июля – гастроли Театра сатиры в Вильнюсе.

11 июля – ЦТ показало фильм с участием Миронова «**Назначение»**. Как покажет будущее, это будет последняя прижизненная демонстрация фильма с участием Миронова по советскому ТВ.

Июль – снимался в Выборге в натурных эпизодах фильма Павла Любимова «**Следопыт»** (роль Санглие).

Август – гастроли Театра сатиры в Риге.

13 августа – в Риге состоялся последний сольный концерт Миронова.

14 августа – Андрей Миронов потерял сознание на спектакле «**Безумный день, или Женитьба Фигаро**», проходившем в Рижском театре оперы. Доставлен в местную больницу.

16 августа – в 5.35 утра Андрей Миронов скончался в рижском госпитале.

20 августа – похороны Андрея Миронова на Ваганьковском кладбище.

31 августа – на экраны страны вышел комедийный вестерн Аллы Суриковой «**Человек с бульвара Капуцинов»** (роль Джонни Феста).

Октябрь – вышел посмертный, третий по счету, «номерной» диск-гигант Андрея Миронова под названием «**Эта песня для близких друзей»**, где он исполнял песни Яна Френкеля.

1988

Июнь – на экраны страны вышел вестерн Павла Любимова «**Следопыт»** (роль Санглие).

1990

21 июня – в Москве, на углу улицы Петровка и Рахмановского переулка состоялось открытие памятника артисту Андрею Миронову в доме, где он прожил большую часть своей жизни (с 1941-го по 1960 год).

1997

13 ноября – на 87-м году жизни скончалась Мария Владимировна Миронова.

Дискография Миронова (гибкие грампластинки и диски)

1969

Март – «Музыка из к/ф «Бриллиантовая рука» (гибкая пластинка): «Песня про зайцев» (А. Зацепин – Л. Дербенев) – исполняет Юрий Никулин, «**Остров невезения» (А. Зацепин – Л. Дербенев) – Андрей Миронов.**

1972

Сентябрь – «**Музыка кино**» (твердый миньон): «Лесной олень» (Е. Крылатов – Ю. Энтин, к/ф «Ох уж эта Настя!») – Аида Ведищева; «**Что будет, то и будет» (Е. Крылатов – Б. Ахмадулина, к/ф «Достояние республики») – Андрей Миронов**; «Гляжу в озера синие» (Л. Афанасьев – И. Шаферан, т/ф «Тени исчезают в полдень») – И. Карелина; «Гусарская баллада» (В. Соловьев-Седой – М. Ножкин, к/ф «Шельменко-денщик») – Эдуард Хиль.

Сентябрь – звуковой журнал «Кругозор» (№ 9): «**Песенка о шпаге» – Андрей Миронов**.

1977

Февраль – «Поет Андрей Миронов» (гибкая пластинка): «Белеет мой парус…», «Танго» (обе – Г. Гладков – Ю. Михайлов; т/ф «12 стульев»), «Песенка о шляпке», «Женюсь, женюсь» (обе – И. Шварц – Б. Окуджава; т/ф «Соломенная шляпка»).

Ноябрь – «Андрей Миронов» (диск): «Танго „Рио“, „Песня Остапа“, „Песня на пароходе“ (все – Г. Гладков – Ю. Михайлов; т/ф „12 стульев“), „Остров невезения“ (А. Зацепин – Л. Дербенев»; к/ф «Бриллиантовая рука»), «Песня черного кота» (Г. Гладков – Ю. Э. Энтин; м/ф «Голубой щенок»), «Дуэт Флоридора и Урсулы» (В. Лебедев – В. Уфлянд; т/ф «Небесные ласточки»; в дуэте с Н. Балафиной), «Песенка о шпаге» (Е. Крылатов – Ю. Энтин; к/ф «Достояние республики»), «Что будет, то и будет» (Е. Крылатов – Б. Ахмадулина; к/ф «Достояние республики»), «Песенка о шляпке», «Женюсь, женюсь» (обе – И. Шварц – Б. Окуджава; т/ф «Соломенная шляпка»), «Улыбайтесь» (М. Блантер – В. Масс, М. Червинский; в дуэте с Л. Голубкиной), «Давай поговорим» (Э. Ханок – И. Резник), «Воспоминание о прошлом» (текст – М. Львовский), «Джон Грей» (М. Блантер – В. Масс), «Коломбо» (П. Герман), «Таити-трот» (В. Юманс – К. Подревский).

1979

Январь – «Песни Булата Окуджавы» (диск): «Давайте восклицать», «Мой конь», «Бери шинель, пошли домой» (к/ф «Аты-баты, шли солдаты…», «Песня Верещагина» (к/ф «Белое солнце пустыни»), «**Соломенная шляпка», «Женюсь, женюсь» (к/ф «Соломенная шляпка», исполнитель – Андрей Миронов)** и др.

Февраль – звуковой журнал «Кругозор» (№ 2): **Андрей Миронов исполняет песни из т/ф «12 стульев» и «Обыкновенное чудо».**

1980

Февраль – Песни из фильма «Трое в лодке, не считая собаки» (гибкая пластинка).

Ноябрь – «**Андрей Миронов»** (гибкая пластинка): «Баллада о манекенах», «Баллада о вечном движении», «Баллада о рыцарях», «Баллада о сказочных трубачах» (все – А. Кальварский – Н. Денисов, Э. Нахамис).

1982

Октябрь – «Андрей Миронов. «Ну чем мы не пара?» (твердый миньон): «Ну чем мы не пара?» (Е. Крылатов – М. Пляцковский; к/ф «Честный, умный, неженатый»), «Вся жизнь моя» (О. Фельцман – Б. Дубровин), «Некогда» (Н. Андреев – Ю. Михайлов), «Песня о незнакомом певце» (Н. Андреев – Ю. Энтин).

Декабрь – «Андрей Миронов» (диск): «Вся жизнь моя» (О. Фельцман – Б. Дубровин), «Ну чем мы не пара?» (Е. Крылатов – М. Пляцковский; к/ф «Честный, умный, неженатый»), «Друзьям» (А. Петров – П. Вяземский; т/ф «О бедном гусаре замолвите слово»), «Финальный монолог и песня Мекки-ножа» (К. Вайль – Б. Брехт, перевод С. Апта и Ю. Михайлова; сп. «Трехгрошовая опера»), «Старый граммофон» (И. Якушенко – Н. Олев; в дуэте с Л. Гурченко), «Песня о незнакомом певце» (Н. Андреев – Ю. Энтин), «Большая дорога» (А. Петров – М. Светлов; т/ф «О бедном гусаре замолвите слово»), «Куплеты администратора» (Г. Гладков – Ю. Михайлов; т/ф «Обыкновенное чудо»), «Ну почему ко мне ты равнодушна?» (В. Шаинский – М. Матусовский), «Некогда» (Н. Андреев – Ю. Михайлов).

1983

Март – «**Андрей Миронов»** (твердый миньон) (записи Всесоюзного радио, Берлинского радио, Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия»).

1984

Май – «Старые друзья. Андрей Миронов. Раймонд Паулс» (диск): «Старые друзья», «Полюбите пианиста» и др.

1988

Февраль – «Музыка из кинофильма «Человек с бульвара Капуцинов» (твердый миньон): «Синема, синема», «Механик, крути киноленту», «Грустная песня» и др.

От автора

Автор выражает благодарность всем коллегам-журналистам, кто в разное время писал о герое этой книги, а также брал интервью у него, его родственников и коллег по работе. Среди этих журналистов: К. Прянник, М. Райкина, И. Окунев, Ю. Ушакова, О. Дубовицкая, Т. Филиппова, Т. Захорошко, Б. Евсеев, О. Кучкина, А. Гуткина, Ю. Филинов, А. Лебедев, О. Перанов, И. Пирогова, В. Пожарский, Д. Лифанцев.

В книге использованы следующие источники:

Газеты: «Московский комсомолец», «Экспресс-газета», «Жизнь», «Мир новостей», «Комсомольская правда», «Труд», «Вечерняя Москва», «Частная жизнь», «Литературная газета», «Московская правда», «Правда», «Советская культура», «Известия».

Журналы: «Советский экран», «Караван историй», «Искусство кино», «Театральная жизнь», «Наше кино».

Книги: М. Миронова, А. Менакер «…в своем репертуаре», Т. Егорова «Андрей Миронов и я», «Андрей Миронов» (сборник воспоминаний), А. Вислова «Андрей Миронов: неоконченный разговор», Н. Пушнова «Андрей Миронов», К. Ласкари «Импровизации на тему…», Г. Дорожкова «Звездный билет Людмилы Марченко», Ф. Чеханков «Моя дырявая память», Э. Рязанов «Неподведенные итоги», А. Липков «Герман, сын Германа», М. Таривердиев «Я просто живу», А. Сурикова «Любовь со второго взгляда», М. Захаров «Суперпрофессия», А. Анисимов «Театры Москвы», «Олег Даль. Дневники. Воспоминания. Письма» (сборник), Е. Коренева «Идиотка».